

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2019

№ 61

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США), **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., директор Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории; **Воробьева Вероника Сергеевна**, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории Древнего Мира, Средних Веков и методологии истории – ответственный секретарь; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрялов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедрой современной отечественной истории; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия; **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики; **Фоминных Сергей Федорович**, д-р ист. наук, проф. кафедры современной отечественной истории; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History; **Vorobyeva Veronica S.**, Executive Editor, PhD (History), senior lecturer of department of Ancient and Middle Ages and Methodology of History; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor of the Department of Modern Russian History; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage; **Troizkiy Eugeny F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Акишин М.О. Политические взгляды и государственная деятельность Н.Я. Новомбергского	5
Гололобов Е.И. Антропогенное воздействие человека на природу и ее охрана на севере Западной Сибири в 1960–1980-е гг.	12
Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Азиатское приграничье и внешнеполитические полномочия генерал-губернаторов Азиатской России	21
Ковганов С.Я. Подготовка сотрудников советской военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны	26
Красильникова Е.И. Мемориальное пространство Новосибирска в исторической динамике (1893–2000 гг.)	32
Мамонова Ю.О. Внешний облик русской сухопутной армии в Русско-японской войне 1904–1905 гг. в свидетельствах корреспондентов немецкоязычных изданий	44
Перова М.А. «Красногалстучные»: пионерское движение в повседневной жизни советских детей в 1920 – начале 1930-х гг. (на материалах Курганского и Шадринского округов)	50
Румянцев П.П. Жандармский надзор за ярмарками в Сибири в XIX в.	58
Шаламов В.А. Здравоохранение в Забайкальской области во время режима атамана Г.М. Семенова (май 1919 – январь 1920 г.)	67

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Бочарникова М.В. Администрация Но Му Хёна: новый взгляд на развитие альянса РК–США в 2003–2008 гг.	78
Рагозин Г.С. «Социалистическая Пруссия»? Разрушение и реабилитация «прусского мифа» в ГДР (1945–1990 гг.)	85
Рogaева И.Е. Современная американская историография об истории колоний Новый Плимут и Массачусетс в XVII в.: экологическое измерение	90

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Виноградов П.В. Исследование военно-технического сотрудничества Российской империи с союзниками в годы Первой мировой войны в отечественной исторической литературе	98
Гаман Л.А. Идея культурного синтеза в условиях международной интеграции: взгляд Г.П. Федотова в американский период творчества (1942–1951 гг.)	106
Дорошенко О.П., Кудряшев В.Н., Г.Е. Катанаев – историограф сибирского казачества	116
Майоров А.В., Жуков А.Е. Летопись Лавровского: история открытия и сохранившиеся списки	125
Парунин А.В. Образы прошлого в дипломатической переписке Москвы с Ногайской Ордой и династией сибирских шибанидов в конце XV – XVI вв.	133
Скопа В.А. История организации и развития музея при Семиреченском областном статистическом комитете в конце XIX – начале XX в.	137

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Водясов Е.В., Пушкарёв А.А. Время «Тоянова городка»: новые нумизматические находки и радиоуглеродные данные	142
Ушницкий В.В., Алексеева С.А. Проблемы межэтнического взаимодействия саха и эвенков	152

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Расколец В.В., Сорокин А.Н. Становление исследовательских кадров при Институте исследования Сибири и его роль в поддержке молодых ученых	158
---	-----

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Michael O. Akishin. Political views and public activities of N. Novoselskogo	5
Evgeny I. Gololobov. Anthropogenic impact of the men on the nature and its protection in the north of Western Siberia in the 1960-1980 th	12
Lev M. Dameshek, Irina L. Dameshek. Asian frontier and the foreign policy powers of the governor-generals in Asian Russia	21
Sergey Ya. Kovganov. Training of the officers of Soviet military counterintelligence at the years of the Great Patriotic War	26
Yekaterina I. Krasilnikova. The memorial space of Novosibirsk in the historical dynamics (1893-2000)	32
Yulia O. Mamonova. War correspondents of German-language periodicals about the Russian land forces in the Russo-Japanese war 1904–1905: visual aspect	44
Marina P. Perova. “Red neckties”: a pioneer movement in the everyday life of Soviet children of the 1920s and early 1930s (on materials of Kurgan and Shadrinsk districts)	50
Petr P. Rumyantsev. Gendarme supervision of fairs in Siberia in the 19th century	58
Vladimir A. Shalamov. Health care in the Zabaikalskaya oblast during the regime of ataman G. M. Semenov (may 1919 – jan 1920)	67

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Marta M. Bocharnikova. Roh Moo-Hyun administration: a new look at the development of the ROK - U.S. alliance in 2003-2008 ...	78
German S. Ragozin. "Socialist Prussia"? Destruction and rehabilitation of the "Prussian myth" in the GDR (1945-1990)	85
Irina E. Rogava. Modern American historiography on the colonial history of New Plymouth and Massachusetts in the 17th century: environmental dimension	90

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE AND METHODOLOGY OF HISTORY

Pavel V. Vinogradov. Study of the military-technical cooperation of the Russian empire with the allies during the First world war in the Russian historical literature	98
Lidiya A. Gaman. The cultural synthesis idea in the context of international integration: G.P. Fedotov's view in the American creation period (1942-1951)	106
Olga P. Doroshenko, Vyacheslav N. Kudryashev. G.E. Katanaev – historiographer of the siberian Cossacks	116
Alexander V. Maiorov, Artem E. Zhukov. Chronicle of Lavrovsky: the history of the discovery and the surviving copies	125
Alexey V. Parunin. The images of the past in Moscow's diplomatic correspondence with the Nogai horde and the dynasty of Siberian Shibanids in the late 15th and 16th centuries	133
Vitaly A. Skopa. History of establishment and development of museum under the direction of the regional statistical committee of Semirechye in the end of 19 th – early 20 th centuries	137

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Evgeniy V. Vodyasov, Andrey A. Pushkarev. Time of the hillfort «Toyanov gorodok»: new numismatic finds and radiocarbon data	142
Vasilii V. Ushnizkiy, Sardaana A. Alekseeva. Problems of interethnic interaction between sakha and evenks	152

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNIC

Viktor V. Raskolec, Aleksandr N. Sorokin. Formation of research personnel at the Institute for the study of Siberia and its role in supporting young scientists	158
--	-----

Миркин В.В. Historiography of the soviet telecommunications (1945–1980s) 169

Vladimir V. Mirkin. Historiography of the soviet telecommunications (1945-1980s) 169

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

UNIVERSITY PRACTICE: HISTORY AND MODERNITY

Другова Е.А. Образовательная реформа в Австралии по переходу к обучению на основе компетенций: уроки для России 183

Elena A. Drugova. Competence-based training reform in Australia: lessons for Russia 183

Зиновьева В.И., Наумова Н.И., Берсенева М.В., Шульмин М.П. Формирование позитивной атмосферы в отношении лиц с ограниченными возможностями в образовательном пространстве 192

Valentina I. Zinovyeva, Natalya I. Naumova, Maksim V. Bersenev, Maksim P. Shulmin. Forming a positive atmosphere in relation to persons with disabilities in the educational space of the university 192

РЕЦЕНЗИИ

REVIEW

Загребин С.С. Рецензия: Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе : сборник научных статей / гл. ред. И.Р. Атнагулов. Челябинск : ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал»», 2018. 198 с. 196

Sergey S. Zagrebin. Review: Anthropology of city: sociocultural strategies in a multi-ethnic society. collection of scientific articles. / Editor-in-chief I. R. Atnagulov. Chelyabinsk: Fund of assistance for preservation of cultural heritage "Public fund South Ural". 2018. 198 p. 196

Крестьянников Е.А., Туров С.В. Рецензия: Тяпкин М.О. Реализация функции государства по охране лесов в дореволюционный период : монография. Барнаул : Барнаулский юридический институт МВД России, 2016. 187 с. 199

Evgeniy A. Krestyannikov, Sergei V. Turov. Review: Tiapkin M.O. Forest control and protection by the state during the pre-revolutionary period : Monograph. Barnaul : Barnaul'skii iuridicheskii institut MVD Rossii, 2016. 187 p. 199

Зиновьев В.П. Рецензия: «История Алтая». Т. 2: Алтай в конце XVII – начале XX в. / ред. В.А. Скубневский. Барнаул : Изд. Алт. ун-та, 2019. 300 с. 204

Vasilii P. Zinoviev Review. "History of Altai". Vol. 2. Altai in the late XVII-early XX century. Ed. Skubnevskiy. Barnaul: Ed. Alt. Un-ta, 2019. 300 p. 204

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 206

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 206

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(470)

DOI: 10.17223/19988613/61/1

М.О. Акишин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.Я. НОВОМБЕРГСКОГО

В статье рассматриваются политические взгляды и участие в государственной деятельности профессора Томского университета Н.Я. Новомбергского, известного юриста-правоведа, сторонника позитивистского правопонимания, теорий конституционного и социального государства, сибирского автономиста. В 1917–1919 гг. он был одним из инициаторов созыва Сибирского областного съезда, входил в число создателей Областной думы и Временного правительства. После установления Советской власти работал на руководящих должностях в Сибплане. В 1930 г. репрессирован. После освобождения занимался преподаванием в Архангельске.

Ключевые слова: Н.Я. Новомбергский; конституционализм; социальное государство; Февральская революция; Октябрьская революция; советское планирование.

Доктринальная основа Февральской революции 1917 г. сформировалась в результате развития конституционно-правовых учений в России. Однако акцент на принципе равноправия, личных и политических правах, который делали российские конституционалисты, оказался уже недостаточен в начале XX в. Октябрьская революция победила благодаря провозглашению не только личных и политических, но и социальных и культурных прав трудящихся. В октябре 1917–1918 гг. происходил «слом» государственного аппарата и права Российской империи, который превращал дореволюционных юристов не просто в лишних людей, а в «анти-советских элементов», обрекал их на массовую эмиграцию.

Одним из немногих выдающихся юристов, которому удалось принять участие в политической жизни России после октября 1917 г., был Николай Яковлевич Новомбергский. Целью настоящей статьи является исследование политико-правовых взглядов Новомбергского и их влияния на его государственную службу, научную и преподавательскую деятельность до 1917 г., участие в политической жизни Сибири в 1917–1919 гг. и в государственном строительстве советского периода.

Родился Новомбергский 3 мая 1871 г. в станице Барсуковской Кубанской области. В 1921 г. он указывал, что по происхождению «разночинец», начавший самостоятельную жизнь «с младших классов гимназии», у которого «не было и нет недвижимости» [1. Оп. 1. Д. 1002. Л. 1]. По справедливому замечанию О.А. Харусь, в юности у Новомбергского сформировался «прагматический склад ума», позволивший ему в тяжелых материальных условиях стать высоко образованным человеком [2. С. 44].

Среднее образование Новомбергский получил в немецкой классической гимназии в г. Дерпте. В 1896 г.

окончил юридический факультет Варшавского университета. В 1896 г. Ученый совет университета за представленную на конкурс работу «Аптекарский приказ. Его устройство, заботы о государевом и народном здоровье и значение в развитии медицинских средств и познаний в России» присудил Новомбергскому золотую медаль [3. С. 193].

Государственную службу Новомбергский начал в 1896 г. младшим контролером винокуренных заводов четвертого округа Варшавской губернии. Был переведен в Тобольскую губернию, служил младшим, а затем старшим чиновником особых поручений при тобольском губернаторе, чиновником по крестьянским делам и крестьянским начальником первого участка Тобольского округа, председателем Тобольского уездного съезда крестьянских начальников, крестьянским начальником и председателем Иркутского уездного съезда крестьянских начальников [2. С. 44].

По поручению тобольского губернатора Новомбергский занимался изучением быта переселенцев южной части Тобольской губернии. Результатом этой работы стали «Материалы по изучению быта переселенцев, водворенных в Тобольскую губернию» (Тобольск, 1898) и ряд других исследований. «Материалы» содержали критику условий жизни и правового положения переселенцев, почему книга была признана «вредной» и запрещена лично министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным [4. Оп. 1. Д. 1002. Л. 1].

В 1901 г. Новомбергский был назначен мировым судьей третьего участка острова Сахалина Владивостокского окружного суда, полтора года прожил на острове, изучал его естественно-исторические и экономические условия. Результаты этих исследований были изложены в труде, содержащем критику разграбления природных богатств острова и эксплуатации местного

населения. В конце книги Новомбергский вопрошал: «Что вы делаете? Вы создаете воров и убийц, чтобы иметь удовольствие повесить их» [5. С. 253]. Столь резкие оценки привели к тому, что книга была запрещена, а автора временно лишили права занимать должности на государственной службе.

Новомбергский переезжает в Санкт-Петербург. В 1903 г. он окончил Петербургский археологический институт. Затем учился в Тюбингенском, Геттингенском и Берлинском университетах. В 1904–1905 гг. читал лекции по вопросам свободы печати в Парижской школе общественных наук [6]. Тогда же «был избран действительным членом Международного общества в Берлине для сравнительного изучения права и хозяйства» и опубликовал в его трудах несколько статей.

В 1906 г. Новомбергский был приглашен работать в Томский университет. В своем «Жизнеописании» он позднее писал, что за 10 лет прошел все основные этапы карьеры университетского преподавателя: «...последовательно по избранию состоял... ассистентом юридического кабинета, приват-доцентом, доцентом, экстраординарным профессором и ординарным профессором по кафедре административного права и по политической экономике и статистике» [4. Оп. 1. Д. 1002. Л. 1–2]. С 2 сентября 1918 по январь 1919 г. он был деканом юридического факультета [7].

Томский период был одним из самых плодотворных в научной деятельности Новомбергского. В его рецензии на исследование И.В. Михайловского «Очерки философии права» (Томск, 1914) проявились основы его правопонимания: приверженность позитивизму и увлечение социологией права. Он выступил с критикой естественного права и доказывал, что «положительное право рождается и развивается под воздействием сложных текущих влияний социальной среды». Рецензия свидетельствует, что он был знаком с «диалектическим законом в гегелевском смысле», но интерпретировал его в духе теории экономического материализма. Признавая человека «венцом мироздания», он пишет о человеке как о «самой большой экономической ценности», а труд человека оценивает как «источник миротворения» [8. С. 292, 294].

Увлечение Новомбергского историко-правовыми исследованиями объясняется его убежденностью в необходимости воспитания граждан, осознавших «великое прошлое Отечества и великие задачи, еще предстоящие ему во всемирной истории». Он подчеркивал важность преподавания истории русского права на юридических факультетах [9. С. 9]. При этом во многих его историко-правовых трудах исследуются социальные вопросы – медицина, развитие сельского хозяйства и т.д. Его труды «Врачебное строение в до-Петровской Руси» (Томск, 1907) и «Опыт Российской ветеринарной фармакопеи в половине XVIII века» (М., 1912) были удостоены большой и малой премий имени графа А.С. Уварова. Исследование «Слово и дело государевы» (М., 1909. Т. I; Томск, 1911. Т. II), посвящен-

ное процессам по делам о государственных преступлениях, 2 сентября 1919 г. он защитил как диссертацию доктора административного права [7].

Современные историки О.А. Харусь, В.Г. Хандорин и другие причисляют Новомбергского к кадетам. Однако каких-либо партийных документов, позволяющих это доказать, нет. Сам Новомбергский в 1920 г. говорил, что он «беспартийный» и «в жизни не делал попыток записаться» в какую-либо партию [10. С. 138, 211]. В 1917 г. в депутатской карточке Сибирского областного съезда он указал, что является «беспартийным социалистом-националистом». В 1921 г. свои политические взгляды он охарактеризовал следующим образом: «внепартийный социалист-марксист» [1. Л. 1 об.]. Но совершенно несомненно, что до революции он активно участвовал в политической жизни, общался с кадетами, октябристами, социалистами-революционерами, социал-демократами и областниками.

Новомбергский был сторонником конституционного развития России. Он скептически отнесся к Манифесту 17 октября 1905 г. и писал: «Мы видели, что не раз нарушались хорошо разработанные конституции. Манифест же не конституция, и из него легко выкроить иконы, несколько не соответствующие провозглашенным основам» [6. С. 297–298]. Явная ущербность конституционной реформы 1905–1906 гг. требовала поиска гарантий прав и свобод. Одну из таких гарантий Новомбергский видел в реформе местного управления: «Никакие декларации прав и конституционные хартии не выведут нашего Отечества из переживаемого кризиса, если в основу преобразования не будет положена самая широкая реформа местного управления... Иначе народное представительство окажется висящим в воздухе» [11. С. 1]. Новомбергский активно занимался публицистикой по современным вопросам Сибири, сотрудничая с периодическими изданиями «Сибирский листок», «Сибирская жизнь», «Иркутские ведомости» и «Восточное обозрение».

В середине XIX – начале XX в. в России обсуждалась теория социального государства Л. фон Штейна. Доказывая неизбежность создания социального государства в России, он ссылаясь на право стран континентальной Европы, где «права на общественное призвание, на врачебную помощь на минимальное образование, на минимум имущества, свободного от обложения и т.д. уже обеспечены соответствующими законами» [8. С. 302]. В 1906 г. Новомбергский опубликовал новаторское для России того времени исследование «Вопросы страхования» (СПб., 1906).

Важной основой мировоззрения Новомбергского был патриотизм. Второй том «Очерков внутреннего управления в Московской Руси XVII столетия» (М., 1915. Т. 2) он открыл следующим эпиграфом, взятым из рукописи Тобольского музея: «Любить Отечество велит природа, Бог, А знать его – вот честь, достоинство и долг...». Именно эта мировоззренческая установка определила его отношение к Первой мировой и

Гражданским войнам, о них он говорил: «Я находил и продолжаю находить, что война мировая была империалистическая. И даже та поддержка, которая была оказана отдельным частям разрозненной России различными иностранными державами, это продолжение той же империалистической войны. Ибо наша гражданская междоусобица клонилась к нашему ослаблению, которое, в конце концов, окончится полнейшим поработанием русского народа иностранцами» [10. С. 211].

После Февральской революции 1917 г. Новомбергский включился в бурную политическую жизнь Сибири. В середине осени 1917 г. сибирские областники и поддержавшие их социалисты-революционеры выступили с лозунгом создания «автономной государственной организации для Сибири». Новомбергский активно поддержал это движение. В августе 1917 г. он был делегатом Сибирской конференции общественных организаций в Томске, затем – товарищем председателя Центрального организационного комитета по созыву Областного съезда. Начавший работу в Томске 15 октября 1917 г. Областной съезд объявил себя «высшим законодательным органом» Сибири. В декабре 1917 г. Новомбергский от Второго Всесибирского кооперативного съезда был избран депутатом Чрезвычайного областного съезда. Он был участником съезда и стал одним из инициаторов его решением от 15 декабря о создании законодательного представительного органа – Областной думы [12. 1917. 14 дек.].

Об отношении Новомбергского к Октябрьской революции однозначных свидетельств нет. В июле 1918 г. в газете «Сибирская жизнь» была опубликована выдержка из его лекции, в которой он якобы говорил: «...разрушив страну, большевики, на обломках ее, водрузили немцев и мадьяров, разогнали Учредительное собрание и прочее. Надо сознаться, что большевики имели и имеют много общего с Германией, с военнопленными, с разными отбросами, уголовными каторжниками, это партия грабителей, подгоняемая убийцами. Я полтора года жил на Сахалине и таких преступников, как большевики, я не встречал» [13. 1918. 2 июля]. Однако позднее Новомбергский заявлял, что он такого не говорил и опубликованное является вымыслом журналистов [10. С. 211].

В конце марта 1918 г. Новомбергский был арестован советскими властями Томска. Однако уже весной – летом советская власть повсеместно в Сибири была ликвидирована. 30 июня 1918 г. в Омске было создано Временное Сибирское правительство как орган областной автономии [14. 1918. 16 авг.]. Однако в это же время, как вспоминал Новомбергский, «в разных местах было несколько казачьих офицеров, которые вокруг себя группировали разных лиц» и эта «атамановщина... была единственной фактической силой, которая, по моему глубокому убеждению, держала в руках все» в Сибири. В этих условиях Г.Н. Потанин, А.В. Андрианов и Новомбергский выступили с идеей создания «какой-то авторитетной власти» для предотвращения хаоса

и политических убийств [10. С. 211]. Эта идея была ими озвучена в отдельной статье, отредактированной и опубликованной Новомбергским [14. 1918. 26 сент.].

В сентябре 1918 г. была создана Директория – Всероссийское временное правительство в Омске. 13 сентября 1918 г. Новомбергский был назначен на должность товарища министра туземных дел Временного Всероссийского правительства. В конце сентября 1918 г. Министерство туземных дел было преобразовано в Туземный отдел Министерства внутренних дел, который возглавил Новомбергский в должности товарища министра [15. Оп. 2. Д. 1565. Л. 14]. Перед отъездом из Томска в Омск Новомбергский передал на хранение в библиотеку университета 1 875 томов своей личной библиотеки, которые впоследствии так и остались в Томском университете [16. Оп. 1. Д. 765. Л. 14].

Свое назначение в Министерство туземных дел он объяснял тем, что был специалистом в национальном вопросе: «Начиная с 1897 г. я работал на Крайнем Севере Тобольской губернии над изучением вымирания остяков и самоедов... Потом, также на Крайнем Севере, изучал влияние копытной болезни на экономическое состояние инородцев Севера. Года через два, три, я изучал экономический быт и административное устройство бурят Иркутской губернии. Спустя еще два года, я поехал на остров Сахалин и там прожил два года, изучая быт гиляков» [10. С. 212].

18 ноября 1918 г. Новомбергский участвовал в заседании Совета министров Временного Всероссийского правительства, провозгласившего Верховным Правителем А.В. Колчака [17. Оп. 5. Д. 245. Л. 1]. Военная диктатура Колчака открыла новый этап национальной политики. В обращении к населению он декларировал доктрину «единой и неделимой России». Новомбергский не поддерживал эту доктрину. Более того, авторитаризм Колчака привел его к мысли о том, «что это правительство неминуемо придет к катастрофе». В январе 1919 г. он подал прошение об отставке, 21 февраля Новомбергский был уволен из Министерства внутренних дел. Перед отставкой у него состоялась беседа с Колчаком, в которой он очень жестко высказался о его политике, говорил «о хищениях и белом терроре», заявлял о «необходимости законодательного совета» [10. С. 391].

Но из политической жизни Новомбергский не ушел. Он помогал невинным людям, попавшим в жернова белого террора: добился освобождения «из вагона смерти Анненкова» председателя земской управы Троицкого, из тюремного заключения – сотрудника внешкольного отдела Воронова, захваченных контрразведкой врача Рожнова и трех рабочих, заведующего земельным комитетом Балиева и др. [Там же. С. 492].

В мае 1919 г. Новомбергский совместно с М.П. Головачевым, А.Д. Баженовым, Н.Н. Козьминым, И.А. Молодых и другими выступил с «Декларацией сибиряков-областников». В этом документе признавалось, что «переходной формой российской власти до окончательной победы над большевиками и до создания

Национального учредительного собрания в интересах собирания разрозненных частей России должна оставаться обладающая всей полнотой власти Верховная Государственная власть, осуществляемая Верховным Правительством». Но областники считали необходимым создание сибирского областного управления с «законосовещательным органом по местным вопросам». Они требовали «установления и защиты земельных прав старожилов-крестьян, казаков и инородцев, а равно хозяйственное устройство прежних переселенцев» [15. Оп. 4. Д. 648. Л. 2–3].

Новомбергский остался в Омске. Позднее он объяснил это тем, что, «оставаясь профессором Томского университета, я видел опустошение аудиторий, и не видел возможности продолжать нормальную работу» [10. С. 215]. С 1919 до 20 апреля 1920 г. он был одним из организаторов, ректором и профессором Омского института сельского хозяйства и промышленности [1. Оп. 1. Д. 1002. Л. 1 об., 2 об.]. В январе 1920 г. начал преподавать в Омском политехническом институте и на одной из лекций сказал, что он – марксист. Правда, он объяснял, что марксизм он понимает как «экономическое явление» [10. С. 215].

10 мая 1920 г. Новомбергский был арестован ВЧК и передан Чрезвычайному ревтрибуналу при Сибревкоме для суда над колчаковскими министрами. На допросе 21 мая он заявил о своей готовности сотрудничать с большевиками: «Когда советская власть надвигалась сюда, я не бежал, а двигался сюда навстречу, рассчитывая, что я имею общие исходные пункты, что я могу работать по чистой совести». 28 мая он сказал: «Я был за конструкцию советской власти, как государство экономическое и политическое, трудовое государство, но я был против коммунизма как теории». 30 мая 1920 г. Чрезвычайным ревтрибуналом Новомбергский был приговорен к лишению свободы с применением принудительных работ до окончания Гражданской войны [Там же. С. 216, 492, 656].

Столь мягкий приговор объясняется, во-первых, тем, что Новомбергский не участвовал в военных действиях и работе правоохранительных органов белого движения; во-вторых, его принадлежность к областникам и участие в создании национальных автономий народов Сибири совпадали с некоторыми идеями В.И. Ленина. В своем труде «Развитие капитализма в России» Ленин доказывал, что до революции Сибирь была «колонией в экономическом смысле» [18. Т. 4. С. 86; Т. 30. С. 121]. После установления советской власти был создан Сибирский край, который в 1920-х гг. фактически обладал той же самостоятельностью, которой пользовались союзные республики. Деятельность советской власти по созданию национально-территориальных автономий народов Сибири была продолжением деятельности Министерства туземных дел.

18 января 1921 г. с грифом «секретно» на имя председателя Сибревкома И.Н. Смирнова и председателя ВЧК Сибири И.П. Павлуновского был направлен труд

Новомбергского «Хозяйственное расслоение сельского населения в Сибири (в связи с основными вопросами экономической политики)». В тексте самой работы она была датирована 30 ноября 1920 г. [19. Оп. 1. Д. 10. Л. 1]. В своем «Жизнеописании» он писал, что книгу подготовил по заданию Сибревкома в Омске, сочинение осталось в рукописи, но размножалось для административных потребностей Сибревкомом [4. Оп. 1. Д. 1002. Л. 1–2].

Определяя приоритеты экономического развития, Новомбергский выступил сторонником первенства сельского хозяйства по отношению к промышленности. При этом он писал о необходимости переориентации сельского хозяйства с зернового производства на молочное скотоводство и мясошерстное овцеводство. В предполагаемой трансформации сельского хозяйства Новомбергский определенное внимание отводил совхозам и колхозам как «культурно-агрономическим центрам». Ученый заключал: «Россия разорена, Сибирь лишь потрясена. Чтобы экономическая встряска не превратилась в трудно-поправимый хозяйственный развал, нужно торопиться вывести крестьянское хозяйство на другую дорогу» [19. Оп. 1. Д. 10. Л. 100 об.].

С 10 февраля 1921 г. Новомбергский начал работу экономистом экономического отдела Сибревкома в Новониколаевске [1. Оп. 1. Д. 1081. Л. 2 об.]. Привлечение его к работе в органах советского планирования не было случайностью. Он интересовался этой проблемой еще до революции. В частности, в докладе, прочитанном в томском обществе практических врачей в январе 1913 г., Новомбергский объяснял экономическую отсталость Российской империи отказом от планирования развития государственного хозяйства [20. С. 13].

В 1921 – декабре 1928 г. Новомбергский работал в Сибирской краевой плановой комиссии в Новосибирске: с 1921 г. – членом коллегии и заведующим научно-информационным отделом, с 1927 г. – заместителем председателя комиссии, с мая 1927 г. – председателем бюро по изучению производительных сил Сибирского края и председателем бюро по электрификации Сибири. Он выступал с докладами на совещаниях плановых органов Сибирского края, рецензировал общесоюзные планы развития народного хозяйства, руководил текущей деятельностью по планированию развития народного хозяйства Сибири [21. Оп. 1. Д. 851. Л. 21–54; Д. 1319. Л. 1–2 об.; Оп. 2. Д. 113. Л. 115–122; Д. 451. Л. 90–94].

В декабре 1926 г. Новомбергский был назначен председателем комиссии при Сибплане по составлению генерального плана развития народного хозяйства Сибири на 15 лет. К этой работе он отнесся очень серьезно и разработал общую концепцию плана [22]. В 1926 г. были опубликованы материалы и перспективный план развития сельского хозяйства Сибири на 15 лет (1926–1941 гг.). В последующем они использовались при разработке планов первых пятилеток.

С 1 декабря 1921 по 1929 г. Новомбергский состоял на службе консультантом экономического управления

и членом экономического совещания Сибирского областного бюро ВСНХ. В аттестации, данной ему 31 января 1924 г., говорилось: «Вся огромная организационная работа по регулированию сибирской промышленности в условиях НЭПа проводилась при ближайшем сотрудничестве т. Новомбергского, большие знания которого не только сибирских, но и общероссийских экономических вопросов помогали Президиуму Сибпромбюро разрешать трудные задачи по управлению и регулированию сибирской промышленности» [4. Оп. 1. Д. 1002. Л. 3].

Кроме того, Новомбергский являлся членом правления Советского общества изучения Сибири и ее производительных сил, членом редакции журнала «Жизнь Сибири», сотрудничал с периодическими изданиями «Советская Сибирь», «Биржевые бюллетени», «Сибирская экономическая жизнь» и др. Работа в Сибирской краевой плановой комиссии отразилась в ряде публикаций по экономическим проблемам Сибири 1920-х гг.

Однако завоевать полное доверие партийных органов Новомбергскому не удалось. В условиях сворачивания нэпа и курса на коллективизацию он получил ярлык сторонника капиталистической реставрации и представителя «кондратьевщины». Возможно, с этим связана попытка Новомбергского уйти в мае 1927 г. на преподавательскую работу в Сибирский ветеринарный институт в Омске, о чем ходатайствовал ректор института [Там же. Оп. 1. Д. 1002. Л. 4–5]. К сожалению, это намерение ему реализовать не удалось.

6 декабря 1928 г. на заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б), протокол которого был составлен лично секретарем крайкома С.И. Сырцовым и вошел в «особую папку», среди других вопросов по предложению председателя Сибплана Хронина был рассмотрен вопрос об увольнении из Сибплана Новомбергского и Болдырева [23. Оп. 4. Д. 24. 233–234]. После принятия этого решения их лишили избирательных прав.

Это увольнение вызвало общественную реакцию, о чем свидетельствует «Обзор секретного отдела ЦК ОГПУ по Сибирскому краю о настроениях интеллигенции». В этом обзоре Новомбергскому, прежде всего, приписали критику политики ВКП(б), якобы он говорил: «В политике партии наступил кризис. Коммунисты набрасываются на специалистов и фракционеров, обвиняя их во вредном влиянии на советский аппарат... Коммунисты превращают кооперацию из средства помощи населению в деле снабжения предметами первой необходимости в грабильку». Далее составители обзора приписывали ему критику избирательной системы: «Большого произвола, какой существует в СССР, в смысле выбора органов власти я не видел, и история государства такого произвола не знает. Почти все порядочные люди, в том числе и я, лишены избирательных прав. Но мы радуемся тому, что мы не причастны к этому произволу» [24. Оп. 3. Д. 13. Л. 282].

Наконец, составители обзора изложили взгляды Новомбергского на состояние научного сообщества:

«Пребывая некоторое время среди профессуры Томского вуза, я подметил, что профессура делится на два лагеря – “левых” и “правых”. Я же смотрю на это так: “правые” – это люди чистой науки, а “левые” – это карьеристы, воспевающие хвалебные гимны господствующей партии ВКП. Теперь для того, чтобы стать видным профессором, особой учености не требуется, нужно только научиться подхалимству, как это делают “левые”, ты достигнешь Академии, а выбора в Академии в этом меня еще больше убедили: кто воспекает хвалебные гимны марксистской науке, тот и был избран в Академию. Я и все другие честные ученые не хотим быть членами никакой Академии, которая является филиалом ЦК ВКП» [2. Оп. 3. Д. 13. Л. 283].

В «Обзоре секретного отдела ЦК ОГПУ» содержатся и сведения о реакции инженеров и техников на увольнение Новомбергского. Основные объяснения этого увольнения заключались либо в интригах против профессора, либо в зачистке советских органов в условиях борьбы с правым уклоном. Инженер Подбельский подвел итог этим обсуждениям: «Политика увольнения таких крупных “китов” показывает, что никто из специалистов не может быть гарантирован от того, что его завтра не выбросят со службы, поэтому специалистам нечего особенно стараться, т.к. старания наши не будут приняты в расчет». По мнению составителей обзора, только инженер Миняев правильно понял причины увольнения: «Болдырев и Новомбергский открыто ведут антисоветскую деятельность и ничего хорошего в Советском строительстве не видят и не хотят видеть» [Там же. Л. 285].

Но тогда Новомбергскому удалось все же выйти из-под удара. В первой половине 1929 г. по постановлению ВСНХ Сибири он участвовал в составлении лесопромышленного плана Сибири. Затем выехал на Кавказ и в 1929–1930 г. был ученым секретарем и организатором комиссии Сулакстроя в Дагестанской АССР. По поручению Совнаркома Дагестанской республики Новомбергский разработал «основной вариант организации химического комбината для использования гидроэлектроэнергии на р. Сулак» [25. Оп. 9. Д. 138. Л. 4–5].

В январе 1930 г. Новомбергский был арестован в Москве. 23 июня 1930 г. постановлением Коллегии ОГПУ осужден по ст. 58-6 Уголовного кодекса РСФСР на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. 7 марта 1932 г. во изменение предыдущего приговора на оставшийся срок выслан в Архангельскую область. Освобожден 25 января 1934 г. условно-досрочно по инвалидности [26].

В 1943 г. Новомбергский завершил большое исследование «Разведки полезных ископаемых в Московском государстве XVII века». По отзыву члена-корреспондента АН СССР А.И. Яковлева, этот труд «является ценным вкладом в историю разработок недр России» [27]. В том же году Академия наук СССР присвоила Новомбергскому за этот труд без защиты диссертации ученую степень доктора исторических наук.

Приказом № 269 от 30 июля 1943 г. директора Архангельского государственного педагогического института он был зачислен профессором на кафедру истории СССР. Преподавал Новомбергский также в Архангельском государственном медицинском институте. В 1944 г. он принял активное участие в организации Северного отделения Всесоюзного географического общества АН СССР [3. С. 198].

17 февраля 1949 г. Н.Я. Новомбергский умер. Он был похоронен на Городском кладбище (на Быку) Архангельска, около Свято-Ильинской церкви. Некрологи памяти ученого опубликовали журналы «Советская медицина», «Природа», газета «Правда Севера» [Там же].

Подведем итоги. Политическое мировоззрение Н.Я. Новомбергского сформировалось до революции. Он был сторонником конституционного и социального государства с федеральным устройством, включавшем автономию Сибири и защиту прав ее национальных

меньшинств. Эту конституционно-правовую программу он сумел частично реализовать даже в годы неправового насилия революций и Гражданской войны. В 1917–1919 гг. он стал одним из создателей Сибирской областной думы, а затем участвовал в разработке создания национально-территориальной автономии народов Сибири.

Будучи сторонником социального государства, Новомбергский знал марксистское учение, что стало основой его компромисса с советской властью. В 1921–1929 гг. он работал на ключевых должностях в советском аппарате и сыграл выдающуюся роль в восстановлении и развитии народного хозяйства Сибири. Но в условиях индустриализации и коллективизации ученый был подвергнут политическим репрессиям. Только в годы Отечественной войны он был возвращен в науку и образование, сыграв значительную роль в народном просвещении Русского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-918.
2. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века. Идеология и политика. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996.
3. Макаров Н.А. Историк, правовед, краевед Николай Яковлевич Новомбергский // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2006, спец. выпуск. С. 193–201.
4. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-61.
5. Новомбергский Н.Я. Остров Сахалин. СПб., 1903. 255 с.
6. Новомбергский Н.Я. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России: лекции, читанные в Рус. Высш. Шк. обществ. наук в Париже. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. VII, 303 с. [То же // История печати: Антология. М., 2001. С. 195–419].
7. [Фоминых С.Ф.] Новомбергский Николай Яковлевич // Профессора Томского университета : биогр. словарь. Вып. 1: 1888–1917 / авт.-сост. С.Ф. Фоминых, с.А. некрылов и др. Томск, 1996. С. 179–184.
8. Новомбергский Н.Я. Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права... // Журнал министерства юстиции. 1915, март.
9. Кафедра истории русского права в российских университетах. Пг. : Сенат. тип., 1915. 9 с.
10. Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала Колчака. М. : ИРИ РАН, 2003. 722 с.
11. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 года: (текст и указ. важнейшей лит.) / прив.-доц. Н. Новомбергский. Томск : Типо-литография Сиб. т-ва печат. дела, 1907. 62, [3] с.
12. Газета «Путь народа».
13. Газета «Сибирская жизнь».
14. Газета «Сибирский вестник».
15. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-5.
16. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 76.
17. Российский государственный военный архив. Ф. 176.
18. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. : в 55 т. М. : Политиздат, 1967–1975.
19. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1685.
20. Новомбергский Н.Я. По пути к вырождению: Социально-гигиенические очерки: [докл., читанный 16 января 1913 г. в Том. о-ве практических врачей]. СПб. : «Новая типолитограф.» А.М. Лассмана, 1913. 39 с.
21. ГАНО. Ф. Р-12.
22. Новомбергский Н.Я. О построении Генерального плана развития народного хозяйства Сибири на 15 лет // Жизнь Сибири. 1927. № 2. С. 264–267.
23. ГАНО. Ф. П-2.
24. ГАНО. Ф. Р-1228.
25. Государственный архив Архангельской области. Ф. 71.
26. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подгот. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.
27. Яковлев А. Критика и библиография: Новомбергский Н.Я., проф. Разведки полезных ископаемых в Московском государстве XVII в.: Железо, серебро, золото, медь, слюда, наждак, селитра, узорочное камень, краски, неизвестные руды. 1943. 501 + 12 стр. Машинопис. рукоп. // Исторический журнал. 1945. № 1–2. С. 102–104.

Michael O. Akishin. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: Akishin-MO@yandex.ru

POLITICAL VIEWS AND PUBLIC ACTIVITIES OF N. NOVOMBERGSKY

Keywords: N. Novombergsky; constitutionalism; the welfare state; the February revolution; the October revolution; Soviet planning.

The purpose of the article lies in the study of political attitudes and activities of a well-known lawyer N. Novombergsky. Field of research is the reconstruction and analysis of the circumstances of the scientist's life, the results of his impact on the political processes in Siberia in the first third of the XX century and the influence on the surrounding social reality. Thus defined, the field studies led to the use of the techniques of psychohistory, which allowed to find out the influence of his childhood and youth on the formation of the foundations of his world; the historical-legal method that enabled us to establish the type of legal consciousness of the scientist to analyse his legal writings; the methods of social history, which allowed to assess the effectiveness and impact of the scientist on the socio-political processes and influence of these processes on the evolution of his views. Methodological basis of research was the dialectic method, the principles of objectivity and historicism. Historical sources for the research were the scientific and journalistic works of the scientist,

autobiographical materials, documents of state bodies and the judicial investigation of the case of A. Kolchak's Ministers. A number of documents were introduced into scientific circulation for the first time. In the result of the research the author came to the following conclusions. Difficult childhood and adolescence defined the programmatic basis of the Novombergsky's worldview and the ability to adapt to changing social reality. Education, experience, public service, research and teaching in Tomsk University allowed him to become one of the outstanding attorneys of the Russian Empire. He was a positivist, an advocate of constitutional development, the theory of the welfare state, Siberian regionalism, autonomy of the peoples of Siberia. His political activity led to conflicts with officials of the Russian Empire, a military dictatorship of Kolchak, the Soviet authorities. The nature of these conflicts was in lawyer's opposition to the non-legal methods of implementation of the state policy. However Novombergsky was able to realize the most important ideas of the constitutional agenda: the idea of the autonomous Siberia influenced the political processes of the civil war period and was partially implemented through the creation of the Siberian region during the Soviet period; the idea of protection of the Siberian peoples has been realized with the creation of national-territorial and national-cultural autonomies in 1918–1920s. Novombergsky played a prominent role in the development of planning the national economy of Siberia in the 1920s. The contribution of the scientist to the development of national education in Siberia and the Russian North was valuable.

REFERENCES

1. The State Archive of Novosibirsk Region. Fund R-918.
2. Kharus, O.A. (1996) *Liberalizm v Sibiri nachala XX veka. Ideologiya i politika* [Liberalism in Siberia at the beginning of the 20th century. Ideology and politics]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Makarov, N.A. (2006) *Istoriik, pravoved, kraeved Nikolay Yakovlevich Novombergskiy* []. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Pomor University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. Special Issue. pp. 193–201.
4. The State Archive of Novosibirsk Region. Fund R-61.
5. Novombergsky, N.Ya. (1903) *Ostrov Sakhalin* [The Sakhalin Island]. St. Petersburg: Tipografiya Doma Prizreniya Maloletnikh Bednykh.
6. Novombergsky, N.Ya. (1906) *Osvobozhdenie pečati vo Frantsii, Germanii, Anglii i Rossii: leksii, chitannye v Rus. Vyssh. Shk. obshchestv. nauk v Parizhe* [Press liberation in France, Germany, England, and Russia: lectures in Russian Higher School of Social Sciences in Paris]. St. Petersburg: Tip. F. Vaysberga i P. Gershunina].
7. Fominykh, S.F. (1996) Novombergskiy Nikolay Yakovlevich [Nickolay Novombergsky]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 179–184.
8. Novombergsky, N.Ya. (1915a) *Rets. na: Mikhaylovskiy I.V. Ocherki filosofii prava ...* [Review: Mikhailovsky I.V. Essays on the Philosophy of Law...]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. March.
9. Novombergsky, N.Ya. (1915b) *Kafedra istorii russkogo prava v rossiyskikh universitetakh* [Department of the History of Russian Law in Russian Universities]. Petrograd: Senat. tip.
10. Sakharov, A.N. (ed.) (2003) *Verkhovnyy pravitel' Rossii: dokumenty i materialy sledstvennogo dela admirala Kolchaka* [The Supreme Ruler of Russia: Documents and Materials of the Investigation of Admiral Kolchak]. Moscow: RAS.
11. Novombergsky, N.Ya. (1907) *Polozhenie o gubernskikh i uездnykh zemskikh uchrezhdeniyakh 1 yanvarya 1864 goda* [The provision on provincial and district zemstvo institutions on January 1, 1864]. Tomsk: Tipolitogr. Sib. t-va pechat. Dela.
12. *Put' naroda*.
13. *Sibirskaya zhizn'*.
14. *Sibirskiy vestnik*.
15. The State Archive of Novosibirsk Region. Fund P-5.
16. The Centre for Documentation of the Recent History of the Tomsk Region. Fund 76.
17. The Russian State Military Archive. Fund 176.
18. Lenin, V.I. (1967–1975) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Moscow: Politizdat.
19. The State Archive of Novosibirsk Region. Fund R-1685.
20. Novombergsky, N.Ya. 1913) *Po puti k vyrozhdeniyu: Sotsial'no-gigienicheskie ocherki: [dokl., chitannyy 16 yanvarya 1913 g. v Tom. o-ve prakticheskikh vrachey]* [On the way to degeneration: Socio-hygienic essays: [dilevered on January 16, 1913 in the Tomsk Society of Practitioners]]. St. Petersburg: Novaya tipolitografiya A.M. Lassmana.
21. The State Archive of Novosibirsk Region. Fund R-12.
22. Novombergsky, N.Ya. (1927) *O postroenii General'nogo plana razvitiya narodnogo khozyaystva Sibiri na 15 let* [On a master plan for the development of the national economy of Siberia for 15 years]. *Zhizn' Sibiri*. 2. pp. 264–267.
23. The State Archive of Novosibirsk Region. Fund P-2.
24. The State Archive of Novosibirsk Region. Fund R-1228.
25. The State Archive of Novosibirsk Region. Fund 71.
26. Vasilkov Ya.V. & Sorokina, M.Yu. (2003) *Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskiy slovar' vostokovedov – zherty politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)* [People and Fates. Bibliographic Dictionary of Orientalists – Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917–1991)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
27. Yakovlev, A. (1945) *Kritika i bibliografiya: Novombergskiy N.Ya., prof. razvedki poleznykh iskopaemykh v Moskovskom gosudarstve XVII v.: Zhelezo, serebro, zoloto, med', slyuda, nazhdak, selitra, uzorochnoe kamen'e, kraski, neizvestnyye rudy*. 1943. 501 + 12 str. Mashinopis. rukop. [Criticism and Bibliography: Novombergsky N.Ya., Prof. Mineral Exploration in the Moscow State of the 17th century: Iron, silver, gold, copper, mica, emery, saltpeter, patterned stone, paints, unknown ores. 1943.501 + 12 pp. Typewritten]. *Istoricheskiy zhurnal*. 1–2. pp. 102–104.

УДК 908(571.1)''19'':332.14(571.1)
DOI: 10.17223/19988613/61/2

Е.И. Гололобов

АНТРОПОГЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИРОДУ И ЕЕ ОХРАНА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960–1980-е гг.

Результаты были получены в рамках выполнения гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-59-22008 «Развитие Западной Сибири в XIX – начале XXI вв.: социально-экологические аспекты».

Рассматривается процесс антропогенного воздействия человека на природу Севера Западной Сибири в период активного промышленного освоения региона. Показаны негативные стороны этого процесса, связанные с загрязнением окружающей среды предприятиями, в первую очередь, нефтяной и газовой промышленности. Дана характеристика природоохранного законодательства и мер рационального использования ресурсов, применение которых тормозилось отсутствием реально действующих механизмов воздействия на нарушителей природоохранных норм. В первую очередь отсутствовали финансовые механизмы.

Ключевые слова: охрана природы; XX в.; Север Западной Сибири; экологическая история.

С 1960-х гг. начался этап освоения нефтяных и газовых месторождений Севера Западной Сибири. На территории региона в очень короткий по историческим меркам период был создан один из крупнейших экономических центров СССР – Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс (далее – ЗСНГК). В течение 20 лет (1966–1985 гг.) в ЗСНГК только на развитие объектов производственного назначения было вложено 75,2 млрд руб. [1. С. 155]. Было построено 15 новых городов и более 50 крупных рабочих поселков [2. С. 50].

В обществе складывалось устойчивое ощущение стремительного рывка, совершенного регионом в очень сжатые по времени сроки: «Два десятка лет назад (сер. 1960-х гг.) – мгновение по понятиям нашего стремительного века, – Западная Сибирь была белым пятном на народнохозяйственной карте страны. Огромный безлюдный край удручал даже летчиков. “Бывало, летишь, летишь, – говорил один из ветеранов тюменской авиации, – и ни огонька, ни дымка, ни признака человеческой жизни. Только тайга да болота, почти лунные ландшафты. И чувство такое, будто один в целом свете остался. А сейчас вокруг – разливы огней”. Да, нефть принесла в глухомань свет, тепло, энергию, новую жизнь» [3. С. 9]. Темпы развития нового нефтегазового района были действительно уникальными. Если в 1965 г. на Севере Западной Сибири за год добывали 1 млн т нефти, то с сентября 1983 г. это количество добывалось ежедневно [Там же. С. 11]. Это не могло не сказаться на природной среде региона. Она подверглась мощнейшему антропогенному воздействию.

Серьезной проблемой было загрязнение водоемов. Территория Севера Западной Сибири имеет большое значение в качестве глобального резервата пресных вод. Ее по праву можно назвать «земля воды» [4. С. 34]. Характерными элементами ландшафта Севера Западной Сибири являются озера. Специалисты насчитывают сотни тысяч озер общей площадью свыше 80 тысяч км². Для п-ва Ямал озерность оценена в 20–25%, озерность Сургутского Полесья составляет 18–23% [Там же. С. 39].

Один литр нефти способен испортить миллион литров воды. Попадая в пойму, нефтепродукты загрязняют нерестилища, что особенно опасно для рек Западной Сибири, обладающих ценными породами рыб. Воды рек Западной Сибири имеют меньшую способность к самоочищению, чем реки европейской части страны, где вода в реке может самоочиститься, пройдя 200–300 км от места загрязнения. В условиях Западной Сибири воде потребуется не менее 2 тыс. км при том же составе загрязнений. Воды Оби и ее притоков в рассматриваемый период были значительно загрязнены нефтью и нефтепродуктами [5. С. 32, 34–35]. К этим негативным факторам прибавилось еще и то, что в результате гидростроительства на Оби и Иртыше были отрезаны лучшие нерестилища. Это резко ухудшило условия воспроизводства рыб. Вылов рыбы в Тюменской области стал резко сокращаться с конца 1960-х гг. [6. С. 53. С. 42–60]. Потери рыбного хозяйства составляли десятки тысяч центнеров ценной рыбы [5. С. 33]. К середине 1970-х гг. в Тюменской области 64 реки потеряли свое рыбохозяйственное значение. Были выведены из строя рыбоугодья на реках Пим, Большой и Малый Балык, Аган и др. В качестве наглядного примера складывавшейся катастрофической ситуации с малыми реками можно привести Ватинский Еган. В 1973 г. в реке выловили 522 ц рыбы, в 1975 г. – лишь 23 ц [Там же. С. 64].

Вместе с нефтью добывается попутный газ. Это ценное сырье, которое в рассматриваемый период очень слабо использовалось. Об этом постоянно писали в отраслевой литературе экономисты, географы, специалисты в сфере охраны природы. Строительство объектов сбора, утилизации, переработки и внешнего транспорта газа всегда значительно отставало от уровня его добычи. Большая часть попутного газа сжигалась в факелах. Только на одной дожимной насосной станции за сутки сгорало до 200 тыс. м³ газа. Продукты горения загрязняли атмосферу. Горящие факелы оказывали значительное тепловое воздействие на окружающие их

леса. Максимальный радиус полного уничтожения растительности вокруг горящего газового факела составлял 200–250 м, площадь всей тепловой зоны – до 3 км [5. С. 33]. Вот такая оборотная сторона «разливов огня», которыми восхищался летчик, пролетая над Севером Западной Сибири.

Добыча газа на Ямале также имела серьезные последствия для окружающей среды. Одно из крупнейших газовых месторождений Медвежье рассматривалось специалистами как пример «площадного» воздействия на природу, как факт нарушения природного равновесия в районе месторождения. На его территории насчитывалось 240 действующих, обустроенных и проектируемых скважин, приуроченных к десяти газосборным пунктам, протянувшимся на значительное расстояние. Горящие факелы, как и в случае с попутным газом, оказывали значительное тепловое воздействие на растительный покров. Вокруг газовых факелов в радиусе 100–150 м уничтожалась растительность. Кроме того, они влияли на вечную мерзлоту: вблизи факелов наблюдалось растопление мерзлоты, поверхность представляла собой площадку с трясинной площадью в 2–3 км², по которой невозможно было передвигаться ни человеку, ни колесному транспорту. Передвижение осуществлялось по настилу из бревен или на вездеходах [Там же. С. 38].

Под мощным воздействием транспорта в тундре быстро деградировал почвенный покров. В районе обустроенных месторождений всегда прослеживалась густая сетка следов вездеходов, захватывавшая не только пространство лишайниковой и кустарниковой растительности, но и четко прослеживалась по дну мелких озер и болот. Постоянным спутником при строительстве временных дорог были мусор и свалки. Там, где дороги образовывали подпор для грунтовых вод, листовничные заросли с менее дренированной стороны дороги гибли довольно быстро. На месторождении Медвежьем за 4 года, прошедших с начала его обустройства, уже наблюдались многочисленные участки такого высохшего леса [Там же. С. 36].

В связи с интенсивным ростом добычи нефти и газа в регионе в 1960–1980-е гг. быстрыми темпами шло строительство различных промышленных объектов и жилья. Современники об этом писали так: «В наши дни в связи с открытием на западносибирском севере уникальных залежей нефти и газа его огромные таежные и тундровые пространства, недавно еще казавшиеся экономически бесперспективными, получают новые возможности для своего хозяйственного развития» [7. С. 9].

В результате землеустроительная служба не успевала проводить большое количество согласований площадок под объекты, отводов, землеустроительных дел. Строительство объектов в большинстве случаев начиналось без составленной и утвержденной проектно-сметной документации. Частыми были случаи, когда земля занималась явочным порядком, и на ней начиналось строительство. Земельное законодательство по-

стоянно нарушалось. Это, в свою очередь, приводило к негативным экологическим последствиям. Многие предприятия (Новосвердловская ТЭЦ, Сургутские электрические сети, НГДУ «Сургутнефть», Нефтепроводное управление, НГДУ «Правдинскнефть» и другие) не выполняли планов по рекультивации земель, несвоевременно сдавали их лесхозам. Так, например, на 1 апреля 1981 г. за НГДУ «Федоровскнефть» и НГДУ «Лянторнефть» имелась задолженность по возврату земель временно пользования площадью 67,2 и 230,23 га соответственно. Такая же ситуация складывалась с возвращением земель в государственный лесной фонд после приведения их в состояние пригодное для ведения лесного хозяйства. Не выполнялись решения Тюменского облисполкома по восстановлению лесных культур [8. Д. 448. Л. 142].

Слабо решалась проблема рационального и эффективного использования леса. Вырубка леса неизбежна при обустройстве нефтяных месторождений. Предприятия Главтюменьнефтегаза, Тюменьстройпути, трестов «Сургуттрубопроводстрой» и «Запсибэлектросетьстрой» бесхозяйственно относились к лесным ресурсам при сооружении буровых площадей, строительстве нефтегазопроводов, компрессорных станций, линий электропередач, автомобильных и железной дорог и т.д. Обочины просек превращались в непроходимые завалы, что приводило к гибели леса, ценной древесины. До 50 различных организаций вырубали лес. А убирать его, как правило, было некому. Использовался он в незначительных количествах на строительстве лежневых дорог, временных производственных сооружений, на местные нужды буровиков и строителей. Остальная древесина либо сжигалась, либо оставалась лежать вокруг объектов строительства. На всех дорогах Среднего Приобья, особенно вдоль трассы Сургут-Нефтеюганск, сваленные деревья лежали полосой до 70 м ширины по обе стороны дороги [5. С. 30–31]. В ходе заготовок леса уничтожался подрост, моховой и травянистый покров, что резко ухудшало условия воспроизводства леса. Засорение тайги отходами лесных вырубок явилось причиной колоссального увеличения количества насекомых-вредителей, увеличения пожароопасности лесных массивов [9. С. 7].

В первую очередь это касалось непрофильных организаций. Более благоприятная ситуация по вопросам соблюдения природоохранного законодательства складывалась на предприятиях лесного хозяйства. Сургутский леспромхоз с целью рационального использования лесосечного фонда ежегодно принимал лесосечный фонд по актам передачи и проводил подготовительные работы. Перед выпиской лесных билетов составлялись технологические карты разработки лесосек, которые согласовывались с лесхозом. На основании выданных лесных билетов в соответствии с технологическими картами лесные участки вели разработку лесосек методом узких лент с сохранением подроста, не допуская увеличения ширины магистральных волоков. Своевре-

менно проводилась очистка участков от древесного мусора [10. Д. 486. Л. 73]. Тем не менее и леспромхозы при разработке лесосек допускали факты недоруба древесины, уничтожения подроста и молодняка [8. Д. 392. Л. 202].

Одной из главных экологических проблем была высокая аварийность на предприятиях нефтегазового комплекса, сопровождавшаяся выбросами в окружающую среду нефти и нефтепродуктов. В 1980-е гг. ежегодно фиксировалось 150–260 аварий [4. С. 118]. Сложная ситуация складывалась с организацией мер по ликвидации техногенных аварий. Специализированные организации, такие как Сургутская гидрохимлаборатория, не имели соответствующей литературы по применяемым технологиям ликвидации аварий, связанных с разливами нефти на воде и суше. В 1978 г. Советом депутатов трудящихся Сургутского района было принято решение предложить руководителям нефтегазодобывающих предприятий организовать курсы обучения специалистов по сбору и утилизации нефти, приобрести нефтеуборочные машины. Общим местом были нарушения технологии бурения, а в связи с этим и Водного кодекса. Осуществлялся слабый контроль за сохранностью действующих нефтепроводов, что приводило к позднему обнаружению аварий. Большая часть нефти никак не утилизировалась, так как ее трудно было собрать на водной поверхности [8. Л. 167–169, 203; 10. Л. 86–89].

Значительное количество предприятий не имели своих очистных сооружений. Например, все крупные предприятия поселка Локосова Сургутского района ХМАО: кирпичный завод, цех по переработке рыбы сбрасывали неочищенные сточные воды в бассейн реки Оби [11. Л. 172]. Неудовлетворительно строили очистные сооружения предприятия Главтюменьнефтегаза, Главтюменьнефтегазстроя, Главтюменьгазпрома. Медленно велось строительство канализационных сетей и очистных сооружений в Сургуте и Нижневартовске [12. Д. 5264. Л. 51].

Геологоразведочные экспедиции устраивали завалы на реках, часто завалы полностью перегораживали малые реки. После своей деятельности оставляли ямы, заполненные нефтью. Весной в половодье нефть разливалась по малым рекам и загрязняла водоемы [13. Л. 95]. Нефтегазодобывающие организации наносили вред природе не только своей непосредственной деятельностью, нередко нефтяники становились браконьерами и наносили ощутимый вред флоре и фауне региона. Частой была следующая ситуация: «Браконьеры разъезжают на моторных лодках без номерных знаков, приезжают в места ловли рыбы рыбаками и рвут моторами сети» [Там же. Л. 96].

Предприятия нефтегазового комплекса наносили большой вред охотничьему хозяйству Севера Западной Сибири. Например, Сургутский коопзверопромхоз в своей справке отмечал, что организация охотничьего промысла все больше осложняется. Нефтегазопромыс-

ловый комплекс занимает территории, где находятся лучшие охотничьи угодья. Сокращаются площади угодий, снижается ценность наиболее продуктивных из них в районах рек Большой Юган и Малый Юган. Как уже отмечалось, большой ущерб штатным охотникам наносила незаконная деятельность нефтяников и геологов в охотничьих угодьях. Например, «в верховьях реки Большой Юган на участке одного из лучших охотников В.И. Крутикова буровики, дорожники занимались браконьерством, с использованием вездеходов, своровали собаку, лыжи-подволоки, продукты из избушки. Работы в этом районе вело производственное объединение Томскнефтегазгеология, генеральный директор Г.Н. Шестаков» [14. Л. 25]. Типичной была картина, когда в результате выездов по охране угодий вскрывались десятки нарушений и оформлялись десятки протоколов на нарушителей правил охоты и на нарушителей правил рыбной ловли [Там же. Л. 27].

Масштабное антропогенное воздействие на природу в полной мере ощутили на себе коренные малочисленные народы Севера. В результате активного развития нефтегазодобывающей промышленности, как уже отмечалось выше, загрязнялись почвы, водоемы, леса, что автоматически приводило к сокращению территорий традиционного природопользования, ухудшению условий для занятий рыболовством, охотой и оленеводством. Бывшие рыбаки, охотники и оленеводы, занимавшиеся данными промыслами всю свою жизнь, были вынуждены искать себе другой источник заработка [15. С. 46].

Ухудшение экологической обстановки происходило во многих регионах страны. На складывающуюся ситуацию необходимо было реагировать на государственном уровне с законодательной и научной точек зрения.

27 октября 1960 г. был принят закон об охране природы в РСФСР. Появление подобного закона свидетельствовало о том, что наличие экологических проблем признавалось государством. Декларировалась необходимость охраны природы и рационального использования природных ресурсов, что в последующем было закреплено в основном законе страны – Конституции. Создавалось законодательство, регулирующее природоохранную сферу и рациональное использование природных ресурсов: Кодексы, постановления сессий и указы президиума Верховного Совета СССР, совместные постановления партии и правительства, отдельные постановления Совета министров СССР. Положения этих документов находили отражение на региональном уровне в нормативно-правовой базе Советов депутатов трудящихся и партийных документах¹. Государство стало активно участвовать в международном сотрудничестве по вопросам охраны природы и рационального использования природных ресурсов.

Закон 1960 г. возлагал ответственность за охрану природы на республиканское правительство (Совет министров РСФСР, Совет министров АССР) и исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся

разных уровней. В структуре исполкомов создавались постоянные комиссии по охране природы. У них был большой спектр полномочий, которые по большей части было сложно реализовать на практике [16. С. 71–73]. Рекомендации постоянных комиссий подлежали обязательному рассмотрению соответствующими государственными структурами и общественными организациями. Данные организации в месячный срок должны были сообщать постоянным комиссиям о результатах рассмотрения и принятых мерах. Так же они могли создавать депутатские посты на предприятиях, в учреждениях и организациях для осуществления контроля за выполнением решений Совета и его исполнительного комитета [17. С. 9–10].

Однако не всегда руководители обращали должное внимание на рекомендации и решения постоянных комиссий и исполкомов. Только твердая и решительная позиция исполкома могла изменить ситуацию. Председатель Ханты-Мансийского горисполкома К. Табачников привел следующий пример. В Ханты-Мансийске во второй половине 1960-х гг. работал директор промкомбината Лебедев, он был снят с должности за ряд проступков, главным из которых было его нежелание считаться с решениями постоянной комиссии городского Совета по благоустройству [18. Л. 19]. Тем не менее характерной была другая ситуация, когда постоянные комиссии теряли свое самостоятельное значение, превращались в «придатки» отделов исполкомов, собирались нерегулярно.

Деятельность постоянных комиссий сильно зависела от активности конкретных депутатов, входящих в их состав, и своевременной поддержки исполкома соответствующего Совета. Например, депутат Ханты-Мансийского городского Совета Слинкина получила от избирателей сигналы о недопустимом поведении руководителей одной из геологоразведочных экспедиций. Эти руководители самовольно, без каких-либо официальных разрешений горисполкома, заняли территорию в поселке Рыбном. Построили там производственную базу, разрушили дороги, создали ряд неудобств для жителей. После обращения Слинкиной исполком немедленно вызвал нарушителей на свое заседание. Дело было своевременно рассмотрено, и «разведчикам» пришлось перебраться в другое более подходящее место для размещения своих производственных объектов [Там же]. Это, к сожалению, пример нетипичный. Руководители, которых приглашали на заседания комиссий для отчета о состоянии окружающей среды, о проделанной работе по охране природы, благоустройству и озеленению территории, относились к этой деятельности как второстепенной, по большому счету, не считая ее важной. Необходимость охраны природы, рационального использования природных ресурсов и т.д. признавалась гипотетически, но мало что делалось на практическом уровне.

Как правило, в большинстве случаев, происходило все так, как описано в следующем примере. Пригла-

шенный на заседание комиссии по охране природы исполкома Сургутского районного Совета депутатов трудящихся председатель Пимского сельского Совета Е.В. Вандымов начал свой доклад «Информация по охране природы по Пимскому сельскому Совету» с фундаментального вопроса: «Будет ли человечество существовать на Земле вечно?». Затем успел поговорить и о ведущей роли Советского Союза в борьбе за мир против термоядерной войны, которая отрицательно воздействует на природу и климат, и о загрязнении атмосферы, воды и городов в Японии, и о сокращении животного мира в Африке, фауны в Европе и об огромном вкладе В.И. Ленина в становлении природоохранного законодательства. Часть доклада, посвященная собственно ситуации в поселке Пим Сургутского района, оказалась существенно меньшей по объему и менее содержательной. В результате в своем решении постоянная комиссия по сельскому хозяйству и охране природы Сургутского районного Совета депутатов трудящихся указала товарищу Е.В. Вандымову на несерьезную подготовку вопроса на комиссию, потребовав усилить работу по охране природы и больше вести разъяснительную работу среди населения [16. С. 76].

До второй половины XX в. охрана природы представляла собой движение за сохранение некоторых видов животных и растений, отдельных участков (памятников) природы. Во второй половине XX в. в связи с ростом промышленности, сельского хозяйства и народонаселения стало необходимым сохранение природной среды в целом (лесов, рыбы, животных, почв и т.д.). На первой Сибирской конференции по охране природы в 1958 г. научным сообществом было заявлено, что охрана природы становится не только культурной проблемой, но неотложной, абсолютно необходимой экономической и социальной задачей. «Забота об охране природы должна войти в сознание каждого – будь он государственный деятель или рядовой труженик, взрослый человек или школьник. Большая ответственность лежит на ученых, которые должны видеть в охране природы особую область научного познания и развивать ее» [19. С. 5].

Применительно к Западной Сибири к концу 1950-х гг. наиболее остро стоял вопрос об охране природы в таежном и лесостепном ландшафтах, наиболее подвергшихся изменяющему воздействию человека. В этих ландшафтах с особой силой проявляется отрицательное влияние промышленных стоков на водоемы и рыбные запасы. В зоне тайги необходимо было уделить особое внимание борьбе с пожарами, нерациональными рубками, загрязнением рек при лесосплаве и браконьерством [20. С. 12].

С 1970-х гг. экологические проблемы Севера Западной Сибири обращают на себя внимание ученых. В научной и научно-популярной литературе по проблемам освоения Севера появляются разделы, непосредственно посвященные вопросам охраны окружающей среды. Признается факт существенных изменений

условий естественного воспроизводства биологических ресурсов, вследствие интенсивного развития промышленности и других отраслей хозяйства на Севере – сокращение уловов рыбы, особенно ценных пород, заготовок промысловой пушнины и птицы [21; 22; 23. С. 40–42 и др.]. Нарастает количество публикаций, посвященных негативному влиянию нефтегазодобывающей промышленности на окружающую среду [5; 24–26; 27. С. 14–19 и др.]. Начиная со второй половины 1980-х гг. эта тематика становится одной из основных [28; 29. С. 35–39 и др.].

На самом высоком государственном уровне декларировалась необходимость комплексного подхода к изучению и рациональному освоению ресурсов региона. В научных отчетах начиная с 1960-х гг. анализировались перспективы развития не только нефтяной и газовой, но лесной и рыбной промышленности, гидроэнергетики и транспортных связей, традиционного промыслового хозяйства. Однако именно изучение и добыча углеводородного сырья стали первоочередными задачами научных организаций, партийных и хозяйственных властей всех уровней в рассматриваемый период. Научное изучение проблем традиционных отраслей хозяйства рыболовства, охоты и оленеводства при всех «декларациях» о важности этой деятельности объективно оказывались на периферии государственных интересов [30. С. 14].

Взаимодействие государственных органов власти и научного сообщества в сфере изучения рационального использования ресурсов и охраны природы характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, значимость рационального, бережного освоения ресурсов и охраны природы на государственном уровне всегда подчеркивалась, существовала отраслевая наука со своими организационными структурами, профессиональными кадрами и системой их подготовки, отмечалась необходимость комплексного анализа проблем освоения природных ресурсов северных территорий. Вопросы рационального освоения ресурсов их охраны неизменно включались в «генеральные схемы» освоения Севера. С другой стороны, научные разработки ученых не учитывались, если они мешали выполнению и перевыполнению производственных планов.

Можно привести единичные примеры использования научных разработок в практике хозяйствования на Севере с целью его рационализации. Николай Викторович Табаков² писал в своих воспоминаниях: «... иногда мы до расточительности щедры и швыряем богатства природы, не считая, не экономя. А нужно считать, экономить, имеется не мало возможностей сделать наши взаимоотношения с природой более гармоничными, используя для этих целей все достижения научной мысли» [3. С. 59]. В 1980-е гг. на Тюменском Севере для строительства грунтово-лежневых дорог вырубалось по миллиону кубометров леса ежегодно. Была высказана идея не закапывать фактически лес в землю, а заменить его синтетическими материалами (нетканы-

ми полотнами из отходов швейной промышленности). Новшество принесло большой эффект. Повысилась скорость строительства, каждый километр дороги обходился на 50 тысяч рублей дешевле. По старой технологии на укладку километра лежневки уходило до 4 тысяч кубометров деловой древесины. По новой технологии этот лес сохранялся [3. С. 59–60].

Экологические проблемы региона во многом были связаны с тем, что научный подход в практике освоения ресурсов Севера очень часто не реализовывался. Выдающийся ученый-экономист, всю жизнь занимавшийся проблемами освоения Советского Севера, Самуил Венедиктович Славин отмечал, что при высокой экономической эффективности использования природных ресурсов Севера выявлялось наличие больших потерь в народном хозяйстве, являющихся результатом низкого уровня экономической деятельности в районах Севера – переноса в его своеобразные природные и экономические условия «шаблона средней полосы», слабой научной разработки многих вопросов техники и организации производства применительно к условиям разных районов Севера, допущенных ошибок в планировании, а также субъективистских решений по ряду важных вопросов освоения и развития производительных сил Севера [31. Л. 87–88]. Не учитывалась специфика Севера и непосредственно при разработке природоохранных мероприятий и оценке антропогенного влияния на природную среду [32. С. 50]. Примерные потери из-за применения на Севере стандартной техники в 1960–1980-е гг. исчислялись в сумме более 100 млн руб. в год. Если еще учесть связанные с этим снижение производительности труда и другие проблемы, то объем потерь оказывался выше во много раз [31. Л. 103].

Таким образом, институализация природоохранной деятельности на академическом и государственном уровне мало что меняла в реально проводимой политике освоения Севера. Добыча нефти и газа шла с нарушениями даже официально зафиксированных природоохранных норм. Разработка большого количества месторождений, как уже отмечалось, была сопряжена с различными видами интенсивного воздействия на природную среду: разведочное и эксплуатационное бурение скважин, прокладка сборных и магистральных трубопроводов, возрастающее в связи с этим строительство дорог, обустройство вахтовых поселков. Это приводило к отторжению части земельного фонда, механическим нарушениям ландшафтов, химическому, тепловому и шумовому загрязнению, замене коренных экосистем производными. Серьезными источниками дестабилизации экологической ситуации в регионе также являлись рост численности населения, разработка древесины, интенсивное движение транспорта.

Объем производимых научных исследований был недостаточен для тех задач, которые должны были решаться в целях рационального хозяйственного освоения и развития производительных сил Севера. Работы проводились многочисленными организациями разроз-

ненно при отсутствии координации деятельности и взаимного информирования. Был ликвидирован ряд важных для Севера научных учреждений. Это относится к Институту мерзлотоведения АН СССР. Институт геологии Арктики в Ленинграде был преобразован в Институт геологии морей и океанов [31. Л. 108]. При всем пафосе индустриализации в СССР, подчеркивании быстрого хозяйственно-экономического скачка на Севере Западной Сибири, «индустрия освоения Севера» с учетом своеобразия природных и экономических условий каждого северного района не была создана [Там же. Л. 137]. Уже в середине 1970-х гг. специалисты писали о том, что освоению Севера Западной Сибири не предшествовала тщательная географическая и экономическая подготовка. Это приводило к большому перерасходу материальных средств и труда [33. С. 105–106].

Освоение Севера рассматривалось в рамках утилитарного дискурса как освоение его ресурсов. Подчеркивалось, что именно наличие разнообразных, огромных по своим запасам природных ресурсов оказывает решающее влияние на развитие экономики страны [23]. В обязательном порядке огромные природные богатства детализировались перечислением миллионов тонн и миллиардов кубометров ценного сырья, которые, безусловно, нужно эффективно использовать. Делать это необходимо было в режиме форсированного развития, так как освоение восточных регионов разворачивалось на фоне нарастающего дефицита топливных, водных и других ресурсов в европейской части страны, где были сосредоточены основные промышленные мощности и население. Декларация строгого научного подхода к изучению Севера и его освоение в постоянном режиме форсированного развития вступали в неразрешимое противоречие. Точнее противоречие разрешалось всякий раз в пользу времени. Делать надо было быстро, не считаясь с потерями. В такой ситуации охрана природы в реальной практике никогда не была в приоритете. Она оставалась в научных отчетах, в текстах законодательных документов, постановлениях региональных и местных советских и партийных органов. Экономика, особо отметим, советская экономика, всегда оказывалась главной.

Государственная политика освоения природных ресурсов Севера Западной Сибири на протяжении практически всего XX в. осуществлялась по принципу минимальных затрат на добычу сырья и максимальной экономии средств на охрану окружающей среды. Н.В. Табаков писал об этом так: «Стоит отметить, что охрана природы еще весьма бедно представлена в нормативах Госстроя. Пришло время вводить в расчеты истинную цену земли, которую приходится отчуждать сейчас под автодороги. Пока мы пользуемся условными цифрами, окружающая среда практически ничего не стоит. Ну что такое 80 рублей за гектар земли, когда один километр строительства стоит больше, чем все земли, отведенные под прокладку дорог по всей Западной Сибири! Затраты на охрану природы сейчас до

того незначительны, что только “засоряют” расчеты проектировщикам, и ими обычно пренебрегают. У нас, к сожалению, отсутствуют методы количественной оценки ущерба, наносимого окружающей среде дорогами, а без этого невозможно включать аспекты охраны ее в общий экономический анализ, связанный с прокладкой дорог» [3. С. 61]. Такая же ситуация складывалась, например, при исчислении размера ущерба, причиненного пастбищам северных оленей, осуществлявшаяся в соответствии с Постановлением № 592 Совета министров РСФСР от 19 декабря 1978 г. «О порядке возмещения ущерба, причиненного пастбищам северных оленей». Размер тарифа-таксы составлял всего от 0,9 до 59,2 рублей за один гектар. Согласно расчетам специалистов, размер компенсации сельскохозяйственным предприятиям за выведенные из оборота оленьих пастбищ на 12–15 лет на Севере должен был быть равен от 210 до 280 руб. за гектар [34. С. 113].

В конце 1980-х гг. затраты Главтюменьнефтегаза на охрану окружающей среды составляли 40–50 млн руб. в год, что составляло менее 1% от производственных капитальных вложений, в то время как по расчетам должны были составлять 10–11% [1. С. 102]. Из-за постоянного недофинансирования контроль за выполнением природоохранного законодательства во многом ложился на плечи общественных организаций и активистов. К рейдам, проверкам регулярно привлекались члены добровольного охотничьего общества, общественные инспекторы рыбоохраны, члены Всероссийского общества охраны природы. Несмотря на ограниченные возможности влиять на ситуацию в сфере природоохраны, они осуществляли большой объем работы и вносили свой вклад в сохранение природной среды [35. С. 182–191].

В 1960-е гг. – середине 1980-х гг. ухудшение качества окружающей среды приводило к тому, что десятками принимались различные решения «партии и правительства» об усилении природоохранных мероприятий, но они практически не влияли на природопользование в регионе. Природоохранное законодательство слабо реализовывалось на практике. Эффективное его использование тормозилось отсутствием реально действующих механизмов воздействия на нарушителей. В первую очередь финансовых механизмов.

В одной из работ по проблемам рационального использования ресурсов и охраны природы Тюменской области авторы писали: «Природа может и должна быть не только кладовой и источником промышленных и сельскохозяйственных ресурсов человека, но и соучастницей промышленного и сельскохозяйственного производства» [9. С. 3]. Изучая и осмысливая опыт освоения Севера Западной Сибири во второй половине XX в., скорее склоняешься к выводу, что природа из соучастника очень быстро превратилась в жертву этого процесса. Осознание этого факта должно послужить одним из важнейших условий понимания и решения большинства современных экологических проблем российских регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР № 1398-ХІ от 26 ноября 1984 г. «Об усилении охраны природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к северному побережью СССР». Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 984 от 13 декабря 1978 г. «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов». Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 65 от 15 января 1981 г. «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов». Постановление Совета министров СССР от 24 марта 1975 г. «О серьезных недостатках в выполнении Закона РСФСР «Об охране природы в РСФСР» в Тюменской области». Решение Тюменского облисполкома № 130 от 6 марта 1974 г. «О дополнительных мерах по охране северной природы и рациональному использованию ее богатств». Постановление XIV Сургутской районной партийной конференции о работе районного комитета КПСС. Сургут. 22 декабря 1962; Постановление XV Сургутской районной партийной конференции о работе районного комитета КПСС. Сургут. 11 декабря 1964 г.; Постановление XIX Сургутской городской конференции по отчетному докладу городского комитета КПСС. Сургут. 12 января 1974 г. и другие.

² Табаков Н.В. (1942–2018) – в 1970-е гг. был начальником комплексного дорожного отдела Гипротюменьнефтегаза, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии СССР (1980), изобретатель СССР (1983), отличник нефтяной промышленности (1980), член-корреспондент РАЕН (1996), действительный член Академии транспорта (1999). Награжден орденом «Знак Почета» (1984), медалями. Разработал методы сооружения без удаления торфа и оптимизации строительства автомобильных дорог на неоднородных территориях, способствующих снижению стоимости и повышению темпов обустройства нефтяных месторождений Западной Сибири; решения транспортных задач, способствующих ускорению интеграционных процессов в Западно-Сибирском и Уральском регионах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Развитие производительных сил Севера СССР / Г.П. Лузин, А.М. Поздняков, С.Н. Старовойтов и др. Новосибирск : Наука, 1991. 228 с.
2. Силин А.Н., Симонов С.Г. Социально-экономическое развитие Западно-Сибирского Севера: проблемные ситуации // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1988. № 1, вып. 1. С. 50–60.
3. Трудная дорога к нефти: Тюменские ученые и инженеры рассказывают. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1985. 96 с.
4. Валеева Э.И., Москвиченко Д.В. Роль водно-болотных угодий в устойчивом развитии севера Западной Сибири. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. 229 с.
5. Бюдьков С.Т., Нефедова В.Б. Север Западной Сибири (Проблемы хозяйственного освоения и охрана окружающей среды). Тюмень, 1977. 88 с.
6. Белорусов Д.В. Перспективы развития и размещения производительных сил Западносибирской низменности // Материалы к пленуму межведомственной комиссии по проблемам Севера. Вып. 2: Основные направления развития и размещения производительных сил районов Севера. М., 1969. С. 42–60.
7. Нефть Сибири. М. : Недра, 1973. 255 с.
8. Архивный отдел управления документационного и информационного обеспечения администрации г. Сургута (далее – СГА). Ф. Р–1. Сургутский районный Совет депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 448.
9. Башлаков Я.К., Шмаков А.Н. Географические аспекты природопользования и охраны природы Тюменской области // Природные ресурсы Тюменской области : сб. ст. Л. : Географическое общество СССР, 1976. С. 3–8.
10. СГА. Д. 486.
11. СГА. Д. 392.
12. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области. Ф. Р–814. Тюменский областной Совет Депутатов Трудящихся. Исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 5264.
13. СГА. Д. 340.
14. СГА. Д. 548.
15. Мостовенко М.С. Социально-экономические последствия индустриального освоения для коренных народов Севера Западной Сибири в 1960–1970-е годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (45). С. 41–48.
16. Гололобов Е.И. Документирование деятельности постоянных комиссий по охране природы исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся (1960–1980-е гг.) // Вестник РГГУ. Сер. «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2017. № 3 (9). С. 71–80.
17. Положение о постоянных комиссиях местных советов народных депутатов РСФСР. М. : Известия Советов народных депутатов СССР, 1983.
18. СГА. Д. 245.
19. Шапошников Л.К. Современные вопросы охраны природы // Охрана природы Сибири : материалы Первой Сибирской конференции 1958 года. Иркутск, 1959. С. 5–7.
20. Иоганзен Б.Г., Лаптев И.П. Некоторые аспекты охраны природы Западной Сибири // Охрана природы Сибири : материалы Первой Сибирской конференции 1958 года. Иркутск, 1959. С. 10–12.
21. Проблемы Севера. Вып. 18: Развитие производительных сил и проблемы окружающей среды. М., 1973. 238 с.
22. Славин С.В. Освоение Севера. М., 1975. 198 с.
23. Белорусов Д.В., Панфилов И.И., Сенников В.А. Проблемы развития и размещения производительных сил Западной Сибири. М. : Мысль, 1976. 269 с.
24. Горбунов Г.И., Авдеев Г.Н. Актуальные проблемы охраны природы Крайнего Севера // Природа и хозяйство Севера. 1976. Вып. 4. С. 3–14.
25. Силин А.Н. О сохранении окружающей среды при освоении газовых ресурсов севера Тюменской области // Проблемы развития и размещения производительных сил Сибири. Новосибирск, 1976. С. 37–42.
26. Лаптев И.П. Проблема рационального использования, охраны и восстановления природы Севера СССР // Проблемы охраны природы Сибири. Томск, 1978. С. 67–78.
27. Охрана и рациональное использование природных ресурсов Западной Сибири : материалы Всерос. науч. студ. конф. Томск, 1985. 191 с.
28. Забузов А.А. Охрана природы Севера – задача государственной важности // Разведка и охрана недр. 1986. № 6. С. 11–15.
29. Вегерин А., Молвинских В. Опасная болезнь: Письма с Тюменского Севера // Северные просторы. 1987. № 1. С. 35–39.
30. Мостовенко М.С. Государственная политика в области использования биоресурсов на Севере Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2017. 21 с.
31. Российский государственный архив экономики. Ф. 746. Личный фонд Самуила Венедиктовича Славина. Оп. 1. Д. 18.
32. Шмыглева А.В. Антропогенное воздействие как фактор деградации экосистем Западной Сибири в советский период // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (51). С. 48–54.
33. Бюдьков С.Т. Экономико-географические аспекты современного и перспективного освоения природных ресурсов Сосьвинского Приобья / Природные ресурсы Тюменской области : сб. ст. Л. : Географическое общество СССР, 1976. С. 105–117.
34. Костяев А.И. Агропромышленные хозяйства Севера. Л. : Наука, 1986. 147 с.

35. Шмыглева А.В. Деятельность региональных отделений Всероссийского общества охраны природы в Западной Сибири (1960 – первая половина 1980-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 182–192. DOI: 10.17223/15617793/432/24.

Evgeny I. Gololobov. Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia). E-mail: gololobov.eig@yandex.ru

HUMAN ANTHROPOGENIC IMPACT ON THE NATURE AND ITS PROTECTION ON THE NORTH OF WESTERN SIBERIA IN THE 1960–1980TH.

Keywords: conservation; 20th century; North of Western Siberia; environmental history.

The purpose of this work is to show the process of industrial development of the North of Western Siberia in the 1960-1980th through interaction of the human and the nature as a phenomenon of environmental history. The source base of a research is guided by the analysis of the nature protection legislation, office work documentation of regional executive committees of Councils of deputies of workers, the constant commissions on conservation, documents of the CPSU, the scientific and popular scientific literature devoted to questions of development of the North and protection of its nature. The region in unprecedentedly short time became the center of oil and gas industry, there passed the way from focal development of the territory where it was only necessary to control volumes of production of certain resources, before continuous industrial development of huge spaces with need of complex ensuring environmental protection. It led to the serious environmental impacts connected with environmental pollution. Activity of the enterprises of the oil and gas industry led to pollution of water and loss of fishery value of the rivers and lakes, destruction of the wood and degradation of a soil cover. The state declared careful attitude to the nature and its resources, the Constitution of the USSR and RSFSR obliged citizens to protect the nature (Article 18). However, it influenced daily realities of industrial development of the North of Western Siberia a little. Heads of various levels, as well as their subordinates, loved the nature indirectly, kind of in general, on a global scale. That nature which they faced was for them, first of all, a resource. The resource should be got and mastered. And it was necessary to do it, implementing and exceeding production plans. It was the main priority.

The author concluded that oil and gas production, the nature protection legislation and measures of rational use of resources were not observed. Their application was slowed down by lack of really operating mechanisms of impact on violators of nature protection norms. First of all, there were no financial mechanisms. Achievements of science in the sphere of nature protection and rational environmental management, as a rule, were ignored, remained only developments. They were used only when they helped to execute or exceed production plans. Scientists, first of all, geographers and economists wanted that “the nature was not only the storeroom and a source of industrial and agricultural resources of the human, but also the accomplice of industrial and agricultural production”. But the nature very quickly became a victim of industrial development of the region.

REFERENCES

- Luzin, G.P., Pozdnyakov, A.M., Starovoytov, S.N. et al. (1991) *Razvitie proizvoditel'nykh sil Severa SSSR* [Development of Productive Forces of the North of the USSR]. Novosibirsk: Nauka.
- Silin, A.N. & Simonov, S.G. (1988) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Zapadno-Sibirskogo Severa: problemnye situatsii* [Social and economic development of the West Siberian North: problem situations]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya ekonomiki i prikladnoy sotsiologii*. 1(1). pp. 50–60.
- Anon. (1985) *Trudnaya doroga k nefii: Tyumenskies uchenye i inzheneriy rasskazyvayut* [Difficult Road to Oil: The Tyumen Scientists and Engineers Tell]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo.
- Valeeva, E.I. & Moskovchenko, D.V. (2001) *Rol' vodno-bolotnykh ugodiy v ustoychivom razvitiy severa Zapadnoy Sibiri* [A role of wetlands in sustainable development of the North of Western Siberia]. Tyumen: SB RAS.
- Byudkov, S.T. & Nefedova, V.B. (1977) *Sever Zapadnoy Sibiri (Problemy khozyaystvennogo osvoeniya i okhrana okruzhayushchey sredy)* [North of Western Siberia (Problems of economic development and environmental protection)]. Tyumen: [s.n.].
- Belorusov, D.V. (1969) *Perspektivy razvitiya i razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil Zapadnosibirskoy nizmennosti* [Prospects of development and placement of productive forces of the West Siberian lowland]. In: *Materialy k plenumu mezhdudomstvennoy komissii po problemam Severa* [Materials for a plenum of the interdepartmental commission on North problems]. Issue 2. Moscow: [s.n.]. pp. 42–60.
- Anon. (1973) *Nef' Sibiri* [Siberian Oil]. Moscow: Nedra.
- The Archival Department of Documentary and Information Support Management of Surgut Administration (SGA). Fund R–1. Surgut Regional Council of Deputies and its Executive Committee. List 1. File 448.
- Bashlakov, Ya.K. & Shmakov, A.N. (1976) *Geograficheskie aspekty prirodopol'zovaniya i okhrany prirody Tyumenskoy oblasti* [Geographical aspects of environmental management and conservation of Tyumen Region]. In: *Prirodnye resursy Tyumenskoy oblasti* [Natural Resources of Tyumen Region]. Leningrad: The USSR Geographical Society. pp. 3–8.
- The Archival Department of Documentary and Information Support Management of Surgut Administration (SGA). File 486.
- The Archival Department of Documentary and Information Support Management of Surgut Administration (SGA). File 392.
- The State Budgetary Institution of the Tyumen Regional State Archive (GBOUTO GATO). Fund R–814. The Tyumen Regional Council of Deputies of Workers. Executive Committee. List 1. File 5264.
- The Archival Department of Documentary and Information Support Management of Surgut Administration (SGA). File 340.
- The Archival Department of Documentary and Information Support Management of Surgut Administration (SGA). File 548.
- Mostovenko, M.S. (2016) *Social and Economic Consequences of Industrial Development for Indigenous Peoples of the North of Western Siberia in the 1960–1970-s*. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 6(45). pp. 41–48. (In Russian).
- Gololobov, E.I. (2017) *Documenting the activity of permanent commissions for nature protection in executive committees of Councils of workers' deputies in the 1960s – 1980s*. *Vestnik RGGU, seriya "Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost'" – RSUH/RGGU Bulletin*. 3(9). pp. 71–80. (In Russian).
- The USSR Councils of People's Deputies. (1983) *Polozhenie o postoyannykh komissiyakh mestnykh sovetov narodnykh deputatov RSFSR* [Provision on the constant commissions of local councils of People's Deputies of RSFSR]. Moscow: *Izvestiya Sovetov narodnykh deputatov SSSR*.
- The Archival Department of Documentary and Information Support Management of Surgut Administration (SGA). File 245.
- Shaposhnikov, L.K. (1959) [Modern problems of conservation]. *Okhrana prirody Sibiri* [Conservation of Siberia]. Materialy Pervoy Sibirskoy konferentsii 1958 goda [Conservation of Siberia. Materials of the First Siberian conference of 1958]. Irkutsk. pp. 5–7. (In Russian).
- Ioganzhen, B.G. & Laptev, I.P. (1959) *Nekotorye aspekty okhrany prirody Zapadnoy Sibiri* [Some aspects of conservation of Western Siberia]. In: *Okhrana prirody Sibiri* [Conservation of Siberia]. Materialy Pervoy Sibirskoy konferentsii 1958 goda [Conservation of Siberia]. Irkutsk: [s.n.]. pp. 10-12.
- The State Public Scientific and Technical Library of SB RAS. (1973) *Problemy Severa* [Problems of the North]. Issue 8. Moscow: RAS.
- Slavin, S.V. (1975) *Osvoenie Severa* [Development of the North]. Moscow: Nauka.

23. Belorусov, D.V., Panfilov, I.I. & Sennikov, V.A. (1976) *Problemy razvitiya i razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil Zapadnoy Sibiri* [Problems of development and placement of productive forces of Western Siberia]. Moscow: Mysl'.
24. Gorbunov, G.I. & Avdeev, G.N. (1976) Aktual'nye problemy okhrany prirody Kraynego Severa [Current problems of Far North conservation]. *Priroda i khozyaystvo Severa*. 4. pp. 3–14.
25. Silin, A.N. (1976) O sokhraneniі okruzhayushchey sredy pri osvoenii gazovykh resursov severa Tyumenskoy oblasti [About preservation of the environment at development of gas resources of the north of Tyumen region]. In: *Problemy razvitiya i razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil Sibiri* [Problem of development and placements of productive forces of Siberia]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 37–42.
26. Laptev, I.P. (1978) Problema ratsional'nogo ispol'zovaniya, okhrany i vosstanovleniya prirody Severa SSSR [Problem of rational use, protection and restoration of the nature of the North of an USSR]. In: *Problemy okhrany prirody Sibiri* [Problem of conservation of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 67–78.
27. Anon. (1985) *Okhrana i ratsional'noe ispol'zovanie prirodnykh resursov Zapadnoy Sibiri* [Protection and rational use of natural resources in Western Siberia]. Proc. of the All-Russian Conference. Tomsk: [s.n.].
28. Zabuzov, A.A. (1986) Okhrana prirody Severa – zadacha gosudarstvennoy vazhnosti [Conservation of the North as a task of state importance]. *Razvedka i okhrana nedr*. 6. pp. 11–15.
29. Vegerin, A. & Molvinskikh, V. (1987) Opasnaya bolezn': Pis'ma s Tyumenskogo severa [Dangerous disease: Letters from the Tyumen North]. *Severnye prostory*. 1. pp. 35–39.
30. Mostovenko, M.S. (2017) *Gosudarstvennaya politika v oblasti ispol'zovaniya bioresursov na Severe Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 1950-kh – pervoy polovine 1980-kh gg.* [State policy concerning the use of bioresources in the north of Western Siberia in the second half of the 1950th – the first half of the 1980th]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
31. The Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 746. Samuil Venediktovich Slavin's Personal Fund. List 1. File 18.
32. Shmygleva, A.V. (2017) Anthropogenic Factor in Degradation of Ecosystems in Western Siberia in the Soviet period. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 6(51). pp. 48–54. (In Russian).
33. Budkov, S.T. (1976) Ekonomiko-geograficheskie aspekty sovremennogo i perspektivnogo osvoeniya prirodnykh resursov Sos'vinskogo Priob'ya [Economical and geographical aspects of modern and perspective exploitation of natural resources of Sosva Ob area]. In: *Prirodnye resursy Tyumenskoy oblasti* [Natural Resources of Tyumen Region]. Leningrad: The USSR Geographical Society. pp. 105–117.
34. Kostyaev, A.I. (1986) *Agropromyslovye khozyaystva Severa* [Northern agrotrade farms]. Leningrad: Nauka.
35. Shmygleva, A.V. (2018) Activities of the regional branches of the All-Russian Society for the Conservation of Nature in Western Siberia (1960 - first half of the 1980s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk state University Journal*. 432. pp. 182–192. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/432/24

УДК 9(57)
DOI: 10.17223/19988613/61/3

Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек

АЗИАТСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЛНОМОЧИЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

В статье рассматривается специфика региональной власти азиатской окраины империи, которая требовала от администраторов компетенций не только во внутренней, но и во внешнеполитической деятельности. В этом регионе задачи территориального расширения империи решались при активном участии генерал-губернаторов. Поэтому генерал-губернаторы Азиатской России должны были иметь опыт, пусть даже небольшой, дипломатической деятельности. Внешнеполитический аспект генерал-губернаторской деятельности был тесно связан с их административно-политическими мероприятиями как главных начальников края и проявлялся в самых различных, подчас весьма неожиданных вариантах.

Ключевые слова: Россия; Сибирь; империя; окраины; управление; генерал-губернатор; дипломатия; внешняя политика.

Московские, а впоследствии и петербургские власти всегда уделяли особое значение отношениям России с соседними государствами. Подобная практика объясняется, прежде всего, геополитическими соображениями: стремлением обеспечить прочность границ с сопредельными странами, воспрепятствовать захвату приграничных территорий соперниками или включить эти территории в сферу влияния недружественных России государств. Такая политика, являясь, прежде всего, отражением стратегических и внешнеполитических интересов российского правительства, ибо вплоть до конца XIX в. именно эти факторы, а не соображения экономического порядка определяли основную вектор внешнеполитической деятельности государства [1. С. 26; 2. С. 21–22]. Именно опасениями такого рода следует объяснять серию указов Ивана IV, запрещающих русским людям под страхом смертной казни проникновение на территорию сибирского царства [3]. Однако ситуация принципиально изменилась после того, как Сибирь оказалась в составе Российского государства. Формирование новых государственных границ и их охрана стали одной из важных функций правительства. Однако не только вопросами безопасности границ руководствовались российские власти, определяя круг внешнеполитических полномочий высших руководителей окраинных регионов. Не менее значимую роль играли вопросы территориального расширения империи, усиления политического влияния России в соседних странах, установления выгодных экономических связей с сопредельными государствами. Подобные устремления России вызывали естественное противодействие со стороны ряда азиатских и европейских государств, стремящихся к усилению собственного влияния в этих же регионах.

Процесс формирования азиатско-тихоокеанских границ России даже к середине XIX в. не был завершен. Сама по себе эта граница была еще очень аморфной, своего рода буферной зоной, которую государство рассматривало как военно-экономический плацдарм

для дальнейшего расширения империи (Охотско-Камчатский край – для Северной Америки; Забайкалье – для Приамурья; Приморский край – для Маньчжурии; Западная Сибирь и Оренбургский край – для Казахстана и Средней Азии (эта мысль была высказана А.В. Ремневым на научно-теоретическом семинаре, состоявшемся в Иркутске 13–15 ноября 2003 г.)) [4. С. 27; 5. С. 39]. Таким образом, особенность геостратегического положения азиатских территорий империи выдвигала перед российским правительством как бы двуединую задачу: закрепление новых территорий в составе России, в том числе путем усиления безопасности границ, с одной стороны, и дальнейшее расширение имперского пространства, сферы влияния империи – с другой. Существенную роль в решении этой задачи была призвана сыграть региональная власть, в деятельности которой уже на ранних этапах русской колонизации Зауралья можно наблюдать сочетание элементов внутренней и внешней политики. Но если первое направление – внутривнутриполитическая деятельность – вытекало из самой сути региональной власти, то решение задачи территориального расширения империи требовало соответствующих внешнеполитических полномочий. В XIX в. в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Средней Азии эти вопросы решались при активном участии генерал-губернаторской власти, что предопределило важную особенность ее функционирования, отразившуюся в нормативных документах и практической деятельности.

Следует, однако, заметить, что практика предоставления сибирским властям особых внешнеполитических полномочий не была принципиально новым явлением во взаимоотношении центра и периферии. Еще на начальных этапах интеграции Сибири в Россию московское правительство своими указами предоставляло сибирским правителям ряд важных полномочий по ведению дипломатических и торговых сношений с пограничными государствами. Корни этой дипломатической самостоятельности следует искать в деятельности

сибирского приказа, официально открытого в Москве в 1637 г. В отличие от других приказов, он сочетал в себе территориальные и функциональные направления деятельности. Политическая и географическая удаленность Сибири от центра страны предопределила важную особенность в деятельности сибирского приказа, в компетенцию которого, наряду с обязанностями по снабжению населения края продовольствием, вином и т.д., находились дипломатические дела. Исследователи истории Сибири XVII в. отмечают еще одну важную особенность деятельности местных органов власти. Вслед за С.В. Бахрушиным [6. С. 253–262] А.Н. Копылов обратил внимание на гораздо более широкие полномочия сибирских воевод по сравнению с их «коллегами» из Европейской России [7]. Поскольку через Сибирь шли тогда торговые караваны нагайских и бухарских купцов, русское правительство стало вменять в обязанности сибирских воевод ответственность за организацию таможенных сборов. В данном случае экономические функции сибирских воевод переплетались с внешнеэкономической деятельностью. В то же время воеводы ряда порубежных городов получали право в сугубо дипломатических сношениях с государствами монгольского мира [8. С. 117]. Так, уже на начальных этапах русской колонизации Сибири природный-географический фактор оказывал непосредственное влияние на определение обязанностей и полномочий местной администрации в части внешнеполитической деятельности.

Отмеченная выше особенность прослеживается и в XVIII столетии. Первому Иркутскому генерал-губернатору И.В. Якоби еще во время службы в Селенгинске, в самом начале своей карьеры, неоднократно приходилось ездить в Китай в качестве уполномоченного российской стороны. Позднее, дослужившись до полковника, он принимал участие уже в съездах с китайскими представителями, на которых обсуждались русско-китайские торговые отношения. Став генерал-губернатором Сибири в 1783 г., он много сил приложил для дальнейшего развития этих отношений. Он вообще предлагал занять всю территорию по прямой линии от вершин Иртыша на Ургу и далее – к устью Амура, установить морские торговые связи России с Китаем, Японией и Калифорнией. Примечательно, что причиной отставки Якоби стала именно его внешнеполитическая деятельность. Неизвестный доносчик обвинил его в стремлении обострить отношения России с Китаем [9. С. 639, 791].

Исследователи справедливо отмечают, что высшая сибирская администрация вообще была не прочь распространить свою самостоятельность на сферу внешнеполитической деятельности. Так, еще в начале XIX в. иркутский гражданский губернатор Н.И. Трескин, пользуясь значительным удалением от Петербурга, предпринимал самостоятельные шаги по урегулированию в регионе отношения с Китаем и Японией. В этом Трескина поддержал его патрон, генерал-губернатор

И.Б. Пестель, который вообще стремился монополизировать дипломатические отношения России с сопредельными странами и доказывал петербургским сановниками МИДа, что лучше поручать это дело местным главным начальникам, чем отправлять за тридевять земель дорогостоящие посольства [10. С. 76]. Особенности геостратегического положения Сибири вызвали необходимость автономности местной администрации, в том числе в части внешнеполитической деятельности. Характерно, что именно на этой специфической стороне деятельности сибирских властей можно наблюдать определенные противоречия децентрализаторских и централизаторских тенденций, свойственные внутренней политике самодержавия в целом. С одной стороны, правительство в лице Министерства иностранных дел пыталось жестко контролировать и направлять всю деятельность местной администрации в части внешнеполитической. Оно вмешивалось в решение даже таких вопросов, которые, казалось, были весьма далеки от круга непосредственных обязанностей министерства, но, как полагали в этом ведомстве, отвечали стратегическим целям внешней политики России. Примером этому может служить серия «особых совещаний», проведенных в Петербурге в период с 1898 по 1901 г., на которых обсуждался один вопрос – «о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье» [11. Л. 2–3]. На все предложения Синода и Иркутского генерал-губернатора об административном, т.е. насильственном, ограничении влияния ламаизма Министерство иностранных дел всегда жестко отвечало отказом, считая, что с помощью буддизма Россия сможет усилить свое влияние в Монголии, Китае и других странах. Подобные же соображения властями различных уровней высказывались и позже. В одной из записок, поданных Министерством иностранных дел на имя председателя Комитета министров в 1903 г., прямо отмечалось, что российская религиозная политика в отношении забайкальских бурят имеет огромное значение «по связям этих племен с Китаем и Тибетом» [12]. Подобный интерес главного внешнеполитического ведомства империи к традиционным религиозным верованиям и обычаям инородцев можно наблюдать и на примере других окраин государства. Известно, что в 1871 г. Министерство иностранных дел выступило против предложений Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана о предоставлении ему права регулировать нормы мусульманского вероисповедания [13. С. 224–225]. По мнению министерства, это неминуемо должно было привести к падению авторитета России в мусульманском мире Средней Азии. С такой позицией российского МИДа трудно не согласиться.

В то же время значительная активизация деятельности России на дальневосточных и среднеазиатских направлениях в XIX в. влекла необходимость принятия оперативных решений на месте. В сановном Петербурге хорошо понимали это и были вынуждены предоставлять местным властям дозированную самостоя-

тельность во внешнеполитической деятельности. Важно еще раз отметить, что внешнеполитический аспект деятельности высшей местной администрации в лице генерал-губернаторов был тесно связан с их административно-политическими мероприятиями как главных начальников края и проявлялся в самых различных, подчас весьма неожиданных вариантах. Несомненным доказательством этого является установление особого режима пограничных и приморских управлений. На протяжении XVIII и XIX вв. неоднократно пересматривался статус Охотского приморского управления. Административной реформой 1822 г. на Дальнем Востоке были образованы Охотское и Камчатское приморские управления, а в Забайкалье – Троицкосавское пограничное управление [14. Ст. 13]. В задачу последнего входили не только обычные в таких случаях функции пограничной службы, но и охрана границы и обеспечение безопасности торговли. Позднее Троицкосавск был напрямую подчинен Иркутскому генерал-губернатору. Внешнеполитическая активность России в Азиатско-Тихоокеанском регионе была в значительной степени обеспечена административными преобразованиями Н.Н. Муравьева на Дальнем Востоке, с одной стороны [15. С. 133–163], и его стремлением упрочить положение империи в этом стратегически важном районе мира – с другой. Однако достижение последнего было невозможно без соответствующих международных соглашений России с сопредельными странами. Но именно этим соглашениям Россия в значительной степени оказалась обязанной Н.Н. Муравьеву.

Одним из проявлений «автономизма» генерал-губернатора Восточной Сибири в части внешнеполитической деятельности стало получение Муравьевым в январе 1854 г. правительственной инструкции, объявляющей генерал-губернатора высшей инстанцией в сношениях России с Китаем по вопросу о границе [16. С. 174]. Любопытно, что инициатором этого решения выступал сам Муравьев. В 1853 г. во время пребывания в Петербурге он подал императору записку, в которой предложил начать переговоры по вопросу о разграничении границы с Китаем, поручив ведение самих переговоров местным властям, т.е. фактически самому себе [17. С. 321–322; 18. С. 133]. Но это обстоятельство не меняет принципиальной оценки факта признания особой автономной роли Иркутского генерал-губернатора на переговорах с Китаем. Здесь следует отметить, что именно Муравьев сыграл решающую роль в разработке и принятии в 1853 г. известного в последствии положения о ламайском духовенстве в Забайкалье, надолго регламентировавшем правовые нормы детальности буддистских дацанов и самих лам в регионе. При этом Муравьев исходил из стремления сохранить спокойствие на российско-цинской границе, продолжая извлекать немалые для России выгоды из приграничной торговли с Китаем, а не потакать сомнительным инициативам МВД, Св. Синода и ряда других министерств и ведомств, направленным на ужесточение политики

по отношению к буддистам [19. С. 152–168]. Известной долей автономии во внешнеполитической деятельности пользовался и генерал-губернатор Западной Сибири. В данном случае, как и в Восточной Сибири, она тесно переплеталась с осуществлением главным территориальным начальником края своих политико-административных полномочий. Созданная по инициативе Сперанского в 1822 г. область сибирских киргизов конечной целью имела усиление военно-стратегического присутствия России в Степном крае. Обсуждаемый во второй половине XIX в. вопрос об административных границах Западной Сибири был тесно связан с активизацией внешнеполитической деятельности России на среднеазиатском направлении. Фактор отдаленности от центра, приграничное положение территории, знание конкретного материала позволяли западносибирским генерал-губернаторам играть в этом процессе далеко не последнюю роль. Как правило, они участвовали в качестве экспертов во всех закрытых комиссиях по обсуждению вопросов усиления роли России в этом регионе. Именно территория Западной Сибири и Оренбургского генерал-губернаторства послужила своего рода военно-экономическим плацдармом для продвижения России в Казахстан и Среднюю Азию.

С учетом активизации политики России на азиатском и дальневосточном рубежах непосредственно связано одно требование, которому, по мнению правительства, должны были отвечать генерал-губернаторы Азиатской России – это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности. Оно логически вытекало из сопредельного положения сибирских областей и губерний, активной внешней политики на этих направлениях, с одной стороны, и невозможностью детально контролировать и направлять этот процесс из Петербурга – с другой. Первым генерал-губернатором, получившим соответствующие полномочия российского Министерства иностранных дел на ведение переговоров с Китаем, был Н.Н. Муравьев [16. С. 154–186]. Некоторые из его приемников на посту генерал-губернатора Восточной Сибири предшествующей службой были неплохо подготовлены к исполнению такого рода обязанностей. Так, Д.Г. Анучин в 1879 г. был заведующим гражданскими делами России в Болгарии и в качестве члена официальной российской делегации участвовал в работе Берлинского конгресса. Однако гораздо больший опыт такого рода был у генерал-губернатора Западной Сибири А.О. Дюгамеля, который в 1830-х гг. неоднократно выполнял важные дипломатические поручения Российского правительства в Турции, был генеральным консулом России в Египте, а позже – послом в Тегеране.

Компаративный анализ особенностей внешнеполитической деятельности генерал-губернаторов Азиатской России позволяет утверждать, что глубина ее автономности находилась в прямой зависимости не только от расстояния до столицы, но и от позиций России в регионе в целом, ее дипломатического влияния на со-

предельные страны, личного авторитета генерал-губернатора. В этом смысле наибольшей независимостью пользовался Туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман. В его руках была сосредоточена огромная административная и военно-политическая власть, вся среднеазиатская политика. Он был уполномочен Российским правительством начинать военные дей-

ствия, вести мирные переговоры, руководить дипломатическими представительствами России в соседних с Ташкентом государствах. Как в 1858 г. Н.Н. Муравьев в Айгуне, К.П. Кауфман сыграл решающую роль в разработке и подписании в 1873 г. Русско-бухарского и Русско-хивинского договоров [18. С. 109–111].

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. I (XVIII – начало XX в.). СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 591 с.
2. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 1996. С. 21–22.
3. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М. : Изд-во Ин-та истории Академии Наук СССР, 1972. 392 с.
4. Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начала XX в.) // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XXI веков : материалы науч.-теоретич. семинара. Иркутск : Изд-во Вост-Сиб. ин-та МВД России, 2003. 240 с.
5. Дамешек И.Л. Генерал-губернаторы Азиатской России как институт власти и его особенности // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI века : материалы V Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2003. Ч. 1. 216 с.
6. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 1.
7. Копылов А.Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI–XVII вв. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общ. наук. М., 1965. № 9.
8. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск : Наука, 1991. 401 с.
9. История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 2: Правительствующий сенат в царствование Елисаветы Петровны и Петра Феодоровича / [сост. А.Е. Пресняков, Н.Д. Чечулин]. 1911. [4]. 806 с.
10. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX века. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 62. Отд. 2. Д. 300.
12. Библиотека РГИА. Печатные записки. № 255. Записи и прошения, поданные Председателю Комитета министров по инородческим вопросам.
13. Институт генерал-губернаторства и наместничества Российской империи : в 2 т. СПб., 2001. Т. 1. 452 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 38, № 29125. С. 345–394.
15. Сибирь в системе имперского регионализма (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. 202 с.
16. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.
17. Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. 1891. Т. 1. С. 321–322.
18. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1999. 384 с.
19. Цырепиллов Н.В. Буддизм и империя. Бурятская буддистская община в России (XVIII – начало XX в.) Улан-Удэ : ИМБИТ СО РАН, 2013. 338 с.

Lev M. Dameshek. Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: levdamshek@gmail.com

Irina L. Dameshek. Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: dameshek@rambler.ru

ASIAN FRONTIER AND THE FOREIGN POLICY POWERS OF THE GOVERNOR-GENERALS IN ASIAN RUSSIA

Keywords: Russia; Siberia; empire; center; margin; regionalism; governance; governor-general; diplomacy; foreign policy.

The authors suggest that the peculiarities of geo-strategic position of Siberia necessitated the autonomy of local government in terms of foreign policy. The practice of giving special foreign policy powers to the Siberian authorities was not an entirely new phenomenon in the center-periphery relationship.

The authors note that the intensification of activities of Russia in the Far Eastern and Central Asian areas in the XIX century caused the need for the operational decisions on the spot. This situation was well understood by the capital government so they were forced to provide some independence in foreign policy to the local authorities.

The authors state that on this specific aspect of the Siberian authorities' activity, one can observe certain contradictions between the decentralizing and centralizing tendencies of the autocratic policy. The government represented by the Ministry of Foreign Affairs tried to strictly control and direct all the activities of the local administration.

According to the authors, it was connected by the one requirement from the government that the governors-general of Asiatic Russia had to have the presence of even if of a small experience in diplomatic activity. It is logically followed from the contiguous position of the Siberian regions and provinces as well as active foreign policy in these areas on the one hand, and the inability to control and direct this process in detail from St. Petersburg on the other.

The archival sources indicated that the foreign policy aspect of the activity of the highest local administration in the person of the governor-general was closely related to their administrative and political actions as the heads of the region and manifested itself in a different and sometimes very unexpected ways. The undoubted proof was the establishment of a special regime for the border and the coastal administrations.

The governor-general of Western Siberia also had a certain amount of autonomy in foreign policy. In this case as in Eastern Siberia it is closely intertwined with the exercise of the territorial head of the region political and administrative powers, which is reflected in legislative sources. For example, the region of Siberian Kirghiz created in 1822 had the ultimate goal of strengthening Russia's military-strategic presence in the steppe area. The question of the administrative borders of Western Siberia, discussed in the second half of the XIX century, was closely associated with the intensification of Russian foreign policy in the Central Asian direction.

The authors came to the conclusion made on the basis of comparative analysis of the features of the Asian Russia governor-generals foreign policy activities. The depth of its autonomy was directly dependent not only on the distance to the capital, but also on the posi-

tion of Russia in the region as a whole as well as its diplomatic influence on neighboring countries and the personal authority of the governor-general.

REFERENCES

1. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii. Tom I. (XVIII – nachalo XX v.)* [The Social History of Russia. Vol. I. (the 18th – early 20th century)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Kappeler, A. (1996) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie, istoriya, raspad* [Russia – a multinational empire: Origin, history, collapse]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 21–22.
3. Preobrazhensky, A.A. (1972) *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII veka* [The Urals and Western Siberia in the late 16th – early 18th century]. Moscow: Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR.
4. Remnev, A.V. (2003) [Geographical, administrative and mental borders of Siberia (the 19th – early 20th centuries)]. *Administrativno-gosudarstvennoe i pravovoe razvitie Sibiri XVII–XXI vekov* [Administrative, state and legal development of Siberia of the XVII–XXI centuries]. Proc. of the Seminar. Irkutsk: Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russian).
5. Dameshek, I.L. (2003) [Governor-Generals of Asian Russia as an institution of power and its features]. *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri XVI–XXI veka* [Problems of the History of Local Governance in Siberia of the 16th – 21st centuries]. Proc. of the Fifth All-Russian Conference. Novosibirsk. (In Russian).
6. Bakhrushin, S.V. (1955) *Nauchnye trudy* [Works]. Vol. 3. Moscow: [s.n.].
7. Kopylov, A.N. (1965) *Organy tsentral'nogo i voevodskogo upravleniya Sibiri v kontse XVI–XVII vv.* [Bodies of the central and regional administration of Siberia at the end of the 16th – 17th centuries]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya obshch. nauk.* 9.
8. Aleksandrov, V.A. & Pokrovsky, N.N. (1991) *Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v.* [Power and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk: Nauka.
9. Presnyakov, A.E. & Chechulin, N.D. (1911) *Istoriya Pravitel'stviyushchego senata za dvesti let. 1711–1911 gg.* [The History of the Governing Senate for Two Hundred Years. 1711–1911]. Vol. 2. St. Petersburg: V Senatskoy tipografii.
10. Remnev, A.V. (2004) *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX veka* [Russia of the Far East. Imperial Geography of Power of the 19th-early 20th Centuries]. Omsk: Omsk State University.
11. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 62(2). File 300.
12. The Russian State Historical Archive Library. (n.d.). *Pechatnye zapiski* [Printed notes]. № 255.
13. Kropachev, N.M. et al. (eds) (2001) *Institut general-gubernatorstva i namestnichestva Rossiyskoy imperii: v 2 t.* [Institute of Governor-General and Viceroyalty of the Russian Empire: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
14. Russia. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI I)* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI I)]. Vol. 38. № 29125. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 345–394.
15. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2002) *Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (Komparativnoe issledovanie okrainnoy politiki Rossii v pervoy polovine XIX v.)* [Siberia in the system of imperial regionalism (Comparative study of Russian border policy in the first half of the 19th century)]. Irkutsk: Palmarium Academic.
16. Matkhanova, N.P. (1998) *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri sereдины XIX veka: V.Ya. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskiy, M.S. Korsakov* [Governor-General of Eastern Siberia in the mid-19th century: V.Ya. Rupert, N.N. Muravyov-Amursky, M.S. Korsakov]. Novosibirsk: SB RAS s.
17. Barsukov, I.P. (1891) *Graf Nikolay Nikolaevich Murav'ev-Amurskiy* [Count Nikolai Nikolaevich Muravyov-Amursky]. Vol. 1. [s.l.; s.n.]. pp. 321–322.
18. Sakharov, A.N. (ed.) (1999) *Istoriya vneshney politiki Rossii. Vtoraya polovina XIX veka* [The History of Russian Foreign policy. The Second Half of the XIX Century]. Moscow: Mezhdunarodnie otnosheniya.
19. Tsyrempilov, N.V. (2013) *Buddizm i imperiya. Buryatskaya buddistskaya obshchina v Rossii (XVIII – nachalo XX v.)* [Buddhism and Empire. Buryat Buddhist Community in Russia (the 18th – early 20th centuries)]. Ulan-Ude: SB RAS.

УДК 94 (47)
DOI: 10.17223/19988613/61/4

С.Я. Ковганов

ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается опыт кадрового обеспечения органов военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны. В сложной военно-политической обстановке в сжатые сроки был подготовлен кадровый резерв для комплектования особых отделов НКВД вновь формируемых соединений и объединений Красной армии. Значительную работу в этом направлении проделал отдел кадров НКВД СССР. В середине 30-х гг. XX в. в СССР была создана сеть учебных заведений по подготовке кадров для отечественных органов безопасности, что обеспечило обучение в сжатые сроки достаточного количества оперативных работников с началом войны. На заключительном этапе войны органы военной контрразведки «Смерш» были полностью укомплектованы оперативным составом, способных решать весь комплекс задач по контрразведывательному обеспечению Вооруженных сил СССР. В статье использованы материалы распорядительных документов тех лет.

Ключевые слова: военная контрразведка; кадры; обучение; «Смерш».

В 2018 г. исполняется сто лет советской военной контрразведки и семьдесят пятая годовщина образования контрразведки «Смерш». Исторический опыт участия этих органов в обеспечении безопасности Вооруженных сил страны в сложных военно-политических условиях, а также решения вопросов их кадровой составляющей представляется актуальным и востребованным в современных условиях. Сегодня критика исторического опыта деятельности отечественных органов безопасности часто носит политизированный характер, что оставляет за скобками рациональное содержание этой деятельности и позитивный характер ее результатов.

Предвоенный период и Великая Отечественная война – одни из самых трагических и героических страниц отечественной истории. Формирование политики, создание и функционирование государственных структур в этот период осуществлялись в рамках процессов, носивших глобальный характер и охвативших большую часть стран тогдашнего мира. Одним из важных факторов, определивших подготовку и развязывание Второй мировой войны, представляется глобальный экономический кризис начала 30-х гг. XX в. Политико-экономические процессы этого периода, обусловленные попытками преодоления рядом стран экономических катаклизмов, в определенной мере обусловили возникновение политических режимов различного содержания, которые активизировали внешнеполитическую экспансию. Советский Союз не был исключением в этом вопросе, однако в силу своей идеологии практически был лишен союзников и вынужден был готовиться к войне только с опорой на собственные силы. Это оказались определяющим в переориентации советской элиты на решение задач государственного строительства в преддверии войны. Резкая смена политического курса обусловила внутривнутриполитическую борьбу в стране, что вызвало значительный размах часто необоснованных политических репрессий.

В обстановке подготовки к войне решались вопросы кадрового обеспечения контрразведывательной защиты Вооруженных сил страны. Комплектование органов военной контрразведки и эффективность их взаимодействия с разведкой противника, особенно в предвоенный период и во время войны, имеют в нашей стране достаточно давнюю историческую традицию.

Подготовка сотрудников военной контрразведки определяется целым рядом критериев. Во-первых, помимо навыков оперативно-розыскной деятельности, им необходимо знание военного дела и специфики деятельности видов вооруженных сил и родов войск. Во-вторых, наряду с противодействия шпионажу, органы военной контрразведки участвуют в обеспечении боевой готовности войск и предотвращения их возможного разложения. И, наконец, в процессе контрразведывательного обеспечения войск и подготовки для этой деятельности сотрудников необходимо учитывать особенности деятельности противостоящих им спецслужб в связи с их разведывательной деятельностью по обеспечению военных задач, решаемых военно-политическим руководством стран противника. Важной задачей в деятельности отечественных спецслужб накануне и с началом войны являлось контрразведывательное обеспечение развертываемых соединений и объединений, укомплектование вновь формируемых органов военной контрразведки личным составом.

С появлением в России в 1903 г. постоянно действующих органов военной контрразведки – Особого разведочного отделения при Главном штабе и разведочных отделений в некоторых военных округах – остро встал вопрос об укомплектовании их подготовленными кадрами. На должности руководителей первых разведочных отделений назначались офицеры политической полиции, имеющие опыт политического сыска, а их сотрудниками становились наиболее подготовленные офицеры различных родов войск. С началом Пер-

вой мировой войны обозначились проблемы не только комплектования кадрами военных контрразведчиков штабов вновь формируемых дивизий, но и организации контрразведывательного обеспечения боевых действий. Вот как вспоминает об этом один из руководителей военной контрразведки русской армии генерал Н.С. Батюшин: «К началу Великой войны мы имели кадры опытных контрразведчиков, которыми и поделились с формировавшимися с объявлением мобилизации штабами армий... К сожалению, это нельзя сказать про контрразведку военного времени. Она была оставлена Главным управлением Генерального штаба на произвол судьбы. В особенно тяжелом положении оказались вновь сформированные штабы тыловых военных округов на театре военных действий» [1. С. 71].

О необходимости качественного кадрового обеспечения органов военной контрразведки пишет и начальник Н.С. Батюшина начальник штаба Северного фронта генерал М.Д. Бонч-Бруевич: «Я знал, как дорого обходится нам осведомленность германской тайной разведки, и еще до поручения верховного главнокомандующего занялся улучшением работы контрразведки фронта, непосредственно мне подчиненной. Произведенный в генералы Батюшин оказался хорошим помощником, и вместе с ним мы подобрали для контрразведывательного отдела штаба фронта толковых офицеров, а также опытных судебных работников из учреждений, ликвидируемых в Западном крае в связи с продвижением неприятеля в глубь империи» [2. С. 39].

Подготовка и обучение вновь зачисленных сотрудников осуществлялись, как правило, непосредственно в подразделении в процессе практической работы. Однако уже в ходе Первой мировой войны вплоть до осени 1917 г. в Петрограде действовали краткосрочные курсы контрразведчиков Главного управления Генерального штаба, куда на учебу зачислялись молодые сотрудники, а преподавали на них офицеры контрразведки, имеющие опыт оперативной работы, и сотрудники министерства юстиции.

Подготовка кадров военных контрразведчиков в годы Гражданской войны с обеих сторон носила, как правило, эпизодический характер, только при штабе Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими Вооруженными силами России «были созданы 3-недельные курсы контрразведки, куда направлялись офицеры, окончившие военные училища и прослужившие в войсках не менее 3-х лет» [3. С. 41].

Со середины 30-х гг. XX в. с началом японской экспансии на Дальнем Востоке и с приходом к власти в Германии нацистской партии, обозначались тенденции ухудшения международного положения СССР. При проведении структурных изменений в НКВД и образования в его структуре Главного управления государственной безопасности остро встал вопрос о качественной подготовке кадров для органов безопасности. Одним из важных документов в сфере подготовки кадров для органов госбезопасности в этот период явился

Циркуляр НКВД от 11 марта 1935 г. № 55597 «О перестройке оперативной работы и работы с кадрами» [4. С. 548]. В нем определен перечень первоочередных мер по реорганизации подготовки руководителей и оперативных сотрудников в Центральной школе НКВД и непосредственно на местах. В 1935 г. в НКВД образовано десять межкраевых школ по подготовке оперсостава для ГУГБ НКВД СССР. В период с 1935 по 1941 г. ежегодный набор в эти школы составлял около 2 тыс. человек, в это число входили и военные контрразведчики.

22 июня 1941 г. войска фашистской Германии вторглись на территорию СССР. Свои основные устремления спецслужбы фашистской Германии направляли на действующую Красную армию. Немецкая разведка пыталась внедрять своих агентов в ее ряды, вербовать военнотружущих, имевших доступ к секретной информации. Активно проводились пропагандистские акции с целью разложения личного состава, склонения красноармейцев к переходу на немецкую сторону, совершению враждебных действий.

27 июня в третьи отделы и отделения была направлена директива № 35523 о работе военной контрразведки НКО СССР в действующих на фронте частях Красной армии, в ее тылу, по охране военных объектов, по борьбе с дезертирством и о деятельности на территории противника. Согласно директиве, оперативные работники военной контрразведки всех уровней должны были находиться как при штабе действующей части, так и в первых эшелонах при командных пунктах, причем их место обуславливалось складывавшейся обстановкой. Они обязаны были все время быть в курсе планов командования. В их обязанности входило информирование командования по всем выявленным недочетам в армейских подразделениях во время подготовки к маршу или в процессе движения, при подготовке к атаке и в период самого боя. Важнейшей задачей особистов было сохранение секретности военных операций и замыслов командования [5. С. 93].

Директива № 35523 не предусматривала ведения активной зафронтальной работы: в ней говорилось о возможности деятельности агентуры на глубину до 100 км от линии фронта по согласованию с органами военной разведки. Однако тайную войну в глубоком тылу противника военные контрразведчики начали с первых же недель войны. В 1941 г. – первой половине 1942 г. зафронтальные мероприятия Особых отделов носили больше разведывательный, чем контрразведывательный характер и проводились в основном в интересах армейского командования. В условиях тяжелых оборонительных боев, резко меняющейся конфигурации линии фронта, органы военной контрразведки, как правило, ограничивались переброской в тыл противника агентов и оперативных групп с целью разведки переднего края врага или прифронтальной полосы, а также совершения диверсионных актов.

Именно так в сентябре–октябре 1941 г. действовал разведывательно-диверсионный отряд Особого отдела

НКВД Западного фронта под командованием капитана госбезопасности Х.Д. Кусова, а после его гибели 7 октября – старшего лейтенанта госбезопасности Я.Н. Шпилюго. Отряд состоял из 125 чекистов, пограничников и красноармейцев. За 35 дней он прошел по оккупированной территории Смоленской, Витебской и Калининской областей 750 км, провел 21 боевую операцию, уничтожил несколько сотен вражеских солдат и офицеров, совершил ряд диверсий на железной дороге, передал в штаб фронта важную развединформацию о противнике [5. С. 94].

Вопреки сложившимся стереотипам, армейские контрразведчики с самого начала войны занимались не только борьбой с дезертирами, организацией разведывательно-диверсионной деятельности в ближайшем тылу врага, но также стремились проникать в его разведорганы. Как видно из документов, уже в первые месяцы войны особысты развернули вербовочную работу среди военнослужащих противника, а с осени 1941 г. приступили к проведению контрразведывательных операций за линией фронта.

С началом войны остро встал вопрос подготовки сотрудников и комплектования личным составом особых отделов НКВД СССР вновь формируемых соединений Красной армии. В условиях военного времени важным направлением деятельности Отдела кадров НКВД стали подготовка кадров и создание резерва для работы в особых отделах (военная контрразведка). Обучение было организовано на базе имеющихся ведомственных учебных заведений и непосредственно в органах госбезопасности, т.е. на местах.

Благодаря принятым мерам уже к 1 июля проведены досрочные выпуски слушателей и курсантов учебных заведений НКВД, разработаны и утверждены новые программы обучения, максимально сокращены сроки подготовки кадров, увеличены «емкости» ведомственных военных училищ, школ и курсов.

Сложившаяся обстановка в стране в целом и на фронтах в частности требовала совершенствования оперативно-боевой подготовки личного состава. С учетом значительных потребностей в кадровых ресурсах органов госбезопасности важнейшим компонентом системы подготовки личного состава стали краткосрочные курсы.

Приказом НКВД СССР от 23 июля 1941 г. № 00960 при Высшей школе НКВД организованы курсы подготовки оперативных сотрудников для особых отделов численностью 850 человек [6. С. 91]. В декабре 1941 г. Отделом кадров НКВД проведена масштабная работа по комплектованию органов госбезопасности, расширению сети курсов подготовки оперативных сотрудников, а также созданию соответствующего резерва.

Так, например, на базе Новосибирской межкрасевой школы НКВД в июле 1941 г. при Особом отделе НКВД СибВО создаются краткосрочные курсы оперативного состава со сроком обучения один-два месяца. Организованная работа возлагалась на Особый отдел, а учебно-методическая – на руководящий и преподаватель-

ский состав школы. В первом наборе было 306 курсантов. Занятия по специальным дисциплинам вели преподаватели школы. В помощь им, особенно для чтения лекций, назначались руководящие работники Особого отдела округа и Управления НКВД по Новосибирской области.

На курсы поступали призванные из запаса политработники и командиры Красной армии и Военно-морского флота, разные по возрасту, общеобразовательной и военной подготовке. Отбором кандидатов на учебу занимались Особые отделы внутренних военных округов страны.

В основу обучения на краткосрочных курсах было положено общее знакомство с организацией оперативной работы в войсках. В конце июля 1941 г., после определения степени подготовки, был произведен первый выпуск курсантов. Все они направлялись в распоряжение Особых отделов НКВД фронтов. 29 июля 1941 г., в соответствии с указанием НКВД СССР, был проведен второй набор курсантов в количестве 500 человек. Обращает на себя внимание интересный факт. В июле 1941 г. был призван из запаса Пономарев Константин Николаевич, после окончания курсов при Особом отделе НКВД по СибВО 1 сентября 1941г. он был назначен начальником ОО НКВД 362-й стрелковой дивизии, которая 29 ноября 1941 г. была отправлена на фронт по Москву. Закончил войну Константин Николаевич в Кенигсберге в должности заместителя начальника отдела контрразведки «Смерш» 11-й армии.

Пополнившие ряды военных контрразведчиков оперативники из территориальных органов НКВД и НКГБ, а также военнослужащие с командных и политических должностей армии и флота, не имели достаточной специальной подготовки, не владели информацией о методах и тактике действий противника, тем более в военное время. Армейским чекистам вновь, теперь уже в боевой обстановке, приходилось перестраивать свою деятельность.

В интересах подготовки оперативных сотрудников для территориальных органов НКВД–УНКВД, а также особых отделов с 17 декабря 1941 г. при Отделе кадров НКВД СССР (с местом дислокации в г. Куйбышеве) были организованы 3-месячные курсы по подготовке оперативного состава в количестве 500 человек [6. С. 92].

Для проведения занятий по специальным предметам в качестве лекторов привлекали оперативный состав управлений и отделов НКВД СССР и УНКВД по Куйбышевской области. По военным предметам в качестве преподавателей подбирали лиц из командного состава куйбышевского гарнизона. В боевых условиях и в ходе проведения специальных операций органы госбезопасности несли значительные потери. Только среди военных контрразведчиков с 22 июня 1941 г. по 8 октября 1942 г. погибло и пропало без вести около 8 тыс. человек [Там же. С. 90].

Комплектование особых отделов производилось из числа боевых проверенных на деле военнослужащих,

способных по своим личным качествам обеспечить оперативную работу в условиях фронта. На должности оперуполномоченных и старших оперуполномоченных назначали сотрудников оперативных и неоперативных отделов НКВД. Их обучали в течение 2 месяцев без отрыва от основной работы. Для проведения занятий привлекали руководителей и оперативных работников НКВД – УНКВД, а также войск НКВД. В целях приобретения оперативных навыков кандидатами, их в ходе учебы прикрепляли к особым отделам.

В 1942 г. в связи с возросшей потребностью в оперативном составе органов НКВД СССР принято решение увеличить общую численность слушателей оперативно-чекистских школ с 2 000 до 3 600 человек. В этих целях: организованы Московская МКШ на 300 человек, Бакинская МКШ на 150 человек и филиал Высшей школы НКВД СССР на 500 человек; увеличена численность слушательского состава Высшей школы НКВД СССР – с 500 до 800 человек; Горьковской МКШ – с 300 до 400; Свердловской МКШ – с 300 до 350 чел.; Ташкентской МКШ – с 250 до 300 чел.; Ростовской МКШ – с 250 до 300 чел.; Хабаровской МКШ – с 200 до 250 чел.; Тбилисской МКШ – со 100 до 125 чел.; Алма-Атинской МКШ – со 100 до 125 человек [6. С. 95]. Несмотря на большие потребности в кадровых ресурсах, Отдел кадров НКВД не снижал требования к качественному состоянию личного состава. Свидетельством этого являются Директивы заместителя Наркома внутренних дел СССР по кадрам: от 17 июня 1942 г. № 40/4/23200, от 27 августа 1942 г. № 360, а также указание Отдела кадров НКВД СССР от 14 октября 1942 г. № 445 [Там же. С. 99]. При этом от кадровых подразделений НКВД – УНКВД, а также начальников особых отделов требовалось улучшить качество спецпроверок личного состава органов госбезопасности и кандидатов на службу и обеспечить проведение медицинского освидетельствования всех поступающих на службу граждан.

Необходимо отметить, что ведомственные образовательные заведения испытывали нехватку преподавательского состава. Отделом кадров НКВД СССР был предложен вариант решения данной проблемы – привлечение к процессу обучения наиболее квалифицированных специалистов органов госбезопасности. В этих целях 18 февраля 1942 г. приказом заместителя Наркома внутренних дел лекторами и преподавателями Высшей школы НКВД были утверждены руководители и сотрудники контрразведывательных и разведывательных подразделений центрального аппарата (всего 76 человек) [Там же. С. 96].

Непосредственными участниками учебного процесса Высшей школы стали начальник 2-го Управления НКВД комиссар госбезопасности П.В. Федотов и его заместитель – старший майор госбезопасности Л.Ф. Райхман, начальник 3-го Управления НКВД старший майор госбезопасности Н.Д. Горлинский, начальник 4-го Управления старший майор госбезопасности П.А. Судоплатов.

В апреле 1943 г. в целях качественного контрразведывательного обеспечения войск Управление Особых отделов НКВД было передано в Наркомат обороны и реорганизовано в Главное управление контрразведки (ГУКР) НКО «Смерш», 9-й (морской) отдел УОО НКВД был преобразован в Управление контрразведки (УКР) НКВМФ «Смерш», а 6-й отдел УОО НКВД, оставаясь в системе Наркомата внутренних дел, был преобразован в Отдел контрразведки НКВД «Смерш», подчинявшийся лично наркому Л.П. Берия.

Государственный комитет обороны обязал ГУКР «Смерш» и его органы на местах информировать военные советы и командование частей, соединений и учреждений Красной армии о результатах борьбы с агентурой противника, дезертирством и изменой Родине, об антисоветских и других негативных проявлениях в армии. В свою очередь начальники управлений «Смерш» имели право присутствовать на заседаниях военных советов, а при необходимости – знакомиться со всеми секретными материалами штабов.

В июне 1943 г. в целях совершенствования подготовки оперативного состава военной контрразведки принято решение о создании соответствующей системы учебных заведений. Согласно приказу Наркома обороны СССР, организованы четыре постоянные школы: 1-я и 2-я Московские, Ташкентская и Хабаровская (срок обучения от 6 до 9 месяцев), а также курсы с 4-месячным сроком обучения в Новосибирске и Свердловске. Позднее Новосибирские, Свердловские, а также Саратовские и Ленинградские курсы получили статус школ. В школах ГУКР «Смерш» был установлен годичный срок обучения. При школах открыты курсы переподготовки со сроком обучения 3 месяца [5. С. 108].

Для реализации задач, поставленных перед флотской контрразведкой, требовалось наличие профессионально подготовленных сотрудников. Руководство УКР «Смерш» при поддержке командования ВМФ предпринимало немало усилий, чтобы подразделения контрразведки комплектовались надежными и образованными офицерами. Действовавшие курсы подготовки и переподготовки оперсостава уже не в полной мере отвечали реалиям, в которых приходилось работать контрразведчикам. Поэтому приказами наркома Н.Г. Кузнецова от 9 и 15 февраля 1944 г., с 1 марта открывалась Высшая школа контрразведки ВМФ по подготовке и переподготовке офицерского состава с годичным сроком обучения. Не прекращали свою деятельность и курсы подготовки оперативного состава отделов контрразведки «Смерш» на флотах, комплектование которых находилось под личным контролем главкома ВМФ Н.Г. Кузнецова [Там же. С. 149]. В учебных заведениях «Смерш» ВМФ уделялось внимание изучению иностранных языков в зависимости от места дислокации флотов и флотилий.

В июле 1943 г. нарком внутренних дел потребовал от начальников отделов контрразведки НКВД «Смерш» фронтов и округов в декадный срок в погра-

ничных и внутренних войсках НКВД подобрать из числа средних командиров и политработников кандидатов на практическую работу и использовать их в качестве практикантов в отделах контрразведки НКВД фронтов, округов, дивизий и бригад. Указанные военнослужащие были прикреплены к квалифицированным оперативникам, которые передавали им опыт практической работы, а теоретические знания они получали в дни командирской учебы. Зачисление практикантов на штатные должности в отделы контрразведки производилось только с разрешения Отдела кадров НКВД СССР.

К 1944 г. постепенно менялась направленность деятельности органов государственной безопасности. Если в первые два года войны чекисты вели оперативно-розыскную работу в основном в действующей армии и своем тылу, то после перелома в военных действиях органы государственной безопасности расширили свою деятельность за линией фронта и на территории противника, что потребовало подготовки новых оперативно-чекистских кадров, в том числе со знанием иностранных языков.

История излагаемого нами вопроса как в капле воды отражается в конкретных человеческих судьбах. В августе 1941 г. двухмесячные курсы при Особом отделе НКВД по Сиб ВО в г. Новосибирске окончил

Иван Алексеевич Фельдшеров. В качестве военного контрразведчика он прошел всю войну. Вот строки из его служебной характеристики 1945 г.: «...последние 6 месяцев тов. Фельдшеров является начальником опергруппы ОКР «СМЕРШ» армии. Руководя опергруппой т. Фельдшеров умело организовал работу, в результате чего арестовано свыше 70 человек, в том числе сотрудники контрразведывательных и карательных органов, агенты военной разведки...». В 1974 г. генерал-майор И.А. Фельдшеров возглавил Высшие курсы военной контрразведки КГБ СССР в г. Новосибирске.

С началом Великой Отечественной войны отечественные органы безопасности в кратчайшие сроки смогли успешно решить задачу подготовки значительного числа военных контрразведчиков. Была решена проблема своевременного комплектования органов военной контрразведки в соединениях и объединениях Красной армии. Отечественным органам безопасности удалось организовать подготовку военных контрразведчиков на достаточно высоком уровне. Это позволило органам безопасности в войсках решать весь комплекс задач по обеспечению безопасности Вооруженных сил нашей страны. Исторический опыт государственного строительства в этой сфере может быть востребован и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М., 2001.
2. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам! М., 1956.
3. Кирмель Н.С. Деятельность спецслужб белогвардейских правительств и армий в годы гражданской войны в России (1918–1922 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009.
4. Лубянка. Органы ВЧК ... КГБ 1917–1991: справочник. М., 2003.
5. Военная контрразведка. История, события, люди / гл. ред. А.Г. Безверхний. М.: ОЛМА, 2008. Кн. 1.
6. Кадровая служба органов безопасности: история и современность. М., 2013.

Sergey Ya. Kovganov. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kovsy@yandex.ru

TRAINING OF THE OFFICERS OF THE SOVIET MILITARY COUNTERINTELLIGENCE DURING THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Keywords: military counterintelligence; personnel; training; SMERSH.

The purpose of this article is to analyze the Russian experience of recruitment for the military counterintelligence agencies during the Great Patriotic War years. In the politically and military charged environment the required staff reserve for special departments of NKVD of the USSR of the newly-formed Red Army units and commands was provided.

The sources for this research were the works dedicated to the activities of the Russian security agencies: Military Counterintelligence. History, events, people. / chief editor A.G. Bezverkhny. – M.: OLMA, 2008; Human resources department of security agencies: history and modern times. M., 2013; Memoirs of N.S. Batyushin: Secret military police and how it was fought. M., 2001; M.D. Bonch-Bruевич: All power to the Soviets. M., 1956; were used as well as research works by N.S. Kirmel: Activity of intelligence services of the White Guards governments and armies in the Civil War years in Russia (1918–1922): ext. abstract of dissertation of Doctor of Historical Sciences. M., 2009.

In the process of solving the problems of acquisition of military counterintelligence in the initial period of the war, it was necessary not only to call the necessary contingent from the reserve, but also to establish its training in a limited time.

The Russian experience acquired during the First World War and the Civil War was very important for proper recruitment for the military counterintelligence agencies and training of military counter-intelligence agents. In 1941 the retired Chekists (security officers), law enforcement officers and the most oriented and excelled-in-combat troop officers were drafted to the military counterintelligence detachments.

The quick personnel reserve activation with the start of the war became possible also due to the fact that by mid-30s of the 20th century a network of educational institutions serving the needs of domestic security agencies was established in the USSR. It facilitated training of sufficient number of intelligence officers in a limited time.

Significant work in that respect was done by the personnel department of NKVD of the USSR. Agents training and creation of the reserves to work in special branches became an important aspect of its activities under conditions of war time. Thanks to such measures, by July 1 a preterm graduation of cadets and officer candidates of NKVD educational institutions was effected, new training programs were developed and approved, personnel training terms were shortened to a maximum and capacities of agency-level military academies, schools and courses were enlarged.

With the war progressing, the personnel training system had been improving and various kinds of teaching and on-the-job training were used. At the final stage of the war the SMERSH military counterintelligence body was fully manned with operational personnel, capable to deal with the challenges of counterintelligence activities of the armed forces of the USSR.

Within the framework of the conducted study we can say that during the Great Patriotic War years a high-quality system of military counterintelligence officers was set up and running, which was an important resource for ensuring the victory over the aggressor.

REFERENCE

1. Batyushin, N.S. (2001) *Taynaya voennaya razvedka i bor'ba s ney* [Secret military intelligence and the fight against it]. Moscow: X-History.
2. Bonch-Bruevich, M.D. (1956) *Vsya vlast' Sovetam!* [All Power to the Soviets!]. Moscow: Voenizdat.
3. Kirmel, N.S. (2009) *Deyatel'nost' spetssluzhb belogvardeyskikh pravitel'stv i armiy v gody grazhdanskoy voyny v Rossii (1918 – 1922 gg.)* [The activities of the special services of the White Guard governments and armies during the Civil War in Russia (1918–1922)]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
4. Yakovlev, A.N. (ed.) (2003) *Lubyanka. Organy VChK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB. 1917–1991* [Lubyanka. Bodies of the Cheka-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB. 1917–1991]. Moscow: Mezhdunarodnyy fond “Demokratiya”.
5. Bezverkhny, A.G. (2008) *Voennaya kontrrazvedka. Istoriya, sobytiya, lyudi* [Military Counterintelligence. History, Events, People]. Vol. 1. Moscow: OLMA.
6. Anon. (2013) *Kadrovaya sluzhba organov bezopasnosti: istoriya i sovremennost'* [Personnel Service of Security Agencies: History and Modernity]. Moscow: [s.n.].

УДК 94 (57)+314.4
DOI: 10.17223/19988613/61/5

Е.И. Красильникова

МЕМОРИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО НОВОСИБИРСКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ (1893–2000 гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-49-540003).

Статья посвящена характеристике изменений мемориального пространства города Новосибирска в период с его основания в 1893 до 2000 г. в контексте взаимного дополнения и противоборства тенденций развития политики памяти, исходившей от субъектов государственной и местной власти, а также инициатив общественных организаций и отдельных значимых коммемораторов. Устанавливаются и последовательно характеризуются этапы формирования мемориального пространства Новосибирска, с присущей им спецификой отношения общества к местному историческому наследию и коммеморативной активности.

Ключевые слова: мемориальное пространство; памятное место; памятник; коммеморация; политика памяти; мемориальный символ; Новосибирск.

Мемориальное пространство, состоящее из системы локализованных и взаимосвязанных символических объектов, часто служит основой для формирования устойчивых культурных образов города, научное изучение которых стало актуальным лишь в последние десятилетия, прежде всего, в связи с постановкой задач брендинга городов для достижения политических и коммерческих целей. Мемориальное место емко и концентрировано выражает смыслы и ценностные ориентиры целых поколений, выносимые в публичное пространство социально-культурной коммуникации, участвует в организации культурного пространства локуса. Выявление и интерпретация систем мемориальных символов, актуальных в социокультурном пространстве города на разных исторических этапах его развития, помогают определить степень целостности, внутренней самоидентичности городского сообщества, зависимой от отношения к общему прошлому. В условиях глобализации культурно-историческая специфика города нередко размывается, городская идентичность ослабевает, а население чувствует большую неудовлетворенность жизнью в таком «безликом» пространстве. Исследование городского мемориального пространства в исторической динамике может помочь преодолению этих проблем через выявление истоков тех процессов, которые ведут общество к забвению и беспомыслению, а значит, и к культурному обеднению, снижающему общее ощущение качества жизни и понимание ее смысла.

Ярким примером российского мегаполиса, предпринимającego в настоящее время попытки преодоления проблемы бедности мемориального пространства, на развитие которого существует выраженный общественный запрос, является Новосибирск. На разных исторических этапах в мемориальном пространстве Новосибирска доминировали различные символы прошлого, одни утверждали самобытность этого города на фоне иных населенных мест страны и его способность противостоять государству в отстаивании собственных

интересов, другие же, наоборот, подчеркивали включенность Новосибирска в общий контекст имперской (советской, российской) истории как части единого государства, при том особенно значительной части. Цель данной статьи – проследить динамику развития мемориального пространства Новосибирска в период с 1893 до 2000 г. во взаимном дополнении и противоборстве тенденций развития политики памяти, исходившей как от субъектов государственной власти, так и от местных властей, а также связанной с инициативами общественных организаций и отдельных значимых коммемораторов. Для этого предстоит определить и последовательно охарактеризовать этапы формирования городского мемориального пространства, связанные с утверждением той или иной системы памятных мест, релевантной контекстам государственной идеологии и политики памяти, или отвечавшей интересам местных коммемораторов.

Понятие мемориального пространства редко используется историками. Гораздо чаще к нему прибегают архитекторы, а также специалисты в области градостроительства и градостроительства. Они понимают мемориальную среду (мемориальное пространство) как часть городской среды – обжитой территории, совокупности конкретных основополагающих условий, созданных человеком и природой в границах населенного пункта, которые оказывают влияние на уровень и качество жизнедеятельности человека. Архитекторы и градостроители имеют тенденцию рассматривать мемориальную среду (пространство) города в ее целостности, но прежде всего, с эстетической и дизайнерской точек зрения, редко в исторической динамике. Для специалистов в этих областях важно «вписать» как старые, так и новые мемориальные объекты (памятные места) в уже существующую или планируемую городскую среду, чтобы не нарушить ее эстетичность и экологическую целесообразность [1]. Однако классика средового подхода урбанистики, представленная, в частности рабо-

тами К. Линча, демонстрирует примеры изучения городской среды в ее целостности, в непрерывности развития, в единстве старого и нового, а пространственное окружение человека как средство усиления ощущения от образов времени, выражающих те или иные актуальные ценности [2]. Проблемы перехода духовных ценностей в предметный мир городского пространства и далее, при его освоении обществом – в мир образов и идеалов, интересуют, скорее, культурологов и философов, обычно концентрирующих внимание на идеях и смыслах, а не на эстетике городских мемориалов. Примером соответствующих исследований на материалах городских военных мемориалов может послужить работа А.В. Стрельниковой [3].

Однако нельзя упускать из внимания то обстоятельство, что город существует в координатах времени, его пространство, в том числе и мемориальное, складывается исторически и определяется памятью городских жителей о прошлом. В настоящее время на сибирских примерах изучаются отдельные вопросы отражения символов коллективной памяти на динамике культурного пространства сибирских городов (работы В.Г. Рыженко, С.С. Наумова, К.В. Демьянова и др.) [4, 5]. Однако пока еще не было написано ни одного исторического произведения, обобщающего основные этапы развития мемориального пространства российских и, в частности, сибирских мегаполисов с акцентом на зависимость мемориальных процессов от политики памяти, реализовывавшейся как государством, так и местными властными структурами. При этом стоит признать подготовленной историографическую почву для такого рода обобщений. В этой связи необходимо обратить внимание на исследования А.В. Святославского, давшего широкую характеристику исторической динамике отечественной мемориальной культуры [6], на монографию М.Я. Рожанского, предпринявшего попытку показать в историческом развитии Сибирь как пространство памяти [7], а также на работу Л.В. Кошман, в которой демонстрируется влияние творческих инициатив различных групп коммемораторов, по-своему осмысливших сюжеты исторической памяти, на культурное пространство российских городов XIX – начала XX в. [8]. Важно учесть и то, что тема нашего исследования напрямую связана с проблематикой истории сохранения наследия российских городов, к которой обращались очень многие авторы, описавшие различные локальные примеры. В частности, сохранению историко-культурного наследия Томска в советское время посвящались работы Е.В. Перетягиной [9], Э.И. Черняка и Н.М. Дмитриенко [10]. Попытки обобщить советский опыт охраны памятников предпринимались и зарубежными русистами, в частности К. Келли [11], установившей взаимосвязь между практиками, нацеленными на сохранение исторического наследия, и государственной пропагандой идентичностей и ценностей.

История отдельных памятных мест дореволюционного и советского Новониколаевска (с 1926 г. Новоси-

бирска) детально изучалась архитекторами [12, 13], историками [14, 15], краеведами [16–19] и специалистами по охране историко-культурного наследия города [20]. Некоторые аспекты формирования мемориального пространства Новосибирска затрагивались научным коллективом, работавшим в первой половине 2000-х гг. под руководством омского историка В.Г. Рыженко над изучением развития культурного пространства сибирских городов в советский период [21. С. 184–191, 220–231]. Динамике системы памятных мест Новосибирска в период с 1920 по 1941 г. ранее также уделялось внимание и в работах автора предлагаемой статьи [22, 23]. Однако до сих пор исследователями не предпринималось попыток предложить обобщающую историческую характеристику формирования и развития мемориального пространства Новосибирска.

В методологическом отношении данное исследование опирается на принцип историзма, сравнительно-сопоставительный и диахронический методы. Используемая в исследовании категория мемориального пространства строится на основании системы категорий, разработанных в рамках направления исследований, известного в мировой науке как *Memory Studies*, предполагающего изучение коллективной памяти и ее включенность в коммеморативные практики, присущие обществу той или иной эпохи и формирующиеся под воздействием политики памяти. В данной работе городское мемориальное пространство понимается как система памятных мест и связанных с ними коммеморативных практик, состоящая из исторически локализованных символических элементов, которые особым образом функционируют в пространственно-временных координатах города. Мемориальное пространство города постоянно меняется: вновь создаются и исчезают его отдельные элементы и целые системы (подсистемы) элементов, а смыслы тех, что длительно существуют, со временем трансформируются. Не совсем правильно понимать городское мемориальное пространство лишь как некую объективно существующую систему общепризнанных памятных мест. Мемориальное пространство города – это, прежде всего, ментальная карта, умозрительная конструкция, существующая в общественном сознании той или иной социальной группы в то или иное время, изменчивая и не всегда внятная. Не все памятные места одинаково значимы для всех горожан, не все одобряются и признаются. Именно поэтому всегда случались острые социальные конфликты на мемориальной почве, доходившие до настоящих войн с памятниками.

Коллективная память городского сообщества фиксируется, прежде всего, в таких символических элементах городского пространства, как топонимы, памятники, мемориальные доски и декоративные элементы зданий. Вслед за А. Риглем мы различаем памятники, «задуманные как таковые», созданные специально с целью увековечить память, а также памятники, кото-

рые не были задуманы как памятники, а лишь со временем обрели это значение в глазах общества, будучи связанными с некими важными для него аспектами прошлого [24. С. 16–34]. В рамках данного исследования принципиально важно отследить поворотные моменты в процессе осознания городским сообществом исторической ценности отдельных элементов обжитого городского пространства и их причисления к наследию, чтобы понять, как «город без истории» «обретал память».

Динамика мемориального пространства находится в прямой зависимости от политики памяти, которая проявляется в деятельности государства и других акторов, направленной на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и в формировании поддерживающих их культурной инфраструктуры [25. С. 33], в которую и входят памятники и памятные места. Поэтому объяснение изменений городского мемориального пространства должно строиться на выявлении контекстов политики памяти разных исторических периодов. От доминирующих смыслов политики памяти зависит коммуникативная специфика мемориального пространства, в котором, как правило, кипит деятельность, нацеленная на увековечивание памяти, ее актуализация и трансляция во внешний мир, иначе говоря, коммеморативная деятельность, по отношению к которой мемориальное пространство выступает в качестве необходимой инфраструктуры.

Основными источниками данного исследования послужили делопроизводственные документы организаций и учреждений, отвечавших на разных исторических этапах за охрану памятников и популяризацию историко-культурного наследия, прежде всего, из архивных фондов новосибирского краеведческого музея и новосибирского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), а также постановления Новосибирского горсовета, научные и публицистические произведения архитекторов и краеведов, боровшихся за установку и охрану памятников в Новосибирске, подготовленные ими паспорта и фотоснимки объектов историко-культурного наследия, хранящиеся в коллекциях музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина при Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств. К визуальным источникам нашего исследования стоит также отнести планы города Новониколаевска-Новосибирска разных десятилетий, отражающие изменения в топонимике. Важными источниками исследования послужили также публикации в местной газетной печати, отражавшие особенности политики памяти, исторической памяти новосибирцев на разных этапах прошлого и их восприятия городского мемориального пространства. Опираясь на указанные источники, рассмотрим основные этапы развития мемориального пространства Новосибирска в период, предшествующий современности.

Название города всегда символично и исторично. Оно сообщает некий главный смысл, связанный с по-

ниманием обстоятельств его основания и исторической роли. До революции Новосибирск сменил несколько названий. Существовая с 1893 до конца 1903 г. в статусе поселка, он последовательно именовался Кривошековским, Александровским и Новониколаевским. Первое название дали его основатели – крестьяне села Кривошеково, второе и третье отвечали имперской практике называть населенный пункт в честь царя, годы правления которого хронологически совпали с основанием поселения. При этом важно подчеркнуть связь основания Новосибирска со строительством Транссибирской магистрали, фактически давшей ему жизнь как городу с большими перспективами дальнейшего экономического и административного развития. Александровский-Новониколаевский поселок, позже город Новониколаевск, изначально мыслился многими его жителями, администрацией и чиновниками, занимавшимися землеустройством, не просто как часть пространства огромной империи, но именно как населенный пункт, возникший на «царской» железной дороге. Официальная имперская идеология преподносила Транссиб в качестве «нового средства стянуть империю и нацию стальными нитями», как средство «соединения главного средоточия Русской земли с ее восточной половиной» [26]. В этом контексте населенный пункт на железной дороге воспринимался как форпост империи на осваиваемой территории. Значимо и то обстоятельство, что город возник на кабинетских землях его императорского величества. Это обернулось финансовыми проблемами для новониколаевцев и вошло в историю фактом сложно разрешимого противоречия между императором и населением города, вынужденным выкупать землю у государя. Данный сюжет по понятным причинам культивировала советская историография [15. С. 34–38]. Однако несмотря на противоречия, мемориальное пространство дореволюционного Новониколаевска начало все-таки оформляться в стандартах имперских традиций сакрализации власти. Главные улицы города были названы Николаевским проспектом и Александровской. С трехсотлетием династии Романовых, пышно праздновавшимся по всей стране, было связано возведение на Николаевском проспекте часовни Святого Николая Чудотворца, которая начала действовать как храм в 1915 г. В память об Александре III возводился, по замыслу его создателей, и Александро-Невский собор. Он строился именно как храм на царской железной дороге по типовому проекту столичных архитекторов, который использовался для населенных мест, располагавшихся вдоль Транссибирской магистрали.

Начальный этап истории Новониколаевска увековечивался в его топонимике, которая также отвечала общеимперскому контексту политики памяти. В названиях улиц, некоторые из которых появлялись на плане города по инициативе самих жителей, отражались имена инженеров царской России, строивших мост через Обь на императорской железной дороге: Г.Н. Будагова

(ул. Будагова), В.К. Жандара (ул. Владимировская), Н.П. Меженинова (ул. Межениновская) и К.Я. Михайловского (ул. Михайловская) [19. С. 207]. Память еще об одном инженере-мостостроителе Н.М. Тихомирове, который скоропостижно скончался в Новониколаевске, была увековечена почетным погребением в ограде собора Александра Невского, строительством которого руководил Тихомиров [18. С. 25–26]. Так могила инженера Тихомирова стала еще одним памятным местом в системе, увековечивавшей память о первостепенной роли Романовых в основании Новониколаевска.

До революции Новониколаевск входил в состав Томской губернии. Это также сказалось на его топонимике. Улицы Асинкритовская и Тобизеновская были названы в честь томских губернаторов. При том, что главные мемориальные символы молодого города были, несомненно, имперскими, нельзя не заметить влияние на мемориальное пространство Новониколаевска политики памяти, исходившей от антиправительственных сил Сибири, боровшихся в начале XX в. за демократические преобразования и преодоление регионом колониального состояния. Так, в Новониколаевске появились улицы, названные в честь лидеров движения сибирских областников – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, а также в честь популярного в начале XX в. у представителей политических движений, выразивших протест в адрес трона, Ермака. Впрочем, память о Ермаке – покорителе Сибири, расширившем границы Московского государства ради его процветания, использовалась и на государственном уровне в общем контексте реализации имперской политики памяти [26].

До революции мемориальное пространство Новониколаевска не выражало претензий на наличие собственной истории, отдельной от имперского и сибирского контекстов, а также и на политическую самостоятельность. Ощущение переживания «своей» истории у жителей города появилось лишь в условиях Гражданской войны, когда город стал восприниматься одним из ее наиболее значимых эпицентров в связи с такими яркими событиями, как мятеж Чехословацкого корпуса, отступление армии А.В. Колчака на восток Сибири через Новониколаевск, а также эпидемия тифа, во время свирепства которой город лишился половины своего населения. В этот период газетчики Новониколаевска цитировали И.В. Сталина: «Что касается Колчака, то после его разгрома под Новониколаевском от его армии остались лишь воспоминания» и вторили вождю, выражаясь собственными формулировками, к примеру: «После Новосибирска наша доблестная армия уже не имела сколько-нибудь значимого противника» [27]. Разумеется, в головах жителей города существовали самые разные воспоминания о произошедшем в период Гражданской войны и собственные памятные места. Однако победа большевиков задавала единую направленность дальнейшему развитию мемориального пространства города.

Решая задачи самолегитимации, большевики, вернувшие себе в конце 1919 г. власть, принялись за уве-

ковечивание памяти о жертвах «колчаковщины». В Новониколаевске были десятки тысяч погибших от тифа и ран. Из этих тысяч официально мемориализации были удостоены лишь 104 узника новониколаевской тюрьмы, с которыми колчаковцы жестоко расправились при отступлении. Большинство из погибших не было опознано. 22 января «замученных» торжественно похоронили при большом стечении народа на центральной площади города. Братская могила, в которой, преимущественно, неизвестно кто покоился, стала главным элементом новой системы военно-революционных памятных мест, сконструированной к середине 1920-х гг. В 1922 г. на братской могиле был возведен памятник (художник В.Н. Сибиряков, инженер А.И. Кудрявцев) в виде мускулистой рабочей руки с факелом, волевым движением пробивающей «скалу капитала». В духе времени этот памятник выражал абстрактные, универсальные революционные идеи и не имел символической связи с конкретным местом и конкретными событиями. Памятник не выражал скорби и изначально не сообщал имен погибших [22. С. 227–229].

Однако местные коммемораторы все-таки немало потрудились над конструированием революционной истории Новониколаевска, которая не должна была остаться полностью лишенной имен. Уже в начале 1920-х гг. Сибистпарт (Сибирская комиссия по истории революции и РКП(б)), который возглавил известный в Сибири революционер В.Д. Вегман, собрал воспоминания выживших деятелей подполья периода «колчаковщины» и использовал их для формирования в городе нового мемориального пространства, отражавшего особую, новониколаевскую память о военно-революционных событиях и полностью отрицавшего систему памятных мест имперского периода. Из экскурсионного маршрута, подготовленного Сибистпартом к 10-летию революции, видно, что новая система памятных мест включала в себя полтора десятка объектов, разбросанных по городу: здания, где провозглашалась и низвергалась советская власть, арестный дом, где содержались политические заключенные во время Гражданской войны, конспиративные квартиры наиболее известных в городе подпольщиков – семьи Шамшиных и Е.Б. (Дуси) Ковальчук, издательство первой городской советской газеты «Дело революции», места расправы колчаковцев над политическими заключенными и их братская могила, а также и новое памятное место – могила партизанского командира П.Е. Щетинкина, погибшего в 1927 г. в Монголии и похороненного рядом с братской могилей 104 жертв «колчаковщины». [28. Л. 1–6]. На 1924 г. пришлась новая волна переименований улиц в честь признанных героев большевистского подполья Новониколаевска. Улицу Гуляевскую переименовали в честь первого председателя Новониколаевского городского совета, В.Р. Романова, погибшего в ходе колчаковской расправы, а улицу Покровскую – в честь революционерки Дуси Ковальчук [29]. Советская власть, очевидно, не покушалась лишь на

переименование улиц, названных в честь областников Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, официально признавая их заслуги перед Сибирью.

В 1921 г. Новониколаевск стал административным центром Сибирского края, что дало ему основание открыто заговорить от лица всей Сибири языком политизированных коммемораций. Так, празднование освобождения Сибири от «колчаковщины» почти сразу стали устраивать по всему региону 14 декабря – в день «освобождения сибирской столицы». В 1926 г. название города, ассоциировавшееся с памятью о свергнутом царе Николае II, было заменено на идеологическое «Новосибирск», которое несло смыслы новой благополучной жизни в социалистической Сибири. По мысли центральных властей, Новосибирск должен был стать не столицей Сибири как отдельного региона со своей уникальной историей и спецификой, но столицей *советской* Сибири. Поэтому еще в 1920 г. преобразилась городская топонимика. В городе исчезли улицы, названные в честь томских губернаторов и инженеров-путейцев. Так, Будаговская стала Большевицской, Гондатти – улицей Урицкого, Гудимовская – Коммунистической, Тобизеновская – улицей Горького и т.д. [29].

«Столицу Сибири» не могла обойти мемориализация В.И. Ленина, умершего в 1924 г. Главную городскую площадь переименовали в площадь Ленина. А к формировавшейся системе мест, связанных с памятью о революции и Гражданской войне в Новониколаевске, добавилось первое памятное место общесоветского значения – дом Ленина – новое общественное здание-памятник. Оно закрыло собой братскую могилу «жертв колчаковщины», которая оказалась во дворе здания. Так переключилось внимание с памяти о Гражданской войне в Новониколаевске на важнейшую для страны фигуру памяти о революции, на основе которой формировалась советская идентичность. В это время в стране получил развитие политический, квазирелигиозный культ Ленина. Мемориальный комплекс, состоявший из дома Ленина и братской могилы, явно ассоциировался с традиционным сакральным местом: храм – дом Бога и погост. Строительство дома-памятника преподносилось пропагандой как всенародное дело. Каждый мог пожертвовать деньги на кирпич для этой стройки. Эта практика заимствовалась у православных верующих, аналогично подходивших к сбору средств на строительство церквей.

В середине 1920-х гг. мемориальное пространство Новосибирска осмыслялось местными музейщиками, продолжавшими дореволюционные сибирские традиции краеведения, и вне революционного контекста. Они разработали программу изучения и популяризации истории Новосибирска и его памятных мест, связанных с историей местной торговли, застройки и городской повседневности. На призыв собрать материал о «старом городе» отозвался один из первых жителей Новониколаевска М.В. Можаров, который принес в музей свои воспоминания, отразившие свободный от совет-

ской идеологии взгляд на историю Новосибирска. По его мнению, Новониколаевск был рожден, прежде всего, коммерцией, поэтому первым памятным местом стоило признать Старобазарную площадь, а не железнодорожный мост через Обь. Так актуализировалась память о том, что еще до основания поселка строителей железнодорожного моста на месте будущего города возник торговый населенный пункт Гусевка, в дальнейшем слившийся с поселком мостостроителей. Можаров помнил и первый в городе дом, не имевший отношения к революционным событиям. Но автор воспоминаний предлагал отметить этот мемориальный табличкой как значимый в контексте локальной истории [30. Л. 10–12]. Эти инициативы музейщиков были генетически связаны с локальным (сибирским) компонентом коллективной памяти жителей города, который формировался в сознании новониколаевцев еще до революции под воздействием общественно-политической деятельности областников и других антиправительственно настроенных политических сил. Но тема локальной истории, не связанной с революцией, не получила развития в музейном деле последующих десятилетий по идеологическим причинам [22. С. 450–451]. Места, связанные с реальной памятью новосибирцев, не имевшей отношения к революции, как, к примеру, исторический некрополь, предавались в это время забвению и приходили в упадок.

Следующий этап истории развития мемориального пространства Новосибирска приблизительно укладывается в период, когда получил развитие политический культ И.В. Сталина, который поддерживался целым рядом менее значительных по отдельности, но важных в своей сумме культов вождей и героев всесоюзного масштаба: С.М. Кирова, В.В. Куйбышева, С.Г. Орджоникидзе, А.М. Горького, В.П. Чкалова и др. Считалось, что их героические жизни, посвященные борьбе за власть советов и социалистическому строительству должны служить примером массам советских граждан. Поэтому память о них увековечивалась повсеместно. Распространение квазирелигиозного культа Кирова после его убийства в 1934 г. незамедлительно сказалось на мемориальном пространстве города Новосибирска, где в честь «лучшего друга Сталина» назвали район, улицу, ряд предприятий, учреждений и установили по меньшей мере четыре памятника Кирову. Он воспринимался как герой первых сталинских пятилеток, как организатор производства, именно поэтому память о нем сохраняла актуальность в военный и восстановительный периоды в тыловом Новосибирске. В 1947 г. был даже открыт мемориальный музей в маленьком деревянном доме на ул. Ленина. Сообщалось, что именно в нем в 1908 г. временно жил молодой Киров – начинающий революционер [16. С. 37]. Однако стоит учитывать, что эти сведения не совсем точны, а роль Кирова в развитии революционного движения в Сибири до революции советская пропаганда сильно преувеличивала. Так проявлялась типичная для этого

времени тенденция поиска в провинциях таких мест, которые могли бы быть связаны с памятью о ком-то или о чем-то значимом в общесоветском масштабе. На этом фоне снижалось внимание к памятным местам, связанным с городской и региональной историей, даже революционной. Это отражалось на состоянии памятников. В частности, ветшал монумент на могиле жертв «колчаковщины». Под воздействием этих тенденций менялась и городская топонимика. В конце 1930-х был репрессирован революционер, создатель Сибистпарта В.Д. Вегман. Следовательно, улицу прижизненно названную в его честь, переименовали.

Вообще же, коммеморации, нацеленные на увековечивание памяти о «великих делах» еще живых вождей и героев, были яркой чертой сталинского времени. В этой связи улица Кузнецкая стала называться проспектом Сталина, а Вокзальный район переименовали в честь народного комиссара СССР путей сообщения Л.М. Кагановича. Разумеется, в наиболее людных местах города появилось несколько памятников Сталину, который снесли уже в начале 1960-х гг. на волне хрущевской десталинизации. В 1949 г. на площади Сталина торжественно открыли памятник еще живому трижды Герою СССР, летчику из Новосибирска А.И. Покрышкину – бюст по проекту скульптора М. Манизера [14. С. 237]. Покрышкин воспринимался в те годы, как и Киров, в качестве не местного, а общесоветского героя, которым могут, в частности, гордиться и новосибирцы, поскольку его судьба оказалась связанной с их городом.

Одновременно дореволюционное прошлое Новосибирска считалось в сталинский период незначительным и даже мрачным и особенно, как никогда до и после, очернялось на уровне общедоступных коммемораций. Его «убогие», «мелкие» (по словам ведущего новосибирского архитектора тех лет А.Д. Крячкова) следы [31. С. 3–4], сохранившиеся в городском пространстве, не ценились и зачастую без колебаний уничтожались. С лица земли исчезали деревянные дома первых жителей Новониколаевска, старые кладбища, церкви, вошедших в 1929–1930 гг. в городскую черту Новосибирска сел и деревень.

Великая Отечественная война, во время которой развивались общие мемориальные тенденции сталинского времени, все-таки повлияла на отношение новосибирских коммемораторов к истории Новосибирска. Во-первых, газеты освежили память о героях подполья периода «колчаковщины», которые были нужны в качестве примеров самоотверженности в борьбе с врагом. Во-вторых, впервые за все советское время в памяти новосибирцев был актуализирован образ инженера-путейца Н.Г. Гарина-Михайловского [23. С. 182]. Политика памяти военных лет репрезентировала Гарина-Михайловского как одного из основателей Новосибирска, поскольку он принял решение о месте строительства железнодорожного моста. Выходило, что Новосибирск, по версии пропаганды, ставший в годы войны

главной за Уралом «кузницей Победы» за счет своего транспортного значения, изначально был заложен как особый город, «вольный», «самочинный», к созданию которого приложил руку великий инженер, он же и выдающийся революционный писатель. При этом из истории строительства моста, давшего жизнь городу, совершенно исчезли цари Романовы, без инициативы которых все-таки не было бы ни моста, ни самой железной дороги.

В 1930–1950-х гг. уделялось мало внимания памятникам местной истории, даже революционной. Популярными в 1920-х гг. герои революции и Гражданской войны все реже упоминались в газетах и в ходе массовых празднований. О них стали вспоминать лишь в связи с «круглыми датами» освобождения Сибири от «колчаковщины». Памятник на братской могиле 104 жертв Гражданской войны, как мы уже упоминали, постепенно ветшал. Лишь в 1939 г., к 20-летию освобождения от «колчаковщины», его отреставрировали [32. Л. 1–2]. Однако годы Великой Отечественной войны, когда потребность государства в мобилизации населения на боевые подвиги резко обострилась, память о местных героях революционной борьбы и большевистского подполья была актуализована, прежде всего, на уровне печатной и устной пропаганды. Что же касается мемориального пространства, то стоит отметить инициативу, связанную с предложением установить памятник В.Р. Романову – председателю Новониколаевского совета рабочих и солдатских депутатов, расстрелянному колчаковцами при отступлении в конце 1919 г. [33. Л. 35].

В послевоенном Новосибирске массовым коммеморациям уделялось мало внимания. Город рос, в основном отрицая свое прошлое. Лишь к 40-летию Октября в сквер Героев революции с Нового кладбища, готовившегося к закрытию, перенесли останки членов городского исполкома, расстрелянных в 1918 г. в результате контрреволюционного переворота в городе [17. С. 101]. Память о Победе в Великой Отечественной войне увековечивалась на уровне мало заметных инициатив, как первый обелиск Победы, установленный в 1947 г. и снесенный уже в 1952 г. [21. С. 222]. Более характерной для этого времени стала практика использовать в декоре новых общественных зданий («сталинок») мемориальные элементы. В поисках свежих декоративных форм архитекторы обращались к традициям барокко и классицизма. В результате переосмысления этого культурного наследия появлялись примеры эклектичного сочетания советской государственной и военной символики с элементами барочных орнаментов, к примеру, с вазонами, наполненными фруктами, рогами изобилия, букетами цветов. Классический акканат мог заменяться колосьями и дубовыми листьями. Широко использовались изображения знамен, флагов и советских гербов [34. С. 199–202]. Многочисленные вкрапления этих символических знаков в обновляющуюся после войны городскую среду, служившую ново-

сибирцам пространством повседневной жизни, постоянно напоминали о глобальном советском триумфе, обеспечившем народу благополучную, мирную жизнь.

Со второй половины 1960-х гг., на фоне частичной десталинизации и ослабления идеологических опор советского государства, доминирующим концептом государственной политики памяти стала героизация целых поколений – революционного и военного, которые якобы заложили боевые и трудовые традиции, лежащие в основе процветания советского государства и благополучия советского народа на современном этапе. В обеспечении преемственности этих традиций применительно к настоящему и будущему выдвинулась суть патриотического воспитания населения, которое должно было гордиться своим славным прошлым и ориентироваться на него как на образец для подражания. Поэтому со второй половины 1960-х гг. для Новосибирска было характерно обилие мемориальных инициатив, предпринимавшихся, преимущественно, местным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), для увековечивания памяти о героях военно-революционной истории «из нашего города». Первым делом ВООПИК инициировало выявление и постановку под охрану революционных памятников, в числе которых отметили дом Ленина, дом-музей С.М. Кирова, бывший городской торговый корпус – место провозглашения советской власти в 1917 г., дом, где некогда жила революционерка Е.Б. Ковальчук. Состояние всех памятников признали неудовлетворительным, требующим ремонта и реставрации [35. Л. 2–3]. Десталинизация привела к усилению культа В.И. Ленина, из-за чего в обновленной системе городских памятных мест первостепенное значение отводилось тем, которые, пускай и с натяжкой, но признавались связанными с жизнью вождя, как, к примеру, вокзал, стоявший на пути, которым Ленин некогда следовал в сибирскую ссылку, где установили соответствующую мемориальную табличку и создали «ленинский уголок».

Еще в 1966 г. новосибирское отделение ВООПИИК выступило с инициативой установить в центре Новосибирска памятник В.И. Ленину, который был призван стать главным элементом всего мемориального пространства города [Там же. Л. 2]. В 1970 г. шестиметровый памятник Ленину (скульптор И.Ф. Бродский, архитекторы И.Г. Покровский, С.П. Скобликов и Г.Н. Бурханов) был открыт в самом центре города на площади Ленина. Установленные справа от Ленина фигуры красноармейца, матроса и партизана олицетворяли движущие силы революции, а фигуры слева (юноши и девушки) символизировали мирное, благополучное настоящее и будущее. От главного памятника Ленину, по всей правобережной части города условно «расходился» круг памятных мест, связанных с революцией и Гражданской войной, включавший уже знакомые новосибирцам памятники и многочисленные «вновь выявленные» памятные места.

На правобережных окраинах города и в его левобережной части историко-революционных мест было отмечено мало, вследствие чего на этих территориях формировался пояс памятных мест, связанных со вкладом новосибирцев в Победу, следы которого было трудно отыскать и обозначить. Символическим центром новосибирского левобережья и местом основных идеологизированных коммеморативных практик, устраивавшихся в этой части города, стал созданный в 1967 г. мемориальный ансамбль «Подвигу сибиряков в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.», более известный как монумент Славы (художник – А.С. Чернобровцев, скульпторы Б.Л. Ермишин, М.М. Пирогов и Б.А. Захаров). Этот мемориальный ансамбль разместился на двух площадях. По замыслу автора, оформление первой из них символически утверждало торжество победы, мира и новой жизни. Но символическое решение второй площади было сугубо скорбным и печальным. Несколько огромных пилонов было испещрено именами погибших, а в центре композиции художник поместил крупную фигуру матери, убитой горем [36. Л. 1–3].

Расположение основных памятных мест (революционных и военных) нечеткими концентрическими кругами выражало хронологическую логику и иерархию значимости смысловых акцентов историко-революционного нарратива этих лет: от фигуры Ленина – «творца революции», к местам местной героической истории Октября и Гражданской войны, а от них – к местам, увековечивавшим память о боевых и трудовых подвигах новосибирцев в годы Великой Отечественной войны, которые включались в пространство обновляющегося города мирного времени.

В 1977 г. А.С. Чернобровцев закончил оформление мемориала Сквера героев Революции, окружавшего первый городской революционный монумент, созданием эпического панно на стене дома Ленина. Работы Чернобровцева отвечали новым тенденциям «оживления» и персонализации героического военно-революционного прошлого, не свойственным мемориальной культуре 1920-х гг., когда художники искали обобщенных символических решений в оформлении памятников, абстрагируясь от отдельных имен, человеческого переживания горя и сознательно избегая использования традиционных символов некрополя. Со второй же половины 1960-х изменилось отношение к кладбищам героев. В период с 1967 по 1977 г. в сквере Героев революции были установлены скульптурные памятниками (бюсты) наиболее известным жертвам контрреволюции и «колчаковщины» из Новониколаевка [16. С. 53], что сделало сквер более похожим на традиционный некрополь. Одновременно участок Заельцовского кладбища, где покоились воины, умершие в новосибирских госпиталях периода Великой Отечественной войны, был признан мемориальным, соответствующем образом облагоустроен и оформлен единообразными надгробиями по проекту Е.Н. Гаврилова [37. Л. 21].

В «застойные» годы брежневского правления в городе было открыто несколько десятков памятников, мемориальных досок, а также множество народных музеев в учебных заведениях и на предприятиях, которые использовались в ходе бесчисленных празднований юбилеев и экскурсии по военно-революционным местам, число которых неуклонно росло. Только за период с 1965 по 1975 г. в городе и области было установлено 67 памятников и 50 мемориальных досок [38. Л. 16]. В это время существенно разрослась система памятных мест, связанных с революционным движением в Новониколаевске. Найти такие места в своем районе должны были жители не только исторического центра города, но и его окраин. В итоге революционным местом стал считаться даже необитаемый остров Коровий на Оби, где, по воспоминаниям выживших революционеров, устраивал нелегальные сходки С.М. Киров в 1908 г. [39. Л. 243].

Наиболее значительным было увековечивание в начале 1970-х гг. памяти о героизме 22-й Сибирской добровольческой дивизии, в честь которой в Кировском районе назвали площадь, улицу, а также установили стелу, у которой проводились эмоциональные памятные мероприятия с участием сотен ветеранов. В середине 1970-х гг. торжества сопровождалась «священнодействием»: урна с землей, «омытой кровью сибиряков, которую привезли участники похода», была заложена в клумбу [40. Л. 105]. Этот ритуал, несомненно, свидетельствует о сакрализации в сознании жителей города тех лет памятных мест, связанных с войной. Аналогичные урны закладывались в землю и на монументе Славы [36. Л. 1].

Во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. отношение местной партийной элиты и советской администрации к мемориальным процессам в городе не противоречило явно общим контекстам государственной политики памяти. А местные коммемораторы с виду успешно справлялись с теми мемориальными задачами, которые перед ними ставило государство и местные властные структуры. Однако у бурной коммеморативной деятельности, к которой привлекалась широкая общественность, были несомненные изъяны. Омассовление работы по сохранению исторического наследия нередко вело к ее профанации. Краеведы тех лет пересказывали из раза в раз одни и те же исторические сведения, часто недостоверные, поверхностно понятые и запутанные, добавляя к уже изученному до них мало новых фактов и свободно их коверкая. Это, в частности, отразилось в попытке новосибирского отделения ВООПИиК издать усилиями его активистов к 60-летию Октября сборник очерков по революционной истории города. Задуманное не удалось реализовать из-за низкого качества подготовленных материалов, в которых содержалось много повторов и фактических ошибок [41. Л. 1]. Стандартизация коммемораций вызвала у населения ощущение пресыщения официозом. Показательно, к примеру, что в 1976 г., в год празднования

90-летия Новосибирска, головное предприятие кожевенно-обувного объединения отказалось носить имя С.М. Кирова, заменив его названием «Обь» [42. Л. 3]. Кроме того, ВООПИиК с большим трудом удавалось защищать сохранность памятников, даже поставленных под охрану государства. Градостроители, производственники, метростроевцы и коммунальщики города практически не осознавали ценности историко-культурного наследия Новосибирска, безжалостно уничтожая старые здания, в числе которых оказался и дом революционеров Шамшиных, и целые «исторические» кварталы. Только за период с 1972 по 1976 г. в городе было уничтожено 11 историко-революционных памятников, стоявших на государственной охране [Там же. Л. 1].

К 1980 г. ВООПИиК наконец активно заговорило о необходимости защищать дореволюционное архитектурное наследие. Так, с общественно значимых инициатив архитекторов В.М. Пивкина, М.И. Болотина, О.П. Ваганова, И.П. Журина и С.Н. Баландина началась переоценка тех мест в Новосибирске, которые мыслились связанным не с военно-революционным, а с имперским прошлым города и его прошлым как части досоветской Сибири. Защитникам памятников стоило больших усилий доказывать само существование в Новосибирске архитектурного наследия, а также добиваться его постановки под охрану. Фактически они изучали дореволюционное зодчество Новосибирска еще с 1960-х гг. Еще в 1969 г. архитекторы предложили список выявленных архитектурных памятников, рекомендованных к постановке под охрану государства, куда вошли деревянные дома, дореволюционные купеческие особняки и здания, построенные в конструктивистском стиле [43. Л. 4–10]. Постановлением облисполкома № 419 от 25 июня 1971 г. эти городские памятники деревянного зодчества были поставлены под охрану. То же постановление содержало пункт о создании в исторической части города градостроительного заповедника – уголка дореволюционного Новониколаевска – улицы, мощенной булыжником, с деревянными тротуарами и палисадниками, на которой будут стоять старые дома-памятники, перенесенные из разных частей города [44]. Но эта инициатива так и осталась нереализованной до сих пор. Да и деревянные «домики-сказки», «домики-теремки», находившиеся под охраной государства, все равно сносились [45]. Затягивалось также и создание историко-архитектурного музея под открытым небом, заложенного в 1971 г. в Академгородке с целью собрать в одном месте наиболее ценные памятники старинного деревянного зодчества по всей Сибири [46. Л. 12]. Именно поэтому в 1980 г. архитектор С.Н. Баландин составил комплексный план по охране городских памятников архитектуры и истории [39. Л. 3].

На этапе Горбачевской перестройки была все-таки официально признана историческая ценность ряда памятников деревянного зодчества, дореволюционных каменных зданий, в том числе собора Александра

Невского, построек архитектора А.Д. Крячкова, а также железнодорожного моста через Обь. В 1983 г. В.М. Пивкин предложил создать музей Новосибирска, в структуру которого включить архитектурный заповедник, установить на набережной Оби монумент первопроходцам Сибири, памятники «основателю» Новосибирска – Н.Г. Гарину-Михайловскому и выдающемуся архитектору А.Д. Крячкову [47. С. 142]. На основе этих идей начала интенсивно формироваться система памятных мест Новосибирска, альтернативная военно-революционному прочтению местной истории.

Следующий этап развития мемориального пространства Новосибирска был связан с его концептуальным переосмыслением на фоне распада СССР, процесса федерализации и отказа от советской идеологии. К началу 1990-х гг. были актуализированы исторические образы «лиц, имевших прямое отношение к основанию города, к изысканию, проектированию и строительству в конце XIX в. в районе будущего Новосибирска Транссибирской железнодорожной магистрали и первого моста через Обь, к строительству и развитию поселка транспортных строителей, от которого пошло развитие Новониколаевска – Новосибирска». В 1990 г., в связи с приближавшимся столетием города, новосибирский горсовет даже запланировал переименовать ряд городских улиц в честь совершенно забытых ранее «отцов города»: К.Н. Михайловского, В.И. Роецкого, Н.А. Белелюбского, Г.М. Будагова, Г.М. Тихомирова и Н.П. Меженинова [48. Л. 8]. Стоит подчеркнуть то, что при этом официально еще не вспоминали о роли царя Александра III в строительстве Транссиба и в основании Новосибирска.

Хотя улицы города в 1990-х гг. так и не сменили своих названий, вместе с распадом СССР в 1991 г. очевидно заострилось общественное внимание к версиям местной истории, альтернативным революционной. На этом фоне из общественных мест исчезло несколько памятников Ленину, появились памятники жертвам политических репрессий и радиационных катастроф. Государственная политика памяти этих лет была непоследовательной и даже невнятной. На этом фоне повысилась значимость мемориальных инициатив, исходивших от местной администрации и от общественности. Местные власти не опровергали советских достижений в развитии города, начиная с периода Великой Отечественной войны, однако игнорировали и даже криминализировали революционную историю и историю Гражданской войны, официально репрезентируя ее как самое страшное время для города. Революционные памятные места оказались совершенно вне коммеморативной активности населения и стали забываться.

Уже к началу 1990-х гг. на уровне коммеморативных инициатив местной администрации, готовившейся к торжествам в честь 100-летия Новосибирска, были актуализированы образы инженеров-путейцев, которые рассматривались теперь в качестве героев собственно новосибирской истории. На волне политических про-

цессов, связанных с федерализацией и в контексте конструирования памяти о собственном прошлом, не связанном с революционными аспектами, в мемориальное пространство Новосибирска вернулась Николаевская часовня (архитектор П.А. Чернобровцева). История ее возведения в честь 300-летия Дома Романовых не получила широкого тиражирования. За то эта реконструкция стимулировала распространение историко-топографического мифа о Новониколаевске–Новосибирске как о центре России, символом которого часовня и считалась. Этот миф символически повышал статус города в условиях экономической и социально-политической дестабилизации начала 1990-х гг.

На протяжении всего последнего десятилетия XX в. в коллективной памяти жителей города укреплялся еще один исторический миф о Новосибирске военных лет как о городе трудовой славы. Оборонная промышленность города пребывала в кризисном состоянии. На этом фоне позитивный образ былой трудовой славы оказался востребован как населением, уже привыкшем к регулярным чествованиям ветеранов, так и местными коммунистами, и демократическими силами, обещавшими позитивные экономические перемены в скором будущем. Соответственно, в 1999 г. был открыт и одобрительно воспринят населением еще один памятник А.С. Чернобровцева «Единству Фронта и тыла», дополнивший «монумент Славы». По замыслу автора, он увековечивал подвиг тружеников тыла, работавших на предприятиях оборонного комплекса Новосибирска.

Итак, до революции в Новониколаевске не было памятников, связанных именно с историей самого города. Зато сложилась система памятных мест, прославлявших имперскую власть, благодаря которой, как считалось, появился Новониколаевск. Параллельно в нарождавшемся мемориальном пространстве города первые коммемораторы оставили следы, отражавшие память Сибири, как колонии, борющейся с метрополией за расширение прав населения региона. Собственное историческое «я» появилось у города только после Гражданской войны, когда в памяти населения были сформированы культы местных героев революционной и подпольной борьбы, сведения о деятельности которых легли в основу новой системы памятных мест. Параллельно с ней в городском мемориальном пространстве складывалась система памятников, значимых в общесоветском масштабе. В сталинский период последняя однозначно доминировала, агрессивно вытесняя из мемориального пространства города остатки дореволюционных мемориальных систем и затеняя памятные места, связанные с местным военно-революционным прошлым. На этапе Великой Отечественной войны в историческую память новосибирцев в новом, «проработанном» виде вернулись местные герои революции и Гражданской войны, а также «основатель города» инженер-путеец Н.Г. Гарин-Михайловский, репрезентировавшийся в контексте индустриальных и транспортных мотивов. Этап с 1945 по 1965 г. стал для Новосибирска определенным

мемориальным «провалом», после чего началось переосмысление исторического наследия города в контексте концепта памяти о боевой и трудовой славе советского народа. В эти годы в мемориальном пространстве города была выстроена символическая связь между актуализированной и значительно расширенной системой новосибирских памятных мест, которые были связаны с историей революции и Гражданской войны, и вновь созданной системой памятников, связанных с увековечиванием боевых и трудовых подвигов новосибирцев, участвовавших в Великой Отечественной войне. Городское мемориальное пространство становилось все более плотным, но при этом относительно гомогенным. В его отрицание в канун горбачевской перестройки гуманитарная и творческая интеллигенция стала активно формировать альтернативную систему памятных мест, порой искусственно привязывая ее к дореволюционному архитектурному наследию города, которое, как и в начале XX в., ассоциировалось не

только с памятью Новониколаевска–Новосибирска, но и всей Сибири. Именно на этой основе стало развиваться мемориальное пространство города в конце 1980–1990-х гг., когда революционные места подверглись забвению, стали появляться явно антисоветские памятники, а в опоре на переосмысленный и фактический присвоенный городом дореволюционный исторический нарратив начала складываться система памятных мест, интерпретируемая, прежде всего, во взаимосвязи лишь с собственным уникальным новониколаевским прошлым. Сегодня мемориальное пространство Новосибирска, живущего в контексте «мемориальной эпохи», формируется самыми разными коммемораторами. Оно гетерогенно и все более насыщено. Современное мемориальное пространство города питается старыми историческим нарративами и мифами, которые по-разному переосмысливаются и репрезентируются, что, несомненно, заслуживает отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томас М.А. Особенности мемориального ансамбля в контексте современной городской среды Барнаула // Национальное наследие и диалог культур как исток духовности современного общества. URL: <http://econf.rae.ru/article/7398> (дата обращения: 10.12.2018).
2. Линч К. Образ города. М. : Стройиздат, 1982. 328 с.
3. Стрельникова А.В. «Места памяти» в городском пространстве // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2. С. 231–239.
4. Рыженко В.Г. Фигуры и символы памяти о прошлом в локальном культурном пространстве Западной Сибири (конец XIX – нач. XXI в.): ишимская версия // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2019. № 1. С. 134–141.
5. Рыженко В.Г., Демьянов К.В., Наумов С.С. Специфика «железнодорожных» сегментов культурного пространства крупного сибирского города (конец XX – начало XXI в.): топонимические признаки и памятная символика // Преподаватель XXI век. 2019. № 1–2. С. 243–259.
6. Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М. : Древлехранилище, 2013. 592 с.
7. Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти. Иркутск : Оттиск, 2014. 180 с.
8. Кошман Л.В. Культурное пространство русского города XIX – начала XX в. К вопросу о креативности исторической памяти // Человек и культура. 2013. № 2. С. 42–115.
9. Перетягина Е.В. История выявления, изучения и сохранения историко-культурного наследия Томской области // Вестник ТГАСУ. 2008. № 2. С. 38–44.
10. Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М. Из истории сохранения памятников культурного наследия в Томске (1917–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 181–190.
11. Kelly С. The shock of the old: architectural preservation in Soviet Russia // Nations and Nationalism. 2018. № 1. P. 88–109.
12. Баландин С.Н. Новосибирск: история градостроительства (1893–1945 гг.). Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1978. 136 с.
13. Баландин С.Н. Новосибирск: история градостроительства (1945–1985 гг.). Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1986. 160 с.
14. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск : Наука, 1993. 472 с.
15. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А. Так начинался Новосибирск. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд., 1983. 176 с.
16. Памятники Новосибирска. Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1980. 112 с.
17. Памятники Новосибирской области. Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1989. 200 с.
18. Новосибирский некрополь. Новосибирск : Сибирская горница, 2009. 224 с.
19. Голодяев К.А. Старый Новосибирск. Исторические заметки о том, откуда и когда вырос самый крупный город Сибири. Новосибирск : Изд-во музея г. Новосибирска, 2016. 321 с.
20. Военный городок в Ново-Николаевске. Первые годы истории. Новосибирск : Изд-во ГАУ НСО НПЦ, 2013. 88 с.
21. Рыженко В.Г., Алисов Д.А., Назимова В.Ш. Пространство советского города (20-е – 50-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск : Наука, 2004. 292 с.
22. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. 572 с.
23. Красильникова Е.И. «Мы помним день 7 ноября!» Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945). Новосибирск : Золотой колос, 2018. 226 с.
24. Ригль А. Современный культ памятников. Его сущность и возникновение / пер. с нем. Г. Гимельштейна, под ред. Н. Лопатиной. М. : ЦЭМ, V-A-C press, 2018. 96 с.
25. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М. ; СПб. : Нестор, 2018. С. 27–53.
26. Ремнев А.В. 300-летие «присоединения Сибири к России»: в ожидании нового исторического периода // Культурное наследие Сибири. URL: <http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=16> (дата обращения: 06.06.2019).
27. 15-летие освобождения Сибири от колчаковщины // Советская Сибирь. 1934. 23 дек.
28. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 737.
29. Переименование улиц Новосибирска – история Новосибирска и Новосибирской области // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/content/peireimenovaniya-ulic-novosibirska-istoriya-novosibirska-i-novosibirskoy-oblasti> (дата обращения: 06.06.2019).
30. ГАО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 16.
31. Крячков А.Д. Архитектура Новосибирска за 50 лет // Архитектура Сибири: Ежегодник. 1951. С. 7–28.
32. ГАО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 4.
33. ГАО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1388.
34. Марьясова М.К. Советское барокко в архитектурном убранстве общественных зданий послевоенного Новосибирска // Баландинские чтения. Новосибирск : Изд-во НГУАДИ, 2015. С. 197–205.

35. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 1.
36. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 275.
37. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 159.
38. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 146.
39. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 243.
40. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 18.
41. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 187.
42. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 250.
43. ГАНО. Ф. Р-2954. Оп. 1. Д. 25.
44. Пивкин В.М. Сохраним памятники народного зодчества! // Вечерний Новосибирск. 1989. 29 окт.
45. Пивкин В.М. Передать потомкам. Еще раз о памятниках деревянного зодчества // Вечерний Новосибирск. 1973. 22 окт.
46. ГАНО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 226.
47. Пивкин В.М. За десять лет до века // Сибирские огни. 1983. С. 135–142.
48. ГАНО. Ф. Р-745. Оп. 1. Д. 29.

Yekaterina I. Krasilnikova. Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: katrina97@yandex.ru

THE MEMORIAL SPACE OF NOVOSIBIRSK IN THE HISTORICAL DYNAMICS (1893-2000)

Keywords: memorial space; memorial place; monument; commemoration; politics of memory; memorial symbol; Novosibirsk.

The article is aimed to characterize the changes in the memorial space of Novosibirsk city from its foundation in 1893 to 2000 in the context of the complementarity and confrontation of the development trends of the politics of memory, emanating from the subjects of state and local authorities, as well from initiatives of public organizations and some important commemorators. There is proposed the definition of urban memorial space. The stages of forming the memorial space of Novosibirsk were identified and consistently characterized by their inherent specificity of the social attitude to the local historical heritage and commemorative activity. It was revealed that before the revolution in Novonikolayevsk both systems of memorable places began to take their shape, one glorifying imperial power and, the alternative one, reflecting the memory of the anti-government forces of Siberia, which fought the metropolis for expanding the rights of the population of the region. It was only after the Civil War that the city obtained the system of memorial places, associated with its own recent history of the revolutionary struggle, supplanting the old memorial systems. However, during the rule of I.V. Stalin this old system was obscured by a new system of monuments and memorable places, glorifying Soviet leaders and all-Union heroes. Many pre-revolutionary memorable places were destroyed at that period. Since the second half of the 1960s, the cult of Lenin had a particularly strong influence on the memorial space. Also, starting from this period and up to the collapse of the USSR, the memorial space of the city developed in connection with the concept of glorifying the military and labor feats of Novosibirsk people as Soviet citizens. Before the collapse of the USSR, the humanitarian and creative intellectuals of the city began to actively form an alternative system of memorial sites based on the reevaluation of the city's pre-revolutionary architectural heritage. In the 1990s, this trend was developed on the background of a general decline in attention to the historical and revolutionary heritage. However, the memorable places associated with the Great Patriotic War remained their significance. The memorial space of modern Novosibirsk is more diverse, than in the past. However, in the process of its development, it "feeds" on old historical myths and symbols, which are reinterpreted by each generation, including the new one.

REFERENCES

1. Tomas, M.A. (n.d.) *Osobennosti memorial'nogo ansamblya v kontekste sovremennoy gorodskoy sredy Barnaula* [Features of the memorial ensemble in the context of the modern urban environment of Barnaul]. [Online] Available from: <http://econf.rae.ru/article/7398> (Accessed: 10.12.2018).
2. Lynch, K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City]. Moscow: Stroyizdat, 1982. 328 s.
3. Strelnikova, A.V. (2012) "Sites of Memory" in urban space. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie – RSUH Bulletin*. 2. pp. 231–239. (In Russian).
4. Ryzhenko, V.G. (2019) The people and symbols as a memory of the past in the local cultural space of Western Siberia (the end of 20th – beginning of 21st century): Ishim study. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 1. pp. 134–141. (In Russian). DOI 10.25513/2312-1300.2019.1.134-141
5. Ryzhenko, V.G., Demyanov, K.V. & Naumov, S.S. (2019) The specificity of the rail network segments of the cultural space of major Siberian town (the late 20th and early 21st century): toponymic indicators and commemorative symbolics. *Prepodavatel' XXI vek*. 1–2. pp. 243–259. (In Russian).
6. Svyatoslavsky, A.V. (2013) *Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [Russian History as Reflected in the Memory Mirror. Mechanisms of Historical Images Formation]. Moscow: Drevlekhranilishche.
7. Rozhansky, M.Ya. (2014) *Sibir' kak prostranstvo pamyati* [Siberia as a memory space]. Irkutsk: Ottisk.
8. Koshman, L.V. (2013) The Russian town cultural space of the XIX – beginning of the XX century. Concerning creativity of historical memory. *Che-lovek i kul'tura – Man and Culture*. 2. pp. 42–115. (In Russian). DOI: 10.7256/2306-1618.2013.2.639
9. Peretyagina, E.V. (2008) *Istoriya vyyavleniya, izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya Tomskoy oblasti* [History of research and preservation of historical and cultural heritage of Tomsk Region]. *Vestnik TGASU – Journal of Construction and Architecture*. 2. pp. 38–44
10. Chernyak, E.I. & Dmitrienko, N.M. (2017) From the history of the conservation of cultural heritage objects in Tomsk in 1917-1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 422. pp. 181–190. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/422/6
11. Kelly, C. (2018) The shock of the old: architectural preservation in Soviet Russia. *Nations and Nationalism*. 1. pp. 88–109. DOI: 10.1111/nana.12375
12. Balandin, S.N. (1978) *Novosibirsk: istoriya gradostroitel'stva (1893–1945 gg.)* [Novosibirsk: the history of urban planning (1893–1945)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd.
13. Balandin, S.N. (1986) *Novosibirsk: istoriya gradostroitel'stva (1945–1985 gg.)* [Novosibirsk: the history of urban planning (1845–1985)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd.
14. Goryushkin, L.M. (1993) *Novosibirsk. 100 let. Sobytiya. Lyudi* [Novosibirsk. 100 years. Events. People]. Novosibirsk: Nauka.
15. Goryushkin, L.M. & Bochanova, G.A. (1983) *Tak nachinal'sya Novosibirsk* [This is how Novosibirsk began]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd.
16. Goryushkin, L.M. (ed.) (1980) *Pamyatniki Novosibirsk* [The Monuments of Novosibirsk]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd.
17. Semko, B.I. & Goryushkin, L.M. (1989) *Pamyatniki Novosibirskoy oblasti* [The Monuments of Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd.
18. Krasilnikova, E.I. (ed.) *Novosibirskiy nekropol'* [The Novosibirsk Necropolis]. Novosibirsk: Sibirskaya gornitsa.
19. Golodyaev, K.A. (2016) *Staryy Novosibirsk. Istoricheskie zametki o tom, otkuda i kogda vyros samyy krupnyy gorod Sibiri* [Old Novosibirsk. Historical notes on where and when the largest city in Siberia grew up]. Novosibirsk: The Novosibirsk Museum.
20. Kuznetsova, E.A. (2013) *Voennyy gorodok v Novo-Nikolaevske. Pervye gody istorii* [Military town of Novonikolayevsk in the first years of its history]. Novosibirsk: GAU NSO NPTs.

21. Ryzhenko, V.G., Alisov, D.A. & Nazimova, V.Sh. (2004) *Prostranstvo sovetskogo goroda (20-e– 50-e gg.): teoreticheskie predstavleniya, regional'nye sotsiokul'turnye i istoriko-kul'turologicheskie kharakteristiki (na materialakh Zapadnoy Sibiri)* [The space of the Soviet city (the 1920s–1950s.): theoretical, regional socio-cultural and historical-cultural characteristics (a case study of Western Siberia)]. Omsk: Nauka.
22. Krasilnikova, E.I. (2015) *Pomni' nel'zya zabyt'? Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [Remember not to forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (the late 1919 – mid 1941)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
23. Krasilnikova, E.I. (2018) *“My pomnim den' 7 noyabrya!” Oktyabr'skie torzhestva v Sibiri: kommemorativnyy aspekt (1920–1945)* [“We remember the day of November 7!” October celebrations in Siberia: commemorative aspect (1920–1945)]. Novosibirsk: Zolotoy kolos.
24. Riegl, A. (2018) *Sovremennyy kul't pamyatnikov. Ego sushchnost' i vozniknovenie* [The modern cult of monuments, its essence and origin]. Translated from German by G. Gimelstein. Moscow: TsEM, V-A-C press.
25. Malinova, O.Yu. (2018) *Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki* [Politics of memory as a field of symbolic politics]. In: Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (eds) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of memory politics study]. Moscow; St. Petersburg: Nestor. pp. 27–53.
26. Remnev, A.V. (n.d.) *300-letie “prisoedineniya Sibiri k Rossii”: v ozhidanii novogo istoricheskogo perioda* [300 hundred years of Siberia’s accession to Russia: in anticipation of a new historical period]. [Online] Available from: <http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=16> (Accessed: 6th June 2019).
27. *Sovetskaya Sibir'*. (1934) 15-letie osvobozhdenie Sibiri ot kolchakovshchiny [The fifteenth anniversary of the liberation of Siberia from Kolchak]. 23rd December.
28. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-5. List 2. File 737.
29. BSK.nios.ru. (n.d.) *Pereimenovanie ulits Novosibirska – istoriya Novosibirska i Novosibirskoy oblasti* [Renaming the streets of Novosibirsk – the history of Novosibirsk and Novosibirsk region]. [Online] Available from: <http://bsk.nios.ru/content/pereimenovaniya-ulic-novosibirska-istoriya-novosibirska-i-novosibirskoy-oblasti> (Accessed: 6th June 2019).
30. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-217. List 1. File 16.
31. Kryachkov, A.D. (1951) *Arkhitektura Novosibirska za 50 let* [The Novosibirsk Architecture for 50 years]. In: Kryachkov, A.D. et al. *Arkhitektura Sibiri* [The Architecture of Siberia]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 7–28.
32. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1813. List 1. File 4.
33. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-22. List 3. File 1388.
34. Maryasova, M.K. (2015) *Sovetskoe barokko v arkhitekturnom ubranstve obshchestvennykh zdaniy poslevoennogo Novosibirska* [The Soviet Baroque in architectural decoration of public buildings in Novosibirsk after the Second World War]. In: Garkusha, D.D. & Shemelina, D.S. (eds) *Balandinskie chteniya* [The Balandin Readings]. Novosibirsk: NGUADI. pp. 197–205.
35. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 1.
36. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 275.
37. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 159.
38. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 146.
39. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 243.
40. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 18.
41. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 187.
42. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 250.
43. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2954. List 1. File 25.
44. Pivkin, V.M. (1989) *Sokhranim pamyatniki narodnogo zodchestva!* [Let's save monuments of folk architecture]. *Vecherniy Novosibirsk*. 29th October.
45. Pivkin, V.M. (1973) *Peredat' potomkam. Eshche raz o pamyatnikakh derevyannogo zodchestva* [Pass it on. Once again about the monuments of wooden architecture]. *Vecherniy Novosibirsk*. 22nd October.
46. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2054. List 1. File 226.
47. Pivkin, V.M. (1983) *Za desyat' let do veka* [Ten years before the century]. *Sibirskie ogni*. 7. pp. 135–142.
48. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-745. List 1. File 29.

УДК 94(47).083.4
DOI: 10.17223/19988613/61/6

Ю.О. Мамонова

ВНЕШНИЙ ОБЛИК РУССКОЙ СУХОПУТНОЙ АРМИИ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904–1905 гг. В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ИЗДАНИЙ

Дается обзор характерных черт внешнего облика рядового и командного состава русской сухопутной армии в Русско-японской войне 1904–1905 гг. на основе изданных в первые послевоенные годы воспоминаниях, дневниках и письмах военных корреспондентов немецкоязычных изданий – Р. Гедке, О. фон Шварца и А. Шпайца. Определена специфика лежащих в основе исследования источников и влияющих на восприятие русской армии факторов. Выявлено общее и особенное в авторских оценках относительно общефизических характеристик и физических качеств личного состава русской сухопутной армии, сопряженных с состоянием здоровья солдат и офицеров бытовых привычек, а также ряда сопутствующих зрительному восприятию элементов. Установлена и продемонстрирована связь между зафиксированными на страницах воспоминаний явлениями и первоначальными установками репортеров.

Ключевые слова: Русско-японская война 1904–1905 гг.; военные корреспонденты; русская армия; немецкоязычные периодические издания.

Развернувшиеся в рамках Русско-японской войны 1904–1905 гг. события приковали к себе внимание ведущих зарубежных периодических изданий, о чем красноречиво свидетельствует численность привлеченных к освещению хода войны корреспондентов. Значительный вклад в осведомленность мировой общественности о положении дел на театре военных действий внесли сопровождающие русскую армию представители прессы – 102 репортера российских изданий и 38 прибывших из-за рубежа журналистов [1. С. 201].

По возвращении в свои страны частью из них были опубликованы воспоминания, дневники и письма. При всем многообразии обстоятельств создания записей, послуживших основой для опубликованных позднее иноязычных сочинений, зарубежные репортеры не преминули возможностью отобразить специфику окружающей и непривычной для них социальной среды. Кроме того, при отсутствии значимых событий или же при невысокой степени информированности о происходящем фокус внимания военных корреспондентов нередко смещался в сторону описания представителей рядового и командного состава вооруженных сил. В связи с этим наибольшую взаимную качественную сопоставляемость работ иностранцев представляется возможным констатировать во фрагментах сочинений, посвященных описанию русской армии.

Немало известно о том, что в данный период являла собой русская армия в целом [2–5], но какой она виделась сторонним наблюдателям, бок о бок с ней находившимся на полях Маньчжурии? По-видимому, этот вопрос на протяжении первых послевоенных лет не являлся безынтересным, что подтверждается развернувшейся деятельностью по переводу сочинений зарубежных журналистов и военных атташе. Так, с 1906 по 1914 г. в свет вышло 32 выпуска серии переводных работ иностранцев, побывавших на театре военных действий Русско-японской войны 1904–1905 гг. (преимущественно военных атташе) [6]. Некоторые пере-

водные сочинения издавались отдельно. К некоторым из них российские авторы обращались в поисках ответов на многочисленные критические замечания в адрес русской армии, снискавшей после Русско-японской войны 1904–1905 гг. славу «войска без доблести» [7], подчеркивая при этом факт наличия благоприятных оценок на фоне преимущественно недружественного настроения иностранцев.

Вместе с тем целый пласт воспоминаний остался незатронутым, в том числе наследие некоторых военных корреспондентов немецкоязычных изданий, составляющих источниковую базу данной статьи: Рихарда Гедке [8], Оскара фон Шварца [9] и Александра Шпайца [10]. Преимущество данных свидетельств обусловлено тем, что они не были стеснены цензурными предписаниями в противоположность статьям и телеграммам, отправляемым в редакции периодических изданий с фронта. В частности, это наглядно демонстрирует собрание предназначенных для публикации в газете «Berliner Tageblatt» писем отставного полковника Генерального штаба Р. Гедке, созданных с оглядкой на военную цезуру [8]. Наличие внесенных позднее примечаний и уточнений автора позволяет уяснить, что в действительности скрывалось за некоторыми обтекаемыми формулировками, представленными в отправленном в редакцию издания тексте.

Под обложкой книги другого автора, репортера «Berliner Lokal-Anzeiger» и лейтенанта в отставке О. фон Шварца собраны воедино непосредственно дневниковые записи и заметки об увиденном, созданные по прошествии некоторого времени. Данный источник наиболее ярко демонстрирует отдаленность преподносимых со страниц периодического издания сообщений от окружающей автора действительности. Виной этому являлись чинимые военной цензурой препятствия, в связи с чем условия своей профессиональной деятельности характеризовались военным корреспондентом как «почти невыносимые» [9. С. 302].

В данном случае следует иметь в виду и возможную предвзятость О. фон Шварца к принимающей корреспондентов стороне. Русский народ в целом он представляет исключительно в негативном свете; уже на первых страницах вводной статьи журналиста мы видим рассуждения о «русской угрозе» с массой резких высказываний о взаимной ненависти народов, господствующей в умах русских людей «химере славянофильства» и опасности грядущего противостояния [9. S. 1–6]. Впрочем, словам очевидцев о подвигах русских солдат и офицеров он верит вполне охотно.

Статьи австро-венгерского подданного, ротмистра запаса А. Шпайца в немецкоязычной венгерской газете «Pester Lloyd» также существенно уступают в информативности опубликованным в 1906 г. в Вене воспоминаниям. Находясь на заключительном этапе своего путешествия вдали от почтово-телеграфных учреждений, корреспондент не имел возможности регулярно отправлять в редакцию периодического издания какие-либо сведения. Так, в просмотренных выпусках газеты «Pester Lloyd» за 7 месяцев, охватывающих время пребывания А. Шпайца на театре военных действий, следование к нему и возможные временные затраты при доставке письма к месту назначения, было выявлено лишь семь совпадающих по содержанию с книгой статей под псевдонимом [11–17]. Благодаря отсутствию существенных корректировок текста было установлено авторство репортера. Соответственно, лишь малая часть увиденного была доступна читателям и опубликована своевременно, и полная картина способна сложиться исключительно при опоре на изданные воспоминания.

Как правило, заявляемая авторами мемуаров предвзятость в изложении вовсе не исключает пристрастности, стереотипности, некоторого эмоционального вовлечения и сопереживания (степень которого, впрочем, значительно варьируется от источника к источнику). Вышеуказанные источники, в силу их специфики, требуют принятия во внимание внешнеполитической обстановки и межнациональных отношений. В данном случае следует отметить важнейшую особенность воспоминаний, составляющих основу статьи, – симпатии журналистов немецкоязычных изданий к сторонам конфликта представляются не столь очевидными, в отличие от подданных других стран-лидеров по количеству присутствующих на театре военных действий представителей прессы: близкой к России Франции и прояпонски настроенным Англии и США. В этой связи особенно интересна разнонаправленность тенденций в работах О. фон Шварца, чья позиция по поводу межнациональных отношений была представлена выше, и Р. Гедке. Согласно свидетельствам последнего, немецкое имя в русском офицерском корпусе почитаемо и популярно, особенно воодушевленно отзываются о политике «благородного немецкого рыцаря» Вильгельма II, вспоминая его слова о «желтой опасности». В целом «немец может только желать,

чтобы за границей говорили о нашем властителе с таким глубоким уважением» [8. S. 38–39].

Противоречивые сведения двух корреспондентов могут быть связаны как с личными взглядами авторов, им соответствующими умышленными или непреднамеренными преувеличениями, стремлением представить миру определенную информацию при осознании оказываемого влияния на читателя, так и с совершенно иным опытом. Вышеуказанные выводы Р. Гедке базировались, прежде всего, на беседах с генералитетом и ограниченным кругом лиц, знающих французский или немецкий языки. О. фон Шварц же, скитаясь в поисках хоть каких-нибудь новостей (недостаток последних, впрочем, по словам всех журналистов, был крайне насущной проблемой для каждого из них), временного жилища и продовольствия, проявляя интерес к различным сплетням и авантюрам, увидел больше сторон кипящей в пределах театра военных действий жизни, и его путь видится наиболее насыщенным событиями. Что же касается А. Шпайца, то им подобные вопросы не затрагивались, а на страницах его воспоминаний просматривается глубокая симпатия к русским людям в целом и русской армии в частности. В данном контексте следует отметить, что в основе принятого им решения о поездке на фронт лежало стремление что-либо противопоставить предубежденной западной прессе, раскрыть «язвительную ложь» в отношении русской армии и ее руководства [10. S. 21], что также необходимо иметь в виду.

Приняв во внимание многообразие факторов, способных повлиять на восприятие репортерами действительности, можно заключить, что достаточная степень однородности источников не может отменить дифференцированного подхода к каждому из них. Немаловажным преимуществом свидетельств военных корреспондентов немецкоязычных изданий является незначительный период времени, отделявший знакомство авторов с русской армией и публикацию воспоминаний: вышеприведенные работы изданы в 1905–1906 гг., что уменьшает вероятность вторичного наслоения ошибок памяти и связанной с эволюцией взглядов авторов аберрации.

Описание внешнего облика рядового и командного состава русской армии занимает особое место в свидетельствах иностранцев, фиксирующих непримечательные для соотечественников детали. Содержание воспоминаний и дневников журналистов позволяет сделать вывод о том, что физические качества русских солдат и офицеров представляли для А. Шпайца, Р. Гедке и О. фон Шварца немалый интерес.

Р. Гедке в отправленных в редакцию письмах неоднократно восхищался суровым внешним видом встречавшихся ему офицеров и солдат, их сложением и физическими качествами. Особенно щедрым на похвалу автор был по отношению к сибирякам: «...я могу только сказать, что этот сибирский рядовой состав вряд ли уступает в своих физических качествах лучшему

пополнению нашей армии, если можно по собравшимся здесь 200 мужчинам заключать об остальных. Я редко видел такой подбор обветренных, коренастых и отчасти очень высоких парней вместе» [8. S. 36]. Таким был его взгляд на собранных на вокзале Петропавловска резервистов. В дальнейшем репортер только убеждался в своих оценках, продолжая подробно описывать внешний вид сибирских запасников и характеризуя их «людьми великолепными». Сибирь, по его словам, является поставщиком лучших пополнений армии по причине суровых погодных условий и «сносной состоятельности» крестьян. Любопытно, что с течением времени автор не менял своей точки зрения и продолжал акцентировать внимание читателя на прекрасной физической форме и солдат, и офицеров, несколько дополняя свои оценки тем, что время от времени он все-таки замечал «вновь призванных резервистов, несмотря на их длинное и часто бледное тело, выглядевших голодающими и вялыми, будто бы вдовавок ко всему имела нужда, истощающая неполноценным питанием» [Ibid. S. 337].

Что касается русского офицерского корпуса, то, не зная на отсутствие недостающей ему выправки, он отмечает впечатляющий внешний вид офицеров, так как он «сплошь состоит из прекрасных, статных, часто импозантных фигур», автор видит в нем «элиту народа» и признает его превосходящее в этом отношении положение в сравнении с германским офицерским корпусом. Впрочем, объяснение этому он находит весьма утешительное для немецкого читателя: «немецкая высокая культура взрастила более изящные и приличные виды» [Ibid. S. 345].

В целом Р. Гедке видел в русских антропологическое сходство с немцами, в отличие от доказывающего превосходство последних О. фон Шварца. Автор, что показательно, для подтверждения своих взглядов к описанию физических данных не прибегал, а встречающиеся в его воспоминаниях детали не выбиваются из создаваемой корреспондентами картины. В повествовании о боях в Дашичао, основанном на свидетельствах очевидцев сразу же после сражения, сибиряки характеризуются им непоколебимыми, а в штыковом бою превосходство русского в сравнении с японцем ввиду его физических особенностей признается очевидным: русский солдат обладал внушительной физической силой, был массивным и неуклюжим, а «стойческое спокойствие его совсем редко покидает даже в самой большой боевой жаре, когда с фанатичной яростью атакуют вспльчивые азиаты» [9. S. 92]. Полковник С.Ф. Добротин сравнивал этот штыковой бой с борьбой между слоном и тигром, в котором первый в большинстве случаев остается победителем. В данном случае репортером представлена скорее точка зрения русского комбатанта, перетекающая в свою собственную. Ход сражения у Дашичао не давал повода корреспонденту не верить впечатлениям самих участников событий, которые благополучно наслаивались на соб-

ственный опыт журналиста. Отставной полковник Р. Гедке, опираясь на увиденное им в течение пребывания на театре военных действий, также подтверждал безусловное преимущество в телосложении и физической силе русского солдата, однако японцы не казались ему слабым противником: «...многолюдная Япония имела относительно небольшую армию, что позволяло ей осуществлять суровый отбор претендентов в ее ряды, которые поголовно были маленькими, но коренастыми и крепкими парнями, ни в коем случае не боящимися штыкового боя с противником» [8. S. 337].

Все военные корреспонденты солидарно подчеркивают глубоко впечатляющую выносливость русского солдата. А. Шпайц, находясь вблизи д. Падязы в феврале 1905 г., на страницах своих воспоминаний отмечал: «...едва ли будет иметься на свете более неприятельный и выносливый солдат чем русский. Жаль этот восхитительный материал!» [10. S. 229]. Подобные замечания встречаются на страницах его книги многократно, в особенности в эпизодах с ранеными, стойчески переносящими боль, что зафиксировано и Р. Гедке: «...даже в смертельной агонии это – храбрые мужчины» [8. S. 282].

Стойкость и выносливость в любых условиях становились поводом для искреннего восхищения иностранцев. «Русский солдат выносит погодные невзгоды гораздо лучше слабого японского, в этом не может быть никакого сомнения, – заключает журналист, – в этой пассивной устойчивости любого рода неприятности состоит одно из основных преимуществ русского народа» [Ibid. S. 159]. Даже О. фон Шварц свидетельствовал о «героической выносливости русских солдат, достойной наивысшего восхищения», проявленной в сезон дождей, в условиях которого «одежда, вооружение и продовольственное снабжение войск были неудовлетворительны как никогда прежде» [9. S. 104].

Впрочем, подобные проявления не всегда оценивались военными корреспондентами исключительно комплиментарно. Эпизодически данная особенность именовалась как «граничащее с летаргией терпение» [10. S. 196] и связывалась со свойственными любому русскому человеку чертами: доходящей до крайности флегматичностью, медлительностью, отсутствием инициативы и энергии.

В заданных рамках особый интерес представляют выводы авторов о состоянии здоровья военнослужащих, отчасти уже представленные выше словами Р. Гедке о периодически встречающихся истощенных запасниках. Ряд касающихся этой темы деталей черпались авторами в конкретной обстановке и имели ситуативный характер. Так, О. фон Шварц, характеризуя попутчиков в поезде, утверждал: «...примерно из 60 господ, которые ехали со мной, минимум 20 по причине недостающих знаний – это касалось всех офицеров запаса – или из-за болезней были абсолютно неспособными к исполнению серьезных обязанностей, которые к ним предъявлялись» [9. S. 36]. Следует отметить,

что под болезнями в данном случае подразумевалась нездоровая тяга русского человека к спиртному.

Воспоминания репортера изобилуют примерами непристойного поведения, разбойных нападений и прочих последствий этого пагубного пристрастия. На страницах книги нередко можно встретить описания офицеров, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, а большинство трезвых и здоровых представителей офицерского корпуса, по мнению автора, непременно имели прусское происхождение или являлись представителями гвардии [9. S. 36].

Как правило, пристрастие русского человека к алкоголю является излюбленной темой рассуждений. Настоящая тема фигурирует в каждом источнике, однако удастаивается различных оценок, которые находятся в корреляции с личными симпатиями и настроением авторов. Вина за непомерное потребление спиртного и А. Шпайцем, и Р. Гедке возлагается исключительно на власть [8. S. 336; 10. S. 249]. По их мнению, русский человек не знал в этом меры, но в целом пил не больше англичанина или немца.

В целом все военные корреспонденты при упоминаниях о некоторых случаях заболевания дизентерией, отмечали относительный порядок со здоровьем русской армии, невзирая на всю неблагоприятность окружающих условий, притом основания для этого каждым корреспондентом виделись по-разному, что ярким образом иллюстрирует настрой каждого автора в отдельности. В частности, Р. Гедке считает, что высшей похвалы за оправдавшие себя усилия достойна медицинская служба [8. S. 159]; О. фон Шварцу это кажется случайностью («это чудо, что никакая эпидемия не вспыхивает!» [9. S. 63]). А. Шпайц видит в этом заслугу в укоренившихся привычках самих солдат и офицеров, а именно в удивительной для иностранца страсти русского человека к чаю: «Это не преувеличение, если говорят, что русская Маньчжурская армия была обязана ее превосходным здоровым состоянием чаю. Зародыш всех инфекционных заболеваний лежит в большинстве случаев в некипяченой плохой воде. <...> приученный к чаю русский никогда не будет пить обычную воду...» [10. S. 113].

Примечательно, что эта привычка отмечалась всеми репортерами. На страницах воспоминаний Р. Гедке упоминалось приготовление чая в траншеях [8. S. 297], О. фон Шварц же, который подробнейшим образом описывал тягу русских солдат и офицеров к спиртному, в разы чаще упоминал о пьющих чай солдатах и офицерах вне зависимости от каких-либо обстоятельств: «... снова и снова чай, чай, который расходовался в чрезмерном количестве утром, днем и вечером, без которого русский солдат, по-видимому, вообще жить не может» [9. S. 291].

Представляется необходимым отметить, что вещевое и продовольственное обеспечение войск, внесшее значительный вклад в подтвержденное корреспондентами благоприятное самочувствие командного и рядо-

вого состава, единогласно признано военными журналистами более чем удовлетворительным. Имеющиеся недочеты, как правило, исправлялись, а с потребностями считались. В частности, летом 1904 г. военным репортерам нередко приходилось видеть солдат, шагающих в изорванной обуви или же вовсе без нее [8. S. 316; 9. S. 94], но по прошествии времени журналисты констатировали исчезновение данной проблемы. Согласно наблюдениям А. Шпайца, оснований верить слухам о нехватке теплых вещей не было, и «против холода армия вооружена превосходно» [10. S. 245].

Эпизодически доносившиеся с полей вооруженного противостояния сведения о голодающих и бедствующих солдатах, по мнению иностранцев, являлись выдумкой [Ibid. S. 147], а их здоровый внешний вид являлся тому подтверждением. Симптоматичным представляется тот факт, что отдельно подчеркнутая каждым военным репортером «склонность русского солдата к попрошайничеству», воплощенная в многочисленных жалобах на отсутствие материальных средств и голод, прошении милостыни (преимущественно у иностранцев), а также в предложении различного рода услуг, продаже формы и имущества [8. S. 344; 10. S. 242], вовсе не пошатнула авторов в этой убежденности. Жадный до подобных неприглядных проявлений в «русской Маньчжурии» О. фон Шварц, заметив гневно жалующегося на отсутствие хлеба и двухдневный голод солдата, предположил: «Это было очевидным лукавством, парень выглядел для этого слишком толстым и хорошо откормленным» [9. S. 245].

Помимо заботы командования, весомый вклад в это могли внести другие факторы. В частности, А. Шпайц отмечает, что этому способствовал вид боевых действий: «...отступающую армию легче снабжать продовольствием <...>. Кроме того, весь поход состоял из ряда операционных застоев, во время которых продовольственное снабжение было проще» [10. S. 148], хотя и не отрицает, что были и голодные дни, подразумевая ситуацию после сражения под Мукденом, что, как правило, стойко переносилось.

Следует добавить, что велика в этом заслуга и самих комбатантов. Помимо того, что в сравнении с представителями иностранных армий русский солдат выигрывал в неприязнительности, что не раз отмечалось корреспондентами, он также виделся иностранцам вполне самостоятельным в вопросах создания благоприятных для себя условий. В частности, Р. Гедке особенно заостряет внимание на способности русского солдата к «самоотверженному обеспечению хорошего самочувствия», где проявляется его независимость и изобретательность, в отличие от германского солдата, который привык к большой опеке со стороны офицеров. В связи с тем, что благосклонность руководства к нему пассивна и выражается она в «напряжении его физических и моральных сил не до конца», русский солдат зачастую предоставлен сам себе и ему без труда удается многое вовсе при отсутствии офицера: поение

лошадей, получение фуража и продовольствия, марши многочисленных транспортных средств, замена боеприпасов, – «солдат делает свое дело разумно и хорошо, без помощи, надзора и без разногласий» [8. S. 343]. Лишь единожды, отмечает отставной полковник, он наблюдал внутренний беспорядок – при отступлении от Ляояна и Янтая.

В пользу его заключений свидетельствуют и другие авторы. О. фон Шварц многократно становился свидетелем подтверждающих это ситуаций и, кроме того, не раз ему казалось, что войска занимались целыми днями исключительно заботой о собственном продовольственном снабжении [9. S. 182]. Тем не менее иногда способность позаботиться о себе его приятно удивляла, например, он зафиксировал отсутствие какого-либо беспорядка и спора возле единственного источника воды в одной из деревень в окрестностях Ляояна при том, что возле него теснились множество военнослужащих, лошадей, и никакой офицер не был откомандирован для поддержания порядка. «Флегматичность помогает русскому солдату легко преодолеть такие ситуации», – заключает корреспондент [Ibid. S. 114]. С вышеуказанными авторами в данном вопросе совершенно солидарен и А. Шпайц, также усматривающий причины этого в особенностях русского характера, воспитанного «русской системой» и суровыми природными условиями.

Необходимо отметить и то, что не раз авторами упоминалась позволяемая офицерами излишняя загру-

женность войск «всяким барахлом», например, ведрами, полевыми котлами, чайниками, жестяными тарелками, разнообразной домашней утварью и прочими «исключительно полезными», по их мнению, предметами, от чего страдали маршевые возможности подразделений [8. S. 43, 262, 271; 9. S. 62, 212].

Таким образом, в свидетельствах военных корреспондентов немецкоязычных изданий Р. Гедке, О. фон Шварца и А. Шпайца просматривается разветвленность оценочных суждений, смещение акцентов на те или иные детали образа русского солдата и офицера, что продиктовано изначальными установками авторов, их личными симпатиями и побудительными к путешествию в Маньчжурию мотивами.

В целом внешний облик присутствующих на сухопутном театре военных действий Русско-японской войны 1904–1905 гг. представителей рядового и командного состава русской армии наделялся рядом характеристик: суровый внешний вид, плотное телосложение, неповоротливость и медлительность, непреодолимое пристрастие к спиртному, а также просматриваемая во всех внешних поведенческих проявлениях флегматичность и порой безграничное терпение. Авторы опровергают слухи о неудовлетворительном продовольственном обеспечении, отмечают большую самостоятельность рядового состава во многих вопросах, его организованность, нередко повествуют о благоприятном самочувствии военнослужащих, ухудшающемся во время отступлений, но стремительно восстанавливаемом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военная энциклопедия. СПб. : Т-во И.В. Сытина, 1911–1915. Т. 13.
2. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3: 1881–1915 гг. М., 1994.
3. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903 гг. М., 1973.
4. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
5. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003.
6. Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. СПб., 1906–1914. Вып. 1–32.
7. Абамелек-Лазарев С.С. Сказания иностранцев о русской армии в войну 1904–1905 гг. СПб., 1912. С. 2.
8. Gädke R. Kriegsbriefe aus der Mandschurei. Berlin und Leipzig, 1905.
9. Schwartz O. von. Zehn Monate Kriegskorrespondent beim Heere Kuropatkins. Persönliche Erlebnisse und kritische Betrachtungen aus dem russisch-japanischen Kriege. Berlin, 1906.
10. Spaits A. Mit Kosaken durch die Mandschurei: Erlebnisse im russisch-japanischen Kriege. Vienna, 1906.
11. Pester Lloyd. 1904. 21. Dezember.
12. Pester Lloyd. 1905. 31. Januar.
13. Pester Lloyd. 1905. 4. Februar.
14. Pester Lloyd. 1905. 19. Februar.
15. Pester Lloyd. 1905. 26. Februar.
16. Pester Lloyd. 1905. 21. März.
17. Pester Lloyd. 1905. 3. Mai.

Yulia O. Mamonova. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: iulia.mamonova@gmail.com

WAR CORRESPONDENTS OF GERMAN-LANGUAGE PERIODICALS ABOUT THE RUSSIAN LAND FORCES IN THE RUSSO-JAPANESE WAR 1904–1905: VISUAL ASPECT

Keywords: the Russo-Japanese war; 1904–1905; war correspondents; Russian army; German-language periodicals.

The aim of the submitted article is to analyze how the outward appearances of Russian land forces were perceived by war correspondents of German-language periodicals in Russo-Japanese war of 1904–1905. The main sources for the research were published memoirs, diaries and letters from representatives of German and Austro-Hungarian press: primarily retired being a colonel and correspondent of the daily “Berliner Tageblatt” Richard Gaedke, retired lieutenant, war correspondent of the “Berliner Lokal-Anzeiger” Oscar von Schwartz and retired captain of the cavalry from the newspaper “Pester Lloyd” Alexander Spaits. In the first post-war years, these witnesses of the Russian participation in the Russo-Japanese war of 1904–1905 in Manchuria had published the materials collected about it. The range of the topics covered by these correspondents was wide and various, but the appearance of the Russian soldiers and officers

is described in great detail. The reason for this is that very often representatives of the press focused on the social environment, which was unusual for them. In this regard, the visual aspect of perception is in the focus of attention – information about physical abilities of the combatants, their health and household habits, characteristics of external behavioral manifestations and other problematic issues that have been considered and analyzed in the present article. Comparison of the data from these sources shows similarity between the described characteristics of the Russian forces in Manchuria and a difference between their interpretations. War correspondents of German-language periodicals R. Gaedke, O. von Schwartz and A. Spaits saw the Russian soldiers and officers as slow, sluggish men with a robust constitution and impressive physical force. Their addiction to alcohol, calmness, unpretentiousness and the boundless patience shown in the most adverse conditions were noted. Authors have refuted the information about unsatisfactory food security and the physical condition of the Russian land forces on the pages of their works and have stressed big independence of enlisted men in many everyday and organizational issues. In order to prove it, the authors have cited examples from the life on the Russian positions in Manchuria during the war between Russia and Japan. Determination of the specifics of the sources on which the research was based and research of conditions of their creation has shown interrelation between author's estimates of the state of the Russian army and personal sympathies of authors, their mood, motives, incentive for a travel to Manchuria. This set of factors led to the shift of emphases on details of outward appearance of Russian soldiers and officers in Manchuria during the Russo-Japanese war of 1904–1905.

REFERENCES

1. Novitsky, V.F. et al. (ed.) (1911–1915) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 13. St. Petersburg: I.V. Sytin.
2. Kersnovsky, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii* [History of the Russian army]. Vol. 3. Moscow: Golos.
3. Zayonchkovsky, P.A. (1973) *Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX–XX stoletiy: 1881–1903 gg.* [Autocracy and the Russian army at the turn of the 20th century: 1881–1903]. Moscow: Mysl'.
4. Beskrovnyy, L.G. (1986) *Armiya i flot Rossii v nachale XX v.: Ocherki voenno-ekonomicheskogo potentsiala* [The army and navy of Russia in the early 20th century: Essays on the military-economic potential]. Moscow: Nauka.
5. Volkov, S.V. (2003) *Russkiy ofitserkiy korpus* [Russian officer corps]. Moscow: Tsentrpoligraf.
6. Barcini, L. et al. (1906–1914) *Russko-yaponskaya vojna v nablyudenyakh i suzhdeniyakh inostrantsev* [Russian-Japanese war in the observations and judgments of foreigners]. St. Petersburg: V. Berezovsky.
7. Abamelek-Lazarev, S.S. (1912) *Skazaniya inostrantsev o russkoy armii v voynu 1904–1905 gg.* [Foreign tales about the Russian army in the war of 1904–1905]. St. Petersburg: Rodnik. pp. 2.
8. Gädke, R. (1905) *Kriegsbriefe aus der Mandschurei*. Berlin und Leipzig: Luckhardt.
9. Schwartz, O. von. (1906) *Zehn Monate Kriegskorrespondent beim Heere Kuropatkins. Persönliche Erlebnisse und kritische Betrachtungen aus dem russisch-japanischen Kriege*. Berlin: [s.n.].
10. Spaits, A. (1906) *Mit Kosaken durch die Mandschurei: Erlebnisse im russisch-japanischen Kriege*. Vienna: [s.n.].
11. *Pester Lloyd*. (1904) 21st December.
12. *Pester Lloyd*. (1905) 31st January.
13. *Pester Lloyd*. (1905) 4th February.
14. *Pester Lloyd*. (1905) 19th February.
15. *Pester Lloyd*. (1905) 26th February.
16. *Pester Lloyd*. (1905) 21st March.
17. *Pester Lloyd*. (1905) 3rd May.

УДК 94(47).084
DOI: 10.17223/19988613/61/7

М.А. Перова

«КРАСНОГАЛСТУЧНЫЕ»: ПИОНЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ДЕТЕЙ В 1920 – НАЧАЛЕ 1930-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОГО И ШАДРИНСКОГО ОКРУГОВ)

В статье рассматривается степень корреляции между идеальной и реальной пионерией на материалах Курганского и Шадринского округов. В качестве источников используются архивные документы и воспоминания пионеров 1920–1930-х гг., записанные автором со слов респондентов. Судя по этим воспоминаниям, пионерское движение играло важную роль в повседневной жизни советского ребенка, занимая собой порой более значимое пространство, чем семья и семейное воспитание. В 1920-е – начале 1930-х гг. пионеры были активными участниками государственного культурного строительства, даже если не до конца осознавали политический аспект собственных действий и воспринимали их как своего рода игру.

Ключевые слова: пионерское движение; детская повседневность; атеистическое воспитание.

В центре внимания истории повседневности, как отмечает Н.Л. Пушкарева, «комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события» [1], что позволяет по-новому взглянуть на событийную историю, соотнести процессы, происходящие «внизу» и «наверху» и оценить степень самостоятельности рядового человека. Последнее приобретает особое значение по отношению к повседневной жизни детей, которые не являются самостоятельными субъектами общества в юридическом смысле, но обладают собственной волей и позицией, так или иначе коррелирующей с волей взрослых, в том числе политической. Изучение степени активности или конформности несовершеннолетних граждан в период становления советского общества и работы властей по созданию нового советского человека представляется особенно интересным. Одним из важнейших пространств послереволюционной детской повседневности, где школьники в наибольшей степени проявлялись как акторы исторического процесса, было пионерское движение, которое, по сути, являлось специальным полем детского волеизъявления и самостоятельного существования, выделенным властью и защищавшимся ею от посягательств со стороны родителей, педагогов и других традиционалистски настроенных взрослых. В нашу задачу входит рассмотрение корреляции между представлением о советской пионерии и самими пионерами на материалах удаленных от центра страны округов – Курганского и Шадринского. Как пишет А.А. Сальникова, «советские экранные дети мало походили на их реальных сверстников... они боролись с вредителями разных мастей... заседали... трудились» [2. С. 42] и никогда не играли, а, как отмечает Дж. Кинкейд, «чем больше общество “отстраняется” от “реального” ребенка, тем большее место в его жизни начинает занимать ребенок “вымышленный”» [3].

Количество работ, посвященных исследованию пионерии, достаточно обширно. Большое внимание пио-

нерам и их истории уделялось в советское время, но в большей степени идеологизированно и односторонне. Сегодня о пионерском движении так или иначе говорят все исследователи, занимающиеся историей детства. Так, докторская диссертация Л.В. Алиевой «Становление и развитие отечественного детского движения как субъекта воспитательного пространства» почти целиком посвящена пионерии: она исследует детское движение как особую социально-педагогическую реальность. О начале пионерской активности на Урале пишут М.А. Яшина и А.Л. Худобородова. К.А. Маслинский рассматривает роль пионерии в школьном самоуправлении и поддержании «сознательной дисциплины» у детей. А.В. Кравченко, говоря о вожаках и вожатых, затрагивает проблему самостоятельности детского самоуправления и пионерского движения, действительную роль комсомола и назначенных сверху руководителей. А.А. Слезин анализирует уровень вовлеченности молодежи в происходящее, глубину отношения к коммунистическим ценностям, понимание степени которой необходимо для изучения детской повседневности. С.Г. Леонтьева анализирует официальные пионерские тексты и динамику их изменений в 1920-е гг. А.А. Сальникова сравнивает созданные властью мифы и реальную картину детского мира. О разных аспектах пионерского движения пишут Ю.Г. Салова, К. Келли, А.Ю. Рожков, В.А. Кудинов, Е.А. Бендер и другие современные исследователи.

Л.В. Алиева выделяет конец XIX – XX вв. как время повышенной активности людей во всех сферах деятельности, раннего взросления детей и ранней гражданской социализации. Она подчеркивает, что пионерство – реальность, выросшая из объективной действительности начала века, а не сугубо создание коммунистической партии и комсомола [4]. В.А. Кудинов также отмечает субъективную потребность подростков и молодежи в объединении для участия в общественной жизни и большое влияние борьбы идеологий, полити-

ческого накала в обществе на детскую психику [3]. О такой потребности у детей школьного возраста свидетельствует неуклонный рост пионерского движения. «Хочу перевоспитаться в политическом духе, быть юным ленинцем, исполнять все пионерские правила, законы и обычаи» – так написала в заявлении на вступление в пионерский отряд [5. Л. 22] ученица 1«а» группы курганской школы II ступени Климина З. в 1926 г. Вероятно, первый пункт пожеланий не до конца осознавался автором заявления и был частью типичной формулировки заявления на вступление, иногда дополняющейся сведениями о семье, социальном происхождении и изъявлением желания заниматься физкультурой [5], однако все последующие соответствовали детской потребности быть причастным к чему-то важному и большому. Внимание на социальном происхождении в таких заявлениях фокусировали неслучайно, так как многие дети из «чуждых» слоев стремились стать пионерами и комсомольцами: «...прием производится с большой осторожностью, втягивается молодежь по происхождению рабочая и крестьянская и лучшая часть служащей... пять человек было отклонено, так как имели неподходящую к союзу идеологию» [6. Л. 3]. С одной стороны, такая строгость была оправдана, ведь, как писал Влад. Гессен, «пионеры в школе – ядро, которое обеспечивает коммунистическое влияние» [7. С. 141]; с другой стороны, именно такие «чуждые элементы» должны были стать первоочередной мишенью вожатых, ведь в задачи пионер-организации входило воспитание «нового человека», направление детской активности в нужное русло. К тому же в 1920-е гг. пионерия имела достаточно сильных конкурентов в лице скаутов, юков, а также членов детских и юношеских организаций других политических толков – эсеровского, анархистского, меньшевистского [8]. «Когда период самоутверждения личности приходится на разлом исторического времени, от молодежи можно ожидать каких угодно сюрпризов» – пишет В.П. Булдаков [9. С. 350], в условиях общей революционизации настроений, распада семьи, разрушения старых ценностей, противопоставления «отцов и детей», роста беспорядочности и безнадзорности высвобождалась колоссальная бунтарская энергия подростков и молодежи, которую каждая политическая сила стремилась использовать в своих интересах, задавая нужный вектор. Вероятно, поэтому дети непролетарско-крестьянского происхождения все-таки оказывались в пионер-отрядах, а власть постоянно подчеркивала необходимость укрепления связей между партией и комсомолом, комсомолом и пионерами, пионерами и октябрятами. Должна была получиться строгая цепочка, позволяющая взять молодежь под контроль, обеспечить детям правильное воспитание, а в будущем решить кадровые вопросы.

Несмотря на это, как пишет А.Ю. Рожков, «ряды пионеров были довольно малочисленными. По данным Ш. Фицпатрик, к концу 1925 г. только 15% учеников школ I ступени и 23% учащихся школ II ступени (ис-

ключая ШКМ и ФЗУ) были пионерами» [10. С. 83]. В Курганском округе в 1926 г. общий охват детей пионерорганизацией достигал лишь 4,25% [11. Л. 2]. При этом состав учащихся школ II ступени не соответствовал классовым предпочтениям большевиков. На окружной конференции школьников в Шадринске в 1925 г. отмечалось: «В школах II ступени нельзя или невозможно форпосту влиять на учащихся, так как большинство состоит из мещан» [12. Л. 3]. В одном из отчетов о Кургане пишут: «На 15 апреля 1930 в пионер-отряде состоит 53 человека, мальчиков 19, девочек 33, от 10 до 16 лет, детей рабочих 34, служащих – 13 и прочих 5» [13. Л. 75], т.е. в 1930-е гг. пролетарии стали составлять большинство, но все-таки не подавляющее, и кроме служащих присутствовали «прочие».

На пионеров возлагалась особая миссия: «Под общим руководством Третьего интернационала... вовлечь детей в общественно-политическую жизнь, воспитать из них стойких бойцов-коммунаров...» [7. С. 160]. «Проводя большую работу среди окружающих, как взрослых, так и детей, пионеры должны, не переставая, пополнять свои знания» [Там же. С. 146], «должны поставить себя так, чтобы передовое учительство видело в них своих ближайших помощников» [Там же. С. 143]. На упомянутой конференции школьников декларировалось, что, «участвуя в кампании по приему ребят в школу, пионер влияет на социальный состав принимаемых, оказывая предпочтение рабочим и крестьянам... Через пионерфорпост все ученики школы должны ознакомиться с историей РЛКСМ, юношеского движения, организацией юных пионеров. Все пионеры форпоста должны агитировать своими поступками за пионер-организацию... организовать живую действительную связь с производством: школьники должны все знания, которые имеют, нести в гущу рабочих... Большую работу... развивать в детдомах, с беспорядочными» [12. Л. 1]. Однако подчеркивалось, что «работа детей в организациях взрослых наравне с ними недопустима. Связь с широкими массами нужно развешивать сообразно со своими силами» [Там же. Л. 3].

В реальной жизни пионеры и комсомольцы чаще всего выступали активистами в учебной и общественной жизни: «Из числа 9 комсомольцев 8 имеют хорошую успеваемость и некоторые помогали отстающим товарищам... Пионерские отряды и звенья обсуждают успеваемость и поведение учащихся пионеров. Пионеры помогали классному руководителю в борьбе с прогульщиками» [14. Л. 129 об.]. В силу возраста главной работой пионеров была борьба с собственной неграмотностью и неграмотностью взрослых, особенно в 1920-е гг., а также с пережитками дореволюционных школьных порядков: «Детские коммунистические группы 75% своего внимания направляют на работу в школе, это потому, что еще нужна борьба со старой, реакционной школой. У нас... на эту работу уделено 35–40%, а все остальное – на работу с неорганизованными ребятами улицы» [12. Л. 1]. Но именно пионерская организация учебе

мешала, так как ребята-активисты не успевали сидеть за учебниками: «пионеры форпоста отстают в учебе из-за своей перегруженности. В школьном клубе... работает 49 пионеров. Председатели кружков большинство пионеры» [12. Л. 5]. Как пишет Рожков, «неслучайно VII съезд комсомола поднял вопрос о перегрузке школьных пионеров», однако «вместо разгрузки учащихся от пионерской работы предлагал повести борьбу с задаванием уроков на дом» [10. С. 175].

Другой задачей пионеров была работа с «неорганизованным элементом» и вовлечение его в коммунистическое движение – как детей, так и взрослых. Делалось это, во-первых, через шефство над членами какой-либо организации или кругом лиц, менее грамотных и «современных», чем сами пионеры. Как правило, городские ребята шефствовали над сельскими, сельские – над односельчанами, младшими детьми и детьми, оставшимися за пределами школы [6. Л. 3]. Во-вторых, через личный пример работы по строительству социалистического хозяйства, в связи с чем рекомендовалось чаще водить пионеров на экскурсии на заводы, организовывать воспитание трудом и соцсоревнование «через периодическое выполнение заданий от производства» [12. Л. 6], а в деревнях – через «индивидуальные пионерские грядки» [15. Л. 46]. В-третьих, через личные родственные связи. Например, ребята участвовали в проведении «сельскохозяйственного займа» [5. Л. 43] и других мероприятий по сбору денег с населения, оказывая давление на взрослых членов семьи. Как отмечает Гессен, «...дети сами ведут борьбу со старым укладом жизни... Подвергаясь коммунистической проработке в пионерской организации, они стараются перевоспитать в коммунистическом духе и свою семью», которая «...отстала от революции... Часто родители не пускают детей в клуб, на пионерские и комсомольские собрания, запирают их, бьют... Но пионеры не должны бросать семью, а провести внутри нее работу, потому что этим будут содействовать перерождению бытовой сетки» [7. С. 129]. В архивных документах также сохранились призывы «обратить больше внимания на работу пионеров в семье, особенно в части взаимоотношений с родителями» [15. Л. 46]. И, в-четвертых, через создание особого, привлекательного революционного пространства – в основном деятельность школьников была концертно-манifestационной. Так, в Куртамышском районе работала организация юных пионеров из 101 человека: «7 ноября была манифестация в Сухом Логу и в Курьях, где пионеры приняли самое активное участие... были поставлены спектакли совместно с ячейками ВЛКСМ, выпущены 3 газеты, посвященные октябрьским событиям... 2 пьесы, концерт, всего охвачено крестьянских детей 450 человек. Остальные вечера имели целью смычку пионеров с крестьянами и деревенскими ребятами. Устроен уголок пионеров. Выделили пикоров. Связь с партией большая. Выдвинуты связисты также с комсомолом. Организация ЮПЛ при ДТК взяла шефство над Сухим

Логом, устраивает вечера» [16. Л. 34]. К слову, из 101 человека 81 были девочками, а 90 детей – детдомовцами. В документе отдельно подчеркивается связь с членами партии и комсомола как с «шефами» над пионерией, реализовавшими следующие этапы успешной жизненной программы в новом обществе. Кроме этого важной была связь с младшим звеном коммунистической организации: в качестве достижения отмечалось, что «ребята вели работу среди октябрят, работали в звездочках» [17. Л. 30], а рекомендация «завязать связь с партией и укрепить связь с отрядом октябрят» [18. Л. 8 об.] была одной из самых распространенных.

Необходимость преемственности коммунистического движения среди поколений подчеркивалась и в детской литературе. Например, книжка для малышей «Пионеры пришли!», вышедшая в 1929 г., изображает встречу пионеров с октябрятами, где первые воспринимаются как почетные и интересные гости, идеал, к которому стремятся: «Сейчас нам семь, а станет восемь, мы в октябрю взять нас попросим! Мы пионерами станем потом, завяжем красный галстук узлом!» [19]. Симптоматичны и другие воспитательные элементы этой книги. Подчеркивается, например, коллективизм действий: «Все согласны? Все согласны!», инициатива и активность: «Я буду клеить! Я рисовать!». Большое внимание уделяется атрибутам детского движения – флагу, красному знамени, значкам, портрету Ленина в детском возрасте, барабанному бою, строевым упражнениям. Внимание к внешним атрибутам неслучайно: в большинстве своем дети не воспринимали политических установок движения даже в упрощенной форме, их привлекала в пионерской организации не идеология, а ответственность, взрослость, яркие галстуки и чувство причастности к чему-то большому, которое выражалось через отрядные задания, сборы, марши, флаги и лозунги.

Это учитывалось организаторами детского движения [7. С. 115] и отразилось и в воспоминаниях современников, в том числе жителей Курганского и Шадринского округов, о своем пионерском прошлом: «Когда впервые повязывали галстук – треугольник из ситца, покрашенный в красный цвет – очень волновалась. Это был не только торжественный момент, но и ответственный. Ведь нам давали определенные поручения: участвовать в ликбезе, помогать пожилым людям полить огород, наколоть дров, сложить поленницу, собирать колоски, ухаживать на ферме за телятами и так далее» [20], – рассказывает П.Г. Дурманова (1924 г.р.) из Куртамышского района Курганской области. Ни намек на политику в ее воспоминаниях нет, несмотря на то, что далее она говорит: «Мы коммунизм строили своими руками, свято в него верили. Верили в то, что при коммунизме жить будет лучше, легче, достойнее. Потому трудились не покладая рук» [20]. Эта формулировка контрастно выделяется из ее рассказа как привнесенная взрослым человеком мысль. Но даже в ней коммунизм и гарантируемое им лучшее будущее пред-

стают не политической идеологией, а мечтой, помогающей выжить в тяжелейших условиях: Дурманова, будучи дочерью председателя сельского совета, ходила летом босиком, а зимой в заштопанных валенках, питалась скудно и не чаще, а то и реже двух раз в день (большинство ее сверстников жили еще хуже). А еще вероятнее, что это было своего рода игрой, участники которой пользовались одобрением и в качестве выигрыша «получали» хорошую карьеру: как пишет исследовательница советского детства Ю.Г. Салова о созданных для идеологического воспитания и пионерработы клубах, «сами дети принимали многие формы воспитания... за новую игру, которая не выглядела идейным насилием над личностью, особенно для учащихся начальной школы» [21]. Это была игра во взрослую жизнь, как игра в «больницу», «магазин» или «дочки-матери», только включенная в реальность и приносящая действительную пользу обществу. Осознание политической нагруженности игры приходило не сразу, изначально оно принималось бессознательно, как должное: «Когда стал пионером, чувствовал себя строителям государства – вроде как, теперь мы должны помогать старшим. Разъяснять, что наступает другое время... В школе говорили про Ленина, Сталина, но мы не особо обращали на это внимание. Кто постарше – те конечно. А мы до 6 класса нет. У нас еще не было таких серьезных взглядов» [22]. Еще чаще, особенно в 1930-е годы, представление о пионерии сводилось к нормам и правилам прилежного школьника: «Пионер должен был хорошо учиться, хорошо выполнять все задания по подготовке к ГТО и все нормы: сколько раз подтянуться на турнике, сколько пробежать и так далее. Мы клялись беречь Родину, уважать родителей, уважать учительницу. Как щас помню! Мы все выполняли. А кто не выполнял, того оставляли после уроков...» [23]. Однако были среди детей и настоящие борцы за новый быт – неслучайно в местной прессе часто публиковали жалобы родителей: «Я ей про мученицу Катерину, а она мне про Клару Цеткин!» [24].

Взрослые, с которыми пионеры должны были вести работу, организовывая коммунистические праздники, антирелигиозную пропаганду и обучение грамоте, далеко не всегда реагировали положительно на такое вмешательство извне, оставаясь сторонниками традиционного уклада. У многих родители или бабушки с дедушками были верующими, в доме висели иконы, а сами дети приучались к молитве – так же естественно и непринужденно, как к пионерскому галстуку и портретам вождей партии. Как отмечает Рожков, «официальная советская статистика конца 1920-х гг. признавала, что уровень религиозности школьников был относительно высоким. Обследование 1 155 пермских учеников в 1929 г. обнаружило, что у 78% из них дома висели иконы; 11% учащихся носили крестики; 30% посещали храмы; 36% исполняли обряды (в основном добровольно)... Даже многие пионеры ходили в церковь, молились дома, славил Христа» [10. С. 166]. При этом

дети осознавали, что пионер и христианин – взаимоисключающие персонажи: «В бога верили, – вспоминает уроженец Мокроусовского района бывший пионер А.Н. Корюкин. – Я до сих пор его не забываю вон (указывает на икону) она всегда со мной. Но я не объявлял никому и никто меня не знал, что я верую в бога» [25]. Аналогичны воспоминания другого респондента – А.Н. Комарского из Половинского района: «Семья у меня была верующая, особенно бабушка. Но мы не афишировали, все тихо делалось – это ведь запрещено было. Если бы узнали, что я молюсь, меня бы и в комсомол не приняли, и в пионеры» [22]. Пионерский устав и молитва строго разделялись как в пространстве, так и в сознании, что явно должно было приводить к определенным последствиям в формировании характера и психической организации будущих советских граждан. Как отмечает Рожков, ребенок «приучался сидеть на двух стульях сразу, используя в своих интересах, исходя из ситуативного контекста, и атеизм, и веру в Бога» [10. С. 162], притворство становилось нормой жизни. Многие пронесли скрытую религиозность через всю жизнь, однако были и удачные примеры полного перевоспитания: «Нам сказали быть атеистами, мы и были, – признается Филимонов из Куртамышского района. – А взрослые в то время в бога верили все. Атеизм – это нам детям преподавали, мы ведь атеисты стали, а матери и бабушки верили до самого гроба» [23]. В таких случаях нередко возникали конфликты пионеров с семьей. Были и счастливые примеры гармоничного согласия поколений: «Родители не были верующими. Только дедушка и бабушка верили в бога, у них дома были иконы. К делу Ленина и Сталина в семье относились уважительно, отец был коммунистом», – вспоминает П.Г. Дурманова [20]. Но чаще родителям просто не хватало времени обращать внимание на особенности воспитания пионеров-школьников и их попытки перевоспитать взрослых: «У меня вот мать неграмотная была, я должен был с ней заниматься. Но она не интересовалась политикой. Работали тогда ведь от зари до зари, когда заниматься ерундой-то?» [22] – рассказывает Комарский.

Приспосабливаемость и готовность отказаться от идей в неблагоприятных условиях, по мнению А.Ю. Рожкова, распространялась не только на религию и внутрисемейные ценности: «Нечто похожее происходило и с верой в пионерские идеалы. Один ученик, услышав от лавочника, что скоро пионеров увезут в Москву для расстрела, испугался и “выписался” из организации. Потом приехал к нам учитель и сказал, что пионеров никуда не увезут, и я опять вписался в пионеры» [10. С. 162]. Среди жителей исследуемых округов также встречалось подобное отношение своего рода «отстраненной вовлеченности» к коммунистическим организациям: «Просили меня, чтобы в пионеры вступил. Ну я в пионеры-то вступил, да работы-то никакой не вел». Однако причиной этого чаще всего было не идейное несогласие детей, а отсутствие свободного

времени: «...я среди ребяташек-то не находился, ушел на работу в колхоз. И пионерской-то работы – только так, если где-нибудь игра или что-то... Нет-нет да сбегу на несколько минут, поучаствую...», – вспоминает Корюкин [25]. И таких ребят, загруженных домашними обязанностями и работой почти наравне со взрослыми, было немало. К этому прибавлялось не всегда добросовестное отношение вожатых и педагогов и их неумение работать с детьми: «Недисциплинированность вожатых, их подчас некомсомольские выходки, неисполнение основных правил пионерорганизации находят отражение в пионеротряде, особенно на пионерах старшего возраста» [18. Л. 24]. В этом документе от июля 1926 г. фиксируется симптоматическое для пионерской жизни явление: рекомендация подтянуть дисциплину и вести себя сообразно положению в коммунистической организации дается почти в каждой резолюции по отчетам о работе пионеротрядов: «Отметить полную дезорганизованность отряда как факт невнимательного отношения со стороны комсомольской и партячейки...» [17. Л. 35]. Отношение вожатых становилось примером для детей: «Записаться в пионеры ребята запишутся, но на звенья не разобьешь, а это из-за отсутствия воспитательной работы... Сейчас реже стали драки, а остальное осталось по-прежнему... Хозяйственности нисколько нет» [18. Л. 82 об.]. Причиной также было наличие в пионерорганизации случайных членов, вступивших, потому что так надо: «Отряду пересмотреть состав, оставив лишь желающих быть пионерами» [17. Л. 35].

Рекомендовалось внедрять более жесткие санкции за прогулы и нежелание работать: «Обсуждение товарищей: узнать, почему не ходили на собрания. Обязать не пропускать. Если пионер не посетит 3 раза без уважительной причины, то его исключить... Ненчинову исключить, взять галстук и билет. Всем ребятам подтянуться. Если будут баловаться и хулиганить, то с ними будут строго...» [26. Л. 5]. На отношение детей к пионерии влияли также методы работы в ячейке, которые за редким исключением не учитывали их интересов и особенностей восприятия: «Содержание сборов не удовлетворяет пионеров: бесед нет, игр тоже, соберемся, посидим и уйдем. На сборы от 50 человек собирается 10–12...» [17. Л. 35]; «Декабрь, 1926: Организация количественно снижается по причине неудовлетворения ребят работой, неприспособления работы к окружающим условиям. Общий охват пионерорганизацией детей в округе достигает 4,25%» [11. Л. 2]. Немаловажным фактором была нехватка средств и плохие условия: «...апрель, 1928: Средств в отряде нет. По общественной работе почти ничего не сделано, кроме дежурства в уголке. В комсомол передано 5 человек, которые в отряд ходить не стали, выставляя причины: незаинтересованность работой и хулиганство в отряде... Массовые игры срывают внутри отрядную работу» [18. Л. 77]. «Выводы обследования отряда № 9 январь 1928 г: Условия никуда негодные, отряд совер-

шенно находится без помещения» [17. Л. 30]. При этом отмечается, что «отряд сильный, ребята развиты по восприимчивости. Вожатый работу знает и интересуется ей» [17. Л. 30]. Нередко дело доходило до того, что отряды распались. Упомянутый отряд № 9 просуществовал до 1930 г. О его участии узнаем из отчета другого отряда, который заключил с ним договор на соцсоревнование «по вопросам: 100% явка сбора в галстук, поднятие дисциплины, и по сбору утильсырья. По первым двум вопросам отряд имеет некоторые достижения, что касается 3 вопроса, то тут дело плохо – собрано утильсырья всего на 1 р 88 к. Ввиду развала отряда № 9 проверки сторонами соцдоговора не проводилось» [13. Л. 75]. Кроме того, из этого документа мы узнаем, что к 30-м годам проблему явки и случайных людей среди пионеров удалось относительно уладить, так как речь идет уже о дисциплине внутри отряда, соблюдении формы и общественной работе. Видим также включенность пионеров в общий «тренд» проведения социалистических соревнований. В 1930-е гг. они стали настолько популярны, что на соцсоревнование вызывали друг друга школы, классы, пионеротряды и даже отдельные учащиеся.

Несмотря на все сложности и неоднозначность воспитательного процесса, дисциплинирующее воздействие пионерской организации было очевидно и давало повод активно использовать ее в работе с беспризорниками. «Шефство» над ними и работа с детскими домами входили в обязанность пионеротрядов и форпостов. Именно в детдомах большая часть детей соответствующего возраста вступала в пионеры. Так, что в 1927 г. курганский окрону совместно с окрпрофбюро решил реорганизовать один детдом в пионердом, где все без исключения воспитанники были пионерами – «для опыта» [15. Л. 13]. А.Ю. Рожков отмечает, что именно воспитанники детских учреждений и пионеры оказались, в числе прочего, более приученными к самообслуживанию: «Такие полезные навыки, как обтирание водой до пояса, вечернее умывание и гимнастика по утрам, встречались почти исключительно среди пионеров» [10. С. 185], – пишет он, что вполне объяснимо, так как дети, воспитывающиеся в госучреждениях, были избавлены от раздваивающего личность разнонаправленного воздействия педагогов и родителей, столь частого для «домашних» детей.

Стоит подчеркнуть, что помимо чувства вовлеченности в общее дело и перспектив на будущее пионерская организация и в реальности дарила своим членам важные в то время радости: особо активные пионеры с безупречным социальным происхождением могли рассчитывать на отдых в Крыму, в центральном пионерском лагере «Артек»: «...считать необходимым послать товарищей Беляеву Марию – дочь рабочего-смазчика железной дороги, пионерка с 1924 года, и Кубашевско-го Иосифа – сын рабочего-кочегара железной дороги, пионер с 1927 г.» [18. Л. 83]. И если на Крым могли рассчитывать единицы, то на отдых в местном пионер-

лагере – уже сотни ребят. Такая система отдыха в Курганском и Шадринском округах начала входить в жизнь в конце 1920-х – 1930-е гг. В лагере дети не только отдыхали, но и продолжали «воспитываться» через труд, совместные игры и познание окружающего мира. О своих успехах лагерь отчитывался в горбюро юных пионеров: «Трудовая работа заключалась в ...таскании чащи, полке и т.д. Проведено 18 бесед на различные темы... В поле было проведено 8 экскурсий с целью изучения почвы, сбора цветов и полки картофеля. Была дальняя экскурсия на Чернавский кардон с целью знакомства с санаторием и лесничеством» [18. Л. 83 об.]. «Проведено 16 обследований, как-то: с-совета, деревни, крестьянских хозяйств и т.д. Эта работа больше всего интересовала ребят. Проведено два спортивных соревнования с выдачей призов... две массовых игры с привлечением деревенских ребят и комсомольцев... Писали заявления крестьянам. Устроено 4 вечера для крестьян, где было много публики, так как их привлекала постановка... Выпущено 6 номеров стенгазеты. Проводились вечера самодеятельности в самом лагере. Было организовано с помощью горна советское радио» [Там же. Л. 84] – записано в отчете от 7 ноября 1928 года.

А.Ю. Рожков пишет о коммунистических организациях молодежи: «Принимая во внимание их относительно малочисленность и пестроту социального состава, можно усомниться в правомерности представлений о молодом поколении 1920-х в целом как идейной опоре советского режима» [10. С. 532]. Он считает, что прагматичная активная молодежь вступала в пионерские и комсомольские организации, а затем в партию только ради «личной выгоды и собственного благополучия, а не абстрактных лозунгов о коллективном счастье в коммуне», а пассивная – покоряясь воле режима. На наш взгляд, это не совсем так, хотя подобные кадры в пионерии и комсомоле не были редкостью. Все-таки основная часть детей загоралась идеей общего дела так, что даже сетуя на нерадивость вожатых, самоорганизовывалась и работала в силу своего возраста и умений.

Если в 1920-е гг. главной задачей пионеров были ликвидация неграмотности, антирелигиозная пропаганда, пропаганда нового быта и проведение революционных праздников, то к середине 1930-х гг., как отмечает К. Келли, вместе с реформами образования «пропагандистский акцент с “ребенка-активиста”... был перенесен на образ ребенка, благодарно пользующегося благодеяниями государства» [27]. Она связыва-

ет это с общим состоянием государства, уже пережившего революционный взрыв и нуждавшегося в поступательном модернизационном развитии, принятии себя и власти. Но также, на наш взгляд, это было симптомом взросления власти и признания ею детства как особого периода в жизни человека. Несмотря на строгую дисциплину, возродившуюся иерархию в отношениях учителя и ученика, режим и школьную форму, дети 1930-х гг. имели больше свободы, чем их сверстники предыдущего десятилетия, – в первую очередь, свободу быть детьми, а не малорослыми взрослыми революционерами. Однако с таким поворотом пионерская организация перестала быть столь явным полем проявления детской субъективности, пространством столкновения воли и интересов, какой она была в 1920-е гг.

Таким образом, мы видим, что пионерское движение играло важную роль в повседневной жизни советского ребенка, занимая собой не менее, а то и более значимое пространство, чем семья и семейное воспитание. В 1920-е – начале 1930-х гг. пионеры были активными участниками государственного культурного строительства, даже если не до конца осознавали политический аспект собственных действий и воспринимали их как своего рода игру, позволяющую быть причастными к миру взрослых, причем успешных взрослых с передовыми взглядами и перспективами хорошей карьеры. Пионерия влияла на все аспекты детской жизни, заставляя по-новому осмысливать отношения с родителями и сверстниками, свое поведение, бытовые условия, мечты о будущем. Она была полем пересечения ценностей и их борьбы: почти каждый ребенок ставился в условия выбора между «правдой» школы и отряда и «правдой» семьи. В конечном итоге от массового результата такого выбора зависело будущее страны и коммунистического режима: если бы большинство безоговорочно выбирало семью, вместо Павлика Морозова в России XX в. были бы другие герои. С другой стороны, реальный выбор детей того времени свидетельствует об успехе воспитательной кампании партии, несмотря на все погрешности и недоработки, о кризисе традиционных ценностей, не способных предложить молодому поколению достойную альтернативу карьере в коммунистическом обществе, а также о силе давления власти: даже не соглашаясь внутренне, надевая красные галстуки, девочки и мальчики, выражая свой протест не прямым отрицанием, а хулиганством и саботажем пионерской работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. URL: <http://naukarus.com/predmet-i-metody-izucheniya-istorii-povsednevnosti> (дата обращения: 27.02.2018).
2. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань : КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.
3. Кудинов В.А. Общественные движения и организации детей и молодежи в России XX веке : автореф. ... дис. д-ра ист. наук. Кострома, 1994.
4. Алиева Л.В. Становление и развитие отечественного детского движения как субъекта воспитательного пространства : автореф. ... дис. д-ра пед. наук. М., 2002.
5. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО) Ф. 102. Оп. 1. Д. 93.
6. ГАОПДКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 43.

7. Гессен В.Ю. Комсомол и юные пионеры. Очерк истории комсомольского и пионерского движения в СССР. Л. : Госиздат., 1926. 162 с.
8. Рыбаков Р.В. К вопросу об альтернативах в молодежном движении России (1917–1920-е гг.) // Вестник Томского университета. 2014. № 382. С. 119–124.
9. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика послереволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М. : РОСПЭН, 2012. 759 с.
10. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М. : НЛО, 2014. 640 с.
11. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 714.
12. ГАОПДКО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 441.
13. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 37.
14. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4.
15. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 252.
16. ГАОПДКО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 68.
17. ГАОПДКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 93а
18. ГАОПДКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 79б.
19. Гурьян О.М. Пионеры пришли! М. : Госиздат, 1929. 20 с.
20. Воспоминания. Дурманова П.Г. 1924 г. р. Записано в с. Альменево Курганской области в декабре 2014 г.
21. Салова Ю.Г. Клубная работа с детьми в практике советской школы 1920-х годов // Антропология советской школы. Культурные универсалии и провинциальные практики : сб. ст. Пермь, 2010. С. 152–164.
22. Воспоминания. Комарский И.А. 1927 г. р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.
23. Воспоминания. Филимонов В.А. 1925 г. р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.
24. Красный Курган. 1924. № 53.
25. Воспоминания. Корюкин А.Н. 1916 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.
26. ГАОПДКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 99.
27. Келли К. Маленькие граждане большой страны»: интернационализм дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrimon.html> (дата обращения: 27.02.2018).

Marina P. Perova. Kurgan State University (Kurgan, Russia). E-mail: perova_marina91@mail.ru

“RED NECKTIES”: A PIONEER MOVEMENT IN THE EVERYDAY LIFE OF SOVIET CHILDREN OF THE 1920S AND EARLY 1930S (ON MATERIALS OF KURGAN AND SHADRINSK DISTRICTS)

Keywords: pioneer movement; children’s daily life; atheistic education.

The purpose of the submitted article is to trace the correlation of the ideas about the pioneers created by the Soviet authorities and the real children who joined the children’s communist movement; to assess the place of pioneer in the children’s everyday life of Soviet Russia in the 1920s and early 1930s and its role in creating a new Soviet person.

For achievement of a goal the solution of the following tasks is provided: taking into account the importance attached by the authorities and the Communist Party to the pioneer movement, to analyze the attitude of children and adults towards it; to determine the tasks assigned to the pioneers and the methods for their solution, proposed by counselors and teachers and actually applied by children; to reveal the peculiarities of children’s self-awareness as pioneers on the basis of oral sources and archival documents; to trace the influence of anti-religious outreach and communist education on the views of children and their parents; to note the problems faced by leaders and members of the pioneer squads, as well as the difficulties and benefits resulting from the pioneer status.

The author of the article was guided by the principles of historicism and scientific objectivity and used descriptive, historical and comparative, historical and system and hermeneutical methods. Documents of funds of Kurgan and Shadrinsk district and city committees of the Young Communist League of the RSFSR and the Communist Party, district and city bureaus of Young Pioneers, deposited in the State Archive of Public Political Documentation of the Kurgan Region, educational institutions from the State archive of the Kurgan region and memories of the pioneers of 1920-1930-ies, recorded by the author with the words of respondents, became a research base.

During the conducted research the author has come to the following conclusions: the pioneer movement played an important role in the everyday life of the Soviet child, however, despite the establishment of power, most children, especially at an early age, did not perceive it as a political component. They were attracted by the opportunity to feel themselves independent and necessary, as well as bright attributes, collectivity, attention and respect from teachers and other important adults, the prospects for a successful future. Nevertheless, in the 1920s and early 1930s, the pioneers were active participants in state cultural construction, even if they themselves did not fully understand the political aspect of their actions and perceived them as a game. Pioneer influenced all the components of children’s life, forcing to rethink relations with parents and peers, their behavior, everyday conditions, dreams of the future. Almost every child was put in a condition of a choice between two systems of values – pioneer and offered in the family. In our opinion, the future of the communist regime and the country as a whole depended on the mass result of this choice.

REFERENCES

1. Pushkareva, N.L. (2004) Predmet i metody izucheniya “istorii povsednevnosti” [The subject and methods of studying the “history of everyday life”]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. [Online] Available from: <http://naukarus.com/predmet-i-metody-izucheniya-istorii-povsednevnosti> (Accessed: 27th February 2018).
2. Salnikova, A.A. (2007) *Rossiyskoe detstvo v XX veke: Istoriya, teoriya i praktika issledovaniya* [Russian childhood in the twentieth century: History, theory and practice of research]. Kazan: Kazan State University.
3. Kudinov, V.A. (1994) *Obschestvennye dvizheniya i organizatsii detey i molodezhi v Rossii v XX veke* [Children and youth movements and organisations in Russia in the 20th century]. Abstract of History Dr. Diss. Kostroma.
4. Alieva, L.V. (2002) *Stanovlenie i razvitie otechestvennogo detskogo dvizheniya kak sub"ekta vospitatel'nogo prostranstva* [Formation and development of the national children's movement as a subject of the educational space]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
5. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 102. List 1. File 93.
6. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 102. List 1. File 43.
7. Gessen, V.Y. (1926) *Komsomol i yunye pionery. Ocherk istorii komsomol'skogo i pionerskogo dvizheniya v SSSR* [Komsomol and young pioneers. Essay on the history of the Komsomol and Pioneer movement in the USSR]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
8. Rybakov, R.V. (2014) [On the alternatives in the youth movement of Russia (1917–1920)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 382. pp. 119–124. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/382/20
9. Buldakov, V.P. (2012) *Utopiya, agressiya, vlast'. Psichosotsial'naya dinamika poslerevoljutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of post-revolutionary time. Russia, 1920–1930]. Moscow: ROSSPEN.

10. Rozhkov, A.Yu. (2014) *V krugu sverstnikov: Zhiznenny mir mladogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov* [Among peers: The life world of a young man in the Soviet Russia of the 1920s]. Moscow: NLO.
11. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 13. List 1. File 714.
12. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 131. List 1. File 441.
13. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 13. List 1. File 37.
14. The State Archive of Kurgan region. Fund R-800. List 1. File 4.
15. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 10. List 1. File 252.
16. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 104. List 1. File 68.
17. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 102. List 1. File 93a.
18. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 102. List 1. File 79b.
19. Guryan, O.M. (1929) *Pionery prishli!* [The pioneers have come!]. Moscow: Gosizdat.
20. Durmanova, P.G. (2014) *Vospominaniya. Durmanova, P.G. 1924 g.r.* [Memories. Durmanova, P.G. Born in 1924]. Almenovo, Kurgan Region. [Manuscript].
21. Salova, Yu.G. (2010) *Klubnaya rabota s det'mi v praktike sovetskoy shkoly 1920-kh godov* [Club work with children in the Soviet school of the 1920s]. In: Leontieva, S.G., Maslinsky, K.A. & Romashova, M.V. (eds) *Antropologiya sovetskoy shkoly. Kul'turnye universalii i provintsial'nye praktiki* [Anthropology of the Soviet school. Cultural universals and provincial practices]. Perm: Perm State University.
22. Komarsky, I.A. (2016) *Vospominaniya. Komarskiy, I.A. 1927g.r.* [Memories. Komarsky I.A. Born in 1927]. Kurgan. [Manuscript].
23. Filimonov, V.A. (2016) *Vospominaniya. Filimonov V.A. 1925 g.r* [Memories. Filimonov V.A. Born in 1925]. Kurgan. [Manuscript].
24. *Krasnyy Kurgan.* (1924) 53.
25. Koryukin, A.N. (2016) *Vospominaniya. Koryukin, A.N. 1916 g.r.* [Memories. Koryukin A.N. Born in 1916]. Kurgan. [Manuscript].
26. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 102. List 1. File 99.
27. Kelly, C. (2003) *"Malen'kie grazhdane bol'shoy strany": internatsionalizm, deti i sovetskaya propaganda* ["The Little Citizens of a Big Country": Internationalism, Children and Soviet outreach]. Translated from English by Ya. Tokareva. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrimon.html> (Accessed: 27th February 2018).

УДК 94(47).083
DOI: 10.17223/19988613/61/8

П.П. Румянцев

ЖАНДАРМСКИЙ НАДЗОР ЗА ЯРМАРКАМИ В СИБИРИ В XIX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект МК-2135.2018.6).

Исследуется обстоятельства появления надзора со стороны жандармского ведомства за проходящими в Сибири ярмарками. Выявляются те ярмарки, на которых требовалось обязательное жандармское присутствие. Выявляются функции, выполняемые жандармскими чинами во время занятия ими должности временного коменданта на ярмарках. Определены причины свертывания этого надзора.

Ключевые слова: жандармерия; штаб-офицеры; Сибирь; надзор; ярмарки; торговля; XIX в.

В обыденном сознании деятельность российских жандармов ассоциируется с тайной полицией, занятой исключительно борьбой с оппозиционными движениями, преследуя задачу защиты правящей власти от всех на нее посягательств. Однако жандармерия оказалась очень удобным инструментом в руках правительства по осуществлению надзора за различными сферами социально-экономической жизни. Жандармские чины занимали независимую от местной власти позицию, получая высокое денежное содержание, подчиняясь только своему жандармскому руководству, что давало основание надеяться на объективность их расследования и заинтересованность в своей службе. Поэтому неудивительно, что жандармов стали привлекать к политике государственного надзора, возлагая на них разного рода как секретные, так и открытые миссии. Одной из таких возложенных на сотрудников Корпуса жандармов задач являлось выполнение обязанностей временных комендантов на ярмарках, на основе проведения которых в первой половине XIX в. строилась торговая система в Российской империи. В отечественной историографии эта функция жандармерии изучена фрагментарно [1. С. 103–111; 2. С. 268], поэтому в представленной статье будет предпринята попытка исследования деятельности жандармских чинов в этом направлении на примере Сибирского региона, на территории которого ярмарки имели свою специфику, что будет способствовать раскрытию одной из слабоизученных сторон в деятельности политической полиции Российской империи.

Вопросы, связанные с торговой деятельностью, в том числе и за Уралом, попали в поле зрения жандармского ведомства практически сразу после учреждения в 1827 г. Корпуса жандармов. Проводивший в 1829 г. секретную миссию по обзору положения государственных преступников в Сибири подполковник А.П. Маслов обратил внимание на множество других вопросов и проблем региона, о чем он не преминул доложить своему начальству. Так, в одной из своих записок под названием «Общие замечания о Сибири. О средствах к

улучшению благосостояния поселян, городов и инородцев в Сибири» он рассуждал о пользе и вреде самой крупной в регионе ярмарки – Ирбитской. Маслов пришел к неутешительному выводу, что эта ярмарка, «установленная собственно для удобнейшего сбыта сибирских произведений, соединив в одной точке всю промышленность во вред Сибири, более благоприятствует торговле внутренних российских городов». По мнению жандармского чина, гораздо выгоднее для Сибирского региона было бы перенести эту ярмарку вглубь Сибири, например в Тюмень или Тобольск, что со временем приведет к развитию мануфактурного производства и хлебопашества, «словом, оживит торговлю, искусства, мануфактуры и предприимчивость здешнего купечества». Более того, Маслов выражал надежды, что приезжающие на ярмарку из европейской части страны купцы и дворяне могли бы способствовать улучшению нравственного климата внутри самой Сибири, «увеличили бы день ото дня европейскую образованность, мало здесь еще известную, и, смягчив нравы, распространили бы круг познаний и деятельность в торговом искусстве». В начале 1830 г. предложения Маслова шеф жандармов А.Х. Бенкендорф переслал на рассмотрение министру финансов Е.Ф. Канкрину, от которого в то же время пришел ответ, что предложение об «уничтожении» Ирбитской ярмарки не только не справедливо, но и вовсе несбыточно, поэтому никаких перемен здесь не последует [3. Л. 32 об.–33, 38, 42].

В 1833 г. был создан новый жандармский округ – 7-й (с 1837 г. 8-й), в состав которого вошли все сибирские губернии. Во главе округа был поставлен только что упоминавшийся Маслов, но уже в чине полковника, а также имевший опыт службы на такой должности, поскольку до этого назначения на протяжении трех лет он стоял во главе 5-го жандармского округа. В августе этого же года вышло утвержденное царем положение о возложении на жандармских штаб-офицеров обязанностей временных комендантов в тех городах и местечках, где устраивались ярмарки. В законе не были четко

определены обязанности чинов Корпуса жандармов при исполнении этой должности, только указана размытая формулировка – «со всеми правами, званию сему присвоенному» [4. С. 499–500]. Жандармское присутствие на ярмарках закреплялось в вышедшем в 1836 г. Положение о Корпусе жандармов, где говорилось, что губернские жандармские команды можно использовать для сохранения порядка во время общественных мероприятий, в том числе и на ярмарках [5. С. 776].

Внимание жандармского ведомства к торговой деятельности можно объяснить попыткой установления правительственного надзора за торгово-промышленной сферой в целом, как это уже было сделано за чиновничьим аппаратом. Корпус жандармов являлся очень удобным инструментом в руках правительства для осуществления политики надзора. Жандармские чины не подчинялись местной исполнительной власти, следовательно, не зависели от нее. Довольно высокое денежное содержание по сравнению с представителями других правительственных учреждений, в том числе и по военному ведомству, давало основания надеяться на честность и объективность жандармов при исполнении возложенных на них служебных обязанностей. В 1841 и 1842 гг. будет установлен надзор со стороны жандармского ведомства за частной золотопромышленностью в Сибири, главной промышленной отраслью региона, поставившей подавляющую часть всего добываемого в стране золота, и на сибирских приисках появятся должности двух жандармских штаб-офицеров – один находился на приисках Западной Сибири, второй – на приисках Восточной Сибири [6]. Тем самым, жандармский надзор вводился за целой региональной отраслью производства, где трудилось большое количество наемных работников, численность которых в разные годы достигала 30 тыс. человек. Вместе с тем торговля и прежде всего ярмарки в Сибири также привлекали внимание центральной власти.

Проводимые на территории Сибири ярмарки имели свои особенности. Во-первых, натуральный характер хозяйства местного населения отражался в слабо развитых в регионе товарно-денежных отношениях. Как следствие, коренному и русскому населению в Сибири вполне было достаточно проведения одной ярмарки в год на конкретной территории и в конкретное, как правило осенне-зимнее, время. Во-вторых, главным товаром сибирских ярмарок с момента их появления и вплоть до середины XIX в. являлась пушнина, добываемая в основном коренным населением и сбываемая ими либо мелким торговцам, либо продаваемая самими аборигенами во время приезда их на ярмарки. В последствии приобретенная у местного населения пушнина перепродавалась на других, более крупных ярмарках, но уже с существенной наценкой. Пушной товар из Сибири очень высоко ценился как на внутренних рынках России, так и за ее пределами. Поэтому привлечение чинов Корпуса жандармов к надзору за

ярмарочной сетью в Сибири помимо необходимости соблюдения порядка во время торговли можно объяснить еще и желанием правительства сохранить пушнину в качестве основного поставляемого из Сибири товара, что демонстрируют выявленные нами архивные документы. Позиция начальника Корпуса жандармов в решении затрагивавших интересы Сибири вопросов имела большое значение по той причине, что с января 1837 г. он являлся членом Сибирского Комитета, высшего законосовещательного органа по делам всего сибирского региона [7. Л. 1].

Деятельность чинов Корпуса жандармов имела строгую регламентацию в рамках специально принятых инструкций, начиная с инструкции 1827 г., когда и появился корпус, где четко определялись должностные обязанности жандармских чинов. Исполнение жандармами обязанностей временных комендантов во время проведения ярмарок не стало исключением для составления подобной инструкции. Согласно этому документу временный комендант получал широкие полномочия: он являлся непосредственным начальником всех находящихся на ярмарке воинских команд, в значительной степени ему также подчинялась местная полиция, обязанная по его требованию предоставлять разного рода информацию. Но еще больше у жандармского штаб-офицера было должностных обязанностей. Так, он должен был во все время проведения ярмарки иметь сведения обо «всех вообще приезжающих и отъезжающих» на ярмарку лиц, следить за общественным порядком, в случае беспорядков немедленно прекращать их, также не допускать проведения каких-либо азартных игр. Временному коменданту вменялась защита торговцев от притеснений их со стороны местной полиции, но при этом он также должен был следить, чтобы торговцы продавали качественный товар и использовали законные меры веса. Однако исполнительными функциями жандармские штаб-офицеры на ярмарках не наделялись: в случае неповиновения они не могли подвергать наказанию виновных, это находилось в прерогативе начальства провинившихся лиц, о случаях нарушений со стороны гражданских чиновников и «прочих лиц невоенных» жандармы обязывались доносить местным исправникам и городничим для принятия соответствующих мер. Помимо донесений местному начальству обо всех происшествиях жандармскому чину ставилось в обязанность «обо всем доносить по команде Шефу жандармов» [8. Л. 6–8]. Таким образом, исполнение обязанности временного коменданта во время проведения ярмарок для служащих Корпуса жандармов являлась исключительно надзорной функцией. В этой связи использовался традиционный инструмент жандармского надзора в виде отчетов, которые составлялись по окончании ярмарок и отправлялись на имя окружного жандармского начальника, а от него поступали к руководству Корпуса.

По развитию торговых отношений, как и по числу ярмарок, Сибирь существенно уступала европейской

части страны. В 1832 г. в Сибирском регионе проходила лишь 71 ярмарка, из них в Тобольской губернии – 48, в Томской губернии – 2, в Иркутской губернии – 12, в Якутской области – 6, в других местах – 3, в то время как в Европейской России зафиксировано 3 558 ярмарок [9. С. 91]. Известный имперский финансист и статистик Ю.А. Гагемейстер, ссылаясь на официальные данные, приводил следующие сведения о количестве ярмарок в Сибири на 1851 г.: Тобольская губерния – 81, Томская – 5, Енисейская – 17, Иркутская – 40, Забайкальская – 14, Якутская – 9, всего – 166 ярмарок. В совокупности на всех этих ярмарках было продано товара на сумму 3 078 818 руб., что не идет ни в какое сравнение с одной только Ирбитской ярмаркой, на которой в этом же году продажа товара достигла цифры 29 362 950 руб. [10. С. 575, 578]. В последующие годы количество ярмарок на территории всей Сибири будет постоянно увеличиваться и к концу XIX в. достигнет около 700 с общим торговым оборотом более 40 млн руб., при этом подавляющая часть ярмарок так же, как и ранее, будет проходить на территории Тобольской губернии [9. С. 148].

Присутствие жандармского штаб-офицера на всех ярмарках империи представлялось крайне затруднительным по причине большого числа проводимых ярмарок и небольшого количества жандармских чинов – как правило, штаб-офицер Корпуса жандармов в каждой губернии был один (в чине от майора до полковника включительно). Поэтому практически сразу же стали создаваться расписания или перечень основных ярмарок, на которых требовалось присутствие жандармских штаб-офицеров, при этом на ярмарки могли отправляться не только штаб-офицеры, но и младшие их по званию обер-офицеры (поручики, штабс-капитаны и капитаны). Первоначально присутствие служащих в Сибири жандармских чинов требовалось только на одной, самой крупной ярмарке – Ирбитской, проходившей в одноименном городе, расположенном в Пермской губернии (несмотря на то что территориально эта губерния не относится к Сибирскому региону, она с 1836 по 1858 г. входила в состав 8-го, сибирского жандармского округа). Помимо Ирбитской другими ярмарками в Сибири, подлежащими отправке туда жандармских чинов, являлись: в Тобольской губернии – в крепости Обдорской (время проведения – декабрь и январь), в Томской губернии – в г. Нарым (май и июнь) и Иркутской губернии – в слободе Кяхта (январь или февраль) [11. Л. 16 об.].

Ирбитская ярмарка представляла для жандармского ведомства первостепенное значение по причине своих больших оборотов, поэтому туда в первую очередь и командировались жандармские чины. Во второй половине 30-х гг. XIX в. ежегодно обязанности временного коменданта на Ирбитской ярмарке исполнял начальник Тобольской жандармской команды, штабс-капитан Лыткин. Шеф жандармов Бенкендорф высоко оценивал его действия на указанной должности, объявляя ему

благодарность за расторопность, предупреждение беспорядков, за личное присутствие в решении споров, а также за содержание вверенной ему жандармской части в отличном состоянии [12. № 38 от 13 июня].

Жандармское начальство, помимо выражения благодарности своими подчиненным за исполнение возложенных на них обязанностей временных комендантов на ярмарках, также стремилось к их материальному поощрению, указывая на важность выполняемых ими обязанностей. В начале 1840 г. Бенкендорф обратился к министру финансов Е.Ф. Канкрину с ходатайством о единовременном денежном награждении начальника Тобольской жандармской команды штабс-капитана Лыткина за командировку его с командой в течение 5 лет на Ирбитскую ярмарку для наблюдения за порядком и независимо от этого об определении постоянного пособия тем жандармам, которые будут в дальнейшем туда командироваться. Канкрин приказал сделать от Минфина в Комитет министров представление о награждении штабс-капитана Лыткина получаемым им годовым окладом жалованья в размере 285 руб. сер. за 5 лет командировок на Ирбитскую ярмарку. Далее Канкрин передал главе Министерства внутренних дел графу А.Г. Строганову просьбу Бенкендорфа о назначении постоянного пособия тем жандармам, кто командировается с командой на указанную ярмарку. Необходимые для этого деньги, по мнению Канкринина, можно брать из городских доходов г. Ирбита от проведения ярмарки, ежегодно собираемых по 40–45 тыс. руб. Не получив ответа на свою просьбу, Бенкендорф сам дважды в течение 1840 г. обращался к главе МВД со своим мнением, что командируемым на Ирбитскую ярмарку жандармским офицерам можно назначить в пособие на время такой командировки по 4 руб. асс. в день столовых денег из того же источника, указанного министром финансов. Вопрос этот разрешился в конце года, когда пермский гражданский губернатор доложил главе МВД, что на предложение об ассигновании денег на содержание жандармского чина из доходов, получаемых с Гостиного двора в Ирбите, купеческое общество, кому принадлежит этот двор, дало свое согласие [13. Л. 1–1 об., 6–6 об., 9, 13].

В следующие годы, как видно из выявленных нами документов, на Ирбитскую ярмарку командировались уже жандармские чины из самой Пермской губернии. Так, в 1844 г. высшее жандармское начальство объявило благодарность начальнику Пермской жандармской команды капитану Орлову за исполнение в этом же году должности временного коменданта на Ирбитской ярмарке, на которой он «обратил на себя особенное внимание примерным усердием и бескорыстными действиями, способствуя развитию торговой промышленности и соблюдению тишины и порядка» [14. № 38 от 8 мая]. В сохранившемся отчете о проведении ярмарки за 1845 г. указано, что в этом же году обязанности временного коменданта на ней исполнял находящийся в Пермской губернии жандармский штаб-офицер майор фон

Вендрих. Последний докладывал начальнику 8-го (Сибирского) жандармского округа генерал-майору К.И. Влахопулову, что за время проведения ярмарки (с 15 февраля по 15 марта) не случилось каких-либо серьезных происшествий, заслуживающих внимания и сообщения о них. Из второстепенных происшествий выделялись мелочное воровство на общую сумму 291 руб. 84 коп. сер., что являлось, по мнению фон Вендриха, небольшим показателем, и заслуга в этом принадлежит действиям находящейся во время проведения ярмарки Пермской жандармской команды во главе с упомянутым капитаном Орловым и 13 его подчиненными нижними чинами. Сверх этого за пьянство, кражу и мошенничество было взято под присмотр 39 человек, за неплатеж денег – 4 человека, также произошло два пожара, потушенные в самом начале [15. Л. 2].

Помимо информации о происшествиях майор фон Вендрих приводил информацию об основных торгуемых на ярмарке товарах, о ценах на них по сравнению с прошлыми годами. В самом конце прикладывался ряд ведомостей, служивших дополнением к его отчету. В первой ведомости в виде таблицы указывался торговый оборот ярмарки, где расписывались основные товары. По этой ведомости следовало, что привезено товаров было на сумму 20 423 609 руб. сер., а продано на 17 412 522 руб. сер. С ярмарки поступили следующие доходы в пользу казны: с торговой площади за раздачу мест – 5 744 руб. 25 коп.; за проданную из Казначейства гербовую бумагу – 6 123 руб. 70 коп.; в пользу города и горожан – 2 693 руб. 74 коп.; обывателям от квартирования и продовольствия приезжих – 39 500 руб., всего же доходы с ярмарки составили 54 061 руб. 69 коп. Далее шла ведомость о бывших на ярмарке купцах с разделением их по гильдиям и не записанных в гильдии, но производивших торговлю: купцов первой гильдии – 21 чел., второй – 98, третьей – 399 чел., других категорий населения, ведших торговлю, – 12 758 чел., также на ярмарке зарегистрировано было 25 630 чел. извозчиков и крестьян из окрестных мест. Третья ведомость – об иностранцах на ярмарке (всего 22 чел.). Затем шел список бывших на ярмарке военных штаб- и обер-офицеров – 6 чел. И, наконец, последней была ведомость о чиновниках гражданского ведомства – 40 чел. Всю эту информацию начальник округа 8 июня 1845 г. переслал Шефу жандармов [15. Л. 1–10].

С середины 40-х гг. Ирбитская ярмарка переходит из ведения 8-го (Сибирского) жандармского округа к 7-му, состоящему из поволжских губерний со штаб-квартирой округа в Нижнем Новгороде. Соответственно, командироваться на эту ярмарку стали уже чины 7-го жандармского округа. Скорее всего, это следует связать с тем, что в Нижнем Новгороде проходила самая крупная в стране ярмарка, именуемая Макарьевская, а Ирбитская считалась по оборотам второй после нее, между самими ярмарками имелись тесные контакты; логично было вести надзор за двумя крупнейшими ярмарками чинам одного и того же территориального жандармского ведомства.

Другой ярмаркой на территории Западной Сибири, подлежащей надзору со стороны жандармского ведомства, была ярмарка, устраиваемая в Обдорской крепости (ныне г. Салехард). Ее особенности заключались в крайней удаленности от Омска, административного центра Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а также, что на этой ярмарке доминировали представители коренного населения, а основным товаром являлась пушнина. При этом сами жандармские чины называли ее даже не ярмаркой, а рынком, «на котором инородцы делают свои годовые запасы, состоящие в печеном хлебе, муке, котлах, сырых кожах, листовом табаке, удах, мережах для рыбной ловли и еще в некоторых незначительных вещах. Торговцы от них приобретают большей частью тоже незначительные вещи, малоценную рухлядь и весьма малое количество лисиц» [16. Л. 206 об.–207]. Таким образом жандармские чины отмечали небольшой торговый оборот этой ярмарки, не шедший ни в какое сравнение с Ирбитской ярмаркой. Из наблюдений жандармов выходило: одной из причин «слабого хода» ярмарки является тот факт, что «инородцы считают своей честью торговать только со своими или отца своего знакомыми и ни за что не соглашались иметь дело с чужими». По этой причине, делали они вывод, торговцы предпочитают со своим товаром ездить на Ирбитскую ярмарку [Там же. Л. 208 об., 209].

В качестве подтверждения небольших торговых оборотов Обдорской ярмарки можно привести сведения из жандармских отчетов. Так, в отчете за 1864 г. исполнявший обязанности временного коменданта на ярмарке тобольский жандармский штаб-офицер, полковник Заранек сообщал, что в этом году на ярмарку русскими торговцами было привезено товаров на сумму 34 305 руб. 76 коп., продано же на сумму 3 181 руб. 20 коп., выменено у инородцев товаров на сумму 19 041 руб. 50 коп., таким образом, товаров осталось на сумму 12 084 руб. 06 коп. В то же время количество привезенных инородцами товаров составило сумму 29 890 руб. 60 коп., из привезенных товаров продано русским на 12 935 руб. 40 коп., выменено у русских на их товар и отдано им за долги на 14 118 руб. 30 коп., поступило в ясак и на повинность 2 836 руб. 90 коп. [17. Л. 7 об.–8, 10 об.–11].

Региональная исполнительная власть пыталась использовать жандармское присутствие на ярмарках для защиты казенных интересов в вопросе взимания ясака с коренного населения. В декабре 1844 г. генерал-губернатор Западной Сибири, князь П.Д. Горчаков специальным отношением обращался к тобольскому жандармскому штаб-офицеру, майору Петровскому, прося его во время исполнения обязанности временного коменданта на Обдорской ярмарке следить за взносами инородцев ясака натурой и запрещении вести им торговые отношения до окончательного взноса ясака [16. Л. 185]. Данные правила вступили в силу в 1843 г. после ревизии сенатора Толстова, в ходе которой был зафиксирован массовый характер неуплаты инородца-

ми ясака в казну по причине того, что инородцы стремились добытую пушнину торговать, получая от этого гораздо бóльшую выгоду. Майор Петровский порученные обязательства выполнил, но вместе с тем не преминул сообщить, что хотя сбор ясака с инородцев «заключает в себе довольно важный предмет для наблюдения офицера Корпуса жандармов», однако со стороны местного губернского начальства ежегодно командироваются особые чиновники для наблюдения за сбором ясака, вполне справляющиеся с этой задачей [18. Л. 4 об.].

Не могли жандармские чины обойти фактора дальнего расстояния места проведения ярмарки и тех трудностей, с которыми они сталкивались, добираясь до этих мест. Так, в феврале 1857 г. начальник 8-го (Сибирского) жандармского округа генерал-майор Казимирский описывал лишения, стоящие на пути его подчиненных, следующим образом: «Ибо не говоря уже об огромном расстоянии более 2 060 верст в один только конец, он [жандармский офицер] подвергался весьма лишениям в совершенно пустынной стране, где в особенности от Березова до Обдорска, нет никакого пути сообщения и езда совершается на оленях при жестоких морозах и где на станциях имеется только юрта для проезжающих, в которой ни обогреться, ни укрыться от непогоды нет никакой возможности». Казимирский выступал за материальное поощрение жандармских чинов за переносимые ими трудности при исполнении обязанности временного коменданта на ярмарке в Обдорске [19. Л. 1 об.].

Исходя из фактора дальнего расстояния, незначительных торговых оборотов на самой ярмарке, окружное жандармское начальство в Сибири выступало за освобождение жандармских чинов от надзора за сбором ясака во время проведения ярмарки, а главное, сделать обязательным посещение жандармским офицером Обдорской ярмарки не ежегодно, а раз в три года. Министр внутренних дел в 1845 г. поддержал оба этих предложения, и в следующее время жандармский чин отправлялся в Обдорск на ярмарку раз в три года, уже не ведя надзор за сбором ясака [18. Л. 4 об., 11].

Однако жандармские чины держали вопрос о выплате ясака в поле своего зрения. Более того, видя, что из года в год сокращается взнос пушнины в качестве ясака в казну, жандармские офицеры выступали за его ликвидацию. В 1857 г. адъютант жандармского штаб-офицера в Омской области штабс-капитан Борщов докладывал своему начальству, что если бы инородцам предоставить право платить подать в денежном виде и позволить вести торговые отношения с русским купечеством в течение всего года, это крайне благоприятно скажется на развитии местной торговли и более того, «через частные сношения с русскими дошло бы до инородцев гораздо скорее просвещение. Без этой меры инородцы останутся в том же диком и грубом состоянии, в котором они находятся слишком сто лет тому назад и в котором находятся до настоящего времени» [19. Л. 7–7 об.]. Однако это предложение так и не будет

исполнено и коренное население Сибири вплоть до начала XX в. продолжит уплату ясака в натуральном виде.

Существовали в Сибири ярмарки, не входившие в перечень обязательных ярмарок для командирования туда жандармских чинов в качестве временных комендантов, однако, по мнению местного жандармского начальства, туда следовало бы отправлять жандармских чинов. В ноябре 1856 г. начальник 8-го (Сибирского) жандармского округа генерал-майор Казимирский докладывал шефу жандармов князю В.А. Долгорукову, что у проводимой в городе Ишиме Тобольской губернии так называемой Никольской ярмарки было увеличено время проведения с 10 до 25 дней, а также указывались ее большие торговые обороты (в 1855 г. на ярмарку привезли товаров на сумму 1 436 435 руб. сер., из них продано на 1 158 870 руб. сер.). Исходя из приведенных сведений, Казимирский испрашивал разрешения о включении этой ярмарки в список тех ярмарок, на которых жандармские штаб-офицеры обязаны исправлять должность временного коменданта. Отношением от 28 ноября 1856 г. шеф жандармов дал согласие на просьбу Казимирского и просил его сделать распоряжение о ежегодном командировании на эту ярмарку жандармского штаб-офицера Тобольской губернии [20. Л. 1–3].

Последовавшие от жандармских чинов сообщения подтверждали большие торговые обороты Ишимской ярмарки и большое количество присутствующих на ней людей. В феврале 1859 г. жандармский штаб-офицер в Тобольской губернии полковник фон Колен докладывал начальнику 8-го (Сибирского) жандармского округа генерал-майору Казимирскому, что по итогам прошедшей в декабре 1858 г. ярмарки в Ишиме всего было привезено товаров на сумму 2 661 065 руб. сер., из них продано на 2 417 780 руб. и осталось нераспроданного товара на сумму 243 285 руб. сер. Ишимский ярмарочный комитет от проведения ярмарки получил следующий доход: с временных балаганов – 2 628 руб. 50 коп., с аренды принадлежащих городу мест – 612 руб. 24 коп., гостиницы – 15 руб., извозчиков – 15 руб., всего – 3 270 руб. 74 коп. Торговцев на ярмарке находилось следующее количество: купцов всех трех гильдий – 67 чел., разночинцев – 1 945, помимо них приехало на ярмарку военных чиновников – 5 и гражданских – 11, всего же – 2 028 чел. [21. Л. 17–20].

Развитию торговли, а вместе с ней и самой ярмарки в Ишиме способствовало удачное географическое расположение этого места. Ишимский уезд размещался на самом юге Тобольской губернии, территориально близко к Уральскому региону. Ближе к Уралу располагался только Курганский уезд той же Тобольской губернии, в котором также действовала своя ярмарка, выступающая конкурентом Ишимской, что незамедлительно сказывалось на торговых оборотах последней – о чем не преминули сообщить жандармы. В 1865 г. исполнявший обязанности временного коменданта на этой ярмарке тобольский жандармский штаб-офицер,

полковник Заранек доносил своему окружному жандармскому начальству, что сокращение лавочной торговли на Ишимской ярмарке связано с проведением в это же время еще двух ярмарок по соседству – Пресновской ярмарки в 250 верстах от Ишима и в крепости Звериноголовской Оренбургской губернии на границе Курганского округа. В доказательство жандармский чин приводил цифры падения торгового оборота на Никольской ярмарке в 1864 г. по сравнению с прошлыми годами: привезено товаров на 1 745 075 руб., продано на 1 152 325 руб., осталось непроданных товаров на 592 750 руб. Главными товарами являлись «животные продукты: кожа, сало и мясо». Это свидетельствует, что ярмарка имела сельскохозяйственный характер. Заранек отмечал, что многие приезжающие торговцы раньше времени прекращают свои торги, чтобы успеть в Курган на местную ярмарку. По мнению полковника Заранека, поддержанного начальником 8-го (Сибирского) жандармского округа генерал-майором Политковским, следовало бы изменить срок проведения Никольской ярмарки в Ишиме, сдвинув ее на начало декабря, тем самым развести ее по времени с Курганской ярмаркой. Шеф жандармов поддержал предложение своих подчиненных, обратившись в феврале 1865 г. к министру внутренних дел П.А. Валуеву. От последнего пришел ответ, что изменение сроков проведения ярмарок делается по ходатайству городских обществ или ярмарочных комитетов; так как ни от Ишимского, ни от Курганского обществ и торговцев не поступало подобных заявок, то министр затрудняется сделать какие-либо распоряжения по этому предмету [20. Л. 5–6 об., 10–12]. Таким образом время проведения ярмарок осталось неизменным.

В Восточной Сибири единственной ярмаркой, обязательной для отправки туда жандармского офицера в качестве временного коменданта, являлась Кяхтинская. Такой выбор был обусловлен рядом факторов. Кяхта была центром русско-китайской торговли, где главным товаром являлся чай, развозимый оттуда по всей России. В конце XVIII в. из Иркутска в Кяхту была перенесена таможня. Близость города к китайской границе оборачивалась проблемой контрабанды товаров, незаконного пересечения границы. Нельзя не упомянуть, что Кяхта располагалась в Забайкальском регионе, традиционном месте ссылки государственных преступников, в том числе и участников декабрьского выступления 1825 г. Все сказанное привлекало внимание жандармского ведомства к этому городу и проходящей там торговой деятельности. В августе 1836 г. генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский отправил шефу жандармов Бенкендорфу отношение, в котором он перечислил разного рода злоупотребления со стороны местной власти и происшествия в Якутске, Нерчинске и Кяхте, прося в конце документа назначить в названные места жандармских чинов для поддержания там законного порядка. В октябре того же года Бенкендорф сообщил Броневскому, что по составлен-

ному им для царя докладу последовала монаршая воля отказать в просьбе генерал-губернатора, вместе с тем, Николай I соизволил в распоряжение Броневского командировать на время из Корпуса жандармов одного штаб-офицера и одного обер-офицера для ревизии указанных мест. Также царь повелел, чтобы такие командировки в последующем стали практикой [22. Л. 1, 3, 9–11].

В начале 1838 г. в Иркутск прибыли командированные туда в распоряжение местного генерал-губернатора подполковник Корпуса жандармов Ливенцов и адъютант жандармского штаб-офицера в Эстляндской губернии штабс-капитан Вершеневский. Новый генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт дал им тщательную инструкцию, на что следует обратить внимание, в том числе указал на необходимость вести наблюдение за ярмаркой в Кяхте и в целом за развитием там торговли. В 1839 г. оба жандармских офицера представили сведения о проделанной ими в регионе работе. Ливенцов, в частности, сообщал, что ярмарка в Кяхте, ранее открываемая в январе, с каждым годом начинается все позже по причине «несвоевременного доставления товаров московскими купцами», отчего происходят большие убытки. Ливенцов настоял, а генерал-губернатор сделал распоряжение, чтобы Кяхтинская ярмарка начиналась с 1 января или даже с декабря. Штабс-капитан Вершеневский по поручению генерал-губернатора Руперта исполнял обязанности временного коменданта на ярмарке в Якутске, проходившей в конце июня – начале июля 1838 г. Сам же Руперт выступил против предложения своего предшественника на генерал-губернаторском посту Броневского об утверждении постоянного жандармского присутствия в Якутской области и Охотском крае, считая что жандармский чин там необходим «только на время бывающей там ярмарки <...> для наблюдения благочиния и отвращения случаев к разным притеснениям», но с этой задачей, по его мнению, может справиться жандармский штаб-офицер в Иркутской губернии, командированный ежегодно в указанные местности. Шеф жандармов выступил против этой идеи, считая, что такая командировка обойдется дорого и будет продолжительной по времени, отвлекая губернского жандармского штаб-офицера от более важных дел, поэтому он предложил отправлять на эту ярмарку гражданских чиновников из жандармского ведомства для поддержания там порядка [22. Л. 51, 141–141 об., 167 об., 186–189].

Ярмарка в Кяхте вошла в расписание ярмарок, где требовалось присутствие жандармских чинов в качестве временного коменданта. Ее особенностями можно назвать иностранный характер торговли, прежде всего с Китаем, а также тесную связь ярмарочной торговли с таможней. В последующие годы туда командировались либо адъютант жандармского штаб-офицера в Иркутской губернии, либо сам штаб-офицер, следившие за порядком на этой ярмарке, в том числе и за деятельностью местной таможни, и доносившие своему начальству о результатах ее проведения, а также с их стороны

поступали предложения по совершенствованию проведения ярмарки и искоренению там беспорядков (подробнее об этом см.: [23]).

Расписание ярмарок, где требовалось присутствие жандармского офицера, со временем претерпевало изменения, какие-то ярмарки удалялись, взамен появлялись новые. Окончание исполнения жандармскими чинами обязанности временного коменданта на ярмарках приходится на конец 60-х гг. XIX в. Циркулярным отношением от 28 августа 1867 г. за № 280 шеф жандармов П.А. Шувалов уведомил начальника жандармского округа в Сибири генерал-майора Политковского, что вследствие новых правил жандармские штаб-офицеры уже не обязаны исправлять должности временных комендантов на важнейших ярмарках, тем не менее, они должны наблюдать за всем происходящим на них и доносить как о ходе торговли, так и о «замечательных событиях на таковых ярмарках». В своем ответе от 16 сентября Политковский сообщил, что во вверенном ему округе проходят всего две ярмарки, подлежащие отправке туда чинов Корпуса жандармов, – в городах Ишиме и Березове, где тобольский жандармский штаб-офицер исправляет должность временного коменданта – в первом ежегодно, а в последнем раз в три года. Политковский спрашивал у шефа жандармов, следует ли по-прежнему командировать на эти ярмарки тобольского штаб-офицера «для собирания сведений о ходе торговли и о замечательных событиях на этих ярмарках или же ограничиться испрашиванием таковых сведений от местной полиции?». На этот вопрос Шувалов ответил, что если Тобольский губернский воинский начальник не будет находиться на тех ярмарках, на которых штаб-офицер Корпуса жандармов должен исправлять обязанность временного коменданта, то жандармскому чину следует исполнять эту обязанность впредь до последующего по этому предмету общего распоряжения [24. Л. 9–10].

Исключение из функционала жандармерии обязанности временных комендантов на крупных ярмарках в империи было связано с тем, что в сентябре 1867 г. с принятием нового положения о Корпусе жандармов

произошла реорганизация самого жандармского ведомства, согласно которой вместо должностей губернских жандармских штаб-офицеров создавались губернские и уездные жандармские управления, несшие исключительно наблюдательные обязанности [25. С. 76]. Жандармерия превращалась в орудие политического сыска в борьбе с революционным движением, и первоочередными задачами для нее становились защита самодержавия от посягательств изнутри страны. Часть функций Корпуса жандармов, как, например, выявление фальшивомонетчества, отходила на второй план, а некоторые, как исполнение обязанности временных комендантов при проведении крупных ярмарок в империи, убирались из поля деятельности жандармов.

Таким образом, исполнение обязанностей временных комендантов на проходящих в Сибири ярмарках являлось важной функцией в деятельности чинов Корпуса жандармов на протяжении второй трети XIX в. На время проведения ярмарок на жандармов возлагались большие обязанности. Жандармские офицеры не только следили за общественным порядком, но также наблюдали за ходом торгов, являясь посредниками в случае возникших на торговой почве конфликтов. Об итогах ярмарок они обязывались докладывать своему начальству. Выбор ярмарок для посещения их жандармами во многом обуславливался торговыми оборотами этих ярмарок, доступностью для посещения их служащими Корпуса жандармов, а также необходимостью соблюдения казенных интересов, как на ярмарке в Обдорске, где торговали пушниной и собирався ясак с коренного населения, а в Кяхте ярмарка была тесным образом связана с таможенной деятельностью. Последнее обстоятельство дает основание утверждать, что жандармский надзор являлся активно используемым инструментом в правительственной политике по контролю за торгово-промышленной сферой. Сами же жандармские чины старались неформально исполнять возложенные на них обязанности временных комендантов, но, как это показывают сохранившиеся их рапорты, стремились к улучшению торговой деятельности, отмечая возможные от нее выгоды для местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов В.В. Функционирование местных подразделений политической полиции в условиях проведения ярмарок в 1825–1860 гг. // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 1. С. 103–111.
2. Пасечников И.А. Деятельность органов политической полиции Таврической губернии в годы Крымской (Восточной) войны (1853–1856) // Пространство и Время. 2015. № 1–2 (19–20). С. 267–272.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 170. Д. 58.
4. «О исправлении должности комендантов штаб-офицерами Корпуса жандармов в городах и местечках, где бывают ярмарки» (31 августа 1833 г.) [№ 6410] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1834. Т. 8. Отд. 1-е. (1833 г.). С. 499–500.
5. «Высочайше утвержденное положение о Корпусе Жандармов» (1 июля 1836 г.) [№ 9355] // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 11. Отд. 1-е. (1836). СПб., 1837. С. 771–783.
6. Бибилов Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 16–24. DOI: 10.17223/19988613/41/3
7. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 647.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 6. Д. 1427.
9. Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001. 504 с.
10. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 2. 697 с.
11. РГИА. Ф. 1286. Оп. 10. 1846 г. Д. 729.
12. Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов за 1836 г. СПб., 1837.

13. РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 253.
14. Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов за 1844 г. СПб., 1845.
15. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 185. Д. 129.
16. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 17722.
17. ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5982.
18. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 185. Д. 110.
19. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 197. Д. 134.
20. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 196. Д. 255.
21. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 198. Д. 263.
22. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 613.
23. Румянцев П.П. Жандармский надзор за Кяхтинской торговлей // Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию войны на Халхин-Голе (1939–2019 гг.) (Иркутск, 15 мая 2019 г.). Иркутск, 2019. С. 94–100.
24. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 207. Д. 131.
25. Высочайше утвержденное положение о Корпусе Жандармов (9 сентября 1867 г.) [№ 44956] // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1871. Т. 42. Отд. 2-е. (1867 г.). С. 73–80.

Petr P. Rumyantsev. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: petroom@mail.ru

GENDARME SUPERVISION OF FAIRS IN SIBERIA IN THE 19TH CENTURY.

Keywords: gendarmerie; headquarters officers; Siberia; supervision; fairs; trade; 19th century.

The subject of this research is the policy of government supervision of the commercial and industrial spheres of the Russian Empire in the 19th century. The object of the study is the activities of the gendarmerie corps officials that carried out that supervision. These activities of the gendarmerie are studied on the example of the supervision of fairs in Siberia, which had their own special aspects. This function of the Russian gendarmerie has been studied fragmentarily in Russian historiography.

To disclose the subject and object of the research, the following tasks were set: 1) to establish the reasons for the attention of the gendarmerie to fairs taking place in Siberia; 2) to identify those fairs that required a mandatory gendarme presence; 3) to establish the functions performed by the gendarmerie officials during their occupation of the post of temporary commandant at fairs; 4) to determine the reasons for disestablishing the gendarme supervision of the fairs.

The sources for writing the article were: materials from the gendarmerie and executive branch funds of the central Russian archives (State Archive of the Russian Federation, Russian State Historical Archive), legislative acts of the imperial government, as well as the gendarmerie corps orders. Many used archival materials were introduced into scientific circulation for the first time.

In the process of the research the author came to the following conclusions. Since 1833 the officials of the gendarmerie corps were appointed to the temporary commandants of the fairs, during which they received great powers and duties. The activities of the gendarmes in this position were regulated by instruction specially written for them. They also used the traditional gendarme surveillance tool in the form of reports that were compiled at the end of the fairs and were sent to the gendarmerie authorities. The gendarme officers not only monitored public order, but also monitored the course of bidding, being intermediaries in the event of trade-related conflicts. The choice of fairs to be visited by the gendarmes was largely determined by the trade turnover of these fairs, by the availability of fairs to be visited by the gendarmes, and by the needs to comply with state interests. The latter circumstance gives reason to assert that gendarme supervision was an actively used tool in government policy to control the commercial and industrial spheres. The gendarme officials themselves tried not to formally fulfill the duties of temporary commandant, but as the documents show, tried to improve trading activities, noting the possible benefits for the local population.

REFERENCES

1. Romanov, V.V. (2010) Funktsionirovanie mestnykh podrazdeleniy politicheskoy polititsii v usloviyakh provedeniya yarmarok v 1825–1860 gg. [The functioning of local political police units during fairs in 1825–1860]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 1. pp. 103–111.
2. Pasechnikov, I.A. (2015) Political Police Activities in the Taurida Governorate during Crimean (Eastern) War (1853–1856). *Prostranstvo i Vremya – Space and Time*. 1–2 (19–20). pp. 267–272. (In Russian).
3. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 170. File 58.
4. Russia. (1834) “O ispravlenii dolzhnosti komendantov shtab-ofitserami Korpusa Zhandarmov v gorodakh i mestechkakh, gde byvayut yarmarki” (31 avgusta 1833 g.) [№ 6410] [“On the correction of the post of commandants by the head officers of the Gendarme Corps in cities and towns where there are fairs” (August 31, 1833) [No. 6410]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)]. Vol. 8. St. Petersburg. pp. 499–500.
5. Russia. (1837) Vysochayshe utverzhdennoe polozhenie o Korpusе Zhandarmov (1 iyulya 1836 g.) [№ 9355] [“The Highest Approved Regulation on the Gendarme Corps” (July 1, 1836) [No. 9355]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)]. Vol. 11. St. Petersburg. pp. 771–783.
6. Bibikov, G.N. & Baksht, D.A. (2016) The establishing of gendarmerie supervision on private gold mines in Siberia in 1841–1842. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 16–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/3
7. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 647.
8. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 6. File 1427.
9. Shcheglova, T.K. (2001) *Yarmarki yuga Zapadnoy Sibiri v XIX – nachale XX veka. Iz istorii formirovaniya i razvitiya vserossiyskogo rynka* [Fairs in the south of Western Siberia in the 19th – early 20th centuries. From the history of the formation and development of the all-Russian market]. Barnaul: Altai State University.
10. Hagemeister, Yu.A. (1854) *Statisticheskoe obozrenie Sibiri* [Statistical Review of Siberia]. St. Petersburg: [s.n.].
11. The Russian State Historical Archive (RGIA) Fund 1286. List 10. File 729.
12. Russia. (1837) *Otdel'nyy korpus zhandarmov. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1836 g.* [Russia. Separate gendarmes corps. Orders on the corps of gendarmes for 1836]. St. Petersburg: [s.n.].
13. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 31. File 253.
14. Russia. (1845) *Otdel'nyy korpus zhandarmov. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1844 g.* [Russia. Separate gendarmes corps. Orders on the corps of gendarmes for 1844]. St. Petersburg: [s.n.].
15. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 185. File 129.
16. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 12. File 17722.
17. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 3. List 4. File 5982.
18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 185. File 110.

19. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 197. File 134.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 196. File 255.
21. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 198. File 263.
22. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 613.
23. Rumyantsev, P.P. (2019) [Gendarme surveillance of Kyakhta trade]. *Narody Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost'* [Peoples of Russia, Siberia and the East: History and Modernity]. Proc. of the International Conference. Irkutsk. May 15, 2019. Irkutsk. pp. 94–100. (In Russian).
24. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 207. File 131.
25. Russia. (1871) “Vysochayshe utverzhdennoe polozhenie o Korpuse Zhandarmov” (9 sentyabrya 1867 g.) [№ 44956] [“The Highest Approved Provision on the Gendarme Corps” (September 9, 1867) [No. 44956]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)]. Vol. 42. St. Petersburg. pp. 73–80.

УДК 614(571.54/.55)"1919/1920"
DOI: 10.17223/19988613/61/9

В.А. Шаламов

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВРЕМЯ РЕЖИМА АТАМАНА Г.М. СЕМЕНОВА (МАЙ 1919 – ЯНВАРЬ 1920 г.)

Статья посвящена развитию системы здравоохранения в годы Гражданской войны на территории Забайкальской области в период «подчинения» атамана Г.М. Семенова Правительству адмирала А.В. Колчака. На основе материалов периодической печати, архивов и воспоминаний автор раскрывает сущность произошедших летом и осенью 1919 г. преобразований в медицинской сфере. Анализируются причинно-следственные связи происшедших перемен. Особое внимание уделено дефициту медицинских работников, что напрямую связано с мобилизацией в войска. Значительное место отведено таким проблемам, как эвакуация больных и раненых военнослужащих из прифронтовой зоны, вывоз рабочих и служащих правительственных учреждений с Урала и Западной Сибири, размещение беженцев.

Ключевые слова: Забайкальская область; история здравоохранения; история медицины; Гражданская война; атаман Г.М. Семенов.

Вековой юбилей трагических революционных событий 1917 г. неизбежно вызывает интерес общественности к событиям, связанным с революционными потрясениями и Гражданской войной в России. В современных историографических работах отмечается, что остаются востребованными такие вопросы, как социально-экономическое положение страны и отдельных регионов в годы войны, сущность политических противостояний революционного периода, изменений в морально-нравственных ориентирах российского общества, а также жизненные практики отдельных людей или социальных страт [1–3]. Вместе с тем стоит признать, что тема войны неизбежно связана с медициной по своей природе. Соответственно, история здравоохранения и медицины должна быть естественным продолжением военной тематики. На поверку оказывается, что современных публикаций, посвященных сибирскому здравоохранению в период Гражданской войны, немного. В качестве примера можно привести работы К.А. Семеновы, В.И. Панфиловой, А.А. Чернолихова, Н.Т. Ерегиной [4–7]. Даже в изданиях, напрямую связанных с изучением гражданской войны в Забайкалье, сведения о здравоохранении встречаются эпизодически и крайне редко [8, 9]. Все это послужило стимулом для появления данной статьи. К сожалению, размер публикации не позволяет охватить весь период Гражданской войны, поэтому в статье речь пойдет о событиях, охватывающих время «подчинения» атамана Г.М. Семенова Омскому правительству адмирала А.В. Колчака.

Как известно, конфликт между двумя лидерами Белого движения на Востоке страны возник еще в декабре 1918 г. со взаимных обвинений в измене. Конфликт удалось урегулировать 25–27 мая 1919 г., после того как А.В. Колчак официально назначил Г.М. Семенова командиром 6-го Восточно-Сибирского корпуса и снял с него обвинения в государственной измене, на что атаман ответил заверением о полном подчинении.

4 января 1920 г. Верховный правитель передал управление восточной окраиной России атаману Г.М. Семенову, который до этого времени де-юре находился в его подчинении, хотя и вел самостоятельную политику.

В течение лета 1919 г. происходило реформирование Отдельной Восточно-Сибирской армии в 6-й Восточно-Сибирский корпус. При управлении корпуса был образован дезинфекционный отряд, поскольку эпидемии порой наносили ущерб больший, чем военные действия. При каждой дивизии полагалось иметь перевязочные отряды. Самую разветвленную санитарно-медицинскую структуру имела Сводная стрелковая Маньчжурская атамана Семенова дивизия. В ее состав входили: передовой перевязочный отряд, дивизионный лазарет, санитарный транспорт и подвижный дезинфекционный отряд [10. С. 34–37]. В Забайкальской области в распоряжении военных имелись военные госпитали (лазареты) и околотки в Чите, Верхнеудинске (Березовке), Сретенске, Нерчинске и Троицкосавске. 28 августа 1919 г. было объявлено об открытии в военном городке Даурия лазарета Азиатской конной дивизии на 200 мест. В Чите действовал госпиталь имени атамана Семенова, который также обслуживал нужды военных. Кроме этого, лазареты Красного Креста в Чите и Верхнеудинске были преобразованы в военно-хирургические госпитали.

Для обслуживания госпиталей и военных частей требовались медработники, которых брали по мобилизации. Следует учесть, что регион всегда был дефицитным по наличию медработников, но летом 1919 г. Забайкалье было островком относительного спокойствия в бушующем океане, поэтому сюда начинают стекаться многочисленные беженцы. Имеющие медицинское образование и годные по состоянию здоровья практически сразу призывались в армию. К их числу можно отнести младших научных сотрудников Казанского университета В.М. Аристова и Д.Н. Корелкина. Та же участь постигла бежавших из Ачинского уезда Енисей-

ской губернии переселенческих врачей М.А. Катерина и С.К. Сажина. Сельский врач К.Н. Хотель, бросивший службу в Баргузинском уезде, становится ординатором Березовского военного госпиталя. В конце лета 1919 г. в Забайкальскую область эвакуировали рабочих и служащих уральских заводов и Самаро-Златоустовской железной дороги. Медработники этих учреждений (А.А. Старцев, Н.А. Щуко) тут же определяются на военную службу. Доктор медицины из Казани Г.В. Сороковиков возглавил госпиталь имени атамана Семенова, а врач из Перми А.Ф. Кестранек – амбулаторию при этом же госпитале. Тем не менее этого было недостаточно. Большинство полков вместо положенных по штату врачей имели фельдшеров. Врач прикомандировывался к полку из ближайшего лазарета или околотка, если часть отправлялась в зону, где предполагались боевые столкновения. Кроме мужчин мобилизации подлежали женщины-врачи и фельдшерицы, не достигшие 50-летнего возраста. Они должны были служить только в стационарах в пределах места жительства [11. 21 авг. С. 3]. Известно о призыве ординатора городской больницы Читы Лидии Цитович, которая вынуждена была обслуживать военный госпиталь, а женщина-врач Сунцова – госпиталь имени атамана Семенова. Таким образом, к осени 1919 г. стационарные лечебные учреждения были в основном укомплектованы.

Интересно упоминание о том, что в гарнизонном госпитале в Сретенске главным врачом был австриец по фамилии Цек и что он плохо знал русский язык, чем и пользовались члены большевистской ячейки, ведя в госпитале подрывную работу. Обычно бывшие военнопленные Австро-Венгрии и Германии служили лишь в отрядах Чехословацкого корпуса и лечебных учреждениях лагерей. Оказаться в военных структурах семеновских войск он мог только в добровольном порядке. После долгих поисков удалось найти сведения об этом человеке, которые представляют определенный интерес. Вольфганг Антонович Сек (Сека) уроженец Брюнне, в Австро-Венгрии участвовал в анархо-синдикалистском движении, за что преследовался на родине. С 1915 г. он находился в качестве военнопленного в сретенском лагере. В 1918 г. стал врачом в одном из отрядов Красной гвардии. После падения советской власти он, вероятно, чтобы спастись, добровольно вступил на службу к семеновцам [12. Л. 27]. Знал семь языков, в том числе и русский, но, по всей видимости, сочувствуя русским революционерам, делал вид, что не понимает по-русски. Таким способом он мог уйти от ответственности в случае необходимости, развязывая руки партийной ячейке, члены которой до конца верили в его незнание языка.

Мобилизация весной–летом 1919 г. в армию А.В. Колчака медработников Забайкалья носила тотальный характер. Первоначально были призваны врачи К.Н. Терентьев из Верхнеудинского уезда и Н.Н. Макаров из Читинского уезда. Земство и област-

ное управление пытались их освободить и даже делали запросы в Омск на имя начальника врачебного управления МВД К.М. Гречищева. Однако добиться их демобилизации не удалось, хотя оба находились на службе в пределах Забайкальской области: первый – в 29-м Троицкосавском полку (Сретенск), второй – в Читинском военном госпитале. К управляющему областью С.А. Таскину стекалось большое количество жалоб со всех концов Забайкалья. Суть жалоб можно представить по записке баргузинского городского головы, который писал, что вследствие отсутствия в уезде и городе медицинской помощи городская дума организовала за свой счет амбулаторию, куда пригласили врача В.Е. Мандельберга и фельдшерицу-акушерку С.М. Дубникову-Берштейн, но они подлежали призыву в войска, а других кандидатов не имелось. В силу этого С.А. Таскин образовал особое межведомственное совещание из представителей военных, а также всех гражданских и правительственных учреждений в Чите, которое на заседаниях 11 и 12 сентября 1919 г. утвердило «список лиц, служащих правительственных учреждений Забайкальской области, с призывом которых нормальная работа в них будет нарушена». В списке значились шесть врачей и один фельдшер по врачебно-санитарному управлению Забайкальской области, выполнявшие главным образом судебно-медицинские функции. Земство заявило о необходимости предоставить бронь для 7 врачей, 37 фельдшеров и одной фельдшерицы-акушерки. Кроме того, дополнительно были внесены в список 12 фармацевтов, управлявших сельскими аптеками. В результате 19 сентября из Омска поступила телеграмма из главного врачебно-санитарного управления с ответом, что врачи К.Н. Терентьев, Н.Н. Макаров и лица фельдшерского персонала, призванные весной, были освобождены от военной службы [13. Л. 30, 37–38, 57, 78]. Решение о демобилизации остальных медработников затягивалось. Положение в крупных населенных пунктах вдоль по Транссибу становится угрожающим ввиду передвижений больших масс людей. Городской голова Петровского Завода А. Радинов в телеграмме от 23 октября на имя С.А. Таскина сообщал следующее: «Два единственных городских фельдшера Мисюта и Липарский мобилизованы. Прибывающие проходящие беженцы несут брюшной и сыпной тиф. Больные поступают. Городской врач Руга мобилизован. Остается одна акушерка. Положение народа тяжелое. Гордума просит распоряжение Вашего Превосходительства об освобождении врача и фельдшеров от мобилизации, иначе городу грозит бедствие» [13. Л. 25]. Управление Забайкальской области предпринимает еще одну попытку добиться демобилизации медработников, отправив телеграмму начальнику врачебного управления МВД К.М. Гречищеву, но в архивных делах ответа не найдено. Вероятно, из-за развала фронта и отступления армии Колчака дела глубокого тыла просто забросили. Впрочем, новые призывы медработников в армию продолжались и да-

лее [13. Л. 34, 88]. Абсолютное большинство медицинских работников призывались для обслуживания нужд воинских частей, находящихся под командованием Семенова. Поскольку войска атамана так и не были отправлены на фронт, то и забайкальские медработники за пределы своего региона не перемещались. Во всяком случае, автору известны лишь единичные случаи, когда врачи или сестры милосердия добровольно выезжали в Омск.

Мобилизация осложнила положение в местностях, населенных бурятами и тунгусами. Так, согласно докладу от 10 марта 1919 г. Агинской бурятской аймачной думы в аймаке работали всего два фельдшера – В.И. Шишин в Цуголе и Иванов в Аге. Еще два фельдшера только числились на бумаге. Гомбоев находился на обучении в школе офицеров в Даурии, а В. Очиров состоял учителем в школе. Однако уже в докладе от 25 сентября значится, что в Агинском аймаке оба фельдшера мобилизованы [14. Л. 3, 5]. 1 сентября 1919 г. во врачебно-санитарный отдел забайкальской земской управы поступила жалоба от Хоринской аймачной земской управы, в которой описывается тяжелое положение постановления медицинского дела. В частности, говорится, что единственный врач в с. Кульском перешел в ведение верхнеудинской земской управы, запретившей лечить бурят. Вместе с тем указывалось, что ни от земства, ни от государства управа никаких денег, несмотря на обещания, так и не получила [15. Л. 1]. Между тем это произошло потому, что на четвертый день земского уездного собрания в Верхнеудинске 20 июня 1919 г. один из гласных Л.И. Воскобойников отмечал, что «буряты обращаются за медицинской помощью к нашим врачам и фельдшерам и получают ее, хотя имеют ассигнование в 10 тыс. руб. на врача и 30 тыс. на больницу, но, несмотря на это, своих врачебных участков не заводят...». Здесь же выступил доктор К.И. Легков, поставивший вопрос о том, что бурятам нельзя выдавать лекарства бесплатно [16. 28 июня. С. 3]. Конечно же, земское собрание принимало такое решение не из-за националистических взглядов, а в силу того, что не знало реального положения вещей с финансированием в аймаках.

В отличие от представителей официальных властей партизанам и подпольщикам, борющимся за советскую власть, приходилось на первых порах обходиться вовсе без медицинской помощи. В случае отсутствия прямой угрозы раненых оставляли на попечение местных медицинских сил или жителей окружающих сел. Крупные партизанские соединения, которые стали возникать весной–летом 1919 г., вынуждены были таскать за собой большие обозы с ранеными и больными бойцами. В безопасных местах образовывалось что-то вроде околотка с медицинским персоналом. В мае 1919 г. в станции Богдатской, ставшей своеобразной «партизанской столицей», появилось что-то вроде госпиталя, которым руководил фельдшер М.П. Балагуров, ранее оказывавший медицинскую помощь партизанам Алта-

гачанской коммуны. Хирургическую помощь осуществлял фельдшер В.М. Лапердин. В конце лета после боев у с. Большой Зерентуй П.Н. Журавлев, связанный обозом с ранеными, не мог быстро передвигаться. Чтобы освободиться, он передал раненых бывшему учителю К.Е. Воросову с заданием вывезти их в безопасное место. Воросов, прижатый с обозом к реке Аргунь, ради спасения рискнул переправить товарищей на китайскую сторону, благо, необходимые контакты с администрацией уже имелись. Таким образом, удалось обеспечить на территории Китая выздоровление партизан. За их здоровьем следил фельдшер И.Н. Пешков [17. С. 110–111]. Похожая ситуация возникла в сентябре 1919 г., когда семеновцы при помощи японцев окружили с. Богдаты, но М.П. Балагуров сумел без потерь вывезти раненых через тайгу и горные хребты в безопасное место.

При партизанских отрядах стали возникать санитарные подразделения, задачей которых была эвакуация раненых с поля боя и оказание первой медицинской помощи. К примеру, при 7-м кавалерийском полку Ф.А. Пагадаева имела санитарная часть, возглавляемая членом партии большевиков, читинским железнодорожником Виноградовым. Во главе лечебной части был врач из венгерских военнопленных Шалушинский [Там же. С. 88]. Однако чаще всего в качестве медработников выступали местные фельдшеры, которых стали называть «лесными докторами». Зачастую они не только оказывали медицинскую помощь, но и сражались с оружием в руках. Так, фельдшер И.Е. Эпов возглавлял санитарную службу 7-го кавалерийского полка Каратаевской дивизии, с которой участвовал в боях в районе Газимуровского Завода, Сретенска и Борзи [18. С. 42–43]. Среди других стоит назвать Х.И. Марельтуева, И.П. Матвеева, К. Перминова, возглавлявших медицинскую службу в партизанских полках. В различных эпизодах также упоминаются фельдшера Ф.И. Беломестнов, Ф.Ф. Викулов, Ф.Г. Старицын, В.И. Петров, Бубнов, Куприянов. Многие фельдшеры из мобилизованных в семеновские части при удобном случае переходили вместе с солдатами на сторону партизан. Например, в июле 1919 г. 1-й Забайкальский казачий полк, подталкиваемый агитацией бывшего красногвардейского фельдшера Г.В. Васильева, перебив офицеров, стал партизанским. Сам Васильев во время восстания возглавил медицинскую службу полка и с помощью другого фельдшера А.Д. Жеребцова вывез к партизанам имущество полкового лазарета [19. С. 71–72].

Немало медработников, служивших в войсках белых или земских учреждениях, оказывали посильную помощь партизанам. Например, фельдшер Д.Т. Карепин, приехавший в Читку по заданию партии большевиков, сочетал работу в железнодорожной больнице на станции Чита-I с революционной деятельностью. Член партии большевиков Е.Д. Куликова, направленная в Забайкалье для организации подпольной работы, летом 1919 г. в гарнизонном госпитале в Сретенске при помощи сестер милосердия Вольби и Загибаловой смогла

образовать группу единомышленников, опираясь на которых, снабжала партизан информацией. Заведующий аптекой Читинской городской больницы фельдшер Д.А. Горячкин снабжал медикаментами партизанские отряды, а также устраивал раненых партизан в городскую больницу. Были и крайние ситуации. Так, едва не был расстрелян за помощь партизанам и их семьям фельдшер городской больницы Нерчинска Т.П. Крылов [20. С. 95]. Еще более печальна судьба войскового врача станицы Шелопугинской Н.В. Иванова, который только в 1917 г. окончил медфак Томского университета. Он был схвачен во время налета партизан на станицу 7 ноября 1919 г. и «зверски убит» [11. 27 нояб. С. 4]. В основном за советскую власть тайно или явно выступал средний и младший медицинский персонал, надеявшийся на улучшение своего положения.

Проблему с медикаментами в партизанских отрядах частично решали за счет существующей аптечной сети. Все необходимое приобретали родственники и сочувствующие красным. Однако при хроническом дефиците медикаментов и перевязочного материала в условиях Гражданской войны этого было недостаточно. Тогда партизанские вожаки решили обратиться к помощи китайских торговцев. При посредстве уже упоминавшегося К.Е. Воросова удалось договориться о поставках всего необходимого. В качестве оплаты китайцы принимали только золото, которое стали изымать у местных промышленников и старателей. Впоследствии договорились и о краткосрочном кредите. Некоторую часть медицинских товаров получали под различными предлогами у медперсонала городских и военных лечебных учреждений, сочувствующего партизанскому движению. Иногда встречались довольно интересные случаи. Так, венгерский военнопленный Эндре Шик в своих мемуарах писал, что венгерский доктор Гемеш, обслуживавший лагерь военнопленных в Березовке, кроме обычных пациентов в особых помещениях принимал американских военнослужащих, поскольку многие из них болели триппером. Если бы они обратились к собственному врачу, то вместе с лечением получили бы еще несколько недель ареста. Гемеш брал с них большие деньги за молчание. На эти деньги, как позже выяснилось, выпекался в лагерной пекарне хлеб, который частично вместе с медикаментами и всем необходимым при помощи верных людей переправлялся к местным партизанам [21. С. 299, 301]. Вероятно, некоторую роль играла также и кооперация, но каких-либо надежных сведений по этому вопросу обнаружить не удалось.

Изучение военного периода в истории здравоохранения не обходится без сведений о помощи раненым и больным военнослужащим. Летом 1919 г. под ударами Красной армии в Поволжье и на Урале войска адмирала Колчака стали нести поражения. Резко увеличилась численность раненых и больных солдат и офицеров. Города, расположенные к западу от Байкала, к тому времени уже не справлялись, поэтому санитарные по-

езда все чаще отправляются в Забайкалье. По «расстроенной» за годы войн железной дороге не могло осуществляться нормальное сообщение со всеми регионами Сибири и Дальнего Востока, что оборачивалось мучением для раненых военнослужащих. Для наглядности приведем информацию из писем американских медсестер Флоренс Хоффман (Омск) и Грейс Харрингтон (Иркутск): «Состояние раненых, поступавших с фронта в Иркутск, трудно было передать словами... путь раненого с фронта до госпиталя занимал не менее четырех недель... Самое тяжелое зрелище – это гнус, ползающий по лицам больных, которые даже не могли отмахнуться. Насекомые усаживались на лица людей, умирающих от тифа, вползали и выползали из ушей, ноздрей, глаз, уголков рта, перелетая от одного больного к другому. Может, некоторые и не заразились бы новой болезнью, но изолировать больных друг от друга было просто невозможно, и гнус выступал в роли переносчика заболеваний... у прибывающих солдат даже перевязки кишат паразитами, а одежда в невообразимом состоянии» [22. С. 277, 311]. До Забайкалья санитарные поезда добирались иногда за полтора месяца. При этом даже на крупных станциях иногда отсутствовала какая-либо помощь персоналу, раненым и больным воинам колчаковской армии. Газеты часто сообщали о высокой смертности. Так, на станции Иннокентьевская (Иркутск) за август 1919 г. скопилось 22 трупа, оставленных санитарными поездами, на станции Тыреть – такое же число, в Петровском Заводе – 12 трупов [11. 23 авг. С. 2]. Сообщения о смертности военнослужащих заставили Забайкальскую областную санитарно-исполнительную комиссию принять более решительные меры. 6 сентября 1919 г. образуется областная филиал Бюро помощи больным и раненым воинам и беженцам под председательством генерал-майора Л.И. Скипетрова. В составе бюро было много врачей, в том числе А.К. Филиппов, П.К. Флегонтов, Г.И. Барбас, А.Л. Цейтлин и др. Отделения бюро были образованы в Верхнеудинске, Троицкосавске, Сретенске, Баргузине и Борзе. Эта организация аккумулировала средства различных заинтересованных ведомств и частных лиц, которые использовались, в частности, для организации помощи раненым. Бюро организовало за полтора месяца пять питательных пунктов на станциях Мысовая, Петровский Завод, Могзон, Чита-II и Оловянная, где проходящие военно-санитарные поезда снабжали бельем, продовольствием и литературой. В Чите поезда встречали и с помощью дружин скаутов на санитарных повозках, а при их недостатке – на извозчиках, раненых перевозили по госпиталям [Там же. 31 окт. С. 4]. Постепенно появляются схожие по функциям организации и в других регионах Забайкалья. Например, на станции Маньчжурия такую роль на себя взял местный комитет союза городов, поддержанный здешней буржуазией. На станции Дивизионная рядом с Верхнеудинском дамским комитетом Березовского гарнизона (Жмудовская, Яковлева, Е.П. Вазиян) был

создан санитарно-питательный пункт, обслуживший за 2,5 месяца полтора десятка поездов.

Забайкалье издавна славилось своими минеральными водами. Для поправки здоровья военных местными курортами довольно часто пользовались, даже в условиях боевых столкновений. Например, 12 июня 1919 г. приказом по армии были объявлены списки офицеров, чиновников и солдат «назначенных для лечения на курортах Дарасун и Ямаровка». Отбор вела специальная комиссия во главе с врачом Я.М. Фаворским. Всего в первой партии было отправлено: на курорт Дарасун – 12 офицеров, на курорт Ямаровка – 15 офицеров и 39 солдат. Заведующим курортом Дарасун на период лечения военнослужащих был назначен есаул Шемелин, курортом Ямаровка – полковник Львов. Всем направленным на лечение предписывалось прибыть на курорты с оружием [23. С. 190]. Дополнительно главное управление Красного Креста для раненых военнослужащих содержало 10 мест на курорте Шиванда [11. 17 июля. С. 3]. Впрочем, курортным лечением пользовались не только военные, но и гражданские лица. Известный общественный и политический деятель М.А. Кроль в своих мемуарах отмечал, что после перенесения плеврита в тяжелой форме его дочери иркутские врачи порекомендовали съездить на курорт Дарасун. «По предписанию врача девочка принимала ежедневно солнечные ванны, и ее здоровье, к нашей большой радости, восстанавливалось с необычайной быстротой. Жена и я принимали углекислые ванны, которые действовали на нас необыкновенно благотворно...», – писал мемуарист [24. С. 404].

В связи с поражениями на фронте и ослаблением режима адмирала Колчака союзные державы – Япония и США – активизируют свою деятельность в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Медицине отводилась особая роль. Первоначально наибольшим влиянием пользовались японцы. В Чите, Верхнеудинске, Даурии проживало множество медработников из Японии, занимавшихся частной практикой. Интересно, что этим промышляли даже военные врачи. В Чите с декабря 1918 г. они организовали амбулаторию, в которой принимали некоторое количество больных на безвозмездной основе. Японцы стремились создать в населении благоприятный образ Японии, что являлось одним из проявлений мягкой силы. С целью наладить более тесные контакты между медработниками двух стран 27 июня 1919 г. в Антипихе (недалеко от Читы) в помещении госпиталя 3-й японской дивизии состоялось первое в Сибири научное заседание русских и японских врачей. Собралось свыше 60 человек. Японские военные врачи Осава, Кобаяси, Иошиока и Ногано выступили перед публикой с докладами [11. 2 авг. С. 2]. Такое мероприятие, с точки зрения японского командования, должно было поднять авторитет Японии в глазах местной интеллигенции.

Не отставали от японцев и американцы. Помощь они оказывали, главным образом, точно, определен-

ными слоям населения. Например, первая партия одежды (материал для костюмов, фланелевые блузки, нижнее белье, одеяла, чулки, китайские сапожки) была предназначена для русских военнопленных, возвращающихся из Германии [16. 15 июня. С. 3]. В последующем такие раздачи производились солдаткам, вдовам, беднякам при штабе американских войск. Не имея времени на организацию полноценного стационара, американцы перебазировали из Хабаровска в Верхнеудинск полевой госпиталь № 4. С 8 августа 1919 г. бедные и нуждающиеся могли обратиться к американским врачам. Принимали четыре врача амбулаторно по всем направлениям, кроме хирургии и хронических заболеваний. Также действовал зубоучебный кабинет. Все лекарства отпускались бесплатно [Там же. 9 авг. С. 3]. В октябре 1919 г. американский госпиталь посетили санитарный врач, городской голова, представитель от военных, председатель земской управы, которые констатировали, что он «оборудован по последнему слову науки и содержание больных не заставляет желать ничего лучшего» [25. 17 окт. С. 2–3]. Вероятно, к концу 1919 г. американцы открыли и стационар.

Еще один эпизод, связанный с пребыванием американских экспедиционных войск, получил название «Троицкосавская трагедия». Еще осенью колчаковские власти эвакуировали из прифронтовой зоны политзаключенных. Значительная часть из них была отправлена в Троицкосавск и размещена в Красных казармах, превращенных в огромную тюрьму. В декабре 1919 г. туда прибыли с подарками в виде оружия и снаряжения американские военные Фрэнсис и Рикар. Совместно с семеновскими военными они приняли решение об уничтожении всех политзаключенных, поскольку партизаны готовы были захватить город. В совещании, принявшем столь жестокое решение, участвовал местный зубной врач Артур Адольфович Гаас, по некоторым сведениям, сотрудничавший с американскими интервентами. Расправа началась 24 декабря 1919 г. и продолжалась до 10 января 1920 г. Людей убивали штыками, рубили шашками, расстреливали, пытали самыми изощренными способами. К тому времени около 200 заключенных Красных казарм болели сыпным тифом и находились в заражном бараке. Чтобы избавиться от них разом, доктор Гаас предложил тюремным фельдшерам Аликину и Рогожкину отравить своих подопечных цианистым калием. Под угрозой расстрела фельдшеры согласились на это, но подменили цианистый калий на бертолетовую соль с ипеккуаной. Гаас решил лично довести дело до конца, но в аптеке яда больше не оказалось. Убедившись, что отравы не действует, палачи ворвались в барак и перебили всех находившихся на излечении заключенных. За все дни погибло около 1600 человек. Спасти удалось лишь 75 заключенным. Впоследствии доктор А.А. Гаас был судим народно-революционным судом Дальневосточной республики в Чите в 1920 г. и приговорен к расстрелу [26. С. 104, 117–118, 152–153]. Как видно, среди

медработников встречались и фанатики готовые идти против сущности своей профессии ради достижения политических целей.

Отдельно стоит уделить немного внимания беженцам. До лета Забайкалье было островком безмятежности и многие люди начинают заблаговременно перебираться сюда. После поражений в июне и июле колчаковские власти начинают вывоз правительственных учреждений и служащих в тыловые районы. В начале августа в Верхнеудинск прибывают служащие Пермской железной дороги. Их начинают размещать среди железнодорожников [16. 2 авг. С. 3]. Пожалуй, это первое упоминание о размещении эвакуированных. После междуведомственного совещания, прошедшего в Омске 12 августа, движение эвакуированных и беженцев происходит более планомерно. Во всех городах были образованы квартирные комиссии из представителей нескольких заинтересованных ведомств. Они осматривали жилые помещения и принудительно вселяли беженцев из Поволжья, Урала и Западной Сибири [11. 16 авг. С. 3]. Вскоре, однако, заместитель управляющего областью А. Волгин и заведующий отделом призрения П. Головчанский сообщили в прессе, что в Чите будет производиться расселение только служащих правительственных учреждений и въезд в город может осуществляться исключительно по пропускам. Все беженцы должны быть размещены в Троицкосавске, Кяхте, Сретенске и других городах и селениях Забайкальской области [Там же. 21 авг. С. 2]. Тем не менее полностью контролировать стихийный поток не удавалось. К концу 1919 г. станции Забайкалья оказались переполнены, а на железнодорожных путях скопилось 355 вагонов с эвакуированным населением и беженцами [27. С. 110]. К сожалению, более точными сведениями мы не располагаем.

Поселения Забайкалья были слабо благоустроены, отсутствовала канализация и водопровод, нечистоты вывозились ассенизационными обозами на обычных крестьянских телегах, питьевая вода поставлялась водовозами. У населения зачастую отсутствовали элементарные представления о санитарии и гигиене. Прибывавшие в регион в большом количестве беженцы становились переносчиками различного рода эпидемий, в первую очередь – сыпного тифа. Приносной характер заболевания хорошо виден из сравнения. В Чите за июнь-июль, самый благополучный период, заболело всего 13 человек [28. С. 400], а в Верхнеудинске, который служил своеобразным западным форпостом, – уже 38 человек [16. 18 июля. С. 2]. Начиная с сентября 1919 г. эпидемия набирает обороты, и к декабрю только в одной Чите было зарегистрировано 205 больных сыпным тифом. Параллельно шла эпидемия возвратного тифа, которым в Чите ежемесячно заболело 20–30 человек.

Появлению на рынке свежей зелени традиционно сопутствовали желудочно-кишечные заболевания. В августе брюшной тиф получил сильное распростране-

ние в районе Петровского Завода, а позднее – в Верхнеудинске и Чите. Вдоль Забайкальской железной дороги свирепствовала дизентерия. К сожалению, точных сведений добыть не удалось. Известно только, что за весь 1919 г. в Чите брюшным тифом переболело 219 чел. [29. С. 3]. В сентябре в заражном бараке в Чите числилось 100 человек, больных всеми видами тифа, а в Верхнеудинске – 107 человек [16. 5 авг. С. 3]. В Читинской городской тюрьме всех видов заключенных числилось в августе 971 мужчина и 47 женщин, из них в тюремной больнице находилось 484 мужчины и 4 женщины. Из-за высокой скученности эпидемия прогрессировала и в декабре ежедневно фиксировались смертельные случаи. Погиб даже тюремный фельдшер А.П. Фалистеев, прибывший вместе с партией арестованных из Западной Сибири, где у него осталась семья [11. 27 нояб. С. 4]. В результате все больницы были переполнены, что затрудняло обычную работу лечебных учреждений. Кроме того, не понятно было, достигла эпидемия пика или в ближайшее время стоит ожидать еще большего наплыва больных. Это нервировало медперсонал, и руководящие работники давили на органы власти и общественность, взывая о помощи. Тем более что среди медработников появляются жертвы. Так, в Селенгинском уезде умер врач Е.Л. Сновилов. В конце 1919 г. в Березовском госпитале умер доктор А.А. Старцев, работавший ранее в земстве Пермской губернии, эвакуированный и мобилизованный в семеновские войска [30. С. 247; 31. С. 520]. В нерчинской городской больнице умерла фельдшерица заразного отделения Е.П. Михайлова – бывшая студентка высших женских московских курсов. Там же от гриппа умер фельдшер И.Г. Лавкин [18. С. 98].

Южное Забайкалье являлось зоной распространения эндемической чумы. Еще в апреле 1919 г. возникла небольшая вспышка эпидемии чумы на станции Мациевская. Учитывая, что болезнь быстро распространяется и часто заканчивается летально, действовать нужно было молниеносно. На место в специальном вагоне выехали врач-лаборант противочумной станции Н.Н. Жуков, доктор Этмар (Э.А. Атлер?), сестры милосердия А.М. Губанова и Н.П. Башенина и дезинфектор А.Д. Шалагина. После успешной локализации болезни они предприняли исследовательскую экспедицию по изучению природы чумы вдоль железной дороги и по р. Аргунь (Оловьянная, 83-й разъезд, Даурия, Кайластуй, Капчагайтуй). В ходе работы экспедиция оказалась на территории, контролируемой партизанами. Медработники в течение месяца оказывали помощь бойцам 1-й кавалерийской (Каратаевской) дивизии. Впоследствии они благополучно вернулись в Читку [20. С. 106]. Благодаря вовремя принятым мерам удалось ликвидировать очаги этого страшного заболевания. В случае неудачи последствия могли быть ужасными и не только для Забайкалья, но и для всей Северо-Восточной Азии.

Еще одной эпидемией, заставившей напрячь все медицинские силы не только Забайкальской области, но и

Сибири, была холера. Впервые об эпидемии было объявлено 21 августа на заседании Забайкальского общества врачей, где выступил с сообщением доктор А.Л. Василевский, вернувшийся из Маньчжурии. Он проинформировал коллег о том, что в Китае холера приняла характер стихийного бедствия. Положение подогревало то обстоятельство, что 23 августа с поезда на станции Маньчжурия сняли японку и одного русского пассажира, у которых обнаружили холерный вибрион. Было ясно, что благополучие региона зависело от скорости принятия решений. Областная санитарно-исполнительная комиссия обращается к правительству за помощью. Начальник врачебного отделения МВД К.М. Гречищев отреагировал быстро, и уже 31 августа газеты сообщали, что правительство направило 375 тыс. руб. для постройки в кратчайший срок в Чите заразного барака на 50 кроватей, бани и прачечной, возведение которых поручалось городской администрации. В других городах кредиты на подобные мероприятия были открыты значительно позднее. Например, Верхнеудинская уездная управа получила 500 тыс. руб. на строительство двух барачков емкостью 100 кроватей каждый только в октябре 1919 г., когда поток беженцев многократно увеличился. Тогда же было запланировано организовать по типовым планам бараки на станциях Мысовая на 20 кроватей, Онохой, Петровский Завод, Хилок и в Тарбагатае – каждый на 10 кроватей [25. 17 окт. С. 3]. Данное обстоятельство вызывает недоумение, особенно учитывая то, что ровно то же самое наблюдалось зимой 1918–1919 гг., когда запоздалые меры уже не смогли обезопасить Забайкалье от массовых заболеваний.

Существовала отсрочка необходимости увеличения количества лечебных заведений. Центральная власть в Омске не предпринимала никаких действий, вероятно, надеясь на местные самоуправления. Однако забайкальское земство не смогло аккумулировать достаточное количество средств для открытия новых больниц. Более того, угроза нависла над единственной в регионе земской больницей в Чите. Ее глава доктор медицины В.А. Бурмакин на летние месяцы ушел в отпуск, заранее добившись для недавно открытой больницы кредитов для строительства бани, прачечной и колодца, чтобы не зависеть от посторонних организаций. За время его отпуска земская управа кредиты потратила на строительство заразных барачков и покупку лошадей, которые в итоге оказались негодными. Вдобавок в земскую больницу перевели больных-хроников из городской больницы, а с ними была занесена эпидемия сыпного тифа. В результате тифом переболела половина персонала. Вышедший из отпуска Бурмакин поднял скандал, обвиняя земскую управу в бесхозяйственности. Он требовал возвращения потраченных средств и вывода хроников из учреждения. По распоряжению членов областной земской управы И.И. Килачицкого и А.П. Круковского он был отстранен от работы, но, несмотря на строгие запрещения, в течение двух месяцев

посещал больницу и оказывал помощь больным. Бурмакин требовал образования комиссии и передачи созданной им больницы в руки другого учреждения. Земство же в ответ поставило вопрос о закрытии земской больницы в Чите за отсутствием средств. В своем письме атаману Семенову от 20 января 1920 г. Бурмакин писал: «Закрыть легко, но сами они пока еще ничего не открывали и не знают, как это делается... Ведение хозяйства такими способами в течение полутора лет привело меня к безнадежному сознанию, что дело больницы в руках сегодняшних хозяев может только погибнуть и уже признаки этой гибели налицо: если уйду я – хранитель добра и интересов больницы, добро ее неизбежно распылится и больница придет к запустению...» [32. С. 68–70]. Лишь благодаря его настойчивости земскую больницу впоследствии передали в распоряжение Забайкальского казачьего войска. Только 23 декабря 1919 г. на заседании Читинской уездной земской управы обсуждались предложения об открытии новых лечебных учреждений. На основе ходатайств волостных правлений и гласных земства в план 1920 г. было внесено открытие врачебного пункта (амбулатории) в Оловянинской волости и фельдшерские пункты в Чите-поселке и Кенонской волости [33. Л. 2–3]. Из вышеприведенных фактов можно сделать вывод о том, что земство явно не справлялось с рациональной постановкой системы народного здравоохранения. Однако стоит иметь в виду, что земство давало хорошие результаты в мирной обстановке, когда можно было загодя планировать все мероприятия и опираться на твердый бюджет. Земство в условиях Гражданской войны, в редконаселенном регионе явно не справлялось с экстренными задачами, поэтому ожидания некоторой части общества, которые отразились в частном письме Бурмакина, не оправдывались.

Конечно, заразные бараки с незначительным количеством мест не могли кардинально решить проблему с наплывом больных. В конце августа 1919 г. принимается решение о расширении военных госпиталей: в читинском местном – с 350 до 695 мест, имени атамана Семенова – со 120 до 436, сретенском – с 209 до 695 и даурском дивизионном – с 200 до 210 мест. При этом для инфекционных отделений было отведено 1 000 кроватей, но уже на момент расширения 700 было сразу занято [11. 27 авг. С. 3]. Это еще раз свидетельствует о масштабности бедствия. Дальнейшему расширению госпиталей мешало отсутствие свободных площадей. Только 9 октября вышло постановление Верховного главнокомандующего, согласно которому по всем городам Сибири должны были образовываться особые комиссии для реквизиции и уплотнения помещений, в том числе зданий, занимаемых общественными, правительственными и частными учреждениями, конторами, магазинами, банками, театрами, ресторанами и даже частными квартирами. В Чите такая комиссия под председательством генерал-майора Л.Н. Скипетрова была образована только 31 октября. В качестве

представителя медицинских сил в нее вошел гарнизонный врач Г.В. Сороковиков [11. 1 нояб. С. 3]. Под госпитали комиссия реквизировала главным образом учебные заведения как наиболее отвечающие санитарным требованиям. Только после этого принимается решение о расширении читинского военного госпиталя до 2 тыс. мест, а госпиталя имени атамана Семенова – до 1 тыс. мест [Там же. 15 нояб. С. 3]. Пожалуй, в данной ситуации это было единственно правильное решение, призванное исключительно для спасения жизней не только военных, но и большого числа гражданских лиц. Вопрос вызывает лишь то, что на эту меру решились запоздало. Думается, что своевременные меры по распределению беженцев позволили бы избежать многих напрасных жертв.

Сразу же после увеличения мест в госпиталях возникает проблема обеспечения их всем необходимым и прежде всего постельным бельем и одеждой для выписываемых, поскольку особенно среди раненых было много тех, кого доставляли с минимумом одежды и часто без обуви. Не видя выхода из создавшейся ситуации, городская дума вынуждена была 11 октября ввести бельевую повинность [Там же. 13 нояб. С. 3]. К началу ноября было собрано 700 комплектов белья, передававшегося в местные госпитали. Многие вместо белья сдавали деньги, которые городская управа передала бюро помощи больным и раненым воинам и беженцам. На эти деньги, а также из средств, полученных от благотворительности, бюро приобрело 711 комплектов белья, 178 простыней, 220 тюфячных наволочек, 400 ичиг, 180 пар ботинок с обмотками, 300 больничных туфель, 25 яманных (козлиных) дох для доставки раненных с вокзала в госпитали. Кроме того, закуплена мануфактура на 12 тыс. комплектов белья и 2 вагона хлопка для пошива теплой одежды за неимением шинелей [Там же. 31 окт. С. 4]. Эта важная мера вообще не получила какого-либо освещения в литературе, а между тем она демонстрирует, что семеновская администрация немало делала для помощи пострадавшему населению и военнослужащим.

Недостатком медицинской организации в Сибири была слабая постановка санитарно-профилактической работы, что явилось следствием политики имперского периода. Санитарно-исполнительная комиссия в составе земства была организована только осенью 1918 г. Санитарная станция имела лишь в Чите. Там же находилось городское санитарно-исполнительное бюро при городской управе. Другие города имели только санитарные комиссии с небольшим числом выборных лиц, которые изредка собирались для решения неотложных задач. В большинстве городов не было даже санитарных врачей. Эпидемия сыпного тифа зимой 1919 г. произвела такое впечатление, что во втором по численности городе региона Верхнеудинске на заседании городской думы было принято, после небольших прений, предложение городского врача Ф.И. Шахматова о создании постоянного медико-санитарного совета

при думе и медико-санитарного бюро при управе [16. 16 июля. С. 4]. Традиционно, как и в других городах Сибири, в состав совета вошли все городские врачи, представители ведомственных медицинских сил, несколько гласных городской думы и городской архитектор. Именно на советы и бюро пришлась вся тяжесть борьбы с сыпнотифозной эпидемией в Чите и Верхнеудинске.

Вышеперечисленные эпидемии требовали не только быстрых, но и, как показали предшествующие годы, комплексных мероприятий. Отталкиваясь от этого положения, областная санитарно-исполнительная комиссия требует от всех медицинских организаций, как государственных, так и ведомственных и общественных, принятия срочных мер. Прежде всего, от городских администраций потребовали освобождения всех лечебных и профилактических учреждений от посторонних лиц (эвакуированных, беженцев, служащих, солдат, ночлежников). Комиссия рекомендовала обратить особое внимание на водоснабжение (колодцы) и ассенизацию, настаивая на улучшении и расширении ассенизационных обозов. Бани должны были следить за чистотой и работать бесперебойно, а в прачечных запрещалось принимать в стирку белье, не прошедшее дезинфекцию. Для дезинфекции городской управе предлагалось завести две дезинфекционные камеры «Гелиос» – при городской больнице и санитарной станции [11. 31 авг. С. 3]. Областная земская управа построила дополнительную баню с дезинфекционной камерой и прачечной специально для беженцев. Начальник милиции обязал всех владельцев ресторанов, столовых и прочих мест общественного питания приглашать раз в неделю врача для осмотра служащих [Там же. 27 авг. С. 3]. Одновременно с этим были организованы два подвижных эпидемических отряда: один – в Западном, второй – в Восточном Забайкалье. Отряды содержались на средства казачества, земства и городских самоуправлений. В качестве медперсонала временно откомандировывались уездные врачи. Так, отрядом на станции Чита-II руководил читинский уездный врач И.А. Пахолков, а на станции Верхнеудинск – верхнеудинский уездный врач К.Н. Терентьев [34. 28 нояб. С. 1]. Санитарно-эпидемические отряды сглаживали недостаток медицинского персонала и лечебных учреждений на многочисленных станциях и полустанках железной дороги и вблизи от нее.

На станциях Маньчжурия и Бухеду устраивались карантин для предупреждения заноса холеры и изоляционные пункты под контролем смешанной санитарной комиссии из русских и японских врачей, главой которой стал доктор И.М. Сапелкин [11. 27 авг. С. 3]. Благодаря действию этого карантина удалось сдержать эпидемию. В регионе наблюдались лишь единичные случаи. Точных цифр обнаружить не удалось, но автору известно о 16 лабораторно подтвержденных заболеваний холерой. В самой Чите был освобожден и приготовлен к приему старый холерный барак на Большом

Острове, рассчитанный на 10 мест. Кроме того, были выделены средства на выпуск брошюр «О холере» (20 экз.), листовок «О холере» (3 тыс. экз.) и листовок Забайкальского общества врачей «Берегись холеры» (5 тыс. экз.) для распространения среди населения, расклейки на столбах по городам, деревням и станциям, вагонам и казармам. В них содержалась информация о сущности болезни, способах инфицирования и мерах предосторожности. Листовки дополнительно были направлены в Китайский национальный комитет, Бурятскую народную думу и Корейское общество с призывом издать их на родных языках [11. 31 авг. С. 3]. Это свидетельствует о том, что санитарное просвещение активно применялся и в досоветской провинции.

Конечно, нельзя вести речь о развитии медицины, не уделив внимание фармацевтике. В течение всего периода с мест постоянно поступала информация о дефиците медикаментов. Некоторую помощь получали от японцев и американцев. Так, в ноябре читинская городская управа выразила благодарность японскому секретарю-драгоману Т. Тории «за инициативу и энергию, благодаря чему город получил от японского правительства подарков на 5 000 иен, главным образом медикаментов и перевязочных средств» [34. 7 нояб. С. 2]. От японцев помощь шла в основном через посредство Комитета оказания помощи Сибири, деятельность которого во многом была связана с поставками медикаментов по себестоимости. То же самое делал Американский Красный Крест и некоторые другие организации, поставляя медикаменты и медицинские товары в Приморье также по себестоимости. Летом поставки от Японии сократились. Для их активизации в Японию были отправлены начальник отдела снабжения генерал-майор С.А. Бирюков и военно-санитарный инспектор доктор А.К. Филиппов [11. 16 авг. С. 3]. Тем не менее, перебои с лекарствами и медицинскими товарами продолжались и в последующем. Даже в военных госпиталях в связи с их непомерным ростом остро и хронически не доставало ваты, марли, термометров и хирургических инструментов. Вместе с тем стоит отметить и опыт верхнеудинского Союза врачей Прибайкалья, которым руководил доктор И.И. Алексеев. Союз вышел напрямую на поставщиков медицинских товаров во Владивостоке. Все необходимое закупалось большими партиями, а по прибытии дробилось на части и поставлялось в аптеки Верхнеудинска. Затем заказчиками стали лечебные учреждения уезда, и даже таких городов, как Троицкосавск и Слюдянка. Оптовая закупка обходилась дешевле. Выигрывали на транспортных расходах, имевших в это время существенное значение. В итоге в Союзе уже помышляли об открытии собственной аптеки и склада при ней [16. 23 июля. С. 2]. Другие уездные центры не могли похвастаться такой постановкой дела. В Сретенске дело дошло до того, что владелец местного аптекарского магазина Л.А. Леви сообщил областному врачебному отделению, что с 1 января 1920 г. закрыл магазин за отсут-

ствием товара [35. Л. 6]. Зато в это время в регионе успешно изготавливались вакцины в бактериологической лаборатории в Чите. В основном производили тетровакцину. В случае успешного привития она позволяла избегать таких заболеваний, как тиф и холера. Привитие делалось во всех городских больницах и при врачебном отделении. Однако на все Забайкалье читинской лаборатории было недостаточно, поэтому Верхнеудинск заказывал тетровакцину в лаборатории при Томском университете. Также стоит отметить, что при читинской баклаборатории действовала пастеровская станция. За 1919 г. в ней прошли лечение 89 человек, из которых 66 были укушены бешеными животными. Пациенты посетили станцию 1 704 раза. Для всех сыворотку изготавливал на месте доктор А.Л. Василевский [36. С. 59–64]. Вообще, 1919 г. можно считать временем, когда пастеровская станция доказала свою жизнеспособность и необходимость для Забайкалья. В целом же снабжение Забайкальской области медикаментами и медицинскими товарами постоянно и неуклонно ухудшалось, главным образом по причине резко увеличившегося спроса, удовлетворить который становилось все сложнее по экономическим причинам.

Конечно же, в Забайкалье, как и в предшествующие времена, проходились научные исследования. В основном вся научная деятельность была сконцентрирована в Забайкальском обществе врачей (Чита) и Союзе врачей Прибайкалья (Верхнеудинск). В Забайкальском обществе врачей основным докладчиком стал доктор А.Л. Василевский, а в Союзе врачей – доктор И.И. Алексеев. В основном обсуждались практические мероприятия в связи с эпидемическим состоянием региона [37. С. 35–36].

На основе изложенного можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, следует признать, что 1919 г. для здравоохранения Забайкальской области стал настоящей катастрофой. Никогда прежде регион не подвергался таким масштабным испытаниям. Признание атаманом Семеновым верховенства адмирала Колчака обернулось тем, что колчаковское правительство стало рассматривать Забайкалье как тыловой район. Да, это позволило решить часть финансовых проблем, особенно для городских и земских самоуправлений. При возникновении эпидемий, при устройстве беженцев и эвакуированных служащих Омск неизменно приходил на помощь крупными кредитами. Вместе с тем регион в который раз лишается значительной части медицинских сил, призванных по мобилизации. Болезненнее всего это было для сельского населения и окраин области, где с уходом зачастую единственного медработника закрывалось лечебное учреждение. Приток с фронта больных и раненых военнослужащих, а также беженцев и эвакуированных служащих, которые невольно стали переносчиками сыпного тифа, тоже был одним из следствий подчинения Омску. Здесь медицинская служба допустила ряд существенных ошибок. Во-первых, на западной границе Забайкальской области

так и не был создан санитарный карантин для всех прибывающих. В итоге эпидемия стала быстро набирать обороты. Во-вторых, беженцы своевременно не были размещены по квартирам или иным помещениям и вынуждены были жить в вагонах, на вокзалах, трактирах, где невозможно соблюдать необходимую личную гигиену, что создавало идеальные условия для дальнейшего распространения заболеваний. Учитывая, что беженцы в основном сосредотачивались в людных местах, отку-

да шли потоки в различные стороны, становится понятно, насколько непредусмотрительно было пускать это на самотек. В-третьих, увеличение вместимости существующих больниц и строительство заразных барачных были организованы не заблаговременно, а только по возникновению острой нужды. Требовались более решительные, можно даже сказать, крутые меры, но семеновская администрация не смогла найти в себе силы для этого, боясь быть похожей на большевиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов И.В. Гражданская война в современной российской историографии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 2. С. 66–77.
2. Науменко О.Н. [и др.] Современная историография гражданской войны в России: итоги и перспективы изучения // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2012. № 2. С. 160–165.
3. Курас Л.В. [и др.]. Отечественная Октябрьская революция и гражданская война в Западном Забайкалье: отечественная историография и источники личного происхождения. Улан-Удэ : Изд-во ВСГИК, 2008. 203 с.
4. Семенова К.А. Здравое охранение города Томска: время становления (1860-е – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 158 с.
5. Панфилова В.И. Правовое регулирование обращения лекарственных средств в период становления Советского государства с 1917 по 1920 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 4 (77). С. 137–142.
6. Чернолихов А.А. Восстание в Ярославле: санитарные последствия // История в подробностях. 2013. № 12 (42). С. 46–49.
7. Ерегина Н.Т. «Имею честь сообщить факультету...»: о положении медицинской профессуры в годы гражданской войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 2. С. 120–128.
8. Константинов А.В., Константинова Н.Н. Забайкалье: Ступени истории (1917–1922). Чита : Экспресс-издательство, 2009. 192 с.
9. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрополиграф, 2005. 414 с.
10. Савченко С.Н. Адмирал А.В. Колчак – атаман Г.М. Семенов: окончание противостояния // Военно-исторический журнал. 2015. № 5. С. 34–37.
11. Забайкальская новь. Чита, 1919.
12. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-1393. Оп. 2. Д. 29.
13. ГАЗК. Ф. 1 вр. Оп. 1. Д. 831.
14. ГАЗК. Ф. 165. Оп. 1, Д. 7.
15. ГАЗК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 6.
16. Прибайкальская жизнь. Верхнеудинск, 1919.
17. Красногвардейцы и партизаны: сборник воспоминаний участников Гражданской войны в Забайкалье. Чита : Кн. изд-во, 1957. 140 с.
18. Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Читинской области на 2007 год / ред.-сост. Р.И. Цуприк. Чита : Областная типография, 2007. 243 с.
19. Щупак Б.Н. Медицинская помощь дальневосточным партизанам в годы гражданской войны // Советское здравоохранение. 1972. № 9. С. 70–74.
20. Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Читинской области на 1999 год / сост. Р.И. Цуприк. Чита : Обл. тип., 1999. 162 с.
21. Шик Э. Годы испытаний. Мемуары. М. : Воениздат, 1969. 600 с.
22. Лоусон Т. Хилл-младший Американка в Сибири: время гражданской войны в России в 1918–1919 гг. М. : Русский импульс, 2004. 384 с.
23. Романов А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск : Отгиск, 2013. 308 с.
24. Кроль М.А. Страницы моей жизни. М. : Мосты культуры, 2008. 734 с.
25. Прибайкалье. Верхнеудинск, 1919.
26. Американская интервенция в Забайкалье (1918–1920 гг.) / сост. Л. Элиасов. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1953. 158 с.
27. Рынков М.В. «Сибирский бег»: вынужденные миграции на востоке России в годы гражданской войны (1918–1922 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2014. Т. 9. С. 101–115.
28. Ишерский В. Первая сыпнотифозная эпидемия в Чите и сопровождавшего ее возвратного тифа // Медицинский журнал Забайкальского общества врачей. 1923. № 5. С. 399–434.
29. Ишерский В. Брюшной тиф в городе Чите за 9 лет. Чита, 1923. 18 с.
30. Медицинский журнал Забайкальского общества врачей. 1923. № 3.
31. Медицинский журнал Забайкальского общества врачей. 1923. № 6.
32. Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Читинской области на 2008 год / ред.-сост. Р.И. Цуприк. Чита : Областная типография, 2008. 184 с.
33. ГАЗК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 150.
34. Вестник Забайкалья. Чита, 1919.
35. ГАЗК. Ф. 1 вр. Оп. 2. Д. 846.
36. Георгиевский А. Пастеровская станция города Читы за 1918, 1919, 1920 и 1921 год // Медицинский журнал Забайкальского общества врачей. 1922. № 1. С. 59–73.
37. Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края на 2013 год / ред.-сост. Г.И. Погодаева. Чита : Читинская городская типография, 2013. 260 с.

Vladimir A. Shalamov. Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: Wladimir13x@ya.ru

HEALTH CARE IN THE ZABAIKALSKAYA OBLAST DURING THE REGIME OF ATAMAN G.M. SEMENOV (MAY 1919 – JAN 1920)

Keywords: Zabaikalskaya oblast; history of health; history of medicine; the civil war; ataman G.M. Semenov.

The article is devoted to development of the health system in the years of the civil war on the territory of Zabaikalskaya oblast during the period of Ataman G.M. Semenov “subordinating” to the government of Admiral A.V. Kolchak. On the basis of materials of periodicals, archives and memoirs, the author revealed the essence of reforms in the medical field produced in the summer and autumn of 1919. Cause-and-effect relations of occurring changes were analyzed. The information about military medicine and the mobilization of medical personnel in the 6th East Siberian corps and military hospitals was understood. The attempts of local authorities to keep the doctors and paramedics to work in civilian medical institutions were detailed. The article also includes information about the work of the medical forces in guerrilla groups that supported the Soviet power. Interesting data was used to characterize the process of evacuating the sick and wounded soldiers from the combat zone. The

work of private practitioners was considered in detail. The information about establishing logistics in the region with medicines and medical goods was provided. Attention is drawn to the activities of foreign medical organizations. Opening in Verkhneudinsk (Ulan-Ude) American Red Cross hospital, as well as the activities of Japanese military doctors was specifically mentioned. In addition, the activities of the scientific societies of the Zabaikalskaya oblast were studied. Much of the work was devoted to combating the epidemics. In this regard, the causes of diseases, disasters, mortality, and control measures were understood. Information about the sanitary cleaning in cities, open baths, disinfection plants, promotion of healthy lifestyle, organization of epidemic mobile units was provided. The spread of epidemics contributed to the movement of large masses of people, which have a special place. Detail information about how to increase places in the military hospitals, the construction of the infectious barracks, supply them with medicines, bed sets, linen and shoes was discussed. Casualties among medical personnel did not remain without attention. Insufficient funding, lack of medicines, mobilization of health workers, mass migration of people, the apathy of the military and civil administrations of Zabaikalskaya oblast had a negative impact on the course of fighting infection. The main reasons for the wide spread of epidemics, especially of typhus, were highlighted later response to the problem, lack of sanitary cordons, the reluctance of the administration to make the unpopular measures on allocation of refugees because of the requisitioning of the premises was strongly reminiscent of the nationalization of the Bolsheviks.

REFERENCES

- Mikhaylov, I.V. (2007) Grazhdanskaya voyna v sovremennoy rossiyskoy istoriografii [The Civil War in contemporary Russian historiography]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2. pp. 66–77.
- Naumenko, O.N. Skipina, I.V., Moskovkin, V.M., Yarkov, A.P. & Kononenko, A.A. (2012) Contemporary historiography of civil war in Russia: the results and prospects of research. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates – Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2. pp. 160–165. (In Russian).
- Kuras, L.V. et al. (2008) *Otechestvennaya Oktyabr'skaya revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Zapadnom Zabaykal'e: otechestvennaya istoriografiya i istochniki lichnogo proiskhozhdeniya* [The October Patriotic revolution and the civil war in the Western Transbaikalia: Russian historiography and sources of personal origin]. Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture.
- Semenova, K.A. (2010) *Zdravookhranenie goroda Tomsk: vremya stanovleniya (1860-e – 1919 g.)* [Healthcare in Tomsk: the time of formation (1860s–1919)]. Tomsk: Tomsk State University.
- Panfilova, V.I. (2016) Legal regulation of medicine circulation in the Soviet state from 1917 till 1920. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii – Power and Administration in the East of Russia*. 4(77). pp. 137–142. (In Russian).
- Chernolikhov, A.A. (2013) Vosstanie v Yaroslavl: sanitarnye posledstviya [The uprising in Yaroslavl: sanitary consequences]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 12(42). pp. 46–49.
- Eregina, N.T. (2010) “I have honour to inform the faculty...”: on medical professorate during the Civil War. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 2. pp. 120–128. (In Russian).
- Konstantinov, A.V. & Konstantinova, N.N. (2009) *Zabaykal'e: Stupeni istorii (1917–1922)* [Transbaikalia: Stages of History (1917–1922)]. Chita: Ekspress-izdatel'stvo.
- Novikov, P.A. (2005) *Grazhdanskaya voyna v Vostochnoy Sibiri* [Civil war in Eastern Siberia]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Savchenko, S.N. (2015) Admiral A.V. Kolchak — Ataman G.M. Semyonov: the end of confrontation. Re-forming of the Separate East Siberian Army into the 6th East Siberian Army Corps (May–September 1919). *Voенно-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal*. 5. pp. 34–37. (In Russian).
- Zabaykal'skaya nov'*. (1919).
- The State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund r-1393. List 2. File 29.
- The State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 1 vr. List 1. File 831.
- The State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 165, List 1, File 7.
- The State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 165. List 1. File 6.
- Pribaykal'skaya zhizn'*. (1919).
- Berg, A. & Kuydin, V. (1957) *Krasnogvardeytsy i partizany: sbornik vospominaniy uchastnikov Grazhdanskoy voyny v Zabaykal'e* [Red Guards and partisans: a collection of memoirs of participants in the Civil War in Transbaikalia]. Chita: Knizhnoe izd-vo.
- Tsuprik, R.I. (2007) *Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat istorii zdravookhraneniya Chitinskoj oblasti na 2007 god* [Calendar of Significant and Memorable Dates of the History of Healthcare of Chita Region for 2007]. Chita: Oblastnaya tipografiya.
- Shchupak, B.N. (1972) Meditsinskaya pomoshch' dal'nevostochnym partizanam v gody grazhdanskoy voyny [Medical assistance to the Far Eastern partisans during the Civil War]. *Sovetskoe zdravookhranenie*. №9. pp. 70–74.
- Tsuprik, R.I. (1999) *Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat istorii zdravookhraneniya Chitinskoj oblasti na 1999 god* [Calendar of Significant and Memorable Dates of the History of Healthcare of Chita Region for 1999]. Chita: Oblastnaya tipografiya.
- Shik, E. (1969) *Gody ispytaniy. Memuary* [Years of trial. Memoirs]. Moscow: Voenizdat.
- Lawson, T.H., Jr. (2004) *Amerikanka v Sibiri: vremya grazhdanskoy voyny v Rossii v 1918–1919 gg.* An American in Siberia]. Moscow: Russkiy impul's.
- Romanov, A.M. (2013) *Osobyi Man'chzhurskiy otryad atamana Semenova* [Special Manchurian detachment of Ataman Semenov]. Irkutsk: Ottisk.
- Krol, M.A. (2008) *Stranitsy moey zhizni* [Pages of My Life]. Moscow: Mosty kul'tury.
- Pribaykal'e*. (1919).
- Eliasov, L. (1953) *Amerikanskaya interventsija v Zabaykal'e (1918–1920 gg.)* [American intervention in Transbaikalia (1918–1920)]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
- Rynkov, M.V. (2014) “Siberian Race”: Forced Migration in the East of Russia During the Civil War (1918–1922). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya – The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”*. 9. pp. 101–115. (In Russian).
- Ishersky, V. (1923) Pervaya synnotifoznaya epidemiya v Chite i soprovozhdavshego ee vozvratnogo tifa [The first typhus epidemic in Chita and typhoid fever]. *Meditsinskiy zhurnal Zabaykalskogo obshchestva vrachev*. 5. pp. 399–434.
- Ishersky, V. (1923) *Bryushnoy tif v gorode Chite za 9 let* [Typhoid fever in Chita for 9 years]. Chit: [s.n.].
- Meditsinskiy zhurnal Zabaykalskogo obshchestva vrachev*. (1923) 3.
- Meditsinskiy zhurnal Zabaykalskogo obshchestva vrachev*. (1923) 6.
- Tsuprik, R.I. (2008) *Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat istorii zdravookhraneniya Chitinskoj oblasti na 2008 god* [Calendar of Significant and Memorable Dates of the History of Healthcare of Chita Region for 2008]. Chita: Oblastnaya tipografiya.
- The State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 165. List 1. File 150.
- Vestnik Zabaykal'ya*. (1919)
- The State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 1 vr. List 2. File 846.
- Georgievsky, A. (1922) Pasterovskaya stantsiya goroda Chity za 1918, 1919, 1920 i 1921 god [Pasteur station in Chita for 1918, 1919, 1920, and 1921]. *Meditsinskiy zhurnal Zabaykalskogo obshchestva vrachev*. 1. pp. 59–73.
- Pogodaeva, G.I. (ed.) (2013) *Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat istorii zdravookhraneniya Zabaykal'skogo kraya na 2013 god* [Calendar of Significant and Memorable Dates of the History of Healthcare of the Trans-Baikal Territory for 2013]. Chita: Chitinskaya gorodskaya tipografiya.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327+339.923
DOI: 10.17223/19988613/61/10

М.В. Бочарникова

АДМИНИСТРАЦИЯ НО МУ ХЁНА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ АЛЬЯНСА РК–США В 2003–2008 гг.

В статье рассматривается процесс трансформации политических и экономических отношений Республики Корея и США в период 2003–2008 гг. Автор решает задачу об определении эффективности американо-южнокорейского партнерства на данном этапе развития двусторонних отношений. В качестве источников в работе использованы исследования американских и южнокорейских корееведов; статистические данные Института национальных стратегических исследований, Конференции ООН по торговле и развитию, Торгового представительства США; документы Конгресса США и Бюро переписи населения США, а также материалы южнокорейских СМИ. В статье делается вывод о результатах политики администрации президента Республики Корея Но Му Хёна в отношении США и в целом об эффективности альянса РК–США в указанный период.

Ключевые слова: Республика Корея; США, политика, экономика; торговля; KORUS FTA.

25 февраля 2003 г. с перевесом в 500 тыс. голосов [1] пост президента Республики Корея занял Но Му Хён, представитель Демократической партии нового тысячелетия. Действуя в качестве идейного «наследника» Ким Дэ Чжуна, Но Му Хён апеллировал к острой необходимости синтеза восточной (во многом конфуцианской) и западной цивилизаций во имя торжества истинного народовластия. Вызовы глобализации породили в южнокорейском обществе повышенный интерес к демократии и либеральным процессам, происходившим в странах Запада. Отвечая на запросы самого общества, Но Му Хён проводил предельно четкий водораздел между авторитаризмом и демократией.

2002 г. был периодом, когда у многих жителей Южной Кореи изменилось мнение о том, какое место должна занимать Республика Корея в отношениях с Соединенными Штатами и Северной Кореей. Оправдание в военном суде США двух американских солдат, которые случайно сбили насмерть двух корейских девушек на военном автомобиле, привело к бесчисленным бурным демонстрациям корейских граждан перед зданием посольства США в течение всего года. Жесткая линия администрации Буша-младшего в отношении Северной Кореи в рамках программы «Ось зла», требующая полного, доступного проверке и не подлежащего отмене разоружения, также усугубила дискуссии среди южнокорейцев по вопросам Северной Кореи. Многие жители РК считали, что политика администрации Буша-младшего в отношении Северной Кореи не только подорвала достигнутые предыдущим президентом Ким Дэ Чжуном положительные результаты в рамках политики «Солнечного тепла», но также излишне обострила напряженность на Корейском полуострове.

В этих условиях старшее поколение времен Корейской войны относилось весьма подозрительно к реаль-

ным намерениям Северной Кореи и явно поддерживало сохранение традиционного военного союза с США. Проигравший в президентской гонке Ли Хве Чхан постоянно заявлял, что политику в отношении КНДР надо проводить на основе «взаимности» и призывал к прекращению денежной помощи стране, которая может направлять полученные средства на финансирование своих ядерных программ [2]. Безусловно, Ли Хве Чхан пользовался широкой поддержкой среди старшего поколения. С другой стороны, Но Му Хён выступал за продолжение сотрудничества с КНДР для предотвращения повышения напряженности на Корейском полуострове. Кроме того, он занял достаточно сильную позицию по отношению к Соединенным Штатам. Как президент РК он подчеркивал, что установит равные отношения между США и Южной Кореей [Ibid.]. Его независимая позиция была чрезвычайно популярна среди молодого послевоенного поколения.

В начале 2004 г. в одном из главных опросов общественного мнения, проведенном в Южной Корее, США рассматривались как большая угроза для безопасности Республики Корея по сравнению с Северной Кореей [3]. Основная причина заключалась в опасении, что США, преследуя свои цели в области ядерного нераспространения, могут начать атаку против КНДР, что втянет весь полуостров в войну. Это тревожное подозрение было усилено приверженностью администрации Джорджа Буша-младшего к политике обороны, включающей упреждающие военные действия в качестве одного из своих принципов в обстановке после теракта 11 сентября 2001 г.

В 2006 г. в США на слушаниях перед Комитетом по международным отношениям Палаты представителей 109-го Конгресса председатель Генри Гайд подчеркивал, что альянс США–РК в настоящее время сталкива-

ется с новыми вызовами, такими как поддержание мира на Корейском полуострове, проблема прав человека и распространение оружия массового уничтожения в КНДР и т.д., в связи с чем союз США–РК должен стать более зрелым и равноправным [4].

Особый акцент в докладе был сделан на то, что Конгресс, безусловно, предпринимает конкретные шаги для повышения эффективности этого союза. Они включают ратификацию соглашения о свободной торговле с Сеулом, которое способствует свободным и справедливым сделкам. Кроме того, члены Конгресса призывали Госдеп США и Департамент по национальной безопасности включить Южную Корею в безвизовую программу при условии соблюдения Сеулом всех законодательных требований. В целом в Конгрессе США в то время считали, что если Вашингтон и Сеул не могут больше быть «лучшими друзьями», то, по крайней мере, их объединяет круг общих интересов, куда входят вопросы экономического, политического характера и связи в сфере безопасности [Ibid.].

Действительно, в период администрации Но Му Хёна гораздо больше было того, что объединяло страны, чем разделяло. Прежде всего, речь идет о взаимном стремлении к свободе и демократии. Южная Корея стала одним из самых крупных торговых партнеров США, и обе страны продолжали исследовать другие области для еще большего экономического сотрудничества. Немаловажно и то, что РК направила свои войска в Ирак, несмотря на протесты общественности. Также десятки тысяч американских солдат находились в Южной Корее, чтобы защитить корейский народ в случае кризиса. Кроме того, Соединенные Штаты и Южная Корея разделяли общую цель по денуклеаризации Северной Кореи. Однако если США отдавали большее предпочтение дипломатии в сочетании с сильным давлением на КНДР, то Правительство РК имело принципиально иное видение и делало акцент на более либеральный подход, включающий экономические дивиденды для Северной Кореи.

Однако, несмотря на различия в подходах, администрация Дж. Буша-младшего старалась приложить все усилия, в том числе и на самом высоком уровне, чтобы проводить скоординированные инициативы со своими партнерами по шестисторонним переговорам. США опасались, что в противном случае их ключевые союзники обвинят американцев в провале на переговорах по ядерной проблеме КНДР.

Поскольку ядерные испытания Северной Кореи прошли относительно недавно, в октябре 2006 г., в Вашингтоне отчетливо понимали, что это наилучший момент, чтобы продемонстрировать Сеулу, Токию, Пекину и Москве тот факт, что с США можно сотрудничать в этом вопросе. В Совете Безопасности ООН (СБ ООН) США удалось добиться принятия достаточно жесткой резолюции, решительно осуждающей ракетные испытания Северной Кореи. Тем не менее это влекло за собой нежелательные для американцев последствия, а

именно отказ КНДР возвращаться к шестисторонним переговорам. Это перемещало акцент с дестабилизирующих мировое сообщество ракетных тестов на односторонние санкции со стороны США, что еще больше осложняло и без того трудные переговоры с ключевыми союзниками в регионе, в частности с Республикой Корея и Японией.

С другой стороны, в рамках политики по отношению к КНДР в годы администрации Дж. Буша-младшего Вашингтон обвинял Сеул в оказании незначительной помощи и поддержки. Ранее на войну в Ирак Южная Корея отправила 3 200 военнослужащих в поддержку США, однако с позиции президента Буша-младшего эта помощь была минимальна и ожидаема. В Сеуле данное решение вызвало острые дискуссии, но более того, в своей инаугурационной речи 2004 г. президент Дж. Буш-младший не упомянул РК в списке тех государств, которые помогли США в Ираке [5].

В качестве положительных результатов совместной политической деятельности РК и США можно выделить, во-первых, предоставление полигона для обучения американских летчиков ВВС, дислоцированных в Республике Корея. Если раньше им приходилось лететь для обучения в Таиланд в связи с отсутствием полигона в Южной Корее, то к 2006 г. президент Но Му Хён решил эту проблему. Также из США в Южную Корею были перенесены миссии по обороне с применением обычного вооружения и повышены военный потенциал и потенциал средств сдерживания.

Во-вторых, в РК стало прослеживаться явное стремление взять на себя ответственность за собственную оборону в военное время, что, безусловно, было поддержано США [4]. Такое желание корейцев было связано с тем, что молодое поколение стремилось к большему равноправию в отношениях с США. Вопросы, входящие в сферу интересов альянса, стали приобретать больше политического контекста, чем в предыдущие годы. В Конгрессе США это не рассматривали как новый виток антиамериканских настроений или призыв к упразднению альянса, поскольку считали, что молодое поколение корейцев просто не связано с воспоминаниями о Корейской войне и о той помощи, которую американцы оказывали РК в то время [Ibid.].

Однако согласно исследованиям американских институтов молодое поколение корейцев раздражали, в частности, требования США оказать военную поддержку американцам за пределами региона, например в Ираке и Афганистане [3]. Здесь необходимо отметить, что в ответ на серьезную трансформацию глобальной среды безопасности после террористических атак 11 сентября 2001 г. администрация Буша-младшего уменьшила военный контингент США в РК с 37 до 25 тыс. военнослужащих и передислоцировала оставшиеся войска США из демилитаризованной зоны в район к югу от Сеула [5]. Это означало, что военный контингент США освободит 59 военных баз, общая площадь которых составляла 36 тыс. акров. Взамен

Вашингтон обещал выплатить \$11 млрд на модернизацию оставшегося контингента, в том числе и на ракетные батареи [5]. Эта передислокация была подвергнута критике как одностороннее отступление США, которое может поставить под угрозу безопасность РК [4]. И, несмотря на согласие и поддержку губернатора провинции Кенги в вопросе о передислокации военного контингента США в РК в эту провинцию, вопросы совместного несения расходов и завершение этой кампании к концу 2007 г. оставались по-прежнему невыясненными.

В сфере экономики отношения между РК и США развивались по другому сценарию и с другой скоростью. С точки зрения экономической эффективности экономика Южной Кореи восстановилась после финансового кризиса 1997 г. и программы антикризисных мер Международного валютного фонда раньше, чем ожидалось. Извлекая уроки из данного опыта, южнокорейское правительство значительно увеличило свои валютные резервы с \$20,4 млрд в 1997 г. до \$206,1 млрд в 2006 г., занимая пятое место в мире [6].

Несмотря на быстрое восстановление после кризиса, экономика РК выявила потенциальные проблемы из-за политики администрации Ким Дэ Чжуна по ее стимулированию. Одной из главных проблем была задолженность по кредитным картам. Для повышения потребительских расходов с целью укрепления экономики администрация Ким Дэ Чжуна настоятельно рекомендовала использование кредитных карт. Эта политика была успешна в краткосрочной перспективе, однако позднее проявились негативные последствия, так как экономический рост был в значительной степени связан с растущей кредитной задолженностью. Чрезмерное использование кредитных карт привело к тому, что более чем 3,2 млн корейцев имели «плохой» рейтинг кредитоспособности. Этот показатель, в свою очередь, привел к снижению потребительских расходов в 2003 и 2004 гг. [7]. Другими словами, кампания администрации Ким Дэ Чжуна по увеличению потребительских расходов с использованием кредитных карт была недальновидной. Причина для принятия такого рода политики заключается в президентской системе Южной Кореи. Поскольку президент избирается на один срок длительностью пять лет и не может быть переизбран повторно, политическая ответственность становится незначительной. Таким образом, президенты, как правило, проводят политику, успешную в краткосрочной перспективе [8].

Еще одной экономической проблемой, с которой столкнулась администрация Но Му Хёна, было уменьшение корпоративных инвестиций. С повышением стоимости рабочей силы и забастовками со стороны профсоюзов бизнес-корпорации увеличили иностранные инвестиции за счет сокращения внутренних инвестиций. По данным Института экономических исследований компании «Самсунг», среднегодовой темп роста корпоративных инвестиций для оборудования составил

7,8% на 1990–1997 гг., но снизился до 1,15% в течение 2000–2005 гг. [9].

Тем не менее одним из успехов Но Му Хёна стало улучшение отношений с Китаем, который в 2003 г. потеснил США и стал крупнейшим рынком сбыта корейских товаров, а в 2004 г. – крупнейшим торговым партнером Южной Кореи [10]. Это, безусловно, вызывало опасения в США, что в скором будущем Сеул отдаст больше стратегических предпочтений Пекину, а не Вашингтону [11]. Прямые иностранные инвестиции стали возрастать с того времени, а роль Китая в региональной экономической интеграции делала отношения с Пекином стратегически важными.

В этот же период вопросы о необходимости поддержания альянса США–РК стали приобретать более широкую огласку. Некоторые считали, что Южная Корея уже достаточно самостоятельная, чтобы защитить себя, другие полагали, что сфер для потенциального сотрудничества Южной Кореи и США еще недостаточно, и что альянс необходимо укреплять и препятствовать внезапному выводу американских вооруженных сил с территории РК [12].

Пожалуй, самым значимым для альянса РК–США событием стало заключение соглашения о свободной торговле в 2007 г. Первоначальной причиной переговоров по соглашению о свободной торговле с США были торговые разногласия между странами. В то время как у РК был стабильный активный торговый баланс, США были недовольны дефицитом и дискриминационной торговой политикой [5]. Учитывая, что между странами был альянс, Сеул и Вашингтон надеялись разрешить этот вопрос. Научно-исследовательские центры и государственные учреждения в обеих странах независимо друг от друга стали исследовать возможность заключения соглашения о свободной торговле между США и Южной Кореей. После продолжительного изучения экономических эффектов двустороннего соглашения результаты различных исследований в Южной Корее и США свидетельствовали о том, что соглашение будет выгодно обеим странам. Переговоры начались в феврале 2006 г.

Несмотря на позитивные прогнозы экономической эффективности для двух стран, напряженные дебаты по вопросу о данном соглашении велись с самого начала. Оппоненты этого процесса в Южной Корее начали кампанию против соглашения о свободной торговле между РК и США (KORUS FTA), оправдывая это тем, что в случае его принятия на южнокорейском рынке будет преобладать дешевая американская сельхозпродукция, в то время как южнокорейские фермеры будут нести убытки [Ibid.]. В результате многие фермеры забросят свое хозяйство, что серьезно отразится на окружающей среде, равно как и на экономике. В целом речь шла о том, что неконкурентоспособные секторы южнокорейской экономики обанкротятся, что приведет к росту безработицы в стране.

В свою очередь, сторонники создания американо-южнокорейского соглашения о свободной торговле

рассматривали его как историческую возможность для Южной Кореи провести необходимые реформы по модернизации своей экономики и превратить страну в динамичный экономический центр Северо-Восточной Азии. Президент Но Му Хён со своей стороны однозначно поддерживал последних. Они заявляли, что негативные эффекты от заключенного в прошлом соглашения с Чили и Уругвайского раунда переговоров по Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ) были не такими существенными, как предполагалось. Например, сельскохозяйственный торговый дефицит составил \$3,5 млрд в 2003 г., \$7,2 млрд в 2006 г. и \$8,5 млрд в 2007 г., что было намного меньше, чем предсказывал Корейский сельскохозяйственный экономический институт [13]. Более того, согласно отчету Конференции ООН по торговле и развитию прямые иностранные инвестиции от свободной торговли между РК и США обеспечат финансовые ресурсы для частных инвестиций с целью создания новых рабочих мест или расширения существующего бизнеса [14, 15].

В целом после заключения соглашения американские прогнозы предсказывали рост ВВП в США до \$10–12 млрд, так как 95% торгуемых между двумя странами товаров становились беспошлинными, а оставшиеся тарифы должны были быть убраны в течение следующих 10 лет. Более того, другие преимущества для США также включали открытие корейских рынков для американских промышленных производителей, снижение тарифов на американские пассажирские автомобили на 8%, снятие тарифов более чем на половину сельхозпродукции одновременно, открытие финансовых рынков [16]. Последнее давало фирмам США право на открытие филиалов своих банков и страховых компаний в Южной Корее. Таким образом, для США это соглашение должно было стать крупнейшим за последние 16 лет.

Согласно данным Института развития Кореи (KDI) экономические выгоды для Южной Кореи в течение первых десяти лет должны были вырасти на \$13,3 млрд, в то время как импорт из США сокращен до \$8,6 млрд. То есть ежегодный рост активного торгового баланса должен был быть равен \$4,6 млрд [17]. Экспортируемые товары, входящие в так называемый Топ-15, включая автомобили, электронику и текстиль, освобождались от торговых пошлин [18].

Также ощутимый положительный эффект должен был произойти в росте промышленности в размере \$5,5 млрд в год и ежегодном создании в среднем 33 600 рабочих мест. Рост конкуренции на рынке за счет устранения барьеров влиял на снижение цен и расширение выбора товаров. Прямые иностранные инвестиции США уже в 2005 г. составили \$18,8 млрд, а согласно прогнозам должны были вырасти на \$2,3–\$3,2 млрд [19].

Также стоит отметить, что подписание соглашения способствовало росту корейского биржевого индекса KOSPI. Если до начала переговоров по соглашению о свободной торговле на 1 февраля 2007 г. он был равен

1367,07 [20], то после заключения соглашения индекс стал больше – 1 500, а суммарный капитал южнокорейского фондового рынка превысил \$800 млрд [21].

Соглашение о свободной торговле стало самым большим торговым соглашением в США за последнее десятилетие. Республика Корея являлась седьмым торговым партнером США по величине товарооборота. В июле 2006 г. товарооборот двух стран составил более чем \$45 млрд [4]. Соединенные Штаты являлись крупнейшим иностранным инвестором в Южной Корее, а количество корейских инвестиций в США быстро росло. Никогда прежде Республика Корея и США не вкладывали так много средств «друг в друга», не были столь экономически взаимосвязаны. США очень рассчитывали на то, что соглашение о свободной торговле будет способствовать дальнейшему укреплению этих экономических отношений, в результате чего выгоды для обеих стран обеспечат дополнительный стимул для альянса.

Переговоры по этому вопросу шли нелегко. Более того, соглашение еще было необходимо ратифицировать Конгрессу США и Национальному собранию Южной Кореи. Тем не менее в целом с обеих сторон был выраженный интерес, США пытались снизить тарифные и нетарифные барьеры, включая защищенные в высокой степени сельскохозяйственный рынок РК и автомобильный сектор. Опросы, проведенные в РК, показывали, что мнения корейцев по вопросу о необходимости заключать подобное соглашение разделились поровну [Ibid.]. В каком-то смысле это стало показателем отношения корейцев к альянсу и к месту Южной Кореи в мире. США на тот момент уже имели подобные соглашения с Австралией и Сингапуром и вели переговоры с правительством Таиланда и Малайзии. Более того, американское правительство надеялось стимулировать и Японию двигаться в этом направлении.

Кроме тесных связей в экономике, Южная Корея оставалась ключевым партнером США в ряде многосторонних усилий по преодолению вызовов XXI в. Например, РК была одной из стран – основателей Азиатско-Тихоокеанского партнерства по вопросам экологически чистого развития и климата. Также Южная Корея активно участвовала в ряде многосторонних усилий по разработке и внедрению трансформационных технологий, способных принять вызов по созданию отвечающих требованиям и доступных по цене поставок экологически чистой, устойчивой энергетики, которая принесет пользу окружающей среде и поможет сократить выбросы парниковых газов.

Однако, несмотря на культурно-образовательные связи между США и РК и статус Южной Кореи не только как седьмого по величине торгового партнера, но и одного из самых сильных военных союзников США, одного из главных источников туристов и иностранных студентов, третьей страны по величине военного вклада в операцию в Ираке и участника миротворческих операций в Афганистане, Восточном Тимо-

ре и Африке, Южная Корея до сих пор сохраняла визовый режим с США [4].

Для принятия Кореи в программу безвизового режима существовал ряд требований, в том числе выпуск электронных паспортов, создание совместной с США программы для обеспечения эффективного сотрудничества в области безопасности границ и между правоохранительными органами и установление доли отказов в визе на уровне менее чем на 3%. Президенты Дж. Буш-младший и Но Му Хён работали вместе над решением этого вопроса. Позднее, с 17 ноября 2008 г. безвизовый режим для граждан Республики Корея все же вступил в силу [22].

Было много сомнений по поводу того, что в будущем торговля между США и РК будет эффективной, поскольку с 95% товаров были сняты пошлины [19]. Несмотря на это, из приведенной ниже таблицы видно, что торговый оборот товаров между странами вырос в 1,5 раза, в то время как торговый оборот услуг удвоился [23].

Годовая торговля между США и Республикой Корея.
Отдельные годы, млрд долл. США

Год	Экспорт США		Импорт США		Торговый баланс		Торговый оборот	
	Товары	Услуги	Товары	Услуги	Товары	Услуги	Товары	Услуги
2005	28,6	9,4	44,2	6,9	-15,6	2,5	72,9	16,3
2010	39,8	15,5	49,8	9,3	-10,0	6,1	89,5	24,8
2011	45,2	16,7	57,6	9,7	-12,4	6,9	102,8	26,4
2012	44,4	18,2	59,6	10,6	-15,2	7,5	103,9	28,8
2013	43,5	21,0	63,0	10,8	-19,5	10,2	106,5	31,8
2014	46,1	20,7	69,8	10,4	-23,7	10,2	116,0	31,1
2015	44,4	22,4	72,5	11,1	-28,1	11,3	116,9	33,5
Основа экспорта США	Товары: полупроводники и производство полупроводникового оборудования; гражданские воздушные суда; медицинское оборудование; химические вещества; моторные транспортные средства и их части; пластмасса; кукуруза и пшеница; говядина и свинина				Услуги: образовательные, личные и деловые поездки в США граждан РК; плата за использование объектов интеллектуальной собственности; финансовые и другие деловые услуги; транспортные услуги.			
Основа импорта США	Товары: моторные транспортные средства и их части; мобильные телефоны; компьютеры, планшетные ПК и их компоненты; железо, сталь и производные изделия; топливо для реактивных двигателей и моторное масло; пластмасса; шины				Услуги: транспортные услуги; деловые и личные поездки			

Источник: Бюро переписи населения США и Бюро экономического анализа // FT-900. 2016. 4 марта [23].

Примечание. Данные о торговле составлены на основе платежного баланса.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать следующий вывод. В годы президентства Но Му Хёна перспектива сокращения численности войск США на полуострове внушала корейцам общее чувство беспокойства. Кроме того, эта проблема

усугублялась еще и стремлением РК взять под контроль свою оборону и иметь более сильную позицию в формировании политики по отношению к Северной Кореи. Военное партнерство РК и США перестало являться доминирующей чертой двусторонних взаимоотношений стран, но по-прежнему оставалось важным фундаментом. Президент Но Му Хён также стал первым из президентов, кто серьезно поднял вопрос о передаче операционного контроля в военное время от США к Южной Кореи. В этой связи можно говорить о постепенной трансформации альянса в партнерство в области безопасности, в котором Южная Корея переставала является только объектом охраны и потребителем международных ресурсов безопасности.

В годы его администрации северокаорейский ядерный кризис стал важной вехой в отношениях РК–США. Администрация Но Му Хёна в каком-то смысле продолжила курс предыдущего президента Ким Дэ Чжуна. Учитывая тот факт, что политика американского президента Дж. Буша-младшего имела прямо противоположные цели в силу резкой смены политического курса после теракта 11 сентября 2001 г., РК и США дистанцировались друг от друга, в частности, в области политики. Несмотря на попытки администраций обеих стран держать отношения под контролем, со времени усиления ядерной проблемы КНДР в период 2003–2008 гг. США и Южной Кореи стало крайне сложно координировать свои общие интересы. С другой стороны, именно альянс США–РК помогал сдерживать Северную Корею и сохранять свободное и открытое общество на юге Корейского полуострова. Более того, именно такой курс администрации Но Му Хёна позволил так или иначе наладить отношения с КНДР и даже провести серию шестисторонних переговоров, хотя, возможно, и не очень удачных.

В сфере экономики в качестве главного итога стоит отметить интенсивное начало переговорного процесса по соглашению о свободной торговле РК с США (KORUS FTA). За исследуемый период Но Му Хёном были инициированы переговоры по соглашениям о свободной торговле не только с США, но и с Европейским Союзом и Китаем. Все это закладывало прочный фундамент для будущего сотрудничества южнокорейских производителей с зарубежными рынками. Для Южной Кореи соглашение KORUS FTA открывало большие возможности для модернизации своей экономики, а для США оно являлось важным плацдармом для азиатского рынка, который создавал баланс растущим торговым связям Южной Кореи с Китаем [24]. Таким образом, США возвращали себе позиции ведущего торгового партнера РК, демонстрируя тем самым приверженность Азии и в частности альянсу США–РК, который уже выходил за военные рамки, что подчеркивало эффективность развития двусторонних отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Торкунов А.В. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. URL: <https://history.wikireading.ru/325542> (дата обращения: 11.02.2017).
2. Hee Min Kim. *Korean Democracy in Transition : A Rational Blueprint for Developing Societies*. Lexington : The University Press of Kentucky, 2011.
3. INSS Special Report. Moving the U.S.-ROK Alliance into the 21st Century. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/113990/2007-09_SR.pdf (accessed: February 2017).
4. United States–Republic of Korea Alliance: An Alliance at Risk? Hearing Before the Committee on International Relations House of Representatives One Hundred Ninth Congress Second Session. URL: <https://www.webharvest.gov/congress110th/20081217015258/http://www.foreign-affairs.house.gov/archives/109/30142.pdf> (accessed: February 2017).
5. Uk Heo, Terence Roehrig. *South Korea since 1980*. NY, USA : Cambridge University Press, 2010. P. 170–171.
6. Mun-il Bak. “Jipyoro bon Oehanwigi 10 nyŏn” (economic indexes of 10 years after foreign exchange crisis) // *Seoul Sinmun*. 2007. November 21. P. 18.
7. Sung Deuk Hahm, Dong Seong Lee. Consolidation of Democracy in South Korea: Evaluation of the Roh Moo Hyun Administration, 2003-2008 // Presented at the annual meeting of the American Political Science Association. 2007. Chicago, Aug. 30-Sep. 2. P. 17.
8. Uk Heo. The political economy of South Korea: economic growth, democratization, and financial crisis. URL: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1192&context=mscas> (accessed: February 2017).
9. Yoo-young Kim. “Oehanwigi 10 nyŏn. Kumnyung-kiŏp, ŏdŏnkŏtgwa Irŏnkŏt” (10 years after foreign exchange crisis. What we lost and got in finance and businesses) // *Donga Ilbo*. November 15. P. 10.
10. Паксэчжон. Дэми-дэчжун мукбичжун 10 неманэ 'ванчжонкече'. (The USA – ‘perfect replacement’ in foreign trade with China in a decade). URL: http://www.dt.co.kr/contents.html?article_no=2011081702019957661002 (accessed: February 2017).
11. Snyder S. *China’s Rise and the Two Koreas: Politics, Economics, Security*. Boulder, Colo. : Lynne Rienner, 2009.
12. Chae H., Kim S. Conservatives and progressives in South Korea // *Washington Quarterly* 31. Autumn 2008. № 4. P. 86-6.
13. Joongang Ilbo, April 4, 2007, and Kyungnam Development Institute, “Agflation and Response of Agriculture and Dairy Industries,” *Issue Analysis* (2008): 5.
14. World investment Report 1999. Geneva, Switzerland : UNCTAD, 1999.
15. Hahm S., Heo U. The economic Effects of U.S. and Japanese Foreign Direct Investment in East Asia: A Comparative Analysis // *Policy Studies Journal*. 2008. № 36. P. 385–402.
16. Office of USTR. “FTA: United States and Republic of Korea Economic and Strategic Benefits” // *Trade Facts*. February 2006.
17. Korea-U.S. FTA: Cost and Expected Benefits decreased Prior to the Signing of the FTA // *Joongang Ilbo*. 2007. April 30.
18. Top Fifteen Export Items Are All Benefitted from the KORUS FTA // *Joongang Ilbo*. 2017. April 4.
19. Office of the USTR. “Free Trade with Korea: Summary of the KORUS FTA” // *Trade facts*. 2007. April.
20. New Record in the Korean Stock Market, Where is the End? // *Joongang Ilbo*. 2007. April 11.
21. KOSPI Index Score Highest Ever, Total amount Reach \$800 Billion // *Joongang Ilbo*. 2007. April 4.
22. США с 17 ноября вводят безвизовый режим для граждан шести стран ЕС и Южной Кореи. URL: <http://www.newsru.com/world/17oct2008/bezviz.html> (дата обращения: 11.02.2017).
23. U.S. Census Bureau and Bureau of Economic Analysis (BEA) // FT-900. 2016. March 4.
24. Klingner B., Markheim D. KORUS FTA Strengthens the U.S. Economy and Alliance with Korea. URL: <http://www.heritage.org/asia/report/korus-fta-strengthens-the-us-economy-and-alliance-korea> (accessed: February 2017).

Marta M. Bocharnikova. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: bmartav@mail.ru

ROH MOO-HYUN ADMINISTRATION: A NEW LOOK AT THE DEVELOPMENT OF THE ROK-U.S. ALLIANCE IN 2003-2008

Keywords: Republic of Korea; the USA; politics; economy; trade; KORUS FTA.

The scientific article aims to examine the process of transformation of political and economic relations between the Republic of Korea and the United States during the period 2003-2008. Key changes are highlighted and the effectiveness of the ROK-U.S. alliance is being analyzed. While the main goal of the alliance was to contain North Korea, the perception of the threat both in the United States and in the Republic of Korea has changed since the late 1990s, when the DPRK withdrew from the Non-Proliferation Treaty. Thus, the key issue facing the alliance at the beginning of the 21st century was the strategic dissonance towards the DPRK. The ROK and the United States had different views on the policy that had been pursued towards North Korea. Nevertheless, the common goal within the framework of the ROK-U.S. alliance was understanding of the importance of denuclearization.

At the same time, the alliance faced other problems, such as China’s economic growth, threats to the international order emanating from terrorists, the proliferation of weapons of mass destruction, as well as the need to restructure the alliance to meet the changing international and domestic realities in both countries. To deal with these acute problems, the coordination of actions within the ROK-U.S. alliance played an important role. The military partnership between the Republic of Korea and the United States has ceased to be the dominant feature of the bilateral relations, but it remained an important foundation. It is confirmed by the fact that during the Roh Moo-hyun administration, when South Korea and the USA were distancing from each other, the alliance itself has survived and the countries have even strengthened and prospectively reconfigured their relations.

In the economic sphere during 2003-2008, one of the most important changes in the history of the ROK-U.S. alliance took place, namely, both countries began active negotiations about bilateral free trade agreement, known as KORUS FTA. In 2004, the situation changed dramatically when China became South Korea’s largest trading partner, and the USA was forced to look for the ways to counterbalance Beijing in its active policy in Seoul. South Korea in its turn, planned to modernize its economy and opened up ample opportunities in the American market. That is why, both ROK and the USA found mutual benefits in striking the KORUS FTA.

The article concludes what the results of Roh Moo-hyun policy towards the USA were, and generalizes about the effectiveness of the ROK-U.S. alliance in 2003-2008. This article employs the following sources of information: studies and researches of the American and South Korean historians; statistical data of the Institute for National Strategic Studies, the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), the Office of the United States Trade Representative; documents of the U.S. Congress and the U.S. Census Bureau, as well as materials from South Korean media.

REFERENCES

1. Torkunov, A.V. (N.D.) *Koreyskiy poluostrov: metamorfozy poslevoennoy istorii* [The Korean Peninsula: Metamorphoses of Post-War History]. [Online] Available from: <https://history.wikireading.ru/325542> (Accessed: February 2017).

2. Hee Min Kim. (2011) *Korean Democracy in Transition: A Rational Blueprint for Developing Societies*. Lexington: The University Press of Kentucky.
3. INSS Special Report. (n.d.) *Moving the U.S.-ROK Alliance into the 21st Century*. [Online] Available from: https://www.files.ethz.ch/isn/113990/2007-09_SR.pdf (Accessed: February 2017).
4. USA. (n.d.) *United States–Republic of Korea Alliance: An Alliance at Risk? Hearing Before the Committee on International Relations House of Representatives One Hundred Ninth Congress Second Session*. [Online] Available from: <https://www.webharvest.gov/congress110th/20081217015258/http://www.foreignaffairs.house.gov/archives/109/30142.pdf> (Accessed: February 2017).
5. Uk Heo & Roehri, T. (2010) *South Korea since 1980*. Cambridge University Press. pp. 170–171.
6. Mun-il Bak. (2007) “Jipyoro bon Oehanwigi 10 nyōn” [Economic indexes of 10 years after foreign exchange crisis]. *Seoul Sinmun*. 21st November. pp. 18.
7. Sung Deuk Hahm & Dong Seong Lee. (2007) “*Consolidation of Democracy in South Korea: Evaluation of the Roh Moo Hyun Administration, 2003-2008*”. Presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association 2007. Chicago. August 30 – September 2. pp. 17.
8. Uk Heo. (n.d.) *The political economy of South Korea: economic growth, democratization, and financial crisis*. [Online] Available from: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1192&context=mscas> (Accessed: February 2017).
9. Yoo-young Kim. (n.d.) Oehanwigi 10 nyōn. Kumnyung-kiōp, ōdūnkōtwa Irūnkōt [10 years after foreign exchange crisis. What we lost and got in finance and businesses]. *Donga Ilbo*. 15th November. pp. 10.
10. Paksechzhon. (n.d.) *Demi-dechzhun muekbichzhun 10 nenmane 'vanchzhonkeche'* [The USA – ‘perfect replacement’ in foreign trade with China in a decade]. [Online] Available from: http://www.dt.co.kr/contents.html?article_no=2011081702019957661002 (Accessed: February 2017).
11. Snyder, S. (2009) *China’s Rise and the Two Koreas: Politics, Economics, Security*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner.
12. Chae, H. & Kim, S. (2008) Conservatives and progressives in South Korea. *Washington Quarterly*. 31(4). pp. 86-6.
13. *Joongang Ilbo*. (2007a) Kyungnam Development Institute, “Agflation and Response of Agriculture and Dairy Industries.” 4th April.
14. UNCTAD. (1999) *World Investment Report*. Geneva, Switzerland: UNCTAD.
15. Hahm, S. & Heo, U. (2008) The economic effects of U.S. and Japanese foreign direct investment in East Asia: A comparative analysis. *Policy Studies Journal*. 36. pp. 385-402. DOI: 10.1111/j.1541-0072.2008.00273.x
16. Office of USTR. (2006) “FTA: United States and Republic of Korea Economic and Strategic Benefits”. *Trade Facts*. February 2006.
17. *Joongang Ilbo*. (2007b) Korea-U.S. FTA: Cost and Expected Benefits decreased Prior to the Signing of the FTA. 30th April 30.
18. *Joongang Ilbo*. (2017) Top Fifteen Export Items Are All Benefitted from the KORUS FTA. 4th April 4.
19. Office of the USTR. (2007) Free Trade with Korea: Summary of the KORUS FTA. *Trade facts*. April 2007.
20. *Joongang Ilbo*. (2007c) New Record in the Korean Stock Market, Where is the End? 11th April.
21. *Joongang Ilbo*. (2007d) KOSPI Index Score Highest Ever, Total amount Reach \$800 Billion. 4th April.
22. Newsru.com. (2008) *SShA s 17 noyabrya vvo dyat bezvizovyy rezhim dlya grazhdan shesti stran ES i Yuzhnoy Korei* [Since November 17, the United States has introduced a visa-free regime for citizens of six EU countries and South Korea]. [Online] Available from: <http://www.newsru.com/world/17oct2008/bezviz.html> (Accessed: 11th February 2017).
23. U.S. Census Bureau and Bureau of Economic Analysis (BEA). (2016) FT-900. 4th March.
24. Klingner, B. & Markheim, D. (n.d.) *KORUS FTA Strengthens the U.S. Economy and Alliance with Korea.*– [Online] Available from: <http://www.heritage.org/asia/report/korus-fta-strengthens-the-us-economy-and-alliance-korea> (Accessed: February 2017).

УДК 94(430).087
DOI: 10.17223/19988613/61/11

Г.С. Рагозин

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРУССИЯ»? РАЗРУШЕНИЕ И РЕАБИЛИТАЦИЯ «ПРУССКОГО МИФА» В ГДР (1945–1990 гг.)

Статья посвящена исторической политике ГДР, а именно динамике изменения в ней статуса «Прусского мифа» как совокупности нарративов, формирующих образ одного из наиболее весомых германских государств нового времени – королевства Пруссия. Данная проблема являлась чувствительной для идеологии и пропаганды СЕПГ в силу необходимости переформатирования исторического нарратива и поддержки немецкой идентичности в республике посредством целого комплекса мероприятий, и формирования образа республики для стран западного блока. Место «прусского мифа» в идеологии и пропаганде ГДР претерпело значительные изменения за 41 год существования республики, от негативизма до закрепления внешнего образа «социалистической Пруссии» а последствия этой политики оказывают влияние на «пруссский миф» в Германии и поныне.

Ключевые слова: история ГДР; «Прусский миф»; историческая память; историческая политика ГДР; «Социалистическая Пруссия».

Роль исторического мифа в государственной идеологии, исторической памяти и политическом сознании представляет актуальную тему, поскольку миф функционирует как корпус нарративов и образов, тиражируемых для обоснования права общности на существование. В рамках концепции тоталитаризма, применяемой к ряду политических режимов, принято говорить о всепроникающей общественной жизнь идеологии, которая является основой для системы власти. Одной из ее опор в формировании образа прошлого и выступает заданный нарратив, базируемый на определенных мифах или их интерпретациях. При этом идеологи могут пытаться опровергнуть существовавшие до этого нарративы либо инкорпорировать их в идеологию и пропаганду с целью легитимации режима или подчеркивания обособления новой общности от старой. Данная составляющая исторической политики принимает в ряде случаев радикальные формы. Для реализации заявленных тезисов используются средства исторической науки, масс-медиа, перестройки городского пространства, массовой культуры, музейного дела. Исчезновение персоналий и явлений или их возвращение было связано с изменением понимания национальной идентичности и стремлением держать ее трактовки в рамках идеологии с помощью переработки наследия.

Ярким примером является Германская Демократическая Республика. Наиболее болезненным для официальной идеологии страны оставался вопрос о прусском наследии [1, 2]. За период Второй мировой войны сформировался образ прусского государства как предшественника Третьего Рейха. Это было связано и с тем, что идеологи нацистского периода обращались к «прусскому мифу» – системе нарративов, нацеленной на поддержание образа королевства Пруссия, а также связанных с ним элементов как основополагающих для немецкой национальной идентичности. Несмотря на то, что этот миф включал в себя интеллектуальное, политическое, правовое и культурное наследие, за период

1939–1945 гг., а также с учетом представлений вне Германии и с принятием во внимание того, что прусское военное наследие активно эксплуатировалось НСДАП, это привело к осуждению королевства Союзной контрольной комиссией в 1947 г. [3, 4].

С оформлением ГДР ее руководством исходило из негативизма в отношении «прусского» [5]. На официальном уровне тиражировались преемственность от него нацистского режима, реакционный характер политической практики и изначально высокая роль военных [6]. Это дополнялось демонтажем памятников. Положение осложнялось тем, что часть прусских земель оказалась в составе ПНР и СССР. Это усложняло поддержание исторической памяти о королевстве. При этом Пруссию часто упоминали в контекстах, где она соседствовала с Третьим Рейхом [7; 8. S. 217–218]. Особенно это касалось сюжетов, где их преемственность виднелась очевидной: военная история, политическая традиция. Этот образ тиражировался в средствах массовой информации, как центральных [9], так и региональных [10]. Эти же документы обосновывали формирование нового городского пространства, свободного от «Замковой истории» [10], «следов милитаризма и реакции». Итогом этого и стал снос Городского дворца и Гарнизонной церкви в Потсдаме, озаглавленный как «Триумф над духом Потсдама» [11].

В процессе демонтажа прусского наследия принимали участие такие историки, как Виллибальд Гуче, который охарактеризовал прусское наследие как «фредерицианскую философию грабежа», а направление кинематографа *Fredericus Rex* как «литье воды на мельницу империалистов – поджигателей войны» [12]. Официальным закреплением попытки выстроить немецкую идентичность на социально-групповой солидарности стала конституция ГДР 1949 г. [13] Фактически, это была легитимация новой идентичности с марксизмом-ленинизмом-сталинизмом в основе [2]. При этом подчеркивалось, что ФРГ переняла негативные

черты «старого режима». В партийной печати публиковались такие материалы, как «Слава Пруссии на службе НАТО», которые подчеркивали то, что руководство блока потворствует возрождению «духа Потсдама» [14]. Запрет на прусскую тематику продержался до начала 1970-х гг., хотя отступления от негативизма начались в 1950-е гг.: например, в 1953 г. прошел вечер памяти Г. Шарнхорста, растиражированный в печати [15]. На нем реформатора обозначили как «патриота», что означало попытку инкорпорации памяти о прусских военных в официальную идеологию [16]. Более того, при создании Национальной народной армии ГДР форма сохранила старую символику [7]. С момента создания ННА позиционировалась как продолжатель традиций борьбы за освобождение Германии 1813–1814 гг. [5. S. 186]. В музейном деле ГДР линия истории была показана материалами Музея германской истории в бывшем здании Арсенала (ныне – Германский исторический музей). В схожем формате предстала и «Новая вахта»: военный памятник был заменен на скульптуру «Пьета». Такое переформатирование означало попытку оттеснить прусскую составляющую на второй план. Примером отступления от критики прусского наследия стало переименование Берлинского университета в Университет имени Гумбольдта в Берлине. Фактически, это было признание роли братьев Гумбольдт в интеллектуальном и политическом наследии Германии.

Изменение подхода к «прусскому наследию» началось во второй половине 1960-х гг. Первыми шагами стали учреждение орденов Шарнхорста и Блюхера [17], а в газете *Neues Deutschland* был опубликован ряд материалов о Г. Шарнхорсте под редакцией Х. Хелмерта. С этого момента миф о военных – основоположниках «народной армии» и «народной войны» стал частью партийного и государственного мифотворчества. Со сменой руководства в ГДР эти изменения расширились: Э. Хонеккер продолжил наращивание позиций «прусского» в идеологии и пропаганде. С учетом изменений в германо-германских отношениях отпала необходимость в прежней модели репрезентации Пруссии. Незадолго до этого была принята новая конституция, в которой ГДР провозглашалась «социалистическим государством немецкой нации». Таким образом, идеологи стали воспринимать общность граждан как основанную на национальной принадлежности в социалистическом ключе [18]. Это было противодействием тезису «Zwei Staate – eine Nation» в ФРГ [19]. По сути, это означало соперничество за лидерство в объединении страны, и историческое наследие было одним из аргументов для идеологов ЦК СЕПГ. Это привело к выходу образов Пруссии в кинематограф и телевидение.

Первым из таковых стал фильм «Lützower» В. Вальрота (1972 г.). Лента была посвящена войне за освобождение Германии в 1813 г. В качестве основы для сюжета был взят миф о Фрайкоре майора фон Лютцова, развернувшего борьбу против французских войск в Германии. Основное внимание отдавалось

прусским военным и их сподвижникам, которые предстали как члены национального движения. Этим было начато тиражирование мифа о Пруссии как одном из ключевых участников освобождения Германии в 1813–1814 гг., а также основной площадки для дискуссии о создании немецкого национального государства [20]. Вторым проектом стал сериал «Scharnhorst» режиссера В.-Д. Пансе, посвященный событиям Наполеоновских войн и реформ в Пруссии 1807–1814 гг. (1978 г.). Авторам предстояло работать не только с образами деятелей национального движения, но и генералитета, высшего руководства и монархии Гогенцоллернов. Одно их включение в идеологию шло вразрез с оценками марксистской исторической науки. С реинтеграцией военных и гражданских реформаторов начала XIX в. в мифотворчество внимание со стороны ЦК СЕПГ к проекту было повышенным, что подтвердило возвращение памятников на их исторические места в Берлине.

Работа над сериалом началась в 1972 г. при содействии военного историка Х.-Ю. Усчека. Сюжет сериала был драматическим, выстроенным на основе мифа о противодействии короля и высшего дворянства реформаторам, о подъеме национально-освободительного движения, и, особенно, распространению его идей реформаторами [20]. В сравнении с предыдущей картиной прослеживается привлечение «Прусского мифа» как этики службы государству и обществу. Образ реформаторов был выстроен на контрасте с их предшественниками и «несвободой» большинства населения. В фильме получили освещение идеи «народной армии» и обращения государства к жизни нации, что является маркером того, что в ГДР реформаторов 1807–1814 гг. отразили в качестве «предшественников» республики и силы общественного прогресса [21]. Говоря о прусской тематике в кинематографе, следует отметить, что тезис о реакционности «прусского милитаризма» отпал [2]. Это ставило под вопрос дальнейшее развитие исторической политики СЕПГ. Оба проекта были нацелены на манипуляцию общественным мнением. Реплики часто содержали марксистскую лексику: «национальная народная армия», «разрушить старое, чтобы создать новое». В сериале фигурировало российско-прусское «братство по оружию». 1970-е гг., в итоге, стали возвращением «прусского» в немецкую национальную идентичность в ГДР [21]. Заказ СЕПГ на тиражирование образов ключевых фигур был выполнен, доказательством чему послужила рекомендация использовать сериал в преподавании истории в школе.

Одновременно возросло число публикаций и мероприятий по прусской истории. Из числа гражданских историков следует отметить работы И. Миттенцвай, посвященные Фридриху II. В них монарх, с одной стороны, предстал в апологетическом ключе. С другой стороны, политика Фридриха после Семилетней войны подверглась критике за невнимание к перспективам, что привело к катастрофе 1806 г. [23]. Военные историки Х.-Ю. Усчек, Х. Хелмерт и О. Грелер инкорпори-

ровали короля, его наследие и реформаторов начала XIX в. в воинскую традицию, что свидетельствует о соперничестве Бундесвера и ННА за преемственность от «старой немецкой армии» [24–26]. В этом плане у ЦК СЕПГ было преимущество в связи с возможностью использовать элементы, которые остались географически в ГДР. Началось восстановление памятников, посвященных прусским деятелям: вернулись на свои места памятники, возобновились реставрационные работы во дворцах Потсдама и в Берлине. Это привело к тому, что представители западных стран стали представлять ГДР более «национальным» немецким государством, чем ФРГ, что воспринималось в ЦК СЕПГ как успешное создание внешнего образа «Социалистической Пруссии» [27, 28].

Достижения исторической науки ГДР в изучении истории Пруссии становились объектом публикаций в партийной печати: отметились такие историки, как К.Х. Борнер, Ю. Вильке, А. Лашитца, К.-Х. Тиманн, Х. Кете, Г. Ленцер, Х. Вессель, Р. Отте, Й. Петцольд, В. Мюллер. Особое внимание стало уделяться социальным и правовым реформам в королевстве [29], а также научным мероприятиям, посвященных прусской тематике [30–32]. При этом публиковались объявления о выходе научных и научно-популярных работ [33] для охвата членов СЕПГ данной проблематикой. Участие в этом принимали сотрудники архивов, расположенных в ГДР [32]. Началось переиздание трудов прусских военных теоретиков [34], а также тиражирование концепции «народной войны». Противовесом от ФРГ стала выставка «Preußen – Versuch einer Bilanz», ставшая частью Прусской выставки в 1981 г. Последствием стало усиление академической переработки прусского наследия. «Соперничество за Пруссию» шло в условиях кризиса в соцлагере: ГДР искала возможности для проведения самостоятельной от СССР внешней политики. Растущие связи между германскими государствами усилили признание ГДР на международной арене, и использование прусской традиции стало одним из катализаторов успеха, который СЕПГ считала своим.

Тем не менее, монополия прусской традиции в ГДР вызвала недовольство в Саксонии. С целью примирения традиций ЦК СЕПГ заказал сериал «Sachsens Glanz und Preußens Gloria» под руководством режиссера Х.И. Каспжика. Фильм обратился к повседневности королевских дворов, придворным интригам, дипломатии и внешней политике, взаимоотношениям государств – предшественников ГДР. Однако главной целью сериала в 1982 г. было заявлено представление образов «прогрессивных» Пруссии и Саксонии в ключе их «сопротивления внешнему воздействию», под которым понимались монархия Габсбургов, Франция и, в меньшей степени, Россия [35]. Такой образ должен был обосновывать право ГДР на самостоятельную политику. Главными фигурами сериала стали курфюрст Саксонии и король Польши Август II, король Пруссии Фридрих II и персоналии их окружения. Сериал пре-

следовал задачу популяризации их истории посредством визуальных образов. Однако марксистская идеология и здесь оставила отпечаток: отразились концепции «абсолютизма» и «классовой борьбы». Последняя часть сериала – «Aus dem Siebenjährigen Krieg» – реабилитировала прусскую тематику в ГДР окончательно: фигура Фридриха II является одной из основных. Хотя, в противовес нацистскому кинематографу образ короля на поле боя представлен меньше. Этим формировался образ авторитарного, но нацеленного на службу государству правителя. Это, с одной стороны, шло вразрез с даже с компромиссными оценками в историографии ГДР [2]. С другой стороны, было уделено внимание Саксонии, что отвечало задаче представления обеих областей как равных в культурном и политическом контекстах истории Германии. Следует отметить то, что эти фильмы получили признание в Германии и после 1990 г.

Тем не менее, несмотря на интеграцию «прусского» в идеологию и пропаганду СЕПГ, следует сказать, что оно сыграло роль и в крушении ГДР. Республике изначально удавалось перехватить инициативу в обосновании своих позиций, однако с учетом ряда факторов ГДР и СЕПГ стало затруднительно конкурировать с ФРГ. Это было связано с дефицитом средств на восстановление памятников, что привело к их утрате. Следующей проблемой стала неоднозначная реакция на возрождение «прусских» элементов в странах соцлагеря [36, 37]. Негативизм в отношении «прусского мифа» в ГДР оказался избирательным и недолгим. Даже с учетом ведения пропагандистских кампаний и использования исторической науки для критики «прусского мифа» и его устранения из позитивной памяти, исключить его из общественной и политической жизни не удалось. Это создало условия для реабилитации «прусского мифа», которая началась в 1950-е, обозначилась в 1960-е и продолжилась как один из главных элементов идеологии и пропаганды при Э. Хоннекере. Для достижения поставленной цели – восстановления Пруссии как одной из центральных составляющих мифотворчества и идеологии – были задействованы значительные средства. «Реабилитированный прусский миф» опирался на образы государства – борца против гегемонии держав, определяющих европейскую политику, проводника в жизнь прогресса, а также государства – обладателя действительно народной армии (начиная с XIX в.).

Несмотря на амбициозный характер данного проекта, он во многом провалился по причине непринятия во внимание традиций остальных земель, бывших в составе ГДР, несовместимости оценок прусских деятелей с официальными тезисами об осуждении «милитаризма и реакции», а с 1970-х – и конкуренции с ФРГ за право преемственности позитивных черт Пруссии в исторической памяти. Даже образ «Социалистической Пруссии», тиражируемый в западных странах, а также тезис «социализма национальных цветов ГДР» оказались недостаточными для включения «прусского наследия» и «прусского мифа» в идеологию и пропаганду респуб-

лики. Тем не менее многие из данных наработок были для включения «прусского мифа» в иных трактовках подхвачены в Германии после 1990 г. и стали основой после объединения страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990. СПб., 2003.
2. Orlow D. The GDR's failed search for a National Identity, 1945–1989 // *German Studies Review*. Oct., 2006. Vol. 29, № 3. P. 537–558.
3. Mitteilung über die Dreimächtenkonferenz von Berlin (Potsdamer Abkommen) vom 2. August 1945. URL: <http://www.documentarchiv.de/in/1945/potsdamer-abkommen.html> (16.01.2015).
4. Gesetz Nr. 46 des Alliierten Kontrollrates in Deutschland über die Auflösung des Staates Preußen, 25. Februar 1947. URL: https://www.1000dokumente.de/pdf/dok_0231_pre_de.pdf (30.07.2018).
5. Bauer F.H. Bundeswehr und Nationale Volksarmee in der Aufstellungsphase 1947 bis 1956. Eine vergleichende Studie. Dissertation. Frankfurt-am-Main, 1999.
6. Neues Deutschland. 1.03.1947.
7. Бетмакаев А.М. На пути к восточногерманской идентичности: В. Ульбрихт и отношения между ГДР и СССР в 1949–1964 гг. // *Американские исследования в Сибири*. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. Вып. 7. URL: <http://hist.asu.ru/aes/gdr/btmkv.htm> (дата обращения: 12.08.2018).
8. Münkler H. Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin, 2009. 607 s.
9. Neues Deutschland. 16. Juni 1948.
10. Märkische Volksstimme. 14.11.1959.
11. Märkische Volksstimme. 25.05.1968.
12. Das Volk. 27.01.1962.
13. Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 7. Oktober 1949. URL: <http://www.verfassungen.de/de/ddr/ddr49-i.htm>. (Accessed: 17.07.2018).
14. Neues Deutschland. 15.06.1962.
15. Neues Deutschland. 09.06.1953.
16. Neues Deutschland. 12.02.1966.
17. Protokoll der Sitzung des Nationalen Verteidigungsrates von 13.10.1965. URL: <http://www.nationaler-verteidigungsrat.de/downloads/findbuch.pdf>. (Accessed: 17.07.2018).
18. Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 9. April 1968. URL: <http://www.verfassungen.de/de/ddr/ddr68-i.htm>. (Accessed: 19.07.2018).
19. Wippermann W. Preußen: kleine Geschichte eines großen Mythos. Freiburg im Breisgau. 2011. 194 s.
20. Wiechmann G. Das Preußenbild in der DDR-Medien: DEFA-Spielfilm „Lützower“ // Waterkamp R. (Hg.). Der Wandel des Preußenbildes in den DDR-Medien. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1997. S. 49–70.
21. Mayers P. Die DDR-Fernsehproduktion „Scharnhorst“ // Waterkamp R. (Hg.). Der Wandel des Preußenbildes in den DDR-Medien. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1997. S. 70–84.
22. Mittenzwei I. Friedrich II. von Preußen. Eine Biographie. Berlin, 1979. 250 s.
23. Neues Deutschland. 12.05.1971.
24. Gröhler O. Die Kriege Friedrichs II. Berlin, 1981. 245 s.
25. Helmert H., Uszeck H. Preußischdeutsche Kriege von 1864 bis 1871. Berlin, 1975. 395 s.
26. Русь Э.В. Историческая преемственность как элемент национальной идентичности в историографии ФРГ и ГДР. URL: <http://www.rusgermhist.ru/documents/isledovатели/feling/Kontinuitat2.pdf> (дата обращения: 15.07.2018).
27. Петелин Б.В., Степанов Г.В. Эрих Хонеккер // *Вопросы истории*. 2013. № 9. С. 117–128.
28. Ash T.G. Bei den Roten Preußen: wie ein Engländer die DDR erlebt (III) // *Spiegel*. 16.11.1981. S. 196–208.
29. Neues Deutschland. 05.06.1980.
30. Neues Deutschland. 12.11.1983.
31. Neues Deutschland. 29.09.1986.
32. Neues Deutschland. 21.07.1984.
33. Neues Deutschland. 16.01.1988.
34. Neues Deutschland. 15.09.1981.
35. Spinder S. Preußen in den DDR-Medien, dargestellt am Beispiel von „Sachsens Glanz und Preußens Gloria“ // Der Wandel des Preußenbildes in den DDR-Medien. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1997.
36. Гинцберг Л.И. Фридрих II // *Вопросы истории*. 1988. № 11. С. 98–118.
37. Thum G. „Preußen – das sind wir!“: Zur Wiederentdeckung der preußischen Kulturlandschaft in Deutschland und Polen // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2010. № 59. Hf. 3. S. 301–322.

German S. Ragozin. Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia). E-mail: ragozin92@gmail.com

“SOCIALIST PRUSSIA”? DESTRUCTION AND REHABILITATION OF THE “PRUSSIAN MYTH” IN THE GDR (1945–1990)

Keywords: GDR history; “Prussian myth”; historical memory in Germany; historical policy of the GDR; “Socialist Prussia”.

The paper deals with the GDR historical policy, with an emphasis on dynamics of “Prussian myth” as a complex of narratives forming an image of the Kingdom of Prussia as one of the most influent German states of modern era. The purpose of the paper is to give an assessment to the evolution dynamics of the “Prussian myth” status in ideology, propaganda and mass culture of the republic, and its influence on “new German national identity” within the period between 1949 and 1990.

The following sources became subject to study: printed media (predominantly SED newspaper “Neues Deutschland”, and also regional newspapers as “Märkische Volksstimme” and “Das Volk”); National Defense Council meeting minutes, Constitutions of the GDR from 1949 and 1968 (and its renewed version from 1974); movies and TV series shot in the GDR and referring to history of Prussia and its role in Germany; major works of GDR historians devoted to Prussian history; publications on these issues in West German media (e.g. “Der Spiegel”), also referring to an image of the GDR as “Socialist Prussia” through the eyes of the non-German tourist.

Negativism towards “Prussian myth” and “Prussian heritage” was selective during the first two decades of existence of GDR, and mostly demonstrative, aimed to suppress the status of Prussia in the GDR history. Exclusion of Prussia from German history in GDR failed during Walther Ulbricht’s regime, evolving into resurrection of “Prussian” elements in National People’s Army first, and then into integration of the historical narratives dealing with Prussian history into ideology, propaganda and myth-making, often placing Prussia

higher, than other East German provinces having a statehood experience. A “resurrected Prussian myth” referred to an image of a German state struggling against the dominance of continental powers, an image of a state turning the ideas of progress, equality and reforms into practice and obtaining a really people’s army (since the early 19th century). SED and its propaganda started using the historical and intellectual heritage of the kingdom as a positive element of East German historical memory.

Nevertheless, this ambitious project did not succeed due to strengthening the ambivalence of SED ideology and growing competition with West Germany for the right to proclaim itself a successor of Prussian positive heritage. Despite that fact, it contributed to attempts of Erich Honecker to establish an independent foreign policy of GDR within Socialist Bloc, also contradicting to the USSR postulates (e.g. Brezhnev doctrine) in such issues as the German problem in post-war Europe, and also put a strong impact on the position of Prussia in historical memory of Germans after 1990.

REFERENCES

- Dann, O. (2003) *Natsii i natsionalizm v Germanii, 1770–1990* [Nation and Nationalism in Germany, 1770–1990]. Translated from German by I.P. Streblova. St. Petersburg.
- Orlow, D. (2006) The GDR’s failed search for a National Identity, 1945–1989. *German Studies Review*. 29(3). pp. 537–558.
- Documentarchiv.de. (n.d.) *Mitteilung über die Dreimächtenkonferenz von Berlin (Potsdamer Abkommen) vom 2. August 1945*. [Online] Available from: <http://www.documentarchiv.de/in/1945/potsdamer-abkommen.html>. (Accessed: 16th January 2015).
- Germany. (1947) *Gesetz Nr. 46 des Alliierten Kontrollrates in Deutschland über die Auflösung des Staates Preußen, 25. Februar 1947*. [Online] Available from: https://www.1000dokumente.de/pdf/dok_0231_pre_de.pdf. (Accessed: 30th July 2018).
- Bauer, F.H. (1999) *Bundeswehr und Nationale Volksarmee in der Aufstellungsphase 1947 bis 1956. Eine vergleichende Studie*. Dissertation. Frankfurt-am-Main.
- Neues Deutschland. (1947) 1st March.
- Betmakaev, A.M. (2003) On the way to East German identity: W. Ulbricht and relations between the German Democratic Republic and the USSR in 1949–1964. In: Lekarenko, O.G. & Pelipas, M.Ya. (eds) *Amerikanskie issledovaniya v Sibiri* [American Studies in Siberia]. Vol. 7. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <http://hist.asu.ru/aes/gdr/btmkv.htm>. (Accessed: 12th August 2018). (In Russian).
- Münkler, H. (2009) *Die Deutschen und ihre Mythen*. Berlin: Rowohlt.
- Neues Deutschland. (1948) 16th June.
- Märkische Volksstimme. (1959) 14th November.
- Märkische Volksstimme. (1968) 25th May.
- Das Volk. (1962) 27th January.
- GDR. (1949) *Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 7. Oktober 1949*. [Online] Available from: <http://www.verfassungen.de/ddr/ddr49-i.htm>. (Accessed: 17th July 2018).
- Neues Deutschland. (1962) 15th June.
- Neues Deutschland. (1953) 9th June.
- Neues Deutschland. (1996) 12th February.
- Germany. (1965) *Protokoll der Sitzung des Nationalen Verteidigungsrates von October 13, 1965*. [Online] Available from: <http://www.nationaler-verteidigungsrat.de/downloads/findbuch.pdf>. (Accessed: 17th July 2018).
- GDR. (1968) *Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 9. April 1968*. [Online] Available from: <http://www.verfassungen.de/ddr/ddr68-i.htm>. (Accessed: 19th July 2018).
- Wippermann, W. (2011) *Preußen: kleine Geschichte eines großen Mythos*. Freiburg im Breisgau: Herder.
- Wiechmann, G. (1997) Das Preußenbild in der DDR-Medien: DEFA-Spielfilm “Lützower”. In: Waterkamp, R. (ed.) *Der Wandel des Preußenbildes in den DDR-Medien*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung. pp. 49–70.
- Mayers, P. (1997) Die DDR-Fernsehproduktion “Scharnhorst”. In: Waterkamp, R. (ed.) *Der Wandel des Preußenbildes in den DDR-Medien*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung. pp. 70–84.
- Mittenzwei, I. (1979) *Friedrich II. von Preußen. Eine Biographie*. Berlin: [s.n.].
- Neues Deutschland. (1971) 12th May.
- Gröhler, O. (1981) *Die Kriege Friedrichs II.* Berlin: [s.n.].
- Helmert, H. & Uszeck, H. (1975) *Preußischdeutsche Kriege von 1864 bis 1871*. Berlin: [s.n.].
- Rus, E.V. (n.d.) *Istoricheskaya preemstvennost' kak element natsional'noy identichnosti v istoriografii FRG i GDR* [Historical continuity as an element of national identity in the historiography of the FRG and the GDR]. [Online] Available from: <http://www.rusgermhist.ru/documents/isledovatel/feling/Kontinuitat2.pdf>. (Available from: 15th July 2018).
- Petelin, B.V. & Stepanov, G.V. (2013) Erikh Khonekker [Erich Honecker]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 117–128.
- Ash, T.G. (1981) Bei den Roten Preußen: wie ein Engländer die DDR erlebt (III). *Spiegel*. 16th November. pp. 196–208.
- Neues Deutschland. (1980) 5th June.
- Neues Deutschland. (1983) 12th November.
- Neues Deutschland. (1986) 29th September.
- Neues Deutschland. (1984) 21st July.
- Neues Deutschland. (1988) 16th January.
- Neues Deutschland. (1981) 15th September.
- Spinder, S. (1997) Preußen in den DDR-Medien, dargestellt am Beispiel von Sachsens Glanz und Preußens Gloria. In: Bundeszentrale für politische Bildung Bonn. *Der Wandel des Preußenbildes in den DDR-Medien*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.
- Gintsberg, L.I. (1988) Fridrikh II. *Voprosy istorii*. 11. pp. 98–118.
- Thum, G. (2010) “Preußen – das sind wir!”: Zur Wiederentdeckung der preußischen Kulturlandschaft in Deutschland und Polen. *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 59(3). pp. 301–322.

УДК 930.1

DOI: 10.17223/19988613/61/12

И.Е. Погаева

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ИСТОРИИ КОЛОНИЙ НОВЫЙ ПЛИМУТ И МАССАЧУСЕТС В XVII в.: ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Работа посвящена анализу современной американской историографии первых английских колоний Новой Англии с точки зрения экологической истории. Американская традиция экологической истории новоанглийских поселений рассматривается как многомерный феномен, связанный с изучением взаимодействия человеческого социума и природы в качестве единого хозяйственно-культурного комплекса. Автор исследует историографию экологических аспектов колонизации региона с позиций столкновения европейской и индейской культур, образов жизни и способов взаимодействия с экосистемой.

Ключевые слова: Американская историография; экологическая история; Новый Плимут; Массачусетс; экосистема.

Экологическая история, или история окружающей среды, изучает взаимодействие человека с природой в исторической динамике. В США, на родине экологической истории, этот подход получил популярность в последнюю четверть XX в. под влиянием общественных движений в защиту окружающей среды [1]. Экоистория рассматривает человека и природу в комплексе – во взаимосвязи и взаимовлиянии. Окружающая среда – результат этого взаимодействия, следствие трансформации природы человеком. Центральным понятием экологической истории является экосистема, лаконичное определение которой дал Э. Ле Руа Ладюри. Экосистема по Ладюри – это «природа плюс сельское хозяйство, фауна, бактериальная флора плюс человеческий род» [2. С. 161].

Воздействие исторической экосистемы на человеческое сообщество, его социальный, культурный, экономический и политический уклад, а также анализ трансформации экосистем социумом является основой исследовательской стратегии экоистории [3. Р. 249]. Изучение «прошлого» самой природы, будучи уделом естественных наук, не относится к задачам экологической истории, поскольку «природа не нуждается в людях, в то время как окружающая среда появляется только там, где живут люди и где люди вступают в отношения с окружающим их миром» [4. Р. 3]. Природа в этих отношениях выступает в качестве такого же актора, как и социум, а социальная сущность человека рассматривается в контексте естественных биологических характеристик.

В идеях американской школы экоистории заметно влияние двух исследовательских традиций. Первая из них – это история фронта и американского Запада, которая опирается на работы Фредерика Дж. Тернера [5], Уолтера П. Уэбба [6] и Джеймса Малина [7]. Тернер, а вслед за ним Уэбб, поместили окружающую среду в центр повествования о становлении и развитии американских общественных институтов. Джеймс Малин подверг ревизии концепции Тернера и Уэбба, критикуя последних за экологический детерминизм и отрицающая решающее влияние ландшафта, климата и осо-

бенностей почвы на формирование общественного уклада [8]. Он подчеркнул сложность и взаимозависимость отношений между социальными устоями и физической средой. Малин заявил, что культура формируется в результате адаптации человека к новой для него среде и залог успеха этой культуры – в поддержании баланса с природным миром [7. Р. 327–330].

Вторая традиция восходит к представителям французской школы «Анналов»: Фернану Броделю и упоминаемому выше Эммануэлю Ле Руа Ладюри. Бродель отвел первый том исследования Средиземноморья XVI в. «почти неподвижной истории, истории человека в его взаимоотношениях с окружающей средой» [9. С. 20]. Бродель – один из первых историков, который возвел окружающую среду в ранг действующего лица истории. Он продемонстрировал, как физико-географическое единство ландшафта и климата влияло на жизненный уклад общества. «Сезонный детерминизм» вмешивался не только в график полевых работ, животноводства и навигации, но и в деятельность банков, сворачиваемую зимой, работу ремесленников, оживлявшуюся в холодное время года. Времена года вносили коррективы в вопросы войны и мира: «...зима – это время переговоров, дипломатических встреч, мирных намерений» [9. С. 351] в противовес лету – периоду войн, мятежей и эпидемий. Теплому сезону в Средиземноморье неизменно сопутствовала малярия, очагом которой были болотистые равнины. Вспышки чумы, привнесенной в регион извне, также приходились на лето – период активной мобильности населения. Наибольшую опасность эпидемии представляли для крупных городов, в которых, в условиях высокой плотности населения и низкого уровня гигиены, болезни распространялись быстро. Богатые жители летом устремлялись на свои загородные виллы, покидая инфицированные города и своих менее обеспеченных сограждан. Жизнь общества была зависима от окружающей среды, но в то же время социум трансформировал природу, подчиняя ее своим нуждам. Покоренное человеком море, прежде бывшее преградой для общения, способствовало «установлению связей,

постепенному формированию стройной целостности Средиземноморья, принадлежащего людям и истории» [9. С. 323].

Э. Ле Руа Ладюри в «Истории климата с 1000 года» [10] сместил фокус исследования с фигуры человека на историю окружающей среды. Ладюри предложил работу, в которой климат был впервые изучен «сам по себе в историческом плане, а не в “экологическом” по отношению к человечеству» [Там же. С. 11]. Ладюри рассматривает формирование истории климата, свободной от антропоцентризма, в качестве первого этапа исследования, еще более масштабного, предполагающего естественное слияние климатической истории и истории человечества. Результатом должно было стать рождение исторической экологии [Там же. С. 21–22]. В «Истории климата» Ладюри не ставит себе задачу перейти на этот «второй этап» работы. После значительного перерыва, в 2000-х гг. он вновь обращает свое внимание на проблемы экоистории и переходит к изучению влияния климатических флуктуаций на европейскую историю в цикле работ, включающем трехтомный труд «Человеческая и сравнительная история климата» [11–13] и книгу «Тридцать три вопроса об истории климата» [14]. В этих исследованиях Ладюри интегрирует события климатической истории в историю социума в качестве некой «базы данных», обращение к которой позволяет переосмыслить такие элементы человеческого прошлого, как эпидемии, войны, голод, народные волнения и демографические кризисы с позиций экоистории.

Ранняя колониальная история Северной Америки в фокусе экологической истории приобрела новые грани. Актуализировались вопросы, которые, казалось бы, и без того имеют давнюю историю изучения в американской историографии: проблемы генезиса первых европейских поселений в Новом Свете, колониальные столкновения, фронт, взаимодействие с коренным населением, специфические черты материальной культуры и социально-экономических укладов. Экоистория, предлагая новые подходы к изучению внешне знакомых сюжетов, раскрывает в них новые смыслы. В то же время, стремясь выявить ускользающие от глаз историков взаимосвязи между природным и социальным миром, она ставит на повестку дня новые вопросы, не характерные ранее для исторических исследований: болезни, вирусы, эпидемии, или океан как часть исторической экосистемы. Откликаясь на общий дрейф исторической науки к проблематике символических форм, исследование «мест памяти»¹ в культуре индейцев также становится частью многогранной экологической истории.

Работой, во многом задавшей вектор современной экоистории в изучении первых колоний, стала книга Уильяма Кронона «Изменяя землю: индейцы, колонисты и экология Новой Англии» [15], которая выдержала несколько изданий с 1983 по 2003 г. Кронон посвятил книгу анализу и интерпретации культурных и эко-

логических последствий колонизации Новой Англии. Два аспекта этой работы позволяют взглянуть на архетипичные сюжеты колониальной истории под новым углом.

Первый аспект показывает широту воздействия на окружающую среду противоположных представлений о собственности, характерных для англичан-пилигримов и коренных американцев. Английское право наделяло владельца земли всей полнотой власти над ней: право владеть, продавать, дарить, использовать ее ресурсы по своему усмотрению. В глазах индейцев взаимоотношения с землей, напротив, строились на принципах «узуфрукта» – права владеть не землей, а плодами, которые она приносит, жить на земле, возделывать ее, но не распоряжаться ею [15. Р. 72]. Истинная причина конфликта между индейцами и колонистами-пилигримами, по мнению Кронона, крылась именно в разном отношении к окружающей среде и обусловленном этими принципами ведении хозяйства, а не в борьбе за ресурсы.

Вторым аспектом стало переосмысление степени воздействия американских индейцев на экосистему региона. Еще Джон Бейклесс в работе «Америка глазами первооткрывателей» (1969 г.) [17] реконструировал ландшафты восточного побережья Северной Америки в доколониальную эпоху, опираясь на сохранившиеся письменные свидетельства путешественников и первых европейских переселенцев. Регион предстает в этом исследовании изобильным нетронутым лесом, «за исключением участков, расчищенных индейцами под посевы, и редких лугов» [Там же. С. 209]. Кронон, опираясь на «отчеты» и письма первых колонистов, работы историков и современные труды экологов, пришел к выводу, что уже до прибытия европейцев индейцы воздействовали на экологию, занимаясь охотой и сельским хозяйством, пусть и менее влиятельным способом, чем англичане: будущая Новая Англия накануне колонизации технологически соответствовала «каменному веку». Аборигены оказывали влияние на экосистему, но, поскольку их технологические возможности были невелики, а численность населения оставалась сравнительно небольшой, общее вмешательство индейцев в экологию Северной Америки было незначительным.

Книга Кронона оказала сильное влияние на последующие исследования как истории Нового Плимута и Массачусетса, так и колониальной истории США в целом, формируя новый тренд экологической истории. Кронону удалось показать, что экосистема не бывает инертной, она чутко реагирует на любое воздействие, которое оказывает на нее человек. Роль стабильности и оседлости в европейском способе ведения хозяйства обусловил возникновение нового режима собственности на землю в первых колониях, который ограничил возможности взаимодействия с экосистемой для коренного населения и глубоко отразился на экологии региона в целом.

В работе У. Джеффри Болстера фокус экоистории сместился с континентальных ракурсов на просторы

океана. Его статья «Включение океана в историю Атлантики: морские сообщества и экология моря в северо-западной Атлантике, 1500–1800 гг.» [18] подняла вопрос изучения экосистем океана во взаимосвязи с историей человечества. Болстер называет период с 1500 по 1800 г. «эпохой Океана», в которой океан является крупнейшей магистралью, основой торговли, источником пищи, подателем материальных благ. Концентрируясь на просторах Атлантики вдоль северо-восточного побережья Северной Америки от Ньюфаундленда до мыса Кейп-Код, автор замечает, что в указанный период эта территория стала важным перекрестком, точкой взаимодействия коренного населения Америки, колонистов и странствующих европейцев.

Мотив изобильных вод северо-западной Атлантики настойчиво звучит в сочинениях первых колонистов и их предшественников – европейских мореплавателей. Рыба занимала значимое место в рационе христиан. Примерно треть года католики и протестанты были ограничены в потреблении мяса из-за религиозных постов. На протяжении Средневековья жители Британских островов отдавали предпочтение пресноводной рыбе, вылов которой был более легким в сравнении с морским промыслом. С течением времени растущее население оказывало все большее влияние на обитателей пресных водоемов. Вырубка лесов, строительство плотин, сточные воды, загрязненные отходами животноводства и промышленности привели к деградации пресных водных ресурсов. После истощения рек и озер, англичане приступили к морскому рыболовству. Болстер отмечает, что Атлантический мир, в котором доминируют европейцы, в немалой степени сложился из-за их «ненасытных требований, предъявляемых к экосистемам Бискайского залива, Ла-Манша и Северного моря» [Ibid P. 28]. Подверженные колебаниям ресурсы европейских морей не всегда могли удовлетворить потребности населения, живущего на его берегах, что и побуждало рыболовов к расширению географии промысла.

Пилигримы стремились к восточному побережью Северной Америки не только за духовной свободой, но и в поисках трески, которая, по слухам, в изобилии водилась в здешних водах. Отмели Кейп-Кода славились запасами осетровых, которые практически исчезли в метрополии. Огромную ценность для жителей региона представляли киты, свободно жившие у берегов полуострова. Китовый жир использовался для освещения, как смазочное вещество, находил применение в медицине, мыловарении, китовое мясо шло в пищу, что делало китобойный промысел источником стабильного сезонного дохода.

Болстер замечает, что богатство прибрежных вод Новой Англии было относительным и проявлялось в сравнении с истощенными европейскими водными экосистемами. Природное изобилие восточного побережья Америки XVI–XVII вв. предопределялось не климатическими условиями, а меньшим числом населения с менее развитой материальной культурой. Через сто лет после основания Нового Плимута и Массачу-

сетса количество жителей в обеих колониях приблизилось к ста тысячам человек. Уровень населения практически сровнялся с количеством индейцев, обитавших в регионе до контакта с европейцами. Океаническая экосистема, тем не менее, подвергалась эксплуатации человеком в значительно большей степени, чем в доколониальную эпоху. Численность осетровых была недостаточна для открытого промысла уже к 1673 г. – через 50 лет после начала массового вылова европейцами этой рыбы [18. P. 38]. По данным Болстера, в период с 1696 по 1734 г. колонистами были истреблены от 2 459 до 3 025 китов от залива Делавэр до штата Мэн [Ibid. P. 34]. Болстер связывает с китобойным промыслом колонистов вымирание популяции серых китов, живших у восточного побережья Северной Америки. В местных водах снизилось число трески, полосатого окуня, лосося. К 1800 году морская экосистема региона была значительно преобразована в результате локальных изменений, трансформации устьев рек, истребления морской фауны и уже мало отличалась от европейских морей. Эти процессы отразились на жителях прибрежного региона, вызвав экономические трудности. Кризис был преодолен, в частности с помощью технологических инноваций и географических исследований, что привело, как пишет Болстер, к изменению социальной идентичности жителей Новой Англии [Ibid. P. 25].

Исследуя взаимосвязи между океаном и людьми, история океанической экосистемы в интерпретации Болстера предлагает переосмыслить географические и социальные границы, опираясь на концептуальные достижения морской экологии. Изучение документальных и археологических свидетельств колониальных поселений в свете подходов экологии моря способствует исторической реконструкции единой экосистемы и включению океана в пространство исторических исследований.

Кристин М. Делусия в статье «В поисках Киккемуита: водные источники, каменные мемориалы и борьба за место обитания на северо-восточной границе» [19] затрагивает водную проблематику в ином, символическом контексте. Эта работа посвящена «местам памяти» в истории окружающей среды. Ее отправной точкой является природная достопримечательность – источник Киккемуит на берегу залива Наррангасетт. Киккемуит часто упоминается в контексте конфликтов между индейцами вампаноагами и поселенцами Плимутской колонии, переросших в войну местного вождя «короля Филиппа» против английских колонистов и их индейских союзников в конце XVII в. Работа Делусии направлена на выявление материального и символического значения ручья Киккемуит в истории этого столкновения.

Источники пресной воды в непосредственной близости от океанического побережья были жизненно важны как для Плимутской колонии, так и для индейцев. В этом суть материального значения Киккемуита [19. P. 478]. Его символическое значение кроется в

особенностях мировоззрения колонизаторов и коренных американцев. Основатели Плимута – ортодоксальные пуритане, воспринимавшие библейский текст подчас буквально. Религиозное сознание пуритан наделяло водные источники сакральным смыслом, отсылая к блужданию в пустыне ведомых Моисеем израильтян. В индейской традиции водные объекты часто становились маркерами границ, пунктами для встреч, реперами символических воспоминаний о неких важных событиях. Это были ориентиры «природной летописи» индийской истории, находящей отражение в племенных преданиях. Колонизация региона постепенно ограничивала доступ индейцев к местам, подобным ручью Киккемуит. Вместе с этим постепенно исчезала память о вехах индейской истории.

В рассуждении Делусии о пространстве и времени ручьи, камни, деревья выступают в качестве маркеров многовековой истории, сплетая воедино историю и географию. Обращение к таким «местам памяти» как Киккемуит помогает увидеть альтернативное прошлое и альтернативное понимание исторического процесса по отношению к письменной традиции англоамериканских поселенцев. Сложность заключается в том, чтобы отыскать их следы в письменных источниках и в современном ландшафте США.

Таким образом, автор помещает Киккемуит в широкий региональный контекст, сравнивая его с аналогичными, вписанными в ландшафт «местами памяти» Новой Англии. Делусия отмечает, что исследование истории окружающей среды невозможно совершить в отрыве от верований и традиций исследуемых народов. Необходимо учитывать зависимость этих верований от современных им экологических реалий.

Мэри Э. Стин в статье «Строительство в климатических условиях Нового Света: влияние культуры или окружающей среды?» [20] анализирует превращения типичного английского дома, построенного по модели hall-and-parlor (холл и гостиная), в жилище колонистов, именуемое saltbox (солонка). Стин прослеживает, какие культурные и экологические факторы повлияли на изменение форм жилых строений в Новом Плимуте и Массачусетсе. Стин опирается на данные археологии и документальные источники о жизни английских пуритан по обе стороны Атлантики. Анализ дополняют современные данные климатологии, которые автор экстраполирует на исследуемый исторический материал.

Исследовательница отмечает, что климатические условия Новой Англии оказались для переселенцев экстремальными. Первую зиму колонисты провели в быстровозводимых жилищах, построенных по технологиям, которыми их обучили индейцы. Это были вигвамы и землянки, – сухие, теплые, но культурно чуждые эмигрантам из Европы, и потому воспринимаемые ими как временное пристанище. Пилигримы стремились воссоздать привычный «цивилизованный» уклад жизни, и с наступлением теплого сезона принялись за строительство традиционных английских домов.

В действительности, возведенные дома стали компромиссным вариантом строительных практик, устоявшихся в тех местах, откуда были родом эмигранты. Жилища плимутцев имели в основе каркас из бревен, стены из деревянных досок и соломенную двускатную крышу. Щели между досками замазывали глиной. Пол укладывали прямо на утрамбованную землю. Планировка дома представляла собой две комнаты с очагом между ними. Эти недостаточно утепленные строения были рассчитаны на менее холодную и менее продолжительную зиму.

Автор отмечает, что технологии строительства начали постепенную, неспешную трансформацию в соответствии с реальными потребностями колонистов. Наряду с климатическими факторами этому способствовало постепенное рассредоточение поселенцев в регионе, полном свободной земли. Итогом расселения колонистов становится появление обособленных домохозяйств, ориентированных на длительное изолированное проживание.

Крыши домов стали покрывать деревянной черепицей, стены – обшивать вагонкой. Пол стал теплее за счет глубокого подпола, защищающего от промерзшей земли. Фасады домов ориентировали на юг, а к северной части дома пристраивали помещение для хозяйственных нужд, объединенное с основным строением удлиненной крышей. Именно это нововведение делало дом внешне похожим на короб для хранения соли.

Сдерживающим фактором в эволюции домостроений, по мнению Стин, являлись консервативные представления колонистов о подобающем устройстве жилища цивилизованного человека. Дома нового типа окончательно утверждаются в строительной практике только спустя восемьдесят лет с момента высадки первых поселенцев [20. Р. 54]. Тем не менее эта эволюция и разрыв со строительной практикой метрополии были наглядным свидетельством растущего самоопределения жителей Новой Англии. Опыт анализа трансформации жилищ, демонстрация процесса «акклиматизации» англичан и индивидуализации жизни поселенцев в тесной связке с природными условиями позволяет выявить новые грани формирования американской идентичности.

Еще одним вектором экологической истории Нового Плимута стала история болезней. О роли эпидемий в мировой экосистеме писал Э. Ле Руа Ладюри: «...микробная унификация мира, свершившаяся не без жертв в период между 1300 г. и 1650 г., явилась одним из наиболее мощных факторов стабилизации нашей экосистемы, произошедшей между двумя этими датами» [2. С. 162]. В истории ранних новоанглийских поселений изучение болезней привело к полемике вокруг череды эпидемий, поразивших коренных американцев накануне и в первое столетие после высадки английских переселенцев.

В 2008 г. вышла статья Кристобая Сильвы «Чудотворные болезни: эпидемиология в колониальном ландшафте Новой Англии» [21], которая стала основой

более объемной его работы «Чудотворные болезни: эпидемиология в нарративе ранней Новой Англии» [22]. Сильва локализует свое исследование болезней на территории первых новоанглийских поселений в период с 1616 по 1712 г. Автор сосредоточил внимание не столько на причинах эпидемий и их характере, сколько на том, как эпидемический фактор отразился на формировании идентичности колонистов сквозь призму созданных ими текстов [Ibid. P. 4].

Сильва, оговаривая рамки употребления им термина «эпидемиология», уточняет, что к корпусу источников он относит все тексты, созданные колонистами, в которых, независимо от медицинских или научных притязаний, содержится этиология болезни и объяснение механизма ее действия [Ibid. P. 10]. Сильва полагает, что эпидемия чумы, поразившая индейцев в 1616–1619 гг., способствовала не только успешному расселению англичан на пустых землях, но и помогла легитимировать английскую колонизацию региона. Ему удалось проследить в сочинениях колонистов устойчивое убеждение в том, что уязвимость коренного населения перед лицом болезни стала выражением божественной воли, предопределившей эти земли для проживания англичан.

Риторика пуританизма, которая подчеркивала превосходство физиологии выходцев из Старого Света, переживает кризис в середине века. В это время циклы эпидемий чумы поразили и белое население колоний. Болезням оказались подвержены, прежде всего, дети и молодые люди, рожденные после переселения в Северную Америку. Это привело к дискуссии среди религиозных лидеров переселенцев о снижении тонуса веры у второго и третьего поколений колонистов, чем и объяснялось постигшее их божье наказание.

Таким образом, эпидемиологический дискурс обретает новые грани. Развернутый в пространстве религиозных убеждений, он начинает служить политическим целям в период борьбы с антиномизмом², который в сочинениях лидеров пуритан описывается в терминах смертоносной болезни, поразившей церковь: «чума», «гангрена», «проказа». Порицалось поведение, способствующее развитию болезни, будь то реальной или метафорически обозначенной. Представив антиномизм «эпидемией», пусть и фигурально, духовные авторитеты протестантов развернули траекторию дискурса в пуританской эпидемиологии с Божьей Благодати на Божий Гнев.

Сильва утверждает, что эпидемии не воспринимались колонистами-пуританами в качестве ограниченного во времени и пространстве явления из области медицины. Болезни сохранялись в умах поселенцев в качестве образа Божьего Бича даже спустя длительное время после их завершения, влияя на формирование коллективной идентичности.

Для выявления взаимосвязи между «иммунологией» и идеологией в формировании общинной идентичности Сильва вводит в исследование понятие «воображаемый

иммунитет» – совокупность представлений индивидов о том, что они являются частью сообщества, которое характеризуется наличием коллективной резистентности к определенным заболеваниям. Эти иммунные связи, «будучи формализованы профессиональными и непрофессиональными эпидемиологами, превращают отдельные социальные группы в «мистически объединенную биологическую сущность», примером которой является нация» [22. P. 8]. Колониальное общество, оперируя категорией «воображаемого иммунитета», делится на здоровое «мы» и больное «они». Этими «они» на разных этапах выступали как индейцы, так и инакомыслящие сограждане, чьи идеи выглядели опасными в глазах духовных и светских властей. Впоследствии «воображаемый иммунитет» стал активной составляющей националистической риторики колонистов.

Избрав в качестве ключевой задачи интерпретацию пуританской мысли с позиций истории болезней, Сильва видит свою миссию в стремлении отодвинуть в сторону статичные модели биологической истории. Он рассуждает о демографической и поколенческой динамике, которая формировала подлинный физиологический и мнимый идеологический иммунитет в колониальном контексте [Ibid. P. 141]. Метод литературоведческого анализа, интегрированный в историческое исследование, демонстрирует новые уровни понимания наследия пилигримов. Связи между болезнями, поразившими колонии, политикой, проводимой властями и литературным творчеством поселенцев, становятся более прозрачными. Развивая вектор экоиории, работа Сильвы демонстрирует новое измерение в ментальности пилигримов и их потомков через выявление медицинских флуктуаций в текстах, созданных в первое столетие существования английских колоний в Новом Свете.

Особенностью мировосприятия новоанглийских пуритан была рационализация действительности сквозь призму библейских текстов. Священное писание, путем толкования и выстраивания системы аллегорий, становилось пособием по разумному устройству жизни. Знамена, которые пилигримы усматривали в окружающем мире, указывали им на божественное одобрение или порицание их поступков. Мэтт Коэн [23] дополняет работу Сильвы анализом рассказа Уильяма Брэдфорда³ об одном из таких «знамений». Им стало массовое появление цикад в лесах, окружавших Плимут, в 1633 г. – на тринадцатый год после основания колонии. Коэн сообщает, что цикады, «объедающие зелень и производящие оглушительный стрекот» [Ibid. P. 827], были истолкованы пуританами как символ надвигающейся катастрофы, по аналогии с нашествием саранчи в Ветхом Завете. Предчувствие беды было подкреплено предостережением, полученным от индейцев-вампаноагов, о том, что вслед за насекомыми придет «морозное поветрие» – чума. Эпидемия, разразившаяся зимой 1633–1634 гг., в полном соответствии с прогнозом, стала одной из самых продолжительных и смертоносных в истории колонии.

Живущие в тесной взаимосвязи с природой ваппаоги были знакомы с длительным жизненным циклом цикад, варьирующимся от тринадцати до семнадцати лет. Этот срок цикады практически полностью проводят под землей в состоянии личинки. Лишь к концу своей жизни взрослые особи одновременно появляются на поверхности земли для спаривания, откладывания яиц и, в конечном счете, собственной гибели [23. Р. 828]. Предыдущее появление цикад состоялось за несколько лет до высадки пилигримов и совпало с эпидемией чумы 1616–1617 гг., обернувшейся катастрофичным уровнем смертности среди автохтонного населения Америки. Связка «цикады-чума» закрепилась в сознании индейцев, наделив этих насекомых функцией природного маркера истории. Вместе с этим, образ индейского народа, чье предсказание воплотилось в жизнь, получил в глазах пилигримов дополнительные мистические коннотации.

Восприятие индейцев колонистами, их образ, отношения между этими сообществами – насущная проблема современной американской колониальной историографии. В этом контексте выполнено исследование Дэвида С. Джонса «Рационализация эпидемий: значение и использование смертности американских индейцев с 1600 года» [24]. Работа Джонсона, как и упомянутые выше, направлена на анализ реакции европейских поселенцев и их потомков на эпидемии, вызвавших демографический коллапс среди североамериканских индейцев вскоре после начала колонизации континента. Последствия этой катастрофы отразились на всем процессе колонизации. Автора интересует то, как белые американцы-современники эпидемий объясняли проявившееся «иммунологическое неравенство» между европейцами и аборигенами. Исследование охватывает историческое пространство от череды инфекционных заболеваний в первые десятилетия колонизации Новой Англии в XVII в. до туберкулеза индейцев навахо в конце XX столетия.

«Рационализация эпидемий ограничена лишь пределами человеческого воображения», – пишет Джонсон [Ibid. Р. 3]. Очевидцы зачастую генерируют переизбыток потенциальных объяснений, в которых определяются ответственные за возникновение болезни. Ими могут выступать сами больные, их генетические особенности, действия здоровых людей, или же некие внешние, по отношению к локальной общности, авторитеты, такие как государство или Бог. Выбор объяснения, как правило, отражает политические или социальные потребности общества в данный момент [Ibid. Р. 4].

Автор находит подтверждение этому тезису, представляя в одной из четырех частей работы панораму взаимоотношений жителей Новой Англии. Идеи мессианства, избранности Богом служили вдохновением для новоанглийских пуритан на пути к построению идеального общества. Еще до эмиграции в колонию до них доходили сведения об американских аборигенах. Ранние экспедиции Дж. Смита, С. де Шамплена,

Р. Вайнса, Т. Дермера описывали местных жителей как людей активных, здоровых, живущих в процветающих селеньях. Пилигримы боялись столкновений с сильными соседями, что было подкреплено неудачным опытом колонии Роанок, уничтоженной индейцами вскоре после основания. В Новом Свете переселенцы-протестанты стали свидетелями быстрой и массовой гибели аборигенов от инфекционных заболеваний. Давая определение этим болезням, колонисты в своих текстах называли их чумой, оспой, лихорадкой или вовсе «неизвестной болезнью». Ошеломленные наблюдаемым упадком, пилигримы пытались оценить уровень смертности. В сведениях, сообщенных ими, депопуляция индейцев достигала 90–95% [24. Р. 32]. Необходимость объяснения чрезвычайной индейской смертности породила в среде новоанглийских колонистов идею о божественной каре, постигшей дикарей-язычников и освободившей их земли для праведных пуритан, как уже было показано в работе Сильвы. В то время как переселенцы рационализировали эпидемии через божественное предопределение, индейцы «зеркальным» образом связывали свои болезни с появлением на континенте англичан и разрушительными действиями их Бога.

Д.С. Джонс отмечает, что одновременно с индейцами сами жители Плимута и Массачусетской колонии также находились в тяжелой ситуации. Половина плимутских поселенцев погибла в первую зиму от болезней и голода. Колония в Массачусетской бухте выжила благодаря помощи соседей и массовому притоку новых колонистов. Трактую это как посланное Богом испытание, нацеленное на укрепление и очищение веры, колонии медленно учились выживать в сложных условиях.

По мере накопления знаний о причинах болезней и развития эпидемиологии, объяснения причин заболеваемости трансформируются. Это изменение проявляется к 1760-м гг., когда западное побережье США постигла эпидемия оспы. В течение XVIII и XIX столетий «провиденциальная теория» эпидемий заменяется на концепции, которые были основаны на социальных, поведенческих факторах или естественной предрасположенности индивида. Это изменение отражает общие тенденции секуляризации в понимании окружающего мира. Несмотря на меняющуюся рационализацию болезней, определенные закономерности были сохранены. Джонсон сообщает, что, вне зависимости от вида заболевания, будь то оспа, чума, туберкулез, хроническая болезнь сердца или диабет, индейцы объективно всегда отличались наименьшей резистентностью. Численность американских индейцев сокращалась даже в периоды, когда европейская часть населения чувствовала себя благополучно [25. Р. 703]. Джонсон критикует «биологический детерминизм», который объясняет подверженность коренных американцев заболеваниям их предполагаемыми генетическими особенностями. Он считает неполной и концепцию «эпидемий девственных земель», разработанную Уильямом Макнилом [26] и Альфредом В. Кросби [27], полагавших, что

иммунологическая восприимчивость индейцев вызвана отсутствием у их иммунной системы опыта столкновения с типичными для европейцев заболеваниями, принесенными колонистами в Новый Свет. Джонсон акцентирует тот факт, что иммунитет индейцев была дополнительно угнетен недоеданием, истощением и стрессом, вызванными колонизацией. Эпидемии снижали экономическую производительность, порождали голод, делая выживших после перенесенной болезни уязвимыми перед лицом следующей инфекции. Новые болезни, в сочетании с падением рождаемости, вооруженными столкновениями, общими социальными потрясениями, обернулись для американских индейцев демографической катастрофой.

Исследование истории первых колониальных поселений в фокусе экоистории заполняет лакуны в про-

странстве репрезентаций прошлого. Экосистемы сложны для изучения, поскольку связи, сложившиеся в них, часто являются опосредованными, нелинейными и неочевидными. Представленные в обзоре работы, интегрировав законы социального развития и окружающей среды, показывают историю первых колоний Новой Англии многогранной, избавляя ее от детерминизма факторов религии, политики или экономики. Сообщества колонистов Нового Плимута и Массачусетса изображены как объединения людей, чьи действия, с одной стороны, варьируются в зависимости от окружающей действительности, с другой – сами определяют ее. Подобранный ракурс исторических исследований делает концепцию экологической истории востребованной и имеющей перспективы для использования в исторических работах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Понятие «места памяти» было введено в исследовательскую практику, начиная с коллективного проекта под руководством Пьера Нора по изучению французской национальной идентичности. Под местами памяти Нора понимал любые материальные или идеальные объекты исторического прошлого, которые по разным причинам превратились в символическую часть наследия, сохраняемую в памяти данной общности [16. С. 265].

² Антиномизм – движение в христианстве, отрицающее необходимость следования законам Священного Писания как необходимого элемента духовного спасения. Антиномисты отвергали непреложность библейских догм, полагая, что для индивидуального спасения достаточно искренней веры. С точки зрения новоанглийского пуританизма, Библия являлась прикладным сводом правил и норм поведения, организующих духовную и светскую жизнь общества. Идеи антиномизма воспринимались духовенством Новой Англии как угроза единству и благополучию общины верующих. Антиномические споры в Новой Англии 1630-х гг. были связаны с противостоянием Дж. Коттона – сторонника ортодоксального пуританизма, и Энн Хатчинсон, выступавшей против жестких церковных ограничений.

³ У. Брэдфорд – второй губернатор колонии Новый Плимут (избран в 1622 г). Один из «отцов пилигримов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Parsons C.M., Strang B.S. Old Roots, New Shoots: Early American Environmental History // *Early American Studies*. 2015. Vol. 13, № 2. P. 279–284.
2. Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история // *Thesis*. 1993. Вып. 2. С. 153–173.
3. Ravi Rajan S. The Ends of Environmental History: Some Questions // *Environment and History*, 1997. Vol. 3, № 2. P. 245–252.
4. Sorlin S., Warde P. Making the Environment Historical – An Introduction // *Nature's End* / ed. by S. Sorlin, P. Warde. London : Palgrave Macmillan, 2009. P. 1–19.
5. Turner F.J. The Frontier in American History. N.Y. : H. Holt and Company, 1920. 396 p.
6. Webb W.P. The Great Plains. Waltham ; Massachusetts ; London : Blaisdell Publishing Company, 1941. 551 p.
7. Malin J.C. The Grassland of North America: Prolegomena to Its History. Lawrence, Kansas, 1947. 398 p.
8. Bell R.G. James C. Malin and the Grasslands of North America // *Agricultural History*. 1972. Vol. 46, № 3. P. 414–424.
9. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
10. Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. Л. : Гидрометеониздат, 1971. 270 с.
11. Le Roy Ladurie E. Histoire humaine et comparée du climat. Vol. 1: Canicules et glaciers (XIII–XVIII siècles). Paris : Éd. Fayard, 2004. 748 p.
12. Le Roy Ladurie E. Histoire humaine et comparée du climat. Vol. 2: Disettes et révolutions 1740–1860. Paris : Éd. Fayard, 2006. 616 p.
13. Le Roy Ladurie E. Histoire humaine et comparée du climat. Vol. 3: Le réchauffement de 1860 à nos jours (avec le concours de Guillaume Séchet). Paris : Éd. Fayard, 2009. 462 p.
14. Le Roy Ladurie E. Trente-trois questions sur l'histoire du climat. Paris : Éd. Fayard, 2010. 192 p.
15. Cronon W. Changes in The Land: Indians, Colonists, and The Ecology of New England. N.Y. : Hill and Wang, 2003. 288 p.
16. Васильев А.Г. «Места памяти» // *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь* / отв. ред. А.О. Чубарьян. М. : Аквилон, 2014. С. 263–267.
17. Бейклесс Дж. Америка глазами первооткрывателей. М. : Прогресс, 1969. 408 с.
18. Bolster W.J. Putting the Ocean in Atlantic History: Maritime Communities and Marine Ecology in the Northwest Atlantic, 1500–1800 // *The American Historical Review*. 2008. Vol. 113, № 1. P. 19–47.
19. DeLucia C.M. Locating Kickemuit: Springs, Stone Memorials, and Contested Placemaking in the Northeastern Borderlands // *Early American Studies*. 2015. Vol. 13, № 2. P. 467–502.
20. Stean M.A. Building in the Climate of the New World: A Cultural or Environmental Response? // *Traditional Dwellings and Settlements Review*. 2004. Vol. 15, № 2. P. 49–60.
21. Silva C. Miraculous Plagues: Epidemiology on New England's Colonial Landscape // *Early American Literature*. 2008. Vol. 43, № 2. P. 249–275.
22. Silva C. Miraculous Plagues: An Epidemiology of Early New England Narrative. N.Y. : Oxford University Press, 2011. 256 p.
23. Cohen M. «The Indians Told Them That Sickness Would Follow»: A Response to Miraculous Plagues // *The William and Mary Quarterly*. 2013. Vol. 70, № 4. P. 827–831.
24. Jones D.S. Rationalizing Epidemics: Meanings and Uses of American Indian Mortality since 1600. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2004. 308 p.
25. Jones D.S. Virgin Soils Revisited // *The William and Mary Quarterly*. 2003. Vol. 60, № 4. P. 703–742.
26. McNeill W.H. Human migration: A Historical Overview // *Human migration: Patterns and Policies* / ed. by W.H. McNeill, R.S. Adams. Bloomington, 1978. P. 3–20.
27. Crosby A.W. Virgin Soil Epidemics as a Factor in the Aboriginal Depopulation in America // *William and Mary Quarterly*. 1976. Vol. 33, № 2. P. 289–299.

MODERN AMERICAN HISTORIOGRAPHY ON THE COLONIAL HISTORY OF NEW PLYMOUTH AND MASSACHUSETTS IN THE 17TH CENTURY: ENVIRONMENTAL DIMENSION

Keywords: American historiography; environmental history; New Plymouth; Massachusetts; ecosystem.

Environmental history has become a significant trajectory for the development of historical science over the past few decades. This article discusses environmental history as one of the leading research directions in modern American historiography of the first colonial settlements of New England: New Plymouth and Massachusetts.

The author identifies and characterizes key trends in modern American historiography that are aimed at studying the first English colonies in New England in the context of environmental history. The author conducts research based on the works of American historians devoted to the history of New England of the XVII century and published in the 2000–2010s.

The author demonstrates how the use of environmental history approaches allows us to interpret long-standing questions of American history: the history of relations between colonists and Indians through of their perception of the surrounding world; the genesis of colonial settlements and the evolution of architecture in the context of the climatic and geographical features of the region.

Moreover, the author shows how the use of environmental history strategies led to the emergence of fresh problematic perspectives in the study of the history of New Plymouth and Massachusetts. One of them is the history of the ocean as an integral component of a historical ecosystem. The author draws attention to how the inclusion in the panorama of the past history of the ocean made it possible to reveal the connection between the involution of the marine and coastal ecosystems of the Old World and the beginning of the development of the northeast Atlantic.

One of the directions of environmental history is the study of natural «places of memory» in the culture of the Indians, as a symbolic manifestation of the interaction between man and the environment. The author believes that the appeal to the theme of symbolic forms, which were reflected in Indian legends, contributes to the disclosure of alternative written tradition of European settlers of first colonies. Another trend in environmental history is the history of epidemics. The author notes that at present in American historiography there is a discussion around the issue of the depopulation of the indigenous population of the region, which coincided with the onset of European colonization. Today, American historians are inclined to understand epidemics as a systemic and multifactorial phenomenon, avoiding the use of deterministic concepts in their study.

Summarizing, the author concludes that the American tradition of environmental history demonstrates the successful experience of revealing hidden and implicit interconnections formed within ecosystems.

REFERENCES

1. Parsons, C.M. & Strang, B.S. (2015) Old Roots, New Shoots: Early American Environmental History. *Early American Studies*. 13(2). pp. 279–284. DOI: 10.1353/eam.2015.0010
2. Le Roy Ladurie, E. (1993) Zastyvshaya istoriya [The frozen history]. *Thesis*. 2. pp. 153–173.
3. Ravi Rajan, S. (1997) The Ends of Environmental History: Some Questions. *Environment and History*. 3(2). pp. 245–252. DOI: 10.3197/096734097779555908
4. Sorlin, S. & Warde, P. (2009) Making the Environment Historical – An Introduction. In: Sorlin, S. & Warde, P. (eds) *Nature's End*. London: Palgrave Macmillan. pp. 1–19.
5. Turner, F.J. (1920) *The Frontier in American History*. New York: H. Holt and Company.
6. Webb, W.P. (1941) *The Great Plains*. Waltham, Massachusetts, London: Blaisdell Publishing Company.
7. Malin, J.C. (1947) *The Grassland of North America: Prolegomena to Its History*. Lawrence, Kansas: James C. Malin.
8. Bell, R.G. (1972) James C. Malin and the Grasslands of North America. *Agricultural History*. 46(3). pp. 414–424.
9. Braudel, F. (2002) *Sredizemnoe more i sredizemnomorskiy mir v epokhu Filippa II* [The Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Age of Philip II]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
10. Le Roy Ladurie, E. (1971) *Istoriya klimata s 1000 goda* [Climate history since 1000]. Translated from French by A.S. Chaplygina. Leningrad: Gidrometeoizdat.
11. Le Roy Ladurie, E. (2004) *Histoire humaine et comparée du climat*. Vol. 1. Paris: Éd. Fayard.
12. Le Roy Ladurie, E. (2006) *Histoire humaine et comparée du climat*. Vol. 2. Paris: Éd. Fayard.
13. Le Roy Ladurie, E. (2009) *Histoire humaine et comparée du climat*. Vol. 3. Paris: Éd. Fayard.
14. Le Roy Ladurie, E. (2010) *Trente-trois questions sur l'histoire du climat*. Paris: Éd. Fayard.
15. Cronon, W. (2003) *Changes in The Land: Indians, Colonists, and The Ecology of New England*. New York: Hill and Wang.
16. Vasiliev, A.G. (2014) "Mesta pamyati" [Places of memory]. In Chubaryan, A.O. (ed.) *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskiy slovar'* [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary]. Moscow: Akvilon. pp. 263–267.
17. Bakeless, J. (1969) *Amerika glazami pervootkryvateley* [The Eyes of Discovery]. Translated from English by Z.M. Kanevsky. Moscow: Progress.
18. Bolster, W.J. (2008) Putting the Ocean in Atlantic History: Maritime Communities and Marine Ecology in the Northwest Atlantic, 1500–1800. *The American Historical Review*. 113(1). pp. 19–47. DOI: 10.1086/ahr.113.1.19
19. DeLucia, C.M. (2015) Locating Kickemuit: Springs, Stone Memorials, and Contested Placemaking in the Northeastern Borderlands. *Early American Studies*. 13(2). pp. 467–502. DOI: 10.1353/eam.2015.0011
20. Stean, M.A. (2004) Building in the Climate of the New World: A Cultural or Environmental Response? *Traditional Dwellings and Settlements Review*. 15(2). pp. 49–60.
21. Silva, C. (2008) Miraculous Plagues: Epidemiology on New England's Colonial Landscape. *Early American Literature*. 43(2). pp. 249–275. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199743476.001.0001
22. Silva, C. (2011) *Miraculous Plagues: An Epidemiology of Early New England Narrative*. New York: Oxford University Press.
23. Cohen, M. (2013) "The Indians Told Them That Sickness Would Follow": A Response to Miraculous Plagues. *The William and Mary Quarterly*. 70(4). pp. 827–831. DOI: 10.5309/willmaryquar.70.4.0827
24. Jones, D.S. (2004) *Rationalizing Epidemics: Meanings and Uses of American Indian Mortality since 1600*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
25. Jones, D.S. (2003) Virgin Soils Revisited. *The William and Mary Quarterly*. 60(4). pp. 703–742. DOI: 10.2307/3491697
26. McNeill, W.H. (1978) Human migration: A Historical Overview. In: McNeill, W.H. & Adams, R.S. (eds) *Human migration: Patterns and Policies*. Bloomington: Indiana University Press. pp. 3–20.
27. Crosby, A.W. (1976) Virgin Soil Epidemics as a Factor in the Aboriginal Depopulation in America. *The William and Mary Quarterly*. 33(2). pp. 289–299. DOI: 10.2307/1922166

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 94(470)

DOI: 10.17223/19988613/61/13

П.В. Виноградов

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С СОЮЗНИКАМИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта
«Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны: проблемы и уроки», 15-01-00220.*

В статье рассмотрена историография проблемы военно-технического сотрудничества Российской империи с союзниками в годы Первой мировой войны. Делается вывод о том, что данная тема находилась на периферии исследований отечественных ученых и, несмотря на появление современных публикаций, до сих пор отсутствуют полноценные работы, посвященные этому вопросу, так как существующие труды по теме либо эпизодически затрагивают военно-техническое сотрудничество между Российской империей и союзниками, либо рассматривают процесс военно-технического сотрудничества в рамках взаимоотношения с какой-либо одной страной.

Ключевые слова: Первая мировая война; военно-техническое сотрудничество; иностранные поставки; историография; архивные источники.

Война 1914–1918 гг. сыграла большую роль в истории мировой цивилизации. Даже более кровопролитная Вторая мировая война в Европе имела меньшие геополитические последствия, чем Первая, в итоге которой рухнули четыре империи и возникло более десяти новых государств. Первая мировая война продемонстрировала глубочайший кризис в обеспечении российской армии военным имуществом. Вооруженные силы, промышленность и государственный аппарат Российской империи оказались не подготовленными к затяжной и крупномасштабной войне. Необходимость в массовом вооружении вновь формируемых воинских подразделений, недостаточная производительность отечественной промышленности в начале войны заставили правительство прибегнуть к заказам военно-технического имущества за границей. Поставки оружия, различных видов технического имущества и стратегического сырья стали для царского правительства одним из существенных способов преодоления кризиса вооружений.

По сравнению с ленд-лизом периода Второй мировой войны, получившим достаточное освещение в исторических исследованиях, стремление Российской империи преодолеть кризис вооружений с помощью союзных поставок оказалось на периферии внимания историков. Поэтому изучение вопросов военно-технического сотрудничества Российской империи с союзниками представляет актуальную научную задачу.

Публикации, освещающие тему военного и технического сотрудничества с союзными государствами, стали появляться уже в годы войны. По своей форме это были небольшие издания, объемом не более

50 страниц, среди которых выделяется сборник статей «Вопросы мировой войны» под редакцией известного экономиста М.И. Туган-Барановского [1]. В большинстве своем данные работы имели научно-популярное или ярко выраженное пропагандистское содержание, и на сегодняшний день они не имеют полноценного научного значения.

В послевоенное десятилетие в Советской России наблюдалось активное стремление осмыслить опыт Первой мировой войны. В круг широкого спектра проблем Великой войны, рассматриваемых в 20–30-е гг. XX в., были включены и вопросы переустройства отечественной экономики на военные рельсы, снабжение армии и тесно связанные с ними проблемы военно-технического сотрудничества с союзниками. Изучение перечисленных аспектов истории привело к появлению целого ряда публикаций, неоднородных по своему объему и содержанию, но объединенных общим идейным и методологическим контекстом. Среди подобных исследований выделяется фундаментальный трехтомный труд А.А. Маниковского «Снабжение русской армии в мировую войну 1914–1918 гг.», возглавлявшего в годы войны Главное артиллерийское управление (ГАУ) Генерального штаба [2].

В этой работе, выдержавшей три издания, существенное внимание автора уделено характеристике военной помощи России со стороны союзников. Рассматривая и оценивая масштабы зарубежных поставок, бывший царский генерал утверждал, что правительственные инстанции принимали решения вопреки интересам армии, находясь под сильным влиянием бур-

жуазии. Крупные промышленники, финансовые и банковские воротилы, держали под контролем практически весь государственный аппарат, и только возглавляемое А.А. Маниковским ведомство в одиночку отстаивало государственные интересы. Главное артиллерийское управление во время войны, как и в мирное время, оставалось почти без всякого руководства в своей деятельности по снабжению со стороны военного министра, который не столько управлял подчиненным ему ведомством, сколько вел с ним «борьбу» под давлением представителей буржуазии, капитала и промышленности [3. С. 650].

Поэтому основную долю вины за ошибки, допущенные при ликвидации кризиса вооружений в русской армии с помощью иностранных заказов, А.А. Маниковский целиком возлагает на бывшее царское правительство и союзников по Антанте. Автор констатирует, что к экономическому потенциалу союзных государств Россия обратилась слишком поздно, поэтому задействовать его с максимальной для себя выгодой не получилось. Как итог, российские заказы приходилось размещать на фирмах, не обладающих развитой промышленной базой и производственными мощностями.

Другим исследованием, затрагивающим интересующую нас проблему, является труд заместителя А.А. Маниковского по работе в Главном артиллерийском управлении Е.З. Барсукова «Русская артиллерия в мировую войну» [4, 5]. В своей книге, выдержавшей два издания, автор, на основе анализа различных документов и обширных статистических данных, рассматривает вопросы эволюции русской артиллерии в предвоенные и военные годы, фокусируя свое внимание и на рассмотрении объемов союзных поставок. В данном вопросе выводы Е.З. Барсукова полностью перекликаются с оценками, сформулированными его коллегой А.А. Маниковским.

Статистические данные и оценки, приведенные в работах А.А. Маниковского и Е.З. Барсукова, на долгие десятилетия стали основополагающими для характеристики союзных поставок Российской империи. Рассматривая масштабы иностранной помощи, они отмечали, что ее объемы ограничивались промышленным потенциалом союзников, в частности касаясь заказов в США, отмечалось, что американские фирмы в погоне за прибылью брали заказы, которые они изначально выполнить не могли в виду слабой технической оснащенности. Поэтому когда от заводов потребовался самый срочный переход к новому производству, да еще с такими высокими требованиями по части точности и взаимозаменяемости, как у изделий боевого снабжения, то они оказались выбитыми из своей нормальной колеи, должны были переоборудоваться на совершенно новый лад и при самом переходе пережили те исключительные затруднения, результатом которых и явились чрезвычайные запоздания [5. Т. 2. С. 296]. Как следствие, российскому правительству приходилось вкладывать существенные финансовые средства не

только в покупку готовой продукции, но и в техническое перевооружение и расширение производственной базы зарубежных фирм.

В качестве негативных причин организации заказов указывалось и использование различными российскими государственными и общественными учреждениями услуг недобросовестных посредников, которые заключали соглашения с ненадежными в экономическом плане фирмами либо вовсе с компаниями, существовавшими на бумаге.

В целом отмечают авторы, союзники не прилагали максимум усилий в удовлетворении потребностей российской армии в оружии, хотя могли сделать гораздо больше. Отсюда и выводы о том, что размеры материально-технической помощи были незначительными и не играли ключевой роли в повышении боеспособности российских вооруженных сил. Союзники России оказывали помощь, далеко не окупавшуюся теми потоками русской крови, которая проливалась на полях сражений ради их империалистических стремлений, тем разорением русской страны, к какому ее привела война, и теми потоками русского золота, какие утекли за границу в уплату по заказам боевого снабжения [3. С. 622].

Подобная позиция авторов во многом обуславливалась тем, что с начала 30-х гг. изучение различных аспектов Великой войны стала подвергаться сильной идеологизации. В исторической литературе ведущим становится тезис о полукOLONIALной зависимости России от союзников. Это, безусловно, влияло и на изучение вопросов материально-технической помощи, объемы которой определялись как незначительные и поэтому не оказывающие существенного воздействия на повышение боеспособности вооруженных сил России.

Необходимо подчеркнуть, что рассмотренные исследования в первую очередь были посвящены изучению специализированных вопросов развития армии и промышленности в годы войны, а тема иностранных поставок и военно-технического сотрудничества являлась лишь дополнительным сюжетом. Вне контекста оставались вопросы, связанные с функционированием межсоюзных органов по размещению заказов, вопросы транспортировки материально-технических грузов и, наконец, финансовая составляющая иностранных поставок, без освещения которых невозможно составить полноценную картину военно-технического сотрудничества.

Стоит сказать несколько слов и о работах, составленных в эмиграции офицерами царской армии и чиновниками правительства, занимавшихся вопросами организации военных поставок. К числу подобных работ относятся труды А.П. Залюбовского [6] и М.И. Гайдук [7]. В данных работах освещаются вопросы размещения российских заказов в США, в них можно встретить интересные факты, характеризующие некоторые аспекты данного процесса. Представляют интерес статистические данные об американских поставках винтовок, пистолетов и патронов к ним приведенные А.П. Залюбовским, возглавлявшим русский Заго-

товительный комитет в США и хорошо знавшим всю «кухню» по размещению заказов.

А.П. Залюбовский основываясь на труде А.А. Маниковского, дополнил его статистическими данными из работы члена Русского правительственного комитета в Лондоне П.В. Миронова и собственными выводами и оценками, основанными на анализе личного опыта по размещению заказов в Америке. В частности, автор, анализируя поставки винтовок, отмечает, что в 1915 г. они «сыграли существенную роль, так как 60% из общего количества поступивших ружей были иностранного образца» [Там же. С. 78].

Рассматривая причины неудовлетворительного выполнения американскими фирмами наших заказов, в качестве ведущих называются некомпетентность, отсутствие специальных знаний, подготовки и опыта у лиц занимавшихся заключением контрактов, размещением заказов и приемкой готовой продукции. По словам А.П. Залюбовского, в этом серьезном и сложном деле участвовали не специалисты, а люди из числа тех, «кто в то время не был нужен на местах в России, не руководствуясь вовсе их стажем, опытностью, и нравственной устойчивостью» [Там же. С. 9].

Как и в работах своих советских коллег, в данных трудах авторам не удалось избежать субъективных трактовок, а некоторые оценки, сформулированные авторами, страдают излишней эмоциональностью, что в первую очередь относится к труду М.И. Гайдук.

Автор лично занимался размещением заказов и работал со многими видными организаторами военно-технического сотрудничества между Российской империей и Соединенными Штатами. Он приводит емкие и яркие характеристики видных деятелей закупочного комитета, а многие аспекты размещения заказов освещаются очень эмоционально. Чего хотя бы стоят названия некоторых разделов его книги – «Продажность и предательство», «Мелкий кутеж».

Рассматривая причины, негативно влияющие на эффективность закупок и заказов в Америке, М.И. Гайдук в качестве одной из важнейших причин называет личную корысть и безответственность большинства чиновников и лиц, принимавших участие в этом деле, констатируя, что: «Россия переплачивала американским фирмам при закупках благодаря продажности или некомпетентности в коммерческих делах военных комиссий» [7. С. 143]. В целом данная книга, написанная, по горячим следам, может служить дополнительным источником по исследованию процесса организации закупок в США. Однако необходимо учитывать, что автор был непосредственным участником данного процесса, что не могло не отразиться на субъективном характере его работы и желании обелить свою деятельность.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что в 20–30-х гг. XX в. освещение вопроса военно-технического сотрудничества затрагивались в специализированных работах, касающихся развития армии в годы Первой мировой войны, и являлось в них лишь

дополнительным сюжетом, на фоне анализа проблем функционирования военной промышленности, развития отдельных родов войск и т.п.

Написанные по «свежим» следам непосредственными участниками событий исследования, касающиеся процесса военно-технического сотрудничества, отличаются известной долей субъективизма. Авторы, их написавшие, не являлись представителями академической науки, а были в первую очередь профессиональными военными, поэтому некритически воспринимали многие факты и официальные документы, находящиеся в их распоряжении. К тому же работы советских исследователей вынуждены были соответствовать определенным идеологическим установкам. Несмотря на это, выводы об эффективности иностранных военных поставок советских исследователей перекликаются со своими «зарубежными коллегами». За тем лишь исключением, что советской стороне они виделись следствием общей, закономерной отсталости царской России в целом и ее системы государственного управления в частности, а эмигрантским писателям – в первую очередь в личной некомпетентности, алчности и продажности чиновников, занимавшихся этими вопросами.

Между тем несомненным достоинством данных работ является их опора на обширный статистический материал, позволивший впервые ввести в научный оборот конкретные цифры и объемы иностранных поставок. Несмотря на то, что эти данные приведены только по основным видам оружия в различный временной период, они и на сегодняшний день остаются актуальными, а их непредвзятый анализ позволяет по-новому взглянуть на степень эффективности военно-технического сотрудничества.

Следующий всплеск интереса к вопросам военно-технического сотрудничества и иностранным поставкам в годы Первой мировой войны пришелся на 50–70-е гг. XX в. В данный период среди опубликованных работ необходимо отметить исследования А.Л. Сидорова [8, 9] и А.В. Игнатьева [10, 11]. Несмотря на то, что главными аспектами изучения в данных исследованиях, с одной стороны, являются межгосударственные отношения России и Великобритании, а с другой – вопросы экономического и финансового развития страны в годы войны, освещается и тема военно-технического сотрудничества со странами Антанты. Опираясь на обширный круг архивных документов, большинство из которых было введено в научный оборот впервые, авторы рассматривают проблемы финансовых взаимоотношений Российской империи с союзниками и ее влияние на объемы русских военных заказов за рубежом, а также организацию транспортировки военного и технического имущества в Россию. Но следование официальной идеологической линии, несмотря на использование широкого круга источников, не позволяло ученым сформулировать объективные выводы об итогах сотрудничества между царской Россией и союзниками. Например, ограниченные поставки различного рода

стратегического сырья и промышленного оборудования трактовались как нежелание содействовать развитию промышленности и экономическому укреплению страны в целом. Поэтому размеры материально-технической помощи определялись как небольшие и, следовательно, не играющие существенной роли в повышении боеспособности российской армии.

В фундаментальном исследовании А.Л. Сидорова, посвященного экономическому развитию России в период Великой войны, отмечается, что «поставки предметов чисто боевого снабжения (винтовки, снаряды, патроны, пулеметы) составляли сравнительно небольшой процент от внутреннего производства» [9. С. 284]. Хотя при анализе поставок оружия, инженерно-технического и интендантского имущества автор констатирует, что они были значительными. Однако следуя идеологическим установкам, отмечает «огромный масштаб русских заказов за границей и сравнительно незначительный процент их выполнения» [Там же]. Исторические факты, например российско-английские финансовые соглашения 1915–1916 гг., интерпретировались односторонне, в контексте их выгоды только для Великобритании. Поэтому данные соглашения и оценивались как грабительские, преследующие цель выкачивания золота и финансового порабощения страны. Саму же систему финансовых и экономических взаимоотношений с союзными государствами исследователи характеризовали не иначе как несправедливую и унижительную для Российской империи.

Таким образом, и в указанный период вопросы военно-технического сотрудничества оставались второстепенным сюжетом в общей картине исследований внешнеполитических перипетий взаимоотношений в лагере Антанты в годы войны, либо как сюжет, иллюстрирующий экономическую слабость царской России во время военного конфликта.

Между тем как позитивный момент следует подчеркнуть, что данные работы подготовлены уже профессиональными историками, которые смогли уйти от узкоспециализированного рассмотрения изучаемого вопроса. Авторы существенно расширили горизонты военно-технического сотрудничества, перешагнув рамки сугубо прикладного его освещения. Вопросы организации зарубежных поставок начинают рассматриваться в контексте дипломатических отношений в лагере Антанты, финансовых возможностей царского правительства и других факторов, влияющих на их объемы. Благодаря введению в научный оборот новых архивных документов, обогатилась источниковая база исследуемой проблемы.

Распад СССР, формирование новой государственности в стране привели к глобальным изменениям во всех сферах общественной жизни и смене идеологических парадигм. В новых реалиях, на фоне увеличения интереса к вопросам функционирования власти и управления в Российской империи, тема военно-технического сотрудничества продолжала оставаться

на периферии изучения истории России начала XX в. Среди публикаций, в которых уделено внимание данному аспекту, следует отметить монографию А.И. Степанова «Россия в годы Первой мировой войны: геополитическое положение и революционная смена власти» [12]. Ключевые усилия в своей работе автор сосредоточил на изучении эволюции геополитического статуса России в годы мирового конфликта. Рассматривая комплекс причин, приведших Российскую империю к последовательной смене своего геополитического статуса, исследователь касается и вопросов взаимоотношений со странами Антанты. Интерес вызывают статистические данные, приведенные А.И. Степановым, характеризующие объемы материальной помощи союзников. Согласно подсчетам, сделанным автором, союзные поставки за годы войны покрыли 39,2% потребностей в оружии и прочим военном имуществе, на долю отечественной промышленности пришлось 43,2; 17,6% потребностей были покрыты за счет довоенных мобилизационных запасов [Там же. С. 119].

В монографии О.Р. Айрапетова, посвященной перипетиям взаимоотношений промышленной буржуазии и военного ведомства накануне и в годы Первой мировой войны, затрагиваются вопросы военно-технического сотрудничества с союзниками [13]. Анализируя причины неудовлетворительного выполнения заказов, автор отмечает, что российское правительство поздно обратилось к зарубежному рынку, который уже был занят, поэтому в этом деле оно оказывалось на «шаг позади от требований дня». «Французы, например, уже после первого месяца войны активно работали в Японии и Испании, куда вслед за ними обратились англичане, а потом и русские специалисты. То же самое можно сказать и об американском рынке вооружений, не говоря уже британских доминионах», – констатирует О.Р. Айрапетов [13. С. 101].

Несомненный вклад в изучение как нашей темы, так и истории Великой войны в целом вносит деятельность Российской ассоциации историков Первой мировой войны (РАИМПВ). В выпускаемом под ее эгидой Альманахе «Великая война 1914–1918 гг.» публиковались статьи, посвященные различным аспектам военно-технического сотрудничества с союзниками [14].

Значительно дополняет фактологический материал о военно-техническом сотрудничестве России и Японии в годы Первой мировой войны исследования Э.А. Барашева и Д.Б. Павлова.

В работах Э.А. Барышева основное внимание сфокусировано на анализе деятельности артиллерийской комиссии ГАУ, осуществлявшей размещение заказов на оружие в стране Восходящего солнца [15–17].

Рассматривая организацию военных закупок, Э.А. Барышев констатирует, что наиболее удачные и крупные заказы были размещены при помощи японского правительства, тогда как заказы, заключенные без прямого участия японского правительства, были малоэффективными. В качестве факторов, сдерживаю-

щих военно-техническое сотрудничество, автор называет ограниченные финансовые возможности царского правительства, отмечая, что с 1915 г. «основной проблемой в заготовительной деятельности ГАУ в Японии стал вопрос оплаты по заказам, вызванный острой нехваткой японской валюты» [17. С. 136]. При этом Японское правительство, подобно Британскому, соглашалось открывать денежный заем для России непременно при условии высылки золота. Отличительной чертой военных поставок из Японии стало аккуратное и своевременное их выполнение. В отличие от российских военных заказов, размещенных в других государствах, «подавляющее большинство заказанных в Японии военных товаров было сдано точно в срок, что, несомненно, способствовало повышению боеспособности русской армии во время Первой мировой войны» [Там же. С. 138].

В монографии Д.Б. Павлова детально рассматривается механизм организации размещения военных заказов в Японии на протяжении всей войны. Широкий круг изученных документов позволил автору пересмотреть устоявшиеся со времен советской историографии взгляды на некоторые моменты военно-технического сотрудничества двух стран. Автор приходит к выводу, что инициатива в организации военно-технического сотрудничества исходила от японской стороны, а не от российской, как считалось ранее. Правда, в этом вопросе Япония первоначально старалась действовать «скрытно и преимущественно по частным каналам». Эти конспирации объяснялись тем, что в начале августа, по словам министра иностранных дел Т. Като, Япония внешне только «определялась» в своем отношении к европейским событиям и, очевидно, не хотела раньше времени лишаться нейтрального статуса и свободы рук [18. С. 15].

Однако как только Токио определился с союзниками в мировом конфликте, военно-техническое сотрудничество между двумя странами стало быстро развиваться. Уже спустя полгода после начала войны сумма военных заказов в стране Восходящего солнца составляла 80 млн иен, а стоимость всех произведенных в 1914–1917 гг. японских продаж военного назначения в Россию превышала 400 млн иен [Там же. С. 40, 106]. И это не считая обширных заказов гражданских и общественных организаций, которые по статистическим данным, приведенным в работе, также были масштабными.

Заслуживает безусловного внимания монография В.В. Поликарпова [19]. Автор детально анализирует развитие военно-промышленного комплекса Российской империи в годы Первой мировой войны, затрагивая и вопросы военно-технического сотрудничества. Рассматривая механизм размещения заказов, В.В. Поликарпов в качестве ключевой причины невыполнения заказов называет отсутствие должной организации этого процесса с российской стороны. Анализируя богатый архивный материал, автор приходит к заключению, что

главные причины задержки с выполнением заказов крылись в организационных и финансовых взаимоотношениях между фирмами и советующими органами Военного ведомства. Эти обстоятельства неблагоприятно сказывались уже на стадии заключения контрактов: в них оказывались пункты, допускавшие разное толкование, что приводило к постоянным тяжбам между зарубежными фирмами и ГАУ и создавало тупики в финансовых расчетах [19. С. 92].

Подробно рассматривая перипетии выполнения российских заказов на винтовки компаниями «Ремингтон» и «Вестингауз», автор отмечает, что американские фирмы рассматривали эти заказы с чисто коммерческой точки зрения как возможность получения в первую очередь прибыли, а не в качестве акта помощи воюющему дружественному государству. Поэтому выполняли поставки винтовок по мере поступления денежных ассигнований согласно заключенным контактам.

К тому же «Ремингтон» и «Вестингауз» удалось заключить контракты на таких условиях, что ГАУ было лишено возможности дисциплинирующее воздействовать на исполнителя, и американские поставщики пользовались неповоротливостью ГАУ, чтобы «выцыганить» доплаты и не слишком заботиться о соблюдении русских технических стандартов [Там же].

В данном случае автор опровергает доводы А.А. Маниковского, Е.З. Барсукова, которые объясняли несвоевременное и некачественное выполнение заказов, неспособностью американских фирм своевременно освоить технологию производства трехлинейных винтовок. Главным являлось не неспособность американских фирм, а катастрофическая нехватка в США квалифицированных техников и приемщиков, способных разъяснить нюансы производства винтовок и квалифицированно осуществлять приемку готовой продукции. Таким образом, на проведении русской инспекции и приемки в США сказывалась нехватка подготовленного персонала, неустойчивость требований, отсутствие единого и рационально обоснованного подхода к условиям приемки, и все это дезорганизовывало сдачу винтовок [19. С. 97]. Как доказательство своего тезиса автор приводит пример, согласно которому фирме «Вестингауз» были отправлены лекала винтовок еще 1892 г., которые расходились как с американскими лекалами, так и предоставленными ГАУ чертежами! Естественно, что таким образом организованный процесс размещения заказов и приемки готовой продукции не мог быть эффективным.

Таким образом, В.В. Поликарпов по-новому освещает выполнение российских заказов, указывая, что в первую очередь в этом виноваты соответствующие органы Военного министерства, а возникшие в процессе развертывания производства трудности являлись уже следствием этого.

Среди работ, затрагивающих интересующую нас проблему, необходимо отметить монографии Т.Я. Иконниковой [20] и Т.И. Трошиной [21]. Эти работы посвящены региональному аспекту истории Первой мировой

войны и затрагивают вопросы социально-экономического развития Дальневосточного края и Русского Севера в годы Первой мировой войны и их значения для России в целом. Несомненным достоинством данных работ являются статистические данные о работе Архангельского и Владивостокского порта по приемке военно-экономических грузов от союзников. Определенный вклад в развитие нашей темы внесла монография Ю.С. Пестушко, в которой автор затрагивает и вопросы военных поставок Японии, приводя обширный статистический материал, и их объемы, основываясь на японских архивных материалах [22].

Наконец, необходимо отметить коллективную двухтомную монографию «Россия в стратегии Первой мировой войны» [23]. На сегодняшний день это, пожалуй, единственная работа, специально посвященная исследованию вопросов межсоюзнического взаимодействия в лагере Антанты. На основе введения в научный оборот широкого круга архивных материалов России, Великобритании и Франции, рассматриваются основные аспекты участия России в войне как члена Антанты. В монографии впервые предпринята попытка комплексного анализа военно-технического сотрудничества Российской империи со своими союзниками в годы Первой мировой войны. В главе посвященной данному вопросу рассматриваются особенности формирования и развития системы военных поставок в Россию каждой из стран Антанты. Приводятся количественные данные характеризующие масштабы и объемы поставок оружия и других стратегических материалов в Россию.

Подводя итог, можно констатировать, что в вопросе изучения военно-технического сотрудничества представляется возможным выделить несколько периодов.

Первый, приходящийся на 20–30-е гг. XX в., характеризуется появлением работ, написанных непосредственными участниками процесса военного и технического сотрудничества между Россией и ее союзниками. Для данных исследований связующей нитью является негативная оценка эффективности и значимости иностранных военных поставок для повышения боеготовности русской армии. Главными же причинами этого называются не желание наших союзников прилагать максимально возможные усилия в удовлетворении российских заявок в области военных поставок, а также неспособность царской власти должным образом организовать процесс взаимодействия с союзниками в этой сфере в силу порочности всего царского режима и недобросовестности его представителей.

Второй период приходится на 50–70-е гг. XX в. и связан с появлением полноценных академических исследований, рассматривающих вопросы экономического развития Российской империи в годы Первой мировой войны и дипломатические отношения с союзниками. При изучении данных вопросов авторы освещали и тему военно-технического сотрудничества, расширяя ее рамки рассмотрением вопросов транспортировки военных грузов в Россию, нюансами финансового обеспече-

ния иностранных поставок. Общей тенденцией обоих периодов являлась идеологизация данной проблемы, что приводило к однозначным выводам об использовании военно-технического сотрудничества как средства экономического закабаления царской России.

Третий период, приходящийся на рубеж конца 90-х гг. XX в. и начала 2000-х гг., характеризуется появлением целого ряда исследований, посвященных изучению военно-технического сотрудничества между Российской империей и союзниками. Несомненными достоинствами данных работ являются их опора на широкий круг как отечественных, так и зарубежных исследований и архивных материалов, свобода от пресловутого идеологического диктата. Это позволило обогатить источниковую базу, ввести новые статистические данные, характеризующие объемы и масштабы военных поставок, по-новому взглянуть на устоявшиеся оценки и факты военно-технического сотрудничества. В частности, заслуживает внимание тезис В.В. Поликарпова о том, что при оценке и изучении военно-технического сотрудничества следует учитывать и ментальные факторы отношения сторон к этому вопросу. Если наша сторона, проецируя на союзников свое мышление, надеялась, что союзники с готовностью и с максимальным усердием приступят к оказанию всей возможной помощи, то наши партнеры воспринимали данное сотрудничество, подходу с присутствием западному обществу рационализмом, рассматривая его как очередной бизнес-проект, очередную торговую сделку со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Общей тенденцией всех вышеуказанных периодов является отсутствием полноценных самостоятельных исследований, посвященных военно-техническому сотрудничеству.

Таким образом, следует отметить, что в отечественной историографии присутствует целый ряд изданий, посвященных иностранным поставкам в Россию в годы Первой мировой войны. Однако они либо эпизодически затрагивают тему военно-технического сотрудничества между Российской империей и союзниками, либо рассматривают процесс военно-технического сотрудничества в рамках взаимоотношения с конкретной страной.

Подобная ситуация приводит к тому, что несмотря на появление новых публикаций, введение в научный оборот новых архивных документов, статистических и количественных данных, сложить целостную картину военно-технического сотрудничества непросто. Для этого, на наш взгляд, необходимо, с одной стороны, раскрыть созданную в годы войны систему организации иностранных военных поставок с каждым из союзных государств отметив общие и отличительные черты последней. С другой стороны, для объективной оценки эффективности военно-технического сотрудничества необходима кропотливая работа по обработке статистических данных иллюстрирующих и уточняющих объемы и масштабы поставок

оружия, боеприпасов, технического имущества и стратегического сырья. Обе эти задачи требуют дальнейшего изучения и привлечения иностранных исследований в данной области, а также расширения источниковой базы путем введения в научный оборот отечественных и зарубежных архивных материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы мировой войны / под ред. М.И. Туган-Барановского. Пг. : Право, 1915. 671 с.
2. Маниковский А.А. Снабжение русской армии в мировую войну 1914–1918 гг. М. ; Л. : Высший военный редакционный совет, 1920–1923. Ч. 1–3.
3. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 3-е изд. М. : Воениздат, 1937. 650 с.
4. Барсуков Е. Русская артиллерия в Мировую войну. М.: Гос. воен. изд-во Наркомата Обороны Союза ССР, 1938. Т. 1, 2.
5. Барсуков Е. Артиллерия русской армии 1900–1917. М. : Воениздат, 1948–1949. Т. 1–4.
6. Залобовский А.П. Снабжение русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград : Центральное правление общества офицеров артиллеристов за рубежом, 1936. 127 с.
7. Гайдук М.И. Материалы и факты о заготовительной деятельности русских военных комиссий в Америке. Нью-Йорк, 1918. 144 с.
8. Сидоров А.Л. Россия в Первой мировой войне. М. : Наука, 1960. 579 с.
9. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в Первой мировой войне. М. : Наука, 1975. 654 с.
10. Игнатьев А.В. Англо-русские отношения накануне Первой мировой войны. М. : Социздат, 1962. 243 с.
11. Игнатьев А.В. Англо-русские отношения накануне Октябрьской революции. М. : Наука, 1968. 400 с.
12. Степанов А.И. Россия в первой мировой войне: геополитическое положение и революционная смена власти. М. : Пробел, 2002. 220 с.
13. Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию 1907–1917 гг. М. : Три квадрата, 2003. 253 с.
14. Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. М. : КВАДРИГА, 2014. Вып. 1–3.
15. Барышев Э.А. Японские винтовки на русском фронте во время Первой мировой войны (1914–1917 гг.): Малоизвестные страницы двустороннего сотрудничества // Япония 2011: Ежегодник. М. : АИРО&XXI, 2011. С. 240–244.
16. Baryshev E.A. The General Hermonius Mission to Japan (August 1914 – March 1915) and the Issue of Armaments Supply in Russo & Japanese Relations during the First World War // Acta Slavica Iaponica. 2011. Vol. 30. P. 23–35.
17. Барышев Э.А. Заготовительная деятельность Главного артиллерийского управления в Японии во время Первой мировой войны (1914–1917) // Война и оружие. Новые исследования и материалы : тр. Пятой Междунар. науч.-практ. конф. 14–16 мая 2014 г. СПб. : ВИ-МАИВиВС, 2014. Ч. 1. С. 129–140.
18. Павлов Д.Б. Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 261 с.
19. Поликарпов В.В. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М. : Центрполиграф, 2015. 383 с.
20. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск : Изд-во Хабаров. ун-та, 1999. 366 с.
21. Трошина Т.И. Великая война и северный край. Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск : Изд-во САФУ, 2012. 347 с.
22. Пестушко Ю.С. Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Хабаровск : Изд-во ДВГТУ, 2008. 237 с.
23. Россия в стратегии Первой мировой войны / под ред. А.Ю. Павлова. СПб. : Изд-во РХГА, 2014. Т. 1, 2.

Pavel V. Vinogradov. Far East Fire and Rescue Academy – a branch of the St. Petersburg State University of state fire service of Emercom (Vladivostok, Russia). E-mail: supwin26@mail.ru

STUDY OF THE MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF THE RUSSIAN EMPIRE WITH THE ALLIES DURING THE FIRST WORLD WAR IN THE RUSSIAN HISTORICAL LITERATURE

Keywords: The First World War, military-technical cooperation, foreign supplies, historiography, archival sources.

This article deals with the issue of the Russian Empire's military-technical cooperation with its allies during the First World War. Unlike the Lend-Lease of the Second World War, which received wide coverage in historical literature, Tsarist Russia's attempts to overcome the military equipment crisis by making orders from its allies turned out to be on the fringe of Russian historians' attention. Therefore, studying the issues of the military-technical cooperation between the Russian Empire and its allies represents an essential scientific task. The purpose of this article is to examine the main approaches to studying this issue in Russian historiography. The main stages of studying the military-technical cooperation are based on the analysis of Russian historical literature dealing with this issue. The literature takes forms of studies on the development of country's military forces as well as the aspects of the Russian Empire's foreign and internal policies during the First World War. The author states that the earliest researches on this issue were made by the direct participants of the events in the 1920s and 1930s. Therefore, those researches suffer from a certain degree of subjective interpretation and a negative attitude towards the effectiveness and importance of the military-technical cooperation with the allies in increasing the readiness of the Russian army. In the 1950s – 1970s, academic studies on the economic development of the Russian Empire and its diplomatic relations with the allies during the First World War appeared. They made it possible to expand the scope of study on the military-technical cooperation and to introduce new archival materials into scientific literature. However, ideological attitudes played an important role in the evaluation of this issue. They led to judgmental conclusions about the use of the military-technical cooperation as a means of economic enslavement of Russia. In the late 1990s – early 2000s, a series of studies on the military-technical cooperation between the Russian Empire and its allies that was free of ideological clichés appeared. That allowed not only to expand the source materials of the researches, but also to use foreign literature, which undoubtedly raised credibility in the interpretation of the issue. However, there is still no complete research comprehending the whole set of issues related to the studies on the military-technical cooperation. Therefore, it seems appropriate to continue the studies on this issue. On the one hand, it is worth describing the system of organized foreign military deliveries from each of the allied states that was created during the War. On the other hand, it is necessary to specify the amounts of foreign deliveries to Russia for a balanced assessment of the effectiveness of the military-technical cooperation.

REFERENCES

1. Tugan-Baranovsky, M.I. (1915) *Voprosy mirovoy vojny* [Issues of World War]. Petrograd: Pravo.
2. Manikovsky, A.A. (1920-1923) *Snabzhenie russkoy armii v mirovuyu vojnu 1914–1918 gg.* [Supply of the Russian army in the World War of 1914–1918]. Moscow; Leningrad: Vysshiy voennyi redaktsionnyy sovet.
3. Manikovsky, A.A. (1937) *Boevoe snabzhenie russkoy armii v mirovuyu vojnu* [Combat supply of the Russian army in World War I]. 3rd ed. Moscow: Voenizdat.

4. Barsukov, E. (1938) *Russkaya artilleriya v Mirovuyu voynu* [Russian artillery in World War I]. Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Narkomata Oborony Soyuza SSR.
5. Barsukov, E. (1948–1949) *Artilleriya russkoy armii 1900–1917* [Artillery of the Russian army 1900–1917]. Moscow: Voenizdat.
6. Zalyubovskiy, A.P. (1936) *Snabzhenie russkoy armii v Velikuyu voynu vintovkami, pulemetami, revol'verami i patronami k nim* [Supply of the Russian army in the Great War with rifles, machine guns, revolvers, and cartridges]. Belgrade: Tsentral'noe pravlenie obshchestva ofitserov artilleristov za rubezhom.
7. Gayduk, M.I. (1918) *Materialy i fakty o zagotovitel'noy deyatel'nosti russkikh voennykh komissiy v Amerike* [Materials and facts about the procurement activities of Russian military commissions in America]. Bew York: [s.n.].
8. Sidorov, A.L. (1960) *Finansovoe polozhenie Rossii v Pervoy mirovoy voyne* [The financial situation of Russia in the First World War]. Moscow: Nauka.
9. Sidorov, A.L. (1975) *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v Pervoy mirovoy voyne* [The economic situation of Russia in the First World War]. Moscow: Nauka.
10. Ignatiev, A.V. (1962) *Anglo-Russkie otnosheniya nakanune Pervoy mirovoy voyny* [Anglo-Russian relations on the eve of the First World War]. Moscow: Sotsizdat.
11. Ignatiev, A.V. (1968) *Anglo-Russkie otnosheniya nakanune Oktyabr'skoy revolyutsii* [Anglo-Russian relations on the eve of the October Revolution]. Moscow: Nauka.
12. Stepanov, A.I. (2002) *Rossiya v pervoy mirovoy voyne: geopoliticheskoe polozhenie i revolyutsionnaya smena vlasti* [Russia in the First World War: the geopolitical situation and the revolutionary change of power]. Moscow: Probel.
13. Ayrapetov, O.R. (2003) *Generaly, liberaly i predprinimateli: rabota na front i na revolyutsiyu 1907–1917 gg.* [Generals, liberals and entrepreneurs: work for the front and revolution of 1907–1917]. Moscow: Tri kvadrata.
14. Vlasov, N.A. et al. (2014) *Velikaya voyna 1914–1918: Al'manakh Rossiyskoy assotsiatsii istorikov Pervoy mirovoy voyny* [The Great War of 1914–1918: Almanac of the Russian Association of Historians of the First World War]. Moscow: KVADRIGA.
15. Baryshev, E.A. (2011) *Yaponskie vintovki na russkom fronte vo vremya Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.): Maloizvestnye stranitsy dvustoronnego sotrudnichestva* [Japanese rifles on the Russian front during the First World War (1914–1917): Unkown pages of bilateral cooperation]. In: Dmitrievskaya, N.P. (ed.) *Yaponiya 2011* [Japan 2011]. Moscow: AIRO&XXI. pp. 240–244.
16. Baryshev, E.A. (2011) *The General Hermonius Mission to Japan (August 1914 – March 1915) and the Issue of Armaments Supply in Russo & Japanese Relations during the First World War. Acta Slavica Iaponica*. 30. pp. 23–35.
17. Baryshev, E.A. (2014) [Procuring activity of the Main Artillery Directorate in Japan during the First World War (1914–1917)]. *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy* [War and Weapons New Research and Materials]. Proc. of the Fifth International Conference. May 14–16, 2014. St. Petersburg: VIMAIViVS. pp. 129–140. (In Russian).
18. Pavlov, D.B. (2014) *Rossiysko-yaponskie otnosheniya v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian-Japanese relations during the First World War]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
19. Polikarpov, V.V. (2015) *Russkaya voenno-promyshlennaya politika. 1914–1917. Gosudarstvennye zadachi i chastnye interesy* [Russian military-industrial policy. 1914–1917. State tasks and private interests]. Moscow: Tsentrpoligraf.
20. Ikonnikova, T.Ya. (1999) *Dal'nevostochnyy tyl Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Far Eastern rear of Russia during the First World War]. Khabarovsk: Khabarovsk State University.
21. Troshina, T.I. (2012) *Velikaya voyna i severnyy kray. Evropeyskiy Sever Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Great War and the North. European North of Russia during the First World War]. Arkhangelsk: North Arctic Federal University.
22. Pestushko, Yu.S. (2008) *Rossiysko-yaponskie otnosheniya v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.)* [Russian-Japanese relations during the First World War (1914–1917)]. Khabarovsk, izd-vo DVGGU, 2008. 237 s.
23. Pavlov, A.Yu. (2014) *Rossiya v strategii Pervoy mirovoy voyny* [Russia in the strategy of the First World War]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities.

УДК 930.1
DOI: 10.17223/19988613/61/14

Л.А. Гаман

ИДЕЯ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ВЗГЛЯД Г.П. ФЕДОТОВА В АМЕРИКАНСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА (1942–1951 гг.)

В статье рассматриваются историко-религиозные взгляды выдающегося русского религиозного мыслителя, историка Г.П. Федотова (1886–1951), связанные с его трактовкой идеи культурного синтеза в условиях углубления мировой интеграции, а также в свете проблемы направленности исторического процесса, относящиеся к американскому периоду его творчества. Подчеркивается своеобразие его междисциплинарной исследовательской стратегии, отмечается значение в ней религиозной компоненты. Рассматриваются его представления о природе национальных государств и их перспективах в условиях технологической цивилизации, а также особенности и перспективы межкультурного диалога Европы и России. Акцентируется внимание на его представлениях о значении христианских ценностей, прежде всего, свободы, для международной интеграции.

Ключевые слова: христианство; глобализация; менталитет; культурный синтез; национализм.

Идейно-теоретическое наследие представителей Русского зарубежья обретает особую актуальность в условиях нарастающей интенсивности глобализационных процессов в мире. Их всеохватность порождает потребность осмысления обусловленных ими трансформаций в различных сферах социального взаимодействия [1–3]. В этой связи вызывают интерес теоретические построения русских религиозных авторов, таких как Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, Ф.А. Степун и др., на страницах своих работ уделявших большое внимание проблеме мировой интеграции. Ее неизбежность и крайняя сложность были особенно очевидными в результате двух мировых войн XX в., ставших существенными факторами глобализации наряду с научно-техническим прогрессом, развитием средств массовой коммуникации, широким распространением либерально-демократических ценностей, в своем сложном взаимодействии способствовавших созданию условий, благоприятных для интеграции народов. Одним из зримых выражений этого стало расширение миграционных процессов в мире. По сути, в новых исторических условиях русскими учеными была предпринята углубленная разработка традиционной для отечественной религиозной мысли проблемы «Восток – Запад», основу которой составляет идея синтеза культур.

В рамках данной работы остановимся на размышлениях выдающегося русского религиозного мыслителя, историка *Георгия Петровича Федотова* (1886–1951), уделявшего целенаправленное внимание проблемам международной интеграции и межкультурного взаимодействия в эмигрантский период творчества. Советскую Россию он покинул вместе с семьей в 1925 г. по собственной инициативе, присоединившись к первой волне российской эмиграции в связи с неприятием советской системы, к тому времени проявившей свой идеократический характер. Небезынтересно упомянуть, что в 1918 г. он получил приглашение от своих друзей и коллег, профессоров историко-филологи-

ческого факультета Томского университета С.И. Гессена и П.Г. Любомирова перебраться в Томск, но он отклонил это предложение, отдав предпочтение работе в Саратовском университете [4. С. 218]. Однако ни преподавательская, ни научно-исследовательская, ни впоследствии переводческая деятельность не могла защитить от нараставшего идеологического пресса со стороны большевистской власти, что и побудило Федотова покинуть страну. В немалой степени такому выбору способствовала личностная черта мыслителя, отмеченная его женой Е.Н. Федотовой: «Ни к каким компромиссам, даже символическим, Г.П. не был способен» [5. С. XIX].

Оказавшись в эмиграции, Федотов жил сначала во Франции, а с 1942 г. в США. Примечательно, что его жена так и не смогла адаптироваться к американской культуре и вернулась во Францию [5. С. 407], тогда как сам мыслитель до конца жизни оставался в Америке. В американский период творчества предметом его детального анализа становятся те процессы, которые в терминологии современного научного знания квалифицируются как «модернизационные» и «глобализационные» [6]. (Сам ученый не использовал в своих теоретических построениях термины «модернизация» и «глобализация».) В работах этого периода Федотов напряженно переосмысливал в соответствующем ракурсе ключевые сюжеты российской истории, в частности петровскую модернизацию, Русскую революцию 1917 г., сталинскую модернизацию. Отдельный интерес вызывает предпринятый им системный анализ международных отношений в годы Второй мировой войны и по ее окончании, осуществленный им в свете магистральной для христианского видения истории темы направленности исторического процесса. В рамках данного анализа им был сформулирован целый ряд положений, в том числе связанных с проблемой культурного синтеза, актуальность которых сохраняется до настоящего времени, особенно с учетом тех сложно-

стей выстраивания межкультурного диалога между представителями различных национальных групп, которые столь остро проявились в обществе на рубеже XX–XXI вв.

Богатое творческое наследие Федотова неизменно вызывает интерес исследователей. Особенности его мировоззренческой эволюции, освещение общетеоретических представлений, особенностей исследовательских подходов содержатся в работах его современников М.М. Карповича [7. С. 269], Ф.А. Степуна [8], С.И. Штейна [9], Ю. Иваска [10] и др. Иваск, в частности, акцентируя внимание на исторической фундированности работ Федотова, писал: «Все его работы исторически обоснованы, подтверждаются академическими изысканиями... Федотов стремился услышать в документах, в памятниках голоса истории. При этом, не искажая фактов и не отбывая их искусственно, он подчеркивал в прошлом то, что могло бы пригодиться для настоящего и будущего» [10. С. 349–350].

В России работы Федотова получили широкую известность в постсоветский период. Его историко-философские представления, касающиеся, прежде всего, сюжетов российской истории, рассматриваются в работах О.Г. Юмашевой [11], Э.А. Шаряловой [12], Н. Зайцевой [13]. Зайцева, кроме того, в своей монографии касается его проекта всемирной федерации народов. «Вообще стоит сказать, – справедливо подчеркивает автор, – что Федотов был одним из немногих исследователей в российской, а возможно, и мировой историографии, который поставил в центре своего анализа Империю с большой буквы и весь комплекс связанных с этим проблем. Еще с XIX в. методология западноевропейских исторических исследований оказалась завязанной на категориях национальной государственности, так как в это время модель этнически единого и однородного национального государства стала в Европе нормой» [13. С. 202]. Однако в данной работе автор ограничивается лишь постановкой проблемы. А.Ф. Киселев в своей монографии освещает биографию и идейную эволюцию мыслителя, анализирует его историко-философские представления, в том числе о специфике цивилизационных контактов России в различные периоды истории в связи с темой своеобразия российского исторического процесса и проблемой Русской революции [14]. М. Вандалковская [15] анализирует интерпретацию Федотовым культурных контактов России и Европы в свете темы моделирования представителями эмигрантской мысли проектов будущего устройства России, относящихся к 20–30-м гг. XX в. М.И. Матюшевская уделяет специальное внимание анализу некоторых аспектов геополитических конструкций Федотова [16]. Целый ряд положений статьи данного автора представляется дискуссионным. В частности, в ней отмечается, что для Федотова в послевоенный период стало очевидным, что «США все больше проникаются духом насилия, их политика приобретает профашистский характер» [16. С. 68]. Между

тем Федотов до конца жизни рассматривал политическое доминирование США и Англии в мире как наиболее предпочтительное для судеб демократии. Он действительно находил профашистские элементы в американской массовой культуре, однако рассматривал их в ином контексте, в русле общемировой тенденции дегуманизации человека, одним из показателей чего как раз и является культ силы.

В ряде работ автора данной статьи также рассматриваются историко-религиозные представления Федотова, его концепция Русской революции 1917 г. и советской истории [17, 18]. Специальное внимание проблеме международной интеграции и идее культурного синтеза в интерпретации ученого было уделено в докладе, представленном на научной конференции «Диалог цивилизаций и идея культурного синтеза в эпоху глобализации» [3. С. 21–24], развитие основных положений которого и предпринимается в настоящей работе.

Источниковую базу нашей статьи составили работы Г.П. Федотова, относящиеся к американскому периоду творчества (1942–1951 гг.). Важным источником является его эпистолярное наследие, позволяющее составить более емкое представление о культурно-историческом контексте этой эпохи. В качестве источников также используются работы ряда современников ученого, в которых затрагивается проблема международной интеграции.

Изучение проблемы международной интеграции и связанной с ней идеи культурного синтеза Федотов осуществлял на основе междисциплинарной исследовательской стратегии, предполагающей использование в исследовательской практике достижений современных гуманитарных и социальных наук, при определяющем значении исторической науки. Это позволяло ему учитывать различные аспекты и нюансы интересовавших его процессов и явлений. Будучи христианским историком и мыслителем, Федотов комбинировал научные методы познания с христианскими принципами постижения истории [17; 18. С. 131–153]. Сама направленность размышлений Федотова о международной интеграции и культурном синтезе определялась его представлениями о всеобщности христианской религии и осуществлялась в свете религиозной идеи направленности исторического процесса. Будучи человеком христианского сознания, он выступал сторонником развития человеческой цивилизации в духе христианского социального идеала. В работе «Церковь и социальная правда» (1950), написанной по заказу Всемирного совета церквей, мыслитель обозначил общие контуры общества, к построению которого должны стремиться христиане, особенно с учетом пережитого опыта мировых войн XX в. Согласно Федотову, это такое общество, «где более всего воплощена справедливость и братские начала жизни, где легче всего бороться со злом и где личность поставлена в наиболее благоприятные условия для своего духовного развития» [19. С. 320]. Необходимым условием построения

такого гармоничного, свободного, но и сложноорганизованного общества, являлось углубление международной интеграции народов. Обращаясь к историко-религиозным размышлениям Федотова, посвященным ключевым проблемам современности, в том числе проблеме межкультурного взаимодействия народов, необходимо принимать во внимание эту их религиозно-духовную подоплеку. В этой связи трудно не согласиться с мнением известного американского исследователя русской общественной мысли М.М. Карповича, знавшего Федотова лично, который отмечал: «Основной темой Г.П. – на протяжении всей его литературной деятельности... – оставалась тема России и Запада. Но тема эта ставилась и обсуждалась Г.П. в связи с общим вопросом о судьбах человеческой свободы и человеческого достоинства, а еще глубже, в самой основе его рассуждений лежала общая религиозная его философия» [7. С. 269].

Обращаясь к анализу историко-религиозных представлений Федотова о международной интеграции как необходимом ответе на вызов эпохи, следует также учитывать, что устойчивость его интереса к данной теме в американский период творчества определялась характерной для того периода политической обстановкой, предшествовавшей формированию двуполярного мира. Исходной точкой размышлений ученого являлось его убеждение, что Вторая мировая война остро поставила вопрос о необходимости формирования новой системы международных отношений, способных предотвратить очередную масштабную войну, грозящую гибелью человечества с учетом возможностей современной техногенной цивилизации. Реальность подобной перспективы осознавалась многими современниками Федотова. Так, Бердяев в 1948 г. писал: «Нужно сознать, что есть только один вопрос, от которого зависит все – вопрос войны» [20. С. 280].

Уже в годы Второй мировой войны Федотов пришел к выводу, что основным противоречием является противоречие между ее «универсальными целями» [6. С. 27], связанными с необходимостью консолидации мирового сообщества, и «национализмом сражающихся народов» [Там же. С. 25], стремящихся к защите своих национальных интересов в ущерб мировому единству. Признавая оправданность роста патриотических чувств народов в годы войны, усиление их национальной идентичности, он, тем не менее, полагал, что проекты послевоенного устройства мира должны были моделироваться с расчетом на преодоление данного противоречия. Внимательно следя за театром военных действий, анализируя политические стратегии лидеров воюющих государств, ученый пришел к выводу о возможности двух основных альтернативных моделей послевоенного устройства мира. Одна из них была связана с сохранением суверенных национальных государств, основу взаимодействия которых должна была составить модернизированная с учетом опыта войны система международных отношений. Такой сценарий

развития, предполагавший включение Советской России в качестве равноправного партнера в эту систему, представлялся оптимальным и другим современникам Федотова, в частности Бердяеву, который писал: «Федерация народов, которая была бы федерацией капиталистических государств, и невозможна, и нежеланна. И никакая федерация невозможна без участи России» [20. С. 278].

Другая альтернатива, предпочтительная для Федотова, предполагала создание свободной федерации народов, которую он условно называл «*Rax Americana*» или «*Rax Athlantica*» [6. С. 239], принципиально иной характер которой определялся отказом национальных государств от своего суверенитета в пользу этого «нового сверхнационального единства» [Там же. С. 27]. Примечательно указание Федотова на то, что потенциально неизбежное вовлечение восточных народов в это политическое объединение, способствующее их социокультурной модернизации, с течением времени станет одной из ключевых международных проблем, «займет когда-то главное поле истории» [Там же. С. 241]. В условиях современной техногенной цивилизации с характерным для нее военно-технологическим потенциалом лишь вторая из рассмотренных альтернатив, по убеждению мыслителя, могла обеспечить поступательное развитие общества. «Изолированное государство, – писал Федотов, – не может существовать... Оно должно найти в себе силы для более широкой интеграции или погибнуть» [Там же. С. 29]. Для него это стало окончательно ясно после создания атомного оружия [Там же. С. 212]. Немаловажным фактором, обусловившим предпочтение Федотовым именно такой альтернативы, стала интенция внешней политики Советского государства после освобождения территории СССР от гитлеровских войск, обнаружившая намерение Сталина расширить сферу советского влияния за счет стран Восточной Европы [Там же. С. 184]. О пессимистической настроенности части российской эмиграции в связи с экспансией СССР свидетельствуют слова писательницы Нины Берберовой, которая писала Федотову в 1948 г.: «Мне стыдно за Россию. Мне страшно за Европу» [4. С. 405].

Будучи религиозным западником [21. С. 97–98], приверженцем ценности свободы в европейском понимании, являясь противником доминирования в послевоенном мире СССР как идеократической тоталитарной системы, Федотов пришел к выводу о необходимости добровольного отказа национальных государств от политического суверенитета и их интеграции под эгидой народов, на практике воплотивших демократические институты. «В случае победы Америки, Англии и их союзников, – писал он, – единство мира должно отлиться в форму действительной, а не мнимой федерации» [6. С. 239]. Лишь объединив свои усилия, полагал Федотов, демократический мир в состоянии противостоять натиску тоталитаризма с характерной для него политической системой. Доминирование и диффузное

распространение либерально-демократических ценностей, порожденных англосаксонской культурой, рассматривалось ученым как существенное условие культурного синтеза в послевоенном мире. Признаем, что Федотов, в целом верно обозначив основной вектор мирового развития, тем не менее, не сумел увидеть опасности, сопряженные с формированием однополярного мира. Слабой стороной его размышлений является и отсутствие должного внимания к отрицательным последствиям «блокового мышления», неизбежного, как показал опыт холодной войны, при противостоянии либерально-демократической и тоталитарной политических систем, затруднявшего культурный синтез, о чем с тревогой писал в своих последних работах Бердяев, также являвшийся, как отмечалось выше, убежденным сторонником мировой интеграции [20].

В американский период творчества заметно усилился интерес Федотова к истории мировых империй как «сверхнациональных» политических образований, обладающих «особым универсальным политическим самосознанием» [6. С. 232], что в значительной степени было обусловлено его стремлением доказать, опираясь на верифицируемый исторический материал, перспективность своего проекта. Признавая преимущественно насильственный характер создания мировых империй, Федотов, тем не менее, считал сам процесс универсализации, связанный с ними, начавшийся в Древнем мире, продолжавшийся в Средние века и Новое время, объективно неизбежным, благоприятным для расцвета множества различных культур, несмотря на многие сопутствующие этому процессу негативные явления, тупики и срывы. Это представлялось ему особенно актуальным в свете противоположной альтернативы – эскалации агрессии суверенных национальных государств, по своей внутренней логике стремящихся к наращиванию силового потенциала, по крайней мере, в целях сдерживания агрессивных намерений своих противников. На фоне тысячелетней мировой истории национальная форма государства представлялась Федотову временным явлением, требующим своего творческого преодоления, прежде всего, в интересах сохранения национальных культур как таковых.

Предваряя дальнейшее изложение, необходимо в общих чертах рассмотреть важные для историко-теоретических построений Федотова понятия «нация» и «национализм», которыми он оперировал при обращении к проблемам международной интеграции. «Нация» (народ) в его концепции выступает в качестве «духовно-исторической личности» [6. С. 263], активного субъекта исторического процесса. К числу основных элементов нации им были отнесены: религия, язык, нормативно-ценностная система («иерархия ценностей»), определяющая своеобразие коммуникационного пространства народа, «общность быта», искусство и литература [6. С. 37]. По сути, понятие «нации» в версии Федотова совпадает с понятием «культуры» в современной интерпретации [2. С. 64]. Коррелятивное

взаимодействие в процессе исторического развития комплекса перечисленных выше компонентов способствовало, по его мнению, формированию культурной гомогенности народа, жизненно важной для народа как единого целого. Подчеркивая исторический характер культурного единства, Федотов отмечал: «Это культурное богатство не дается сразу ни одной этнографической народности, но постепенно наживаетеся ею в ее исторической жизни» [6. С. 37]. В терминах современного научного знания речь идет о цивилизационном уровне исторического сознания народа, являющегося результатом длительного исторического развития в определенных природно-климатических, социально-экономических, религиозно-духовных, геополитических условиях [22]. Своеобразие народа, устойчивость его ментальных характеристик, как положительных, так и отрицательных, диалектически связанных между собой, особенности его социального поведения, согласно Федотову, определялись историческим характером культуры. Саму суть своего подхода он выразил в парадоксальном утверждении: «Не народ (нация) создает историю, а история создает народ» [6. С. 37]. Так, наблюдая в годы Второй мировой войны относительно беспрепятственное включение в сферу влияния СССР стран Восточной Европы (кроме Чехословакии и Польши), а также стран Востока, прежде всего Китая, Федотов связывал возможность легитимации советской тоталитарной системы в общественном сознании народов этих стран с длительной традицией деспотической власти, приучившей население к покорности [Там же. С. 61]. С особенностями российского исторического процесса Федотов связывал «эгалитарный, коллективистичный и тоталитарный» характер русской социальной этики, устойчивость которой сделала возможным социалистический эксперимент в СССР [Там же. С. 308]. Исторически сложившиеся ментальные особенности народа в концепции Федотова выступали важным фактором культурного синтеза, впрочем, нередко и затруднявшим его.

Однако Федотов не ограничивался констатацией исторической природы нации. Будучи христианским мыслителем, он был убежден в существовании глубокой внутренней связи эмпирического и сакрального уровней истории. В его концепции идея многообразия культурных типов, обусловленных историческими факторами, сложно комбинировалась с идеей «многоединства во Христе», получая тем самым онтологическое измерение. В соответствии с этим, он последовательно придерживался христианских представлений об особом призвании каждого из народов христианского круга, при одновременном признании общих для всех них целей и направленности исторического развития. Примечательно, что в качестве христианского мыслителя Федотов не сомневался в потенциальном расширении сферы влияния христианства: «Все народы призваны к христианству» [6. С. 100].

Русский народ, полагал Федотов, подобно другим христианским народам, был наделен «особой, грече-

ско-византийско-славянской темой» [6. С. 64–65] и специфической культурной миссией, обусловленной пограничным геополитическим положением Руси – России между «христианским Западом» и «магометанским Востоком». Исторической миссией России, по его убеждению, являлось распространение западной культуры, основу которой составляли античные и христианские ценности, на почве которой сформировалась идея *свободы* в ее современном понимании. Следует подчеркнуть ключевое значение категории свободы в историко-теоретических построениях Федотова, проблеме природы и генезиса которой в американский период творчества он посвятил немало специальных статей, среди которых «Рождение свободы» (1944), «Россия и свобода» (1945), «Судьба империй» (1947). Констатируя «христианские», «западно-европейские» истоки происхождения свободы, он аргументированно обосновывал идею уникальности европейской свободы «в общественно-политическом смысле» [Там же. С. 152]. Подчеркивая ее сложную природу, Федотов особенно настаивал на необходимости систематического воспитания демократического сознания в народе, без которого, по его убеждению, подлинная демократия была невозможна. Как полагал мыслитель, Россия призвана была нести христианскую свободу и базировавшиеся на ней западные ценности другим народам.

Интерес к проблеме национализма в современном мире Федотов начал проявлять со второй половины 1930-х гг.; в американский период творчества она приобрела для него центральное значение, конечно, в результате осмысления места и роли национализма во Второй мировой войне. Он указывал на сложную природу национализма, как правило, в основе своей имевшего патриотические чувства и мотивы, которые в силу различных причин, чаще всего «национального унижения и социальной розни», трансформировались в болезненное национальное чувство, аналогичное по структуре личному эгоизму. «Национальное чувство в его нормальном состоянии, – писал он в этой связи, – совместимо с уважением и терпимостью к чужим нациям. Национализм, особенно тот горячий пароксизм его, которым сейчас заражен мир, питает ненависть ко всем народам (кроме собственного), с которыми приходит в соприкосновение» [6. С. 8]. Основным фактором, способствовавшим зарождению и широкому распространению национализма в обозначенном смысле, Федотов считал утрату христианским миром представлений о своем глубоком онтологическом единстве. Попутно лишь отметим, что значительную долю ответственности за это он возлагал на историческое христианство, не сумевшее в должной мере реализовать свое социальное назначение в мире. Таким образом, «национализм» в интерпретации Федотова выступал деформированной формой здорового национального чувства, в своем болезненном состоянии имевшего исключительно дисфункциональное значение, в таком качестве становившимся ключевым пре-

пятствием на пути к мировой интеграции. Практика национальных государств, прежде всего нацистской Германии, выступала для ученого убедительным аргументом в пользу необходимости отказа от их политического суверенитета как главного условия преодоления такого разрушительного национализма.

Негативно относясь к идее национального государства, Федотов в американский период творчества пришел к достаточно радикальному выводу, согласно которому для сохранения национальной культуры, как и культуры вообще, совсем не обязательна оболочка национального государства, в современном своем виде оформившегося лишь в XIX в. Он воспринимал критически характерное для национальных государств отождествление государства как политического института и национальной культуры как таковой. По мысли ученого, это имело неоднозначные последствия в первую очередь для судеб народов, составляющих этническое ядро в полиэтнических государствах, «базовую культуру», в современной терминологии [2. С. 345]. Сильной стороной такого государства являлся выраженный патриотизм носителей доминирующей культуры, монолитность народа, его готовность защищать государственные интересы, не дифференцируемые с интересами строго национальными. Однако оборотной стороной государственной опеки базовой культуры являлись, как объективно показывает Федотов, нарастание национализма и шовинизма в обществе, ущемление прав культурных меньшинств, рост ксенофобии, что в совокупности способствовало дестабилизации обстановки в государстве. Благородная по своему исходному замыслу государственная защита фундаментальных ценностей базовой культуры, забота об их распространении в мультикультурной среде, резюмировал Федотов, тем самым «оказывается губительной для культуры» [6. С. 40].

Размышляя о перспективах мирового развития, мыслитель акцентировал внимание на том факте, что в условиях техногенной цивилизации национальное государство, нацеленное на решение универсальных по своей природе хозяйственных, военно-политических, технико-технологических задач, парадоксальным образом отгесняло проблемы собственно национального культуры на периферию своих интересов. «Научно-технический и социальный рационализм XIX века, – писал в этой связи ученый, – убил остатки выращенных средневековьем и связанных почвой национальных культур. Умолкла народная песня, вымирает народное искусство. Нигде, кроме маскарадов, не носят национальных костюмов. А народная душа? Школа, газета и фабрика еще до радио и синема нивелировали их. Что всего важнее, самое значительное в мире духа, в религии, в искусстве, в философии сейчас не носит национального отпечатка...» [Там же. С. 41]. К неоднозначным результатам в условиях современной капиталистической системы привела коммерциализация культуры, которая, в частности, оказала негативное влияние

на национальные традиции и устои. Федотов писал с горечью: «Национальные традиции служат больше для декоративной рекламы внутренне пустой технической цивилизации» [6. С. 236]. Денационализированная среда, благоприятная для распространения массовой культуры, согласно Федотову, способствовала углублению процессов международной интеграции, однако она же таила в себе опасность деиндивидуализации самобытных культур, выветривания подлинно национальных начал, прежде всего, «забвения религии, языка» [Там же. С. 11]. Как человек христианского сознания Федотов не мог также мириться с размыванием христианских в своей основе ценностей, таких как сострадание, милосердие, социальная солидарность, свойственных ранее для всех культур христианского мира [19]. Применительно к американской культуре символами «духовного опустошения» для Г.П. Федотова выступали «Бродвей» и «Голливуд» [6. С. 83].

По сути, в этой части своих размышлений ученый выражал большую озабоченность не только судьбами национальной культуры, но судьбами культуры как таковой. Однако в свете рассматриваемой темы интенсивность размывания национальных культур в рамках национальных государств выступала для ученого убедительным подтверждением исчерпанности идеи суверенного национального государства. Будучи приверженцем идеи многообразия культурных типов, Федотов особо подчеркивал, что отказ от политического суверенитета не нес в себе угрозы *национальным* культурам как таковым. По замыслу Федотова, «политическая власть единого центра» при предоставлении «культурной автономии» каждому народу способны обеспечить условия для развития самобытных культур и налаживания культурного диалога между ними [6. С. 251–252]. Поясняя эту свою достаточно радикальную позицию, он писал: «Грядущая универсализация государства может угрожать только политике и хозяйству, которые по необходимости, если не целиком, то в значительной степени становятся планетарными» [Там же. С. 42]. Следуя своей логике, Федотов пришел к парадоксальному выводу: именно международная интеграция создает благоприятные условия для развития национальных культур, однако при условии их возвращения к религиозно-духовным истокам. «Здесь проходит, – констатировал он, – основное русло национально-культурного возрождения» [Там же. С. 14]. Тем самым русский мыслитель закрепил за культурой значение едва ли не основного источника идентичности народа. Примечательно, что в настоящее время исследователи все чаще акцентируют внимание на этом значении культуры в процессе национальной самоидентификации, особенно по мере изживания идеологических источников таковой [2. С. 404]. При этом следует особо подчеркнуть важное замечание русского ученого о недопустимости и преступности обращения религиозной веры в «орудие политики» [6. С. 14]. С сожалением приходится констатировать, что размах современного

терроризма, как известно, в немалой степени связан именно с этим обстоятельством.

В исторической ретроспективе удачным примером культурного синтеза для Федотова выступала европеизация России. Чрезвычайно болезненная для народа, сопровождавшаяся становлением «культурного дуализма» в России, она, по убеждению ученого, в результате состоявшегося культурного диалога привела к расцвету русской культуры: «Этот необычайный расцвет русской культуры в новое время оказался возможным лишь благодаря прививке к русскому дичку западной культуры» [6. С. 140]. С большой силой Федотов писал: «...самое существование русского государства имело лишь один смысл: создание этой культуры, “вечно-го” слова России» [Там же. С. 93]. В этой связи важно подчеркнуть, что ключевым условием плодотворности культурного синтеза для отечественной культуры Федотов считал христианское единство России и Запада, независимо от догматических различий христианских конфессий и исторического противостояния восточной и западной ветвей христианства на протяжении веков. При отсутствии «известного сродства» России и Запада, настаивал он, «чуждая стихия искалечила бы и погубила национальную жизнь» [Там же. С. 140].

Рассматривая Россию в качестве составной части европейской культуры, связывая ее историческую миссию, как указывалось выше, с распространением европейских христианских ценностей Федотов болезненно переживал нарастание враждебности Советской России по отношению к Западу, в отличие от Бердяева, который, напротив, предостерегал Запад от враждебности по отношению к Советской России [20]. Однако для обоих мыслителей было характерно отрицательное отношение к перспективам изоляции России от Европы. Чрезвычайно опасными для исторических перспектив России Федотов считал сокращение непосредственных контактов советских людей с носителями западной культуры [6. С. 152–153], девальвацию западных ценностей в их сознании, реактуализацию «московского» «антилиберального человека» в советском обществе [Там же. С. 149]. Беспокоило его и то, что политический курс Советского государства на изоляцию от Запада компенсировался активизацией внешней политики в Азии на Ближнем и Дальнем Востоке, особенно по окончании Второй Мировой войны [Там же. С. 154].

Сходной точки зрения придерживался другой русский религиозный мыслитель Ф.А. Степун, являвшийся, как и Г.П. Федотов, религиозным западником. В 1964 г. в своей последней книге он, касаясь известной дилеммы России, с большой художественной силой выраженной Вл. Соловьевым в известном вопрошании к ней: «Каким ты хочешь быть Востоком: / Востоком Ксеркса или Христа?», с сожалением констатировал, что выбор был сделан в пользу первого. Степун писал в этой связи: «После захвата власти большевистское государство выбрало Ксеркса, что и объясняет сегодняшнюю позицию России в борьбе между Евро-

пой и Азией» [23. С. 99]. Важным ответвлением этой темы в размышлениях Степуна являлась тема восприятия европейскими народами самой России как страны азиатской, чуждой Европе и ее культурному коду. «После второй мировой войны Азия, – подчеркивал мыслитель, – не без помощи России, властно вторгнулась в Европу и тем самым вызвала в Европе подозрение, что Россия и в самом деле, сблизившись с Китаем, восстанет на европейский мир» [24. С. 252]. Закрепление в сознании европейцев подобных стереотипов о России Степун считал губительными для перспектив культурного диалога между Европой и Россией, неизменно отстаивая перед западной аудиторией мысль о принадлежности этой последней европейскому кругу культур.

В рамках Российской империи, «сверхнациональной» по своим целям и исходным задачам, по убеждению Федотова, положительным по значению и последствиям являлось приобщение к базовым ценностям и достижениям европейской культуры, а позднее, в советский период, – и к достижениям технической цивилизации – народов Средней Азии и Дальнего Востока, несмотря на относительную слабость этого русского культурного влияния в целом [6. С. 244]. Результативности российской колониальной экспансии способствовало толерантное отношение носителей русской культуры к покоряемым народам: «...у русских не было того высокомерного сознания высшей расы, которое губило плоды просвещенной и гуманной английской администрации в Индии. Русские не только легко общались, но и сливались кровью со своими подданными, открывая их аристократии доступ к военной и административной карьере...» [Там же. С. 245] Культурно-просветительская политика СССР в Средней Азии и на Дальнем Востоке рассматривалась Федотовым как продолжение политики Российской империи в этих регионах в дореволюционный период [Там же. С. 56–57].

Следует отметить противоречивость оценок Федотова, касающихся влияния Советской России на народы Средней Азии и Дальнего Востока, входивших в состав СССР. В ряде работ это влияние оценивалось им преимущественно положительно. «Восток – это единственное место, куда советская культура несет с собой нечто прогрессивное» [Там же. С. 61–62], – писал он в 1943 г. Среди «подлинно» положительных результатов Федотов указывал «освобождение женщины от власти мужа», разрушение родовых отношений, ограничение деспотических проявлений власти «родовых старейшин, беков или ханов». Он также положительно оценивал создание в СССР благоприятных условий для развития культуры национальных меньшинств, преимущественно восточных народов. Мыслитель писал в этой связи: «Современная Россия любит Восток, увлекается им и хочет содействовать его освобождению. Для нее это не почва для насаждения своей русской культуры, не “жизненное пространство” для вытеснения чужих, низших рас. Это *естественное расширение своего организма не за счет иных, а в слиянии с ними* (вы-

делено мной. – Л.Г.)...» [6. С. 63]. Пожалуй, в этом суждении Федотова наиболее отчетливо выражено его понимание подлинного культурного синтеза. Однако в том же 1943 г. Федотов обратил внимание на фактор, негативно сказавшийся на перспективах синтеза в СССР, а именно на нарастании великорусского национализма в сталинской версии на фоне побед советской армии. В этой первоначально едва заметной трансформации в национальном вопросе в СССР Федотов сумел рассмотреть зловещие предпосылки национальной розни и сепаратистских настроений народов, входивших в его состав. Он писал в этой связи: «Смогут ли они (малые народы. – Л.Г.) вытерпеть безмерно раздуваемый национализм великорусский, который заменяет постепенно былую сверхнациональную идеологию Союза» [Там же. С. 95]. Постепенно его оценка советского влияния на народы Средней Азии и Дальнего Востока становится исключительно негативной. В 1945 г. он отмечал: «После революции оно было такого рода, что могло сделать русское имя ненавистным» [Там же. С. 244]. Безусловно, главной причиной тому являлось нарастание идеологического давления над всеми народами, входившими в состав СССР.

Отдельную проблему для российской культуры в советский период представляли привлечение к исторической активности «больших масс восточных народов, несущих с собой опыт тысячелетнего деспотизма», и их массовая инкорпорация в культуру России [Там же. С. 204–205]. Прямо или косвенно, полагал Федотов, это способствовало усилению в структуре российской культуры элементов «азиатских деспотий», прежде всего, широкому распространению физического и морального насилия в стране [Там же. С. 196]. Одним из зримых следствий этого он усмотрел в изменении антропологического «славяно-восточного» типа русского человека, в «котором все больше проступают монгольские черты» [1. С. 65]. Для мыслителя такая трансформация являлась особенно трагической с учетом сформировавшейся в имперский период иной модели русского человека, ключевой характеристикой которого признавалась «всечеловечность», немыслимая вне опыта европейской культуры [6. С. 92]. Тезис о «внешней монголизации» русского человека как результате культурного поворота на Восток, при одновременной изоляции от Запада, едва ли можно признать научно обоснованным. Тем не менее это полемическое суждение Федотова, изложенное в работе «Загадки России» (1943), получило положительный отклик у некоторых представителей российской эмиграции. Так, Б.П. Вышеславцев писал в 1949 г. Федотову: «Ваша статья “Загадки России” дает один особенный прогноз: поворот Советов на Восток, монголизация русской расы и использование азиатских народов для коммунистического империализма. Действительность оказалась, пожалуй, даже страшнее: завоевание Китая коммунизмом, “желтая опасность” Вл. Соловьева» [4. С. 409].

Значительная часть рассуждений Федотова о процессах мировой интеграции так или иначе связана с

проблемой культурных контактов европейских народов (страны «первого эшелона» развития) и народов, развивающихся по «догоняющей» модели модернизации, что являлось актуальным отнюдь не только для России. Как известно, одним из главных факторов, ускоривших процессы глобализации, является современный капитализм, сущность которого, как выяснил еще М. Вебер, составляет непрерывное наращивание прибыли, что неизбежно ведет к внешней экспансии капиталистических держав. Федотов отмечал, что страны, становившиеся объектом экспансии западного капитализма, такие как Россия, Япония, Канада, страны Восточной Европы, Индия Китай и др., подвергаясь экономической эксплуатации, одновременно с тем усваивали многие достижения европейской культуры. Одним из первых он обратил внимание на типичный результат капиталистической модернизации этих и других стран – появление феномена интеллигенции, того образованного культурного слоя, который, оставаясь национальным по своей природе, одновременно становился проводником европейской культуры. Подчеркивая универсальный характер этого феномена, ученый писал: «Некогда могло казаться, что этот дуализм, или даже самое существование интеллигенции, как особой культурной категории, есть неповторимое, чисто русское явление. Теперь, на наших глазах, с европеизацией Индии, Китая, мы видим, что то же явление происходит повсюду на стыке двух древних и мощных культур» [6. С. 139–140]. В этой связи примечательно суждение современного российского философа, культуролога, знатока восточной культуры, Г. Померанца, который на основе новых научных достижений, по сути, подтвердил вывод Федотова, обратившего внимание на этот феномен еще в 1940-е гг. В докладе, прочитанном в 1994 г. в Институте Латинской Америки, Померанц, отметив, что вестернизация России «перешла в диалог России и Запада», подчеркивал, что «то же случилось» с Индией, Японией. «Именно европейски образованные индийские мыслители – Вивекананда, Ауробиндо и другие – создали образ индийской культуры на Западе. Именно европейски образованные японцы передали европейцам и американцам свою преданность буддизму дзен» [25. С. 445].

Наряду с положительными эффектами культурного обмена европейцев с народами, имевшими иные религиозно-культурные основания, Федотов усмотрел в нем опасные тенденции для европейской культуры. Само по себе заинтересованное исследование европейцами, прежде всего представителями гуманитарного знания, нехристианских культурных миров стало важной предпосылкой международной интеграции, на что указывали и другие эмигрантские авторы, например Ф.А. Степун [26. С. 171]. Однако сопутствующим результатом познания этих миров стала рецепция чуждого религиозно-культурного опыта и духовных практик. По мысли Федотова, некритическая интериоризация этих последних в европейскую культуру в условиях

распада представлений об онтологическом единстве христианского мира, в условиях смещения христианских ценностей на периферию общественного сознания, нередко вела не к обогащению, а к ослаблению ее позиций, искажению и превратному истолкованию ее базовых ценностей, к их девальвации в массовом сознании не только европейцев, но и модернизирующихся сообществ. Усматривая большую опасность для европейской культуры в той легкости, с которой ее носители отдалялись от христианской в своей основе иерархии ценностей, Федотов писал: «Отмечу лишь утрату у современного культурного человека веры в свои ценности, которая заставляет его искать идеала вне его сферы культуры: в Москве, в Азии, в Мексике, в тропической Африке... В самоубийственном смиренности – искусство Европы учиться у негров. В школе происходит непрерывный процесс диссоциации, отрыва юных созданий от культурных традиций: истории, литературы прошлых времен...» [6. С. 216]. Федотов справедливо полагал, что без фундаментального религиозно-нравственного базиса любая культура обречена на деградацию. «Всякая живая культура, как система ценностей, должна считать себя высшей, если не единственной. Релятивизм в системе ценностей есть начало распада и смерти» [Там же. С. 156], – писал он.

Пожалуй, именно в американский период творчества Федотов приблизился к проблеме пределов толерантности в демократических системах. Федотов отмечал в этой связи: «...конечно, в терпимости... мы справедливо видим одно из главных завоеваний разума и совести... Но забываем часто об одном. Эта возможность существует до известной черты. И эта черта проходит там, где начинается сфера этики, точнее, социальной этики» [6. С. 219]. В данный период на страницах его работ стала появляться справедливая критика «атонии», «духовного безволия» европейских народов [6. С. 157]. Наиболее явственно эти процессы нашли свое выражение в различных направлениях литературы и искусства, тесно связанных с духовно-нравственными основаниями. Так, касаясь современного художественного творчества, Федотов отмечал: «Искренняя и глубокая любовь к мексиканскому искусству, например, погружает душу в кровавые испарения массовых человеческих жертвоприношений, а влюбленность в негритянские идолы или пляски заражает эротикой свальных оргий. Искусство совсем не такая пустая и невинная вещь, как его воображают буржуа, употребляющие его для украшения своего домашнего быта». Развивая свою мысль, он продолжал: «В тоске по экзотике выражалось отвращение к себе и своим предкам. В этих условиях расширение художественного восприятия, открытие новых миров означало не обогащение, не рост возможностей, а обессиление и обезличение» [6. С. 159]. Безусловно, эти и подобные им суждения Федотова отличаются радикальностью. Однако нельзя не признавать оправданности его опасений относительно судеб европейской, христианской по своим ис-

тока культуры в условиях усиления международной интеграции. Следует согласиться и с его оправданной критикой заметно усилившейся тенденции «обоснования демократии на релятивизме» [6. С. 286], что перемещало проблему культурного синтеза различных культурных миров в иную плоскость, далекую от синтеза как такового. Одновременно с этим культивация в общественном сознании безграничного культурного релятивизма, ведущего к притуплению «критического разума и нравственного чувства» [Там же. С. 224], как справедливо полагал Федотов, ведет к ослаблению защитных механизмов культуры, к снижению способности сохранять приверженность своим базовым ценностям в новой мультикультурной среде.

Таким образом, в американский период творчества основная направленность размышлений Федотова о перспективах культурного синтеза в условиях углубления международной интеграции была обусловлена его христианскими убеждениями в необходимости создания всемирной федерации народов как единственном условии преодоления системного кризиса современной технической цивилизации. Будучи сторонником религиозной

идеи «многоединства во Христе» и глубоко связанной с ней идеи множественности культурных типов, ученый настаивал на необходимости сохранения самобытности отдельных народов, что, по его убеждению, становилось возможным лишь при условии отказа от модели суверенного национального государства в пользу свободной федерации народов под эгидой Америки и Англии как стран, имеющих наиболее длительную либерально-демократическую традицию. В американский период творчества он приложил немалые усилия к изучению факторов, влияющих на межкультурное взаимодействие народов, уделив при этом особое внимание перспективам европейской, христианской по своим истокам цивилизации, сыгравшей ключевую роль в социокультурной модернизации различных народов, способствуя тем самым международной интеграции. Многие теоретические положения Федотова, связанные с указанным кругом проблем, носят дискуссионный характер. Однако они сохраняют свою научную ценность и актуальность, способствуют углубленному пониманию современных глобализационных и модернизационных процессов, побуждают к дальнейшему их всестороннему изучению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М. : Канон+ ; РООИ: «Реабилитация», 2012. 432 с.
2. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 635 с.
3. Диалог цивилизаций и идея культурного синтеза в эпоху глобализации : материалы Всерос. конф. с междунар. участием / под ред. О.В. Воробьевой, С.И. Маловичко, Л.П. Репиной. М. : ИВИ РАН, 2014. 127 с.
4. Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 12: Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы. М. : Тэтис Паблишн, 2008. 504 с.
5. Федотова Е. Георгий Петрович Федотов // Федотов Г.П. Полное собрание статей. Т. 1: Статьи 1918–1930 гг. Париж : YMCA – PRESS, 1988.
6. Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 9: Статьи американского периода. М. : Мартис SAM&SAM, 2004. 383 с.
7. Карпович М.М. Г.П. Федотов // Новый журнал. 1951. Кн. XXVII. С. 266–272.
8. Степун Ф.А. Г.П. Федотов // Портреты / сост. и послесл. А.А. Ермичева. СПб. : РХГИ, 1999. С. 299–319.
9. Штейн С.И. Размышления о России и революции // Новый град. 1932. № 4. С. 87–91.
10. Иваск Ю. Г.П. Федотов // Русская религиозно-философская мысль XX века : сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. Питсбург : Отдел славянских языков и литературы Питсбургского ун-та, 1975. С. 346–355.
11. Юмашева О.Г. Традиции русской исторической науки второй половины XIX – начала XX вв. в наследии Георгия Петровича Федотова : дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 208 с.
12. Шаряпова Э.А. Философия русской культуры Г.П. Федотова : дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 144 с.
13. Зайцева Н. Логика любви: Россия в историософской концепции Георгия Федотова. Самара : Самар. ун-т, 2001. 244 с.
14. Киселев А.Ф. Страна грез Г.П. Федотова. М. : Университетская книга ; Логос, 2004. 272 с.
15. Вандалковская М. Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е гг. XX в.). М. : Институт Российской истории РАН, 2015. 239 с.
16. Матюшевская М.И. Геополитические взгляды Г.П. Федотова // Журнал международного права и международных отношений. 2016. № 1–2. С. 64–69.
17. Гаман Л.А. Историко-теоретические представления Г.П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 156–162.
18. Гаман Л.А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 130–225.
19. Федотов Г.П. Церковь и социальная правда // Собр. соч. : в 12 т. / прим. С.С. Бычкова. М. : Sam & Sam, 2011. Т. 5. С. 319–341.
20. Бердяев Н.А. Третий исход // Новый журнал. 1953. № 32. С. 271–280.
21. Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М. : Русский путь, 2012. 352 с.
22. Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Ким С.Г., Мучник В.М., Карначук Н.В. Историческое познание и историческое сознание (к постановке вопроса) // Историческая наука и историческое сознание. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 34–67.
23. Степун Ф.А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак, Л. Маркевич. СПб. : Владимир Даль, 2012. 479 с.
24. Степун Ф.А. Россия между Европой и Азией // Новый журнал. Нью-Йорк. 1962. Кн. 69. 304 с. С. 251–257.
25. Померанц Г. Диалог культурных миров // Лики культуры: Альманах. М.: Юрист, 1995. Т. 1. С. 445–455.
26. Степун Ф.А. Встречи. М. : Аграф, 1998. 256 с.

Lidiya A. Gaman. Seversk Institute of Technology – a branch of the National Research Nuclear University MIFI (Moscow Institute of Engineering and Technology) (Seversk, Russia). E-mail: GamanL@yandex.ru

THE CULTURAL SYNTHESIS IDEA IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL INTEGRATION: G.P. FEDOTOV'S VIEW IN THE AMERICAN CREATION PERIOD (1942–1951)

Keywords: Christianity; globalization; mentality; cultural synthesis; nationalism.

The aim of this paper is to highlight the historical and theoretical views of the Russian religious thinker, historian G.P. Fedotov (1886–1951) regarding the prospects of cultural synthesis in the context of the global integration deepening, finally prevailing in the American

period of his creative work. During this period the subject of his scientific interest becomes processes qualified as “globalization” in the terminology of modern scientific knowledge. Insufficient knowledge of the scientist’s ideological and theoretical heritage is noted. Fedotov’s works of the 1940-1950s are a source base of the article. His research strategy being cross-disciplinary in character is defined. His contribution to the study of the whole factors complex, first of all, the welfare having caused the complexity and contradictory nature of the world integration processes considerably being accelerated under the influence of major social conflicts of the 20th century, i.e. two world wars, is shown. It is emphasized that the orientation of Fedotov’s thoughts about the prospects of the international integration and viability of the cultural synthesis idea in new historical conditions substantially formed by the international situation after World War II with distinctive growth of contradictions between the USSR and the USA. For G.P. Fedotov, as a religious Westerner, an opponent of modern totalitarian regimes, the crucial reason of the international integration was a wide spread of liberal and democratic values in the world as universal. The complexity of scientist’s ideas about the nature of technogenic civilization, which beyond achievements the current levels of cross-cultural people interaction would be hardly possible, is emphasized. It is observed that the recognition of some positive aspects of modern technogenic civilization did not prevent Fedotov to see its obvious and concealed threats to culture as such. Inherent ideas of the anthropological crisis deepening in conditions of technogenic civilization, of further repression to the public consciousness periphery of religious and moral values as bases of original culture are analyzed. The scientist’s ideas about the factors complicating cultural synthesis the main of which he considered the nationalism in the extreme forms promoting aggression escalation in the world and its disintegration are covered. The proposed ways of preserving the cultural diversity in the context of the international integration deepening are considered, in particular, his polemic proposition about the necessity of national sovereignty refusal as a condition of cultural identity preservation is discussed. Finally, the conclusion about relevance and scientific value of Fedotov’s historical and theoretical ideas on the range of problems which studying promotes profound understanding of the processes happening in the modern world is drawn.

REFERENCES

- Iggers, G., Wang, E. & Mukherjee, S. (2012) *Global'naya istoriya sovremennoy istoriografii* [A Global History of Modern Historiography]. Translated from English. Moscow: Kanon+, ROOI: Reabilitatsiya.
- Huntington, S. (2008) *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noj identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. Translated from English. Moscow: AST.
- Vorobieva, O.V., Malovichko, S.I. & Repina, L.P. (eds) (2014) *Dialog tsivilizatsii i ideya kul'turnogo sinteza v epokhu globalizatsii* [The Dialogue of Civilizations and the Idea of Cultural Synthesis in the Era of Globalization]. Moscow: RAS.
- Fedotov, G.P. (2008) *Sobranie sochineniy v 12 t.* [Collected Works in 12 vols]. Vol. 12. Moscow: Tetis Pabliashn.
- Fedotova, E. (1988) Georgiy Petrovich Fedotov [George Petrovich Fedotov]. In: Fedotov, G.P. *Polnoe sobranie statej* [Complete Collection of Articles]. Vol. 1. Paris: YMCA – PRESS. pp. 1 – XXXIV.
- Fedotov, G.P. (2008) *Sobranie sochineniy v 12 t.* [Collected Works in 12 vols]. Vol. 9. Moscow: Tetis Pabliashn.
- Karpovich, M.M. (1951) G.P. Fedotov [G.P. Fedotov]. *Novyy zhurnal*. 27. pp. 266–272.
- Stepun, F.A. (1999) *Portrety* [Portraits]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. pp. 299–319.
- Stein, S.I. (1932) Razmyshleniya o Rossii i revolyutsii [Reflections on Russia and the revolution]. *Novyy grad*. 4. pp. 87–91.
- Ivask, Yu. (1975) G.P. Fedotov [G.P. Fedotov]. In: Poltoratsky, N.P. (ed.) *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX veka* [Russian religious and philosophical thought of the 20th century]. Pittsburgh: Department of Slavic Languages and Literature of the University of Pittsburgh. pp. 346–355.
- Yumasheva, O.G. (1995) *Traditsii russkoj istoricheskoy nauki vtoroy poloviny XIX–nachala XX vv. v nasledii Georgiya Petrovicha Fedotova* [The traditions of Russian historical science of the second half of the 19th – early 20th centuries in the legacy of George Petrovich Fedotov]. History Cand. Diss. Moscow.
- Sharyapova, E.A. (1999) *Filosofiya russkoj kul'tury G.P. Fedotova* [G.P. Fedotov’s Philosophy of Russian Culture]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
- Zaytseva, N. (2001) *Logika lyubvi: Rossiya v istoriosofskoy kontseptsii Georgiya Fedotova* [The logic of love: Russia in the historiosophical concept of George Fedotov]. Samara: Samara State University.
- Kiselev, A.F. (2004) *Strana grez G.P. Fedotova* [G.P. Fedotov’s Dreamland]. Moscow: Universitetskaya kniga, Logos.
- Vandalkovskaya, M. (2015) *Prognozy postbol'shevistskogo ustroystva Rossii v emigrantskoj istoriografii (20–30-e gg. XX v.)* [Forecasts of the post-Bolshevik system of Russia in the emigrant historiography (1920-30s)]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
- Matyushevskaya, M.I. (2016) Georgiy Fedotov’s Geopolitical Views. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy – Journal of International Law and International Relations*. 1-2. pp. 64–69. (In Russian).
- Gaman, L.A. (2007) Istoriko-teoreticheskie predstavleniya G.P. Fedotova [G.P. Fedotov’s historical and theoretical ideas]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 156–162.
- Gaman, L.A. (2008) *Revoljutsiya 1917 g. i sovetskaya istoriya v osvshchenii russkoj religioznoj emigrantskoj mysli* [The 1917 revolution and Soviet history in the coverage of Russian religious emigrant thought]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 130–225.
- Fedotov, G.P. (2011) *Sobranie sochineniy v 12 t.* [Collected Works in 12 vols]. Vol. 5. Moscow: Sam & Sam. pp. 319–341.
- Berdyaev, N.A. (1953) Tretiy iskhod [The third exodus]. *Novyy zhurnal*. 32. pp. 271–280.
- Karpovich, M.M. (2012) *Lektsii po intellektual'noj istorii Rossii (XVIII – nachalo XX veka)* [Lectures on the intellectual history of Russia (the 18th – early 20th century)]. Moscow: Russkiy put'.
- Mogilnitsky, B.G. (2000) Istoricheskoe poznanie i istoricheskoe soznanie (k postanovke voprosa) [Historical knowledge and historical consciousness (on the statement of the question)]. In: Mogilnitsky, B.G. et al. *Istoricheskaya nauka i istoricheskoe soznanie* [Historical science and historical consciousness]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 34–67.
- Stepun, F.A. (2012) *Misticheskoe mirovidenie. Pyat' obrazov russkogo simvolizma* [Mystical worldview. Five images of Russian symbolism]. Translated from German by G. Snezhinskaya, E. Krepa, L. Markevich. St. Petersburg: Vladimir Dal.
- Stepun, F.A. (1962) Rossiya mezhdru Evropoy i Aziy [Russia between Europe and Asia]. *Novyy zhurnal*. 69. pp. 251–257.
- Pomerants, G. (1995) Dialog kul'turnykh mirov [Dialogue of the cultural worlds]. In: Skvortsov, L.V. & Levit, S.Ya. (eds) *Liki kul'tury* [Faces of Culture]. Vol. 1. Moscow: Yurist. pp. 445–455.
- Stepun, F.A. (1998) *Vstrechi* [Meetings]. Moscow: Agraf.

УДК 94(47).08
DOI: 10.17223/19988613/61/15

О.П. Дорошенко, В.Н. Кудряшев

Г.Е. КАТАНАЕВ – ИСТОРИОГРАФ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

На основе изучения творческого (печатного и рукописного) наследия Г.Е. Катанаева выявляется общая направленность его конкретно-исторических исследований, определяются исторические взгляды и роль в изучении Сибирского казачьего войска. Дается оценка научно-исследовательской работы Г.Е. Катанаева и его подлинного вклада в историографию сибирского казачества. Безусловной заслугой Г.Е. Катанаева можно считать введение в научный оборот новых комплексов источников и расширение проблематики научных изысканий по истории сибирского казачества.

Ключевые слова: историография; история Сибири; казачество; Г.Е. Катанаев; Сибирское казачье войско.

Г.Е. Катанаев справедливо считается одним из самых интересных и значительных исследователей истории сибирского казачества. Впервые в литературе он был назван историком Сибирского казачьего войска в Сибирской Советской Энциклопедии, а его работа «Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска (с 1632 по 1908 год)» (СПб., 1908) указывалась в энциклопедии после статьи «Казачи» как одно из основных сочинений по истории сибирского казачества [1. С. 427, 576–574].

С начала 90-х гг. XX в. начинают достаточно активно вводиться в научный оборот документы, принадлежащие перу Г.Е. Катанаева и хранящиеся в его личном фонде в Историческом архиве Омской области (ИАОО). Появляются первые статьи, анализирующие научную деятельность и отдельные труды Г.Е. Катанаева. Омским историком Е.Н. Евсеевым впервые дается высокая оценка источниковедческой работы Г.Е. Катанаева и его публицистической деятельности [2. С. 80–82]. Признается современными историками и значительная роль Г.Е. Катанаева в становлении и развитии местной исторической науки и исторического краеведения омского Прииртышья [3. С. 121–125; 4. С. 138–138]. Исследователями отмечается и «подлинный интерес» Г.Е. Катанаева к истории и культуре сибирского казачества [5. С. 119].

Вместе с тем творческое наследие Г.Е. Катанаева и, прежде всего, его исторические работы о казачестве до сих пор не были объектом специального исследования.

В монографии М.Б. Шейнфельда «Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.)» (Красноярск, 1973) содержится краткая характеристика и оценка деятельности Г.Е. Катанаева как историка [6. С. 285–287, 293–296, 298]. Автор причисляет Г.Е. Катанаева к числу краеведов-любителей, отмечая, что труды Г.Е. Катанаева «могут быть отнесены к тем формам исторического изучения, которые, смыкаясь с историческим краеведением, частично и выходили за его рамки по широте проблематики и более углубленной научной разработке» [Там же. С. 298]. М.Б. Шейнфельд отвергает общую концепцию истории казачества в

трактовке Г.Е. Катанаева, однозначно оценивая ее как «апологетическую по отношению к царизму», но признает значение большого фактического материала в его работах о казаках-землепроходцах, историко-географическом и этнографическом изучении Сибири.

Высокую оценку научные изыскания Г.Е. Катанаева получили и у современных исследователей истории Сибирского казачьего войска. Так, С.В. Шевченко считает, что Г.Е. Катанаев занимает особое место среди дореволюционных историков, изучавших историю сибирского казачества [7. С. 5–6]. Как подчеркивает С.В. Шевченко, Г.Е. Катанаев одним из первых поднял в своих работах проблему отношений между линейными казаками и казаками и посвятил этой теме целый ряд исследований, которые, несмотря на их тенденциозность и описательный характер, отличаются от предшествующих широкими обобщениями приводимых материалов.

Большое внимание историческим работам Г.Е. Катанаева в своих научных изысканиях по истории сибирского казачества уделяет Ю.Г. Недбай [8–11].

С.М. Андреев справедливо считает, что Г.Е. Катанаев внес большой вклад в развитие знаний по истории края, который проявляется как в его опубликованных статьях, так и в собранных им архивных материалах [12. С. 26–29]. По оценке С.М. Андреева, публикации Г.Е. Катанаева особо выделяются в ряду работ историков конца XIX – начала XX в., положивших начало изучению истории Сибирского казачьего войска, в том числе отдельных вопросов, связанных с офицерским землевладением [13. С. 5–6]. С.М. Андреев подчеркивает, что Г.Е. Катанаев первым представил цельное видение процесса формирования фонда офицерских земель в войске, их роли в поземельных отношениях в крае.

В 2003 г. М.В. Штергер в своем диссертационном исследовании «Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX в. (по материалам Тобольска и Омска)» [14] предприняла первую попытку комплексного анализа исторических взглядов Г.Е. Катанаева. В рамках изучения провинциальной исторической науки она обращается и к творческому

наследию Г.Е. Катанаева, причисляя его к числу провинциальных «историописателей», «не принадлежащих к академическим кругам, но работающих самостоятельно в силу своей заинтересованности наукой» [14. С. 19–20]. М.В. Штергер справедливо делает вывод, что публикации Г.Е. Катанаева стояли на качественно новом уровне по сравнению с трудами других омских исследователей того времени.

Таким образом, роль Г.Е. Катанаева как исследователя сибирского казачества в исторической литературе оценивается достаточно высоко, но на основе анализа, прежде всего, его опубликованных работ. Между тем его научное наследие гораздо значительнее. Именно поэтому целью этой статьи является определение подлинного вклада Г.Е. Катанаева в изучении данной научной проблемы на основе всего комплекса источников. Для этого необходимо, во-первых, на основе анализа печатных и рукописных работ определить историко-философские взгляды Г.Е. Катанаева и, во-вторых, выявив общую направленность конкретно-исторических исследований Г.Е. Катанаева, оценить их значение для историографии казачества.

Вся научно-исследовательская работа Г.Е. Катанаева непосредственно связана с его общественной и профессиональной деятельностью. Являясь крупным военным чиновником, Г.Е. Катанаев в силу своей профессиональной деятельности постоянно работал с документами, отражающими как историческое прошлое, так и настоящее сибирского региона вообще и Сибирского казачьего войска в частности. Постепенно Г.Е. Катанаев приходит к осознанию необходимости создания собственных исторических работ и с конца 80-х гг. XIX в. начинает целенаправленно заниматься сбором материала по интересующей его проблематике.

В исторических воззрениях Г.Е. Катанаева не следует искать оригинальной сложившейся концепции. В его работах четко прослеживается недостаточная методологическая и профессиональная подготовка автора как историка.

Признавая закономерность хода исторических событий, Г.Е. Катанаев пишет: «Настоящее есть продолжение прошлого и начало будущего; а потому, чтобы надлежащим образом судить о настоящем, необходимо знать, что ему предшествовало и служило основой. То и другое взятое вместе дает возможность предугадывать до известной степени и будущее, в ясном сознании того, куда мы идем – вперед или назад, созидаем или разрушаем. Не нами жизнь началась, не нами и окончится...» [15. Л. 1]. Определяя, таким образом, и цель изучения истории, Г.Е. Катанаев отмечает необходимость и важность учета «уроков» прошлого при решении сегодняшних актуальных вопросов, тем более – политических проблем. «Мы всецело поглощены вопросами момента, мало заглядывая в будущее и совсем не оглядываясь назад, – писал Г.Е. Катанаев в 1920 г. – А между тем это так необходимо» [Там же. Л. 2]. Лишь только лица «беззаботные по части истории» и «ради-

кальные в своей прямолинейности, как подчеркивает Г.Е. Катанаев, способны решать насущные жизненные вопросы легко, по раз выбранному трафарету, без учета вышеозначенных основных положений [15. Л. 2]. Однако, наряду с признанием закономерности исторического процесса и объективности причин происходящего, Г.Е. Катанаев придает большое, а порой и исключительное значение личности в истории. Ярким примером этого может служить работа, посвященная деятельности М.П. Гагарина в Сибири [16].

Говорить о принадлежности Г.Е. Катанаева к какой-либо определенной исторической школе не приходится. Можно лишь констатировать, что большое влияние на Катанаева-теоретика (которым Г.Е. Катанаев предстает в своих поздних, по большей части – неопубликованных, рукописях) оказали исторические воззрения В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова. Наиболее заметно влияние работ последнего – «Статьи по русской истории (1882–1919)» (СПб., 1912) и «Лекции по русской истории» (П., 1917) прослеживается в интерпретации Г.Е. Катанаевым вопросов зарождения и первоначальной истории «вольного» казачества [17].

Сам Г.Е. Катанаев описывал методы, использованные в исторических исследованиях. Во-первых, он старался систематизировать и изучить всю вышедшую к тому времени литературу по истории сибирского казачества. Прежде всего, это работы Ф.Н. Усова [18] и Н.Г. Путинцева [19]. Достаточно широко Г.Е. Катанаев пользуется выводами и материалами исторических работ А. Сулоцкого [20] и В. Буцинского [21]. Большое внимание Г.Е. Катанаев уделял изучению трудов общего характера – сочинений С.У. Ремезова [22], Г.Ф. Миллера [23], И.Е. Фишера [24], П.С. Палласа [25], И.И. Георги [26], П.И. Небольсина [27], А. Левшина [28], А. Вельяминова-Зернова [29], П.А. Словцова [30], А.П. Щапова [31], В.К. Андреевича [32], содержащих немало сведений о сибирских казаках.

Во-вторых, большое значение Г.Е. Катанаев придавал работе с источниками. Пятитомное собрание «Актов исторических» было издано Археографической комиссией в 1841–1842 годах в Санкт-Петербурге [33]. Затем издавались 12-томные «Дополнения к Актам историческим» [34], содержащие документы X–XVII вв. С 1846 по 1908 г. (с некоторым перерывом) в Москве выходило периодическое печатное издание трудов общества «Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских» [35]. С 1872 по 1927 гг. Археографическая комиссия издает серию сборников документальных источников и литературных памятников – «Русская историческая библиотека» [36]. Сборники состоят главным образом из источников периода XIV–XVII вв. Подготовку и редактирование материалов при составлении библиотеки осуществляли видные русские историки и археографы (в том числе и С.Ф. Платонов). Издание в 1880-х гг. двухтомника Памятники Сибирской истории XVIII в. [37] еще больше расширило источниковедческую базу по истории края.

Все вышеназванные сборники широко использовались Г.Е. Катанаевым в его работе по написанию истории Сибирского казачьего войска.

Однако Г.Е. Катанаев не довольствовался только опубликованными материалами. В целях сбора и изучения документов по истории края (законодательных, актовых, делопроизводственных и пр.) Г.Е. Катанаев тщательно исследует фонды местных архивов: бывшего Главного управления Западной Сибири; Акмолинского областного правления (где хранились документы XVIII в., составляющие сейчас в омском архиве один из ценнейших фондов по истории Сибири и Казахстана); бывшего Корпусного штаба отдельного Сибирского корпуса; Войскового правления Сибирского казачьего войска и другие. Первым из омских историков он обращается в центральные государственные и ведомственные архивы и библиотеки Москвы и Петербурга. Часто бывая там, в служебных командировках, Г.Е. Катанаев исследует Древлехранилище, Военно-ученый архив Главного штаба, архив Главного Управления Казачьих войск, Научный архив Русского географического общества, Московский архив Министерства юстиции, Московский главный архив Министерства иностранных дел и другие.

В-третьих, Г.Е. Катанаевым была заведена и на протяжении многих лет велась переписка с казаками-старожилами, которым он в целях проверки, «оживления» и дополнения официальных данных отправлял особые, специально подготовленные вопросники. Посредством чего Г.Е. Катанаеву удалось собрать и записать рассказы и воспоминания участников и очевидцев многих исторических событий: о «захвате казаками на зимней ставке под Алатау семейства Кенесары Касымова»; о «прикрытии сибирскими казаками под начальством Скобелева в 1875 г. бегства Кокандского хана от преследования взбунтовавшихся его подданных»; об участии сибирских казаков в покорении Хивы (1873) и присоединении Кокандского ханства (1875–1876) и пр.; часть этих записей сохранилась в личном фонде Г.Е. Катанаева [38].

Таким образом, Г.Е. Катанаев привлек для своих исторических работ не только очень обширный, но и чрезвычайно разнообразный материал: архивные акты, летописи, устные предания, а также данные археологии, этнографии, лингвистики и генеалогии. Благодаря широкому кругу источников, достоверность приводимых им сведений высока. Значимость исторических работ Г.Е. Катанаева несомненно повышает и тот факт, что многие документы, которые он использовал, до нас не дошли либо сохранились только в «списках» Г.Е. Катанаева.

Хронологические рамки исследований Г.Е. Катанаева очень широки и охватывают период XVI – начала XX в. География исторических интересов Г.Е. Катанаева – район Западной Сибири и Степного края (Киргизских степей). Обращаясь к истории этого обширного региона, Г.Е. Катанаев ставит своей целью выяснение

его роли и значения в общей истории России. Историю Сибири и Степного края Г.Е. Катанаев рассматривает, прежде всего, как историю постепенного территориального роста России, а главной опорой колонизационной политики русского государства за Уралом считает именно сибирское казачество.

В историографии проблемы присоединения Сибири к России доминируют две основные концепции [39. С. 8; 40. С. 102], различно трактующие роль казачества в данном процессе (особенно на начальном этапе).

Три основные силы – казаки во главе с Ермаком, Строгановы, государство – рассматривались в качестве главной в деле «сибирского взятия». В рамках одной концепции (Кунгурская летопись, «История Сибирская» С.У. Ремезова) утверждалась мысль о решающей роли народа – в лице Ермака и его сподвижников – в разгроме Сибирского ханства, ему же отводилась роль инициатора всей зауральской эпопеи.

Характерные черты другой концепции присоединения Сибири – провиденциализм (Есиповская летопись) и, чуть позже, прагматизм. Решающей и направляющей, в данном случае, провозглашалась роль царского правительства (и государства вообще) – по одной версии (официальные документы Посольского Приказа конца XVI – начала XVII в., Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер) и Строгановых – по другой (Строгановская летопись).

Первая концепция была созвучна мыслям М.В. Небольсина, во второй половине XIX в. в определенном отношении ее продолжили и сибирские «областники». Вторая версия нашла свое развитие в XVIII в. в трудах Н.М. Карамзина, в историографии XIX в. – в работах П.А. Словцова и С.М. Соловьева.

Но вышеназванные точки зрения на «сибирский вопрос» в освещении отечественных ученых не исчерпывают всего их многообразия. Существуют как бы «переходные», соединяющие отдельные компоненты охарактеризованных выше концепций [40. С. 102]. К таковым, на наш взгляд, относится и позиция Г.Е. Катанаева.

Вслед за «областниками» Г.Е. Катанаев оценивает Ермака как личность исторического масштаба, человека выдающегося ума (с государственным складом) и характера. Но все же признает его не более чем разбойником, «со всеми несимпатичными особенностями человека этого ремесла» [41. С. 2]; образ же «рыцаря без страха и упрека», которым награждали Ермака многие историки (в том числе и Н.М. Карамзин) Г.Е. Катанаев считает лишь красивыми фразами, не имеющими никакой исторической достоверности.

Выдающаяся роль «именитых людей» Строгановых очевидна для Г.Е. Катанаева и не подлежит сомнению. Он допускает только соглашение волжских удальцов со Строгановыми. И не в «высоко-государственных целях», и «не в видах царского прощенья» (в котором Ермак, забравшись в недостижимые для царских войск приуральские дебри, совсем не нуждался), а для собственных выгод обеих сторон. Личные и, несомненно, вполне себялюбивые цели казаков, по мнению Г.Е. Ка-

танаева, лишь совпали с государственными интересами. Осознание чего и поддерживало дружину Ермака в Сибирском походе. Вместе с тем Г.Е. Катанаев подчеркивает, что акт занятия Сибири русскими людьми нельзя считать «самовольным» захватом чужой страны вопреки воле правительства, что Ермак все же не «своевольник», а «служилый человек», обязанный охранять честь и интересы «Великого государя» и «Святой Руси» [41. С. 2].

Вопрос о характере включения Сибири в состав русского государства Г.Е. Катанаев решает достаточно традиционно, в рамках прочно закрепившегося в русской дореволюционной исторической науке положения о завоевании края русским оружием. По мнению Г.Е. Катанаева, Сибирь «насаждалась» сначала воинскими, а лишь затем «тяглыми» и «пашенными» людьми. Поскольку, как подчеркивает Г.Е. Катанаев, первые полтора столетия истории завоевания и освоения Сибири основную воинскую силу края составляли казаки, то им он и отводит главную роль в деле завоевания Сибири. Следует отметить, что сам Г.Е. Катанаев чаще употребляет термин не «завоевание», а «покорение» Сибири, подчеркивая, тем самым длительность процесса и подразумевая, что перед казаками стояла более обширная и трудная задача, чем просто успешные военные действия.

Большое развитие в работах Г.Е. Катанаева получила популярная в дореволюционной историографии идея цивилизаторской роли России в Азии. Причем главную роль в деле «окультуривания» и «оглаживания» «диких дотол» киргизов и прочих иноверцев Г.Е. Катанаев отводит опять-таки сибирским казакам [42. С. 5]. В то же время Г.Е. Катанаев отмечает и некоторые влияния и проникновение среднеазиатской культуры в русскую, особенно на бытовом уровне. Так, Г.Е. Катанаев отмечает очевидность заимствования сибирскими казаками отдельных элементов и, даже, целых предметов национальных костюмов азиатских жителей. При этом он подчеркивает, что такая «переимчивость в одежде» оправдана объективными причинами: во-первых, костюм этот применительно к местным природным условиям удобнее и практичнее; во-вторых, казачьи линии, вследствие отдаленности от центральных районов России, «попадали» в фабрично-торговый район Бухары, Коканда и Ташкента – отсюда и покупка казаками более сподручных и несравненно более дешевых товаров местных, а не русских [43. Л. 9–10].

Взгляды Г.Е. Катанаева на политику в отношении туземцев страдают некоторой противоречивостью. С одной стороны, он признает за аборигенами Сибири право на определенную культурно-хозяйственную автономию («в виде возможности остаться на исстари занятых ими урочищах и не оставлять старых привычных промыслов» [44. Л. 7 об., 45. Л. 20–21]). С другой – попытки аборигенов отстоять таковую характеризует как «бунт», «злодеяние», «дерзновенное предприятие» [44. Л. 7 об., 45. Л. 20–21], которое приходилось подав-

лять в ходе открытой вооруженной борьбы. В то же время Г.Е. Катанаев старается доказать, что строгие, насильственные меры в отношении коренного населения Сибири применялись крайне редко. Так, он отмечает, что ни в первоисточниках, ни у историков, писавших об инородцах на этот счет, нет не только никаких указаний, но и намеков. Исключение составляют, как пишет Г.Е. Катанаев, лишь публицистические статьи 60-х гг. XIX в., в которых упоминаются случаи жестокого отношения к иноверцам [45. Л. 11]. Очевидно, Г.Е. Катанаев имеет в виду статьи областников, представляющих в своих работах присоединение Сибири как целую эпоху кровавой борьбы русских завоевателей с аборигенными народами. Но эти примеры, как подчеркивает Г.Е. Катанаев, не подкреплены ссылками на источники.

Более эффективно, по мнению Г.Е. Катанаева, в отношении инородцев применялся принцип «разделяй и властвуй», а также различные «посулы» и «подарки». И все же Г.Е. Катанаев как историк достаточно объективен, чтобы не признать «добровольный характер» подчинения сибирских народов Российской державе. «Инородцы, – пишет он, – лишь постепенно смирились со своей участью, уступив русским пришельцам часть лучших своих рыбных и звероловных угодий, и подчинившись их разносторонней эксплуатации в качестве народа покоренного и бессильного... Хотя, строго говоря, власть эта всеми ими лишь выносилась как нечто неизбежное, а не принималась в качестве желанной» [Там же. Л. 22 об.–23].

Главной темой работ Г.Е. Катанаева является история Сибирского казачьего войска, преимущественно на материале Западной Сибири. Одной из основных своих задач как историка Г.Е. Катанаев считает выяснение тех действительных заслуг казачества, которые, по его мнению, не получили в литературе должного освещения или недостаточно оценены. Прежде всего – это роль казачества в деле завоевания, освоения и благоустройства района Западной Сибири и части Средней Азии.

«История Сибирского казачьего войска, – писал Г.Е. Катанаев в одной из своих рукописей, – есть вообще история военных поселений на границах Западной Сибири с киргизскими ордами, Джунгарией, Кокандом и Китаем; в частности, же, она есть история пограничной службы военных поселян, история присоединения к России стран, составляющих нынешние Акмолинскую, Семипалатинскую и отчасти Сыр-Дарьинскую и Ферганскую области, история военной колонизации трех военных областей» [43. Л. 7 об.]. Уже из этой цитаты ясно видно, что Г.Е. Катанаев рассматривает в своих работах казачество, прежде всего, как «служилую силу», как объект воздействия правительства в преследуемых им целях построения государства.

Г.Е. Катанаев вводит собственную периодизацию истории сибирского казачества. Правда, следует отметить, что сам он ее не систематизирует, тем не менее,

она прослеживается во всех его основных работах. Критериями подобной периодизации служат существенные, а порой и кардинальные изменения в плане воинской организации сибирского казачества, его экономического положения и социального статуса. Главным же критерием являются характер и конкретное содержание службы сибирских казаков в тот или иной отрезок времени. На основании этих критериев Г.Е. Катанаев делит историю сибирского казачества на пять периодов.

Первый период, который Г.Е. Катанаев определяет как «начальная история» сибирских казаков, охватывает XVI–XVII столетия. Г.Е. Катанаев отмечает, что в XVI, XVII вв. (и даже первой половине XVIII в.) сибирские казаки не составляли особого сословия и входили в общую массу служилых людей. «Дворянства и казачества, – пишет Г.Е. Катанаев, – как строго обособленных сословий в старинной Сибири не было. Как казаки, так и дети боярские, стрельцы и дворяне были просто служилыми людьми разных рангов, обязанные постоянной и бессрочной службой “доколе в силах” за определенное (очень ничтожное) жалование» [42. С. 13]. Главная служба казаков в этот период состояла в проводывании новых «землиц» и в «подведении неверных под высокую государеву руку».

Второй период, который Г.Е. Катанаев красноречиво характеризует как период «немецкого режима» или «немецкого прижима» в истории сибирского казачества, как время сплошной страды и принудительной работы, имеющей мало общего с исполнением воинских обязанностей, охватывает временной отрезок с начала и примерно до 70-х гг. XVIII в. Царствование Петра I, как отмечает Г.Е. Катанаев, надолго приостановило развитие сибирского казачества. «Понятно, – пишет Катанаев, – что... казаки, как представители гонимых тогда самобытно-русских начал, не могли рассчитывать на особое к себе благоговение...» [46. Л. 32–33].

Третий период истории сибирского казачества – это время с начала 70-х гг. XVIII в. до начала XIX в. Именно в этот период, по замечанию Г.Е. Катанаева, меняется к лучшему и положение в плане воинской организации казаков. Точкой резкого перелома в этом отношении Г.Е. Катанаев называет назначение в 1808 г. начальником Сибирских линий и командиром Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа.

Это событие, по мнению Г.Е. Катанаева, знаменовало и начало нового – четвертого – периода в истории сибирского казачества, продолжавшегося до 50-х гг. XIX в. включительно. Сибирских казаков решено было обратить в поселенные полки (по уланскому регулярному образцу) на замену регулярных войск, которые в том же году ввиду осложнений на западе были «переброшены» на западную границу Европейской России. Были составлены «штаты» Сибирских казачьих полков с собственной конной артиллерией, придумана форма обмундирования и снаряжения. «С этого момента, – отмечает Г.Е. Катанаев, – сибирские казаки после сто-

летнего почти безвременья вновь сделались истинною и главною силою русского правительства в Сибири. Роль этой главной, если не сказать единственной, воинской силы в крае они с честью исполняли непрерывно вплоть до 60-х гг. XIX в., когда тяжесть лежавшей на них службы стала в большей или меньшей степени разделяться и другими родами оружия» [46. Л. 45].

И, наконец, пятый период в истории сибирского казачества Г.Е. Катанаев ограничивает датами: 1861 г. – начало XX в. 1861 г., по мнению Г.Е. Катанаева, был для сибирских казаков годом освобождения от государственного тягла, носившего вид крепостного. Вторая половина 70-х гг. XIX в., за время управления войском генерал-лейтенантом Н.Г. Казнаковым, ознаменовалась мирными реформами, клонившимися, по оценке Г.Е. Катанаева, к «экономическому уврачеванию того, что с незапамятных времен вносило в быт населения Сибирского войска материальные лишения, переходившие для многих в нищету» [42. С. 55].

Кроме рассмотрения характера и конкретного содержания собственно службы Сибирского казачьего войска, Г.Е. Катанаев в своих работах значительное внимание уделяет и вопросам происхождения казачества как социального и, в определенной степени, политического явления; и этимологии самого слова «казак», и роли казачества в истории русского государственного строительства; и проблемам землеустройства сибирского казачества; и некоторым вопросам экономики, культуры и быта сибирского казака, в том числе и проблеме образования в Сибирском казачьем войске.

В работах Г.Е. Катанаева не стоит искать оппозиционность власти и сложившуюся идеологическую позицию. Критика им отдельных правительственных мероприятий носила умеренный характер и диктовалась, главным образом, стремлением отстоять узкосословные казачьи интересы в рамках Сибири.

Основным лейтмотивом всех опубликованных работ Г.Е. Катанаева было стремление показать верность и преданность сибирского казачества правительству. И это неудивительно, если учесть, что исторические работы Г.Е. Катанаева издавались, главным образом, на средства из войсковых капиталов. В них автор выступает, прежде всего, с позиции официального историка сибирского казачьего войска, высокопоставленного чиновника, присягнувшего верой и правдой служить царю и отечеству. В неопубликованных же работах Г.Е. Катанаева (особенно в его последних рукописях, черновых записях и «заметках на память»), создававшихся в основном уже в 20-е гг. XIX в., когда престарелый генерал отошел и от военной службы, и от всякой политической окрашенной деятельности, можно встретить и некоторые либеральные суждения.

В последних автографах Г.Е. Катанаева сибирское казачество предстает уже не как блестящая воинская структура на службе государству, а как изнуренные непосильной тяжбой «крепостные» работники, безропотно исполняющие многообразие всякого рода работ.

Задумывается Г.Е. Катанаев и над вопросом выяснения системы культурно-нравственных ценностей сибирских казаков. В записных книжках Г.Е. Катанаева [43. Л. 11 об.–12 об.; 47. Л. 9, 12], относящихся по времени создания примерно к 1918–1920 гг., сохранились тезисные наброски вопросов будущих исследований:

– Почему казаки на своем знамени не выставляли истинных своих намерений, а всегда прятались за государевы интересы, за «правую веру» и тому подобное?

– Каков казацкий идеал государственного устройства и народного быта?

– Освободившись от тяжелого государственного тягла, от барщины и прочих платежей, выйдя на свободу, какую жизнь устраивали протестанты на окраинах России? Чем они занимались, какие устраивали порядки, какой государственный, общественный и хозяйственный идеал осуществляли?

– Сколько казаки пожгли русских городов, сколько перевешали и перебили ни в чем не повинного русского народа? Сколько побили войск?

– Во имя чего казаки бились: 1) с татарами и прочими (ради добычи зипунов?); 2) с русскими и царскими войсками?

В изданных работах Г.Е. Катанаев рассматривает сибирское казачество, прежде всего, как «служилую» силу, государственную структуру. В записных книжках он ставит перед собой задачу рассмотрения казачества как определенного социума или социального института; как (в определенном смысле) самодостаточной и самообеспечивающейся социальной и экономической системы; как носителя самобытной культуры. Г.Е. Катанаев считает важным и необходимым выяснить, что было «запрограммировано» при создании Сибирского казачьего войска, что откорректировано ходом самой истории, что внесено самими казаками, и, тем самым,

ответить на вопрос о задатках для деятельности и жизнеспособности сибирского казачества в будущем.

Анализ творческого наследия Г.Е. Катанаева позволяет сделать вывод, что он в своем научном становлении последовательно прошел путь от таких простейших форм исторического изучения, как сбор исторических материалов и их публикация со вступительными статьями и примечаниями, обработка фактов в виде описей, обзоров, сообщений до значительных по объему концептуальных трудов. Еще в XVIII в. А. Шлецером была предложена определенная классификация историков [48. С. 22]. Он выделял три типа историков: 1) историк-собираатель; 2) историк-исследователь, который подвергает собранные материалы всесторонней критической проверке; 3) историк-повествователь, который на основании критически проверенного материала излагает исторические факты в цельном рассказе. Причем отмечалось, что третий этап – высший этап исторической науки. Г.Е. Катанаев как историк прошел все эти три этапа. И если в первых исторических работах Г.Е. Катанаева, опубликованных в 90-х гг. XIX в., преобладали фактография, описательный подход к историческим явлениям, накопление фактов как самоцелью, то более поздние работы Г.Е. Катанаева, особенно его последние (по времени создания) рукописи, отличаются широтой проблематики и более углубленной научной разработкой.

Безусловной заслугой Г.Е. Катанаева можно считать введение в научный оборот новых комплексов источников и расширение проблематики научных изысканий по истории сибирского казачества. Творческое и научное наследие Г.Е. Катанаева сохраняет актуальность как важный источник по истории сибирского казачества, а его труды не утратили своего научного значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибирская Советская Энциклопедия. М., 1931. Т. 2.
2. Евсеев Е. Патриарх казачьего войска // Омская старина: Историко-краеведческий альманах. Омск, 1993. Вып. 1. С. 68–82.
3. Шулдяков В.А. Историко-публицистические работы Г.Е. Катанаева // Памятники истории и культуры Омской области : тез. обл. науч.-практ. конф. Омск, 1989. С. 136–138.
4. Вибе П.П. Становление и развитие исторического краеведения в Омском Прииртышье // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории : тезисы науч.-метод. конф. Омск, 1993. С. 121–125.
5. Хвостов Н.А. Казачество Сибири: итоги и задачи изучения истории и культуры // История и культура Сибири : материалы отчет. сес. Омск. фил. Объединенного ин-та истории, филологии и философии СО РАН. Омск, 1996. С. 119–123.
6. Шейнфельд М.Б. Историография Сибири. Красноярск, 1973.
7. Шевченко С.В. Сибирское линейное казачество и казахи Среднего жуза в XVIII – начале XIX в. : дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997.
8. Недбай Ю.Г. История казачества Западной Сибири. 1582–1808 гг. (Краткие очерки). Омск, 1996.
9. Недбай Ю.Г. Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск, 1998.
10. Недбай Ю.Г. История сибирского казачьего войска (1725–1861 гг.) : в 2 т. Омск, 2001. Т. 1.
11. Недбай Ю.Г. Историческая справка или предыстория «Истории Сибирского казачьего войска» // Гуманитарное знание: ежегодник. Омск, 2000. Вып. 4. С. 136–148.
12. Андреев С.М. Мордва в этническом составе сибирского казачества. По материалам Г.Е. Катанаева. 1890–1891 гг. // Архивный вестник. Омск, 1994. № 5. С. 26–29.
13. Андреев С.М. Офицерское землевладение в Сибирском казачьем войске (середина XIX в. – 1916 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997.
14. Штергер М. В. Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX вв. (по материалам Тобольска и Омска) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003.
15. Исторический архив омской области. Ф. 366. Оп. 1. Д. 330.
16. Катанаев Г. Е. Князь Матвей Петрович Гагарин. Генеральный президент Сибирского приказа и сибирских провинций судия. Московский комендант и всея Сибири губернатор. (Первый сибирский автономист). (Сибирь эпохи Петра Великого.) Тюмень, 2005.
17. Катанаев Г.Е. Роль казачества в истории государственного строительства России // Иртыш. 1918. № 40–42; 1919. № 1, 2, 4.

18. Усов Ф.Н. Справочная книжка о Сибирском казачьем войске. Тюмень, 1879; Он же. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. Омск, 1879; Он же. Очерки истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1884. Он же. Хронологический перечень событий, относящихся к истории западной Сибири (с 1465 по 1881 г) // Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1881.
19. Путищев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории / Сост. есаул Н.Г. Путищев. Омск : Тип. Окружного штаба, 1891.
20. Сулоцкий А.И. Святитель Филофей – митрополит Сибирский и Тобольский, просветитель сибирских инородцев. 2-е изд., испр. и доп. Омск : Тип. Акмол. обл. правл., 1882 и др.
21. Будицкий В. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.
22. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. 1701 (1882).
23. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала и особливо от покорения ее Российской державе по сии времена. СПб., 1750.
24. Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
25. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773–1788.
26. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть вторая. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. Санкт-Петербург, 1776–1777. (2-е изд. Санкт-Петербург, 1779).
27. Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб., 1849.
28. Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей : в 3 ч. СПб., 1832.
29. Вельяминов-Зернов В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1865–1889. Ч. 1–4.
30. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 2: С 1743 по 1823 год. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1886.
31. Шапов А.П. Сочинения : в 3 т. СПб. : М.В. Пирожков, 1906–1908. Т. 1–3.
32. Андриевич В.К. (сост.) История Сибири. Ч. 1: Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. СПб. : Типография и литография В.В. Комарова, 1889.
33. Акты исторические. СПб., 1841–1842. Т. 1–5.
34. Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846–1872. Т. 1–12.
35. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. М., 1846–1848, 1858–1908.
36. Русская историческая библиотека. СПб., 1872–1927.
37. Памятники Сибирской истории XVIII века [ред. А.И. Тимофеев]. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1882–1885.
38. ИАОО. Ф. 366 (Личный фонд Г.Е. Катанаева).
39. Миненко Н.А. Историкогеография Сибири (период феодализма). Новосибирск, 1978.
40. Преображенский А.А. Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России // История СССР. 1984. № 1. С. 101–118.
41. Катанаев Г.Е. Еще об Ермаке и его Сибирском походе (новая вариация на старую тему) // Записки ЗСОИРГО. Кн. XV, вып. 2. 1893. С. 1–36.
42. Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска (с 1582 по 1908). СПб., 1908.
43. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 314.
44. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 372.
45. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 370.
46. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 321.
47. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 317.
48. См.: Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М. ; Л., 1937.

Olga P. Doroshenko. Tomsk Institute of Retraining and Agribusiness (Tomsk, Russia). E-mail: dop@tipkia70.ru
Vyacheslav N. Kudryashev. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

G.E. KATANAEV – HISTORIOGRAPHER OF THE SIBERIAN COSSACKS.

Keywords: historiography; history of Siberia; Cossacks; G.E. Katanaev; Siberian Cossack army.

The article is devoted to the study of the creative heritage of G.E. Katanaev, historiographer of the Siberian Cossack Army. The authors of the article note that G.E. Katanaev is considered one of the most interesting and significant researchers of the history of the Siberian Cossacks. However, the historical work of G.E. Katanaev has not yet been the object of special research. Therefore, the aim of the article is to determine the true contribution of G.E. Katanaev in the study of the history of the Siberian Cossacks on the basis of a set of his printed and handwritten works. To achieve this goal, the authors solve the following tasks: to determine the historical and philosophical views of G.E. Katanaev and, identifying the General direction of specific historical research of G.E. Katanaev, to assess their importance for the historiography of the Cossacks.

The authors of the article consider the methods which were used by G.E. Katanaev:

- 1) systematization and study of all literature on the history of the Siberian Cossacks published by that time;
- 2) work with sources;
- 3) correspondence with old-timers Cossacks.

The authors emphasize that G.E. Katanaev attracted extensive and diverse material for his historical works: archival acts, chronicles, oral traditions, as well as data of archeology, ethnography, linguistics and genealogy. Due to a wide range of sources, the reliability of the information given by him is extremely high. The importance of historical works of G.E. Katanaev undoubtedly increased by the fact that many of the documents that have been used, have not survived.

The article notes that G.E. Katanaev introduces his own periodization of the history of the Siberian Cossacks and allocates 5 periods. The criteria of such periodization are significant changes in the plan of the military organization of the Siberian Cossacks, its economic and social status. The main criterion is the nature and specific content of the service of the Siberian Cossacks in a particular period of time. In addition to considering the nature and specific content of the actual service of the Siberian Cossack Army, G.E. Katanaev in his works pays much attention to the origin of the Cossacks as a social and political phenomenon; the etymology of the word "Cossack", the role of the Cossacks in the history of Russian State construction; problems of land management and land relations of the Siberian Cossacks; the economy, culture and life of the Siberian Cossack.

Based on the analysis of the scientific heritage of G.E. Katanaev and the identification of his main historical views, the authors come to the following conclusions:

– in the historical views of G.E. Katanaev, one should not look for the original existing concept, in his works there is clearly a lack of methodological and professional training as a historian;

– the main leitmotif of all published works of G.E. Katanaev was the desire to show loyalty and devotion of the Siberian Cossacks to the government, and the criticism of certain government activities was of a moderate nature and was dictated by the desire to defend the narrow-minded Cossack interests;

G.E. Katanaev as a historian in his scientific formation has consistently gone from such simple forms of historical study as the collection of historical materials and their publication to significant conceptual works.

In conclusion, the authors emphasize that the unconditional merit of G.E. Katanaev can be considered the introduction into scientific circulation of new complexes of sources and the expansion of the problems of scientific research, that the creative and scientific heritage of G.E. Katanaev remains relevant as an important source in the history of the Siberian Cossacks, and his works have not lost their scientific significance.

REFERENCES

- Shumyatsky, B.Z. (ed.) (1931) *Sibirskaya Sovetskaya Entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Zapadno-sibirskoe otdelenie OGIZ.
- Eyseev, E. (1993) Patriarkh kazach'ego voyska [Patriarch of the Cossack army]. *Omskaya starina*. 1. pp. 68–82.
- Shuldyakov, V.A. (1989) Istoriko-publitsisticheskie raboty G.E. Katanaeva [G.E. Katanaev's historical and journalistic works]. In: *Pamyatniki istorii i kul'tury Omskoy oblasti* [Monuments of History and Culture of Omsk Region]. Omsk: [s.n.], pp. 136–138.
- Vibe, P.P. (1993) [The formation and development of historical local history studies in Omsk Irtysh area]. *Problemy istoriografii, istochnikovedeniya i istoricheskogo kraevedeniya v vuzovskom kurse otechestvennoy istorii* [Problems of historiography, source studies, and historical local history in the university course of national history]. Proc. of the Conference. Omsk. pp. 121–125. (In Russian).
- Khvostov, N.A. (1996) [Cossacks of Siberia: results and tasks of studying history and culture]. *Istoriya i kul'tura Sibiri* [History and Culture of Siberia]. Proc. of the Seminar. Omsk. pp. 119–123. (In Russian).
- Sheynfeld, M.B. (1973) *Istoriografiya Sibiri* [Historiography of Siberia]. Krasnoyarsk: [s.n.].
- Shevchenko, S.V. (1997) *Sibirskoe lineynoe kazachestvo i kazakhi Srednego zhuzha v XVIII – nachale XIX v.* [Siberian linear Cossacks and Kazakhs of the Middle Zhuz in the 18th – early 19th centuries]. History Cand. Diss. Ekaterinburg.
- Nedbay, Yu.G. (1996) *Istoriya kazachestva Zapadnoy Sibiri. 1582–1808 gg.* [History of the Cossacks of Western Siberia. 1582–1808]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
- Nedbay, Yu.G. (1998) *Kazachestvo Zapadnoy Sibiri v epokhu Petra Velikogo* [Cossacks of Western Siberia in the era of Peter the Great]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
- Nedbay, Yu.G. (2001) *Istoriya sibirskogo kazach'ego voyska (1725–1861 gg.)* [History of the Siberian Cossack army (1725–1861)]. Vol. 1. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
- Nedbay, Yu.G. (2000) Istoricheskaya spravka ili predystoriya “Istorii Sibirskogo kazach'ego voyska” [Historical background or prehistory of the “History of the Siberian Cossack Army”]. *Gumanitarnoe znanie*. 4. pp. 136–148.
- Andreev, S.M. (1994) Mordva v etnicheskom sostave sibirskogo kazachestva. Po materialam G.E. Katanaeva. 1890–1891 gg. [Mordva in the ethnic composition of the Siberian Cossacks. According to the materials of G.E. Katanaev. 1890–1891]. *Arkhivnyy vestnik*. 5. pp. 26–29.
- Andreev, S.M. (1997) *Ofiserskoe zemlevladienie v Sibirskom kazach'em voyske (seredina XIX v. – 1916 g.)* [Officer tenure in the Siberian Cossack army (the mid-19th century – 1916)]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
- Shterger, M.V. (2003) *Provintsial'naya istoricheskaya mysl' posledney trety XIX – nachala XX vv. (po materialam Tobol'ska i Omska)* [Provincial historical thought of the last third of the 19th – early 20th centuries (a case study of Tobolsk and Omsk)]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
- The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 330.
- Katanaev, G.E. (2005) *Knyaz' Matvey Petrovich Gagarin. General'nyy prezident Sibirskogo prikaza i sibirskikh provintsiy sudiya. Moskovskiy komendant i vseya Sibiri gubernator. (Pervyy sibirskiy avtonomist)* [Prince Matvey Petrovich Gagarin. The general president of the Siberian order and Siberian provinces is a judge. Moscow commandant and the governor of all Siberia. (The first Siberian autonomist)]. Tyumen: Mandr i Ka.
- Katanaev, G.E. (1918) Rol' kazachestva v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva Rossii [The role of the Cossacks in the history of the state building of Russia]. *Irtysh*. 40-42.
- Usov, F.N. (1879) *Spravochnaya knizhka o Sibirskom kazach'em voyske* [Reference book of the Siberian Cossack Army]. Tyumen: [s.n.].
- Putintsev, N.G. (1891) *Khronologicheskii perechen' sobyitii iz istorii Sibirskogo kazach'ego voyska so vremeni vodvoreniya zapadosibirskikh kazakov na zanimаемoy imi nyne territorii* [A chronological list of events from the history of the Siberian Cossack army since the deployment of the West Siberian Cossacks in the territory they currently occupy]. Omsk: Tip. Okruzhnogo shtaba.
- Sulotsky, A.I. (1882) *Svyatitel' Filofey – mitropolit Sibirskiy i Tobol'skiy, prosvetitel' sibirskikh inorodtsev* [Saint Philotheus is Metropolitan of Siberia and Tobolsk, an enlightener of Siberian non-Russians]. 2nd ed. Omsk: Tip. Akmol. obl. pravl.
- Butsinsky, V. (1889) *Zaselenie Sibiri i byt ee pervykh nasel'nikov* [Colonisation of Siberia and the life of its first inhabitants]. Kharkov: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
- Remezov, S.U. (1701 (1882)) *Chertezhnaya kniga Sibiri* [Drawing book of Siberia]. [s.l.; s.n.].
- Miller, G.F. (1750) *Opisanie Sibirskogo tsarstva i vsekh proisshedshikh v nem del ot nachala i osoblivo ot pokoreniya ee Rossiyskoy derzhave po sii vremena* [Description of the Siberian kingdom and all the things that happened in it from the beginning and especially from its conquest by Russia]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
- Fisher, I.E. (1774) *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiem* [Siberian history from the discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapon]. St. Petersburg: [s.n.].
- Pallas, P.S. (1773–1788) *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva* [Traveling to different provinces of the Russian state]. St. Petersburg: [s.n.].
- Georgi, I.G. (1776–1777) *Opisanie vsekh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov, takzhe ikh zhiteyskikh obryadov, ver, obyknoveniy, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostey* [Description of all the living peoples in the Russian state, as well as their everyday rites, faiths, customs, dwellings, clothes, and other memorials]. St. Petersburg: [s.n.].
- Nebolsin, P.I. (1849) *Pokorenie Sibiri* [The Conquest of Siberia]. St. Petersburg: I. Glazunov i K.
- Levshin, A. (1832) *Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey* [Description of the Kyrgyz Cossack or Kyrgyz Kaisat hordes and steppes]. St. Petersburg: Tip. Karla Krayya.
- Velyaminov-Zernov, V. (1865–1889) *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Research on the Kasimov kings and princes]. St. Petersburg: [s.n.].
- Slotsov, P.A. (1886) *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [Historical Review of Siberia]. Vol. 2. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
- Shchapov, A.P. (1906–1908) *Sochineniya: V 3 t.* [Works. In 3 vols]. Vol. 1–3. St. Petersburg: M.V. Pirozhkov.
- Andrievich, V.K. (1889) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Part 1. St. Petersburg: Tipografiya i litografiya V.V. Komarova.
- Russia. (1841–1842) *Akty istoricheskie* [Historical Acts]. Vol. 1-5. St. Petersburg: [s.n.].
- Russia. (1846–1872) *Dopolneniya k Aktam istoricheskim* [Additions to the Historical Acts]. Vol. 1-12. St. Petersburg: [s.n.].
- Imperial Society of Russian History and Antiquities. (n.d.) *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.

36. Barsukov, A.P. et al. (1872–1927) *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. St. Petersburg: V.P. Golovin.
37. Timofeev, A.I. (ed.) (1882–1885) *Pamyatniki Sibirskoy istorii XVIII veka* [Monuments of Siberian history of the 18th century]. St. Petersburg: Ministry of the Interior.
38. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 366.
39. Minenko, N.A. (1978) *Istoriografiya Sibiri (period feodalizma)* [Historiography of Siberia (feudalism)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
40. Preobrazhensky, A.A. (1984) Nekotorye itogi i spornye voprosy izucheniya nachala prisoedineniya Sibiri k Rossii [Some results and controversial issues of studying the beginning of the Russian accession of Siberia]. *Istoriya SSSR*. 1. pp.101–118.
41. Katanaev, G.E. (1893) Eshche ob Ermake i ego Sibirskom pokhode (novaya variatsiya na staruyu temu) [More about Yermak and his Siberian campaign (a new variation on an old theme)]. *Zapiski ZSOIRGO*. 15(2). pp. 1–36.
42. Katanaev, G.E. (1908) *Kratkiy istoricheskiy obzor sluzhby Sibirskogo kazach'ego voyska (s 1582 po 1908)* [A brief historical overview of the service of the Siberian Cossack Army (from 1582 to 1908)]. St. Petersburg: [s.n.].
43. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 314.
44. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 372.
45. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 370.
46. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 321.
47. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 317.
48. Bakhrushin, S.V. (1937) G.F. Miller kak istorik Sibiri [G.F. Miller as a historian of Siberia]. In: Miller, G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow; Leningrad: [s.n.].

А.В. Майоров, А.Е. Жуков

ЛЕТОПИСЬ ЛАВРОВСКОГО: ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И СОХРАНИВШИЕСЯ СПИСКИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект № 16-18-10137.

Статья посвящена малоизвестному памятнику русского летописания второй половины XV в. – Летописи Лавровского, названной по имени первого владельца, перемышльского каноника И.В. Лавровского (1773–1846). Владелец рукописи некоторое время поддерживал связь с участниками «кружка Н.П. Румянцева», благодаря чему о памятнике стало известно в России. Древний оригинал рукописи не сохранился, однако существование его подтверждается свидетельствами нескольких ученых (П.И. Кеппен, Я.Ф. Головацкий, Д.И. Зубрицкий, А. Белевский), датировавших рукопись XVI столетием. В настоящее время известно четыре списка 20-х гг. XIX в., по которым могут быть восстановлены особенности утраченного архетипа.

Ключевые слова: Летопись Лавровского; И.В. Лавровский; Н.П. Румянцев; П.И. Кеппен.

Летопись Лавровского является одним из наиболее загадочных памятников русского летописания. Ее оригинал, созданный, предположительно, в XVI в. хранился у перемышльского каноника, историка и собирателя древностей Ивана Лавровского. Впоследствии рукопись была утрачена. Однако еще до ее исчезновения были изготовлены копии данного манускрипта. Именно они дают представление об особенностях текста Летописи Лавровского. Вопрос о введении указанного памятника в науку практически не рассматривался в историографии. Считается, что к летописи впервые обратились в советское время. Однако Летопись Лавровского была хорошо известна исследователям славянских древностей уже в XIX в. Истории ее открытия и последовавшего за ним забвения и посвящена настоящая статья.

В октябре 1821 г. в путешествие по славянским землям отправился Петр Иванович Кеппен (Кеппен) (1793–1864), впоследствии видный историк, географ и статистик, академик Петербургской Академии наук. Выпускник Харьковского университета, Кеппен в 1814 г. переехал в Петербург, где стал одним из учредителей Вольного общества любителей российской словесности, а с 1819 г. начал сотрудничать с Н.П. Румянцевым по изучению славяно-русских древностей.

Путешествие Кеппена длилось два с половиной года (до апреля 1824 г.) и стало одной из важнейших научных экспедиций своего времени. Его главной целью было собирание и описание памятников славянской письменности, овладение языками и наречиями различных славянских народов. В ходе поездки Кеппен встречался с крупнейшими учеными и деятелями культуры, установив с ними дружеские связи и собрав обильный научный материал [1. С. 5–22; 2. С. 75–94; 3. С. 73–78; 4. С. 182–183].

Важнейшим результатом путешествия стало появление журнала «Библиографические листы» (1825–1826), издаваемого Кеппеном на средства Румянцева, в котором публиковали свои сообщения, статьи и заметки все ведущие слависты того времени [5. С. 47–58].

В январе 1822 г. Кеппен находился в Галиции, знакомясь с местными книжными и рукописными собраниями, учеными и общественными деятелями. Посетив Перемышль, он познакомился с каноником Иваном Лавровским, знатоком славянских языков, собирателем древних рукописей и книг.

До нашего времени сохранились «Дорожные записки» или «Путевые заметки» Кеппена о путешествии 1821–1824 гг. Эта пространная рукопись, занимающая шесть объемистых тетрадей (книг), хранится ныне в фонде П.И. Кеппена в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук. Тетради исписаны мелким ровным почерком и насчитывают соответственно 163, 79, 311, 290, 295 и 291 нумерованных страниц в картонных переплетах с кожаными корешками и углами [6]. Рукопись остается неизданной. В разное время публиковались лишь ее отдельные фрагменты: И.С. Свенцицкий напечатаны отрывки, относящиеся к пребыванию Кеппена в Галиции, Трансильвании и Польше [7. С. 123–138], Л.Б. Модзалевский опубликовал описание Кеппеном его встречи с Гете в Веймаре [8. С. 68–70].

Третья книга заметок содержит описание путешествия Кеппена через земли Галиции – от пограничного города Броды до Кракова [9. С. 118–165]. Эта часть записок составлена, по всей видимости, уже в Кракове и датирована 13 февраля 1822 г. В числе прочего автор передает полученные от Лавровского сведения о диалектах русского языка в Галиции («разделение наречий Руснякских») [Там же. С. 120], а также о некоторых важных материалах из архива Перемышльского магистрата [Там же. С. 149]. В опубликованном в «Библиографических листах» отчете о своем путешествии Кеппен отметил, что этот архив необходимо исследовать более основательно: «В Пржемысле вместе с г. каноником Лавровским, разобрать, если можно, городской Архив, но ныне еще, сколько нам известно, не приведенный в порядок» [10. С. 476].

Пожалуй, наибольшее внимание Кеппена привлекла хранившаяся у Лавровского древняя русская летопись.

В его записках читаем: «Г. Лавровский давал мне рассматривать летописец писанный на бумаге, в конце коего я заметил происшествие 7007 (1499) года. Первых листов нет, а начинается оный с крещения Владимира Великого. Летописец сей можно будет, думаю, отнести к XVI веку. В нем некоторые происшествия описаны пространнее, а другие – сокращенно против известных летописей, – говорит г. Лавровский. Я же не имел времени рассматривать оный. – Г. Лавровский показывал мне и точный список с сей. Летописи, делаемый для Графа Н.П. Румянцева» [9. С. 150].

Об этой летописи как о важном своем открытии Кеппен незамедлительно сообщил в печати. В опубликованной в том же 1822 г. в Вене на немецком языке заметке «Об этнографии и страноведении в России» читаем: «...еще один список нашей летописи (Нестора) я видел в Галиции, а именно в Перемышле у господина каноника Лавровского, который сейчас копируется для имперского канцлера графа Румянцева. Этот дефектный кодекс начинается с крещения Владимира (988), а на обороте последнего листа я видел 7007 (1499) год» [11. С. 7].

О наличии у себя древней русской летописи и предназначенного для Румянцева списка с нее сам Лавровский уведомил А.Х. Востокова в письме от 22 июля 1822 г.: «Переписанный для е[го] прев[осходительства] г[осподина] Гр[афа] Румянцева, канцлера государства, список Истории Российской, ту обретенной, на 89 аркушах состоящей, желаю безмездне в кратком времени послать» [12. С. 36].

Примерно через год копирование летописи было завершено. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранилось также письмо Лавровского на немецком языке, отправленное из Перемышля 15 февраля (15-ten Hornung) 1823 г. и полученное Кеппеном, судя по сделанной им отметке, в Вене 11 февраля (1 марта). Лавровский сообщал, что «копия русской летописи для его превосходительства имперского канцлера г-на графа Румянцева закончена», и завершал письмо просьбой: «Я беру на себя смелость почтительно просить информировать меня, как бы я мог наиболее безопасным образом передать вышеназванную копию русской летописи его превосходительству имперскому канцлеру г-ну графу Румянцеву?»¹.

Судя по еще одной отметке Кеппена, 11 (21) мая 1823 г. он отослал Лавровскому ответное письмо, текст которого, по-видимому, не сохранился. Можно предположить, что в ответном письме Кеппен сообщал о намерении лично доставить копию летописи Румянцеву. Однако в дальнейшем планы путешественника изменились, и он вернулся в Петербург другим путем, минуя Перемышль. В результате подготовленная для Румянцева копия Летописи Лавровского так и не была отослана адресату.

В литературе распространено мнение, что Лавровский еще до прибытия в Перемышль Кеппена установил какие-то связи с Румянцевым или кем-то из его

окружения. Последнее могло произойти при посредничестве Зориана Доленги-Ходаковского (Адама Черноцкого) (1784–1825), известного археолога, этнографа и фольклориста, хорошо знавшего Галицию, посещавшего Львов в 1818 г. и лично знакомого с львовскими учеными. В 1819 г. Ходаковский переехал в Петербург, а осенью 1821 г. – в Москву и, следовательно, имел возможность рассказать о Лавровском кому-то из петербургских или московских сотрудников Румянцева [7. С. 134; 14. С. 62].

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН сохранились документальные свидетельства о нескольких личных встречах Кеппена с Ходаковским в 1820–1821 гг. Между учеными установились приятельские отношения, о чем свидетельствует запись Ходаковского в альбоме Кеппена на польском языке: «Путешественник с Вислы имел удовольствие видиться с П. Кеппеном в Великом Новгороде и скорее на память о своей родине, нежели о себе, оставляет ему стихи Красицкого: “Святая любовь к дорогой Родине...”. Ярославов Дворище. 10 июня 1821 года». Далее по-русски: «Родился я в Комове Хелмской земли 1784-го года 24-го грудня. – 3. Д. Х.» [15. С. 55]².

Первое знакомство ученых друг с другом произошло еще раньше. В записке к секретарю Вольного общества любителей российской словесности А.А. Никитину от 6 мая 1820 г. Ходаковский выражал благодарность Кеппену за лестный отзыв о нем перед членами общества: «Покорнейше благодарю г-ну Кеппену за его милостивый отзыв ко мне» [16. С. 241]. В 1821 г., готовясь к своей поездке, Кеппен внимательно изучил материалы путешествия Ходаковского, совершенного несколькими годами ранее. В фонде Кеппена сохранилась пространная копия материалов Ходаковского, выполненная на 80 листах неизвестной рукой, сверенная с оригиналом самим Кеппеном [17].

При таких обстоятельствах трудно допустить, чтобы Кеппен, отправляясь в Галицию, ничего не знал заранее о Летописи Лавровского. Если об этом памятнике, как считается, Ходаковский рассказывал другим сотрудникам Румянцева, вызвав со стороны последнего желание получить с него копию, то едва ли этот факт мог укрыться от внимания Кеппена, специально изучавшего результаты научных разысканий Ходаковского и заручившегося его рекомендациями для знакомства с галицкими учеными³. Между тем, как явствует из цитированных выше записок Кеппена, вплоть до посещения Перемышля он ничего не знал о бывшей у Лавровского древней русской летописи.

Не мог заранее знать об этой летописи и А.Х. Востоков, вступивший в переписку с Лавровским летом 1822 г. и скопировавший для него Месяцеслов Остромирова Евангелия. Из переписки Востокова с Лавровским и другими лицами со всей определенностью следует, что сам Востоков, как и другие сотрудники Румянцева о Летописи Лавровского узнали только из сообщений Кеппена [12. С. 35–36, 113, 408, 409].

Остается предположить, что Лавровский принял решение установить связь с Румянцевым в ходе личной встречи с Кеппеном под непосредственным впечатлением от общения с ним. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что предназначавшаяся Румянцеву копия летописи, которую видел Кеппен, была, судя по всему, только что начата – во всяком случае, для ее завершения Лавровскому понадобилось еще более года.

Нельзя исключать, что намерения связаться с Румянцевым или его сотрудниками для обмена сведениями о древних письменных памятниках могли возникнуть у Лавровского еще в бытность его во Львове. Как ректор Львовской духовной семинарии Лавровский по поручению гражданских властей и греко-католического митрополита исполнял обязанности цензора, и в силу этого через его руки проходило большое количество духовной и светской литературы, доставляемой из России [18. С. 111]. Знакомясь с ней, Лавровский мог найти сообщения о научной деятельности Румянцева и его сотрудников, проявлявших особый интерес к изучению русских летописей.

Несмотря на договоренность об изготовлении копии Летописи Лавровского, передача ее Н.П. Румянцеву, судя по всему, не состоялась. По крайней мере, в собрании Румянцева списков данного памятника нет. Относительно причин этой неудачи можно предположить, что в обмен на копию своей летописи И.В. Лавровский, по-видимому, хотел получить исправный список с другой чрезвычайно интересовавшей его древней летописи – Волынской (Ипатьевской), о существовании которой стало известно из Истории Н.М. Карамзина. Об этом своем интересе Лавровский сообщал Востокову еще в июле 1822 г.: «...желаю также получить и переписок *Летописи Волынской*, прежде никому неизвестной, о коей упоминает г[осподин] *Карамзин* в своей прагматической Истории Российского Государства. Молю убо В. В. (вероятно, Ваше Высокоблагородие. – *Авт.*) да поможет получению сего моего сердечного вожделения; на Переписчика не буду щадеть иждивения» [12. С. 36].

Однако «сердечное вожделение» Лавровского не могло быть тогда удовлетворено. Как отметил в своих примечаниях И.И. Срезневский, «просьбу Лавровского о Волынской летописи... Востоков, конечно, не мог исполнить, зная ее сам только по выпискам Карамзина» [Там же. С. 409]. Эту просьбу, надо думать, не смог бы исполнить и сам Румянцев. В описываемое время все известные списки Ипатьевской летописи – Ипатьевский, Хлебниковский и Ермолаевский – находились у В. Г. Анастасевича, который по заданию Румянцева готовил их к изданию во 2-м томе задуманного графом Полного собрания русских летописей [19]. Остается предположить, что в ответ на просьбу Лавровского ему могло быть предложено дождаться выхода в свет печатного издания Ипатьевской летописи, которое при жизни Румянцева так и не состоялось. Возможно, именно поэтому подготовленная для Румянцева копия Летописи Лавровского также не была отослана адресату.

Энтузиазм Лавровского, возникший после встречи с Кеппеном, постепенно угас. Еще в феврале 1823 г. в письме к последнему Лавровский сообщал, что «подготовил краткий очерк о древностях и языке жителей Восточной Галиции»⁴. В ответ Кеппен включил Лавровского в число предполагаемых сотрудников журнала «Библиографические листы» (как явствует из редакционного предуведомления, помещенного в 1-м номере). Однако ожидаемого очерка не последовало, и в предуведомлении к 1-му номеру за 1826 г. имени Лавровского уже не значилось.

Не исключено, впрочем, что сотрудничеству Лавровского с Кеппеном и другими членами кружка Румянцева препятствовали объективные трудности, вызванные отсутствием надежного сообщения. В письме к Лавровскому, датированном апрелем 1825 г. (сохранился только его черновик), Кеппен в извинение за долгий перерыв в переписке ссылается на непомерную задержку писем, приходящих из-за границы: «Насколько трудно было переписываться с зарубежными странами, показывает хотя бы уже Ваше ответное послание к г-ну Востокову, которое он теперь только (в марте 1825 г.) получил»⁵. По всей видимости, здесь речь идет о цитированном нами выше письме Лавровского к Востокову, отправленном из Перемышля 22 июля 1822 г. в ответ на получение копии Месяцеслова Остромирова Евангелия (о других их письмах друг к другу ничего не известно). Выходит, что письмо Лавровского попало к Востокову только через два с половиной года после написания. Ясно, что при таких обстоятельствах сотрудничество перемышльского ученого с его петербургскими коллегами было почти невозможным.

Существование древнего оригинала Летописи Лавровского подтверждается свидетельством еще одного очевидца, державшего ее в своих руках и даже скопировавшего несколько отдельных фрагментов. В Отделе рукописей Львовской Национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника (далее – ЛННБ) хранится одна из копий Летописи Лавровского, ранее принадлежавшая выдающемуся историку и археографу, директору Народной библиотеки имени Оссолинских Августу Белевскому (1806–1876), основателю и издателю *Monumenta Poloniae Historica*. О важности, которую Белевский придавал памятнику, свидетельствует сделанное им в 1851 г. детальное потетрадное описание приобретенной им рукописи, также сохранившееся в фонде Оссолинских [20]. Здесь на странице I читается пространный записи на польском языке, сделанная рукой Белевского и датированная 15 июля 1853 г. В ней содержатся интересные для нас сведения, касающиеся как утраченного оригинала Летописи Лавровского, так и снятой с него копии, доставшейся Белевскому: «Оригинал этой летописи был у Яна Лавровского, перемышльского каноника гр[еческого] обр[яда]. Его видел у него Яков Головацкий и выписал из него три отрывка, а именно 1) из оборотной стороны

1 листа; 2) из середины, события из 6747 и 6748 годов (после Хр[иста] 1239 и 1240); 3) из конца, события из 7005 года (после Хр[иста] 1497). Эти выписки Головацкого именуются здесь в конце» [21. С. I]. Далее, ссылаясь на Я.Ф. Головацкого, Белевский дает краткую характеристику палеографических особенностей оригинала летописи: последняя, «как убеждал меня Головацкий, была писана полууставом на ветхой и посереженной бумаге рукой, как ему казалось, XVI века. Эта рукопись не была переплетена, и листы были разрознены; формат ее в четверку, а толщина весьма значительная» [Там же].

Яков Федорович Головацкий (Głowacki) (1814–1888) – знаменитый поэт и писатель, историк и фольклорист, один из основателей «Русской Троицы», профессор и ректор Львовского университета, впоследствии председатель Виленской археографической комиссии. Из записи на листах в конце рукописи ЛННБ, Оссол. 2126, на которых читаются выписки Якова Головацкого, упомянутые А. Белевским, следует, что с оригиналом Летописи Лавровского он познакомился около 1840 г. («Три фрагмента оригинала скопированы Яковом Головацким в Перемышле около 1840 года») [21. С. III]. Здесь же рукой самого Головацкого порусски сделана запись, содержащая краткое палеографическое описание рукописи, составленное, по видимому, также около 1840 г. и воспроизведенное затем Белевским [Там же. С. IV]. В конце рукописи, на страницах IV–VI читаются три отмеченные выше выписки из оригинала летописи.

С оригиналом Летописи Лавровского был также знаком выдающийся львовский историк и археограф, автор «Истории древнего Галичско-Русского княжества» Денис Иванович Зубрицкий (1777–1862). Сохранилась еще одна копия летописи, принадлежавшая некогда польскому литератору и библиофилу графу Виктору Баворовскому (1826–1894) [22]. В составленном в 1907 г. Эдмундом Нагоневским описании рукописного собрания Библиотеки Баворовского отмечается, что принадлежавшая покойному графу копия Летописи Лавровского была списана с утраченного оригинала «рукой Д. Зубрицкого» [23]. В действительности, в рукописи различаются несколько почерков XIX в. Следовательно, только один из них может быть отождествлен с почерком Зубрицкого.

Таким образом, уже в первой половине XIX в. крупнейшие слависты того времени знали о наличии в коллекции И.В. Лавровского ценной для науки древнерусской летописи и оставили более или менее полные ее описания. Попробуем определить, каким образом данный манускрипт мог попасть к перемышльскому канонику.

Иван Васильевич Лавровский (Лаврівський, Ławrowski) (15.05.1773–25.06.1846) родился в семье настоятеля греко-католического прихода в селе Терка (ныне Подкарпатское воеводство Польши). В 1791 г. окончил гимназию в Перемышле, в 1795 г. – Львов-

скую греко-католическую духовную семинарию, а в 1800 г. – теологический и философский факультеты Львовского университета. В 1801 г. защитил докторскую диссертацию по теологии, а в 1802 г. – по философии. С 1800 г. преподавал в Львовском университете, в 1806–1815 гг. – профессор пасторальной теологии. В 1815–1820 гг. был ректором Львовской духовной семинарии и каноником митрополичьего капитула. В 1820 г. Лавровский переехал в Перемышль, где занимал должности кафедрального проповедника (до 1833 г.), каноника епархиального капитула (архидиакона и декана), директора типографии (1828–1832), епархиального экзаменатора и другие, написал несколько учебников и научных трудов по грамматике и диалектологии [18. С. 51–120; 24. С. 11–15, 134–135, 157–158; 25; 26. С. 182–185; 27. С. 126–127; 28. С. 127–137; 29. С. 249–250; 30. С. 14–18]. Лавровский был крупнейшим в Галиции собирателем старых книг, рукописей, монет и икон. Одно из наиболее ранних свидетельств о книжном собрании Лавровского, пожертвованном Перемышльской епархиальной библиотеке, дошло до нас в письме Я.Ф. Головацкого к М.П. Погодину от 11 (23) сентября 1841 г. Характеризуя «русскую епархиальную библиотеку в Перемышле», Головацкий отмечает: «До этой библиотеки подарил ученый архидиак[он] Иоан Лавровский, доктор богословия и философии, член ученого общества Краковского, свою богатую рукописями и старопечатными книгами и другими редкими делами библиотеку. Сей ученый прелат собирал из беспримерной ревностью чрез 40 лет ветхие книги и старые рукописи и другие древности и умножил свою собственную библиотеку, как говорят, до 30 000 томов» [32. С. 653].

Хотя мы не располагаем сегодня точными сведениями, когда и при каких обстоятельствах к Лавровскому попала древняя русская летопись, доведенная до 1497 или 1499 г., можно думать, что она была приобретена им еще в молодости, когда в Львовском университете регулярно происходили распродажи «малоценных» книг и рукописей из университетской библиотеки. При воссоздании Львовского университета в 1784 г. по указу австрийского императора Иосифа II при нем также создавалась библиотека, укомплектованная среди прочего книгами из упраздненных в 1781 г. нескольких десятков монастырей Василианского ордена (Галицкой провинции), не имевших при себе школ и богаделен. Служившие в университете немецкие библиотекари (Бретшнайдер и Куральт) не знали русского и церковно-славянского языков, с пренебрежением относились к монастырским книгам и рукописям и продавали их оптом за бесценок вместе с дублетными экземплярами библиотечных книг. Подобные распродажи (лицитации) происходили в университете в 1791, 1795 и 1803 гг. [33].

Как пишет А. Андронович, автор наиболее детальной биографии Лавровского, последний «еще с гимназической скамьи имел библиоманскую жилку, а под

влиянием книголюба М. Гриневецкого стал заядлым библиоманом и, живя очень скромно, всегда имел возможность скопить денег на покупку книжки. При благоприятном случае, каким были лицикации, обязательно пользовался им, дешево приобретая старые издания и рукописи, и тем самым заблаговременно заложил основу своей богатой библиотеки» [18. С. 69–70].

По всей видимости, оригинал Летописи Лавровского сегодня следует считать утраченным. Как было отмечено выше, представление о содержании памятника мы имеем исключительно благодаря копиям, выполненным в 20–30-е гг. XIX в. В настоящее время известно четыре списка Летописи Лавровского, и, благодаря этому обстоятельству, можно полностью воспроизвести текст утраченного оригинала.

Остановимся коротко на характеристике этих списков, ныне хранящихся в отделе рукописей ЛННБ.

Первая рукопись, собр. Оссолинских № 2126 [35], была обнаружена А. Белевским (далее – список Белевского). В процитированной выше записи археограф отметил: «После долгих поисков она нашлась в конце концов у братьев покойного, но только список той летописи. При посредничестве дружественных лиц я купил у семьи покойного сохранившийся список. Сегодня он занимает место недостающего и возможно уже полностью утраченного оригинала, и, хотя имеет довольно много ошибок, может быть, однако, рекомендован потому, что переписчик не только строго соблюдал число строк на листе и последовательность листов оригинала, но даже имитировал форму старых звуков» [21. С. 1]. Второй список, собр. Баворовского № 526 (далее – список Баворовского), также был упомянут выше. Мы отметили, что одним из его переписчиков был Д.И. Зубрицкий.

Еще одна копия, собр. Львовского Народного дома № 217 (далее – список Народного дома), в свое время была описана И.С. Свенцицким, который после долгого перерыва вновь обратил внимание исследователей на Летопись Лавровского (теперь уже не на оригинал, а на одну из копий с него). Ученый атрибутировал памятник как «Летопись Московской Руси – список кириллицей с немецкими примечаниями русской летописи, обнимающей период с момента прибытия Владимира Вел[икого] в Корсунь до 1499 г.». Согласно Свенцицкому «этот список летописи был изготовлен, кажется, крылошанином И. Лавровским в начале 20-х гг. XIX в. для российского канцлера гр[афа] Н.П. Румянцева, о чем велют предполагать письма Лавровского к Востокову от 22 июля 1822 г. <...> и к Кеппену от 15 февр[аля] 1823 г. <...> Сравнивая количество листов списка Лавровского, упоминаемого им в письме к В[остоко]ву, с количеством тетрадей (лист в 5-ю долю (вероятно, в 4-ю долю. – Авт.)), мы убеждаемся, что в списке действительно 89 листов (тетрадей по 4 л. Q. – 356 л.)» [7. С. 111]. Другим основанием для предположения о тождестве списка Народного дома со списком, предназначавшимся для Румянцева, стал для

Свенцицкого тот факт, что «в бумагах же гр[афа] Румянцева (Румянцевский Музей в Москве) мы этого списка не нашли; так же само мы не нашли в переписке гр[афа] Румянцева с Востоковым и митроп[олитом] Евгением и другими современниками никакого указания на то, чтобы Лавровский послал графу список, о чем упоминает в письмах В[остоко]ву и К[еппе]ну» [7. С. 111]. Вслед за Свенцицким данное предположение приняли и другие исследователи [14. С. 63. Прим. 53].

Употребление для обозначения тетрадей, составляющих рукописный сборник, термина *arkusz* (польск. *arkusz*), буквально означающего «лист», действительно было в ходу у галицких археографов XIX в. Именно в таком значении термин *arkusz* (=четырёхлистовая тетрадь) использовал, к примеру, А. Белевский в упомянутом выше потетрадном описании доставшегося ему списка Летописи Лавровского. Однако, на наш взгляд, нет достаточных оснований считать, что именно список Народного дома предназначался для графа Румянцева, поскольку списки Белевского и Баворовского полностью идентичны ему и также написаны на 89 четырёхлистных тетрадях.

Четвертая копия Летописи Лавровского – собр. Оссолинских № 2178 (далее – список Оссолинских). На эту рукопись первым обратил внимание В.Н. Перетц, отметив ее среди манускриптов Библиотеки Оссолинских, «еще не вошедших в печатное описание, поименованных только в инвентаре» как «Летопись Ивана Черногорца» (*Latopis Iwana Czernoguzca*), датировав рукопись 1799 г. [36. С. 10]. По нынешней фолиации рукопись насчитывает 90 нумерованных листов. Однако эта нумерация не соответствует фактическому количеству листов в рукописи, содержащих летописный текст: таковых листов всего 89. Как видим, эта рукопись по своему объему также соответствует списку, подготовленному Лавровским для отсылки Румянцеву, при условии, что Лавровский использовал термин «аркуш» в его основном, наиболее употребительном значении (лист).

При создании всех четырех списков была использована бумага одних и тех же партий. Так, список Народного дома выполнен на бумаге с водяным знаком «двуглавый орел под короной со скипетром и саблей в лапах» [37. № 72, 1831 г.]. Писчий материал с данным водяным знаком был использован также при создании списка Белевского (тетради 1–51, 53, 56, 62) и списка Баворовского (тетради 1–24, 26–50, 55, 61, 63–72, 75–79). С другой стороны, список Баворовского частично написан на бумаге с контрамарками «Fasmann / In Roznov / Ю» (тетради 51–54, 56–60). На писчем материале с данной контрамаркой выполнен список Оссолинских. Во всех четырех рукописях присутствуют почерки одних и тех же писцов. Одним человеком были написаны тетради 1–24, 26–44, 46–50, 55, 61, 63–72, 75–79 списка Баворовского [22. Л. 2–13 об., 16–96 об., 97–100 об., 105–180 об., 185–204 об., 221–224 об., 245–249 об., 254–285 об., 295–302 об., 311–330] и тетради

24, 45, 51, 53, 54, 57–60, 62, 79, 81, 82 списка Народно-го дома [33. Л. 93–96 об., 177–180 об., 201–204 об., 209–216 об., 225–240 об., 245–248 об., 313–316 об., 321–328 об.]. Этот же писец скопировал тетради 25, 56 в списке Белевского [21. С. 197–204, 445–452]. Список Оссолинских написан тем же почерком, что и тетради 51–54, 56–60 в списке Баворовского [34. Л. 205–220 об., 225–244 об.].

Таким образом, все четыре рукописи создавались в одно время в одном кругу писцов. Примечательно, что во всех четырех списках совпадает количество строк на страницах. Следовательно, копируя текст, переписчики стремились сохранить некоторые особенности структуры утраченного оригинала.

Определить, какой из четырех списков был изготовлен для Н.П. Румянцева, затруднительно. То обстоятельство, что в одно время в окружении И.В. Лавровского была налажена работа по копированию данной рукописи, свидетельствует о повышенном внимании к ней в научной среде.

Вызвавшая бурный интерес у исследователей первой половины XIX в. Летопись Лавровского была забыта во второй половине столетия. А.А. Шахматов, М.Д. Приселков, А.Н. Насонов и другие не привлекали ее в своих исследованиях по истории русского летописания. Лишь в 60-е гг. XX в. изучение данного памятника возобновилось. Тогда к Летописи Лавровского обратился В.И. Буганов. Исследователь выявил два ее списка (собр. Оссолинских 2126 и 2178), а также предположил, что в ней отразилась «первоначальная Вологодско-Пермская летопись» [38. С. 158–159].

По вопросу взаимоотношений Летописи Лавровского и Вологодско-Пермской летописи в историографии впоследствии высказывались различные мнения. Так, Я.С. Лурье считал, что оба памятника отражают мос-

ковское летописание третьей четверти XV в., причем в Летописи Лавровского отразился более ранний его этап [39; 40. С. 133–134]. Как бы то ни было, принадлежность памятника к одному семейству с Вологодско-Пермской и Никаноровской летописью сомнений не вызывает. В то же время приходится констатировать, что вопрос о месте Летописи Лавровского среди памятников русского летописания нуждается в дальнейшем изучении.

Подведем итоги нашего исследования. Уже в первой половине XIX в. ведущие отечественные и зарубежные слависты знали о наличии в собрании И.В. Лавровского древнерусской летописи. Вероятно, коллекционер получал многочисленные запросы на изготовление ее копий. По крайней мере, нам известно четыре списка, сделанных с оригинала, выполненных, вероятно, в окружении Лавровского. Также мы располагаем сведениями о том, что коллекционер вел переговоры с Н.П. Румянцевым относительно изготовления копии памятника для его собрания. Это мог быть любой из четырех известных списков. По каким-то причинам копия так и не попала в собрание Румянцева. Последнее упоминание об обращении к оригиналу летописи относится к 1840 г. В это время выписки из нее делал Я.Ф. Головацкий. После смерти Лавровского летопись загадочным образом исчезла. Предпринявший попытку разыскать оригинал «по горячим следам» А. Белевский смог обнаружить лишь ее копию у братьев перемышльского каноника. Впоследствии памятник был забыт. Лишь советские историки вновь обратились к изучению Летописи Лавровского, отметив ее важное значение для истории русского летописания. В настоящее время созданы предпосылки для воспроизведения полного текста памятника по всем сохранившимся спискам и введения Летописи Лавровского в научный оборот.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ «...die Abschrift der russischen Chronik für S-e Erlaucht den Reichskanzler H. Graf v. Rumianzow zu endigen [...] Ich nehme mir die Freyheit um eine Information gehorsamt zu bitten, wie Ich die obige Abschrift der russischen Chronik am sichersten S-er Erlaucht dem Reichskanzler H. Graf v. Rumjanzow übermitteln könnte?» [13. Л. 2, 3].

² На том же листе два десятилетия спустя Кеппен приписал: «В литературном прибавлении к Русскому Инвалиду, 1840, № 91, на с. 2082 напечатана статья о Ходаковском, в коей сказано, что настоящее имя его Адам Чарноцкий».

³ В своих записках Кеппен, в частности, отмечает, что не смог «засвидетельствовать почтения» перемышльскому униатскому епископу, «к которому советовал мне адресоваться Г. Ходаковский» [9. С. 151].

⁴ «...den kurzen Aufsatz über Alterthum und Sprache der ostgalizischen Einwohner auszufertigen» [13. С. 2].

⁵ «...den kurzen Aufsatz über Alterthum und Sprache der ostgalizischen Einwohner auszufertigen» [13. С. 2]; «Wie schwer es sey mit dem Auslande zu correspondieren, zeigt schon Ihr an Hm v. Wostokow abgefertigtes Schreiben, welches er jetzt erst (im März 1825) erhalten hat» [13. С. 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Потепалов С.Г. Путешествие П.И. Кеппена по славянским землям // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов / отв. ред. М.П. Алексеев. М., 1963. С. 5–22.
2. Никулина М.В. Первые научные путешествия в славянские страны и их роль в истории русского славяноведения (первая треть XIX в.) // Из истории славяноведения в России. Труды по русской и славянской филологии / отв. ред. С.В. Смирнов. Тарту, 1981 (Ученые записки Тартуского государственного университета. Т. 573). С. 75–94.
3. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.
4. Цейтлин Р.М. Кеппен Петр Иванович // Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь / отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1979. С. 182–183.
5. Бернштейн С.Б. «Библиографические листы» П.И. Кеппена // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41, № 1. С. 47–58.
6. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 135–140.
7. Свенцицкий И.С. Описание иноязычных и новейших карпато-русских рукописей библиотеки «Народного Дома» во Львове. Львов, 1905 (Научно-Литературный Сборник «Галицко-русской Матицы». 1904).
8. Модзалевский Л.Б. Дневники акад. П.И. Кеппена (прием у Гере) // Вестник АН СССР. 1932. № 12. С. 68–70.
9. СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 137.

10. Библиографические листы. 1825. № 33.
11. Koepfen P. Ueber Völker- und Länderkunde in Rußland // *Jahrbücher der Literatur*. 1822. Bd. 20. Anzeige: Blatt für Wissenschaft und Kunst. Nro. XX. S. 7.
12. Срезневский И.И. Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями. СПб., 1873 (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 5. Вып. 2). № 12.
13. СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Ед. хр. 143
14. Гербільський Г.Ю. Розвиток прогресивних ідей в Галичині у першій половині XIX ст. (до 1848 р.). Львів, 1964.
15. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ). 10.102–LX6.24.
16. ИРЛИ. Ф. 58. Ед. хр. 4.
17. СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 74.
18. Андрохвич А. Иван Лаврівський. Один з піонерів українського відродження в Галичині // *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. Львів, 1919. Т. 128.
19. Майоров А.В., Котов А.Э. «Румянцевский грант» на издание русских летописей // *Русская литература* (в печати).
20. Львовская национальная научная библиотека (ЛННБ). собр. Оссолинских. № 2392.
21. ЛННБ. собр. Оссолинских. № 2126.
22. ЛННБ. собр. Баворовского. № 526.
23. Inwentarz rękopisów Biblioteki Fundacji Wiktora Hr. Baworowskiego sporządzony Edmunda S. Nagonińskiego. 1907 (Рукопись, без пагинации). ЛННБ.
24. Тершаковець М. Галицько-руське літературне відродження. Львів, 1908.
25. Студинський К. Причини до історії культурного життя Галицької Русі в літах 1833–1847. Відбитка з XI і XII т. Збірника фільологічної секції НТШ. Львів, 1909.
26. Студинский К. Матеріали до історії культурного життя в Галичині в 1795–1857 рр. Замітки й тексти // *Українсько-руський архів*. 1920. Т. 13–14.
27. Щурат В.В. Копітар і еп. Ів. Снігурський // *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. Львів, 1918. Т. 125. С. 182–185.
28. Treichel I. Ławrowski Jan (1773–1846) książdz greckokatolicki, zbieracz książek, fundator biblioteki // *Słownik pracowników książki polskiej. Suplement / pod red. I. Treichel*. Warszawa ; Łódź, 1986.
29. Stepień S. Rola Przemysła w ukraińskim odrodzeniu narodowym w Galicji w pierwszej połowie XIX wieku // *Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze*. 1999. T. 8–9. S. 127–137.
30. Stepień S. Ławrowski Jan (starszy) (1773–1846) // *Słownik biograficzny twórców oświaty i kultury XIX i XX wieku Polski południowo-wschodniej / pod red. A. Meissnera i K. Szmyda*. Rzeszów, 2011. S. 249–250.
31. Стеблій Ф. Предтеча «Руської Трійці». Перемиський культурно-освітній осередок першої половини XIX ст. Львів, 2003.
32. Попов Н.А. Письма к М. П. Погодину из славянских земель. М., 1880.
33. Jaworski Fr. Lwowskie znaki biblioteczne. Lwów, 1908.
34. ЛННБ. Собр. Народного дома № 217.
35. ЛННБ. Собр. Оссолинских № 2178.
36. Перетц В.Н. Отчет о занятиях во время заграничной командировки в летнее вакационное время 1907 года. Киев, 1907.
37. Мацюк О.Я. Папір та філіграні на українських землях (16–початок 20 ст.). Київ, 1974.
38. Буганов В.И. О списках Вологодско-Пермского свода конца XV – начала XVI в. // *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. К 70-летию акад. М.Н. Тихомирова / отв. ред. В.И. Шунков*. М., 1963. С. 158–165.
39. Lurie J.S. London and Lvov MSS of the Vologda-Perm Chronicle // *Oxford Slavonic Papers*. N. S. 1972. Vol. 5. P. 91–93.
40. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

Alexander V. Maiorov. St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Artem E. Zhukov. St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: artemnovgor@inbox.ru

CHRONICLE OF LAVROVSKY: THE HISTORY OF THE DISCOVERY AND THE SURVIVING COPIES

Keywords: Chronicle of Lavrovsky; Ivan V. Lavrovsky; Nikolai P. Rumiantsev; Petr I. Keppen.

The article is dedicated to such unknown artifact of the Russian historiography as the Chronicle of I. Lavrovsky. This monument dated by the end of the XV century was kept in the collection of the Peremyshl reader of canons I.A. Lavrovsky. The authors considered the question about the discovering of the chronicle. It is considered that the artifact was introduced into the science in the soviet period. But the slavists knew about the chronicle from the first part of the XIX century.

Firstly, the mentionings about the artifact were considered in the article. P.I. Keppen was the first researcher who wrote about the chronicle. He located it in the Galicia in January, 1822 and studied the local manuscript collections. The attention of P.I. Keppen was attracted by the Russian chronicle from the collection of I. Lawrovsky. The researcher mentioned this manuscript in his notes. Other slavists knew about this artifactoo (J.F. Holovatsky, D.I. Zubritsky, A. Belovsky). Moreover, the owner of the chronicle connected with participants of the society of the count N.P. Rumiantsev.

Secondly, the authors investigated the question about the search of the original, wich was lost. The last mentioning about the manuscript of the XVI century dated by the 1840 (J. F. Holovatsky). The artifact was lost after the death of Lavrovsky. A. Belovsky was looking for this manuscript, but he managed only the copy of the chronicle.

Thirdly, the authors reported about the copies of the chronicle. We know four copies of artifact dated by the 20-30 years of the XIX century in the Lavrovsky's environment (LNNB, Ossol. 2126; Bavor. 526; coll. National house № 217; Ossol. 2178). The big quantity of the copies testify about the interest to the chronicle between the slavists of the XIX century. I. Lavrovsky connected with N.P. Rumiantsev about the creation of the monument's copy, but this copy was not found in the materials of the count. May be any of these four manuscripts could be intended to the Rumiantsev.

In conclusion, the authors could investigate the process of the introduction of the chronicle in the science. The slavists of the XIX century negotiated about the creation of the chronicle's copies. Subsequently the original was lost. The attitudes of A. Belovsky to find this manuscripts did not succeed. The following researchers worked with these copies. In the end of the XIX century the chronicle was forgotten. The second opening of the chronicle was done by V.I. Buganov.

REFERENCES

1. Potepavlov, S.G. (1963) Puteshestvie P.I. Keppena po slavyanskim zemlyam [P.I. Koepfen's journey to the Slavic lands]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Iz istorii russko-slavyanskikh literaturnykh svyazey XIX v.* [From the history of Russian-Slavic literary relations of the 19th century]. Moscow: USSR AS. pp. 5–22.

2. Nikulina, M.V. (1981) Pervye nauchnye puteshestviya v slavyanskie strany i ikh rol v istorii russkogo slavyanovedeniya (pervaya tret XIX v.) [The first scientific trips to Slavic countries and their role in the history of Russian Slavic studies (first third of the 19th century)]. In: Smirnov, S.V. (ed.) *Iz istorii slavyanovedeniya v Rossii. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii* [From the history of Slavic studies in Russia. Proceedings of Russian and Slavic Philology]. Tartu: Tartu State University. pp. 75–94.
3. Lapteva, L.P. (2005) *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke* [History of Slavic studies in Russia in the XIX century]. Moscow: Indrik.
4. Tseytlin, R.M. (1979) Keppen Petr Ivanovich [Koeppen Peter Ivanovich]. In: Dyakov, V.A. (ed.) *Slavyanovedenie v dorevolutsionnoy Rossii: Bibliograficheskiy slovar* [Slavic studies in pre-revolutionary Russia: Bibliographic dictionary]. Moscow: Institute of Slavic Studies and Balkan Studies of the USSR Academy of Sciences. pp. 182–183.
5. Bernstein, S.B. (1982) “Bibliograficheskie listy” P.I. Keppena [P.I. Koeppen’s “Bibliographic sheet”]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 41.(1). pp. 47–58.
6. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 30. List 1. File 135–140.
7. Svetsitskiy, I.S. (1905) *Opisanie inoyazychnykh i noveyshikh karpato-russkikh rukopisey biblioteki “Narodnogo Doma” vo Lvove* [Description of foreign and newest Carpatho-Russian manuscripts of the library of the “People’s House” in Lviv]. Lvov: [s.n.].
8. Modzalevsky, L.B. (1932) Dnevniky akad. P. I. Keppena (priem u Gete) [Diaries of Academician P.I. Koeppen (reception at Goethe’s)]. *Vestnik AN SSSR*. 12. pp. 68–70.
9. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 30. List 1. File 137.
10. *Bibliograficheskie listy*. (182) 33.
11. Koeppen, P. (1822) Ueber Völker- und Länderkunde in Rußland. *Jahrbücher der Literatur*. 20. pp. 7.
12. Sreznevsky, I.I. (1873) Perepiska A.Kh. Vostokova v povremennom poryadke s obyasnitelnyimi primechaniyami [Correspondence of A.Kh. Vostokov in time order with explanatory notes]. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk*. 5(2).
13. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 30. List 3. File 143.
14. Gerbil’skiy, G.Yu. (1964) *Rozvitok progresivnykh idey v Galichini u pershiy polovini XIX st. (do 1848 r.)*. Lviv: [s.n.].
15. The Institute of Russian Literature. 10.102–LXb.24.
16. The Institute of Russian Literature. Fund 58. File 4
17. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 30. List 1. File 74.
18. Androkhovich, A. (1919) Ivan Lavrivskiy. Odin z pioniriv ukrainskogo vidrodzhennya v Galichini. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. 128.
19. Mayorov, A.V. & Kotov, A.E. (n.d.) “Rumyantsevskiy grant” na izdanie russkikh letopisey [The Rumyantsev Grant for the publication of Russian chronicles]. *Russkaya literatura*. [in print].
20. The Lviv National Research Library. The Ossolinsky Collection. № 2392.
21. The Lviv National Research Library. The Ossolinsky Collection. № 2126.
22. The Lviv National Research Library. The Bavorovsky Collection. № 526.
23. The Lviv National Research Library. (1907) *Inwentarz rękopisów Biblioteki Fundacji Wiktora Hr. Baworowskiego sporządzony Edmunda S. Nagonińskiego*. [Manuscript].
24. Tershakovets, M. (1908) *Galitsko-ruske literaturne vidrodzhennya*. Lvi: [s.n.].
25. Studinsky, K. (1909) *Prichinki do istorii kulturnogo zhittya Galitskoï Rusi v litakh 1833–1847. Vidbitka z XI i XII t. Zbirnika filolorichnoï sektiï NTSh*. Lviv: [s.n.].
26. Studinsky, K. (1920) Materiali do istorii kulturnogo zhittya v Galichini v 1795–1857 rr. Zamitki y teksti. *Ukrainsko-ruskiy arkhiv*. 13–14.
27. Shchurat, V.V. (1918) Kopitar i ep. Iv. Snigurskiy. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. 125. pp. 182–185.
28. Treichel, I. (1986) Ławrowski Jan (1773–1846) ksiądz grekokatolicki, zbieracz ksiązek, fundator biblioteki. In: Treichel, I. (ed.) *Słownik pracowników książki polskiej. Suplement*. Warszawa; Łódź: [s.n.].
29. Stepień, S. (1999) Rola Przemysłła w ukraińskim odrodzeniu narodowym w Galicji w pierwszej połowie 19th wieku. *Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze*. 8–9. pp. 127–137.
30. Stepień, S. (2011) Ławrowski Jan (starszy) (1773–1846). In: Meissner, A. & Szmyda, K. (eds) *Słownik biograficzny twórców oświaty i kultury XIX i XX wieku Polski południowo-wschodniej*. Rzeszów: Uniwersytetu Rzeszowskiego. pp. 249–250.
31. Stebly, F. (2003) *Predtecha “Ruskoï Triytsi”*. *Peremiskiy kulturno-osvitniy oseredok pershoï polovini XIX st.* Lviv: [s.n.].
32. Popov, N.A. (1880) *Pisma k M. P. Pogodinu iz slavyanskikh zemel* [Letters to M.P. Pogodin from Slavic lands]. Moscow: [s.n.].
33. Jaworski, Fr. (1908) *Lwowskie znaki biblioteczne*. Lviv: [s.n.].
34. The Lviv National Research Library. (n.d.) *Sobranie Narodnogo doma* [People’s House Collection]. № 217.
35. The Lviv National Research Library. (n.d.) The Ossolinsky Collection. № 2178.
36. Peretts, V.N. (1907) *Otchet o zanyatiyakh vo vremya zagranichnoy komandirovki v letnee vakatsionnoe vremya 1907 goda* [Report on classes during a foreign trip in the summer vacation time of 1907]. Kie: [s.n.].
37. Matsyuk, O.Ya. (1974) *Papir ta filigrani na ukrainskikh zemlyakh (16-pochatok 20 st.)*. Kyi: [s.n.].
38. Baganov, V.I. (1963) O spiskakh Vologodsko-Permskogo svoda kontsa XV – nachala XVI v. [On the lists of the Vologda-Perm arch of the late 15th – early 16th century]. In: Shunkov, V.I. (ed.) *Problemy obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii i slavyanskikh stran* [Problems of the socio-political history of Russia and Slavic countries]. Moscow: Izd-vo vostochnoy lit-ry. pp. 158–165.
39. Lurie, J.S. (1972) London and Lvov MSS of the Vologda-Perm Chronicle. *Oxford Slavonic Papers*. 5. pp. 91–93.
40. Lurie, Ya.S. (1976) *Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv.* [All-Russian annals of the 14th – 15th centuries]. Leningrad: Nauka.

УДК 930.85
DOI: 10.17223/19988613/61/17

А.В. Парунин

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ МОСКВЫ С НОГАЙСКОЙ ОРДОЙ И ДИНАСТИЕЙ СИБИРСКИХ ШИБАНИДОВ В КОНЦЕ XV – XVI вв.

В статье рассматривается такая особенность средневековой дипломатической переписки, как оформление представлений о легендарных и реальных контактах Москвы и тюрко-татарских государств с целью необходимого политического статуса. В исследовательской литературе за подобными процессами закрепилось устойчивое понятие «образы прошлого». В подтверждение данной гипотезы в работе рассмотрены конкретные факты из дипломатических документов, а также дан краткий анализ этих сведений.

Ключевые слова: ногаи; шибаниды; дипломатическая переписка; Ибак; Муса; Ших-Мамай; Идегей.

Под термином «образ прошлого» в современной исследовательской литературе понимаются «представления о наиболее значимых исторических событиях, людях, процессах, закреплённых в общественном сознании в форме устойчивого кода (набора символов)» [1. С. 249]. При этом само понятие выступает как базовая единица исторической памяти. В рассматриваемую нами эпоху (XV–XVI вв.) основным транслятором упомянутых механизмов в кочевой среде являлись предания, сказания, легенды, закреплявшиеся в сознании людей, которые чаще всего либо передавались неполно, либо были существенно искажены. По мнению Л.Н. Мазура, главным регуляторами в традиционном обществе исторической памяти выступают религия и церковь [Там же. С. 247]. Однако в кочевом обществе формирование устных элементов образов прошлого связано с сакрализацией генеалогии правящей династии (например, сакрализация Золотого рода в сюжетах «Сокровенного Сказания»). Частично подобные процессы характерны и для феодального общества (в данном случае – Московское великое княжество / царство), где устные элементы образов прошлого постепенно вытесняются письменными.

В данной статье образы прошлого рассматриваются как структурный компонент выстраивания дипломатических отношений Москвы с представителями ногайской элиты и ханов из династии сибирских шибанидов, поскольку именно эти государственные образования использовали концепт «дружеских отношений» с Москвой для укрепления своего политического статуса и влияния в регионе.

Однако бывали и исключения. Причины крупного нашествия на Москву в 1408 г. мангытский темник Идегей озвучил в грамоте московскому великому князю Василию, в которой обвинил последнего в укрывательстве детей его злейшего врага Токтамышша, а также прямо обвинил князя в неучастии в политической жизни Золотой Орды. Помимо всего прочего, Идегей печалился, что прежние устоявшиеся отношения были нарушены: «Ино то не добро, а преже сего улус был царев и державу дер-

жал, и пошлины и послов царевых чтили, и гостей держали без истомы и без обиды; и ты бы спросил старцев, како ся деяло преже сего» [2. С. 210]. Вне сомнения, темник здесь выступает хранителем традиционных ценностей и сложившихся русско-ордынских отношений и призывает вернуться к ним Василия Дмитриевича.

В рамках транслирования традиционных ценностей можно привести еще два примера. В 1506 г. послы крымского хана, присутствуя на пиру польского короля Александра Ягеллона, вспоминая о прошлых отношениях литовцев и татар, приводили имена предшественников Менгли-Гирея, начиная с Токтамышша и заканчивая ныне здравствующим ханом. Помимо данного эпизода В.В. Трепавлов также упоминает грамоты крымского царевича Ахмед-Гирея к польскому королю Сигизмунду 1511 и 1514 гг., где приводятся отсылки ко временам «великого князя Витовта... Царя Тактамышша и... великого царя Магометя», упоминаются «перши отцы и деды наши Тохмамыш» [3. С. 282. Прим. 33]. Безусловно, представители крымского хана и царевича апеллировали к конструированию прежних отношений для подчеркивания исключительно мирного характера переговоров. К сожалению, контекст посланий нам неизвестен, хотя приводимые ниже примеры использования общего исторического прошлого Москвы и ногаев говорит в пользу подобной трактовки.

Дипломатическая история Ногайской Орды получила свой толчок в конце 80-х гг. XV в., когда объединенное посольство мурз Мусы, Ямгурчи, тюменского хана Ибака прибыло в Москву по вопросу освобождения казанского хана Али, свергнутого Москвой в 1487 г. Поскольку правящая элита ногаев не принадлежала к династии чингизидов, со времени Идегея, начиная с золотоордынского хана Тимур-Кутлука, она использовала в своих военно-политических целях легитимных династов. Не стал исключением и тюменский хан Ибрагим (Ибак), в коалиции с которым ногаи в январе 1481 г. убили большеордынского хана Ахмата. Военная сила Ногайской орды была признана, настало время дипломатических маневров.

Одним из наиболее распространенных конструктов образа прошлого в сохранившихся ногайских дипломатических книгах можно привести полностью: «Государь мой Муса мурза к тебе приказывал: дед мой, Едигей князь, с твоим дедом в дружбе и в братстве были, а отец мой с твоим отцом также в дружбе и в братстве были, а дядя мой, Темир князь, с тобою в дружбе и в братстве был. Ты бы пожаловал, яз хочю с тобою но тому ж в дружбе бытии, сыном или братом себе меня учинишь, как пожалуешь. А в нашей бы дружбе от тебя бы к нам послы ездили, а от нас бы к тебе после ездили» [4. С. 28]. Механизм формирования «идеального прошлого» имеет вполне практические цели: установление прочных и систематических дипломатических отношений. Не совсем ясно, сработал ли именно этот прием (можно не сомневаться, что Иван III знал или догадывался об истинной «дружбе» Василия Дмитриевича и Идегея), но в итоге посольство Мусы и Ямгурчи было успешным. Отметим, что этот элемент стал наиболее часто используемым явлением в русско-ногайской переписке [4. С. 38, 203, 312; 5. С. 72].

Между тем и сам Муса мурза стал объектом конструирования образов прошлого в русско-ногайских отношениях. Князь Ших-Мамай в грамоте, отправленной осенью 1549 г., упоминает, что «при наших прежних, при Окасе князе и при Мусе князе, и при Шигым князе, и при Кад Ахмеди князе, и при твоём деде, при Василье князе, наши добрые люди хаживали, и казну с ними посылавали, а и ваши з добрым боярином казну присылавали. От начала ведетца, что меж себя брань воздвигли. А ныне есми на отца своего юрте князем учинился. Мы вам посмотрелися лихи и послы наши лихи же. А тому уже пять лет как от тебя к нам человек доброй не бывал» [4. С. 245]. Использование новым князем факта существования прежних дружеских отношений имело сугубо ретроспективную задачу – вернуть прежнее мирное время.

Отдельного внимания заслуживают еще два эпизода из дипломатической переписки. В мае 1535 г. ногайский князь Саид-Ахмед отправил юному князю Ивану Васильевичу послание, где использовал нетипичные для ранней переписки приемы коммуникации: «Победителя Сеид Ахматово княжое слово неправому верою Ивану ведомо б было... Слава Богу, Темир Кутлуевы царевы дети нам повинилися, Иваков царев сын и тот нам повинился со всеми своими товарищи и слугами. Казатцкой царь Хозя Махмет царь с пятнадцатью сынами у нас живет, триста тысяч моих казаков» [Там же. С. 130–131]. В.В. Трепавлов, рассмотрев данный эпизод, связывает пафос послания с победами над Казанским и Крымским ханствами, совершенными в 1520-е гг. [6. С. 189]. Действительно, риторика приведенных отрывков резко противоречит более ранним. Если же попытки создания общего исторического прошлого в текстах грамот явно связывались с желанием ногайских лидеров «братства похотити» с Москвой, то здесь Саид-Ахмед уже отталкивается от приобретенного опыта политиче-

ского доминирования в регионе, как бы отказывая Ивану в равноправном с Ногайской Ордой статусе.

Второй эпизод связан с посольством царя Дервиша к царю Ивану Васильевичу, совершенным в октябре 1552 г. Характерен он прежде всего инициативой символического подчинения законному монарху, выдвинутой мирзой Белек Булатом: «Белек Булат мирза христианскому царю белому государю много много поклон. Молвя, ведомо бы было. В той земле он сказываетца Чингисовым прямым сыном и прямым государем царем называется, а в сей земле яз Идигиевым сыном зовуся» [5. С. 79–80].

Обращает на себя внимание несколько моментов. Во-первых, упор на религиозность. Титулование «белым царем» В.В. Трепавловым объясняется постулированием образа идеального православного государя [7. С. 54–55]. Во-вторых, вполне вероятно, с идеализацией связано именование Ивана сыном Чингис-хана, т.е. инкорпорация князя в этногенетический миф «Золотого рода», транслируемый монгольскими и персидскими источниками, создававшимися при потомках первого монгольского каана Угэдэя («Сокровенное Сказание», Рашид ад-Дин, Джувейни). В-третьих, в качестве сакрального первопредка приводится вновь Идегей, что сближает сюжет с вышеуказанной концепцией «образа прошлого». Отличие лишь в добровольном отказе от статуса равноправных отношений.

Спорадический дипломатический обмен на протяжении конца XV и второй половины XVI в. происходил между Москвой и представителями сибирских шибанидов – ханов Ибака и Кучума, являвшихся наиболее знаковыми лидерами Тюменского и Сибирского ханств. Известны как минимум три грамоты Ибак-хана к московскому князю. Первая, 1481 г., дошла до нас в виде летописного отрывка, опубликованного в Архангелогородском летописце [8. С. 95]. Текст второй грамоты 1489 г. опубликован в ногайской посольской книге [4. С. 19]. Грамота не содержит свидетельств об общем прошлом. Ибак-хан использует религиозный контекст («Яз – бесерменский государь, а ты – христианской государь») для конструирования братских и равноправных отношений.

Наибольший интерес для нас представляет третья грамота, прибывшая в Москву в ноябре 1493 г. [4. С. 46]. Уместно привести ее целиком: «Ибряимово слово. Великому князю Ивану, брату моему, поклон. После того ведомо бы было, слово то стоит: промез Ченгосовых царевых детей, наш отец Шибал царь стоит с твоим юртом в опришнину, и друг и брат был; от тех мест меж нас ту Атамыров до Номоганов юрт ся учинил, а мы учинили далече, а с тобою меж нас добрые ссылки не бывало. Ино мне счастье дал Бог, Тимер Кутлуева сына убивши, Саински есми стул взял; да ещо сам с братьями и с детьми условившыся, а великого князя детей на княженье учинив, на отцов юрт на Волзе пришед стою. Ино как по первым по нашим, по тому же братству нашему примета, Алягам царь стоит,

того прошу у тебя, да как его дашь нам, и дружбу и братству примета то стоит. Да отца своего места ищущи, на Темер Кутлуева сына ратью сел есми на конь. Да еще Алягама царя как дашь нам, после того твоему недругу недруг стою и твоему друг другу стою. Да се братство отведати, Чюмгуром зовут, слугу своего послал есми. Да еще нас назовешь себе братом своим, с добрым человеком Чюмгура отпустишь, ты ведаешь».

Текст грамоты неоднократно являлся объектом анализа в исследовательской литературе [9. С. 177; 10. С. 30–31; 11. С. 270]. На наш взгляд, обращение к реконструкции общего прошлого напрямую связано с общей политической ситуацией в регионе, а именно с участием ногаев и шибанидов в военных действиях против сыновей большеордынского хана Ахмата, постоянно совершавших набеги на «украины» Москвы и Крыма. Рассуждение Ибак-хана о своем «отце Шибале» (т.е. родоначальнике династии Шибане, сыне Джучи), чей юрт стоит с «юртом» Ивана III в «опришнину» («в особенности», т.е. два государственных образования находятся в особенных отношениях – прим) необходимо было для подчеркивания исключительно мирных намерений со стороны хана по отношению к Московскому княжеству. Воспоминание о смерти «Тимер Кутлуева сына» (убийстве большеордынского хана Ахмата в 1481 г.), можно трактовать как отсылку к недавним заслугам Ибак-хана, за что его посол Чюмгур в 1481 г. получил подарок [8. С. 95]. Подобная своеобразная реконструкция дружественных отношений нужна была лидеру Тюменского ханства из чисто практических соображений: в финальной части грамоты было выдвинуто требование отпустить бывшего казанского хана Али, свергнутого в 1487 г., вопрос о котором поднимался еще во время посольства 1489 г.

Столетие спустя усилившееся военно-политическое давление на элиту и подчиненные народы Сибирского ханства привело к очередному обращению к образам прошлого, однако инициатором здесь явилось Московское царство. Так, в жалованной грамоте 1597 г. царя Федора Ивановича к царю Кучуму подытоживается более чем столетняя история взаимоотношений Моск-

вы с беспокойным восточным соседом: «Из давних лет Сибирское Государство была вотчина прародителей наших, блаженные памяти Великих государей русских царей, как еще на Сибирском государстве был дед твой Ибак царь, и з Сибирские земли всякую дань давали нашим прародителем Великим государем царем; а после деда твоего Ибака царя, были на Сибирском Государ[стве] князи Таибугина роду Магмет [князь], [по]сле его Казы князь, а после Казыя Едигерь князь, и те все князи деду нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и Великому князю Василью Ивановичу всеа Руси, и отцу нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и Великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, с Сибирские земли дань давали» [12. С. 187]. Приведенная цитата является знаковым примером манипулирования образами прошлого для достижения собственных политических интересов в борьбе с чингизидом-антагонистом. Грамота представляет всю историю сибирско-московских отношений как иерархичную, причем в случае с князьями «Тайбугина рода» составитель был недалек от истины. В 1555 г. князь Едигер стал данником московского князя [13. С. 248], и на протяжении последующих нескольких лет Тайбугиды выплачивали регулярную дань [13. С. 248, 276, 285; 14. С. 313]. Именуемая в нашем распоряжении информация говорит об отсутствии подчиненных отношений Ибак-хана и Ивана III, что наводит на мысль о желании московского царя, прибегая к идеализации прошлых отношений, урезонить мятежного хана.

Несомненно, что попытки создания и манифестации общего исторического прошлого в официальной документации имели конкретные политические цели и задачи. Вместе с тем явно прослеживается и аспект становления национального самосознания, особенно в среде политической элиты Ногайской Орды. Стремясь обособиться политически и получить равноправный статус, ногайские мурзы и князи всячески стремились к налаживанию компромиссных отношений с Москвой, используя в качестве инструмента апелляцию к истории прошлых отношений. Не избежали такой тенденции и ханы из династии Шибанидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
2. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1901. Т. 12. 266 с.
3. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М. : Квадрига, 2015. 368 с.
4. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала : Даг кн. изд-во, 1995. 357 с.
5. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1551–1561 гг. Казань : Татар. кн. изд-во, 2006. 391 с.
6. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М. : Восточная литература РАН, 2002. 752 с.
7. Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2017. 320 с.
8. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII вв. // ПСРЛ. Л. : Наука, 1982. Т. 37. 235 с.
9. Григорьев А.П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение. 1985. Вып. 11. С. 160–182.
10. Бустанов А.К. Деньги и письма сибирских ханов. Опыт источниковедческого исследования. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 60 с.
11. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб. : ЕВРАЗИЯ, 2012. 464 с.
12. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ. Т. 13: Первая половина. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1904. 303 с.
14. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ. Т. 13: Вторая половина. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1906. 238 с.

Alexey V. Parunin. State Research and Production Center for the Protection of the Cultural Heritage of Chelyabinsk Region (Chelyabinsk, Russia). E-mail: therion12399@gmail.com

THE IMAGES OF THE PAST IN MOSCOW'S DIPLOMATIC CORRESPONDENCE WITH THE NOGAI HORDE AND THE DYNASTY OF SIBERIAN SHIBANIDS IN THE LATE 15TH AND 16TH CENTURIES

Keywords: nogai; Shibanids; Diplomatic correspondence; Ibak; Musa; Shih-Mamay; Ideegay

As the goal of the research in this article, the author formulated the question - how images of the past (real or imaginary) broadcast in diplomatic documents affect the nature of the relationship between the two states. For example, in the reading of Fyodor Ivanovich to the Siberian Tsar Kuchum in 1597, the subordinate position of the latter to Moscow was emphasized. The ideological substantiation of this status to the tsar was seen in an attempt to present the history of the Siberian Turkic-Tatar khanates as a Moscow tributary.

The source of the research is the Russian-Nogai diplomatic correspondence of the late 15th and 16th centuries, as well as the letter of Tsar Fedor Ivanovich to Kuchum in 1597. As an additional argument, historical examples of Russian-Horde and Lithuanian-Horde relations of the 15th-early 16th centuries are given in reading and writing and Russian annals.

In the course of the research, the author came to the following conclusions:

1. The elements of appealing to the common historical past were most consistently manifested in the Nogai diplomatic correspondence, which was due to the desire of the Nogai leaders to enlist the support of Moscow and to increase their status among the Turkic-Tatar states of the 15th-16th centuries. The use of similar mechanisms in diplomatic correspondence between Moscow and Shibanid khans was sporadic and depended on specific political conditions.
2. The image of the past is a structural element of historical memory, which in the late Middle Ages, in addition to written sources, includes folklore (legends, legends, etc.), which is partly confirmed by letters from Ibak Khan and Fyodor Ivanovich. The remaining documents contain real facts (although somewhat idealized) of past relations between the two states. In this case, we are talking about the Moscow state and the Nogai Horde. Representatives of the Nogai elite, wishing to obtain a "fraternity" with Moscow, used the biographies of their outstanding predecessors, namely, the all-powerful Temeik Imedei, who allegedly had a peaceful relationship with Prince Vasily Dmitrievich. In the middle of the XVI century, mention was made of information about the Murga Musa, Prince Abbas and others, mentioning the idea of Edgee, known leaders of the late 15th century.
3. The diploma of Ibak Khan in 1493 contains a more complex historical retrospective. The references to the "Shibal the Tsar" date back to the ancestor of the dynasty, the son of Juchi Shiban, who participated in the Western campaign of 1236-1242. The fact of the supposedly "special" relations between Chingizid and the Muscovite sovereigns definitely hints at the need to build similar relations in modern times. In addition to purely ideological background, the Tyumen Khan advanced and became traditional demands for the release of his ally - the Kazan khan Ali.

REFERENCES

1. Mazur, L.N. (2013) The image of the past: historical memory formation. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki – Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts.* 3(117). pp. 243–256. (In Russian).
2. Platonov, S.F. (ed.) (1901) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova.
3. Trepavlov, V.V. (2015) *Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatory* [Steppe empires of Eurasia: the Mongols and Tatars]. Moscow: Kvadriga.
4. Ledasov, B.A. (ed.) (1995) *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1549 gg.* [Foreign Office documents on Russia's relations with the Nogai Horde in 1489–1549]. Makhachkala: Dag kn. izd-vo.
5. Usmanov, M. (ed.) (2006) *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1551–1561 gg.* [Foreign Office documents on Russia's relations with the Nogai Horde in 1551–1561]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo.
6. Trepavlov, V.V. (2002) *Istoriya Nogayskoy Ordoy* [History of the Nogai Horde]. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Trepavlov, V.V. (2017) "Belyy tsar". *Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv* [The White Tsar. The image of the monarch and the idea of citizenship in the Russian peoples in the 15th – 18th centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.
8. Kazakov, N.A. & Serbina, K.N. (eds) (1982) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. Leningrad: Nauka.
9. Grigoryev, A.P. (1985) *Shibanidy na zolotoordynskom prestole* [Shibanids on the Golden Horde throne]. *Vostokovedenie.* 11. pp. 160–182.
10. Bustanov, A.K. (2011) *Den'gi i pis'ma sibirskikh khanov. Opyt istochnikovedcheskogo issledovaniya* [Money and letters of the Siberian Khans. Experience of source study]. LAP LAMBERT Academic Publishing.
11. Pochekaev, R.Yu. (2012) *Tsari Ordynskie. Biografii khanov i pravitely Zolotoy Ordoy* [The Kings of Ordyn. Biographies of khans and rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg: Evraziya.
12. Iskhakov, D.M. (2006) *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo khanstva. Ocherki* [Introduction to the history of the Siberian Khanate. Essays]. Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
13. Platonov, S.F. (ed.) (1913) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13(1). St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
14. Platonov, S.F. (ed.) (1913) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13(2). St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.

УДК 94(574)
DOI: 10.17223/19988613/61/18

В.А. Скопа

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ МУЗЕЯ ПРИ СЕМИРЕЧЕНСКОМ ОБЛАСТНОМ СТАТИСТИЧЕСКОМ КОМИТЕТЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Создание статистического комитета в Семиреченской области способствовало оформлению при нем музея как центра сохранения культурного наследия. Формирование отдельных экспонатов позволило создать самостоятельные отделы в музее со своими коллекциями, которые пополнялись в основном за счет пожертвований частных лиц, уездных начальников, местных и центральных учреждений. Недостаток денежных средств статистического комитета заставлял изыскивать новые источники финансовой поддержки, обращаться к местной администрации. Организация научных экспедиций позволяла существенно расширять музейные коллекции и приумножать фонды.

Ключевые слова: статистический комитет; музей; Семиреченская область; история; музейные коллекции.

Региональные центры статистического учета в XIX – начале XX в. сыграли важную роль в социокультурном изучении регионов и популяризации накопленных знаний, особенно это касалось национальных окраин империи. Вхождение Степного края в состав Российского государства способствовало активному социокультурному развитию региона, а также его изучению.

В территориальных границах Степного края отдельное внимание заслуживает музейная деятельность Семиреченского областного статистического комитета в конце XIX – начале XX в. Организация музея при статистическом комитете относится к концу XIX в. Его открытие являлось значительной страницей в истории культуры города Верного и всего Семиречья. В письме в Верненскую городскую управу от 18 ноября 1902 г. отмечалось: «В 1897 году среди членов Семиреченского областного статистического комитета возникла мысль учредить при нем областной музей» [1. Л. 6–7]. В письмах-обращениях организаторы Семиреченского музея сообщали, что в состав музейных экспозиций «войдут представители флоры и фауны Семиречья, а также образцы горных пород...» [Там же. Л. 8]. Эти письма были разосланы лицам, которые добровольно, из любви к окружающей природе занимались вопросами, связанными с изучением Семиречья. Помимо того, просьбы об оказании помощи в сборе коллекций члены комитета направляли в Санкт-Петербургский университет, в Санкт-Петербургский горный институт, в Западно-Сибирский отдел Русского географического общества и другие организации [Там же. Л. 58–59]. Эти обращения нашли широкий отклик, и в музей стали поступать бесценные экспонаты. Впоследствии один из активнейших организаторов музея Н.Н. Пантусов писал: «Уже в 1898 г. число пожертвованных для областного музея предметов оказалось настолько значительным, что встретилась необходимость в найме для музея сколь-нибудь соответствующего помещения», а это было не так-то просто сделать создателям музея [2. Л. 3].

Организаторы музея при создании этого культурно-просветительного учреждения ставили две задачи, которые должны решаться – научная и практическая. В отчете секретаря отмечалось, что организация музея «является одною из наиболее существенных и важных культурных нужд, удовлетворение которых в настоящее время, бесспорно, должно быть признано неотложным» [3. Л. 19]. Далее отмечалось, что «научные задачи должны состоять, с одной стороны, в естественно-историческом изучении области, с другой – в распространении естественно-исторических знаний среди местного населения. Практические задачи музея таковы: а) возможное содействие к разрешению вопросов; б) содействие к разрешению вопросов, относящихся к промышленности края; в) разрешение вопросов, имеющих отношение к народной школе» [4. Л. 12]. Музей по замыслу его учредителей должен был состоять из пяти отделов: физико-географического, этнографического, сельскохозяйственного, кустарно-промышленного и археологического. По мере увеличения экспонатов отделы создавали коллекции и отдельные экспозиции.

Физико-географический отдел включал все вышедшие в свет географические карты Семиреченской области; геологическую карту Семиреченской области; таблицу главнейших горных массивов; протяжение рек Семиречья, систему орошения, название и приблизительное пространство занимаемой ими земли; величины озер; фотографические снимки со всех типичных местностей Семиречья, представителей флоры и фауны; почвы, образчики их с определением их состава, представителей минеральных пород в Семиреченской области; таблицы температуры, давления, ветров, вскрытие и замерзание рек, календарь флоры [1. Л. 10].

Этнографический отдел включал в себя таблицы народностей, населяющих Семиречье и их распределение: по племенам, по религиям, по сословиям. Отдельно были представлены модели жилищ, предметы одежды, обуви, домашней утвари, игрушек, обычаи по рисункам и печатным источникам [4. Л. 10–11].

Одним из самых крупных отделов являлся сельскохозяйственный, который включал земледелие: образчики культивируемых почв, сорта хлебных растений, модели употребляемых земледельческих орудий, образцы врагов земледелия: сорные травы и вредные насекомые (особое внимание уделялось саранче), рисунки, объясняющие способы обработки земли в Семиречье, образцы хлебных печений; скотоводство: рисунки или чучела домашних животных, образцы шерсти и других продуктов скотоводства, растения, употребляемые в пищу домашними животными, методы обработки и переработки продуктов скотоводства; садоводство: название сортов диких и культурных плодов деревьев и образцы их плодов, образцы сушеных плодов; огородничество: представителей огородной культуры; пчеловодство: модели ульев, продукты пчеловодства: мед, воск, экономическое значение пчеловодства в жизни населения области, каталог медоносных растений, список крупных пчеловодов, таблицы распределения пасек по области; хмелеводство: сорта дикого и культурного хмеля, устройство хмельников (в моделях); шелководство: тутовое дерево (его рисунок и образцы листьев), коконы и шелк местного производства, образцы шелковых местных материй; кормовые и промысловые растения: названия их и сушеные их экземпляры, виды горного и степного сена [1. Л. 12].

Кустарно-промышленный отдел включал в себя образцы кустарной промышленности из различных местностей Семиречья; изделия из дерева, железа, стали, волоса, кожи, недостатки их и выгодные стороны; орудия и машины употребляемые кустарями; карты области с нанесением на нее пунктов, где процветает в особенности какая-либо отрасль кустарной промышленности; карты области с нанесением на ней всех промышленных заведений; образцы продуктов заводской промышленности [Там же. Л. 13].

Археологический отдел был незначительным и содержал памятники старины (в их настоящем виде и но фотографическим снимкам), расположенные, если возможно, по историческим периодам, установленным археологией; археологическую карту области с нанесением на нее памятников старины [Там же. Л. 14].

Начиная с 1898 г. и в последующие годы экспонаты музея пополнялись в основном за счет пожертвований частных лиц, уездных начальников, учебных заведений, местных и центральных учреждений. Потребность и значимость формируемых музейных коллекций и экспозиций в регионе оценивалась весьма высоко. В письме одного из активных организаторов музея А.И. Иванова от 22 ноября 1907 г. неизвестному в Семиреченском крае купцу Н.Я. Пугасову отмечалось: «Несколько лет назад статистическим комитетом представлено к устройству областного музея, с научной при нем библиотекой, который должен служить, с одной стороны, наглядным показателем всех естественно-исторических богатств области, сельского хозяйства, промышленности и прочее; с другой – вспомогатель-

ным учреждением для лиц, занимающихся изучением прошлого, настоящего и, возможно, будущего нашего края» [2. Л. 24]. Местные власти не оказали необходимой финансовой поддержки статистическому комитету в организации музея, о чем ясно сказано в письме правлению Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, секретаря комитета и хранителя музея В.Е. Недзвецкого от 17 января 1902 г.: «К сожалению, на устройство музея никаких средств от казны не отпускается и все наличные коллекции составляют пожертвования любителей природы. Средства статистического комитета также весьма ограничены и их едва хватает на печатанье изданий комитета» [Там же. Л. 180].

Первыми меценатами были члены комитета Э.О. Баум и К.А. Ларионов. Они пожертвовали свои личные коллекции. «Первым принесена в дар музею дендрологическая коллекция в количестве 71 экземпляра, а вторым – собранные им в бывшем Кульджинском районе 140 штук птиц, 600 экземпляров насекомых, из коих 200 на булавках и 400 на вате, а также в музей передана была из естественно-исторического кабинета при Верненской мужской гимназии коллекция птиц в количестве 50 чучел» [5. Л. 38–38 об.]. В 1906 г. секретарь комитета В.Е. Недзвецкий писал: «Из членов комитета изъявил пока согласие сотрудничать один Е. Трусов. В 1905 г. им присланы в музей собранные около города Лепсинска растения и бабочки, а также несколько шкурок птиц и зверей, из которых особенно интересна шкура зайца-беляка, не встреченного еще в южной части области, где он заменен монгольским зайцем. В декабре 1905 г. от Трусова получена посылка с рыбами из озера Алаколя. Коллекции дали возможность убедиться, что алакольский окунь, маринка и форель тождественны с балхашскими... Затем изъявил готовность содействовать для музея В.П. Ильиных, от которого получены две шкурки теке – самец и самка. В геологическую коллекцию музея внесли свои вклады образцов вновь найденных полезных ископаемых прежние сотрудники комитета Н.Г. Сатов и Н. Созонтов» [6. С. 15]. Немало экспонатов поступало в музей с выставок. В частности, много выставочных предметов поступило в музей с первой сельскохозяйственной и промышленной выставки, устроенной в городе Верном осенью 1902 г.

Учредители музея прекрасно понимали и знали, что рассчитывать на широкое пополнение коллекций устраиваемого комитетом областного музея путем пожертвований невозможно. Для обогащения различных отделов, в особенности естественно-исторического, по их мнению, может последовать только в том случае, если комитет будет располагать средствами на снаряжение собственных экспедиций в разные места области, приобретать ценные различные музейные экспонаты на свои деньги.

Энтузиасты статистического комитета делали все возможное для организации финансирования музея. Они обращались за помощью к «любителям старины»

области, профессорам высших учебных заведений Центральной России, к членам Императорской Академии наук, к прогрессивно настроенным представителям местной интеллигенции. Так, в письме в Верненскую городскую управу от 18 ноября 1902 г., отмечалось: «Для дальнейших работ имеются обещания сотрудников во всех уголках области. Разработку и систематизацию собираемых коллекций любезно на себя приняли профессора Томского университета, Киевского политехнического института и члены Императорской Академии наук во главе с маститым своим вице-президентом П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, который продолжает интересоваться нашей областью, впервые им открытую для науки» [1. Л. 5–6].

Одного энтузиазма и желания создать учреждение, которое явилось бы источником сбора и информации о естественных богатствах Семиреченской области в части фауны, флоры и ископаемых месторождений, было недостаточно. Нужны были деньги на наем здания для музея, сбора разнообразных коллекций, снаряжения экспедиций для поиска месторождений и многое другое. Поэтому члены комитета вынуждены были обращаться в различные инстанции, в частности, к городским старостам Капала, Жаркента, Пишпека, Пржевальска с настоятельной просьбой об оказании финансовой помощи для организации и содержания создаваемого областного музея. «Одной энергии членов статистического комитета недостаточно, – сообщалось в письме Пржевальскому городскому старосте от 28 ноября 1902 г., – необходимы, кроме того, средства на устройство хранилищ для собираемых коллекций, на приобретение различных научных пособий, книг и прочее. На все это статистический комитет может выделить незначительную сумму и то при соблюдении самой строгой экономии в расходах, что крайне не выгодно влияет на правильную постановку дела. Поэтому Комитет решился принять на труд ходатайствовать перед уполномоченным г. Пржевальска об оказании с их стороны помощи статистическому комитету устройство областного музея назначением ежегодных субсидий из местных городских сумм, в том размере, в каком признано будет возможным» [2. Л. 3–5]. Со стороны чиновников ответы на просьбу не заставили себя долго ждать. Так из г. Пржевальска последовало письмо следующего содержания: «Сознавая значение единственного во всей области музея, собрание уполномоченных г. Пржевальска признает помощь комитету из городских сумм делом полезным и желательным. Но ввиду, во-первых, недостаточности городских средств и, во-вторых, ввиду громадности обязательных нужд, вызывающих постоянный перевес расходов над приходами, постановили: единовременно отпустить в будущем 1904 г. в помощь комитету по устройству областного музея пятьдесят рублей. Расход внести в дополнительную смету расходов в 1904 г., так как смета за 1903 г. уже закончена» [Там же. Л. 8]. Собрание же уполномоченных г. Пишпека постановила выделять субсидии

музею только с 1904 г. Исходя из отчетов секретаря комитета можно отметить, что уполномоченные городов денежные субсидии высылали, но настолько нерегулярно, что организатор музея В.Е. Недзвецкий вынужден был в 1906 г. писать: «Собрание уполномоченных в Жаркенте 5 февраля 1903 г. постановило отпускать по 50 рублей в год на содержание музея, но комитетом получено пособие только в 1905 г., в последующие годы пособие не высылалось» [2. Л. 15].

Учитывая то обстоятельство, что те организации, к которым члены Семиреченского комитета обращались за финансовой помощью, сами находятся в довольно затруднительном положении, вынуждены были прибегнуть с просьбой к частным лицам, в частности, к выше упомянутому купцу Пугасову. В письме А.И. Иванова от 22 ноября 1907 г. отмечалось: «В текущем году собрана большая коллекция гадов и рыб области, но приведение их в должный порядок задерживается отсутствием 95% спирта и средств на приобретение его. Лучшие музеи Европейской России, как, например, Московский, Севастопольский и пр., а также приобретший всемирную известность Минусинский музей в Сибири обязаны своим существованием той помощи, которая им оказана была именитым российским купечеством. Это обстоятельство дает мне право обратиться к Вам с покорнейшей просьбой не отказать в Вашей просвещенной помощи областному музею пожертвованием спирта для хранения коллекций» [Там же. Л. 20–21].

Определенная заслуга в субсидировании музея в течение многих лет принадлежит ученым исследователям и передовым представителям общественности. В частности, организатор музея Н.Н. Пантусов незадолго до своей смерти завещал статистическому комитету две тысячи рублей, которые были использованы на содержание музея и публикацию научных трудов членов комитета [7. С. 195–198].

На устройство музея, лаборатории при нем и на хранение коллекций в разные годы были затрачены различные суммы. Так, в 1905 г. на содержание музея было выделено 432 руб. 24 коп., из которых 150 руб. поступило из гг. Пишпека, Жаркента, Капала, Пржевальска. В течение того же года расход составил 493 рубля 04 коп. [6. С. 1]. Перерасход в 60 руб. 80 коп. вынужден был оплатить заведующий музеем из своей собственной зарплаты. В 1906 г. расходы по музею составили – 109 руб. 3 коп., а в 1907 г. – 290 руб. 9 коп. [5. Л. 21]. В среднем на содержание музея ежегодно выделялась субсидия в размере от 150 до 200 руб.

С целью развития и пополнения коллекций музея даже на эти средства члены комитета умудрялись организовывать научные экспедиции. Только в 1902 г. таких экспедиций было предпринято семь: в апреле, мае, июне и октябре. Была обследована в ботаническом, зоологическом и орнитологическом отношениях долина реки Алматинка от ее истоков до впадения в реку Каскелен. В июне месяце в экспедиции принял участие фотограф П.А. Лейбен, подаривший музею 16 фото-

снимков горных видов в ущельях Алматинской и Проходной [5. Л. 40]. В 1903 г. были организованы две экспедиции. Первая – в верховья ручья Таста-булак, правого притока реки Аксай, с ботанической целью, вторая – совместно с главным ботаником Санкт-Петербургского Ботанического сада В.И. Липским в выселок Илийский для сбора коллекций [8. Л. 17]. В это же время на средства музея, была снаряжена экспедиция воспитанников Верненской мужской гимназии на озеро Иссык для сбора растений. В 1907 г. на первый план было поставлено пополнение энтомологической коллекции. С этой целью, кроме поездок в окрестности Верного, была предпринята продолжительная экспедиция совместно с сотрудником Санкт-Петербургского энтомологического общества А.Г. Якобсоном в восточную часть Верненского уезда. Во время экспедиции главное внимание обращалось на собирание жуков и бабочек. Первых было собрано 12 коробок, а вторых до тысячи экземпляров [9. Л. 28]. Попутно собирались образцы растений, в небольшом количестве птицы и млекопитающие, а также производились метеорологические наблюдения.

Богатая в природном отношении Семиреченская область была объектом внимания многих ученых. За период 1902–1906 гг. на территории Семиречья с научной целью работали три экспедиции: профессора Томского университета В.В. Сапожникова, Балхашская экспедиция действительного члена Императорского Русского географического общества Л.С. Берга, Экспедиция Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада [10. С. 7–11; 11. Л. 5]. В работе данных экспедиций активно привлекались студенты императорских университетов г. Томска и г. Санкт-Петербурга. Успехи экспедиции Сапожникова в Семиречье, несомненно, заключались в том, что огромную помощь в ее реализации сыграли члены Семиреченского областного статистического комитета и, в частности, В.Е. Недзвецкий. Результатом двух крупнейших экспедиций профессора В.В. Сапожникова в 1902 и 1904 гг. в Семиречье было издание бесценных в двух томах «Очерков Семиречья». Результатами Балхашской экспедиции стали ценнейшие сведения и экспонаты по части геологии, а также фауны и флоры. Большую помощь в работе этим экспедициям оказали члены Се-

миреченского областного статистического комитета – верненский ветеринарный врач М.В. Куткин и хранитель музея В.Е. Недзвецкий. Следует отметить, что в пополнении музея ценным материалом и в оформлении отдельных экспонатов привлекались представители коренного населения и учащиеся мужской Верненской гимназии.

Создателей и сотрудников музея интересовали почти все отрасли хозяйственной деятельности в Семиречье. Организаторы музея оказывали помощь исследователям недр Семиреченской области в части минералогии. Так, в письме В.Е. Недзвецкого – секретаря комитета от 1913 г. директору горного института И.Ф. Шредерг отмечалось следующее: «узнав от г. Рейнвелда, что музей горного института рассылает геологические коллекции на только низшим и средним, но даже высшим учебным заведениям, я позволю себе обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшей просьбой помочь нашему музею удовлетворить насущную и сильно выраженную потребность местного населения в ознакомлении его с горными породами, прислав коллекцию минералов и возможно более разнообразных руд и горных пород, которые составят образовательный фонд горного отдела» [12. Л. 154].

Несмотря на трудности и сложности, с которыми приходилось сталкиваться организаторам музея, региональный центр культурного и духовного наследия создавался, пополнялся экспонатами, устанавливались тесные научные связи как с организациями внутри страны, так и зарубежными. В отчете секретаря статистического комитета за 1908 г. отмечал: «...в настоящее время музей получил возможность приступить к печатанию своего каталога, установив обмен с другими музеями, как русскими, так и иностранными, и удостоивается посещения прибывающими в Верный путешественниками» [13. Л. 48].

Таким образом, музей, созданный при Семиреченском областном статистическом комитете, способствовал изучению естественных, историко-археологических и духовно-культурных богатств области и популяризации знаний о ней. Научная заинтересованность секретарей комитета и интерес «любителей старины» к прошлому расширяли границы изучения региона, что существенно приумножало созданные музейные коллекции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК) Ф. 828. Оп. 1. Д. 1.
2. ЦГА РК Ф. 828. Оп. 1. Д. 2.
3. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО) Ф. 217. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАОО Ф. 164. Оп. 1. Д. 108.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 58.
6. Отчет по Семиреченскому областному статистическому комитету за 1905 г. Верный, 1906.
7. Скопа В.А. Николай Николаевич Пантусов – секретарь Семиреченского областного статистического комитета и выдающийся исследователь Семиречья // NovaInfo.Ru. 2017. Т. 1. № 59.
8. ЦГА РК Ф. 828. Оп. 1. Д. 3.
9. ЦГА РК Ф. 828. Оп. 1. Д. 5.
10. Бердышев Г.Д., Сипливинский В.Н. Выдающийся ученый и путешественник В.В. Сапожников. Новосибирск, 1964.
11. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 484.
12. ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 6.
13. ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 4.

Vitaly A. Skopa. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia). E-mail: sverhtitan@rambler.ru, skopa_va@altspu.ru

HISTORY OF ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF MUSEUM UNDER THE DIRECTION OF THE REGIONAL STATISTICAL COMMITTEE OF SEMIRECHYE IN THE END OF 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Keywords: Statistical Committee; museum; Semirechye Oblast; history; museum collections.

Regional centers of statistical recordings in 19th – early 20th centuries played a big role in social and cultural regional studies and popularization of stored knowledge, especially about national edges of empire.

Establishment of museum under the direction of the regional Statistical Committee dates from the end of the 19th century. Numerous collections of exhibits promoted opening under the direction of the Committee independent sections of the museum, such as physical and geographical, ethnographical, agricultural, home-industrial and archeological. With increase of exhibits the sections framed independent collections and expositions. Beginning in 1898 the museum collection was enlarged generally due to donations by individual persons, district marshals, local and central institutions. The need and significance of museum exhibits in the region were sufficiently high appreciated.

Numerous appeals from the members of the Statistical Committee to regional authorities for necessary financial support were refused with reference to lack of spare funds. First patrons were Committee members E.O. Baum and K.A. Larionov. They donated to the museum their private collections. Many exhibits came to museum from exhibitions. Enthusiasts of Statistical Committee took all measures to find new funds. They applied for help to academicians in Central Russia, members of Imperial Academy of Science, progressively minded local intellectuals.

Significant credit of subsidizing of museum over many years goes to research scientists and leading members of public. Receipts for supporting museum, its laboratory and preservation of collections were sent from such towns as Pishkep, Zharkent, Qapal, Przhevalsk. Aimed to elaborate and enlarge museum collections Committee members organized scientific expeditions and participated in external expeditions. Resource-rich Semirechye Oblast was object of interest of many scientists. As of from 1902 to 1906 the territory of Semirechye was scientifically studied by expeditionary groups of professor V.V. Sapozhnikov (Tomsk University), Balkhash expedition of the member of Imperial Russian Geographical Society L.S. Berg, expedition of V.I. Lipsky (Imperial Saint Petersburg Botanical Garden).

Taking all things together in spite of difficulties and complexities that the founders of museum – members of the regional Statistical Committee faced, the regional center of cultural and spiritual heritage was established, enlarged by new exhibits, established contacts with organizations from the inland and aboard.

REFERENCES

1. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 828. List 1. File 1.
2. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 828. List 1. File 2.
3. The State Archive of Orenburg Region (GAOO). Fund 217. List 1. File 3.
4. The State Archive of Orenburg Region (GAOO). Fund 164. List 1. File 108.
5. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 58.
6. Semirechensk Regional Statistical Committee. (1906) *Otchet po Semirechenskomu oblastnomu statisticheskomu komitetu za 1905 g.* [Report on the Semirechensk Regional Statistical Committee for 1905]. Vernyy: [s.n.].
7. Skopa, V.A. (2017) Nikolay Nikolaevich Pantusov – sekretar' Semirechenskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta i vydayushchiysya issledovatel' Semirech'ya [Nikolai Nikolayevich Pantusov – Secretary of the Semirechensk Regional Statistical Committee and an outstanding researcher of the Semirechye]. *NovaInfo.Ru*. 1. № 59.
8. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 828. List 1. File 3.
9. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 828. List 1. File 5.
10. Berdyshev, G.D. & Siplivinsky, V.N. (1964) *Vydayushchiysya uchenyy i puteshestvennik V.V. Sapozhnikov* [Prominent scientist and traveler V.V. Sapozhnikov]. Novosibirsk: [s.n.].
11. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 44. List 1. File 484.
12. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 828. List 1. File 6.
13. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 828. List 1. File 4.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 904/908

DOI: 10.17223/19988613/61/19

Е.В. Водясов, А.А. Пушкарев

ВРЕМЯ «ТОЯНОВА ГОРОДКА»: НОВЫЕ НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ И РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАННЫЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 18-49-703001 (p_мол_a) «Археологический комплекс “Тоянов городок”: от истории разрушения к истории исследования».

Статья посвящена хронологии городища «Тоянов городок», являвшегося ставкой эуштинского князя Тояна. Впервые публикуются нумизматические находки и радиоуглеродные даты, полученные в ходе раскопок 2015 и 2018 гг. Сделан вывод, что основной культурный слой городища сформировался в период середины XV – начала XVIII в. Археологические данные «Тоянова городка» говорят об активных контактах татарского и русского населения, однако в то же время свидетельствуют о прочных керамических традициях томских татар, которые не пользовались русской посудой на городище. На основании находок из исследованной жилой постройки высказано предположение о неизменности орнаментальных керамических традиций, появившихся в Нижнем Притомье в середине XV в. и существовавших здесь вплоть до начала XVIII в.

Ключевые слова: городище «Тоянов городок»; Нижнее Притомье; томские татары; XV–XVIII вв.

Введение

В этом году исполняется 285 лет с начала изучения городища «Тоянов городок». Г.Ф. Миллер первым составил описание Тоянова городка в 1734 г., а еще на треть века ранее памятник попал на карту С.У. Ремезова, составленную в 1699–1701 гг. Не каждый археологический памятник в Сибири может «похвастаться» таким внушительным юбилеем. Интерес многих ученых к «Тоянову городку» неслучаен. По историческим, археологическим и картографическим источникам данное городище соотносится с зимней ставкой эуштинского князя Тояна [1; 2]. Хорошо известно, что именно князь Тоян в 1603 г. отправился в Москву с челобитной, после чего напротив его городка через реку Томь возник новый русский город – Томск. Однако, несмотря на всю значимость «Тоянова городка» и предложение известного ученого А.В. Адрианова положить память о князе Тояне во главу угла возводимого здания под именем «Томская Старина» [3. С. 3], в истории изучения «Тоянова городка» имеется множество печальных страниц.

В конце XIX – начале XX в. на «Тояновом городке» работали многие археологи (А.В. Адрианов, В.М. Флоринский, С.К. Кузнецов, Ф.Р. Мартин, С.М. Чугунов, Ж. де Бай, М.П. Грязнов), однако, как это ни парадоксально, никто из них не занимался раскопками городища, поскольку все были увлечены исследованиями одноименного могильника «Тоянов городок» [4. С. 10–12], примыкавшего к оборонительной линии городища. Такая ситуация не лишена противоречия: многие историки и археологи не раз отмечали важность изучения городища «Тоянов городок», но почему-то его не изучали. Можно согласиться с Я.А. Яковлевым в том, что

для рубежа XIX–XX вв. наблюдалось общее пристрастие археологов именно к некрополям, а не к поселенческим комплексам [4. С. 12]. В результате этой «моды» на раскопки курганов ставка князя Тояна на протяжении XIX–XX вв. не подвергалась научным археологическим исследованиям. Имеются лишь случайные эпизодические сборы находок с поверхности памятника в ходе его осмотра учеными в первой половине XX в. [5]. Все эти обстоятельства в итоге привели к тому, что городище «Тоянов городок» сначала было частично застроено дачей купца Смирнова, а затем огромный урон памятнику принесло строительство Томской областной туберкулезной больницы, которая и по сей день располагается на этой территории. Такова краткая история изучения «Тоянова городка», в которой не было места собственно изучению. Памятник долгое время считался полностью уничтоженным, и только в 2015 г. после проведения разведочных работ было доказано, что культурный слой местами все-таки сохранился, и «Тоянов городок» наконец-то был поставлен на государственную охрану [2]. Раскопки городища в 2018 г. впервые позволили установить, что на территории сохранились не только участки средневековых культурных напластований, но и постройки XV–XVIII в.

В ходе работ в 2015 и 2018 гг. обнаружено множество археологических находок, в том числе интересный нумизматический материал (рис. 1). Помимо этого, получена серия радиоуглеродных дат из раскопа 2018 г. и шурфов 2015 г. Публикация нумизматических и радиоуглеродных данных крайне важна, так как вопрос о времени появления на мысу предков эуштинских татар и этапах существования городища до сих пор остается открытым. Еще А.В. Адрианов в 1912 г. писал про «Тоянов городок», что серьезных исследова-

ний здесь не проводилось и ничего нельзя сказать о его древности [3. С. 2]. Как показано выше, высказывание А.В. Адрианова актуально и в наши дни. В этой связи цель настоящей статьи заключается в хронологической атрибуции «Тоянова городка».

Нумизматический материал «Тоянова городка»

В шурфе № 1, заложенном на краю мыса в 2015 г., на самом нижнем горизонте заполнения котлована постройки обнаружена серебряная монета (рис. 1, 1). Копейка. Размер 10×13 мм. Вес 0,4 г. Материал: серебро

(см. таблицу). На аверсе изображен всадник на коне с копьем. На реверсе располагается легенда: БЮЕЛІ...КНСМ...ЕД...ОСЕ. Монета отчеканена во время правления Михаила Федоровича Романова (1613–1645). Аверс монеты из-за плохой сохранности невозможно соотносить с изображениями штемпелей. Реверс монеты не имеет точного соответствия в таблице соотношения штемпелей, однако очень близок к варианту № 33. Соответственно, по варианту штемпеля № 33 монета датируется временем правления Михаила Федоровича Романова в пределах 1631–1639 гг. [6. Табл. 8].

Рис. 1. Нумизматический материал городища «Тоянов городок»

Анализ элементного состава нумизматических находок «Тоянова городка», %

Образец		Ag	Cu	Pb	Fe	Bi	Sn	Zn
Монета Михаила Федоровича	Аверс	96,23	2,95	0,37	0,36	0,1	–	–
	Реверс	94,97	4,62	0,34	–	0,07	–	–
Монета Ивана IV Васильевича	Аверс	95,69	3,7	0,52	–	0,1	–	–
	Реверс	95,99	3,47	0,45	–	0,1	–	–
Жетон-имитация	Аверс	–	0,23	30,65	0,96	0,6	67,56	–
	Реверс	–	0,37	34,3	0,93	0,63	63,63	0,13

Примечание. Анализы выполнены на рентгенофлуоресцентном анализаторе металлов Innov-X Alpha Series в Томском материаловедческом центре коллективного пользования Томского государственного университета.

В раскопе 2018 г., прирезанном к северной стенке шурфа № 1, в верхних слоях заполнения постройки найдена монета (см. рис. 1, 2). Деньга. Размер 8×12 мм. Вес 0,3 г. Материал: серебро (таблица). На аверсе изображен всадник на коне с саблей в правой руке. Между ног коня находится буква М. На реверсе располагается легенда: KHS...ВЕЛІ ІВА... Монета с именем великого князя Ивана IV Васильевича соотносится со штемпелями 7-2, 7-7 и 7-9 московского монетного двора и была отчеканена в период реформы Елены Глинской (1535–1538) [6. Табл. 1].

В раскопе 2018 г. на глубине 74 см от современной поверхности, в заполнении котлована постройки, найден необычный жетон (рис. 1, 3). Диаметр 18 мм. Вес 1,3 г. Изготовлен из оловянно-свинцового сплава с незначительными примесями (см. таблицу). На аверсе в центре размещена имперская держава в сложной геометрической фигуре, состоящей из чередующихся трех дуг и трех углов, которая называется драйпас (нем. – Dreipass). Вокруг изображения располагается линейный ободок, а далее следует легенда: +...ОИ(Н)...LV...ТТО... (?). Вдоль края жетона – линейный ободок. На реверсе в центре размещены чередующиеся 3 лилии и 3 короны, расположенные вокруг стилизованной розетки. Вокруг изображения располагается линейный ободок, а далее следует легенда: +Н...ОН(Н)...У...Л...R... (?). Вдоль края жетона – линейный ободок. Жетон имеет два отверстия для пришивания.

Очевидно, описанный экземпляр является имитацией нюрнбергского жетона конца XVI – первой половины XVII в. по следующим причинам. Во-первых, он изготовлен из оловянно-свинцового сплава, который не использовался для чеканки жетонов в г. Нюрнберге. Все известные экземпляры со сходными изображениями изготовлены из сплавов на основе меди [7. Р. 114–155]. Во-вторых, жетон изготовлен методом литья. На деталях изображения обнаружены наплывы металла, неровности на поверхности, оплывшие контуры некоторых элементов и каверны от пузырьков, характерные именно для этого способа создания монет и жетонов [8. С. 173]. В-третьих, многие детали изображения на жетоне выполнены очень небрежно, что не характерно для нюрнбергских аналогов. Например, короны на реверсе имеют разное количество зубцов. Лилии же упрощены до неузнаваемости и разительно отличаются друг от друга. В-четвертых, на жетоне-имитации раз-

мещена фиктивная легенда, которая не несет никакого смысла, а является лишь набором из букв. Среди нюрнбергских жетонов XVI в. имеются серии с фиктивными легендами, однако в отличие от экземпляра с «Тоянова городка» их подавляющее большинство написано готическим шрифтом [9. Р. 345–421].

На сегодняшний день в литературе не описан ни один жетон, похожий на экземпляр с «Тоянова городка», и вопрос о его происхождении остается открытым. Несмотря на это, мы можем произвести датировку этого жетона с помощью поиска нюрнбергских оригиналов, которые он имитирует.

Изображения аверса и реверса жетона (Rose/Orb jetons по [9. Р. 345–495]) имеют многочисленные аналогии среди оригинальных нюрнбергских жетонов конца XVI – первой половины XVII в., в значительном количестве встреченных на археологических памятниках Поволжья и Сибири [10. С. 191–192; 11. С. 825–833]. Более того, жетоны с подобными изображениями встречены на могильнике «Тоянов городок», который примыкал к одноименному городищу и, вероятно, являлся местом захоронения его жителей [4. С. 184–190].

Изображенная на аверсе жетона-имитации «держава в драйпасе» появляется на нюрнбергских оригиналах в конце XV в., однако стилистика его отображения даже у одного мастера сильно варьировалась – менялось соотношение размеров отдельных элементов (дуги, углы, круг и крест державы). Во второй половине XVI в. у всех производителей жетонов произошла унификация изображения «державы в драйпасе» – она обрела четкую геометрически правильную форму. Именно в таком виде она представлена на жетоне-имитации.

Единообразное отображение «державы в драйпасе» впервые появляется на некоторых жетонах мастеров Hans Schultes I (1553–1584), Damianus Krauwinkel (1543–1581) и Wolf Lauffer I (1554–1601). Наиболее часто этот элемент используется мастерами следующего поколения – Hans Schultes II (1586–1603) и III (1608–1612), Edigius Krauwinkel (1570–1613), Hans Krauwinkel (1586–1635), Hans Lauffer I (ок. 1584–1632), Mathaus Lauffer (1612–1634) и Wolf Lauffer II (1612–1651) [9, 12, 13].

Постепенно мода на элемент «держава в драйпасе» спадает, и единичные жетоны с его изображением встречены у мастеров Wolf Lauffer III (1650–1670), Cornelius Lauffer (1658–1711), Lazarus Gottlieb Lauffer (1663–1709). Однако имеются два более поздних ис-

ключения: «держава в драйпасе» встречена на аверсе одного жетона мастера Johann Friedrich Weidinger (1710–1765; на реверсе изображение солнца, луны и звезд) [9. Р. 521. № 1855] и на реверсе одного жетона Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829; на аверсе изображение Леопольда II) [Ibid. Р. 546. № 1949a]. При этом перечисленные экземпляры явно выбиваются на фоне других жетонов тех же мастеров.

Изображение на реверсе жетона-имитации чередующихся вокруг розетки 3 лилий и 3 корон появляется на нюрнбергских оригиналах в начале XVI в. Этот сюжет всегда сочетался только с «державой в драйпасе», и, соответственно, его популярность пришлась на то же время. Исчезает он также не позднее 1711 г. и затем встречен только на реверсе одного жетона мастера Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829; на аверсе изображение Людовика XVI) [14. С. 104. Рис. 51–4]. Данный экземпляр, несомненно, является исключением из оформления других жетонов этого мастера.

Таким образом, массовое использование сюжетов «держава в драйпасе» на аверсе и «3 лилии и 3 короны вокруг розетки» на жетонах приходится на период с 1570-х по начало 1650-х гг. Эти сюжеты исчезают не позднее 1711 г.

Наряду с изображениями аверса и реверса жетона важным для сравнения является размер. Среди множества нюрнбергских жетонов с изображением «державы в драйпасе» и «лилий и корон» в нумизматических каталогах описаны только два экземпляра диаметром 18(±1) мм, таких же, как экземпляр из «Тоянова городка». Один из них отчеканен мастером Hans Krauwinkel (1586–1635) [12. Р. 159. № 421], второй – Wolf Lauffer II (1612–1651) [13. Р. 69. № 224]. Любопытно, что на территории Западной Сибири имеется четыре находки жетонов с изображением «державы в драйпасе» и «лилий и корон» указанного размера: 1 экз. (Wolf Lauffer II) в погр. 217 курганно-грунтового могильника Окунево-7 [15. С. 111], 2 экз. (Hans Krauwinkel) в погр. 35 курганно-грунтового могильника Бергамак-2 [Там же. С. 113–114] и 1 экз. (Wolf Lauffer II) на поселении Черталиное-1 [16. С. 27]. Таким образом, на сегодняшний день известны только два мастера, чеканивших жетоны, которые по изображению и размерам схожи с жетоном-имитацией, обнаруженным на «Тояновом городке».

Найденный на Тояновом городке экземпляр соотносится с оригинальными нюрнбергскими жетонами, которые датируются в широких пределах с 1570-х по начало 1650-х гг.

Отдельный вопрос связан со временем попадания обнаруженных монет и жетона-имитации в культурный слой «Тоянова городка». На наш взгляд, нижняя дата появления нумизматических находок на городище, вероятнее всего, определяется приходом русских в Нижнее Притомье и началом активных культурных связей русского и татарского населения. Известно, что татары «Тоянова городка» несли военную службу с момента образования города Томска в 1604 г. и получали де-

нежное жалование [17]. Ранняя датировка монеты Ивана IV объясняется тем, что она долгое время была в обращении, прежде чем попала в культурный слой «Тоянова городка». Монеты с именем Ивана IV имели широкое хождение вплоть до смены состава денежного обращения при царе Михаиле Федоровиче Романове [6. С. 163]. На территории Сибири этот факт подтверждается, например, находками монет Ивана IV в культурном слое городища Мангазея (1601–1672) [18. С. 55; 19. С. 123], а также в составе денежной казны промысловой экспедиции, погибшей в 1617 г. на о. Фаддея и берегу залива Симса [20. С. 136–151].

Скорее всего, деньги, отчеканенные в 1535–1538 гг., как и жетон-имитация конца XVI – середины XVII в., оказались в культурном слое «Тоянова городка» в первой половине XVII в. В этот же временной промежуток попадает как монета Михаила Федоровича Романова 1631–1639 гг., так и находки в постройке русских бронзовых перстней XVII в. и пушечного ядра для пищали конца XVI – начала XVII в. [2. С. 460].

Радиоуглеродные даты

В ходе разведочных археологических работ в 2015 и 2018 гг. получена серия из 9 радиоуглеродных дат (см. рис. 2), определяющих время сооружения исследованной постройки на «Тояновом городке» и этапы заселения мыса, где располагается городище. Радиоуглеродные анализы выполнены в Лаборатории археологической технологии Института истории и материальной культуры РАН. Калибровка произведена в программе OxCal 4.3 (с использованием калибровочной кривой IntCal 13).

Самые ранние даты получены в раскопе 2018 г. и шурфах 2015 г., заложенных вдоль края мыса. В шурфе 1 получена дата 840±80 BP (Образец Le-11115). С учетом калибровки дата определяется 1052–1267 calAD для 68,2% вероятности (1σ) и 1030–1281 calAD для 95,4% вероятности (2σ). В шурфе 2 для ямы, углубленной в материк, получена дата 990±45 BP (Образец Le-11112). С учетом калибровки дата определяется 994–1149 calAD для 68,2% вероятности (1σ) и 975–1160 calAD для 95,4% вероятности (2σ).

В раскопе 2018 г. из заполнения постройки получена дата 630±80 BP (Образец Le-11842), калиброванный календарный интервал которой определяется 1288–1397 calAD для 68,2% вероятности (1σ) и 1254–1438 calAD для 95,4% вероятности (2σ).

Три ранние даты «Тоянова городка» с учетом калибровок позволяют говорить о нахождении здесь людей в XI–XIV вв. Обнаружение в шурфах нескольких венчиков керамических сосудов XI–XIV вв. подтверждает эти данные. Тем не менее культурный слой эпохи развитого Средневековья ни в шурфах 2015 г., ни в раскопе 2018 г. не выявлен, а весь керамический комплекс XI–XIV в. представлен всего несколькими фрагментами сосудов.

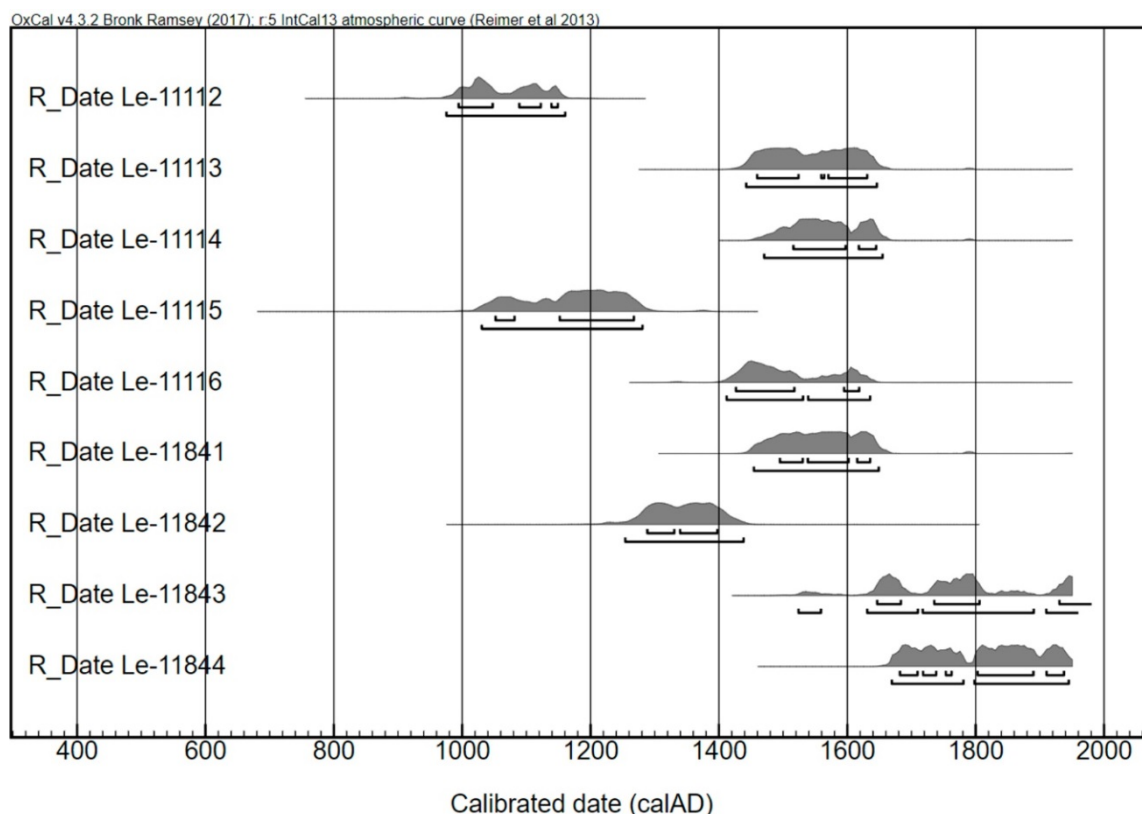

Рис. 2. Радиоуглеродные даты городища «Тоянов городок»

Помимо этого, из шурфа 2 происходит один венчик керамического сосуда верхнеобской археологической культуры V–VIII вв. Также нельзя не учитывать сведения предшествующих исследователей о том, что в случайных сборах на территории «Тоянова городка» встречено несколько фрагментов керамики эпохи раннего железа [21. С. 94]. Однако массового керамического материала эпох раннего железа и раннего Средневековья на городище не выявлено. По этим причинам пока мы не можем утверждать непрерывность и постоянное проживание населения на территории «Тоянова городка» на протяжении всего I – сер. II тыс. н. э. Скорее всего, в это время происходили периодические посещения этого места людьми, которые не оставили после себя выраженный культурный слой и массовые находки. Хотя нельзя также забывать, что раскопками исследована лишь малая часть мыса, на котором гипотетически возможны остатки более древних поселений эпох раннего железа, а также раннего и развитого Средневековья.

В ходе раскопок 2018 г. частично исследована жилая постройка, в северо-восточном углу которой расчищено теплотехническое сооружение подовальной формы, являвшееся, скорее всего, глинобитной печью с толщиной стенок 0,2 м и сохранившейся высотой 0,3 м. В центре котлована обнаружен еще один глинобитный очаг подобной конструкции, рядом с ним найдены развалы от трех сосудов (см. рис. 3). Рядом со второй печью на дне жилища выявлены остатки теплотехнического сооружения в виде двухкамерной ямы 8-

образной формы, углубленной в материк на 0,25 м. Из всех описанных объектов взяты пробы древесного угля для радиоуглеродного датирования.

Из очага глинобитного объекта, находящегося в углу жилища, получена дата 330 ± 50 BP (образец Le-11841), калиброванный календарный интервал которой определяется 1495–1635 calAD для 68,2% вероятности (1σ) и 1454–1639 calAD для 95,4% вероятности (2σ). Время сооружения печи укладывается в рамки конца XV – первой трети XVII в.

В шурфе 1 на разных уровнях заполнения котлована получены еще три даты этого же времени. Первая дата – 360 ± 60 BP (образец Le-11113). С учетом калибровки дата укладывается в 1459–1631 calAD для 68,2% вероятности (1σ) и 1442–1646 calAD для 95,4% вероятности (2σ). Вторая дата – 310 ± 40 BP (образец Le-11114). С учетом калибровки дата укладывается в 1516–1645 calAD для 68,2% вероятности (1σ) и 1470–1656 calAD для 95,4% вероятности (2σ). Третья дата – 420 ± 60 BP (образец Le-11116). С учетом калибровки дата укладывается в 1426–1618 calAD для 68,2% вероятности (1σ) и 1412–1635 calAD для 95,4% вероятности (2σ). Все три даты укладываются в период середина XV – середина XVII в.

Из заполнения глинобитной печи, расположенной в центре жилища, получена дата 210 ± 50 BP (образец Le-11843). Калибровка дала широкий временной диапазон вплоть до современности в результате загрязнения образца более молодым углеродом. Наиболее вероятная дата по корреляции двух сигм определяется 1646–

1683 calAD для 20,1% вероятности (1σ) и 1636–1710 calAD для 26,8% вероятности (2σ). Таким образом, очаг в центре постройки датирован в пределах второй половины XVII в. Рядом с очагом-печью в центре жилища найдены развалы трех сосудов (рис. 3), которые по форме и орнаментации могут быть отнесены к XV–XVII вв.

Из заполнения теплотехнического сооружения в виде двухкамерной ямы 8-образной формы, расположен-

ной рядом с глинобитной печью в центре постройки, получена дата 130 ± 45 BP (образец Le-11844). Калибровка также дала широкий временной диапазон вплоть до современности ввиду загрязнения образца. Наиболее вероятная дата по корреляции двух сигм определяется 1682–1762 calAD для 22,8% вероятности (1σ) и 1669–1781 calAD для 40% вероятности (2σ). Дата укладывается в конец XVII – середину XVIII в.

Рис. 3. Жилище «Тоянов городок». Керамические сосуды рядом с глинобитной печью в центре постройки. Раскоп 2018 г.

Обсуждение

Серия радиоуглеродных дат вкупе с нумизматическим материалом и археологическими находками поз-

воляет сделать следующие выводы о времени функционирования изученной постройки на «Тояновом городке». Скорее всего, жилище было возведено в период середины XV – начала XVII в. В это время в постройке

функционировала глинобитная печь, располагавшаяся в ее северо-восточном углу. Исторические материалы также свидетельствуют о пребывании здесь татарского населения в указанное время. При этом интересно, что в письменном обращении эуштинских татар к томским властям в начале XIX в. сказано: «Бывший наш князец Тоян Ермаштеев с прадеды, деда и отцы их до поселения еще города Томска жили в Сибири, где ныне существует Томская губерния, за Томью рекой по течению оной на левой стороне своим городком...» [17. С. 71–72]. Четыре радиоуглеродные даты из постройки, укладываемые в середины XV – XVI в., подтверждают исторические сведения о возможном проживании «прадеда» князя Тояна на городище.

В 1641 г. «Тояновым городком» управляли Арык Кызланов, Байгаш Мосдараков, Кутетей Пердеев и Торланко Костенов [22. С. 116–117]. По всей видимости, эуштинский князь Тоян, являвшийся хозяином томских земель до прихода русского населения, скончался до 1641 г., так как его уже нет в списке князей и мурз, управлявших «Тояновым городком» и подгородными служилыми татарами [2. Р. 460].

Письменные источники сообщают также, что население большей частью покинуло «Тоянов городок» к середине XVII в., когда татары переселились в томский город [17. С. 72]. Нумизматический материал и большинство радиоуглеродных дат из постройки также не выходят за верхние пределы середины XVII в.

Тем не менее радиоуглеродные даты показывают, что во второй половине XVII в. был сооружен новый очаг в центре жилища, а в конце XVII – первой половине XVIII в. появилось теплотехническое сооружение в виде двухкамерной ямы рядом с глинобитным «чувалом». Таким образом, жилище продолжало функционировать. Проживание на Тояновом городке оставшегося населения в начале XVIII в. подтверждается данными Г.Ф. Миллера, указывавшего, что в 1740 г. «Тоянов городок» состоял из 20 зимних жилищ эуштинских татар [23. С. 172]. Вероятнее всего, одно из этих «20 жилищ» частично попало в наш раскоп 2018 г.

Найденные рядом с печью фрагменты сосудов (см. рис. 3) свидетельствуют о неизменности керамических традиций в период середины XV – конца XVII в., а может быть, и начала XVIII в., учитывая поздние даты из теплотехнических объектов в центре постройки. Керамический комплекс «Тоянова городка» достаточно однороден и представлен горшками с отогнутыми наружу венчиками. У всех сосудов срез венчика орнаментирован чаще всего оттисками гребенчатого штампа либо косыми насечками. В нескольких случаях зафиксировано нанесение орнамента на внутреннюю сторону венчика (насечки, оттиски гребенки). По шейкам сосудов нанесен орнамент в виде ямок, отпечатков углов гребенки. Тулово орнаментировано рядами косых оттисков гладкого или гребенчатого штампа, а также углом гребенки, образующей характерный мотив «треугольники».

Аналогичные керамические комплексы Томского Приобья и таежного Причулымья, происходящие из погребений с русским импортом XVII в., чаще всего традиционно датируются исследователями в рамках XVI–XVII вв. [24; 25; 26. С. 98–101]. При этом нижняя граница в пределах XVI в. определена исключительно интуитивно, так как конкретных доказательств появления этой керамики в XVI в. не приводится, что уже не раз отмечалось в литературе [27, 28].

Раскопки на «Тояновом городке» позволяют расширить временные рамки существования данной керамической традиции в Нижнем Притомье в пределах середины XV – начала XVIII в. Крайне важна недавно вышедшая публикация Е.В. Барсукова, в которой на основе серии радиоуглеродных дат доказано существование аналогичного керамического комплекса в постройке XV в. на городище Шайтан-III, находящегося в Томском Приобье [27]. Таким образом, имеются веские основания утверждать как минимум до середины XV в. керамический комплекс Нижнего Притомья, связываемый многими учеными с культурой томских татар, и предположить его существование в неизменном виде до начала XVIII в.

Показательно также, что ни в шурфах 2015 г., ни в раскопе 2018 г., ни в обнажениях на территории городища «Тоянов городок» не обнаружено русской гончарной керамики. Этот факт говорит о том, что «Тоянов городок» был полностью заброшен до того, как произошло вытеснение местных керамических традиций русской посудой.

По историческим документам известно, что в 1631 г. некоторые томские горожане жаловались в челобитной, что татары, переселившись в Томск, моют свою *татарскую* керамику в русских колодцах [29. С. 73]. На наш взгляд, это важный источник, демонстрирующий, что в первой трети XVII в. татары еще продолжали пользоваться традиционной посудой даже в русском городе. Радиоуглеродные даты показывают, что и в конце XVII – начале XVIII в. население «Тоянова городка» изготавливало такую же посуду, не пользуясь русской керамикой.

Заключение

Проведенные исследования впервые позволили получить данные о времени заселения мыса, на котором расположен «Тоянов городок», и этапах функционирования изученной постройки. Эпизодические посещения мыса фиксируются в эпоху раннего железа, раннего и развитого Средневековья. Об этом свидетельствует нахождение нескольких керамических венчиков в шурфах и осыпях городища. Однако формирование культурного слоя и следов постоянного проживания для указанных периодов пока не выявлено.

Наиболее массовые находки, а также насыщенный культурный слой вкупе с радиоуглеродными датами указывают на существование исследованной постройки

в пределах середины XV – начала XVIII в., при этом зафиксирована перепланировка жилища во второй половине XVII в., связанная с возведением новой глинобитной печи в центре постройки.

Обнаруженный однородный керамический комплекс позволяет сделать вывод о неизменности керамических традиций, появившихся в Нижнем Притомье в середине XV в. и существовавших здесь вплоть до начала XVIII в.

Нумизматический материал и предметы русского импорта (бронзовые перстни и пушечное ядро) отражают тесные культурные контакты татарского и русского населения, что подтверждается историческими документами о несении татарами военной службы и получении денежного жалования. При этом отсутствие на «Тояновом городке» русской керамики говорит о том, что местные керамические традиции были еще сильны, а их исчезновение падает на последующую эпоху XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцева О.В., Водясов Е.В. Локализация зимней ставки князя Тояна // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 94–99.
2. Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. Results of Interdisciplinary Research of Hillfort «Toyanov Gorodok» // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48, is. 2. P. 456–464.
3. Адрианов А.В. Томская старина. Томск : Типо-лит. Сибирского Т-ва Печатного дела, 1912. 83 с.
4. Яковлев Я.А. Могильник Тоянов Городок. Каталог коллекции Ф.П. Мартина 1891 г. из фондов Государственного Исторического музея (г. Стокгольм). Томск ; Сургут : Изд-во ТГУ, 2009. 348 с.
5. Барсуков Е.В., Боброва А.И. Городище «Тоянов Городок»: страницы истории // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 3. С. 85–93.
6. Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М. : Финансы и статистика, 1989. 323 с.
7. Mitchiner M., Mortimer C., Pollard A.M. Nuremberg and its Jetons, c. 1475 to 1888: Chemical Compositions of the Alloys // *Numismatic Chronicle*. 1987. Vol. 147. P. 114–155.
8. Гладкий В.Д. Словарь нумизмата. М. : Центрполиграф, 2006. 377 с.
9. Mitchiner M. Jetons, Medallions and Tokens. London : B.A. Seaby Ltd, 1988. Vol. 1: Medieval period & Nuremberg. 704 p.
10. Шапран И.Г., Сенникова Л.А. Вятские марийцы в XVI–XVIII вв. (по материалам Кадочниковского могильника). Ижевск : Сарапульская типография, 2014. 248 с.
11. Пушкарев А.А. Нюрнбергские счетные жетоны XVI–XIX вв.: от Западной Европы до Западной Сибири // *Былые Годы*. 2015. Вып. 4 (38). С. 825–833.
12. Stalzer F., Koenig A. Rechenpfennige. Band 1: Nürnberg. Signierte und zuweisbare Gepräge. Die Familien Schultes, Koch und Krauwinkel (Kataloge der Staatlichen Münzsammlung München). München : Staatliche Münzsammlung München, 1989. 167 p.
13. Groenendijk F., Levinson R.A. Nürnberger Rechenpfennige – Nuremberg Jetons: Die Familie Lauffer. München : Staatliche Münzsammlung München, 2015. Vol. 2: The Lauffer family ca 1554–1712. Mit Nachträgen zu Band I – with Supplement. 256 p.
14. Мурашко О.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М. : Наука, 2001. 155 с.
15. Корусенко М.А., Милищенко О.А. Счетные пфенниги из памятников в низовьях р. Тары // *Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума*. Новосибирск : Наука, 2002. С. 110–121.
16. Милищенко О.А. Монеты и жетоны как датирующий инвентарь позднесредневековых поселений и могильников (На примере бассейна реки Тара). Омск : Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2004. 128 с.
17. Шерстова Л.И. Трансформация аборигенного населения Южной Сибири в XVII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1 (9). С. 92–103.
18. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Л. : Гидрометеоздат, 1981. 164 с.
19. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.
20. Мельникова А.С. Таймырский клад русских монет XVII в. // *Хранитель Эрмитажа: сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г. Спасского (1904–1990)*. СПб. : Государственный Эрмитаж, 2004. С. 136–151.
21. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Хронограф «Тоянова городка»: к истории зуштинских татар в XVII–XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2 (40). С. 93–100.
22. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – нач. XVIII в. Абакан, 1995. 258 с.
23. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // *История Сибири. Первоисточники*. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. Вып. 6. 312 с.
24. Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // *Ученые записки ТГПИ*. 1953. Т. X. С. 127–335.
25. Дульзон А.П. Остатки могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // *Ученые записки ТГПИ*. 1955. Т. XIII. С. 97–154.
26. Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том.ун-та, 1990. 134 с.
27. Барсуков Е.В. «Темный век» средневековой археологии Томского Приобья: результаты изучения постройки XV в. на городище Шайтан III // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 33–39.
28. Зайцева О.В., Капитонова М.А. Предварительные итоги исследования Шайтанского археологического микрорайона (к археологической карте Кожевниковского района Томской области) // *Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири*. Томск : Изд-во ТГУ, 2003. С. 15–19.
29. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск : Наука, 1992. 200 с.

Evgeniy V. Vodyasov. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

Andrey A. Pushkarev. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: supdron@gmail.com

TIME OF THE HILLFORT “TOYANOV GORODOK”: NEW NUMISMATIC FINDS AND RADIOCARBON DATA

Keywords: Hillfort “Toyanov Gorodok”; Lower Tom River Region; Tomsk Tatars; XV–XVIII centuries.

The article is devoted to the chronology of the Hillfort “Toyanov Gorodok”, since this problem has not yet been considered. “Toyanov Gorodok” was a winter settlement of the Eushtin Knyaz Toyan and was an important political center in the XV–XVII centuries. Due to the diplomacy of Knyaz Toyan, a new Russian city Tomsk was founded in 1604 in front of Toyan’s Town, on the right bank of the river Tom. Numismatic finds and radiocarbon dates obtained during the excavations of 2015 and 2018 are published for the first time.

The numismatic material of the site is represented by silver coins of Ivan IV the Terrible and Mikhail Fedorovich Romanov, as well as an unusual token-imitation of the Nuremberg counting tokens of the end of the XVI-mid XVII century.

The research conducted for the first time allow us to obtain data on the stages of functioning of the excavated dwelling and the time of settlement of the cape, on which “Toyanov Gorodok” is located.

It is concluded that episodic visits to the cape are recorded in the era of the Early Iron Age, the Early and High Middle Ages. This is evidenced by the presence of several ceramic crowns in the pits and slope of the settlement. However, the formation of a cultural layer and traces of permanent residence for these periods have not been identified.

The most numerous finds, as well as a rich cultural layer, coupled with radiocarbon dates indicate the existence of the investigated dwelling on “Toyanov Gorodok” settlement fortification within the middle XV-beginning of the XVIII century, with the redevelopment of the dwelling in the second half of the XVII century, associated with the construction of a new mud-brick kiln in the center of the dwelling.

The article criticizes the accepted chronology of the ceramic traditions, associated by many scientists with the culture of Tomsk Tatars. Researchers in the framework most often date similar ceramic complexes of the Tomsk Ob Region and Taiga Chulym River Region back to the XVI-XVII centuries, while the lower boundary within the XVI century, according to the authors, is determined intuitively only, as there is no specific evidence and proof for the appearance of this ceramics in the XVI century.

Excavations on the Hillfort “Toyanov Gorodok” allow us to expand the time frame for the existence of this ceramic tradition in the Lower Tom River Region within the middle XV-early XVIII century. Numismatic material and items of Russian imports (bronze rings and a cannonball) reflect close cultural contacts of the Tatar and Russian people, which is confirmed by historical documents about the military service of the Tatars and the receipt of monetary salaries. At the same time, the absence of Russian ceramics at Toyanov town suggests that the local ceramic traditions were still strong, and their disappearance occurred in the subsequent 18th century era.

REFERENCES

- Zaytseva, O.V. & Vodyasov, E.V. (2016) Lokalizatsiya zimney stavki knyazya Toyana [Location of the winter quarters of Prince Toyan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 94–99.
- Vodyasov, E.V. & Zaitseva, O.V. (2018) Results of Interdisciplinary Research of Hillfort “Toyanov Gorodok”. *Bylye Gody*. 48(2). pp. 456–464.
- Adrianov, A.V. (1912) *Tomskaya starina* [The Old Tomsk]. Tomsk: Tipo-lit. Sibirskago T-va Pechatnogo dela.
- Yakovlev, Ya.A. (2009) *Mogil'nik Toyanov Gorodok. Katalog kollektsii F.R. Martina 1891 g. iz fondov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (g. Stokgol'm)* [Burial ground “Toyanov Gorodok”. F.R. Martin’s Collection Catalogue, 1891, from the funds of the State Historical Museum (Stockholm)]. Tomsk; Surgut: Tomsk State University.
- Barsukov, E.V. & Bobrova, A.I. (2016) Gorodishche “Toyanov Gorodok”: stranitsy istorii [The ancient settlement “Toyanov Gorodok”: on history]. *Tomskiy zhurnal lingvicheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3. pp. 85–93.
- Melnikova, A.S. (1989) *Russkie monety ot Ivana Groznogo do Petra Pervogo* [Russian coins from Ivan the Terrible to Peter the Great]. Moscow: Finansy i statistika.
- Mitchiner, M., Mortimer, C. & Pollard, A.M. (1987) Nuremberg and its Jetons, c. 1475 to 1888: Chemical Compositions of the Alloys. *Numismatic Chronicle*. 147. pp. 114–155.
- Gladky, V.D. (2006) *Slovar' numizmata* [Dictionary of Numismatists]. Moscow: ZAO Tsentropoligraf.
- Mitchiner, M. (1988) *Jetons, Medallets and Tokens*. Vol. 1. London: B.A. Seaby Ltd.
- Shapran, I.G. & Sennikova, L.A. (2014) *Vyatskie mariytsy v XVI–XVIII vv. (po materialam Kadochnikovskogo mogil'nika)* [Vyatka Mari in the 16th – 18th centuries (a case study of the Kadochnikovo burial ground)]. Izhevsk: Sarapul'skaya tipografiya.
- Pushkarev, A.A. (2015) Nuremberg Counting Jetons of the 16th – 19th centuries: from Western Europe to Western Siberia. *Bylye Gody*. 4(38). pp. 825–833. (In Russian).
- Stalzer, F. & Koenig, A. (1989) *Rechenpfennige*. Vol. 1. Munich: Staatliche Münzsammlung München.
- Groenendijk, F. & Levinson, R.A. (2015) *Nürnberger Rechenpfennige – Nuremberg Jetons: Die Familie Lauffer*. Vol. 2. Munich: Staatliche Münzsammlung München.
- Murashko, O.A. (2001) *Kul'tura aboriginov Obdorskogo Severa v XIX veke (po arkheologo-etnograficheskim kollektsiyam Muzeya antropologii MGU)* [The culture of the natives of the Obdorsky North in the 19th century (according to the archaeological and ethnographic collections of the Museum of Anthropology of Moscow State University)]. Moscow: Nauka.
- Korusenko, M.A. (2002) Schetnye pfennigi iz pamyatnikov v nizov'yakh r. Tary [Counting Pfennig from the monuments in the lower Tara]. In: Korusenko, M.A. & Milishchenko, O.A. *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and archaeological complexes: Problems of culture and society]. Novosibirsk: Nauka. pp. 110–121.
- Milishchenko, O.A. (2004) *Monety i zhetony kak datiruyushchiy inventar' pozdnesrednevekovykh poseleniy i mogil'nikov (Na primere basseyna reki Tara)* [Coins and tokens as a dating inventory of late medieval settlements and burial grounds (a case study of the Tara river basin)]. Omsk: Omsk State Agrarian University.
- Sherstova, L.I. (2010) Transformatsiya aboriginenogo naseleniya Yuzhnoy Sibiri v XVII–XIX vv. [Transformation of the indigenous population of South Siberia in the 17th – 19th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(9). pp. 92–103.
- Belov, M.I., Ovsyannikov, O.V. & Starkov, V.F. (1981) *Mangazeya* [Mangazeya]. Vol. 2. Leningrad: Gidrometeoizdat.
- Vizgalov, G.P. & Parkhimovich, S.G. (2008) *Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: new archaeological research (2001–2004)]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan.
- Melnikova, A.S. (2004) Taymyrskiy klad russkikh monet XVII v. [The Taimyr treasure of Russian coins of the 17th century]. In: Yanin, V.L. et al. *Khranitel' Ermitazha: sbornik vospominaniy i nauchnykh statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya I. G. Spasskogo (1904–1990)* [Guardian of the Hermitage: a collection of memoirs and scientific articles dedicated to the 100th anniversary of I.G. Spassky (1904–1990)]. St. Petersburg: The State Hermitage Museum. pp. 136–151.
- Vodyasov, E.V. & Zaytseva, O.V. (2016) Chronicles of Toyan's Town: On the history of Eushta Tatars in the 17th – 18th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(40). pp. 93–100.
- Butanaev, V.Ya. & Abdykalykov, A. (1995) *Materialy po istorii Khakasii XVII – nach. XVIII vv.* [Materials on the history of Khakassia the 17th – early 18th centuries]. Abakan: [s.n.].
- Miller, G.F. (1996) Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera [Siberia of the 18th century in G.F. Miller’s travel descriptions]. In: *Istoriya Sibiri. Pervoistochniki* [History of Siberia. Primary sources]. Vol. 6. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
- Dulzon, A.P. (1953) Pozdnie arkheologicheskie pamyatniki Chulyma i problema proiskhozhdeniya chulymskikh tatar [Late archaeological sites of Chulym and the problem of the origin of the Chulym Tatars]. *Uchenye zapiski TGPI*. 10. pp. 127–335.
- Dulzon, A.P. (1955) Ostyatskie mogil'niki XVI i XVII vekov u sela Molchanova na Obi [Ostyak burial grounds of the 16th and 17th centuries near Molchanovo on the Ob]. *Uchenye zapiski TGPI*. 13. pp. 97–154.

26. Pletneva, L.M. (1990) *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkhеologicheskim istochnikam)* [The Tomsk Ob in the late Middle Ages (according to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Barsukov, E.V. (2016) The 'dark age' in the medieval archaeology of the Tomsk Ob area: results of a study of a XVth century construction at the Shaitan III fortified settlement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5(43). pp. 33–39. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/43/7
28. Zaytseva, O.V. & Kapitonova, M.A. (2003) Predvaritel'nye itogi issledovaniya Shaytanskogo arkhеologicheskogo mikrorayona (k arkhеologicheskoy karte Kozhevnikovskogo rayona Tomskoy oblasti) [Preliminary results of the study of the Shaitan archaeological neighborhood (to the archaeological map of Kozhevnikovo District of Tomsk Region)]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya v yuzhno-taеzhnoy zone Zapadnoy Sibiri* [Archaeological and Ethnographic Studies in the Southern Taiga Zone of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 15–19.
29. Lyutsidarskaya, A.A. (1992) *Starozhily Sibiri. Istoriko-etnograficheskie ocherki. XVII – nachalo XVIII v.* [Siberian Old-timers. Historical and ethnographic essays. The 17th – early 18th century]. Novosibirsk: Nauka.

УДК 304.2 (=512.157) + (512.211)
DOI: 10.17223/19988613/61/20

В.В. Ушницкий, С.А. Алексеева

ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ САХА И ЭВЕНКОВ

Статья посвящена проблеме взаимодействия между саха и эвенками. Изменение уклада жизни, переход от скотоводства к ведению охотничьего хозяйства и оленеводства способствовали изменению этноса. Имеются общие саха-эвенкийские этнические названия, созвучные со средневековыми тюрко-монгольскими племенами. С эвенками можно связать самоназвание «саха». Название «саха» в тунгусо-маньчжурских языках имеет цветное обозначение «черный» и «север».

Ключевые слова: саха; эвенки; этногенез; Сибирь; родовой состав; этнокультурные контакты; генетика.

Колонизация народом саха бассейна Средней Лены была логичным продолжением скотоводческой тюрко-монгольской экспансии в Сибири. Магистральная культура якутов в XVII–XIX вв. заняла территорию, ранее занятую тунгусской магистральной культурой. Наложение одной магистральной культуры на другую привело к заимствованию элементов материальной и духовной культуры, появлению общих этнонимов и антропонимов в саха-тунгусской этнической среде и, как результат, к процессам этногенеза, которые изменили этническую карту Северо-Востока Сибири. Поэтому при изучении этногенеза саха при всем желании нельзя обойти тунгусскую тему.

Среди трудов по изучению этнической истории народов Якутии, пожалуй, нет равных исследованиям В.А. Туголукова, посвященным изучению эвенкийских родовых групп [1]. В них древняя этническая история огромного региона предстает как живая. Нет в них искусственных гипотез, свойственных многим этногенетическим работам, в том числе академического характера. В современной якутской идентичности термин «тонус» (в переводе с якут. – «мерзлый род») применяется по отношению к представителям оленеводческого типа хозяйства, независимо от их языковой принадлежности, в основном к якутоязычным. В то же время традиционная якутская культура, распространенная вплоть до Колымы и Индигирки, – чисто скотоводческая, связанная с табунным коневодством. Следует учитывать и то, что в Забайкалье и во Внутренней Монголии живут эвенкийские родовые группы, занимающиеся скотоводством. Тем самым ключевой вопрос тунгусского этногенеза заключается в том, какой тип хозяйства – скотоводство, оленеводство или охота – был изначальным для предков эвенков? К примеру, увани Южного Забайкалья, считающиеся предками эвенков, были сначала скотоводами. Взаимосвязь тунгусов с тюрками и монголами, переход на тюркские и монгольские языки происходили еще в более южных регионах и могли способствовать появлению новых тюрко-монголоязычных этносов.

Такие же ассимиляционные процессы при участии подавляющего местного субстрата характерны для процессов этногенеза многих тюркских народов. Тюр-

ки, будучи кочевниками, проникали на новые территории, смешивались с коренным населением, порождая новые этносы. При изучении родоплеменного состава алтайских народов обращает на себя внимание наличие общих или схожих этнонимов, которые при желании можно отнести и к тюркам, и к монголам, к тунгусам. Это касается и происхождения названий якутских улусов: Хангалас, Мэнгэ, Хатылы, Нам, Борогон, Байагантай. Видимо, это связано с миграциями кочевых орд, активным смешением тюрков, монголов и тунгусо-маньчжуров. Данное обстоятельство можно использовать как контраргумент при опровержении доводов В.А. Туголукова и других о появлении якутских родов путем ассимиляции эвенкийских родовых групп. То есть, чтобы противостоять нападкам оппонентов, утверждающих об автохтонности якутского этноса, надо изучать их версии в подлинности.

Даже самоназвания якутов – саха и эвенкийское йако, исследователи связывали с тунгусскими языками. Этноним с корнем «саха» распространен на Дальнем Востоке. В маньчжурском языке существовали слова «саха», означавшие понятия «охота», «травля зверей», «облава», а термин «сахальянь» – «черный», «север», «весьма темный». В якутских легендах упоминается о проживании племени «сахаларов» до прихода предков саха на Среднюю Лену. Филолог Е.С. Сидоров их идентифицировал с поколением «дахань» китайских летописей [2. С. 41–42]. Это сопоставление неудачное, так как лексема «да» в китайском языке означает «большой», а «хань» – «народ», т.е. «большой народ», что идентично, предположительно, «да-шивеям» – «большим шивеям».

Цинские источники называют жителями Приамурья в XVII в. народности сахарча, солон, сахальянь. В маньчжурских источниках в сахальянях и сахарча исследователи видят солонов или дауров [3; 4. С. 54]. По словам В.В. Подмаскина, в древности одним и тем же словом называли и племя, и закрепленную за ним территорию, и главную реку, по ней протекающую. Гидроним «Сахалан» с маньчжурского переводится как «черный», а «саха» – как «север». Исходя из этого, он производит название хребта Сихотэ-Алинь и острова Сахалин и, вероятно, этнонима «саха» [5; 11. С. 189].

Действительно, на реке Сахалан-Ула (нынешний Амур) проживало племя сахалынь-мохэ (черноречных).

В XVII в. среди телембинских и селенгинских эвенков упоминался род йококогир. Этноним образован от эвенкийского йоко – «якут». В.А. Туголуков считает вероятным существование раннего этнонима «йокогир». В документах XVII в. упоминаются в Прибайкалье род «икогир», на Амуре – «якагары». Потомки йокогиров угадываются в позднейших «йоколах» баргузинских эвенков-скотоводов. Происхождение всех этих этнонимических групп В.А. Туголуков связывает с якутами [1. С. 233].

Е.М. Залкинд, ссылаясь на эвенкийское предание, писал, что тунгусы рода Йокол – самые древние среди баргузинских «мурчендов» и что фактически они представляют собой челкогиров, имевших название «йокол», полученное ими ввиду того, что их предки – выходцы из Якутии (цит. по: [1. С. 240]). Весьма интересно, что Орел считается символом рода Челкогир, члены которого остерегались убивать эту птицу [1. С. 240]. Балакагиры не убивали лебедя и орла, причем первого они считали «символом» своего рода [Там же. С. 229].

В эвенкийском роде някугир, жившем в XVII в. в Забайкалье, некоторые исследователи видят малочисленную остаточную группу якутов-саха, ассимилированную эвенками, название которых произошло от слов «якол», «якогил». Следует отметить, что они были пешими охотниками и рыболовами, растворившимися среди позднее пришедшего рода конных эвенков – шемагиров [6. С. 11, 19].

В могущественном Хулуньском объединении феодальных владений Маньчжурии главенствующую роль играло княжество Ехэ. Крайне любопытно, что, как отмечено в «Нурхаци шилу», «родоначальником ехэ был монгол аймака тумот...» [4]. В то же время название родов ехэ среди тунгусских этносов считается происходящим от этнонима «якут-йако». Возможно, этнонимы «ехэ» или «йако» относились сначала к туматам – уроженцам Прибайкалья. Следовательно, термин «йакут-якут» является древней формой с типично монгольским окончанием -ут.

Название «йокогир» ~ «якогил (якол)» баргузинскими эвенками переводится как «якутский род, якутское поколение», поэтому тунгусский род никогиры / някугиры ~ йокогиры / якогилы считается частью якутов, ассимилированных эвенками Северного Прибайкалья. Носители этнонимов «ехэ» или «экэ» считались идентичными йокогирам или якогилам. Някугиры или никогиры были отмечены в составе не только баргузинских эвенков (йокогир, якогил, якол, экэ), но и киренгских тунгусов (никогиры), которые также именовались икогирами (ср.: йокогир, якогил). Учитывая сведения собирателя бурятского фольклора С.П. Балдаева о происхождении нэхэлэевского рода от якутов, Е.В. Павлов предположил, что нэхэ в этнониме-генониме «нэхэлээ» восходит к эвенкийскому «нека» – «якут» [7. С. 90].

Тюркским компонентом в этническом составе саха считается род хангалас, представители которого, выйдя из среднеленских долин, заселили Вилой, Олекму, Верхоянские горы, Колымский край и северо-западную тундру. Наличие этнонима «кангалас» в тунгусской среде вносит путаницу в этническую картину, связывающую этногенез саха с тюркскими народами. В конце XIX в. выражение «семь Кангалатских родов (Кангагирский)» употреблял П.П. Шимкевич [8. С. 12]. Этноним «канагир» (варианты «кагасил», «какыгыр», «какагил», «качагын») является транскрипцией известного тунгусского этнонима «нанагир» и часто служил обозначением кангаласских тунгусов. Согласно В.А. Туголукову, нанагиры вошли в контакт с якутами еще в то время, когда те продвигались от Байкала в область Средней Лены, затем, будучи ассимилированными якутами, ленско-олекминские нанагиры составили ядро Кангаласской волости якутов в XVII в. Далее В.А. Туголуков отмечает, что в якутском языке слово «кангалас» стоит особняком среди других лексических единиц [1. С. 126]. В словаре якутского языка Э.К. Пекарского слово «ханалас» переводится как «гусь-стервятник», «гусь» [9. С. 310].

В.А. Туголуков считает, что слово «кангалас» отражает якутское произношение этнонима «нанагир» и замечает, что эвенки произносят это слово по-своему – как канагир (кангагир), заменяя якутское -лас на эвенкийское -гир. По его полевым данным, этноним «канагир» («кангагир», «канагиль», «канаги») до сих пор бытует на значительной территории расселения восточных эвенков [1. С. 127]. И.И. Майнов считал, что название «Хангагын», «каким в старину обозначали себя кангаласцы», было племенным [10. С. 169].

Однако нас удивляет то обстоятельство, что в документах XVII в. нет никаких известий о тунгусах кангаласского рода. Таким образом, непонятно, как в XVIII–XIX вв. известные всем нанагиры вдруг превратились в кангаласцев. Ответ на этот вопрос дает сам В.А. Туголуков. Так, у него название раздела звучит: «Заселение региона вилюйскими эвенками в XVII–XVIII вв. (кангаласские эвенки)». Как известно, со второй половины XVII в. в Вилой стали мигрировать якуты Кангаласского рода, неоднократно устраивавшие восстания против воеводской власти. В.А. Туголуков пишет о том, что далее стало происходить: «Оформление якутских подгородных и олекминских эвенков в Кангаласскую инородческую управу Восточно-Кангаласского улуса» [1. С. 131]. Таким образом, кангаласцы в составе алдано-олекминских эвенков – это общее племенное название тунгусских мигрантов из Вилой и пределов Восточно-Кангаласского улуса, а не отунгушенных выходцев из якутских волостей. В состав семи родов кангаласцев входили носители чисто тунгусских родовых названий «денма», «баягир», «буллет», «нюрмаган», «сологон» и сами «нанагиры». Согласно В.А. Туголукову, выход кангаласцев на Амур состоялся в начале XIX в. Именно их называли ороченами, так как

они были оленеводами. Они же и составили основу эвенков КНР, которых именуют ороченами и якутами. Следовательно, амурские якуты, которые вышли в основном из кангаласского рода – имеют эвенкийское происхождение.

Название якутского рода байагантай сравнимо с одним из самых многочисленных, широко распространенных тунгусских родов баягир. Этноним «баягир», несомненно, имеет отношение к тюрко-монгольскому и тунгусскому бай, байан, баян – «богатый» [1. С. 230]. Предками баягиров, как и якутских баайага, могут быть выходцы из наиболее северного телесского племени байегу. Байегу и уйгурское племя иологэ политически были связаны с древними уйгурами [Там же. С. 23].

Название крупнейшего якутского рода нам сопоставимо с именем намятского (намясинского) рода конных эвенков Южного Забайкалья XVII в. Намяты, кочевавшие по баргузинской степи, в 1675 г. ушли за Аргунь. Часть намятов, откочевавших в Монголию, начали возвращаться в Забайкалье в первой половине XVIII в. Б.О. Долгих [3. С. 314], а вслед за ним и А.С. Шубин усматривали в этнониме «Намят» тунгусское *ламу* ~ *наму* – «море» [6]. Согласно А.С. Шубину, этноним должен переводиться как «приморские» [1. С. 18].

По утверждению В.А. Туголукова, слово «нам» в указанном значении свойственно эвенскому, а не эвенкийскому языку. Он не был согласен с тем, что данный термин лежит в основе этнонима «намят». Поэтому стал выводить данный этноним от эвенкийского *нама* – «сто», «сотня». Это, по его мнению, позволяет видеть в намятах военно-административный род, конную сотню. Указанная единица могла входить в состав монгольского войска [Там же. С. 250].

Согласно В.А. Туголукову, в 1630 г. хатагины были обнаружены русскими на р. Алдан, ниже устья р. Мая, где и была образована «Каталинская» (по-якутски Хатылынская) ясачная волость. В хатагинах он видит представителей монгольского племени хатагин, имеющих тюркское происхождение [Там же. С. 258]. Видимо, якутские хатылы и северные хатыгыны – объякученные тунгусы – имели единое происхождение, восходящее к монгольскому племени хатагин.

С.А. Федорова на основе идентичности женских хромосом якутов и эвенков утверждала о принадлежности прародителя саха Омोगоя к эвенкам, а не к бурятскому этносу [11]. Действительно, многие элементы языка и культуры якутов говорят о возможности их происхождения в результате тюркизации эвенкийских групп. Так, хомус, мухлен на языке народов Внутренней Монголии – мухлен, считается национальным инструментом эвенков Китая, как и якутов, издревле им свойственным (Внутренняя Монголия, Эвенкийский национальный хошун, г. Наньтунь). У амурских эвенков, по материалам А.И. Мазина, есть сэргэ – тотемное, шаманское дерево, аналогичное коновязи – сэргэ – якутов. У эвенков имеется древний хороводный танец дьюохар; можно предположить, что в нем кроются ис-

токи бурятского еохора и якутского осуохая. Якутское олонхо, рассказываемое речитативом, близко к эвенкийскому нимгнакану.

Если принять за основу тунгусское происхождение якутских этнонимов, то как можно объяснить происхождение тюркоязычных якутов, основываясь на известных нам китайских и других письменных источниках о народах Севера? Так, китайские источники свидетельствуют о наличии скотоводов в северных территориях. Согласно им дахани – «большой народ», имели мало скота, больше пушнины. Рядом с ними жили племена гуй и увань, в которых принято видеть предков тунгусов. Вероятно, дахани и да-шивеи – «большие шивеи» – были одним и тем же народом. У да-шивеев был «никому не понятный язык», возможно, они говорили на сложных тунгусских языках. Да-шивеи в VII в. через Витимо-Олекминский бассейн проникли на территорию Амура, вытеснив шивейские племена, возможных предков монголов. Видимо, тогда начались этнокультурные контакты между тунгусами и монголами, так как в их составе оказались роды со схожими названиями. К ним можно отнести баягиров, иологигов, хатагинов, сартолов, улятов. К да-шивеям бежал последний уйгурский хан Эньен-Тегин вместе с четырьмя уйгурскими племенами. К ним, предположительно, относятся баягиры, хатагины, иологиры и, возможно, кангаласцы, происходящие от гаогуй (канглы). Часть да-шивеев была отуречена, дав начало тюркоязычным саха. Основателем такой гипотезы можно считать Г.В. Ксенофонтова. Это гипотезу можно смело опровергнуть тем фактом, что материалы о бытовании якутской кулун-атахской культуры на Средней Лене ограничиваются XIII в.

Другим средневековым племенем, которое считается результатом тюрко-тунгусского симбиоза, близким и к монголам, можно назвать меркитов. Тюркоязычные меркиты могли оказать этнокультурное влияние на подвластное эвенкийское население таежной зоны Баргузино-Витимского плоскогорья. В результате этих процессов на протяжении XII–XIV вв. мог образоваться тюркоязычный якутский этнос. Возможно, именно они были известны под именем меркитов.

В Баргузинской долине, по эвенкийским сказаниям, вместе жили якуты, баргуты и эвенки. От первых остались роды някугир, якол, вошедшие в состав баргузинских эвенков. Там распространены предания о племени бекри, с которым предки эвенков воевали. Исследователи видят в них меркитов или мекритов. Постольку те под именем «вокарай» также вошли в состав витимских эвенков, то их следует отождествить с конными эвенками. Возможно, именно отуреченные бекри стали известны как якуты.

В эвенкийском фольклоре рассказывается о конных воеводах, вооруженных железными пиками, защищавших лица железными масками. Нападая на эвенков, они убивали мужчин и мальчиков, а женщин и девочек вводили с собой. Борьба между воеводями и эвенками

«продолжалась столетиями». Согласно М.Г. Воскобойникову, все роды баунтовско-витимской тайги объединились в единый народ, противостоявший вокороям [12. С. 19, 35–36]. По материалам П. Малых, эвенки-оленоводы изображаются как орочены, а их противники вокорой – как тунгусы [13. С. 69]. В этом В.А. Туголуков видит противопоставление оленных и скотоводческих групп эвенков [1. С. 170].

В предании, записанном А.А. Дзевенисом, у кангасцев «завоеватели» изображаются следующим образом: у них «даже рога выросли от жадности и крови людей, которых они убили. Эти злые люди были вооружены железными мечами и щитами, а у эвенков были деревянные копыя и мечи да кожаные щиты» [Там же. С. 170].

По предположению В.А. Туголукова, часть вокороев еще до появления русских мигрировала из Северного Забайкалья в более северные районы Сибири [Там же. С. 170–172]. Также он считает, что, несомненно, «вакарай» или «вокорой» – эвенкийская огласовка более древнего тюркского этнонима «меркит». В свою очередь, в тюрко-монгольских этнонимах «мекри» и «мукрин» принято видеть представителей этноса, известного в китайских хрониках под именем «мохэ». Именно мохэ принято считать этническими предками не только чжурчжэней, но и тунгусов. Следовательно, вакараи – меркиты могли быть изначальным тунгусоязычным этносом, который принес тунгусский язык на Север Сибири. Часть их, известная под именем «меркиты», находясь долгое время в тюркском окружении, видимо, давно была отуречена и в таком виде подверглась еще и влиянию монгольских языков.

С.А. Федорова подчеркивает, что более половины совпадающих мт-линий между якутами, эвенками и эвенами относятся к базовым ветвям гаплогрупп С и D, являясь общими для многих популяций Сибири. Для того чтобы определить, является ли это результатом недавних процессов интенсивного смешения территориально близких этносов или, скорее, отражает наличие древнего генетического субстрата, общего для народов прибайкальского происхождения, необходимо проведение исследований особенностей брачной структуры популяций якутов и эвенков. Высокую степень совпадения STR-гаплотипов между популяциями якутов, эвенков и эвенов она объясняет интенсивным переносом N3-линий из популяций якутов к эвенкам и эвенам и слабым обратным потоком СЗс-гаплотипов от эвенков к якутам [11]. В этнографических исследованиях отмечалось, что мужчины-якуты часто женились на эвенкийках, тогда как женщины-якутки редко выходили замуж за эвенков [14].

Генетики констатируют о генетической близости якутов именно с забайкальскими конными эвенками. «Малое содержание гаплогруппы R1a1y якутов может свидетельствовать о том, что тюркский язык был приобретен ими извне, возможно, в результате культурного доминирования пришлой тюркоязычной элиты. Авторы исследования считают, что, скорее всего гаплогруппу N3a тюркоязычные предки саха и эвенков при-

обрели относительно недавно, извне, с территории, близкой к Байкалу, что показывают результаты генетического тестирования эвенков, проживающих в Забайкалье» [15. С. 230].

В этой связи помимо меркитской гипотезы можно выдвинуть урянхайскую гипотезу. Следует указать, что этнограф Г.М. Василевич собрала материалы, свидетельствующие о том, что «уранкай» и «эвенки-уранхай» были самоназваниями древних эвенков [16. С. 65–77]. По устным сведениям исследователя эвенкийского фольклора Г.И. Варламовой (Кэптукэ), в эвенкийском языке употребительно устойчивое словосочетание «аи-уранкай», имеющее значение «настоящий человек, истинный человек», к которым относятся жители верхнего и среднего миров.

Можно обратить внимание и на тот факт, что эвенкийские и якутские сказания под словом «уранкай-ураанхай» имеют в виду удалого человека или просто обитателей известного им мира людей. Так, эвенкийские информаторы Г.М. Василевич дали такие сведения о термине уранкай: «У меня нет никакого скота, я уранкай», «ведь должны же быть уранкай, похожие на нас», «я знаю уранкаев всех трех земель», «от какого уранкай ты произошел», «давно, давно, когда уранкаев не было» [Там же. С. 63].

По утверждению Г.В. Ксенофонтова, якутские уранхай принадлежали к тунгусским племенам Маньчжурии, но еще в древности утратили свои этнические признаки и усвоили целиком турецкий язык и культуру [17. С. 186–187]. Он предполагал, что этноним «уранкай» вошел в язык саха в процессе ассимиляции тюркоязычными саха аборигенов края тунгусов или эвенков. Сторонники тунгусского происхождения этнонима «ураанхай» выводили происхождение этнонима «урянхай» от слов *орон* – «олень» [Там же], или *урэнкэн* – «житель горной тайги» [16. С. 65–67].

Г.В. Ксенофонтов обратил внимание на рассказы о «старике Ураанькаане», распространенные у саха Верхоянского, Верхневилуйского и Жиганского улусов. В этом имени он видел древний вариант слова «ураанхай» и подчеркивал тот момент, что Ураанькаан был исключительно охотником и рыболовом, питался только «вонючей рыбой да сухими зайцами» [17. С. 178]. Весьма популярную и распространенную поговорку «Саха саара, ураанхай буура» Г.В. Ксенофонтов перевел как: «(То же что) у саха вол, у урянхайцев – олень-самец». Таким образом, саха почитали быка, а ураанхайцы – оленя-самца. Отсюда Г.В. Ксенофонтов сделал вывод о том, что «когда-то в глубокой древности первичное ядро народа ураанькаан или ураанхай состояло из оленеводов» [Там же. С. 180].

Весьма любопытно, что Г.М. Василевич на основе китайских источников сделала вывод о том, что еще в X в. одни уранкай были оленными охотниками, подтверждает гипотезу о том, что уранкай – горно-таежные охотники тунгусы, а другие уранкай могли

вести скотоводческое хозяйство; это были те урянкай, которые давали дань крытыми носилками [16. С. 77].

Однако урянхайцы в летописях китайских династий упоминаются под именами улянга, волянга, и нет сведений об их связи с курыканами. Например, в китайской летописи урянхаец (волянга) нарисован в короткой, распашной, меховой одежде, в коротких штанах, к переду которых прикреплен передник из листьев, с босыми ногами, а курыканы и туматы, «подобно татарам», изображались в длинных халатах и сапогах [Там же. С. 65–77]. Таким образом, древние урянхайцы принадлежали к тунгусо-маньчжурской этнической среде, затем под этим именем становятся известны тюркские и монгольские племена.

Целые эвенкийские роды переходили на якутский язык и ведение скотоводческого хозяйства. Виллойские якуты произошли в результате синтеза выходцев из Центральной Якутии – в основном кангаласцев из родов джархан и бордонг – и местных эвенкийских родов. Об этом свидетельствуют и названия улусов, имеющих эвенкийское происхождение, например: Сунтаар про-

изошло от названия озера, образованного от тунгусского слова в значении «глубокое»; Нюрба – от имени тунгусского рода ньурбачаан; Бюлюю (Виллой) – возможно, от имени рода буляши (булэн). Многие этнографы писали об объединении тунгусов с якутами на территории Якутии. Так, по происхождению эвено-эвенкийскими улусами считаются Жиганский (от имени эвенкийского рода эдыгээн), Олекминский, Усть-Майский, Оймяконский, Аллаиховский и Анабарский.

Таким образом, еще южные предки саха могли иметь глубокие этнические связи с тунгусо-маньчжурскими народами. Проживая рядом, они могли вступать в этнические контакты с предками тунгусо-маньчжурских народов. Изначальное тунгусо-маньчжурское этническое происхождение могли иметь носители этнонимов «меркит» («мекрит»), «урянхай» («ураанхай»), «байырку» («баегу»), которых затем включили в состав монгольских и тюркских народов. Именно в результате таких взаимных ассимиляционных процессов и мог образоваться народ саха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туголуков В.А. Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Сибирские промыслы, 2013. 352 с.
2. Сидоров Е.С. Этноним саха // Этническая ономастика. М., 1984. С. 41–43.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960. 600 с.
4. Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке. М.: Наука, 1974. 246 с.
5. Подмаскин В.В. Проблема этногенеза и этнической истории тунгусо-маньчжуров: по материалам народных знаний (XIX–XX вв.) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения). Владивосток: Наука, 2008. С. 182–205.
6. Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 108 с.
7. Павлов Е.В. Реконструкция генезиса западно-бурятского (эхиритского) рода нэхэлэ: к проблеме интерпретации взаимодействия раннеякутских этнических групп и предбайкальских бурят // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста, 2008. Вып. 2. С. 85–91.
8. Шимкевич П.П. Современное состояние инородцев Амурской области и бассейна Амгуни // Приамурские ведомости. 1895. № 65–66.
9. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 13 т. СПб.; Пг.; Л., 1907–1930. 726 с.
10. Майнов И.И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Иркутск, 1898. 214 с.
11. Федорова С.А. Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. Якутск, 2008. 235 с.
12. Воскобойников М.Г. Эвенкийские народные предания – улгурил // Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л., 1965. С. 66–73.
13. Малых П. Несколько слов о орононах и их фольклоре // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936. С. 134–142.
14. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Ассоциация «Российская политическая энциклопедия», 1993. 736 с.
15. Харьков В.Н., Степанов В.А., Медведева О.А., Спиридонова М.Г., Максимова Н.Р., Ноговицина А.Н., Пузырев В.П. Происхождение якутов: анализ галлопипов Y-хромосомы // Молекулярная биология. 2008. Т. 42, № 2. С. 226–237.
16. Василевич Г.М. Урянкай-эвенки // Доклады по этнографии. Л., 1966. Вып. 3. С. 59–93.
17. Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск: Бичик, 1992 (1937). Т. I, кн. I. 416 с.

Vasily V. Ushnizkiy. Institute of humanitarian studies and problems of small peoples of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia). E-mail: voma@mail.ru

Sardaana A. Alekseeva. Institute of humanitarian studies and problems of small peoples of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia). E-mail: alexeeva_sar@mail.ru

PROBLEMS OF INTERETHNIC INTERACTION BETWEEN SAKHA AND EVENKS

Key words: Saha; Evenks; ethnogenesis; Siberia; generic composition; ethno-cultural contacts; genetics.

This article examines the interaction between Sakha and Evenks. Researchers always paid attention to the proximity of ethnonyms between the two peoples. The self-name of Sakha is associated with the words Sakhalian, Saharan in the Tungus-Manchu languages with the meaning of “hunting”, “hawking”, “raiding”. With the name of the Yakuts, carriers of Evenk ethnonyms yokohir ~ kakagil (yakol) in the north of Lake Baikal are compared.

The ethnonym uranhai is the old self-name of the Sakha people. G.V. Ksenofontov believed that the name of Urahanhai was included in the composition of the Sakha, during the assimilation of the Evenki Sakha by the ancestors. G.M. Vasilevich collected materials proving that the terms “urankai” and “Evenki-uranhai” appeared as a self-name of the Evenks of Transbaikalia.

It was also noted the presence of genera with the name kangalas among Sakha and Evenks of Priamurye. The authors conclude that the Kangalas in the Aldan-Olekma Evenks are a common tribal name, the Tungus migrants from Vilyui and the limits of the East Kangalasi ulus. The name of the Yakut clan of Bayagantai is comparable to the name of one of the most numerous and widely distributed Tungusic genus Bayaghir. The ancestors of Bayaghir, as well as the Yakut baaiga, may be from the northernmost Teles tribe of Bayegh. The name of the Yakut clan is comparable to the name of the Namyat (Namyasin) clan of equestrian Evenks of the Southern Transbaikalia of

the 17th century. The information of the Evenk folklore about the horse-breeding people is interesting, which were assimilated by the vokar. They tend to see the Turkic or Mongolian tribe of Merkit.

The change in the way of life, the transition from cattle breeding to the management of hunting and reindeer husbandry, led to a change in ethno-consciousness. Thus, appeared Yakut-speaking Tungus reindeer herders and Tungus-speaking generic groups with Yakut ethnonyms. Entire Tunguska births passed to the Yakut language and cattle breeding. So the origin of the ethnic group of the Vilyui Yakuts is related to the migration of people from Central Yakutia - mostly kangalas by local Evenk clans. Many ethnographers wrote about the merger of Evenk groups with the Yakuts in the territory of Yakutia. Entire areas of Yakutia were formed as a result of such ethnic interaction. The Tunguso-Yakut mixed origin has an indigenous population of Zhigansky (on behalf of the Evenk genus edygene), Olekminsk, Ust-May, Oimyakon, Allaikhovsk and Anabar districts.

However, even the southern ancestors of the Sakha could have deep ethnic ties with the Tungus-Manchurian peoples. The Turkic-Mongolian ancestors of the Sakha, living side by side, could enter into ethnic contacts with the ancestors of the Tungus-Manchurian peoples. The original Tungus-Manchurian ethnic origin could have carriers of ethnonyms merkit (mekrit), uranyhai (uraanhai), bayyrku (baegu), which were then included in Mongolian and Turkic peoples.

REFERENCES

1. Tugolukov, V.A. (2013) *Evenki Vostochnoy Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The Evenks of Eastern Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk: Sibirskie promysly.
2. Sidorov, E.S. (1984) Etonim sakha [The ethnonym 'Sakha']. In: Dzharylgasinova, R.Sh. & Nikonov, V.A. (eds) *Etnicheskaya onomastika* [Ethnic onomastics]. Moscow: Nauka. pp. 41–43.
3. Dolgikh, B.O. (1960) *Rodovoy i plemennyi sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Tribal composition of the Siberian peoples in the 17th century]. Moscow: Nauka.
4. Melikhov, G.V. (1974) *Man'chzhury na severo-vostoke* [Manchus in the northeast]. Moscow: Nauka.
5. Podmaskin, V.V. (2008) Problema etnogeneza i etnicheskoy istorii tunguso-man'chzhurov: po materialam narodnykh znaniy (XIX – XX vv.) [The problem of ethnogenesis and ethnic history of the Tungus-Manchu: on the basis of folk knowledge (the 19th – 20th centuries)]. In: Dyakova, O.V., Sidorenko, E.V. & Shavkunov, V.E. (eds) *Tunguso-man'chzhurskaya problema segodnya (Pervye Shavkunovskie chteniya)* [Tungus-Manchu problem today (The First Shavkunov Readings)]. Vladivostok: Nauka. pp. 182–205.
6. Shubin, A.S. (1973) *Kratkiy ocherk etnicheskoy istorii evenkov Zabaykal'ya* [A Brief Sketch of the Ethnic History of the Transbaikalia Evenki]. Ulan-Ude: Buryat. kn.izd-vo.
7. Pavlov, E.V. (2008) Rekonstruktsiya genezisa zapadno-buryatskogo (ekhiritskogo) roda nekelee: k probleme interpretatsii vzaimodeystviya ranneyakutskikh etnicheskikh grupp i predbaykal'skikh buryat [Reconstruction of the genesis of the West Buryat (Ekhirite) Nehelee: on interpreting the interaction of the Early Yakut ethnic groups and the pre-Baikal Buryats]. *Problemy etnogeneza i etnicheskoy kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov*. 2. pp. 85–91.
8. Shimkevich, P.P. (1895) Sovremennoe sostoyanie inorodtsev Amurskoy oblasti i basseyna Amguni [The non-Russians in Amur Region and the Amguni basin]. *Priamurskie vedomosti*. 65-66.
9. Pekarsky, E.K. (1907–1930) *Slovar' yakutskogo yazyka: v 13-t.* [Dictionary of the Yakut language: in 13 vols]. St. Petersburg; Petrograd; Leningrad: [s.n.].
10. Maynov, I.I. (1898) *Nekotorye dannye o tungusakh Yakutskogo kraya* [Some data on the Tunguses of the Yakutsk Territory]. Irkutsk: P.I. Makushin.
11. Fedorova, S.A. (2008) *Geneticheskie portrety narodov Respubliki Sakha (Yakutiya): analiz liniy mitokhondrial'noy DNK i Y-khromosomy* [Genetic portraits of the peoples of the Republic of Sakha (Yakutia): analysis of mitochondrial DNA and Y-chromosome lines]. Yakutsk: SB RAS.
12. Voskoboynikov, M.G. (1965) Evenkiyskie narodnye predaniya – ulguril [Evenki folk legends – ulguril]. In: Voskoboynikov, M.G. (ed.) *Yazyki i fol'klor narodov Kraynego Severa* [Languages and folklore of the peoples of the Far North]. Leningrad: State Pedagogical Institute. pp. 66–73.
13. Malykh, P. (1936) Neskol'ko slov o orochonakh i ikh fol'klore [A few words about the Orochons and their folklore]. In: Alkor, Ya.P. (ed.) *Sbornik materialov po evenkiyskomu (tunguskomu) fol'kloru* [Collection of materials on Evenki (Tungus) folklore]. Leningrad: Institute of the Peoples of the North. pp. 134–142.
14. Seroshevsky, V.L. (1993) *Yakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: An Ethnographic Study]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.
15. Kharkov, V.N., Stepanov, V.A., Medvedeva, O.A., Spiridonova, M.G., Maksimova, N.R., Nogovitsina, A.N. & Puzyrev, V.P. (2008) Proiskhozhdenie yakutov: analiz gallotipov Y-khromosomy [The origin of the Yakuts: analysis of the Y-chromosome gallotypes]. *Molekulyarnaya biologiya – Journal of Molecular Biology*. 42(2). pp. 226–237.
16. Vasilevich, G.M. (1966) Urankai-evenki [The Urankai Evenks]. *Doklady po etnografii*. 3. pp. 59–93.
17. Ksenofontov, G.V. (1992) *Uraankhay-sakhalar. Ocherki po drevney istorii yakutov* [Uraanhai Sahalar. Essays on the Yakut ancient history]. Vol. 1. Yakutsk: Bichik.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 94: 001 (571.1/.5)
DOI: 10.17223/19988613/61/21

В.В. Расколец, А.Н. Сорокин

СТАНОВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КАДРОВ ПРИ ИНСТИТУТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ И ЕГО РОЛЬ В ПОДДЕРЖКЕ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-49-703004 р_мол_а «Университет и интеллектуальный капитал: исторический опыт и ответы на вызовы современности вузовского комплекса Томска в XX–XXI вв.», гранта Президента РФ, проект № МК-2268.2018.6 «Молодежный вектор развития науки, образования и инноваций и его вклад в развитие интеллектуального капитала Западной Сибири, отечественной и мировой науки, социокультурной и экономической модернизации страны в XX – начале XXI вв.», Анализ взаимодействия Института исследования Сибири с Томским и Московским университетами осуществлен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00485).

На основе широкого круга источников, документальных публикаций и литературы изучается деятельность Института исследования Сибири (ИИС) по подготовке научных кадров и поддержке молодых ученых. Определяется место подготовки ученых и спонсирования научных исследований в деятельности ИИС. Авторы выявляют формы организации подготовки кадров при ИИС, случаи спонсирования научных исследований молодых ученых и вовлечения их в научную работу. По итогам статьи сделан вывод, что ИИС, несмотря на короткий период своего существования, внес вклад в подготовку исследовательских кадров и поддержку молодых ученых.

Ключевые слова: Институт исследования Сибири; Гражданская война в Сибири; подготовка научных кадров; К.М. Быков; В.Д. Кузнецов; А.Н. Криштофович; Н.Н. Урванцев; С.А. Теплоухов; С.И. Руденко; М.П. Грязнов.

На современном этапе развития общества именно наука является его главной движущей силой. Ключевым фактором, способствующим повышению конкурентоспособности государств на мировой арене, стало эффективное использование имеющихся интеллектуальных ресурсов, и, в первую очередь, молодых ученых – будущего науки. В настоящее время в России выработана целостная стратегия подготовки и поддержки молодых ученых, а также развития кадрового потенциала страны. Однако так было не всегда.

В тяжелые годы Гражданской войны поддержка науки на территории России оказывалась в минимальной степени и по стратегически важным направлениям. Судьба же ученого сословия в целом была незавидна. Множество деятелей науки погибло от голода и болезней, другая часть была вынуждена оставить научные изыскания в поисках средств к существованию. По всей стране и на территории, контролируемой советской властью, и на территории антибольшевистских правительств возникли десятки научных учреждений, позволивших интеллектуальным силам страны продолжать и развивать свою работу, не заботясь о материальном достатке.

Одним из таких учреждений стал Институт исследования Сибири (ИИС), основанный в 1919 г. Обращение к истории деятельности ИИС в области подготовки научных кадров, а также поддержки молодых ученых позволит выявить специфику региональной стратегии научной общественности в этих вопросах, а также определить механизмы и пути ее реализации в услови-

ях политического и социально-экономического кризиса Гражданской войны.

Проблема подготовки кадров при ИИС в небольшой статье исследовалась И.А. Дунбинским [1]. На основе исследовательской литературы, материалов из фондов архива ГАТО и периодической печати им был рассмотрен сюжет, связанный с организацией курсов по подготовке исследователей природы при ИИС. Деятельность некоторых молодых исследователей на съезде по организации Института исследования Сибири, а затем в отделах, отделениях и комиссиях ИИС была изучена в двух обширных статьях коллектива томских исследователей [2, 3]. Эти статьи были размещены в сборниках документальных публикаций. В приложениях этих сборников содержались биографии ряда молодых исследователей, причастных к работе ИИС. Ценными при изучении данной проблемы представляются биографические словари профессоров Томского университета и Томского технологического института, в которых представлены биографии ряда молодых исследователей ИИС [4–6]. Также стоит упомянуть некоторые работы, посвященные ученым, работавшим в контакте с Институтом исследования Сибири [7–9]. В действительности этих исследований намного больше, однако далеко не во всех освещается период жизни того или иного ученого в годы революции и Гражданской войны и, тем более, его связь с Институтом исследования Сибири. По итогам краткого историографического обзора проблемы стоит отметить, что, несмотря на имеющийся на сегодня научный задел, целостного рассмотрения по-

литики ИИС в области подготовки научных кадров и поддержки молодых ученых в отечественной историографии не проводилось.

Целью данной статьи является выявление вклада Института исследования Сибири в подготовку научных кадров и поддержку молодых исследователей. Формы, в которых отразился этот вклад, их наполнение являются предметом данной работы.

Первая мировая война, революция и Гражданская война крайне негативно сказались на состоянии ученой корпорации в России, подавляющая часть которой проживала в Петрограде и Москве. Основными факторами, ухудшившими ее материальное положение, стал голод, охвативший поначалу центральную часть страны и распространившийся затем на периферию, а также набирающая обороты инфляция, вызванная денежной эмиссией и общим сокращением товарооборота. По подсчетам профессора В.М. Арциховского, сделанным летом 1919 г., с начала Первой мировой войны покупательная способность профессора в Российской империи снизилась почти в 14 раз, в то время как цены возросли местами в несколько сот раз и надбавки не поспевали за инфляцией [10. С. 161].

Миграция ученых, имевшая в начальные годы Первой мировой войны периодический, сезонный характер, после Октябрьской революции стала постоянным явлением. Большинство ученых не приняли советскую власть и после октябрьских событий под различными предлогами (по состоянию здоровья, семейным обязательствам, запланированным научным командировкам, отпуску, избранию по конкурсу на должность в другом учебном заведении и т.д.) стремились покинуть центральную часть России. Ученые переселялись на Украину, Урал, в Поволжье, Крым и Сибирь. Часть исследователей, уже находившаяся в научных командировках или экспедиционных исследованиях, не всегда возвращалась в центральную часть России, мотивируя (уже при советской власти) свои действия, как правило, отрезанностью линией фронта Гражданской войны. По замечанию А.Н. Еремеевой, «эти версии много десятилетий транслировались в биографических текстах» [10. С. 5]. Все это, конечно, не касается профессорско-преподавательского состава Варшавского, Юрьевского, отчасти Петроградского университетов и др., ранее эвакуированного вглубь страны.

Ища спасения от красных на территории антибольшевистских правительств, ученые несли с собой свет просвещения и научного развития. Именно с помощью эвакуированных ученых были созданы университеты в Тифлисе, Баку, Симферополе, Владикавказе, Екатеринодаре, Екатеринославе, Херсоне; сельскохозяйственные вузы в Одессе и Ставрополе; коммерческий институт в Ростове-на-Дону; археологические – в Киеве и Ростове-на-Дону; педагогический вуз в Новочеркасске; Академия художеств в Киеве и т.д. [10. С. 80]. Стремительное научное развитие южной части России, строительство высших учебных заведений, обсерваторий,

библиотек, консерваторий и др. создавало рабочие места для исследователей, а также позволяло продолжить занятия студентам.

А что же происходило в Сибири, куда устремился восточный вектор миграции ученых и студентов? Их приток в эту часть страны также положительно сказался на развитии науки. Так, при посредничестве прибывших в Сибирь ученых были основаны университеты в Иркутске и Владивостоке, сельскохозяйственный вуз в Омске.

Особенно интенсивной была эвакуация профессорско-преподавательского состава из Казани и Перми. В Томск были эвакуированы почти в полном составе ученые Казанского и Пермского университетов. Согласно данным, приведенным В.Л. Соскиным, в Томск из этих городов прибыло не менее ста исследователей [11. С. 59]. В Томске к работе приступили несколько десятков первокурсных казанских специалистов – анатом Н.Д. Бушмакин, политэкономы В.Ф. Залеский и Б.Е. Будде, педиатр В.К. Меньшиков, офтальмолог А.Г. Агабабов, историк М.М. Хвостов, археологи С.А. Теплоухов и В.Ф. Смолин, терапевты А.Н. Казем-Бек и В.Ф. Орловский, акушер-гинеколог А.И. Тимофеев, ботаник А.М. Алексеев, физиолог К.М. Быков, физико-географ В.Н. Сементовский, физик И.А. Соколов и др. [12. С. 351].

Не менее выдающиеся ученые прибыли из Пермского университета. В их числе астроном К.Д. Покровский, философ Н.Н. Фиолетов, химики Д.М. Марко и Ю.С. Залькинд, зоолог В.Н. Беклемишев, физиолог Б.Ф. Вериго, ботаники А.А. Рихтер, А.Н. Генкель, П.В. Сюезев, правоведы В.Ф. Глушков, В.Н. Дурденевский, А.Н. Круглевский, А.М. Горовцев и др.

Многочратно увеличилось число студентов в Томске. Их количество увеличилось в Томском университете с 1 192 в январе 1917 г. до 4 945 человек к началу 1919 г., а в Томском технологическом институте за тот же период – с 479 до 903 человек.

Все же, несмотря на стремительный рост научного потенциала, томские вузы в годы революции и Гражданской войны переживали не лучшие времена. Уже в сентябре 1917 г. Томский университет, по словам профессора юридического факультета И.И. Аносова, «находился в критическом положении» [Там же. С. 346]. Сократились ассигнования университету со стороны правительства, вследствие чего исчезло необходимое для исследований оборудование, прекратилось поступление книг в библиотеку, почти полностью прекратились научные командировки за рубеж. В Томске не хватало продовольствия, стремительно росли цены на продукты питания и предметы первой необходимости. Если в начале января 1919 г. томская газета «Сибирская жизнь» стоила 50 коп., то в конце декабря – уже 4 руб. Прожиточный минимум в Томске на одного взрослого человека с 1 мая по 1 декабря 1919 г. вырос с 592 руб. 15 коп. до 1 712 руб. 40 коп., т.е. более чем в 4 раза.

Железнодорожная разруха, сокращение конского состава, вызванное постоянными мобилизациями, привели к перебоям в снабжении дровами сибирских городов, в особенности г. Томска, и статьи о дровяном голоде становились отдельной рубрикой «Сибирской жизни», когда наступали заморозки. Из-за нехватки дров страдали не только жители города, но и учебные помещения, лаборатории и кабинеты вузов, в которых стало невозможно вести ни преподавательскую, ни научную работу.

Наплыв беженцев и расквартировка военных соединений колчаковской армии в городах Сибири спровоцировали еще один кризис – жилищный. Здания Томского университета и Томского технологического института не раз использовались для размещения войск, расположения научных и административных учреждений. И только возмущение многочисленных письменных протестов со стороны ректоров хоть как-то позволяло вузам вести работу.

Описанное выше лишь в общих чертах иллюстрирует ситуацию, в которой оказались ученые вообще и сибирские исследователи в частности. Голод, постоянная растущая дороговизна, страх перед будущим создавали невыносимые для исследователей условия, которые многие из них не пережили. Только по данным номеров журнала «Наука и ее работники», за 3 года, с 1918 по 1921 г., от голода, холода, болезней и репрессий погибло 178 ученых. Особенно тяжело пришлось молодым исследователям, перед которыми постоянно стоял соблазн ухода из науки и переключения на другие виды деятельности, с помощью которых можно было добыть средства к существованию. Нельзя не согласиться с мнением Э.И. Колчинского, что именно продолжение научной деятельности «было одним из главных способов выживания науки в условиях глубочайшего социально-политического и экономического кризиса, переживаемого Россией в годы беспощадной гражданской войны» [13. С. 428]. Именно этим обстоятельством Э.И. Колчинский объяснил масштабный рост научных учреждений по всей России [Там же. С. 404–405].

А.Н. Еремеева, в свою очередь, указывала на ничуть не менее значимый фактор выживания ученых в эти годы – возможность для исследователей с головой погрузиться в науку и тем самым отвлечься от ужаса происходящих событий. Именно коммуникация между исследователями, по ее утверждению, «обеспечивала моральную поддержку, передачу опыта выживания в кризисном социуме» [10. С. 156].

Что позволило ученым, в том числе молодым исследователям, оказавшимся в Сибири, продолжать научную деятельность? Одним из проектов вовлечения молодых исследователей в научную работу в условиях социально-экономического и политического кризиса стал Институт исследования Сибири. На основе анализа биографических данных деятелей, причастных к ИИС, нами была сделана выборка из 62 исследователей в возрасте до 35 лет включительно. Поскольку в России

не существовало определения «молодой ученый» и возраст становления того или иного исследователя зависел исключительно от его таланта, возрастное ограничение установлено, исходя из современных стандартов научных фондов Российской Федерации. Одним из условий выборки было продолжение плодотворной научной деятельности исследователя после работы с Институтом исследования Сибири.

Прежде чем перейти к рассмотрению сотрудничества ИИС с молодыми исследователями, коротко остановимся на истории самого института. Первая серьезная попытка воплотить идею создания ИИС на практике произошла на Первом сибирском метеорологическом съезде, проходившем в г. Иркутске в конце октября 1917 г. Его участники пришли к выводу о желательности создания учреждения, которое занималось бы систематизацией уже добытых знаний и координацией исследований в масштабах всей Сибири. Юридически эта идея была оформлена Временным положением об ИИС [14. С. 294–296].

Октябрьская революция и последовавшая за ней Гражданская война помешали претворению в жизнь намеченных планов. Только после установления в ноябре 1918 г. диктатуры адмирала А.В. Колчака началась подготовка к созыву съезда по организации ИИС в г. Томске. Этот съезд должен был стать «смотром» научных сил Сибири, поскольку здесь ведущие ученые планировали обсудить ключевые проблемы в самых разных отраслях науки.

Съезд по организации ИИС открылся 15 января 1919 г. Несмотря на суровые зимние условия и сложности с железнодорожным транспортом, на съезде было представлено около 240 делегатов от 17 городов Сибири, Урала и Европейской России. Работа велась на общих заседаниях, где вырабатывалась конструкция будущего учреждения, принципы его работы, форма управления и др., а также на секционных заседаниях, где обсуждались ключевые проблемы сибирской науки в таких областях, как геофизика, геодезия, гидрология, ботаника, зоология, сельское хозяйство, почвоведение, химия и химическая технология, геология и горное дело, история, археология, этнология, статистика, экономика и т.д. Тематика работы секций была ориентирована на решение не только теоретических, но и прикладных задач, в том числе по развитию народного хозяйства, востребованных уже в период индустриализации.

Из 62 выявленных нами исследователя участие в работе съезда по организации ИИС приняло чуть более половины – 32 человека. Среди участников съезда присутствовали выдающиеся впоследствии деятели отечественной науки: академик АН СССР и АМН, заслуженный деятель науки РСФСР К.М. Быков, создатель томской научной школы физики твердого тела, один из основателей СФТИ В.Д. Кузнецов, академик АН Украины, член-корреспондент АН СССР А.Н. Криштофович, профессор по кафедре минералогии и кристалло-

графии, старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала АН СССР А.М. Кузьмин, профессор систематики низших растений, декан биологического факультета ТГУ Н.Н. Лавров, профессор кафедры аналитической химии ТГУ М.П. Орлова, инженер-металлург, доктор технических наук В.А. Пазухин, один из первооткрывателей Норильского рудного района, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР Н.Н. Урванцев и др. [15. Ч. 5. С. 19–28]. Возраст участников съезда колебался от 20 (В.А. Пазухин) до 34 лет (М.А. Винокуров, Б.П. Денике, А.Н. Криштофович, П.Г. Любомиров, А.И. Прибытков) включительно. Средний возраст участников выборки составил чуть менее 30 лет.

13 из 32 ученых не только приняли участие в работе съезда по организации Института исследования Сибири, но и впоследствии работали в контакте с самим институтом после его оформления в статусе правительственного научного учреждения. В области естественных и точных наук присутствовали: заведующий геодезическим отделом Урало-Сибирского отделения Геологического комитета И.Д. Андросов, профессор кафедры морфологии и систематики растений Казанского университета В.И. Баранов, основатель Института оленеводства ВАСХНИЛ, крупный полярный исследователь Б.Н. Городков, старший научный сотрудник, заместитель директора Геологического института АН СССР М.Ф. Нейбург, директор Института биологии Киргизской академии наук, заслуженный деятель науки Киргизской ССР Е.В. Никитина, заведующий геофизической лабораторией Томского технологического института А.И. Прибытков, член Докучаевского почвенного комитета, впоследствии заведующий почвенно-ботаническим бюро Оренбургского губернского земельного управления М.И. Рожанец.

В области социально-гуманитарных наук стоит упомянуть профессора МГУ, затем Ленинградского института философии, литературы и истории, директора Музея восточных культур (Государственного музея искусств народов Востока) Б.П. Денике, профессора кафедры классической филологии Латвийского университета Э.Ф. Дилия, главного библиографа, заведующего научно-библиографическим отделом Государственной библиотеки по народному образованию имени К.Д. Ушинского Н.А. Зиневича, директора Хакасского музея, заслуженного работника культуры РСФСР А.Н. Липского, действительного члена археографической комиссии Академии наук СССР, преподавателя вузов Саратова, Москвы П.Г. Любомирова и, наконец, будущего профессора Казанского университета, преподавателя Казанского пединститута В.Ф. Смолина.

Участие в работе съезда дало молодым исследователям ценный опыт и знания о современных проблемах науки в Сибири и за ее пределами. Вместе с тем съезд способствовал установлению научных контактов между исследователями из самых разных частей России. Из 32 молодых исследователей, принявших участие в ра-

боте съезда, четверо представляли Казанский университет (Е.Б. Будде, К.М. Быков, В.И. Баранов, В.Ф. Смолин), трое – учреждения Петрограда (Б.Н. Городков, А.Н. Криштофович, М.И. Рожанец) и один – г. Хабаровск (А.Н. Липский).

Таким образом, на съезде закладывались основы для формирования коммуникаций как между исследователями внутри сибирского региона, так и между исследователями различных регионов России (Сибири, Урала, Европейской России и др.) по линии как отдельных научных отраслей, так и между представителями различных отраслей науки. Установки на координацию усилий исследователей, формирование сетей научной коммуникации способствовали складыванию модели междисциплинарных исследований в сибирской и шире – российской науке. Переход к данному этапу организации научных исследований стал одной из предпосылок на пути к научному планированию, обозначившемуся уже в советский период. Вместе с тем координация исследований позволяла решать задачи более сложного характера.

По итогам работы съезда было принято Положение об Институте исследования Сибири, в котором прописывались цель этого учреждения, его компетенция, структура, состав, юридические права и форма управления. Целью ИИС провозглашалось «планомерное научно-практическое исследование природы и населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического развития» [15. Ч. 4. С. 1]. В понятие «исследование» включалось многое: начиная от систематизации изученного в прошлом, поощрения исследований и заканчивая снаряжением экспедиций, организацией различного рода обследований, устройства наблюдательных и испытательных станций и др. Примечательно, что одной из мер для достижения этой цели было провозглашено «поощрение научных и научно-практических исследований», а также «содействие подготовке кадров исследователей и инструкторов по различным специальностям».

После утверждения Положения в правительстве А.В. Колчака летом 1919 г. институт учреждался в составе шести отделов: географического с подотделами геодезии, геофизики и гидрологии; бальнеологии и курортоведения; естественно-исторического с подотделами ботаники, зоологии, сельского хозяйства и лесоведения; промышленно-технического; историко-этнологического; статистико-экономического в составе статистического и экономического подотделов [16. 25 окт.]. Помимо центра ИИС в Томске, учреждалось два отделения: Средне-Сибирское в Иркутске и Дальневосточное во Владивостоке (последнее так и не смогло организовать научные исследования, несмотря на ассигнования, выделенные из Томска). Смета ИИС на 1919 г. с изначальной установленной на съезде суммы в 8 млн руб. сократилась до 1 млн 635 тыс. руб. В этих условиях начал свою работу Институт исследования Сибири.

30 из 62 исследователей приняли участие в работе ИИС уже после его организации. Среди них находим не менее выдающихся впоследствии деятелей. В области естественных наук это были: заведующий кафедрой металловедения и термической обработки металла Сибирского металлургического института, заслуженный деятель науки и техники РСФСР Г.В. Грдин, заведующий сектором Средней Азии и Кавказа Института истории материальной культуры М.П. Грязнов, директор Института геологических наук АН СССР, организатор и директор Лаборатории вулканологии АН СССР, академик-секретарь отделения геолого-географических наук АН СССР А.Н. Заварицкий, один из основателей томского орнитологического общества им. С.А. Бутурлина П.М. Залесский, заведующий географическим отделением физико-математического факультета ТГУ А.К. Иванов, старший сотрудник Ботанического института АН СССР О.Э. Кнорринг-Неуструева, профессор, заведующая кафедрой оптики и спектроскопии, декан физико-математического факультета Томского университета В.М. Кудрявцева, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института удобрений и агропочвоведения, старший ботаник Государственного географического музея в Ленинграде С.Е. Кучеровская-Рожанец, сотрудник Физического института АН СССР, академик Г.С. Ландсберг, создатель научной школы химиков-органиков, заслуженный деятель науки и техники РСФСР Б.В. Тронов, создатель томской школы гляциологии, заслуженный деятель науки РСФСР М.В. Тронов, директор Крымской астрофизической обсерватории, академик АН СССР Г.А. Шайн и др.

В области социально-гуманитарных наук упомянем члена Русского библиографического общества, инициатора и редактора капитальных трудов по библиографии Сибири и Дальнего Востока Н.В. Здобнова, видного представителя томской археологической школы И.М. Мягкова, заведующего археологическим отделом музея антропологии и этнографии РАН, организатора и руководителя кафедры археологии и этнографии Иркутского университета Э.Б. Петри, заведующего кафедрой истории журналистики филологического факультета ЛГУ А.В. Предтеченского, заведующего кафедрой антропологии и этнографии Петроградского университета, заведующего этнографического отдела Государственного Русского музея С.И. Руденко, профессора Иркутского, Казанского, Московского университетов, члена-корреспондента АН СССР, члена-корреспондента Болгарской АН А.М. Селищева, известного археолога, сотрудника Государственной Академии истории материальной культуры, хранителя Этнографического отдела Русского музея С.А. Теплоухова, младшего антрополога и хранителя Музея по Антропологическому отделу Академии наук С.М. Широкогова и др.

Таким образом, в ИИС за весь период его существования работало 44 молодых исследователя. Воз-

раст исследователей из выборки колебался от 17 (Грязнов М.П.) до 35 лет (А.Н. Заварицкий, Б.Э. Петри). Средний возраст молодых исследователей, работавших и привлекавшихся для работы в институте составил 29,5 лет. С двумя из них сотрудничество прекратилось к началу 1920 г. (Б.Н. Городков уехал в Петроград, а с С.М. Широкогором была потеряна связь). В то же время к началу 1920 г. в ИИС на постоянной и сдельной основе работало 172 человека, 44 из которых являлись членами отделов института [17. Д. 73. Л. 1–7]. Исключительно в ИИС работали 70 из 172 сотрудников. Учащимися средних и высших учебных заведений (гимназистами, курсистками, студентами) были 41 работник из 70. Из 70 сотрудников, работающих исключительно в ИИС, было лишь двое молодых исследователей: В.Н. Наугольных и Н.В. Здобнов [Там же. Д. 70. Л. 1а–1и]. Остальные исследователи параллельно работали в других учреждениях.

42 молодых исследователя, работавших в ИИС, представляли целый спектр научных отраслей: физику, химию, астрономию, геологию, ботанику, почвоведение, археологию, этнографию, антропологию, филологию и др. Как и в случае со съездом по организации ИИС в институте были представлены не только ученые г. Томска, но и деятели Петрограда (Б.Н. Городков, А.Н. Заварицкий, С.И. Руденко, М.И. Рожанец, С.Е. Кучеровская-Рожанец, О.Э. Кнорринг-Неуструева), г. Казани (В.И. Баранов, В.Ф. Смолин), г. Иркутска (Э.Б. Петри, А.М. Селищев), г. Омска (Г.С. Ландсберг), г. Хабаровска (А.Н. Липский), и г. Владивостока (С.М. Широкогор). Из 44 молодых исследователей, работавших в контакте с ИИС, 14 являлись представителями других городов. Все вышесказанное позволяет говорить об относительной успешности привлечения институтом молодых сотрудников к научной работе, как в территориальном, так и в научно-отраслевом аспекте.

Указанные обширные связи института с выдающимися деятелями науки, конечно же, не были одинаково стабильными и протекали в различных формах. В судьбе каждого из них ИИС сыграл свою роль и каждый из этих деятелей внес свой вклад в развитие сибирской науки. Тем более что в выборку попали как исследователи, делавшие в науке свои первые шаги (М.П. Грязнов, И.М. Мягков, П.С. Краснопева, В.Н. Наугольных), так и уже довольно маститые ученые (Б.П. Денике, П.Г. Любомиров, И.Д. Андросов и др.). Поэтому важно обратить внимание не только на количественные, но и на, если так можно выразиться, «качественные» показатели сотрудничества ИИС и ученых. Рассмотрим наиболее важные сюжеты в сотрудничестве молодых исследователей и института.

Одной из наиболее важных областей, в которой протекало это сотрудничество, были ботанические и почвоведческие исследования, находившиеся в компетенции естественно-исторического отдела ИИС. В работе естественно-исторического отдела приняли уча-

стие М.И. Рожанец, С.А. Теплоухов, В.И. Баранов и Б.Н. Городков.

Ценным молодым сотрудником отдела был М.И. Рожанец. Он активно участвовал в обсуждении работы над определителем флоры Западной Сибири, а также в создании карты естественных районов Сибири под руководством С.С. Неуструева. М.И. Рожанец был постоянным членом комиссии по организации экспедиций ИИС, работал над организацией почвенного цеха в мастерской учебных пособий. За период работы в институте им были совершены две экспедиции: в Семипалатинскую область «для сбора коллекций почвенных типов для музея отдела», а также в окрестности Томска для производства геоботанических исследований [18. С. 288]. В работе второй экспедиции, а также последующей обработке гербарного материала приняла участие С.Е. Кучеровская-Рожанец. После окончания геоботанических исследований 8 июля 1920 г. в окрестностях г. Томска, М.И. Рожанец попросил Совет ИИС разрешить ему участие в почвенных исследованиях мелиоративного подотдела в Барабинской степи «в качестве почвоведом и руководителя на принципе совместительства» [2. С. 37].

Не менее ценным работником естественно-исторического отдела был С.А. Теплоухов, чей научный авторитет в те годы начинал набирать вес. Он работал в должности секретаря отдела, участвовал в работе комиссии по организации экспедиций ИИС лета 1920 г., составлял списки русских и иностранных периодических изданий для библиографического бюро ИИС. Будучи членом Орнитологического общества им. С.А. Бутурлина, С.А. Теплоухов внес проект об организации Алтайской экспедиции. В работе экспедиции, целью которой являлось изучение орнитофауны Алтая к востоку от Чуйского тракта, приняло участие пять исследователей: П.А. Шастовский, Наршин, И.М. Залесский, А.С. Шостак и Горчаковский. От ИИС для геоботанических работ был командирован профессор В.В. Сапожников, для изучения народных напевов алтайцев – А.В. Анохин, а также один магнитолог [18. С. 270]. Естественно-исторический отдел постановил субсидировать экспедицию в размере 180 тыс. руб. Впоследствии сумма была увеличена.

Большой вклад в работу естественно-исторического отдела внес В.И. Баранов. Помимо составления списков русских и иностранных периодических изданий для библиографического бюро, он, от имени ИИС, принял участие в экспедиции Омского губземотдела для почвенно-ботанических исследований Омского и Калачинского уездов.

Наиболее слабо протекали контакты отдела с Б.Н. Городковым. С 26 мая 1919 г. он находился в ученой командировке от Академии наук по изучению Тобольского Севера и уже 2 ноября 1919 г. подал прошение об отказе от членства в ИИС. Однако в мае 1920 г. он передал запрос на предоставление ему печатных трудов и других изданий ИИС. Вполне вероятно, что

это было сделано, когда исследователь уже вернулся в Петроград, где работал до начала Гражданской войны.

Активное участие в экспедициях естественно-исторического отдела приняли М.Ф. Нейбург, Е.В. Никитина, О.Э. Кнорринг-Неуструева, Б.В. и М.В. Троновы, а также П.М. Залесский. Так, М.Ф. Нейбург командировалась для участия в комплексной Абаканско-Минусинской экспедиции (об этой экспедиции речь пойдет ниже), Е.В. Никитина приняла участие в ботанических работах Обско-Тазовской комплексной экспедиции лета 1919 г. и Тазовской комплексной экспедиции лета 1920 г. [18. С. 119]. О.Э. Кнорринг-Неуструева в качестве ботаника приняла участие в экспедиции в Акмолинскую область по линии проектируемой Южно-Сибирской железной дороги, а также в Карагатской экспедиции. Братья Троновы, несмотря на юный в научном плане возраст, при поддержке ИИС осуществили экспедицию по физико-географическому и естественно-историческому исследованию южных склонов Алтая. Для естественно-исторических исследований в бухте Находка во время проведения Тазовской экспедиции был привлечен П.М. Залесский.

Скромнее выглядит работа географического отдела ИИС с молодыми исследователями. Так, В.М. Кудрявцева была приглашена в роли младшего ассистента для наблюдения за сейсмической станцией технологического института и для обработки сейсмограмм. Летом 1920 г. она была прикомандирована к экспедиции, организуемой Бюро по использованию водных сил Сибири (Сибисполвод) Томского совнархоза на Западный Алтай под руководством С.А. Балакшина. Целью ее поездки был осмотр метеорологических станций и производство магнитных определений по маршруту: Томск – Новониколаевск – Барнаул – Семипалатинск – Усть-Каменогорск – Змеиногорск – Бийск с экскурсиями в стороны [Там же. С. 269].

В качестве магнитологов в экспедициях приняли участие Г.С. Ландсберг (Нижне-Иртышская экспедиция лета 1920 г.) и Г.В. Грдин (Тазовская экспедиция лета 1920 г.). Для определения силы тяжести в Алтайском районе по маршруту Томск – Семипалатинск – Усть-Каменогорск – оз. Марна-Куль – Зайсан – Томск на 3 месяца командировался Г.А. Шайн.

После эвакуации профессорско-преподавательского состава Пермского университета в Сибирь на повестку дня был поставлен вопрос о привлечении отдельных ученых к работам статистико-экономического отдела. Было признано желательным привлечение для работ библиографического характера по вопросам статистики и экономики ряда профессоров, в том числе профессора по кафедре административного права В.Н. Дурденевского и профессора по кафедре истории русского права А.Н. Круглевского [Там же. С. 174].

Плодотворным было сотрудничество ИИС с учеными в области археологии, этнологии и антропологии. Членами историко-этнологического отдела ИИС стали П.Г. Любомиров (заведующий), С.И. Руденко (секре-

тарь), Б.П. Денике (сотрудник) и В.Ф. Смолин (старший ассистент).

Под руководством В.Ф. Смолина велось составление археологической карты Сибири. На выполнение этой работы институтом были выделены необходимые средства для оплаты труда 15 привлеченных сотрудников. Среди тех, кто принимал участие в составлении карты, были: В.А. Абудеева, А.В. Мягкова, И.М. Мягков, А.В. Ногаткина, В.Ф. Удодова и др. [19. С. 80]. Помимо этого, В.Ф. Смолин руководил археологическими раскопками близ старого татарского кладбища в Томске, на местах древних городищ по берегу р. Томи от Лагерного сада до Басандайки и за р. Томью на месте Тоянова городища. На эти цели институт выделил ему 4 тыс. руб. в 1919 г. и 12 тыс. руб. в 1920 г. [20. С. 169].

В 1919–1920 г. В.Ф. Смолин дважды поднимал вопрос о координации археологических исследований на территории Томской губернии и Сибири, в связи с чем обосновал необходимость созыва археологического съезда. Он активно включился в деятельность «Комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы».

Под руководством С.И. Руденко вела работу Комиссия по изучению племенного состава населения Сибири, секретарем которой был избран А.М. Предтеченский [17. Д. 73. Л. 6 об.], П.Г. Любомиров и В.Ф. Смолин участвовали в организации при отделе ИИС архивной комиссии для сохранения архивов Томска в марте 1920 г. В ее состав вошли Н.Н. Бакай (председатель), А.И. Тихов и В.Ф. Смолин. В начале апреля Н.Н. Бакай и А.И. Тихов обстоятельно обследовали архивы и доложили об их состоянии отделу. В результате по представлению П.Г. Любомирова было учреждено Томское губернское управление архивного дела. Первыми его заведующими были П.Г. Любомиров и Н.Н. Бакай [Там же. Д. 23. Л. 34 об.].

Летом 1919 г. в Тобольскую губернию для изучения памятников старины и деревянного зодчества был командирован Б.П. Денике [Там же. Д. 24. Л. 54]. В Томск он привез много фотоснимков памятников деревянного зодчества Сибири. Как писала газета «Сибирская жизнь», это была «первая попытка систематического научного обследования памятников сибирского искусства» [21]. В августе 1919 г. Б.П. Денике опубликовал в газете «Русская армия» свои «Очерки по русской старине и искусству», в которых описал свою поездку в г. Тобольск.

В 1919 г. А.Н. Липский был командирован ИИС на р. Амур для изучения гольдов. Им были представлены опубликованная статья «У гольдов рр. Урми и Тунгуска», а также подробный отчет о результатах командировки и рукопись «На Бурсинском нагорье».

Летом 1920 г. по инициативе С.И. Руденко была организована Минусинско-Абаканская комплексная экспедиция, в которой приняли участие Ф.А. Фиельструп, С.А. Теплоухов, А.К. Иванов и три студента, в том числе второкурсник М.П. Грязнов.

По воспоминаниям самого М.П. Грязнова, в ходе учебной практики вместе со студентом Евгением Шнайдером они спускались на лодке по р. Енисей с целью изучения озер предгорьев Саян и долины Енисея, когда увидели палатки на берегу деревни Батени. Когда они причалили, их встретил С.А. Теплоухов, который вел там археологические раскопки. Из любопытства они решили задержаться на день, чтобы посмотреть на раскопки. Думая задержаться на день, М.П. Грязнов «задержался в археологии на 40 лет» [22].

Задачей Минусинско-Абаканской экспедиции ставилось провести геологические, минералогические, археологические и этнологические наблюдения в долине р. Енисея к югу от г. Красноярска с прилегающем нагорьем. Всего было раскопано 15 курганов. По итогам экспедиции в кабинет географии Томского университета поступили восемь археологических коллекций и антропологические материалы раскопок, а также был подготовлен устный доклад на совместном заседании ИИС и Общества истории, археологии и этнографии [23. С. 39].

Параллельно С.И. Руденко и С.А. Теплоухов по заданию Томского университета занимались археологическими исследованиями Минусинской котловины. По мнению Л.Ю. Китовой, уже в первые годы пребывания в г. Томске в ходе экспедиционных исследований у С.А. Теплоухова зародилась классификация культур Минусинской котловины. Для сибирской археологии исследования С.А. Теплоухова имели особенное значение, ибо для нее к тому моменту проблема систематизации и классификации культур еще не была решена [24. С. 169].

Именно в этих экспедициях у С.А. Теплоухова появилась идея классификации культур этой области, поскольку в сибирской археологии, в отличие от европейской, эта проблема еще не была решена. Помимо этого, в то же время была организована Кузнецко-Алтайская экспедиция, на которую ИИС вместе с Минусинско-Абаканской экспедицией выделил аванс в размере 50 тыс. руб. [25. С. 189].

В контакте с Б.Э. Петри и А.М. Селищевым работало Средне-Сибирское отделение ИИС. На заседание 6 мая 1919 г. приват-доценту Б.Э. Петри было выделено 3 тыс. руб. на организацию археологической экспедиции для исследования и раскопок древних стоянок человека на оз. Косогол, в Тунке и на Байкале, 1 тыс. руб. предоставили А.М. Селищеву на поездку по Ангаре и Забайкалью для изучения местных наречий и говоров [18. С. 189]. В 1920 г. при поддержке ИИС им была издана монография «Диалектологический очерк Сибири» – результат обстоятельной работы по изучению сибирских говоров.

Рассмотрев ключевые формы сотрудничества между ИИС и молодыми исследователями, перейдем к деятельности института по подготовке исследовательских кадров. Здесь можно выделить два ключевых направления.

Первое было представлено научно-просветительской работой. Большое число деятелей ИИС участвовало в чтении докладов и лекций как для научных специалистов, так и для неподготовленных слушателей. Так, 9 октября 1919 г. готовность выступить со своими работами заявили члены географического отдела: Б.П. Вейнберг («Сводка определений магнитных склонений Сибири»), «Магнитные исследования вообще и в Сибири в частности»), М.А. Великанов («Об исследованиях р. Томи»), «О задачах гидрологического отдела», «Проект гидрологической лаборатории»), Я.И. Николин («Обзор материалов по исследованию грунтовых и почвенных вод в Сибири»), В.Д. Дудецкий («Солнечный режим г. Томска», «Состояние сейсмической станции в г. Томске»). В конце октября к ним добавились доклады П.К. Соболевского («Методы определения географических координат в северных широтах») и В.И. Баумана («Геометрические основания определения залежей магнитных руд», «О задачах отдела геодезии Института исследования Сибири») [17. Д. 66. Л. 15]. От естественно-исторического отдела В.В. Сапожников прочитал лекцию о севере Западной Сибири по материалам Обской экспедиции, И.И. Подпера лекции под названием «Сибирские элементы во флоре Западной Евразии» и «Новейшие воззрения в систематике и морфологии бриофтов», С.С. Неуструев – «О задачах почвенных исследований Сибири», П.В. Сюзев – «О флоре Урала» [Там же. Д. 57. Л. 2а]. Члены статистико-экономического отдела отказались от чтения «народных» лекций и сосредоточили внимание на организации лекций и докладов научного характера для специалистов. В частности, о своем намерении прочитать ряд сообщений по вопросам экономики, финансов и торговли в ходе командировки в Восточную Сибирь высказался С.П. Никонов.

Вторым направлением была организация специальных курсов ИИС в области подготовки исследовательских кадров. 18 ноября 1919 г. С.С. Неуструевым была опубликована записка, рассмотренная в тот же день на заседании естественно-исторического отдела. Отметив тот факт, что недостаток исследователей всегда был ахиллесовой пятой отечественной науки, С.С. Неуструев указал на особую злободневность этой проблемы на современном этапе. Именно недостаток исследователей, по его словам, стал главным препятствием на пути к организации экспедиции института летом 1919 г. [26]. Дабы не столкнуться с этой проблемой летом 1920 г., необходимо было организовать курсы по подготовке исследователей природы, формируемых по следующим направлениям (в дальнейшем их стало семь): геология, почвоведение, ботаника, зоология, этнология, география. Седьмым направлением являлась подготовка инструкторов по составлению школьных коллекций [Там же. Д. 32. Л. 127]. Ряд предметов: «Метеорологические наблюдения в пути», «Основы общего страноведения», «Запись географических названий и вообще слов инородческих языков Сибири», «Опреде-

ление географических координат» рекомендовался всем группам. Общее количество предметов варьировалось от 40 до 50. Всего читался 41 курс, каждый из которых занимал в среднем по 20 ч.

На призыв С.С. Неуструева откликнулись члены нескольких отделов ИИС. Среди тех, кто читал лекции на курсах, были: директор института В.В. Сапожников («Основные группы растительного царства и флористическая география растений»; «Ботаническое коллектирование и гербаризация»), помощник директора Б.П. Вейнберг («Магнитология»), М.К. Азадовский («Собирание и записывание памятников народной словесности»), Б.П. Денике («О регистрации и собирании памятников искусства в Сибири»), Н.Н. Бакай («Архивоведение»), А.Д. Григорьев («Наречия русского языка; практический курс русской палеографии»), С.И. Руденко и С.А. Теплоухов («Систематическая антропология и антропометрия»), С.И. Руденко («Собирание этнологических коллекций»), В.Ф. Смолин («Археологические разведки») и А.Г. Смешек («Запись географических названий и вообще слов инородческих языков Сибири»).

Слушателям, достигшим 16 лет, разрешалось записываться на любые предметы. Лекции читались по будним дням с 17.00 до 21.00 вечера в помещении университета, а в праздничные дни – с 14.00 до 15.00 и с 17.00 до 21.00. Запись на лекции велась в канцелярии Пермского университета в новом анатомическом корпусе и в деканате историко-филологического факультета Томского университета.

Работа курсов должна была начаться 1 декабря 1919 г. с тем, чтобы уже к марту и апрелю у слушателей могли начаться практические занятия. Однако затем открытие курсов отодвинулось на февраль, а позже из-за финансовых затруднений, – на март 1920 г. «Недостаток подготовленных специалистов, особенно вспомогательного и технического персонала, никогда не сказывался в такой степени, как в настоящее время, когда пятилетняя война безвозвратно унесла с собой сотни, тысячи ценных для государства интеллектуальных сил» – писало «Знамя революции», призывая слушателей записываться на курсы [27]. Лекции, продолжавшиеся до 15 мая 1920 г., читали 25 лекторов в объеме более 300 ч. На эти нужды было отпущено 142 тыс. руб., причем к финансированию этого проекта были привлечены органы советской власти, которые были ничуть не меньше заинтересованы в подготовке исследователей, чем ИИС [18. С. 118].

Авторство другого проекта в области подготовки молодых исследователей – курсов сибиреведения принадлежало сибирскому научному кружку томских студентов. Задачей курсов являлось ознакомление слушателей с методами и задачами родноведения и с методами школьного преподавания родноведения, а также предоставление минимума знаний о родном крае, необходимого каждому гражданину. В программу курсов входило проведение занятий по археологии, истории,

этнологии, физической географии, экономической географии, геологии, ботанике, зоологии. В составе лекторов значились члены института: М.К. Азадовский, Б.П. Денике, Г.Э. Иоганзен и др.

Институт исследования Сибири пошел навстречу Сибирскому научному кружку и даже развил его идеи, предложив организовать факультет сибиреведения при Томском университете, а Сибирские высшие женские курсы преобразовать в Сибирские высшие географические курсы. Однако реализовать проект организации курсов сибиреведения в дальнейшем не удастся.

Таким образом, Институт исследования Сибири сумел внести свой вклад в подготовку исследовательских кадров и поддержку молодых исследователей не только Сибири, но и европейской части России. Пусть этот вклад был небольшим, но в условиях социально-экономического и политического кризиса того времени даже он был востребованным.

Сотрудничество института с молодыми исследователями протекало в нескольких формах: в организации научных мероприятий (самым ярким событием здесь стал съезд по организации Института исследования Сибири), спонсировании исследований молодых ученых (экспедиции Б.Э. Петри и А.Н. Липского, А.М. Селищева и др.), научно-теоретической и научно-практической работе как внутри ИИС, так и в сотрудничестве с ним. Последнее представляется наиболее важным, ведь именно в ИИС исследователи имели возможность работать с такими маститыми учеными, как В.В. Сапожников, П.Н. Крылов, Б.П. Вейнберг, М.Д. Рузский, А.Д. Григорьев и др. Институт же, в свою очередь, получал больше возможностей для производства

исследований, достигая реализации одного из главных принципов – объединения усилий отдельных ученых по ключевым научным направлениям для производства комплексных исследований. Тем самым деятельность института не только способствовала сохранению научной традиции и преемственности поколений исследователей, но и выводила их совершенно на новый уровень работы в рамках единой исследовательской сети.

Насколько значительным был период Института исследования Сибири в формировании молодых исследователей? Ответа на этот вопрос мы не найдем в воспоминаниях его участников, слишком нежелательно для них было напоминать о работе в учреждении, созданного при поддержке колчаковской власти. Однако даже за столь короткий период влияние было оказано. Пожалуй, в большей степени это влияние просматривается в области социально-гуманитарных наук. Ведь именно здесь в ходе работы историко-этнологического отдела определится область научных интересов С.А. Теплоухова и будет положено начало научному пути М.П. Грязнова.

Учитывая все вышесказанное, правомерно рассматривать ИИС как проект сибирской общественности, призванный не только вести и организовывать исследования, но и обеспечивать преемственность научной традиции. В тяжелые годы Гражданской войны, когда обозначился разрыв научных поколений, ИИС позволял ученым, работающим в нем, оставаться именно учеными и заниматься научными исследованиями, не превращаясь в простых обывателей, заботящихся лишь о своем существовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дунбинский И.А. Институт исследования Сибири и подготовка исследователей // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 54–56.
2. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г. и др. Из истории Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). Томск, 2008. С. 5–44.
3. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Грибовский М.В. и др. Отделы, Средне-Сибирское отделение и комиссии Института исследования Сибири (1919–1921 гг.) // Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 5–41.
4. Профессора Томского университета : Биографический словарь / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. Вып. 1: 1888–1917. 288 с.
5. Профессора Томского университета : Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
6. Профессора Томского политехнического университета: Биографический справочник. / авт. и сост. А.В. Гагарин. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. Т. 1. 300 с.
7. Китова Л.Ю. Томский период деятельности С.И. Руденко и С.А. Теплоухова // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 30–36.
8. Репрессированные этнографы / сост. Д.Д. Тумаркин. 2-е изд. М. : Вост. лит., 2002. Вып. 1. 343 с.
9. Захарова Л.Д. Афанасий Матвеевич Селищев // Отечественные лингвисты XX века : сб. ст. Сер. «Теория и история языкознания». М., 2003. С. 124–140.
10. Еремеева А.Н. «Находясь по условию времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар : Платонов И., 2017. 208 с.
11. Кадры науки советской Сибири: проблемы истории / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск : Наука, 1991. 217 с.
12. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.
13. Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / И.С. Дмитриев, Ю.Х. Копелевич, М.Ф. Хартанович и др. ; ред.-сост. Э.И. Колчинский; Рос. акад. наук, Ин-т истории естеств. и техники им. С.И. Вавилова, С.-Петербург. филиал. СПб., 2003. 1040 с.
14. Труды первого сибирского метеорологического съезда в г. Иркутске 26–30 октября 1917 года. Благовещенск, 1919. 306 с.
15. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. 467 с.
16. Постановление Совета Министров об утверждении Положения об Институте исследования Сибири // Правительственный вестник (Омск). 1919. 25 окт.
17. Государственный архив Томской области. Ф. Р–26 (Институт исследования Сибири). Оп. 1.

18. Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 358 с.
19. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Меркулов С.А. и др. Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919 – 1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 77–81.
20. Расколец В.В., Некрылов С.А., Хаминов Д.В. Создание и деятельность историко-этнологического отдела Института исследования Сибири и его роль в изучении истории, археологии и этнографии сибирского края // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 164–174.
21. Обследование сибирского искусства // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 18 июня.
22. М.П. Грязнов (1902–1984). Сто лет со дня рождения. URL: <https://web.archive.org/web/20100124131400/http://kemsu.ru/org/sapar/gryaznov.html> (дата обращения: 15.07.2019).
23. Рудковская М.А. С.И. Руденко – исследователь Минусинской котловины // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 36–42.
24. Китова Л.Ю. Сергей Александрович Теплоухов // Российская археология. 2010. № 2. С. 166–173.
25. Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). Томск, 2008. 264 с.
26. НБ ТГУ. ОРКП. Ф. 11 (Институт исследования Сибири).
27. Первые курсы сибиреведения // Знамя революции. 1920. 24 февр.

Viktor V. Raskolec. Tomsk State University (Tomsk, Russia) E-mail: predator-101@mail.ru

Aleksandr N. Sorokin. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: soranhist@yandex.ru

FORMATION OF RESEARCH PERSONNEL AT THE INSTITUTE FOR THE STUDY OF SIBERIA AND ITS ROLE IN SUPPORTING YOUNG SCIENTISTS

Keywords: research Institute; Siberia; Civil war in Siberia; training of researchers; K.M. Bykov; V.D. Kuznetsov; A.N. Krishtofovich; N.N. Urvantsev; S.A. Teploukhov; S.I. Rudenko; M.P. Gryaznov.

The activities of the Institute for the Study of Siberia (ISS) for the training of scientific personnel and support for young scientists are studied, based on a wide range of sources, documentary publications and scientific literature, are analyzed in the article.

The aim of the article is to identify the contribution of the Institute for the Study of Siberia to the training of scientific personnel and the support of young researchers.

It is noted that during the Civil War in Russia, scientists from both European Russia and Siberia were in the conditions that prevented the conduct of efficient scientific work. The Institute for the Study of Siberia, established in 1919, helped to support the scientific activities of researchers, including young scientists.

The composition of the participants of the congress on the organization of the Institute for the Study of Siberia is analyzed to identify young researchers. Of the 240 congress participants, 32 young researchers were identified, including future eminent scientists: K.M. Bykov, V.D. Kuznetsov, A.N. Krishtofovich, A.M. Kuzmin etc. It is emphasized that the congress on the organization of ISS not only contributed to gaining experience and knowledge for young researchers, but also to establishing communication between scientists in Siberia and the wider Russian scientific space.

The composition of young scientists working directly in the ISS, or in contact with it is identified. Among the researchers there were outstanding scholars in future Siberian and USSR science figures: G.V. Grdin, G.S. Landsberg, M.P. Gryaznov, S.I. Rudenko, S.A. Teploukhov, B.V. and M.V. Tronov, I.M. Myagkov, A.V. Predtechensky, E.B. Petri, A.M. Selishchev, S.M. Shirokogorov and others.

The most productive cases of cooperation of young scientists with ISS are considered.

Forms of training research personnel at ISS have been studied. One of these forms was lecturing by ISS employees for both the general public and specialists. Another form was the organization at ISS of courses for the preparation of nature researchers. ISS also supported the idea of creating courses in Siberian studies, and even put forward an initiative to organize a faculty of Siberian Studies at Tomsk University.

Thus, it is legitimate to consider ISS as a project of the Siberian public, designed not only to conduct and organize research, but also to ensure the continuity of the scientific tradition. In the difficult years of the Civil War, when the gap between scientific generations became apparent, ISS allowed scientists to work in it to remain scientists and engage in scientific research, without becoming ordinary citizens who only care about their existence.

REFERENCES

1. Dunbinsky, I.A. (2012) Institute of Siberian Studies and training researchers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(20). pp. 54–56. (In Russian).
2. Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F., Markevich, N.G. et al. (2008) Iz istorii Instituta issledovaniya Sibiri [From the history of the Institute for the Study of Siberia]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [Journal of Meetings of the Council of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–44.
3. Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F., Gribovsky, M.V. et al. (2014) Otdely, Sredne-sibirskoe otdelenie i komissii Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1921 gg.) [Departments, Central Siberian Branch and Commissions of the Siberian Research Institute (1919–1921)]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1920 gg.)* [Journals of Departments of the Central Siberian Branch and Commissions of the Siberian Research Institute (1919–1920)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–41.
4. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
5. Fominykh, S.F. (ed.) (1998) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
6. Gagarin, A.V. (2000) *Professora Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: Biograficheskiy spravochnik* [Professors of Tomsk Polytechnic University: Biographies]. Vol. 1. Tomsk: NTL.
7. Kitova, L.Yu. (2004) Tomskiy period deyatelnosti S.I. Rudenko i S.A. Teploukhova [Activities of S.I. Rudenko and S.A. Teploukhov in Tomsk]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Zhiznennyy put', tvorchestvo, nauchnoe nasledie Sergeya Ivanovicha Rudenko i deyatelnost' ego kolleg* [Life path, creativity, scientific heritage of Sergei Ivanovich Rudenko and his colleagues' activities]. Barnaul: Altai State University. pp. 30–36.
8. Tumarkin, D.D. (ed.) (2002) *Repressirovannyye etnografy* [Repressed ethnographers]. 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura.
9. Zakharova, L.D. (2003) Afanasy Matveevich Selishchev [Afanasy Matveevich Selishchev]. In: Berezin, F.M. (ed.) *Otechestvennye lingvisty XX veka* [Russian linguists of the 20th century]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 124–140.

10. Ereemeeva, A.N. (2017) "Nakhodyas' po uslovii vremeni v provintsii...": praktiki vyzhivaniya rossiyskikh uchenykh v gody Grazhdanskoj vojny ["In the context of time in the province...": the survival practices of Russian scientists during the Civil War]. Krasnodar: Platonov I.
11. Soskin, V.L. (1991) *Kadry nauki sovetskoj Sibiri: problemy istorii* [Academic personnel in Soviet Siberia: Problems of history]. Novosibirsk: Nauka.
12. Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskij universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoj chasti Rossii (seredina 1870 – kh. gg. – 1919 g.)* [Tomsk University is the Tomsk State University].
13. Kolchinsky, E.I. (2003) *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and crises: historical and comparative essays]. St. Petersburg: [s.n.].
14. Anon. (1919) *Trudy pervogo sibirskogo meteorologicheskogo s"ezda v g. Irkutsk 26–30 oktyabrya 1917 goda*. [Proceedings of the first Siberian Meteorological Congress in Irkutsk on October 26–30, 1917]. Blagoveshchensk: [s.n.].
15. Veinberg, B.P. (ed.) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the Organisation of the Institute for the Study of Siberia]. Tomsk: Tipografiya Sibirskogo Tovarishchestva pechatnogo dela i Doma trudolyubiya.
16. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919) Postanovlenie Soveta Ministrov ob utverzhenii Polozheniya ob Institute issledovaniya Sibiri [Decree of the Council of Ministers on the approval of the Regulation on the Institute for the Study of Siberia]. 25th October.
17. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund. R–26. List 1.
18. Fominykh, S.F. (ed.) (2014) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1920 gg.)* [Journals of meetings of departments, the Central Siberian Branch and commissions of the Institute for the Study of Siberia (1919–1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F. Merkulov, S.A. et al. (2012) Siberia Research Institute and study of history, archeology and ethnography of region (1919–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 365. pp. 77–81. (In Russian).
20. Rascolets, V.V., Nekrylov, S.A. & Khaminov, D.V. (2017) Establishment and operation of the Department of History and Ethnology of the Siberia Research Institute and its role in studying the history, archeology and ethnography of the Siberian region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 423. pp. 164–174. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/423/23
21. *Sibirskaya zhizn'*. (1919) Obsledovanie sibirskogo iskusstva [Examination of Siberian art]. 18th June.
22. Wayback Machine Internet Archive. (n.d.) *M.P. Gryaznov (1902–1984). Sto let so dnya rozhdeniya* [M.P. Gryaznov (1902–1984). One hundred years since his birth]. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20100124131400/http://kemsu.ru/org/sapar/gryaznov.html> (Accessed: 15th July 2019).
23. Rudkovskaya, M.A. (2004) S.I. Rudenko – issledovatel' Minusinskoj kotloviny [S.I. Rudenko as a researcher of the Minusinsk depression]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Zhiznennyy put', tvorchestvo, nauchnoe nasledie Sergeya Ivanovicha Rudenko i deyatel'nost' ego kolleg* [Life path, creativity, scientific heritage of Sergei Ivanovich Rudenko and his colleagues' activities]. Barnaul: Altai State University. pp. 36–42.
24. Kitova, L.Yu. (2010) Sergey Aleksandrovich Teploukhov [Sergey Alexandrovich Teploukhov]. *Rossiyskaya arkhologiya*. 2. pp. 166–173.
25. Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy sojeta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [Journal of Meetings of the Council of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
26. The Tomsk State University Research Library. The Department of Rare Books and Manuscripts. Fund 11.
27. *Znamiya revolyutsii*. (1920) Pervye kursy sibirevedeniya [The first courses of Siberian Studies]. 24th February.

УДК 654.1
DOI: 10.17223/19988613/61/22

В.В. Миркин

ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СВЯЗИ (1945–1980-е гг.)

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Рассматривается советский этап историографии отрасли отечественной электросвязи – от послевоенного времени до перестройки. Указанный период ознаменовался появлением наиболее значимых работ по истории связи, увидели свет первые обобщающие труды, посвященные как отдельным подотраслям, так и системе связи в целом. Уделяется внимание региональным (сибирским) исследованиям по данной проблеме. Отмечаются явный перекоп в сторону исследований по радиосвязи, обилие публикаций, носящих характер ретроспективных обзоров достижений в отдельных областях электросвязи, а также первостепенное внимание советских историков науки и техники вопросам приоритета отечественных ученых в изобретении различных средств связи.

Ключевые слова: электрическая связь; телеграф; телефонная связь; радиосвязь.

Электросвязь как одно из направлений науки и техники объединяет самые разнородные области знания, что в значительной мере определяет специфику работ по ее истории. Историографию темы можно условно разделить на два основных этапа – советский и современный. При этом советский этап историографии включает довоенный (вместе с военным: 1918–1945 гг.) и послевоенный (1945–1980-е гг.) периоды. Наиболее плодотворным для изучения явился период 1945–1980-х гг. – он, безусловно, выделяется среди прочих и заслуживает особого внимания. В это время заметно вырос патриотический интерес к истории отечественной науки и техники в целом; параллельно стремительно развивались средства электросвязи в стране.

Издававшаяся в СССР литература по вопросам связи отражала развитие как отрасли электросвязи в целом, так и отдельных ее направлений, деятельность эксплуатационных, строительных, проектных, научных, учебных организаций и предприятий связи. На протяжении всего советского периода центральное место в массиве литературы по вопросам электрической связи занимали работы, выпускавшиеся профильным издательством «Связь». Оно являлось одним из старейших советских издательств, которое было создано в 1918 г. в качестве редакционно-издательского отдела при НКПиТ. Название, структура и тематика издательства неоднократно менялись. В 1922 г. редакционно-издательский отдел был преобразован в издательство «НКПиТ», в 1932 г. его функции перешли к новому издательству по технике связи – Связьтехиздату. В 1938 г. Связьтехиздат объединился с Радиоиздатом в Связьрадиоиздат, переименованный затем в Связьиздат – Государственное издательство литературы по вопросам связи и радио.

Общим для авторов довоенного периода историографии было ярко выраженное негативное отношение к дореволюционному времени в истории связи. Сказывалась ставшая традиционной для советской историографии тенденция повышенного внимания к изучению истории классов и классовой борьбы, участия народ-

ных масс в революционном движении. Проблемы и неудачи советской модернизации электросвязи зачастую объяснялись «крайним застоением дореволюционной связи», «хищническим ведением почтово-телеграфного хозяйства» и т.п. Не всегда была обоснованной и критика состояния связи зарубежных стран. Вместе с тем положительным является то внимание, которое уделялось проблеме низкой электросвязи, приближению почтово-телеграфной и телефонной связи к многомиллионной армии российского крестьянства.

Активизация исследований в области электросвязи после войны не в последнюю очередь была связана с грандиозным празднованием полувекового юбилея изобретения радио А.С. Поповым. Было принято решение об учреждении Всесоюзного научного общества радиотехники и электросвязи имени А.С. Попова (ВНТОРиЭ), сыгравшего впоследствии большую роль в популяризации истории отечественной электросвязи. 7 мая был учрежден как День радио. Среди юбилейных мероприятий предусматривалось, помимо прочего, издание посвященных этому событию материалов. Так увидел свет сборник документов об истории изобретения радио под редакцией выдающегося ученого, академика А.И. Берга [1]. «Связьиздат» выпустил научно-технический сборник [2], статьи которого отражали достижения в этой области за предшествующие десятилетия. Сборник пользовался популярностью, и в дальнейшем стало традиционным выпускать аналогичные издания через каждые 10 лет, к очередной «круглой» дате. Руководил изданием профессор, доктор технических наук А.Д. Фортуненко – видный организатор науки, многие годы возглавлявший Научно-исследовательский институт радио. В статьях сборников, начиная с «60 лет радио» [3], подводились научные и технические итоги за прошедший период и отслеживались перспективы развития различных отраслей радиосвязи. По мере появления новых направлений использования радио, расширения границ отрасли тематика сборников пополнялась.

В юбилейном 1945 г. было опубликовано множество других работ, посвященных А.С. Попову и его изобретению. Большую их часть, помимо книг и брошюр научно-популярного характера, представляли обзорные журнальные статьи, подготовленные ведущими советскими радиоспециалистами [4–8 и др.]. Во многих из них идеологические соображения превалировали над исторической объективностью, в результате чего могло сложиться искаженное или просто неверное представление об истории радио, особенно о его начальном периоде.

По инициативе А.И. Берга, известного пропагандиста радиотехники В.А. Бурлянда и главного редактора Госэнергоиздата А.Д. Смирнова с 1947 г. начала издаваться популярная серия «Массовая радиобиблиотека» (МРБ). Ее книги обогащали и систематизировали знания советских радиолюбителей, помогали им самостоятельно изготавливать радиотехнические устройства [9–11 и др.]. Событием стал выход в свет книги В.И. Шамшура [13], в которой автор впервые систематически изложил историю советской радиоэлектроники первых двух десятилетий и привел множество фактов, неизвестных ранее широкому читателю. Появился ряд работ, посвященных русским ученым-связистам [14–16 и др.]. В 1948 г. вышла брошюра А.Л. Минца [12], в которой дан краткий обзор исторического развития отечественной радиоэлектроники. Монографии С.В. Новаковского, И.С. Гоноровского, а также сборник на тему частотной манипуляции внесли серьезный вклад в развитие и внедрение в практику нового вида модуляции, позволившего повысить качество радиовещания и надежность радиосвязи [17–19].

Период 1950-х гг. отличается, прежде всего, возросшим числом научных работ по истории электрической связи. В это время появляются исследования обобщающего характера, выполненные в Московском энергетическом институте и Институте истории естествознания и техники АН СССР (ИИЕиТ). Данный факт явился следствием того, что к началу 1950-х гг. в обстановке разгоравшейся холодной войны, которая повлекла за собой укрепление «идеологического фронта», борьбу против «преклонения перед иностранной наукой», а также «недооценки достижений отечественной науки», в СССР, в рамках национального объединения историков естествознания и техники, складывается целое научное направление по изучению (дореволюционной) истории электросвязи. При этом, по оценке историка М.С. Высокова, главные усилия советских специалистов «были направлены на выявление новых доказательств приоритета российских ученых в создании телеграфа и радио, а также некоторых компонентов телефона» [20. С. 37–38], что, впрочем, не помешало им ввести в научный оборот массу ценнейших документальных материалов.

Немалое значение для работ по истории радио имело создание при Центральном правлении ВНТОРиЭ комиссии по истории радиоэлектроники и электросвя-

зи. Проблемами истории создания радио в тот период занимались А.И. Берг, Л.Г. Давыдова, А.С. Дубнов, Г.А. Кьяндский, П.А. Остряков, Е.А. Попова-Кьяндская, Б.С. Сотин, В.М. Титова, Я.Л. Франкфурт и др [21–30]. Необходимо отметить также книгу В.А. Бурлянда [31], интересную по замыслу и впервые изданную на русском языке в виде календаря знаменательных дат.

Большое количество литературы было выпущено к 100-летию со дня рождения А.С. Попова. В работе А.И. Берга и В.И. Шамшура [32] кроме вопросов, связанных с изобретением радио, рассмотрен также ряд проблем, представляющих интерес для историков техники. Коллектив, объединенный ИИЕиТ, подготовил в 1960 г. сборник [33], в котором была сделана первая попытка на основе первоисточников провести документированный анализ развития техники радиовещания и связи как в нашей стране, так и за рубежом. Особый интерес здесь представляет статья Б.С. Сотина и В.М. Титовой «Радиосвязь и радиовещание в СССР», посвященная развитию радиосвязи в стране в 1920–1930-е гг.

Вопросы истории радио поднимались и в ряде изданий по общей истории техники. Следует отметить сборник «Из истории отечественной техники», в котором помещена статья В.Л. Вологодина о развитии машин высокой частоты, а также книгу, подготовленную учеными МЭИ, и «Историю техники», выпущенную в ИИЕиТ [34–36].

Тематика работ, освещавших теорию и практику электрической связи, радиовещания, телевидения, в послевоенный период существенно расширилась. Если в первые послевоенные годы преобладала литература по вопросам восстановления отрасли связи, популяризации передовых методов труда [37–43 и др.], то в дальнейшем, по мере развития научно-технических исследований в области связи, заметно увеличилось количество работ, посвященных теоретическим вопросам, проектированию и разработке систем и аппаратуры связи. Наряду с освещением в различных аспектах традиционных отраслей связи – почты, телеграфа, городского и междугородного телефона, радиосвязи и радиовещания – начали выходить работы по новым направлениям техники связи – коаксиальным кабельным и радиорелейным линиям, радиовещанию на ультракоротких волнах с частотной модуляцией, передаче данных по каналам связи, космической связи, применению квантовых генераторов (лазеров) для передачи информации [44–50 и др.]. Расширились исследования по автоматической коммутации, сельской электрической связи, телевидению, фототелеграфу, по механизации и автоматизации технологических процессов, в том числе и в почтовой связи [51–53 и др.]. Среди перечисленных работ в незначительном количестве встречаются публикации о сибирской связи [54–56].

Литература о технике и технологиях электросвязи представлена в эти годы весьма широко. В 1950 г. вы-

шел удостоенный государственной премии учебник С.В. Евтянова, а также учебник по радиотехнике В.А. Котельникова и А.М. Николаева [57–58]. Следует отметить также работу С.С. Когана, учебник коллектива авторов по телеграфии, об АТС нового типа, учебник для вузов по распространению радиоволн М.П. Долуханова, монографии И.А. Домбровского и Л.А. Копытина [59–65]. В целом послевоенное двадцатилетие отмечилось небывалым ростом количества монографий, инженерно-технических работ, учебников и учебных пособий в области электрической связи, получивших высокую оценку советских и зарубежных специалистов. Среди авторов были видные советские ученые и специалисты в области связи: Г.З. Айзенберг, П.К. Акульшин, Б.П. Асеев, А.Ф. Белецкий, С.В. Бородич, Р.А. Валитов, В.Ф. Власов, Н.Н. Гарновский, Л.М. Гольденберг, И.С. Гоноровский, И.И. Гроднев, И.Г. Дрейзен, С.И. Евтянов, А.М. Заездный, Н.Б. Зелигер, Э.В. Зелях, О.Н. Иванова, Е.В. Китаев, П.А. Котов, И.А. Кошечев, М.И. Кривошеев, Б.С. Лившиц, М.И. Михайлов, П.А. Наумов, Е.Л. Орловский, И.А. Подгородецкий, В.Н. Рогинский, В.Ф. Самойлов, М.А. Сапожков, В.А. Смирнов, Б.П. Терентьев, А.П. Удалов, А.Д. Фортуненко, Г.С. Цыкин, Н.И. Чистяков, В.О. Шварцман, П.В. Шмаков и многие другие [66–71].

Из работ обобщающего характера большой интерес представляет брошюра А.Д. Фортуненко, в которой освещается история развития советской электросвязи и почтовой связи за период 1917–1957 гг. Приводятся факты и цифры, дающие историческую картину развития средств связи, новейших для того времени достижений и перспектив дальнейшего развития этих средств. Схожим по замыслу и интересным по содержанию является исследование бывшего наркома и министра связи К.Я. Сергейчука, посвященное развитию отечественной техники связи. Став директором НИИ кабельной промышленности Министерства электропромышленности СССР, а затем (с 1953 г.) первым заместителем министра связи, он подготовил несколько информационных брошюр, в которых раскрывал перспективы отрасли в послевоенные пятилетки, а также подводил краткие итоги ее развития за предыдущий период [72–76].

Вскоре появился сборник материалов под редакцией Н.Д. Псурцева, сменившего в 1948 г. К.Я. Сергейчука на посту министра связи. В нем была предпринята первая попытка всестороннего анализа истории связи советского периода и подведены итоги развития отрасли за 40 лет советской власти [77]. В перечисленных работах приведен богатый фактический материал, который дает историку наглядное представление о гигантском техническом рывке, который сделала отрасль за четыре десятилетия. Однако, по понятным причинам, почти не упоминаются и гигантские проблемы, с которыми сталкивалась отрасль связи: чрезвычайно низкое качество электросвязи (особенно телефонии), существенный технический и технологический разрыв между

городской и сельской связью, финансирование отрасли по остаточному принципу и др.

В 1950–1960-е гг. количество работ, посвященных теоретическим и практическим вопросам электрической связи, продолжало расти. Существенно расширил свою деятельность Связьиздат, находившийся в ведении союзного Министерства связи (в 1964 г. он был преобразован в издательство «Связь» Комитета по печати при Совете министров СССР). Помимо него работы по вопросам электросвязи публиковались в издательствах «Энергия», «Советское радио», «Наука», «Транспорт», «Воениздат» и ряде других центральных научно-технических, а также местных издательств.

Большое внимание уделялось подготовке учебников, пособий для студентов вузов и учащихся техникумов связи. Систематическое издание учебной литературы началось еще в 1938 г., а в 1960-е гг. ее выпуск увеличился до полутора десятка книг в год (см.: [78. С. 28–29]). С 1951 г. выходили пособия для подготовки связистов массовых профессий в профессионально-технических училищах и путем бригадно-индивидуального обучения.

Важное место в тематическом профиле публикаций занимала справочная литература. К ней относились многотомные «Алфавитные списки предприятий связи СССР», многократно переиздаваемые «Списки газетных узлов», «Телеграфные правила», документы Международного союза электросвязи – Рекомендации МККТТ (Международный консультативный комитет по телефонии и телеграфии), МККР (Международный консультативный комитет по радиовещанию), «Регламент радиосвязи» и пр. Для эффективной организации и эксплуатации средств связи выпускалось большое количество инструктивно-нормативной (ведомственной) литературы: правила; руководства; инструкции производственно-технического характера; сборники рационализаторских предложений, по обмену передовым производственным опытом; правила, памятки и плакаты по технике безопасности; ведомственные технические условия и отраслевые стандарты; типовые проекты, проспекты, каталоги, подготавливаемые отраслевыми управлениями министерства связи и другими ведомствами [79–84 и др.].

На широкий круг специалистов в области связи была рассчитана издававшаяся с 1942 г. серия «Инженерно-технических справочников по электросвязи». Новой аппаратуре, поступавшей на предприятия связи, была посвящена серия информационных сборников «Техника связи» (с 1946 г.); в 1956 г. к ней добавилась также «Техника связи за рубежом». Библиотека «Новое в технике связи» (выпускалась с 1952 по 1966 г. под названием «Лекции по технике связи») обеспечивала специалистов оперативной информацией по вопросам модернизации и технического прогресса в электросвязи. Кроме того, экономическим вопросам отрасли [85–90 и др.] была посвящена серия «Лекции по экономике связи» (после 1966 г. – «Экономика связи»). Для тех-

нического персонала эксплуатационных предприятий электрической и почтовой связи предназначались издания производственно-технического характера, среди них – «Библиотека сельского связиста» (с 1966 г.). Регулярно публиковалась также массовая научно-популярная литература – работы по широкому кругу вопросов электрической связи, рассчитанные на радиолюбителей и других непрофессиональных читательских категорий. Так, например, известная серия «Массовая радиобиблиотека» в 1950-е гг. активно пропагандировала внедрение транзисторов в радиоэлектронную аппаратуру.

Справочная, учебная, а также научная, производственно-, инженерно-техническая, экономическая литература по электросвязи выходила в большом количестве до конца советского периода. В 1970–1980-е гг. ее выпуск только увеличивался. Издавались также работы по перспективным направлениям развития отрасли, например, по волоконно-оптическим линиям связи. В 1981 г. путем объединения издательств «Советское радио», «Связь» и, частично, «Энергия» было создано новое укрупненное издательство «Радио и связь», в профиль которого вошло четыре тематических раздела: радиотехника; электроника; кибернетика и вычислительная техника; связь. До конца советского периода в тематическом разделе «связь» были опубликованы сотни работ по всем возможным направлениям и видам связи того времени: ЕАСС (Единая автоматизированная система связи); электрическая связь – телефонная и видеотелефонная, телеграфная и факсимильная; радиосвязь; телевидение; звуковое вещание; передача данных; ОГСЖД (Общегосударственная сеть (система) передачи данных); производственная технологическая и диспетчерская связь; почтовая связь; распространение печати; филателия; экономика, организация и управление в отрасли связи; бытовая радиоаппаратура; массовая радиобиблиотека.

Значительная часть сведений по истории электрической связи страны и отдельных ее регионов публиковалась в профильной периодике – журналах «Вестник связи», «Электросвязь» (издание возобновилось в 1956 г.). В 1946 г. также возобновилось издание популярного среди советских радиолюбителей журнала «Радио», до войны выходившего под названиями «Радиолюбитель», «Радио всем», «Радио-фронт». В нем находили место и некоторые страницы истории советской, в том числе сибирской радиосвязи [91–96]. В 1946 г. начался выпуск научно-технического и теоретического журнала «Радиотехника». В издании обобщался опыт работы научно-исследовательских организаций и публиковались работы по теоретическим вопросам радиосвязи. Большую его часть составляли прикладные публикации об электротехнике, электронике, радиоприеме, измерениях и т.п.

Основанный в 1933 г. научно-технический журнал «Электросвязь» – орган Министерства связи СССР и Научно-технического общества радиотехники и электросвязи им. А.С. Попова (НТОРиЭ) – являлся единственным в стране периодическим изданием, посвященным вопросам теории, техники и технологии электрической связи. Тематика его публикаций включала все возможные виды и направления развития электросвязи: радиосвязь, телефония, телеграфия, фототелеграфия, передача данных, высокочастотные системы передачи, линейные и антенно-фидерные устройства, вещание, телевидение, связь через искусственные спутники Земли, передача газет по каналам связи, теория информации и др.

В журнале освещались вопросы теории, разработки и проектирования систем многоканальной электросвязи по симметричным и коаксиальным кабельным линиям, систем передачи на дальние расстояния телевидения и вещания, автоматической телефонной и телеграфной связи, абонентского телеграфирования, фототелеграфирования, передачи данных, а также вопросы теории и расчета элементов и узлов новой аппаратуры. Особое внимание уделялось проблемам надежности действия сетей и систем связи, а также достоверности передаваемой по каналам информации (подробнее см.: [97. С. 6–7]). Сотни статей были опубликованы по вопросам теории и техники различных видов радиосвязи, радиовещания, телевидения и смежных отраслей радиотехники и радиоэлектроники (подробнее см.: [98. С. 2–6]).

Производственно-технический журнал «Вестник связи» – орган Министерства связи СССР и ЦК профсоюза работников связи, рабочих автотранспорта и шоссейных дорог – начал выходить в 1940 г. Помимо теоретических материалов о технологиях связи в нем публиковались итоговые, отчетные данные о деятельности отдельных предприятий и отраслей электросвязи, состоянии и уровне развития средств связи на общесоюзном и региональном уровне, информация о новейших достижениях и перспективных направлениях развития техники связи. В статьях также широко представлены материалы по передовому опыту, организации социалистического соревнования, рационализаторству и изобретательству, автоматизации и механизации производственных процессов, капитальном строительстве сооружений связи, экономических, социальных проблемах отрасли и др.

На страницах журнала удалось обнаружить более полутора сотен публикаций о сибирской электросвязи. Помимо традиционной тематики, связанной с производственно-техническими процессами, работой предприятий связи, отражение находили сюжеты об опыте работы отдельных специалистов и коллективов, внедрении новой техники, проблемах производительности труда, дисциплины и техники безопасности, финансовых, экономических, бытовых трудностях сибирской электросвязи [99–107]. В общей массе региональных публикаций на первом месте по количеству находятся статьи о новосибирской связи, за ней следует Кемеровская, Омская, Иркутская и другие области. Авторами

публикаций, как правило, являлись руководители областных управлений и отдельных предприятий связи, партийные, профсоюзные работники, инженерно-технический персонал.

Содержание «Электросвязи» и «Вестника связи» рассчитывалось на специалистов связи различных направлений, что создавало известные трудности, поскольку к концу 1960-х гг. каждая из подотраслей электросвязи накопила настолько большой объем научных и технических материалов, что их было бы достаточно для отдельных отраслевых изданий узкого профиля. Однако, с другой стороны, развитие техники электросвязи обнаруживало тенденцию к конвергенции ее отдельных видов. Так, различные системы уплотнения высокочастотного телефонирования и телеграфирования целиком базировались на принципах радиотехники. Эфирные и проводные системы дальней связи предусматривали параллельные телеграфные, телефонные, вещательные и телевизионные передачи. Для любого вида связи стояли одни и те же проблемы более экономного использования частотных спектров, надежности в условиях помех и т.д. Наконец, теория электросвязи изучала закономерности, общие для любого способа передачи сообщений с помощью электрических сигналов. Именно поэтому содержание профильных изданий связи с конца 1960-х гг. постепенно мигрирует в сторону межотраслевой тематики, посвященной принципиальным, общим для всей системы электросвязи вопросам.

Многие предприятия связи страны выпускали собственные малотиражные газеты, плакаты и брошюры, в которых главным образом освещались опыт работы передовиков производства, социалистическое соревнование, а также общественная жизнь коллективов [108 и др.].

С начала 1970-х гг. связистская периодика предприняла тематическую перестройку в направлении публикации большего количества статей, адресованных инженерно-техническому персоналу и сокращения теоретических работ по узким и частным вопросам (учитывая появление ряда ведомственных сборников). Читателями и авторами журналов постепенно становятся не только работники НИИ и преподаватели вузов связи, но и специалисты, руководители эксплуатационных предприятий связи, проектных организаций, заводов, конструкторских бюро, аппарата министерств и ведомств.

В «Электросвязи» публиковалось все больше материалов, подготовленных по заказу редакции. Появились рубрики «Инженерные проблемы эксплуатации», «Техника пятилетки», «Трибуна ТЦУМС (Территориальный центр управления междугородными связями и телевидением)», а также «Международная хроника», «СЭВ – в действии», «Проблемы высшего образования» и др. Тем самым издание приблизилось к практическим вопросам развития отрасли, отражая техническую политику Министерства связи.

В «Вестнике связи» и «Электросвязи» публиковались статьи руководителей министерств связи СССР и

союзных республик, отраслевых управлений, начальников НИИ, ведущих специалистов, анализирующие итоги развития подотраслей связи за определенный период, проблемы ее модернизации, экономические вопросы. Издания постоянно откликались на общеполитические события в жизни страны: годовщины революции, Победы, грядущие партийные съезды и др. Состояние мировой электросвязи было представлено серией статей, посвященных Международной выставке «Связь-81», подробное освещение получили средства связи, сооруженные к московской Олимпиаде.

Систематически поднимались вопросы повышения эффективности и надежности работы аппаратуры электросвязи; снижения трудоемкости и повышения производительности труда в отрасли; улучшения качества функционирования и автоматизации сетей; внедрения ЭВМ в технику связи; максимального использования и реконструкции действующих сооружений; совершенствования методов эксплуатации оборудования; перехода на недефицитные материалы; экономии энергии и других видов ресурсов. Так, в «Электросвязи» под рубрикой «Техника пятилетки» только в 1980–1983 гг. было помещено более ста описаний новейшей аппаратуры, систем, приборов, которыми оснащались сети связи. Нередко журналы использовали принцип издания специальных тематических номеров, позволявших собрать самую свежую научно-техническую информацию, посвященную отдельной проблеме, в одном выпуске.

Наряду с инженерными статьями публиковались теоретические и научно-технические работы по вопросам: формирования ЕАСС; определения экономической эффективности связи как отрасли инфраструктуры; передачи данных; разработки систем электронной коммутации; применения микроэлектроники в технике связи; внедрения цифровых способов передачи и др.

Совокупность вышедших после войны периодических изданий по электросвязи позволяет составить представление обо всех проводившихся в стране научных исследованиях в области проводной, радиосвязи, вещания, телевидения (за исключением, разумеется, закрытой военной и подобной тематики). Издания обладали признанным научным авторитетом, что подтверждалось и авторским коллективом, и наличием определенной доли иностранных подписчиков. Так, например, каждый номер «Электросвязи» переводился и издавался отдельно в США. На страницах журналов публиковались все виднейшие советские ученые и инженеры в области передачи информации. Среди них академики и министры, члены-корреспонденты Академии наук, доктора и кандидаты наук, профессора, лауреаты государственных премий, заслуженные деятели науки и техники, известные специалисты производственных предприятий: М.А. Бонч-Бруевич, П.А. Азбукин, А.Л. Минц, Б.А. Введенский, В.А. Котельников, В.И. Коваленков, А.А. Пистолькорс, М.В. Шулейкин, А.Ф. Шорин, Г.А. Остроумов, Л.Г. Писаревский, В.В. Татаринов, А.А. Харкевич, В.И. Сифоров, И.Т. Пе-

ресыпкин, Н.Д. Псурцев, Н.В. Талызин, В.А. Шамшин, А.Н. Казанцев, П.В. Шамаков, С.И. Надененко, Е.В. Мархай, М.А. Кармазов, И.С. Гоноровский, К.П. Егоров, М.И. Михайлов, В.Н. Рогинский, З.И. Модель и др.

Первой попыткой комплексного исследования организации и развития отечественной системы связи в период 1917–1967 гг. явилась подготовленная большим авторским коллективом под редакцией Н.Д. Псурцева фундаментальная работа «Развитие связи в СССР». В книге на основе систематизации большого фактического и статистического материала подробно анализируются проблемы восстановления и реконструкции отрасли связи в годы предвоенных пятилеток. При этом выделяется не только специфика отдельных видов связи, но и региональные особенности их развития. В каждом из разделов представлены общие сведения о состоянии отрасли в целом, системе управления, подготовке кадров, а также специальные сведения о динамике развития традиционных видов связи – почты, распространения печати, телеграфа, междугородной, городской и сельской телефонной связи, радиосвязи, радиовещания, радиофикации. В книге показана «живая» работа коллективов, отдельных ученых и инженеров-связистов. К достоинствам относится наличие ценного фактического материала по развитию сибирской связи в 1920–1930-е гг.: строительство радиостанций, модернизация телефонной сети Сибири и др. Авторы вводят в оборот значительное число архивных материалов – партийных и правительственных документов, касающихся отрасли. В то же время на втором плане в работе оказалась история создания технических средств, развитие технологий связи.

В течение последующих двух десятилетий интерес исследователей к историческим проблемам электрической связи не ослабевал. Этой тематикой занимались как специалисты старшего поколения, так и молодые исследователи: А.С. Беркман, И.В. Бренев, Л.С. Гуткин, К.М. Косиков, В.Л. Лебедев, Е.П. Медведев, М.И. Оксман, Б.А. Остроумов, М.Р. Резников, В.И. Сифоров, В.М. Титова, В.И. Шамшур и др. [109–116]. Перспективы развития отраслей связи анализируются в работах Н.Д. Псурцева «Связь в девятой пятилетке» (1972), В.Н. Лебедева «Связь в десятой пятилетке» (1977). В периодической печати вышло несколько работ по истории телеграфной связи, увидели свет публикации в связи со столетним юбилеем практической телефонии [117–122 и др.]. Проблемами электросвязи в эти годы продолжали заниматься И.С. Бобков, Б.Н. Волгин, И.И. Дзюбин, С.И. Марценицен, В.В. Новиков, А.В. Яроцкий и др. [123–127]. Тем не менее тема истории телефонно-телеграфной связи на данном этапе еще не получила достаточной разработки.

В середине 1970-х гг. выходят книги в серии «Статистическая теория связи», ответственным редактором которой являлся один из самых авторитетных отечественных ученых в области статистической радиотехники, профессор Б.Р. Левин. Серия отражала развитие

теории оптимального статистического синтеза систем связи, теории сигналов, работы по пространственно-временной обработке сигналов и т.д. Среди других важных работ в области теории и техники электросвязи стоит отметить труды под редакцией В.М. Глушкова, В.В. Шагильдяна и Л.Н. Белостиной, а также авторов С.В. Бородича, Г.Б. Давыдова, В.Н. Рогинского, А.Я. Толчана и Г.А. Савицкого [128–132].

«Массовая радиобиблиотека» продолжала издание учебной литературы, подготовленной специально для радиолюбителей, разнообразных справочников как по общим вопросам радиотехники, так и по отдельным электронным компонентам, деталям, радиоэлектронным устройствам. Сборник расширял издание переводных работ, выпущенных в странах социалистического лагеря; появлялись и первые совместные издания. В 1970-е гг. МРБ последовательно и настойчиво пропагандировала микроэлектронику и, в частности, интегральные микросхемы.

Следует отметить, что, как и в предыдущие годы, большая часть исследований касалась дореволюционного периода истории электросвязи в масштабах всей страны, а интересы авторов группировались преимущественно вокруг главных предприятий, лабораторий, институтов связи – в Москве, Ленинграде, Нижнем Новгороде. Развитие региональной связи долгое время оставалось вне поля зрения историков науки и техники.

Первой научной работой, специально посвященной истории сибирской связи в 1920–1930-е гг., стала статья О.Я. Цветковой [133. С. 149–159]. Несмотря на небольшой объем, общую идеологизированность и фрагментарность охватываемых сюжетов, работа представляет большую ценность. Автором, в том числе на основе архивных источников, показаны состояние и проблемы сибирской связи в годы «великого перелома». И хотя с главным выводом работы о доминирующей роли партийных организаций в развитии связи трудно согласиться, автор верно уловила атмосферу коренных перемен, реконструкции хозяйства связи на рубеже десятилетий и в целом достоверно проанализировала состояние общего подъема отрасли в годы промышленного бума. Именно в период индустриализации и коллективизации, по мнению О.Я. Цветковой, произошло подлинное рождение связи в Сибири.

В конце 1950-х гг. увидел свет очерк о томском телевидении А.А. Бакакина [134]. Ряд интересных фактов из истории сибирской связи, касающихся, в частности, зарождения и развития радиовещания, содержится в историческом труде, посвященном г. Томску. В работе присутствуют также отдельные сведения о развитии электрической связи в четвертой пятилетке: авторы сообщают о работе ионосферной станции [135]. Информация об одном из пионеров томской радиосвязи Ф.Я. Капустине имеется в книге местного исследователя П.А. Зайченко. Фактический материал по истории отдельных видов связи региона представлен в некоторых изданиях краеведческого характера [136–139].

Популярной оставалась тема о роли партийных организаций в развитии связи региона. Так, вопрос о работе Омского обкома ВКП(б) по руководству радиофикацией сельской местности в 1949–1950 гг. поднимается в диссертации А.С. Юмашева [140]. Наиболее подробно деятельность партийных организаций Западной Сибири в развитии средств связи отражена в работе О.Я. Потаповой «Развитие средств связи Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны» [141].

Однако подлинный расцвет изучения региональной электросвязи начинается в 1970-е гг. Появились монографии и диссертационные исследования, посвященные преимущественно общественно-политическим, экономическим и, лишь отчасти, историко-техническим аспектам развития телерадиовещательных систем отдельных городов (Ленинград, Горький, Киров) [142–145], союзных республик [146–156] и республик РСФСР [157–158]. Проблеме послевоенного развития западносибирской связи посвящена диссертация В.С. Попова [159]. Помимо традиционных вопросов о роли и значении связи как средства массовой информации, пропаганды советской идеологии, проблем развития технологий и техники электросвязи работы рассматривали отдельные аспекты национальной политики в регионах, место республиканских комплексов связи в общесоюзной системе. Однако проблемами электросвязи в это время профессионально занимались не столько историки науки и техники, сколько, в первую очередь, специалисты в сфере экономических и филологических наук.

В целом период 1970–1980-х гг. явился временем всплеска интереса местных исследователей к проблемам сибирской связи, связанного, по-видимому, с общим подъемом исторической науки. Н.С. Рукин, используя архивные источники, показал политические и социальные аспекты радиофикации, становления радиовещания Западной Сибири в конце 1920-х – начале 1930-х гг. [160]. Особую ценность представляют сведения, касающиеся развития радио в сибирской деревне. Однако автор, верно отметив серьезные сдвиги в радиофикации села, обошел стороной такие проблемы, как отсутствие квалифицированного технического обслуживания, поддержания работоспособности сельских радиоустановок и другие, что в известной степени снижало ценность достигнутых успехов.

Логическим продолжением этой темы стали статьи О.Я. Потаповой, посвященные сибирскому радиостроительству в первые годы советской власти и Великой Отечественной войны [161, 162]. В этих публикациях, подготовленных на основании архивных источников, содержится значительное количество ценного фактического материала о начальном этапе сибирского радиостроительства, создании местного проводного вещания, зарождении радиолобительского движения в регионе и др. Тем не менее, упомянув о той роли, которую сыграла в начальный период Новониколаевская широковещательная радиостанция, автор почти ничего

не сказал о Томске, где к тому времени уже работал первый в Сибири радиопередатчик на коротких волнах. Недостаточное развитие получила и тема реконструкции радиосвязи в годы первых пятилеток.

К этому же периоду относится появление работ В.З. Нилова, посвященных истории радио в Томске. Будучи лично знаком с одним из первых радиолобителей Сибири А.С. Балакшиным, В.З. Нилов подробно занимался такими проблемами, как истоки радиолобительского движения в Томске, строительство первых радиостанций, вклад томских ученых-радиофизиков в развитие радиотехнологий и др. [163–165]. В.З. Нилов до сих пор является одним из самых авторитетных исследователей истории томской радиосвязи.

Важную роль в изучении истории сибирской радиосвязи сыграла коллективная статья «Из истории радиосвязи в Красной Армии (1918–1922 гг.)» [166]. Ее авторы обратили внимание на появление близ Томска в годы Гражданской войны колчаковской радиотелеграфной базы, впоследствии оказавшейся в руках Красной армии. Во многом именно этому обстоятельству Томск обязан стремительным развитием местной радиосвязи в ее начальный период. Более того, авторы справедливо подтвердили, что существование подобных радиотелеграфных формирований в разных уголках страны стимулировало распространение радиотехники в начале 1920-х гг.

В целом, несмотря на появление значительного количества работ, посвященных истории сибирской связи, серьезной и глубокой разработки данная тема в советский период не получила. Большинство публикаций затрагивало лишь отдельные фрагменты, сюжеты, не ставя перед собой задачи комплексного изучения системы связи региона. К тому же, большая часть региональных работ была посвящена самой популярной у исследователей отрасли связи – радио. Публикации были неоднородными как по уровню и глубине анализа, так и по качеству использованного источникового материала. На качестве работ, содержании их выводов негативно сказывалась и чрезмерная идеологизированность. Тем не менее следует отметить нарастающий на протяжении всего периода интерес к проблемам связи, что позволило в дальнейшем подойти к данной тематике, уже имея определенный опыт исследования проблемы.

Следует подчеркнуть, что существенная часть отечественной исторической литературы, которая, безусловно, содержит ценные факты из истории электросвязи, главное внимание уделяла вопросам приоритета отечественных ученых в создании разного рода устройств и технологий, используемых в электросвязи. Налицо обилие исследований, носящих характер ретроспективных обзоров достижений в отдельных ее областях. При этом основное внимание уделяется общественно-политическому, социальному, а не историко-техническому аспекту проблемы. Кроме того, фактически вне поля зрения советских историков науки и

техники остались вопросы развития отечественного и зарубежного телевизионного и звукового вещания, систем радио и проводной связи разного назначения, промышленности и системы высшего образования в области электросвязи. Также историками не предпринимались попытки подготовить комплексное исследо-

вание, отражающее историю и развитие системы советской электросвязи на общесоюзном и региональном уровнях как целостного процесса, в его взаимосвязи и взаимозависимости с экономическим развитием страны, научным и техническим прогрессом смежных со связью отраслей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изобретение радио А.С. Поповым: сб. документов и материалов / под ред. А.И. Берга. М. ; Л., 1945. 309 с.
2. 50 лет радио / под ред. А.Д. Фортуненко. М., 1945. 88 с.
3. 60 лет радио / под ред. А.Д. Фортуненко. М., 1955. 344 с.
4. Пятьдесят лет радио / под ред. Б.Н. Можжевелова. М. ; Л., 1945. 92 с.
5. Невяжский И.Х. 50 лет радио // Вестник электропромышленности. 1945. № 4–5.
6. Наденко С.И. Динамика развития и проблемы роста радиосвязи // 50 лет радио. М., 1945. С. 57.
7. Пересыпкин И.Т. Радио в Отечественной войне // Вестник связи. Электросвязь. 1945. № 5. С. 18–21.
8. Шамшин И.А. Развитие радиотехники в СССР // Вестник связи. Электросвязь. С. 49–50.
9. Шамшур В.И. Радиолокация. М. : Госэнергоиздат, 1949. 80 с.
10. Куликовский А.А. Новое в технике радиоприема. М., 1950. 120 с.
11. Корольков В.Г. Магнитная запись звука. М., 1949. 88 с.
12. Минц А.Л. Советская радиоэлектроника за 30 лет. М., 1948. 32 с.
13. Шамшур В.И. Первые годы советской радиотехники. М., 1949.
14. Кудрявцев-Скайф С.С. А.С. Попов – изобретатель радио. М. ; Л., 1945. 257 с.
15. Дубнов А.С. Из истории радиосвязи // Радио. 1946. № 2. С. 14–15.
16. Байкузов Н.А. Наши ученые // Радио. 1947. № 1. С. 6–7.
17. Новаковский С.В. Частотная модуляция. М., 1946. 120 с.
18. Гоноровский И.С. Частотная модуляция и ее применения. М., 1948. 284 с.
19. Частотная манипуляция на радиотелеграфных связях : информ. сб. М., 1949. 76 с.
20. Высоков М.С. Российская империя на путях модернизации : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. С. 37–38.
21. Берг А.И. Современное состояние и перспективы развития радиоэлектроники // Вестник АН СССР. 1955. № 3. С. 39.
22. Берг А.И. А.С. Попов, радиоэлектроника и прогресс // Радиотехника. 1959. № 5.
23. Попова-Кьяндская Е.А., Гурвич С.Е. Первые гражданские радиостанции в России // Вестник связи. 1951. № 7.
24. Дубнов А.С. Пионеры радиосвязи в русской армии // Радио. 1951. № 2. С. 5–6.
25. Кьяндский Г.А., Попова-Кьяндская Е.А. Алексей Алексеевич Петровский – современник и продолжатель трудов А.С. Попова // Электричество. 1953. № 7.
26. Остряков П.А. Михаил Александрович Бонч-Бруевич. М., 1953. 76 с.
27. Шамшур В.И. Из истории отечественной радиотехники // 60 лет радио (1985–1955). М., 1955. С. 332–342.
28. Сотин Б.С., Титова В.М. Развитие радиотелеграфных сообщений в России (до 1917 г.) // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 11: История энергетики, электротехники и связи. М., 1957. С. 139–198.
29. Сотин Б.С., Давыдова Л.Г. Русские электротехнические съезды // Труды Института истории естествознания и техники. М., 1959. Т. 26. С. 3–101.
30. Франкфурт Я.Л. О некоторых забытых русских пионерах электротехники // Труды Института истории естествознания и техники. С. 101–118.
31. Бурлянд В.А. Отечественная радиотехника в датах. М., 1957. 126 с.
32. Берг А.И., Шамшур В.И. А.С. Попов и современная радиоэлектроника. М. ; Л., 1959. 88 с.
33. Очерки истории радиотехники / ред. Б.С. Сотин. М., 1960. 450 с.
34. Из истории отечественной техники / ред. В.В. Данилевский. Л., 1950. 248 с.
35. Белькинд Л.Д., Конфедератов И.Я. и др. История энергетической техники. М. ; Л., 1960. 664 с.
36. Зворыкин А.А., Осьмова Н.И. и др. История техники. М., 1962. 772 с.
37. Броннер Б.В., Кокосов Л.В. Бригада отличного качества на телеграфе (К.Н. Карымовой. Московский центральный телеграф). М., 1949. 36 с.
38. Вопросы развития транспорта и связи в СССР. М., 1948. 158 с.
39. Давыдов Г.М. Радио – в каждый колхозный дом. М., 1949. 32 с.
40. Мышляев К.В. Телефонистки Курской ГТС. М., 1948. 28 с.
41. Петрушин И.П., Крымский К. Техники-стахановцы междугородной связи. М., 1948. 48 с.
42. Шагурина И. Четыре профессии. Рассказ о почине симферопольской телеграфистки Екатерины Жарковой. Симферополь, 1949. 23 с.
43. Юдзон И.Ф. Мастер ленинградского телеграфа. М., 1948. 48 с.
44. Зелигер Н.Б. Современная отечественная техника телеграфной связи. Л., 1954. 36 с.
45. Гуров В.С. Полупроводники в технике и в быту. М., 1958. 144 с.
46. Гуров В.С., Мурадян А.Г. Кристаллические триоды в аппаратуре проводной связи. М., 1955. 52 с.
47. Долуханов М.П. Введение в теорию передачи информации по электрическим каналам связи. М., 1955. 127 с.
48. Бородич С.В. Радиорелейная связь // 70 лет радио. М., 1965. С. 24–48.
49. Гусятинский И.А., Рыжков Е.В., Немировский А.С. Радиорелейные линии связи. М., 1965.
50. Давыденко Ю.И. Дальняя тропосферная связь. М., 1968. 212 с.
51. Остроумов А.В. Об опыте внедрения автоматизации на телеграфных связях и обработки предпраздничных обменов на автоматике в телеграфе города Ростова-на-Дону. Ростов н/Д., 1957. 58 с.
52. Бабенко А.С. Диспетчерская радиосвязь в МТС. М. ; Л., 1955. 104 с.
53. Шмаков П.В. Основы цветного и объемного телевидения. М., 1954. 304 с.
54. Радио в каждый колхозный дом. Красноярск, 1954. 32 с.
55. Касперович Ю. В далекой Кыштовке (Опыт работы коллектива передовой Кыштовской районной конторы связи). Новосибирск, 1957. 31 с.
56. Матюхевич А. Связь на Алтае в шестой пятилетке // Блокнот агитатора. 1956. № 18. С. 17–24.
57. Евтянов С.И. Радиопередающие устройства. М., 1950. 644 с.
58. Котельников В.А., Николаев А.М. Основы радиотехники : в 2 т. М., 1950–1954.
59. Коган С.С. Теория и расчет фильтров для установок дальней связи. М., 1950. 179 с.
60. Зелигер Н.Б., Игнатъев А.Д., Наумов П.А., Чанцов С.Д. Основы телеграфии [учебник для электротехн. вузов связи]. М., 1950. 596 с.

61. Автоматические телефонные станции декадно-шаговой системы (АТС-47) / Л.С. Фарафонов, К.И. Волкова, Я.Г. Кобленц, Е.М. Ройтенберг. М., 1951. 299 с.
62. Долуханов М.П. Распространение коротких и ультракоротких радиоволн. Л., 1949. 170 с.
63. Домбровский И.А. Антенны. М., 1951. 352 с.
64. Копытин Л.А. Передающие радиостанции. М., 1951. 464 с.
65. Копытин Л.А. Техническая эксплуатация передающих радиостанций. М., 1954. 436 с.
66. Бородин С.В., Минашин В.П., Соколов А.В. Радиорелейная связь. М., 1960. 387 с.
67. Гоноровский И.С. Радиосигналы и переходные явления в радиоприемниках. М., 1954. 330 с.
68. Добровольский Е.Е. Оборудование для внутриобластных и внутрирайонных радиосвязей и его эксплуатация. М., 1959. 72 с.
69. Долуханов М.П. Введение в теорию передачи информации по электрическим каналам связи. М., 1955. 127 с.
70. Малышева Н.В. и др. Немедленная система эксплуатации и автоматизация междугородной телефонной связи. М., 1958. 55 с.
71. Шамаков П.В. Цветное и объемное телевидение. М., 1955. 55 с.
72. Фортунченко А.Д. Развитие средств связи в СССР за 40 лет. М., 1957. 32 с.
73. Сергейчук К.Я. Развитие техники связи в СССР. М., 1955. 32 с.
74. Сергейчук К.Я. Развитие средств связи в 1959–1965 гг. М., 1958. 20 с.
75. Сергейчук К.Я. Семилетний план и задачи дальнейшего развития средств связи. М., 1959. 38 с.
76. Сергейчук К.Я. Развитие средств связи в новой пятилетке (1966–1970 гг.) и задачи работников связи в деле выполнения решений XXIII съезда КПСС. М., 1967. 27 с.
77. Связь страны социализма. Сборник материалов о развитии средств связи в СССР / под ред. Н.Д. Псурцева. М., 1959. 191 с.
78. Васильев А.В. Литература для связистов в 1961 году // Вестник связи. 1961. № 1. С. 28–29.
79. Востряков В.Б. Справочные материалы для коротковолновика. М., 1947. 49 с.
80. Правила технической эксплуатации средств радиосвязи и радиовещания. М., 1946, 1948.
81. Тарифы за услуги местных телефонных сетей, внутрирайонной телефонной связи и иногородние телефонные переговоры. М., 1947. 14 с.
82. Министерство связи. Главное управление материально-технического снабжения. Справочник основных материалов и оборудования, применяемых в предприятиях Министерства связи. М., 1949. Ч. 1–13.
83. Телеграфные правила. Ч. 1: Общая эксплуатация. М., 1951. 244 с.
84. Руководство по организации радиосвязи в МТС. Утв. 17/IX 1954 г. М., 1954. 40 с.
85. Вишневецкий А.А. Основные фонды связи и их использование. М., 1956. 44 с.
86. Вишневецкий А.А. Основные производственные фонды связи, их развитие и использование. Лекция по экономике связи. М., 1968. 51 с.
87. Гурович М.Г. Планирование транспорта и связи: пособие по курсу «Планирование нар. хозяйства СССР». М., 1958. 34 с.
88. Губин Н.М., Срапионов О.С. Организация управления в хозяйстве связи. М., 1957. 44 с.
89. Очакова А.И. Методы изучения затрат рабочего времени на предприятиях связи и задачи технического нормирования. М., 1967. 35 с.
90. Срапионов О.С. и др. Экономика и планирование связи. М., 1968. 367 с.
91. Вяткин О., Дьяконов Ю. Вклад радиолюбителей. (О создании Томского телецентра) // Радио. 1957. № 9. С. 5–6.
92. Псурцев Н.Д. Сегодня и завтра советской радиотехники // Радио. 1965. № 5. С. 9–11.
93. Семенов Б. Новое в радиовещательной приемной технике // Радио. 1971. № 4. С. 19–21.
94. Талызин Н.В. Десятая пятилетка: связь, телевидение, радиовещание // Радио. 1976. № 3. С. 1–3.
95. Гусев А. На Бердском радиозаводе // Радио. 1978. № 11. С. 4–6.
96. Нилов В.З. Пионеры коротких волн Сибири // Радио. № 4. 1978. С. 11–12.
97. Аносевич Б.Ф. Освещение на страницах журнала теории и техники проводной связи // Электросвязь. 1971. № 6. С. 6–7.
98. Фортунченко А.Д. Роль журнала «Электросвязь» в развитии теории и техники радио // Электросвязь. 1971. № 6. С. 2–6.
99. Заварзин С. Причины отставания Омской телефонной станции // Вестник связи. Электросвязь. 1945. № 1. С. 20.
100. Григорович С.А. Связисты Томска строят жилые дома для своих семей // Вестник связи. 1958. № 8. С. 32.
101. Банас Н.А. Опыт строительства сооружений сельской телефонной связи // Вестник связи. 1964. № 6. С. 8.
102. Кузнецов М.Д. Опыт внедрения фототелеграфных аппаратов «Арагви» // Вестник связи. 1966. № 2. С. 18–20.
103. Орден – телеграфу // Вестник связи. 1971. № 7. С. 14–15.
104. Мальцев В.А., Чернышевский И.В. Трудовые будни ЭТУС // Вестник связи. № 12. С. 36–37.
105. Шаповалов Н. Надежную связь строителям БАМа // Вестник связи. 1975. № 2. С. 4–6.
106. Константинов Е.Б. Неухоженный цех // Вестник связи. 1980. № 5. С. 46.
107. Елютин А.С. Мастер своего дела // Вестник связи. 1983. № 7. С. 19–20.
108. Омское областное управление связи // Бюллетень передового опыта. 1957. № 1–3; 1958. № 1–8.
109. Сифоров В.И., Гуткин Л.С., Лебедев В.Л. Развитие радиотехники в Советском Союзе // Труды Московского энергетического института. 1960. Вып. 33.
110. Из истории телеграфа и телефона // Медведев Е.П. Беседы о важнейших научных открытиях. Минск, 1961. С. 93–112.
111. Остроумов Б.А. Радиотехника в России после А.С. Попова (1906–1912) // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 44: История энергетики, электротехники и связи. М., 1962. С. 233–257.
112. Титова В.М. Развитие ранних технических средств связи в России // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 44: История энергетики, электротехники и связи. С. 179–213.
113. Бренев И.В. Развитие в СССР исследований в области истории изобретения радио А.С. Поповым // Из истории энергетики, электроники и связи. М., 1969. Вып. 4. С. 3–30.
114. Косиков К.М. 50 лет опытным работам по воздушной и проводной радиосвязи, пеленгованию, управлению самолетами и передаче сигналов времени по радио // Из истории энергетики, электроники и связи. М., 1967. Вып. 2. С. 9–15.
115. Резников М.Р. 50 лет советской связи. М., 1967. 136 с.
116. Шамшур В.И. Первые годы советской радиотехники. М., 1969. 48 с.
117. Аяр А. К столетию изобретения телефона // Электросвязь. 1976. № 3. С. 46–49.
118. Губренко И.М., Иоффе И.З., Кучумов Е.В. Телефонные аппараты и таксофоны. История, современное состояние и перспективы развития // Электросвязь. С. 27–38.
119. Глинка В.И. Проблемы развития телефонной связи в СССР // Электросвязь. С. 1–6.
120. Яроцкий А.В. Павел Михайлович Голубицкий, 1845–1911. М., 1976. 120 с.
121. Акулишин П.К., Дивногорцев Г.П. Воздушная магистраль Москва-Хабаровск // Электросвязь. 1977. № 12. С. 56–61.
122. Марценицен С.И. Телеграфная связь вчера, сегодня, завтра // Электросвязь. № 11. С. 32–41.
123. Бобков И.С. Развитие телеграфно-телефонной связи в первые годы Советской власти // Вестник связи. 1970. № 1. С. 8–9.
124. Яроцкий А.В. Русские пионеры техники электросвязи // Труды XIII Международного конгресса по истории науки. Секция 11. История техники. М., 1974. С. 264–266.
125. Дзюбин И.И. Выхожу на связь. М., 1979. 160 с.
126. Волгин Б.Н. Помогите телефону. М., 1983. 168 с.
127. Марценицен С.И., Новиков В.В. 150 лет отечественному телеграфу. М., 1982. 152 с.

128. Давыдов Г.Б., Рогинский В.Н., Толчан А.А. Сети электросвязи. М., 1977. 180 с.
129. Сети ЭВМ / В.М. Глушков, Л.А. Калинин, В.Г. Лазарев, В.И. Сифоров ; под ред. акад. В.М. Глушкова. М., 1977. 279 с.
130. Фазовая синхронизация / под ред. В.В. Шахгильдяна, Л.Н. Белостоиной. М., 1975. 289 с.
131. Бородин С.В. Искажения и помехи в многоканальных системах радиосвязи с частотной модуляцией. М., 1976. 256 с.
132. Савицкий Г.А. Расчет антенных сооружений: Физические основы. М., 1978. 151 с.
133. Цветкова О.Я. Роль партийной организации Западной Сибири в развитии средств связи в годы первой пятилетки // Труды учебных институтов связи. 1962. Вып. 11. С. 149–159.
134. Бакакин А.А. Телевидение в Томске. Томск, 1959. 51 с.
135. Очерки истории города Томска (1604–1954) / под ред. С.И. Мурашова. Томск, 1954. 327 с.
136. Зайченко П.А. Томский государственный университет им. Куйбышева за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960. 478 с.
137. Алтай в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). Барнаул, 1961. 330 с.
138. История индустриализации Западной Сибири (1926–1941). Новосибирск, 1967. 392 с.
139. Строкой отмеченное время. Хроника событий в Новосибирске. «Советской Сибири» 50 лет. 1919–1969. Новосибирск, 1970. 239 с.
140. Юмашев А.С. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по повышению уровня культуры сельского населения (1951–1959) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1967.
141. Потапова О.Я. Развитие средств связи Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Сборник научных трудов кафедр общественных наук, посвященный 50-летию Советской власти. Л., 1967. С. 143–152.
142. Батаков В.Е. Говорит город Горький. Горький, 1978. 150 с.
143. Васильева Л.А. Телевидение – активный помощник коммунистической партии в воспитании рабочей молодежи. (Из опыта Ленинградской студии телевидения 1938–1973 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975. 23 с.
144. Фокин Г.Т. В эфире – город Киров. М., 1973. 85 с.
145. Цирульников А.М. Говорит и показывает. Горький, 1984. 255 с.
146. Виткевичюс П.П. Развитие электро- и радиосвязи в Литве. Вильнюс, 1972. 268 с.
147. Ерицян С.С. Телевидение Армении в системе средств массовой информации и пропаганды республики : дис. ... канд. фил. наук. М., 1987. 305 с.
148. Кабиров Х.К. Развитие средств связи в Таджикской ССР. Сталинабад, 1959. 36 с.
149. Кабиров Х.К. Развитие средств связи в Таджикской ССР : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Душанбе, 1967. 33 с.
150. Кожиров Б.К. Развитие отрасли связи в Казахстане в период развитого социализма (1960–1975 гг.) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Алма-Ата, 1976. 23 с.
151. Крулицкий Ф.Л. Становление и развитие радиовещания в Советской Молдавии, 1928–1941 гг. : дис. ... канд. фил. наук. Кишинев, 1978. 212 с.
152. Крулицкий Ф.Л. Радиовещание Советской Молдавии: (Страницы истории 1928–1941 гг.). Кишинев, 1979. 167 с.
153. Леонидзе Н. С. Проблемы развития грузинского телевидения в системе общесоюзного телевидения : автореф. дис. ... д-ра фил. наук. Тбилиси, 1975. 79 с.
154. Новокрещенова Т.М. Создание и развитие радиовещания в Туркменистане с середины 20-х – 50-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ашхабад, 1986. 191 с.
155. Новокрещенова Т.М. Создание и развитие радиовещания в Туркменистане (20–50-е гг.) / отв. ред. Т. Дурдыев. Ашхабад, 1991. 136 с.
156. Рихсиев Б.А. Становление и развитие узбекского радиовещания (1917–1937 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1972. 16 с.
157. Бжеников М.М. Становление и современное функционирование радиовещания и телевидения в Кабардино-Балкарской АССР. (К вопросу о месте нац. программ в общесоюзной системе вещания) : автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1977. 21 с.
158. Киселев Н.Ю. Создание и развитие системы радиовещания в Башкирской АССР: Исторический опыт. Проблемы эффективности национального радиовещания : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 212 с.
159. Попов В.С. Деятельность партийных организаций по развитию средств связи Западной Сибири в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1971. 25 с.
160. Рукин Н.С. Идеологическая работа партийной организации Сибири в период создания фундамента социалистической экономики и руководство средствами массовой информации // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1976. С. 135–171.
161. Потапова О.Я. Радиофикация Западной Сибири в период строительства социализма // Исторические аспекты экономического, культурного и социального развития Сибири. Новосибирск, 1978. Ч. 2. С. 148–155.
162. Потапова О.Я. Перестройка работы предприятий связи в начальный период Великой Отечественной войны // Исторические аспекты экономического, культурного и социального развития Сибири. Новосибирск, 1978. Ч. 2. С. 163–168.
163. Нилов В.З. Томск. Университет. Короткие // Красное знамя. 1975. 20 ноября. С. 4.
164. Нилов В.З. Начало организации радиофизики и радиоэлектроники в Сибири (1895–1933) // Вопросы методики преподавания в вузе. Томск, 1977. С. 100–105.
165. Завьялов А.С., Нилов В.З., Пойзнер Б.Н. Статья радиофизиком. Томск, 1988. 98 с.
166. Заржицкая Л.В., Верхунов В.М., Кононков Б.Ф., Кононков А.Ф. Из истории радиосвязи в Красной Армии (1918–1922 гг.) // История и методология естественных наук. М., 1975. Вып. 17. С. 142–156.

Vladimir V. Mirkin. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vvmvcv@gmail.com

HISTORIOGRAPHY OF THE SOVIET TELECOMMUNICATIONS (1945-1980S)

Keywords: telecommunication; telegraph; telephone; radio communication.

The author of the article sets a goal - to analyze the literature devoted to the problems of history and the development of Soviet telecommunication (telegraph, telephone and radio communication) from the post-war period to perestroika. The specificity of works on the history of telecommunications is due to the fact that telecommunication as one of the areas of science and technology combines the most diverse areas of knowledge. The post-war period of historiography (1945 - 1980s) was undoubtedly the most fruitful for studying the history of telecommunications and therefore deserves special attention. During this time, considerable experience was gained in covering a wide range of issues of the history and development of communications. The patriotic interest in the history of Russian science and technology as a whole has grown noticeably. It is noted that the common for the authors of the pre-war period of historiography was a pronounced negative attitude to the pre-revolutionary time in the history of communication. At the same time, the attention paid to the problem of low telecommunications and the approach of postal, telegraph and telephone communication to the Russian village is positive.

The scope of work covering the theory and practice of telecommunications, broadcasting, television, has expanded throughout the entire period. At the same time, the works of the "Svyaz" publishing house occupied a central place in the literary file. A significant part of information on the history of the country's telecommunications and its individual regions was published in specialized periodicals. It should be noted that most of the research concerned the pre-revolutionary period in the history of telecommunications in the scale of the

whole country, and the authors' interests were grouped primarily around the main enterprises, laboratories, and communications institutes - in Moscow, Leningrad, and Nizhny Novgorod. Popular was also the topic of the role of party organizations in the development of communication. In general, this period was the time of a surge of interest of researchers to the problems of telecommunications, apparently related to the general rise of historical science. However, despite the growing interest in telecommunication problems throughout the entire period, the main attention was paid to the socio-political, social, and not the historical-technical aspect of the problem.

REFERENCES

1. Berg, A.I. (1945) *Izobretenie radio A. S. Popovym. Sbornik dokumentov i materialov* [The invention of the radio by A.S. Popov. Collection of documents and materials]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Fortushenko, A.D. (ed.) (1945) *50 let radio* [50 years of radio]. Moscow: Svyaz'izdat.
3. Fortushenko, A.D. (ed.) (1955) *60 let radio* [60 years of radio]. Moscow: Svyaz'izdat.
4. Mozhzhevelov, B.N. (1945) *Pyat' desyat let radio* [Fifty years of radio]. Moscow; Leningrad: Gosenergoizdat.
5. Nevyazhsky, I.Kh. (1945) 50 let radio [50 years of radio]. *Vestnik elektropromyshlennosti*. 4–5.
6. Nadenenko, S.I. (1945) Dinamika razvitiya i problemy rosta radiosvyazi [Dynamics of development and problems of the growth of radio communications]. In: Fortushenko, A.D. (ed.) (1945) *50 let radio* [50 years of radio]. Moscow: Svyaz'izdat. pp. 57.
7. Peresypkin, I.T. (1945) Radio v Otechestvennoy voyne [Radio in World War II]. *Vestnik svyazi. Elektrosvyaz'*. 5. pp. 18–21.
8. Shamshin, I.A. (1945) Razvitie radiofikatsii v SSSR [Development of radiofication in the USSR]. *Vestnik svyazi. Elektrosvyaz'*. 5. pp. 49–50
9. Shamshur, V.I. (1949) *Radiolokatsiya* [Radar]. Moscow: Gosenergoizdat.
10. Kulikovskiy, A.A. (1950) *Novoe v tekhnike radiopriema* [New in the technique of radio reception]. Moscow: Gosenergoizdat.
11. Korolkov, V.G. (1949) *Magnitnaya zapis' zvuka* [Magnetic sound recording]. Moscow: Gosenergoizdat.
12. Mints, A.L. (1948) *Sovetskaya radioelektronika za 30 let* [Soviet radio electronics for 30 years]. Moscow: [s.n.].
13. Shamshur, V.I. (1949) *Pervye gody sovetskoy radiotekhniki* [The first years of Soviet radio engineering]. Moscow: Gosenergoizdat.
14. Kudryavtsev-Skayf, S.S. (1945) *A.S. Popov – izobretatel' radio* [A.S. Popov as the inventor of the radio]. Moscow; Leningrad: VOENMORIZDAT.
15. Dubnov, A.S. (1946) Iz istorii radiosvyazi [From the history of radio communication]. *Radio*. 2. pp. 14–15.
16. Baykuzov, N.A. (1947) Nashi uchenye [Our scientists]. *Radio*. 1. pp. 6–7.
17. Novakovskiy, S.V. (1946) *Chastotnaya modulyatsiya* [Frequency modulation]. Moscow: Svyaz'izdat.
18. Gonorovskiy, I.S. (1948) *Chastotnaya modulyatsiya i ee primeneniya* [Frequency modulation and its applications]. Moscow: Svyaz'izdat.
19. Melnikov, V.S. (ed.) (1949) *Chastotnaya manipulyatsiya na radiotelegrafnykh svyazyakh* [Frequency manipulation on wireless telegraph communications]. Moscow: Svyaz'izdat.
20. Vysokov, M.S. (2004) *Rossiyskaya imperiya na putyakh modernizatsii* [The Russian Empire on the Way of Modernization]. History Dr. Diss. St. Petersburg. pp. 37–38.
21. Berg, A.I. (1955) Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya radioelektroniki [The current state and prospects of development of radio electronics]. *Vestnik AN SSSR*. 3. pp. 39.
22. Berg, A.I. (1959) A.S. Popov, radioelektronika i progress [A.S. Popov, radio electronics and progress]. *Radiotekhnika*. 5.
23. Popova-Kyandskaya, E.A. & Gurvich, S.E. (1951) Pervye grazhdanskie radiostantsii v Rossii [The first civilian radio stations in Russia]. *Vestnik svyazi*. 7.
24. Dubnov, A.S. (1951) Pionery radiosvyazi v russkoy armii [Pioneers of radio communications in the Russian army]. *Radio*. 2. pp. 5–6.
25. Kyandskiy, G.A. & Popova-Kyandskaya, E.A. (1953) Aleksey Alekseevich Petrovskiy – sovremennik i prodolzhatel' trudov A. S. Popova [Aleksey Alekseevich Petrovskiy – a contemporary and successor to A.S. Popov]. *Elektrichestvo*. 7.
26. Ostryakov, P.A. (1953) *Mikhail Alexandrovich Bonch-Bruevich* [Mikhail Alexandrovich Bonch-Bruevich]. Moscow: Svyaz'izdat.
27. Shamshur, V.I. (1955) Iz istorii otechestvennoy radiotekhniki [From the history of Russian radio engineering]. In: Fortushenko, A.D. (ed.) (1955) *60 let radio* [60 years of radio]. Moscow: Svyaz'izdat. pp. 332–342.
28. Sotin, B.S. & Titova, V.M. (1957) Razvitie radiotelegrafnykh soobshcheniy v Rossii (do 1917 g.) [The development of radio telegraph communications in Russia (until 1917)]. In: *Trudy Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Proceedings of the Institute of the History of Natural Science and Technology]. Vol. 11. Moscow: USSR AS. pp. 139–198.
29. Sotin, B.S. & Davydova, L.G. (1957) Russkie elektrotekhnicheskie s'ezdy [Russian Electrotechnical Congresses]. In: *Trudy Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Proceedings of the Institute of the History of Natural Science and Technology]. Vol. 26. Moscow: USSR AS. pp. 3–101.
30. Frankfurt, Ya.L. (1957) O nekotorykh zabytykh russkikh pionerakh elektrotekhniki [About some forgotten Russian pioneers of electrical engineering]. In: *Trudy Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Proceedings of the Institute of the History of Natural Science and Technology]. Vol. 26. Moscow: USSR AS. pp. 101–118.
31. Burluyand, V.A. (1957) *Otechestvennaya radiotekhnika v datakh* [Russian radio engineering in dates]. Moscow: Central Bureau of Scientific and Technical Information.
32. Berg, A.I. & Shamshur, V.I. (1959) *A.S. Popov i sovremennaya radioelektronika* [A.S. Popov and modern radio electronics]. Moscow; Leningrad: Gosenergoizdat.
33. Sotin, B.S. (ed.) (1960) *Ocherki istorii radiotekhniki* [Essays on the history of radio engineering]. Moscow: USSR AS.
34. Danilevskiy, V.V. (ed.) (1950) *Iz istorii otechestvennoy tekhniki* [From the history of Russian technology]. Leningrad: Lenizdat.
35. Belkind, L.D., Konfederatov, I.Ya. et al. (1960) *Istoriya energeticheskoy tekhniki* [History of energy technology]. Moscow; Leningrad: GEI.
36. Zvorykin, A.A., Osmova, N.I. et al. (1962) *Istoriya tekhniki* [History of technology]. Moscow: Sotsekgiz.
37. Bronner, B.V. & Kokosov, L.V. (1949) *Brigada otlichnogo kachestva na telegrafe (K.N. Karymovoy. Mosk. tsentr. telegraf)* [Telegraph brigade of excellent quality (K.N. Karymova. Moscow Central Telegraph)]. Moscow: [s.n.].
38. Anon. (1948) *Voprosy razvitiya transporta i svyazi v SSSR* [Issues of the development of transport and communications in the USSR]. Moscow: [s.n.].
39. Davydov, G.M. (1949) *Radio – v kazhdy kolkhoznyy dom* [Radio – in every collective farm house]. Moscow: [s.n.].
40. Myshlyayev, K.V. (1948) *Telefonistki Kurskoy GTS* [Telephone operators of the Kursk GTS]. Moscow: [s.n.].
41. Petrushin, I.P. & Krymskiy, K. (1948) *Tekhniki-stakhanovtsy mezhdugorodnoy svyazi* [Stakhanovite technicians of the intercity communication]. Moscow: [s.n.].
42. Shagurina, I. (1949) *Chetyre professii. Rasskaz o pochine simferop. telegrafistki Ekateriny Zharkovoy* [Four professions. A story about the initiative of Simferopol telegrapher Ekaterina Zharkova]. Simferopol: [s.n.].
43. Yudzon, I.F. (1948) *Mastera leningradskogo telegrafa* [Masters of the Leningrad Telegraph]. Moscow: [s.n.].
44. Zeliger, N.B. (1954) *Sovremennaya otechestvennaya tekhnika telegrafnoy svyazi* [Modern Russian telegraph communication technology]. Leningrad: [s.n.].
45. Gurov, V.S. (1958) *Poluprovodniki v tekhnike i v bytu* [Semiconductors in engineering and in everyday life]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
46. Gurov, V.S. & Muradyan, A.G. (1955) *Kristallicheskie triody v apparature provodnoy svyazi* [Crystal triodes in wire communication equipment]. Moscow: [s.n.].
47. Dolukhanov, M.P. (1955) *Vvedenie v teoriyu peredachi informatsii po elektricheskim kanalim svyazi* [Introduction to the theory of information transfer through electric communication channels]. Moscow: Svyaz'izdat.

48. Borodich, S.V. (1965) Radioreleynaya svyaz' [Radio relay communication]. In: Fortushenko, A.D. (ed.) *70 let radio* [70 years of radio]. Moscow: Svyaz'. pp. 24–48.
49. Gusyatskiy, I.A., Ryzhkov, E.V. & Nemirovsky, A.S. (1965) *Radioreleynnye linii svyazi* [Radio relay communication lines]. Moscow: Svyaz'.
50. Davydenko, Yu.I. (1968) *Dal'naya troposfer'naya svyaz'* [Long-range tropospheric communication]. Moscow: Svyaz'.
51. Ostroumov, A.V. (1957) *Ob opyte vnedreniya avtomatizatsii na telegrafnykh svyazyakh i obrabotki predprazdnichnykh obmenov na avtomatike v telegrafe goroda Rostova-na-Donu* [On the experience of introducing automation on telegraph communications and processing pre-holiday exchanges on automation in the telegraph of the city of Rostov-on-Don]. Rostov-on-Don: [s.n.].
52. Babenko, A.S. (1955) *Dispechskaya radiosvyaz' v MTS* [Dispatch radio communications in MTS]. Moscow; Leningrad: Gosenergoizdat.
53. Shmakov, P.V. (1954) *Osnovy tsvetnogo i ob"emnogo televideniya* [Fundamentals of colour and 3-D television]. Moscow: Sovetskoe radio.
54. Anon. (1954) *Radio v kazhdy kolkhoznyy dom* [Radio to every collective farm house]. Krasnoyarsk: [s.n.].
55. Kasperovich, Yu. (1957) *V dalekoy Kyshtovke (Opyt raboty kollektiva peredovoy Kyshtovskoy rayon. kontory svyazi)* [In the distant Kyshtovka (Work experience of the advanced Kyshtovka District Communication Office)]. Novosibirsk: [s.n.].
56. Matyukhevich, A. (1956) Svyaz' na Altae v shestoy pyatiletke [Communication in the Altai in the sixth five-year plan]. *Bloknot agitatora*. 18. pp. 17–24.
57. Evtyanov, S.I. (1950) *Radiopereadayushchie ustroystva* [Radio transmitting devices]. Moscow: [s.n.].
58. Kotelnikov, V.A. & Nikolaev, A.M. (1950–1954) *Osnovy radiotekhniki. V 2 tt.* [Fundamentals of radio engineering. In 2 vols]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po voprosam svyazi i radio.
59. Kogan, S.S. (1950) *Teoriya i raschet fil'trov dlya ustanovok dal'ney svyazi* [Theory and calculation of filters for long-distance communications]. Moscow: [s.n.].
60. Zeliger, N.B., Ignatiev, A.D., Naumov, P.A. & Chantsov, S.D. (1950) *Osnovy telegrafii* [Fundamentals of telegraphy]. Moscow: [s.n.].
61. Farafonov, L.S., Volkova, K.I., Koblents, Ya.G. & Roytenberg, E.M. (1951) *Avtomatische telefonnye stantsii dekadno-shagovoy sistemy (ATS-47)* [Automatic telephone exchanges of the decade-step system (ATS-47)]. Moscow: [s.n.].
62. Dolukhanov, M.P. (1949) *Rasprostraneniye korotkikh i ul'trakorotkikh radiovoln* [Propagation of short and ultrashort radio waves]. Leningrad: [s.n.].
63. Dombrovsky, I.A. (1951) *Antenny* [Antennas]. Moscow: [s.n.].
64. Kopytin, L.A. (1951) *Peredayushchie radiotsentry* [Transmitting radio centers]. Moscow: Svyaz'izdat.
65. Kopytin, L.A. (1954) *Tekhnicheskaya ekspluatatsiya peredayushchikh radiotsentrov* [Technical operation of transmitting radio centers]. Moscow: Svyaz'izdat.
66. Borodich, S.V., Minashin, V.P. & Sokolov, A.V. (1960) *Radioreleynaya svyaz'* [Radio relay communication]. Moscow: [s.n.].
67. Gonorovskiy, I.S. (1954) *Radiosignaly i perekhodnye yavleniya v radiotsepyakh* [Radio signals and transient phenomena in radio circuits]. Moscow: [s.n.].
68. Dobrovolsky, E.E. (1959) *Oborudovaniye dlya vnurioblastnykh i vnurirayonnykh radiosvyazey i ego ekspluatatsiya* [Equipment for intra-regional and intra-district radio communications and its operation]. Moscow: [s.n.].
69. Dolukhanov, M.P. (1955) *Vvedeniye v teoriyu peredachi informatsii po elektricheskim kanalim svyazi* [Introduction to the theory of information transfer through electric communication channels]. Moscow: Svyaz'izdat.
70. Malysheva, N.V. et al. (1958) *Nemedlennaya sistema ekspluatatsii i avtomatizatsiya mezhdugorodnoy telefonnoy svyazi* [Immediate system of operation and automation of long-distance telephone communications]. Moscow: [s.n.].
71. Shmakov, P.V. (1955) *Tsvetnoe i ob"emnoe televidenie* [Color and 3-D television]. Moscow: Sovetskoe radio.
72. Fortushenko, A.D. (1957) *Razvitiye sredstv svyazi v SSSR za 40 let* [Development of communications in the USSR for 40 years]. Moscow: Znanie.
73. Sergeychuk, K.Ya. (1955) *Razvitiye tekhniki svyazi v SSSR* [Development of communication technology in the USSR]. Moscow: [s.n.].
74. Sergeychuk, K.Ya. (1958) *Razvitiye sredstv svyazi v 1959–1965 gg.* [The development of communications in 1959–1965]. Moscow: [s.n.].
75. Sergeychuk, K.Ya. (1959) *Semiletniy plan i zadachi dal'neyshego razvitiya sredstv svyazi* [Seven-year plan and objectives for the further development of communications]. Moscow: [s.n.].
76. Sergeychuk, K.Ya. (1967) *Razvitiye sredstv svyazi v novoy pyatiletke (1966–1970 gg.) i zadachi rabotnikov svyazi v dele vypolneniya resheniy XXIII s"ezda KPSS* [The development of communications in the new five-year plan (1966–1970) and the tasks of communications workers in the implementation of decisions of the 23rd Congress of the CPSU]. Moscow: [s.n.].
77. Psurtsev, N.D. (1959) *Svyaz' strany sotsializma. Sbornik materialov o razvitiy sredstv svyazi v SSSR* [The communication in the country of socialism. Collection of materials on the development of communications in the USSR]. Moscow: [s.n.].
78. Vasiliev, A.V. (1961) *Literatura dlya svyazistov v 1961 godu* [Literature for communication staff in 1961]. *Vestnik svyazi*. 1. pp. 28–29.
79. Vostryakov, V.B. (1947) *Spravochnye materialy dlya korotkovolnovnika* [Reference materials for shortwave radio amateur]. Moscow: OSOVIAHIM USSR.
80. The USSR Ministry of Communication. (1946) *Pravila tekhnicheskoy ekspluatatsii sredstv radiosvyazi i radioveshchaniya* [Guidelines for the technical operation of radio communications and broadcasting]. Moscow: Svyaz'izdat.
81. USSR. (1947) *Tarif'y za uslugi mestnykh telefonnykh setey, vnurirayonnoy telefonnoy svyazi i inogorodnie telefonnye peregovory* [Tariffs for services of local telephone networks, intra-district telephone communications and non-resident telephone calls]. Moscow: Svyaz'izdat.
82. The USSR Ministry of Communication. (1949) *Spravochnik osnovnykh materialov i oborudovaniya, primenyaemykh v predpriyatiyakh Ministerstva svyazi* [Basic materials and equipment used in enterprises of the Ministry of Communications]. Moscow: [s.n.].
83. The USSR Ministry of Communication. (1951) *Telegrafnye pravila* [Telegraph rules]. Moscow: [s.n.]. Approved as of September 17, 1954. Moscow: [s.n.].
84. Vishnevskiy, A.A. (1956) *Osnovnyye fondy svyazi i ikh ispol'zovaniye* [Fixed assets of communication and their use]. Moscow: [s.n.].
85. Vishnevskiy, A.A. (1968) *Osnovnyye proizvodstvennyye fondy svyazi, ikh razvitiye i ispol'zovaniye. Lektsiya po ekonomike svyazi* [Basic production assets of communication, their development and use. Lecture on the economics of communications]. Moscow: [s.n.].
86. Gurovich, M.G. (1958) *Planirovaniye transporta i svyazi. Posobie po kursu "Planirovaniye nar. khozyaystva SSSR"* [Planning of transport and communications. For the course "The USSR National Economy Planning"]. Moscow: [s.n.].
87. Gubin, N.M. & Srapionov, O.S. (1957) *Organizatsiya upravleniya v khozyaystve svyazi* [Organisation of management in the communications economy]. Moscow: [s.n.].
88. Ochakova, A.I. (1967) *Metody izucheniya zatrat rabocheho vremeni na predpriyatiyakh svyazi i zadachi tekhnicheskogo normirovaniya* [Methods of studying the costs of working time at communications enterprises and the tasks of technical regulation]. Moscow: [s.n.].
89. Srapionov, O.S. et al. (1968) *Ekonomika i planirovaniye svyazi* [Economics and communication planning]. Moscow: [s.n.].
90. Vyatkin, O. & Dyakonov, Yu. (1957) *Vklad radiolyubiteley. (O sozdaniy Tomskogo teletsentra)* [Contribution of radio enthusiasts. (On the opening of the Tomsk Television Center)]. *Radio*. 9. pp. 5–6.
91. Psurtsev, N.D. (1965) *Segodnya i zavtra sovetskoy radiotekhniki* [Soviet radio engineering today and tomorrow]. *Radio*. 5. pp. 9–11.
92. Semenov, B. (1971) *Novoye v radioveshchatel'noy priemnoy tekhnike* [New in broadcasting reception technology]. *Radio*. 4. pp. 19–21.
93. Talyzin, N.V. (1976) *Desyataya pyatiletka: svyaz', televidenie, radioveshchaniye* [The Tenth Five-Year Plan: Communications, Television, Radio Broadcasting]. *Radio*. 3. pp. 1–3.
94. Gusev, A. (1978) *Na Berdskom radiozavode* [At the Berdsk Radio Plant]. *Radio*. 11. pp. 4–6.
95. Nilov, V.Z. (1978) *Pionery korotkikh voln Sibiri* [Pioneers of the short waves of Siberia]. *Radio*. 4. pp. 11–12.
96. Anosovich, B.F. (1971) *Osveshcheniye na stranitsakh zhurnala teorii i tekhniki provodnoy svyazi* [The theory and technology of wire communication in the journal]. *Elektrosvyaz'*. 6. pp. 6–7.

98. Fortushenko, A.D. (1971) Rol' zhurnala "Elektrosvyaz'" v razvitiy teorii i tekhniki radio [The role of the journal "Elektrosvyaz" in the development of theory and technology of radio]. *Elektrosvyaz'*. 6. pp. 2–6.
99. Zavarzin, S. (1945) Prichiny otstavaniya Omskoy telefonnoy stantsii [Reasons for the backlog of the Omsk telephone station]. *Vestnik svyazi. Elektrosvyaz'*. 1. pp. 20.
100. Grigorovich, S.A. (1958) Svyazisty Tomska stroyat zhilye doma dlya svoikh semey [Communication staff of Tomsk are building residential houses for their families]. *Vestnik svyazi*. 8. pp. 32.
101. Banas, N.A. (1964) Opyt stroitel'stva sooruzheniy sel'skoy telefonnoy svyazi [Experience in the construction of rural telephone facilities]. *Vestnik svyazi*. 6. pp. 8.
102. Kuznetsov, M.D. (1966) Opyt vnedreniya fototelegrafnykh apparatov "Aragvi" [Experience in the implementation of photographic telegraph apparatus "Aragvi"]. *Vestnik svyazi*. 2. pp. 18–20.
103. Anon. (1971) Orden – telegrafu [Order to the telegraph]. *Vestnik svyazi*. 7. pp. 14–15.
104. Maltsev, V.A. & Chernyavsky, I.V. (1971) Trudovye budni ETUS [Labor everyday life of ETUS]. *Vestnik svyazi*. 12. pp. 36–37.
105. Shapovalov, N. (1975) Nadezhnuyu svyaz' stroitelyam BAMA [Reliable communication to the BAM builders]. *Vestnik svyazi*. 2. pp. 4–6.
106. Konstantinov, E.B. (1980) Neukhozhennyy tsekh [The untidy workshop]. *Vestnik svyazi*. 5. pp. 46.
107. Elyutin, A.S. (1983) Master svoego dela [Master of his craft]. *Vestnik svyazi*. 7. pp. 19–20.
108. Omsk Regional Communications Administration. (1957) *Byulleten' peredovogo opyta* [Bulletin of Excellence]. 1–3.
109. Siforov, V.I., Gutkin, L.S. & Lebedev, V.L. (1960) Razvitie radiotekhniki v Sovetskom Soyuze [Development of radio engineering in the Soviet Union]. *Trudy Moskovskogo energeticheskogo instituta*. 33.
110. Medvedev, E.P. (1961) *Besedy o vazhneyshikh nauchnykh otkrytiyakh* [Conversations on the most important scientific discoveries]. Minsk: [s.n.]. pp. 93–112.
111. Ostroumov, B.A. (1962) Radiotekhnika v Rossii posle A. S. Popova (1906–1912) [Radio engineering in Russia after A. S. Popov (1906–1912)]. *Trudy Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 44. pp. 233–257.
112. Titova, V.M. (1962) Razvitie rannikh tekhnicheskikh sredstv svyazi v Rossii [Development of early technical means of communication in Russia]. *Trudy Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 44. pp. 179–213.
113. Brenev, I.V. (1969) Razvitie v SSSR issledovaniy v oblasti istorii izobreniya radio A. S. Popovym [Development of research in the USSR in the history of the radio invention by A.S. Popov]. *Iz istorii energetiki, elektroniki i svyazi*. 4. pp. 3–30.
114. Kosikov, K.M. (1967) 50 let opytym rabotam po vozduzhnoy i provodnoy radiosvyazi, pelengovaniyu, upravleniyu samoletami i peredache signalov vremeni po radio [50 years of experimental work on air and wire radio communications, direction finding, aircraft control and transmission of time signals by radio]. *Iz istorii energetiki, elektroniki i svyazi*. 2. pp. 9–15.
115. Reznikov, M.R. (1967) 50 let sovetskoy svyazi [50 years of Soviet communications]. Moscow: [s.n.].
116. Shamshur, V.I. (1969) *Pervye gody sovetskoy radiotekhniki* [The First Years of Soviet Radio Engineering]. Moscow: Znanie.
117. Ayar, A. (1976) K stoletiyu izobreniya telefona [Towards the centenary of the telephone invention]. *Elektrosvyaz'*. 3. pp. 46–49.
118. Gubrenko, I.M., Ioffe, I.Z. & Kuchumov, E.V. (1976) Telefonnye apparaty i taksofony. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Telephone sets and payphones. History, current status, and development prospects]. *Elektrosvyaz'*. 3. pp. 27–38.
119. Glinka, V.I. (1976) Problemy razvitiya telefonnoy svyazi v SSSR [Problems of the telephone communication development in the USSR]. *Elektrosvyaz'*. 3. pp. 1–6.
120. Yarotsky, A.V. (1976) *Pavel Mikhaylovich Golubitskiy, 1845–1911* [Pavel Mikhailovich Golubitsky, 1845–1911]. Moscow: Nauka.
121. Akulshin, P.K. & Divnogortsev, G.P. (1977) *Vozdushnaya magistral' Moskva-Khabarovsk* [Airway Moscow-Khabarovsk]. *Elektrosvyaz'*. 12. pp. 56–61.
122. Martsenitsen, S.I. (1977) *Telegrafnaya svyaz' vchera, segodnya, zavtra* [Telegraph communication yesterday, today, tomorrow]. *Elektrosvyaz'*. 11. pp. 32–41.
123. Bobkov, I.S. (1970) Razvitie telegrafno-telefonnoy svyazi v pervye gody Sovetskoy vlasti [The development of telegraph and telephone communications in the early Soviet years]. *Vestnik svyazi*. 1. pp. 8–9.
124. Yarotsky, A.V. (1974) Russkie pionery tekhniki elektrosvyazi [Russian pioneers of telecommunication technology]. In: Kedrov, B.M. (ed.) *Trudy XIII Mezhdunarodnogo kongressa po istorii nauki. Sektsiya 11. Istoriya tekhniki* [Proceedings of the 13th International Congress on the History of Science. Section 11. History of technology]. Moscow: Nauka. pp. 264–266.
125. Dzyubin, I.I. (1979) *Vykhozhu na svyaz'* [Get in touch]. Moscow: Znanie.
126. Volgin, B.N. (1983) *Pomogite telefonu* [Help the phone]. Moscow: [s.n.].
127. Martsenitsen, S.I. & Novikov, V.V. (1982) *150 let otechestvennomu telegrafu* [150 years of the Russian telegraph]. Moscow: Radio i svyaz'.
128. Davydov, G.B., Roginsky, V. N. & Tolchan, A.Ya. (1977) *Seti elektrosvyazi* [Telecommunication networks]. Moscow: Svyaz'.
129. Glushkov, V.M. (ed.) (1977) *Seti EVM* [Computer networks]. Moscow: Svyaz'.
130. Shakhgildyan, V.V. & Belyustina, L.N. (eds) (1975) *Fazovaya sinkhronizatsiya* [Phase Synchronization]. Moscow: Radio i svyaz'.
131. Borodich, S.V. (1976) *Iskazheniya i pomekhi v mnogokanal'nykh sistemakh radiosvyazi s chastotnoy modulyatsiyey* [Distortion and interference in multichannel radio-frequency communication systems with frequency modulation]. Moscow: [s.n.].
132. Savitsky, G.A. (1978) *Raschet antemykh sooruzheniy* [Calculation of antenna structures]. Moscow: [s.n.].
133. Tsvetkova, O.Ya. (1962) Rol' partiynoy organizatsii Zapadnoy Sibiri v razvitiy sredstv svyazi v gody pervoy pyatiletki [Role of the party organisation of Western Siberia in the development of communications during the first five-year plan]. *Trudy uchebnykh institutov svyazi*. 11. pp. 149–159.
134. Bakakin, A.A. (1959) *Televizion v Tomske* [Television in Tomsk]. Tomsk: [s.n.].
135. Murashova, S.I. (ed.) (1954) *Ocherki istorii goroda Tomska (1604–1954)* [Essays on the history of Tomsk (1604–1954)]. Tomsk: Otdel izd-v Uprav. Kul'tury Tomskogo oblistpolkoma.
136. Zaychenko, P.A. (1960) *Tomskiy Gosudarstvennyy universitet im. Kuybysheva za 75 let (1880–1955)* [Kuibyshev Tomsk State University for 75 years (1880–1955)]. Tomsk: Tomsk State University Journal.
137. Larina, A.N. (ed.) (1961) *Altay v period vosstanovleniya narodnogo khozyaystva (1921–1925 gg.)* [Altai during the period of restoration of the national economy (1921–1925)]. Barnaul: Altayskoe knizhnoe izd-vo.
138. Kim, M.P. (ed.) (1967) *Istoriya industrializatsii Zapadnoy Sibiri (1926–1941)* [The history of industrialisation of Western Siberia (1926–1941)]. Novosibirsk: Nauka.
139. Anon. (1970) *Strokovy otmechennoe vremya. Khronika sobytiy v Novosibirsk. "Sovetskoy Sibiri" 50 let. 1919–1969* [The line marked time. Chronicle of events in Novosibirsk. 50 years of "Soviet Siberia". 1919–1969]. Novosibirsk: [s.n.].
140. Yumashev, A.S. (1967) *Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Zapadnoy Sibiri po povysheniyu urovnya kul'tury sel'skogo naseleniya (1951–1959)* [Activities of party organisations in Western Siberia to improve the level of culture of the rural population (1951–1959)]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
141. Potapova, O.Ya. (1967) Razvitie sredstv svyazi Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Development of communications in Western Siberia during the Great Patriotic War]. In: *Sbornik nauchnykh trudov kafedr obshchestvennykh nauk, posvyashchenny 50-letiyu Sovetskoy vlasti* [Collection of scientific works of the Departments of Social Sciences, dedicated to the 50th anniversary of Soviet power]. Leningrad: [s.n.]. pp. 143–152.
142. Batakov, V.E. (1978) *Govorit gorod Gor'kiy* [Gorky says]. Gorky: Volgo-Vyatskoe kn. izd-vo.

143. Vasilieva, L.A. (1975) *Televidenie – aktivnyy pomoshchnik kommunisticheskoy partii v vospitanii rabochey molodezhi. (Iz opyta Leningradskoy studii televideniya 1938–1973 gg.)* [Television – an active assistant to the Communist Party in the education of working youth. (From the experience of the Leningrad television studio 1938–1973 gg.)]. Abstract of History Cand. Diss. Leningrad.
144. Fokin, G.T. (1973) *V efire – gorod Kirov* [Kirov on air]. Moscow: [s.n.].
145. Tsurulnikov, A.M. (1984) *Govorit i pokazyvaet* [On air]. Gorky: [s.n.].
146. Vitkevichyus, P.P. (1972) *Razvitie elektro- i radiosvyazi v Litve* [Development of electrical and radio communications in Lithuania]. Vilnius: [s.n.].
147. Eritsyun, S.S. (1987) *Televidenie Armenii v sisteme sredstv massovoy informatsii i propagandy respubliki* []. Philology Cand. Diss. Moscow.
148. Kabirov, Kh.K. (1959) *Razvitie sredstv svyazi v Tadzhijskoy SSR* [Development of communications in the Tajik SSR]. Stalinabad: [s.n.].
149. Kabirov, Kh.K. (1967) *Razvitie sredstv svyazi v Tadzhijskoy SSR* [Development of communications in the Tajik SSR]. Abstract of Economics Cand. Diss. Dushanbe.
150. Kozhistrov, B.K. (1976) *Razvitie otrasli svyazi v Kazakhstane v period razvitygo sotsializma (1960–1975 gg.)* [Development of the communications in Kazakhstan during the developed socialism (1960–1975)]. Abstract of Economics Cand. Diss. Alma-Ata.
151. Krulitskiy, F.L. (1978) *Stanovlenie i razvitie radioveshchaniya v Sovetskoy Moldavii, 1928–1941 gg.* [The formation and development of broadcasting in Soviet Moldova, 1928–1941]. Philology Cand. Diss. Chişinău.
152. Krulitskiy, F.L. (1979) *Radioveshchanie Sovetskoy Moldavii: (Stranitsy istorii 1928–1941 gg.)* [Radio broadcasting of Soviet Moldova: (Pages of the history of 1928–1941)]. Chişinău: [s.n.].
153. Leonidze, N.S. (1975) *Problemy razvitiya gruzinskogo televideniya v sisteme obshcheyuznogo televideniya* [Problems of the development of Georgian television in the system of All-Union television]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tbilisi.
154. Novokreshchenova, T.M. (1986) *Sozdanie i razvitie radioveshchaniya v Turkmenistane, s serediny 20-kh - 50-e gg.* [Creation and development of broadcasting in Turkmenistan, from the mid 1920s to the 1950s]. Abstract of History Cand. Diss. Ashkhabad.
155. Novokreshchenova, T.M. (1991) *Sozdanie i razvitie radioveshchaniya v Turkmenistane (20-50-e gg.)* [The creation and development of broadcasting in Turkmenistan (1920-50s)]. Ashkhabad: Ylym.
156. Rikhsiev, B.A. (1972) *Stanovlenie i razvitie uzbekskogo radioveshchaniya (1917–1937 gg.)* [Formation and development of Uzbek broadcasting (1917–1937)]. History Cand. Diss. Tashkent.
157. Bzhenikov, M.M. (1977) *Stanovlenie i sovremennoe funktsionirovanie radioveshchaniya i televideniya v Kabardino-Balkarskoy ASSR. (K voprosu o meste nats. programm v obshcheyuznoy sisteme veshchaniya)* [Formation and modern functioning of broadcasting and television in the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic. (On the national programs in the all-Union broadcasting system)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
158. Kiselev, N.Yu. (1989) *Sozdanie i razvitie sistemy radioveshchaniya v Bashkirskoy ASSR: Istoricheskiy opyt. Problemy effektivnosti natsional'no radioveshchaniya* [Creation and development of a broadcasting system in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic: Historical experience. Problems of the effectiveness of national broadcasting]. History Cand. Diss. Leningrad.
159. Popov, V.S. (1971) *Deyatel'nost' partinykh organizatsiy po razvitiyu sredstv svyazi Zapadnoy Sibiri v gody chetvertoy pyatiletki (1946 – 1950 gg.)* [Activities of party organisations for the development of communications in Western Siberia during the fourth five-year plan (1946–1950)]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
160. Rukin, N.S. (1976) *Ideologicheskaya rabota partynoy organizatsii Sibiri v period sozdaniya fundamenta sotsialisticheskoy ekonomiki i rukovodstvo sredstvami massovoy informatsii* [The ideological work of the party organisation of Siberia during the foundation of the socialist economy and the management of the media]. In: *Voprosy istorii sotsial'no-ekonomicheskoy i kul'turnoy zhizni Sibiri* [Problems of the History of Socio-Economic and Cultural Life of Siberia]. Novosibirsk: [s.n.], pp. 135–171.
161. Potapova, O.Ya. (1978a) *Radiofikatsiya Zapadnoy Sibiri v period stroitel'stva sotsializma* [Radiofication of Western Siberia during the construction of socialism]. In: Lukinsky, F.A. (ed.) *Istoricheskie aspekty ekonomicheskogo, kul'turnogo i sotsial'nogo razvitiya Sibiri* [Historical aspects of the economic, cultural and social development of Siberia]. Novosibirsk: USSR AS. pp. 148–155.
162. Potapova, O.Ya. (1978b) *Perestroika raboty predpriyatiy svyazi v nachal'nyy period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Reorganization of communication enterprises in the early World War II]. In: Lukinsky, F.A. (ed.) *Istoricheskie aspekty ekonomicheskogo, kul'turnogo i sotsial'nogo razvitiya Sibiri* [Historical aspects of the economic, cultural and social development of Siberia]. Novosibirsk: USSR AS. pp. 163–168.
163. Nilov, V.Z. (1975) Tomsk. Universitet. Korotkie [Tomsk. University. Short waves]. *Krasnoe znamyu*. 20th November. pp. 4.
164. Nilov, V.Z. (1977) *Nachalo organizatsii radiofiziki i radioelektroniki v Sibiri (1895–1933)* [The beginning of the organization of radiophysics and radio electronics in Siberia (1895–1933)]. In: *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze* [Problems of Teaching Methods in Higher Education]. Tomsk: [s.n.], pp. 100–105.
165. Zavyalov, A.S., Nilov, V.Z. & Poyzner, B.N. (1988) *Stat' radiofizikom* [To become a radiophysicist]. Tomsk.
166. Zarzhitskaya, L.V., Verkhunov, V.M., Kononkov, B.F. & Kononkov, A.F. (1975) *Iz istorii radiosvyazi v Krasnoy Armii (1918–1922 gg.)* [From the history of radio communications in the Red Army (1918–1922)]. *Istoriya i metodologiya estestvennykh nauk*. 17. pp. 142–156.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 37.014

DOI: 10.17223/19988613/61/23

Е.А. Другова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА В АВСТРАЛИИ ПО ПЕРЕХОДУ К ОБУЧЕНИЮ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНЦИЙ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Результаты были получены в рамках выполнения гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00485 «Человеческое измерение трансформационных процессов в российских университетах: исторический опыт, тенденции и ответы на вызовы современности».

В статье приведена оценка внедрения образовательной реформы по переходу к обучению на основе компетенций – ООК (competence-based training, СВТ) в Австралии. Описана сущность обучения на основе компетенций в контексте австралийской системы образования; предложена краткая история реформы; приведено обоснование проведения данной реформы политиками. Затем проанализировано влияние ООК на преподавателей, на представителей бизнеса и промышленности. После этого предложен анализ основных проблем, касающихся ООК и привлекающих внимание исследователей. Далее сопоставлены цели и результаты реформы ООК и сделан ряд выводов, касающихся условий принятия и беспрепятственной реализации образовательной политики.

Ключевые слова: образовательная реформа; образовательная политика; обучение на основе компетенций; образовательная система Австралии; профессиональное образование.

Сущность обучения на основе компетенций (ООК). Обучение на основе компетенций (competence-based training, или СВТ; в русском варианте – ООК) – технология развития знаний, умений, навыков и отношений учащегося для достижения им определенных компетенций, которые фокусируются через определенные, разные для различных отраслей, стандартизированные и наблюдаемые результаты [1. С. 2]. Такое обучение концентрируется на получаемых измеримых компетенциях, а не, как это обычно бывает, на содержании образовательного курса. Согласованные перечни компетенций соответствуют определенным наборам навыков и формально фиксируются в разных ступенях квалификации, например, от оператора цеха до квалифицированного технолога. В Австралии стандарты квалификации (Australian Qualifications Framework – AQF) определяются на национальном уровне заинтересованными сторонами, включающими, прежде всего, работодателей из разных отраслей и государственных чиновников. С середины 1990-х гг. эти наборы навыков были собраны в «Training Packages» – «учебные пакеты». После обучения по программе такого «пакета» полученная квалификация, которая может варьироваться от сертификата до диплома, признается всеми предприятиями во всех областях профессиональной деятельности. Обучение реализуется в специальных зарегистрированных учебных организациях (registered training organizations – RTOs), к которым могут относиться как университеты, так и колледжи, а также специально созданные обучающие организации, реализу-

ющие исключительно программы профессионального образования (Vocational Education and Training – VET). Например, университет Западного Сиднея (University of Western Sydney), помимо традиционных программ бакалавриата и магистратуры, также предлагает сертификаты и дипломы в области менеджмента и лидерства по программам VET. Возросший в результате реформы ООК уровень распространенности, глубины и широты получаемых обучающимися квалификаций, по замыслу идеологов образовательной реформы, предоставляет жителям Австралии более справедливые возможности для горизонтальных и вертикальных карьерных продвижений [2. С. 2–51; 3. С. 116–117].

За последние два десятилетия (1990–2000-е гг.) ООК утвердилась и рассматривается многими авторами как наиболее значимая и влиятельная характеристика австралийской системы образования, появившаяся после продолжительных реформ, которые полностью изменили ландшафт профессионального образования в Австралии [1, 4–6]. ООК была внедрена правительством для обеспечения соответствия квалификаций профессионального образования и обучения требованиям отраслей [7]. Схожие по целям и направленности реформы профессионального образования с упором на измеримость получаемых компетенций, сформулированных в тесном сотрудничестве с работодателями, произошли в тот же период времени и в некоторых других развитых странах, таких как США, Великобритания, Канада [6]. Компетентность в рамках этих реформ понимается схожим образом, как навык, непо-

средственно реализуемый в профессиональной деятельности в конкретной области или сфере, поэтому ее можно «оценивать, а также сравнивать, например, для разных объектов, или для определенного времени, или для определенных лиц» [4. С. 370]. ООК была принята, в целом, для того, чтобы «сделать цели образования более четкими, методы обучения более эффективными, а образовательные учреждения более ответственными» [6. С. 164].

Краткая история реформы. После Второй мировой войны сфера труда в Австралии оказалась под сильным влиянием теории научного менеджмента (тейлоризм) и идей образования, основанного на компетенциях. Условия мировой войны изолировали Австралию от ее традиционных источников производственных поставок в Великобританию и заставили промышленность и правительство совместно работать над импортозамещающими технологиями [8]. Однако было обнаружено, что промышленное производство страдает дефицитом качества, эффективности и производительности. Например, австралийские предприятия оказались не способны производить детали с достаточно точными допусками, чтобы те соответствовали военной технике, изготовленной в Соединенных Штатах или Англии [1]. Чтобы исправить эту проблему, правительство в 1940 г. создало Национальный орган по стандартизации для определения систем точных измерений и ввело статистический контроль качества (Statistical Quality Control – SQC). Контроль также был направлен на эффективность работы человека: было заключено, что профессиональное умение, разбитое на его составные части и реализованное в научно управляемой производственной линии работниками, обученными выполнению конкретных задач, будет реализовано более эффективно. Данная система сочетания методов промышленного производства и государственной отраслевой политики доказала свою успешность: в Австралии после окончания Второй мировой войны случился экономический бум [1, 9]. Были сформированы национальные квалификационные стандарты, в основу которых лег традиционный тейлористский анализ рабочих мест: самыми крупными группами выступали профессии, далее следовали технические специалисты, представители торговли и операционной деятельности. Учебные планы для этих квалификаций были разработаны представителями государственной службы и законодательных органов в сотрудничестве с образовательными институтами последипломного профессионального образования. Образовательные курсы для этих учебных планов стали материалом для экспериментирования, где главной идеей выступало обучение, основанное на результатах, что стало предтечей появления и распространения в дальнейшем образования, основанного на компетенциях (ООК), как главной формы профессионального обучения в государственном и частном секторах Австралии [1]. Последующие события подстегнули это движение: крах затяжного

экономического бума случился в Австралии в середине 1970-х гг. В 1973 г. недолгое реформистское лейбористское правительство Уитлама (1972–1975 гг.) предприняло попытку предотвращения экономической катастрофы; одной из мер стала рекомендация повысить конкурентоспособность производства. Нехватка квалифицированных кадров побудила усилить партнерство между государственным и частным секторами в поиске совместных решений для формирования требуемых рынком труда навыков [1].

Два важных национальных доклада о профессиональном образовании зафиксировали этот переход, и их следует рассматривать как основополагающие для последующего появления и распространения ООК. Первый доклад назывался «Обучение на рынке труда в Австралии: доклад Комитета по изучению рынка труда» и был написан под руководством профессора Дона Кокрейна из Университета Монаш [10]. Второй доклад «TAFE в Австралии: доклад о потребностях в техническом и дополнительном образовании» был написан под руководством Майера Кангана, назначенного правительством для работы над этой задачей [11]. Зафиксированные в данных докладах, к середине 1970-х гг. были созданы необходимые предпосылки для появления ООК в качестве национального подхода к обучению в сфере профессиональной подготовки и обучения на рабочем месте.

С конца 1970-х гг. в рамках нового подхода стали формироваться учебные программы. В большинстве случаев они были федеральными, иногда их разработчиками были институты в рамках австралийских штатов. Происходил поиск индивидуальных особенностей таких программ, их уникальности и отличности от других секторов образования [12]. Несколько заключительных инициатив в начале 1990-х гг. совместно послужили укреплению повестки реформы образования, которая закрепила быстрый прогресс, достигнутый в предыдущем десятилетии: государственное профессиональное образование было приведено в соответствие с квалификационными условиями обучения на рабочем месте.

Обоснование внедрения обучения на основе компетенций (ООК). Существовал целый комплекс причин, как явных, так и латентных, которые привели к полному принятию ООК в качестве новой и главной образовательной политики в области профессионального образования. Во-первых, ООК была внедрена в ответ на экономический кризис 1970-х гг., сопровождавшийся крахом таких важных для Австралии отраслей, как сельское хозяйство и горнодобывающая промышленность [4]. Спад экономики и нехватка квалифицированных кадров привели к поиску новых форм успешных партнерских отношений между работодателями и правительством [1]. Канган в своем докладе заявил, что «образовательные усилия должны быть связаны с практическими целями обеспечения необходимыми профессиями» [11. С. 70]. Поиски источников

повышения эффективности коренились в теории научного управления, фордизме, бихевиоризме и лежали в основе установления партнерства между промышленным производством и государственной отраслевой политикой [1]. Кроме того, появление и рост популярности теории человеческого капитала как реакции на экономический кризис стало важным фактором широкого распространения дискурса компетенций [Ibid.]. Этот подход «подчеркивает прямую, линейную и положительную корреляцию между образованием и технологиями, образованием и индивидуальной производительностью, образованием и национальной экономической продуктивностью» [4. С. 354], поэтому навыки, полученные в результате образования, предполагалось непосредственно транслировать в рабочий процесс. Таким образом, результаты обучения стали выражаться в языке навыков и компетенций, а ответом на потребности отраслей, направленным на повышение их эффективности, стало внедрение ООК.

Быстрые изменения в характере работы и реструктуризации рабочих мест в 1970-х и 1980-х гг. стали еще одной причиной появления и широкого распространения ООК. Появление и рост класса пара-профессионалов и недостаточная профессиональная классификация продемонстрировали дисбаланс в системе образования и ее сниженную способность обслуживать потребности отраслей. Под пара-профессионалами понимаются «профессии, иначе описываемые в литературе как субпрофессии, или профессии среднего уровня... требующие большего знания общих принципов деятельности, чем низовые простые профессии, и меньше, чем высококвалифицированные профессиональные группы» [11. С. 56]. В результате был сформирован новый подход к учебным программам, основанный на результатах, и появилась система профессионального обучения в том виде, в каком она существует в целом и сегодня. Интересно, что с тех пор федеральное правительство стало более активно участвовать в реформах профессионального образования и определении приоритетов национальной образовательной политики, используя рычаги давления в форме субсидий и распределения финансовых ресурсов [1]. Новые политика и практики на рабочем месте были описаны в значимых национальных докладах [10, 11] как движущие силы ООК. В докладе Кангана [11] также указывалось на необходимость переподготовки людей, лишенных работы в результате технологических изменений, и формирования спроса на более образованных работников. Канган предлагал для достижения этих целей новые усовершенствованные курсы профессионального обучения, основанные на ООК.

При внедрении ООК еще одна группа причин имела большой вес. Предполагалось, что профессиональное образование может быть не только двигателем экономического развития, но и иметь важные социальные эффекты: оно «даст возможность участникам, помимо овладения техническими компетенциями, занять более

достойное место в обществе и стать лучшими гражданами» [11]. Важно отметить, что ООК рассматривалась политиками и как эффективный способ снижения социального неравенства. Писалось, что ООК «предлагает работникам нового тысячелетия более справедливые возможности для горизонтальных и вертикальных карьерных продвижений, включая повышение жизненных шансов для таких групп, ущемленных в результате прежних норм функционирования промышленности, как женщины, мигранты и коренные австралийцы» [1. С. 2]. В отчете говорилось о «значительных трансформациях в сфере труда и занятости и отсутствии необходимых формальных квалификаций для восполнения образовавшихся дефицитов» [11. Р. 58]. Доклад предлагал повысить долю участия замужних женщин в профессиональной занятости, предложив специально для них ряд курсов для обновления имеющихся навыков. Кроме того, в докладе было заявлено о необходимости уделять особое внимание молодым мигрантам. Карьерное продвижение работников являлось еще одной целью, заявленной как цель внедрения ООК. Географическая мобильность, обучение на протяжении всей жизни и связи между профессиональным образованием и высшими учебными заведениями рассматривались в качестве основных факторов успешности реформы [11].

В рамках реформы ООК преподаватели рассматривались как лица, ответственные за разработку новых образовательных сред и расширение и обновление собственных технических знаний. «Акцент на предоставление образовательных услуг людям всех возрастов, учет индивидуальных потребностей обучающихся, владение новыми образовательными технологиями, обучение взрослых в режиме их самостоятельности, использование библиотечных ресурсных центров, неограниченный доступ к образовательным ресурсам, периодическое профессионально ориентированное повышение квалификации, консультационные услуги, помощь социальных работников, тьюторинг – все это должно стать неотъемлемой частью подготовки преподавателей», – говорилось в отчете [Ibid. Р. 24]. Помимо этого, в отчете утверждалось, что подготовка преподавателей должна активно включать методы самообучения взрослых, и для этой цели должен быть доступен вспомогательный персонал, такой как мобильные тьюторы.

Результаты и эффекты внедрения ООК. Анализ многочисленных источников показывает, что некоторые ключевые вопросы привлекают наибольшее внимание исследователей и имеют важное значение для понимания реализации реформы по внедрению ООК. Среди них решающее значение имеют четкое понимание концепции ООК и восприятие ее преподавателями, влияние ООК на учебный дизайн и содержание образования, образовательные технологии и подходы, оценку, а также соответствие внедрения ООК потребностям отрасли и бизнеса.

В ряде статей утверждается, что концепция ООК не была четко представлена и принята различными заинтересованными сторонами: преподавателями [13], бизнесом и промышленностью [5]. Кроме того, дискурс, используемый правительством в своих отчетах и программных документах, по-прежнему содержит первоначальные неточности [14]. Д. Малхаи приходит к выводу, что ООК не предлагает единственную и универсальную модель; вместо этого «его ключевые характеристики обычно имеют разные значения и принимают разные формы в разных образовательных контекстах» [15. Р. 262]. Было показано, что адекватная подготовка кадров для реализации ООК, включая подготовку преподавателей, хотя и воспринималась как существенный фактор успешности реализации реформы, но не была полностью реализована [5, 13]: восприятие ООК преподавателями было проблематичным, в том числе из-за неправильного понимания его модели. Кроме того, преподавателей волновала потеря ими автономии [6]. По мнению П. Уотерхауса, преподавателями была зафиксирована дилемма: стать ли им профессионалами-редукционистами, приверженными ООК, или же оставаться нерелевантными традиционалистами, отвергающими ООК [16].

Э. Смит в своей статье, посвященной анализу того, как ООК изменила роль преподавателей в Австралии [13], основывается на результатах, полученных в ходе глубинных интервью и наблюдений за работой преподавателей ООК в нескольких сферах. Результаты показали, во-первых, что из-за недостаточной подготовки персонала некоторые существенные признаки ООК были неправильно поняты и интерпретированы преподавателями, что привело к их первоначальному неприятию ООК. Во-вторых, тот факт, что внедрение ООК было проведено одновременно с некоторыми другими образовательными реформами, усилило чувство двусмысленности и неопределенности среди преподавателей и их негативное восприятие ООК. В-третьих, результаты показали, что принятие ООК было особенно болезненным для тех преподавателей, которые пытались реализовать весь набор функций ООК в обучении, в то время как другие использовали только некоторые из них. Тем не менее в целом исследования доказали, что почти все преподаватели в конце концов приняли ООК и смогли в его рамках продолжить поиск способов достижения наилучших образовательных результатов. Этот поиск вызвал появление различных версий ООК: как показало исследование, преподаватели организовывали содержание образования, использовали образовательные технологии и применяли оценку результатов по-разному. Кроме того, некоторые требования ООК, как оказалось, не могли быть применены к определенным группам обучающихся (например, обучение по индивидуальной траектории в рамках жестко заданного технологического курса, или самостоятельное обучение для плохо мотивированных групп учащихся). Все это привело к росту беспокойства среди препода-

вателей: они не были уверены, что все делают правильно, в соответствии с нормами ООК. Кроме того, преподаватели в рамках ООК должны были интенсифицировать свои профессиональные коммуникации, больше общаться друг с другом и делиться своим опытом, что потребовало от некоторых овладения новыми навыками. Интересно, что некоторые из опрошенных преподавателей и вовсе не особо изменили свою преподавательскую практику после перехода на ООК [13].

Отношения между студентами и преподавателями тоже изменились: студенты стали более независимыми, а отношения – более «горизонтальными», в то время как преподаватели во многих отношениях утратили свою позицию «источника мудрости» и способность устанавливать прочные личные связи со студентами и группами [Ibid.]. Обучение стало более ориентированным на работу и менее ориентированным на теорию; акцент на безопасности – значительным; контакты с промышленностью посредством оценки рабочего места и признания предыдущего опыта обучения и работы стали базовыми составляющими обучения. Самостоятельное обучение как важнейшая часть ООК было воспринято преподавателями как положительно, так и отрицательно. В целом, благодаря ООК произошел переход от модели обучения как «транзакции» (односторонняя передача от преподавателя студенту) к модели диалога и взаимодействия, хотя количество и характер изменений значительно различались в каждой исследованной ситуации.

И. Корнфорд [5] проанализировал результаты внедрения ООК, опираясь на результаты нескольких независимых исследований. В частности, его интересовал вопрос реального роста необходимых компетенций и квалификаций в промышленности в результате этой реформы. Основываясь на анализе ответов различных групп преподавателей, он отметил, что «наиболее поразительным выводом стал тот факт, что 63,9% опытных преподавателей считали, что внедрение ООК затруднило или серьезно воспрепятствовало овладению студентами знаний и достижению ими квалификаций, а еще 25% считали, что уровень производительности в результате никак не изменился» [5. Р. 140]. На основании анализа другого исследования Корнфорд [5] утверждал, что такие составляющие обучения, как мотивация студента, его способность полностью раскрыть свой потенциал, устойчивость успеваемости превратились в серьезную проблему для преподавателей после внедрения ООК.

Относительно бизнеса и промышленности автор писал о несоответствии разнообразия промышленных стандартов и их уникальности на некоторых предприятиях унифицированным и обобщенным компетенциям, предлагаемым ООК [5]. Кроме того, он предоставил результаты исследований, показывающих, что принятие ООК бизнесом и промышленностью происходило без энтузиазма, поскольку выяснилось, что «только 44% работодателей, у которых работают недавние выпускники, хоть что-то

слышали об ООК» [5. Р. 146] и «только 10% работодателей считали, что они хорошо или очень хорошо понимают суть ООК» [Ibid. Р. 147]. Интересно, что те, кто положительно воспринял ООК и назвал его полезным, как оказалось, активно получали доход от его внедрения (например, консультационные фирмы, специализирующиеся в области образования). Опрос малого бизнеса показал, что, несмотря на то, что 40% компаний заявили, что они знакомы с ООК, «90% респондентов указали, что они не понимают эту концепцию в целом, 67% не понимали процедуры оценки, а 78% не осознавали свои обязанности при проведении обучения в рамках ООК» [Ibid. Р. 148]. Автором сделан вывод, что ООК в целом было слабо воспринято бизнесом и промышленностью.

Р. Уинскилл [17] в своей статье проанализировала полезность ООК для обучения на рабочем месте на примере обучения медицинских работников. Она утверждала, что представления о компетенциях, принятые в 1986 г., «были разработаны как минимальное требование к профессионалам и не отражали должным образом то, что ожидается от медицинского работника на более продвинутом уровне практики» [17. Р. 116]. Опираясь на собственный опыт, она отмечала, что работа медицинских работников сама по себе происходит в быстро меняющейся среде и требует способности решать возникающие проблемы и находить выходы из нестандартных ситуаций. То же самое верно и для многих других профессий, утверждала Уинскилл, поэтому способность решать неожиданно возникающие проблемы так же важна, как и возможность иметь измеримые и предсказуемые результаты, на которые ориентирована ООК, писала она. Кроме того, автор утверждала, что ООК не учитывает ценности и убеждения человека, которые важны для продуктивного работника точно так же, как и качественное выполнение работы. Более того, «ООК не поощряет критическое мышление, не бросает вызов учащимся ставить под сомнение социальную реальность и изменять ее при необходимости» [Ibid. Р. 118]. В связи с этим польза ООК была поставлена автором под вопрос.

Связь с промышленностью и бизнесом является краеугольным камнем ООК, поскольку основные характеристики ООК определяются отраслевыми требованиями и требованиями бизнес-организаций и направлены на повышение их производительности и эффективности [15]. Тем не менее Фитцджеральд отмечал несколько ключевых проблем в этой области: концептуальную путаницу в отношении ООК, усложнение процесса разработки стандартов компетенций и его ресурсоемкости, неполный учет ключевых предприятий и их потребностей, индивидуальных особенностей каждого предприятия, слишком предписывающий и единообразный подход к стандартам и обучению [18]. Очевидно, эти критические вопросы требуют дальнейшего обсуждения и осмысления как на уровне теории, так и на практике.

В целом ООК предлагает более ориентированный на профессиональную занятость и менее ориентиро-

ванный на теорию образовательный контент с переходом от индивидуальных потребностей в обучении к потребностям отраслей. Самостоятельное обучение (self-guided learning) и признание предшествующего обучения (recognition of prior learning) учитывают имеющийся жизненный и профессиональный опыт учащегося [19] и являются существенными особенностями образовательного дизайна в рамках ООК. Тем не менее исследователи высказывают беспокойство по поводу неясности предписываемых способов организации образовательного материала, его донесения и оценки в рамках ООК [17]. Применимость ООК ставится под сомнение многими авторами; несоответствие между предлагаемыми стандартами и реальной практикой обсуждается в различных областях: от менеджмента [20] до коммерческой кулинарии [21] и ухода за больными [17]. Высказывается также и обеспокоенность релевантностью стандартов ООК реальным практикам в бизнесе и промышленности [5]. Иногда образовательный контент не соответствует действительности, поскольку он слишком консервативен, однако иногда совершенно наоборот: изучаемые материалы «слишком прогрессивны», отсутствуют в реальности существующих отраслей и профессий, а методы, используемые в профессиях, порой оказываются даже противоречащими тому, что преподается в образовательных курсах по программам ООК [20]. Решения по структуре и составу учебных программ в рамках ООК передаются работодателям, и некоторые исследователи подвергают сомнению такое положение дел, критикуя неясные эффективность и подотчетность таких программ [6]. Поднимается вопрос об «истинных владельцах» учебной программы и роли реальных профессиональных знаний и навыков людей [16]. Указывается на недостатки конкретных предписаний при разработке курсов [22]. Таким образом, вопросы образовательного дизайна, учебного плана и содержания ООК стали темами, серьезно обсуждаемыми многими исследователями как весьма проблематичные.

Образовательный процесс в рамках ООК подразумевает переход от транзакции к взаимодействию в преподавании и обучении, более открытые и горизонтальные отношения между учениками и преподавателями, что в целом было встречено оптимистично. В то же время Уинскилл [17] утверждает отсутствие критического мышления, проблемного обучения и проактивного подхода к реальности в рамках ООК, показывая, что они необходимы для современных профессий. Ходж [20] утверждает, что в рамках ООК не хватает командной работы и обучения на уровне групп, а не отдельных лиц, что жизненно важно в сфере управления. Показано, что предпочтение прагматических, а не теоретических знаний в ООК приводит к неблагоприятным последствиям, когда учащиеся не могут «участвовать в дебатах, формирующих их поле деятельности, и это приводит к унитарным и беспроблемным концепциям профессиональной деятельности, которая не может

быть ими критически переосмыслена» [7. С. 207]. Дебаты о способах преподавания в ООК тесно связаны с темами оценки учащихся (assessment) и оценки ООК в целом (evaluation).

Обучение, основанное на компетенциях (ООК), как и обучение, основанное на результатах (performance-based education), по своей сути ограничивает оценку учащихся в рамках процесса обучения: считается, что «истинное овладение компетентностью может произойти (в большинстве случаев) только на рабочем месте» [19. С. 10] и там и происходит главная оценка. Упрощенный, «суммирующий» характер стандартов оценки ООК также широко критикуется [22]. Некоторыми авторами предлагается рассмотреть и другие образовательные эффекты, не попадающие в поле зрения подхода ООК, например, трансформирующие эффекты обучения [20]. Опыт других стран доказывает необходимость переноса фокуса оценки ООК с рутинных задач «на развитие широкого набора общих навыков у способных к быстрой адаптации профессионалов» [23. С. 81].

Оценка внедрения ООК, в целом, была проблематичной: Корнфорд утверждал, что политики не предпринимали серьезных попыток измерить влияние ООК на рост уровня квалификаций и оценить этапы ее практической реализации из-за идеологического и политического характера реформы, усиливающей контроль государства над сферой образования [22]. Реформу по внедрению ООК обвиняют в ориентире на удовлетворение потребностей государственной политики, а не на обучение конкретных лиц [14]. Кроме того, как показывает ряд исследований, порой «обучение приводит человека к приобретению навыков и знаний, которые не соответствуют реальным навыкам рабочего места» [20. С. 512]. Новый компетентностный подход имеет недостатки, которые, как утверждается, препятствуют эффективному его практическому осуществлению [5, 15, 22]. Так, например, узкое, редуцированное, слишком материальное представление об образовательных результатах видится в значительной степени неуместным в некоторых средах, например, в самообучающихся организациях [20].

Соответствие целей и результатов внедрения ООК. Анализируя степень достижения основной цели внедрения ООК для преодоления экономического кризиса и повышения глобальной конкурентоспособности Австралии, Корнфорд пишет, что, несмотря на все надежды, «относительные показатели Австралии фактически снизились в период между 1994 и 1997 годами» [5. С. 136]. Хотя позже экономическая ситуация стала намного лучше, точная роль внедрения ООК в ней неясна из-за описанных выше пробелов в области оценки новой образовательной политики. Тот факт, что многие респонденты, как оказалось, не знают или не используют ООК, показывает, что успешные партнерские отношения между работодателями, правительствами и профессиональными сообществами не были установлены в полной мере [18]. Аналогичным обра-

зом в некоторых случаях ставится под сомнение эффективность реагирования на потребности промышленности [17]. Слишком универсальный подход к описанию компетенций был показан конфликтным по отношению к развитию профессий [20]. Цель переподготовки лиц, лишившихся работы в результате технологических изменений, в целом была достигнута. В то же время попытка уменьшить неравенство в отношении работающих женщин не удалась, и эта проблема даже обострилась [4]. Преподаватели, как и планировалось, действительно обновили свои технические знания, но в то же время претерпели значительные изменения в профессии, отношениях со студентами, свободе и самовосприятии [13, 23, 24]. Таким образом, реализация образовательной политики по внедрению ООК в большой мере достигла поставленных целей, но также столкнулась с непредвиденными трудностями и сложностями.

Примечания по реализации образовательной политики: уроки для России. Чем же анализ замысла и реализации реформы в сфере профессионального образования в Австралии, затрагивающей и среднее специальное и частично высшее образование, может быть полезен для понимания трансформационных процессов в сфере образования в России? Для начала стоит указать, что сектор СПО активно трансформируется во всем мире, и Россия в том числе включена в эти процессы: интенсивное изменение инфраструктуры рынка труда и номенклатуры профессий, процессы глобализации и международной кооперации востребуют переосмысления этого сектора образования и его взаимосвязи с другими секторами. Вместе с тем имеются своя страновая специфика развития данного направления в образовании, свои локальные проблемные места. Так, в бюллетене о развитии системы образования Аналитического центра при правительстве РФ, посвященном системе СПО, описываются такие насущные проблемы, как «недостаточная привлекательность профессий рабочих и специалистов среднего звена для населения» [25. С. 3], «истощенность ресурсного потенциала и неустойчивости взаимоотношений между участниками рынка труда» [Там же], «несформированность общероссийской системы оценки качества образования, закрытость результатов деятельности организаций СПО, непрозрачность мониторинга этой деятельности... слабость обратной связи, необходимой для повышения эффективности и доступности образовательных услуг» [Там же], что, в целом, ведет к фрагментарности действий и их слабой скоординированности, дефициту актуальной информации. Отдельно в докладе упомянуты проблемы российских школ, такие как «ресурсное сжатие, инфраструктурные сдвиги, сужение кадрового потенциала» [Там же. С. 4]. Делается вывод о необходимости масштабного реформирования сектора. В настоящее время на сектор СПО непосредственно влияют Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций

в Российской Федерации на период до 2020 года, приоритетный проект «Подготовка высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров», новые ФГОСы СПО, система межрегиональных центров компетенций, движение «Молодые профессионалы (Ворлдскилл Россия)». Задача адаптации профессионально-технического образования к потребностям конкретных отраслей и регионов, максимального приближения обучения к производству решается в рамках национального проекта «Образование» через материальную поддержку учебных заведений с привлечением средств работодателей. Системным эффектом этих усилий стали разработка и внедрение во всех краях, областях и республиках страны собственных программ развития системы профессионального образования, появление новых элементов образовательной инфраструктуры: ресурсных центров, в том числе межрегиональных и отраслевых [26]. В настоящее время обсуждается новый масштабный виток реформы СПО, разрабатывается проект стратегии развития профобразования в России [27]. Поскольку общемировая повестка таких трансформаций основывается на принципах технологического прогрессивизма (Блэкмор), акцента на постановке дефицитных навыков и компетенций, тесного взаимодействия с работодателями, то учет международного опыта реформирования системы профессионального образования будет, безусловно, полезен.

Проведенный анализ внедрения ООК в Австралии как масштабной реформы, изменившей ландшафт профессионального образования и оказывающей системные эффекты на протяжении трех десятков лет, говорит о том, что имеются некоторые критические факторы положительного восприятия и реализации новой образовательной реформы. Среди них можно назвать основные:

1. Критически важно четкое определение основных понятий, идей, философии образовательной реформы, чтобы обеспечить единство интерпретации и избежать негативных эффектов от разночтений.

2. Имеет большое значение подготовка людей, которые будут вовлечены в изменения, в продвижение и реализацию новой политики: как педагогов, вовлеченных в образовательный процесс, так и администраторов и регуляторов – представителей государственной власти. Эти ключевые субъекты, будучи агентами изменений, должны четко усвоить суть происходящей реформы, разделять ее ценности, видеть ее перспективы и уметь показать их другим субъектам, а также быть способными трансформировать собственную деятель-

ность, что потребует отдельной предварительной подготовки.

3. Необходим тщательный учет как можно большего количества и разнообразия вариантов конкретных ситуаций применения новых норм политики, например, на различных предприятиях, в различных сферах занятости, сферах бизнеса и т.д. Кроме того, должна быть заложена определенная гибкость реализуемой политики для возможности адаптации к потребностям и специфике новых неучтенных ситуаций, некий «люфт преобразований», позволяющий нестандартным или неучтенным ситуациям быть вписанными в реализуемую реформу без ущерба для вовлеченных сторон.

4. Важны четкое определение ожидаемых результатов новой политики, своевременная их оценка и корректировка реализуемых мер в случае необходимости. Механизмы оценки и самокоррекции должны быть «вшиты» в реформу на этапе ее проектирования.

5. Отдельно стоит отметить, что универсальные решения («one size fits all»), которые одинаково удовлетворили бы всех стейкхолдеров, как показывает опыт Австралии, найти практически нереально, поэтому лучшее, что можно сделать, – осуществить баланс интересов заинтересованных сторон, понимая при этом, что некоторый уровень неудовлетворенности, сопротивления и противоречий неизбежен и в том числе является предметом проработки для субъектов, реализующих реформу.

6. Как показал опыт Австралии, некоторые важные темы должны быть учтены при формировании новых образовательных политик, а именно: развитие, смена, появление и исчезновение профессий; усиление требований к «мягким навыкам» обучающихся, их способности к критическому мышлению и переосмыслению своих сфер деятельности; вопросы возникающего / исчезающего / трансформирующегося в результате образовательной реформы социального неравенства любого вида.

Опыт Австралии в настоящее время признан весьма успешным во всем мире и активно перенимается странами ЕС [25], поэтому важно его критическое восприятие и оценка всех сторон внедрения образовательной реформы. Выработанные замечания и рекомендации, приведенные выше, конечно, не охватывают все задачи, стоящие при запуске и реализации образовательной реформы, однако, как показывает австралийский опыт, имеют серьезное значение для ее восприятия, положительной интерпретации, поддержки включенными сторонами. Его учет видится важным для дальнейшей успешной работы запущенных процессов и внедрения новых институциональных механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Clemans A., Rushbrook P. Competency-based training and its impact on workplace learning in Australia / M. Malloch (ed.) // *The SAGE Handbook of Workplace Learning*. London : SAGE, 2013. P. 279–292.
2. Tovey D., Lawlor R. *Training in Australia* (3rd edn). Frenchs Forest : Pearson Education, 2008.
3. Goozee G. *The Development of TAFE in Australia: A Historical Perspective*. Adelaide : NCVER, 1993.
4. Blackmore J. The gendering of skill and vocationalism in twentieth-century Australian education // *Journal of Education Policy*. 1992. № 7 (4). P. 351–377.
5. Cornford I. Competency-based training: Evidence of a failed policy in training reform // *Australian Journal of Education*. 2000. № 44 (2). P. 35–54.
6. Jackson N. 'These things just happen': Talk, text, and curriculum reform / M. Marie Campbell, A. Manicom (eds) // *Knowledge, experience, and ruling: Studies in the social organization of knowledge*. Toronto, Buffalo : University of Toronto Press, 1995. P. 164–180.

7. Wheelahan L. The limits of competency-based training and the implications for work / J. Field, Jim Gallacher, Robert Dr. Ingram (eds) // *Researching transitions in lifelong learning*. London ; New York : Routledge, 2009. P. 201–212.
8. Spaul A.D. *Education in the Second World War*. St Lucia : Queensland University Press, 1987.
9. Mellor D.P. *The Role of Science and Industry*. Canberra : Australian War Memorial, 1958.
10. Cochrane D. *Australian Labour Market Training: Report of the Committee of Inquiry into Labour Market Training*. Canberra : Australian Government Printing Service, 1974.
11. Kangan M. *TAFE in Australia: Report on Needs in Technical and Further Education* // Australian Committee on Technical and Further Education. URL: <https://www.voced.edu.au/content/ngv%3A38436> (access date: 20.06.2019).
12. Stevenson J. *Curriculum and Teaching in TAFE* // *The Changing Context of Vocational Education: Selected Papers. Conferences 1987–1993*. National Qld : Griffith University, 1990.
13. Smith E. How competency-based training has changed the role of teachers in the vocational education and training sector in Australia // *Asia-Pacific Journal of Teacher Education*. 1999. № 27 (1). P. 61–75.
14. Garrick B. The crisis discourse of a wicked policy problem: Vocational skills training in Australia // *Australian Educational Researcher*. 2011. № 38. P. 401–416.
15. Mulcahy D. Turning the contradictions of competence: Competency-based training and beyond // *Journal of Vocational Education and Training*. 2000. № 52 (2). P. 259–280.
16. Waterhouse P. Multiple tales for training // *Education Links*. 1996. № 53. P. 4–8.
17. Winskill R. Is competency-based training/education useful for workplace training? // *Contemporary Nurse*. 2000. № 9 (2). P. 115–119.
18. FitzGerald V. *Successful reform. Report to the Australian National Training Authority from the Allen Consulting Group Pty Ltd*. Melbourne : Allen Consulting Group, 1994.
19. Haines M. Competency-based training // *Incite*. 1994. № 15 (8). P. 10–11.
20. Hodge S. Learning to manage: Transformative outcomes of competency-based training // *Journal of Adult Learning*. 2011. № 51 (3). P. 498–517.
21. Roux-Salembien D., McDowell D., Cornford I. Teachers' perceptions of the introduction of competency-based training in NSW TAFE Commercial Cookery // *Learning & work: The challenges, conference papers*. Brisbane: Griffith University, Centre for Learning and Work Research. 1996. Vol. 3. P. 95–105.
22. Cornford I. Competency-based training: an assessment of its strengths and weaknesses by New South Wales vocational teacher // *Australian and New Zealand Journal of Vocational Education Research*. 1997. № 5 (1). P. 53–76.
23. Boehn P., Hofman A. Perceived effects of competency-based training on the acquisition of professional skills // *International Journal of Educational Development*. 2014. № 36. P. 81–89.
24. Smith E. How competency-based training has changed teaching and learning // *Training Agenda*. 1997. № 5 (4). P. 20–21.
25. Реформа среднего профессионального образования (отечественный и зарубежный опыт) // *Бюллетень о сфере образования*. 2017. № 11. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/12464.pdf> (дата обращения: 20.06.2019).
26. Дудин В.Н. Подготовка рабочих кадров. Направление главного прорыва // *Информационно-аналитический журнал «Аккредитация в образовании»*. 2014. URL: http://akvobr.ru/napravlenie_proguva.html (дата обращения: 20.06.2019).
27. В России будут реформировать систему среднего профобразования // *Известия*. 2018. 14 февраля. URL: <https://iz.ru/708484/roman-kretcul/v-rossii-budut-reformirovat-sistemu-srednego-profobrazovaniia> (дата обращения: 20.06.2019).

Elena A. Drugova. Tomsk State University (Tomsk, Russia); Tyumen State University. Tyumen, Russia). E-mail: e.a.drugova@gmail.com

COMPETENCE-BASED TRAINING REFORM IN AUSTRALIA: LESSONS FOR RUSSIA

Keywords: educational reform; educational policy; competency-based training; educational system of Australia; vocational education.

The article provides an evaluation of the implementation of educational reform on competence-based training (CBT) in Australia's vocational education. The study is based on official documents, national reports, analytical articles, and empirical studies. The article characterizes the main features of the CBT, describes a brief history of the reform, summarizes the rationale for the implementation of the reform. The influence of CBT on teachers, business and industry is analyzed. Main problems of the CBT introduction are highlighted. The goals and results of the CBT reform are compared, and recommendations are made for the transformation of professional education in Russia.

Many authors define CBT as a workplace learning technology focusing on the assessment of industry-specific standardized and observable skill outcomes. Competency is understood as work-related skill in specific fields of knowledge so it can be assessed and compared across time and individuals. CBT was adopted, in general, to "make educational goals more explicit, instructional methods more effective, and educational institutions more accountable" (Jackson, 1995, p. 164). Since the early 90s, CBT has been viewed by many authors as the most significant and influential characteristic of Australian training system appeared after the long-lasting education reforms. The main reasons for these reforms were: 1) economic crisis in Australia in the 1980s; 2) the desire to provide higher social chances for Australians; 3) the transformation of the professions; 4) the desire to reduce social inequality, especially in relation to women, migrants, Australia's indigenous people. Analysis of the implementation of CBT showed that the reform deprived teachers of a large share of autonomy and power, reduced the ability to build personal relationships with students, demanded the development of new skills. At the same time, the essence of the reform and its key concepts were not completely clear to the teachers, which was one of the factors of their anxiety and uncertainty. Business and industry as key stakeholders of CBT also did not fully understand it and their obligations. The curricula and the content of education became more pragmatic and less critical, which was rejected by some teachers. Decisions on the educational program were transferred to employers. Teaching itself has become more horizontal, relying on student self-organization, but new approaches to teaching were found not appropriate for all the possible educational environments and not for the entire student population. The evaluation of the reform was not properly implemented, which prevented the assessment of its real contribution to Australia's economic growth. A comparison of the goals and results of the CBT introduction shows that, despite the generally successful reform implementation, several unforeseen difficulties have arisen. Because Russia is currently also developing a large-scale reform of vocational education, based, in general, on the same background as other developed countries, it is proposed to consider the conclusions drawn from the analysis of the Australian experience.

REFERENCES

1. Clemans, A. & Rushbrook, P. Competency-based training and its impact on workplace learning in Australia. In: Malloch, M. (ed.) *The SAGE Handbook of Workplace Learning*. London: SAGE. pp. 279–292.
2. Tovey, D. & Lawlor, R. (2008) *Training in Australia*. 3rd ed. Frenchs Forest: Pearson Education.
3. Goozee, G. (1993) *The Development of TAFE in Australia: A Historical Perspective*. Adelaide: NCVER.

4. Blackmore, J. (1992) The gendering of skill and vocationalism in twentieth-century Australian education. *Journal of Education Policy*. 7(4). pp. 351–377. DOI: 10.1080/0268093920070402
5. Cornford, I. (2000) Competency-based training: Evidence of a failed policy in training reform. *Australian Journal of Education*. 44(2). pp. 35–54. DOI: 10.1177/000494410004400204
6. Jackson, N. (1995) These things just happen: Talk, text, and curriculum reform. In: Campbell, M. & Manicom, A. (eds). *Knowledge, experience, and ruling: Studies in the social organization of knowledge*. Toronto, Buffalo: University of Toronto Press. pp. 164–180.
7. Wheelahan, L. (2009) The limits of competency-based training and the implications for work. In: Field, J., Gallacher, J. & Ingram, R.Dr. (eds) *Researching transitions in lifelong learning*. London, New York: Routledge. pp. 201–212.
8. Spaul, A.D. (1987) *Education in the Second World War*. St Lucia: Queensland University Press.
9. Mellor, D.P. (1958) *The Role of Science and Industry*. Canberra: Australian War Memorial.
10. Cochrane, D. (1974) *Australian Labour Market Training: Report of the Committee of Inquiry into Labour Market Training*. Canberra: Australian Government Printing Service.
11. Kangan, M. (n.d.) *TAFE in Australia: Report on Needs in Technical and Further Education*. Australian Committee on Technical and Further Education. [Online] Available from: <https://www.voced.edu.au/content/ngv%3A38436> (Accessed: 20th June 2019).
12. Stevenson, J. (1990) *The Changing Context of Vocational Education: Selected Papers. Conferences 1987–1993*. National Qld: Griffith University.
13. Smith, E. (1999) How competency-based training has changed the role of teachers in the vocational education and training sector in Australia. *Asia-Pacific Journal of Teacher Education*. 27(1). pp. 61–75. DOI: 10.1080/1359866990270106
14. Garrick, B. (2011) The crisis discourse of a wicked policy problem: Vocational skills training in Australia. *Australian Educational Researcher*. 38. pp. 401–416. DOI: 10.1007/s13384-011-0033-9
15. Mulcahy, D. (2000) Turning the contradictions of competence: Competency-based training and beyond. *Journal of Vocational Education and Training*. 52(2). pp. 259–280. DOI: 10.1080/13636820000200120
16. Waterhouse, P. (1996) Multiple tales for training. *Education Links*. 53. pp. 4–8.
17. Winskill, R. (2000) Is competency-based training/education useful for workplace training? *Contemporary Nurse*. 9(2). pp. 115–119. DOI: 10.1136/postgradmedj-2012-130881
18. FitzGerald, V. (1994) *Successful reform. Report to the Australian National Training Authority from the Allen Consulting Group Pty Ltd*. Melbourne: Allen Consulting Group.
19. Haines, M. (1994) Competency-based training. *Incite*. 15(8). pp. 10–11.
20. Hodge, S. (2011) Learning to manage: Transformative outcomes of competency-based training. *Journal of Adult Learning*. 51(3). pp. 498–517.
21. Roux-Salembien, D., McDowell, D. & Cornford, I. (1996) Teachers' perceptions of the introduction of competency-based training in NSW TAFE Commercial Cookery. *Learning & Work: The Challenges*. Conference papers. Vol. 3. Brisbane: Griffith University, Centre for Learning and Work Research. pp. 95–105.
22. Cornford, I. (1997) Competency-based training: an assessment of its strengths and weaknesses by New South Wales vocational teacher. *Australian and New Zealand Journal of Vocational Education Research*. 5(1). pp. 53–76.
23. Boahin, P., & Hofman, A. (2014) Perceived effects of competency-based training on the acquisition of professional skills. *International Journal of Educational Development*. 36. pp. 81–89.
24. Smith, E. (1997) How competency-based training has changed teaching and learning. *Training Agenda*. 5(4). pp. 20–21. DOI: 10.1080/1359866990270106
25. The Russian Federation Government. (2017) *Reforma srednego professional'nogo obrazovaniya (otchestvennyy i zarubezhnyy opyt)* [Reform of secondary vocational education (Russian and foreign experience)]. *Byulleten' o sfere obrazovaniya*. 11. [Online] Available from: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/12464.pdf> (Accessed: 20th June 2019).
26. Dudin, V.N. (2014) *Podgotovka rabochikh kadrov. Napravlenie glavnogo proryva* [Training workers. The direction of the main breakthrough]. [Online] Available from: http://akvobr.ru/napravlenie_proryva.html (Accessed: 20th June 2019).
27. *Izvestiya*. (2018) *V Rossii budut reformirovat' sistemu srednego profobrazovaniya* [Russian system of secondary vocational education is to be reformed]. 14th February. [Online] Available from: <https://iz.ru/708484/roman-kretcul/v-rossii-budut-reformirovat-sistemu-srednego-profobrazovaniia> (Accessed: 20th June 2019).

УДК 908:376
DOI: 10.17223/19988613/61/24

В.И. Зиновьева, Н.И. Наумова, М.В. Берсенов, М.П. Шульмин

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОЙ АТМОСФЕРЫ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки образовательных организаций по проекту «Теоретико-методологические основы и междисциплинарные подходы в формировании этносоциального, инклюзивного образовательного пространства вуза» (№ 28.8279.2017/8.9).

На основе анализа анкетного опроса преподавателей и студентов академических групп рассматривается проблема реализации инклюзии в вузе. С целью выравнивания условий обучения для студентов с ограниченными возможностями, перехода к социальной модели инвалидности выявляется значение формирования позитивной атмосферы как фактора развития потенциала лиц с инвалидностью. В данной публикации рассматривается формирование позитивной атмосферы в отношении лиц с инвалидностью на примере Томского университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУРа).

Ключевые слова: студент с ограниченными возможностями; инклюзия; эксклюзия; медицинская и социальная модели инвалидности.

Исторически цель преодоления негативных последствий инвалидности людей, их интеграция в образовательную среду и общественную жизнедеятельность была поставлена во второй половине XX в., а на сегодняшнем этапе она становится реальностью во многих странах и решает задачи общественного благополучия. Одной из них является формирование позитивной атмосферы в вузе, т.е. той системы отношений, которая приобретает смысловое значение в контексте инклюзии. Благоприятная атмосфера в вузе сама по себе является источником развития личности и залогом жизненного успеха. Человек с ограниченными возможностями, получая высшее образование, создает свой мир, систему жизненных ценностей и смыслов и получает основу для собственного творчества и полноценного участия в общественных отношениях.

В данной публикации рассматривается формирование позитивной атмосферы в отношении лиц с инвалидностью на примере высшего образовательного учреждения – Томского университета систем управления и радиоэлектроники.

На эту атмосферу влияют различные факторы: исторические традиции, стереотипы общественного сознания, состояние инфраструктуры, реальное исполнение законов, а также конструирование повседневной реальности людьми в духе понимания социальной модели инвалидности (т.е. представления о том, что помощь инвалиду нужна не потому, что он беспомощный человек, а для *развития его потенциала и способностей*). Эта модель, в отличие от медицинской (которая ограничивается правилом *оказать помощь беспомощному человеку*), выходит в настоящее время на первые позиции в образовательном пространстве. В связи с этим выдвигается также проблема выравнивания условий получения образования этими студентами при сохранении единого уровня требований ко всем обучаю-

щимся. Отчасти это выравнивание происходит в результате предоставления вузом специальных условий обучения: адаптированных программ по направлениям подготовки, индивидуального плана обучения, помощи ассистента, а также при координации усилий администрации, деканатов, профессорско-преподавательского состава, лидеров в студенческих группах и вузовских коллективах.

В исследовании образовательной инклюзии уже сложились определенные подходы. В статье А.В. Герасимова анализируются опыт и механизмы этого процесса, обращается внимание на низкие показатели обучения молодых людей с инвалидностью в российских вузах – 0,38% от общего числа студентов, в сравнении с европейскими странами, где этот показатель достигает 5% [1. С. 13–14]. Оценка личностных результатов и успехов обучающихся с ограниченными возможностями здоровья анализируются в работе Е.Л. Индербаум и О.И. Поздняковой [2]. Авторы подчеркивают, что эта процедура будет способствовать повышению их уверенности в себе. Тем не менее в практике образовательных учреждений, по мнению ряда авторов, «укореняется установка на дистантное отношение к проявлению инвалидности», а общество, стремясь защититься от бремени социальных обязательств, вырабатывает такую модель, которая преимущественно внешне походила бы на выполнение норм этики и социальных гарантий [3].

Социальная эксклюзия широко распространена в обществе, она сформирована устоявшимися стереотипами, стремлением дистанцироваться от непохожих, нетипичных людей. Случаи эксклюзии и дискриминации в открытой форме достаточно редки в вузе, однако скрытая эксклюзия определяется в ходе социологических исследований как отражение жизненного опыта респондентов. В рамках выполнения темы Госзадания

«Наука-2019» исполнителями было проведено два анкетных опроса, отдельно среди студентов и среди преподавателей, сотрудников деканатов по вопросам их отношения к лицам с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Актуальность проводимого исследования заключалась в выявлении представлений относительно содержания инклюзии и готовности помочь таким студентам в развитии их личностного потенциала. В первом исследовании в качестве объектов выступили: академические группы, в которых обучались студенты с инвалидностью (первая группа), и группы, в которых таких студентов не было (вторая группа). В анкетировании приняли участие студенты Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ) и Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). Гипотезой исследования стало предположение о том, что в группах, где есть студенты с инвалидностью, студенты лучше знают содержание понятия «инклюзия» и в большей степени готовы оказать им помощь.

Всего было опрошено 234 человека двух вузов – НИ ТГУ и ТУСУРа. 100 респондентов из групп, в которых не было студентов с инвалидностью, и 134 респондента в студенческих группах, в составе которых обучались студенты с инвалидностью. Выборка носила стихийный характер.

При обработке данных было выявлено, что среди респондентов из групп, в которых обучались инвалиды (первая группа респондентов), 44% заявили, что знакомы с понятием «инклюзия», 50% опрошенных не знали его содержания и 6% выбрали ответ «не помню».

Однако после уточняющего вопроса действительно правильно определили данное понятие только 35% респондентов; 23% понимали данный термин просто как сам факт «обучения инвалидов», 21% описали его как специальное образование на базе средней школы, еще 21% дали определение, никак не связанное с инклюзивным образованием, или не отвечали на данный вопрос.

В этой же группе респондентов 43% опрошенных продемонстрировали принимающее отношение (т.е. уровень медицинской модели) к лицам с инвалидностью (они упоминали в ответах такие определения, как равный, одинаковый, такой же, обычный), 4% анкет являлись нейтральными, в них упоминались безразличные слова (мне все равно, об этом не думал и др.). Исключающее отношение продемонстрировано в 19% анкет, в которых упоминались слова негативного характера. По статистике ответов можно сделать вывод относительно доминирования *принимающего отношения к инвалидам в данной группе опрошенных – всего 43% ответов, при 35% респондентов, действительно понимающих содержание идей инклюзии в духе социальной модели инвалидности.*

Во второй группе респондентов, которые не обучались совместно с инвалидами, ответили положительно относительно знания содержания понятия инклюзивно-

го образования 41% респондентов, ответ «догадываюсь» выбрали 30%, не знают – 29%.

Из тех, кто знал или догадывался о том, что такое инклюзивное образование, верный ответ дали 37% студентов, тогда как 17% понимали инклюзивное образование как простое «обучение инвалидов и людей с ограниченными возможностями», 27% понимали инклюзивное образование как специальное (в спецгруппах, классах) и 19% опрошенных респондентов данной категории дали другие неправильные определения.

Таким образом, во второй группе респондентов также преобладало принимающее отношение к инвалидам, оно было продемонстрировано в 50% ответов, противоречивые ответы составили 11%, нейтральные – 19%, исключающие – 12% анкет. *Таким образом, принимающее отношение в этой группе было выявлено в 50% ответов, а знание содержания термина «инклюзия» продемонстрировали 37% респондентов.*

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отношение к лицам с инвалидностью более позитивно продемонстрировано в тех группах, где они отсутствуют, что косвенно подтверждает наличие эксклюзии. Это объясняется тем, что студенты не имели непосредственного контакта с инвалидами, предмет анкетирования для них находился в удаленном секторе сознания. Однако если в этих группах будут учиться студенты-инвалиды, процентное соотношение полученных результатов может измениться.

Независимо от того, обучаются ли в группах лица с ограниченными возможностями или нет, фактически подтверждается, что половина респондентов в обеих группах придерживается принимающей позиции и это характеризует атмосферу в вузах как достаточно позитивную. Вместе с тем, по своему содержанию, эти представления в основном не выходят за рамки медицинской модели (понимания помощи инвалиду как человеку беспомощному), основываются преимущественно на традиционных ценностях коллективизма и взаимопомощи, что характерно в целом для национального самосознания. До 19% студентов, которые не обучаются совместно с инвалидами, не имеют соответствующего опыта и занимают нейтральную позицию. В противоположность им, среди тех, кто приобрел такой опыт, нейтралитета придерживается только 4% респондентов. Исключающее отношение (потенциальная дискриминация) должно настораживать, так как в первой группе, где обучаются студенты-инвалиды, оно составило 19% анкет, во второй – 12%.

Содержание инклюзии, как идеологии обучения и навигатора саморазвития человека с инвалидностью, понимают немногим более 35–37% респондентов соответственно в первой и второй группах. Распространение представлений об инклюзии остается делом будущего и зависит от формирования личностных смыслов студентов.

Чтобы определить контекст смыслов во взаимоотношениях с лицами с ограниченными возможностями

со стороны административных структур, профессорско-преподавательского состава в 2018/19 учебном году были проведены опросы на кафедрах, в деканатах ТУСУРа. Всего было опрошено 100 человек. При обработке данных определилась одна группа респондентов, в которую вошли преподаватели различных направлений и сотрудники деканатов, также фактически являющиеся преподавателями. Обследование проводилось анонимно, вопросы были направлены на выявление субъективных позиций, касались как общих представлений в понимании инклюзии, так и выявления желания оказать помощь, выполнить рекомендации, принятые в вузе.

При анализе ответов выяснилось, что большая часть профессорско-преподавательского состава вуза (72,2%) имеет представление о том, что в законе «Об образовании в РФ» содержатся статьи, посвященные обучению студентов-инвалидов и студентов с ограниченными возможностями в вузе. Однако только 25,7% дали точный ответ относительно содержания термина «инклюзия», еще 30,6% – частично совпадающий или совпадающий по контексту, что в совокупности составляет 56,3% от числа респондентов.

Таким образом, больше половины преподавателей вуза понимают в целом содержание социальной модели инвалидности и необходимость развития потенциала лиц с ограниченными возможностями без каких-либо преференций и скидок на показатели их здоровья, что должно совпадать с целями самих студентов, пришедших в вуз именно за этим. Показательно, что более 92% преподавателей, принявших участие в опросе, согласны оказывать помощь студентам-инвалидам, из них 62,3% представляют характер этой помощи в целом. Конкретные формы помощи в рамках учебного процесса, рекомендуемые со стороны администрации,

согласны применять только 26,7% респондентов, тогда как 50% пока еще слабо представляют подобные рекомендации и свою роль в этом процессе. Сформированная корпоративная идентичность профессорско-преподавательского корпуса проявляется, по мнению ряда авторов, во-первых, как отождествление сотрудниками себя как части организации и выражается в воплощении организационных форм и правил поведения, а также, во втором случае, только как результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем определенной организации [4]. Последний вариант проявил себя в данном случае, тем не менее нужны большие усилия всего университетского сообщества для конструирования инклюзивного образовательного пространства, что является требованием времени.

На вопрос, реализуются ли вузом права инвалидов, – 25,7% ответили «относительно полно» и «частично» – 63,3% респондентов. В 91% анкет было отмечено, что эта помощь лицам с инвалидностью должна оказываться Центром сопровождения студентов с инвалидностью (в настоящее время он переименован в Центр доступности образования); 49,5% респондентов высказались за то, чтобы помощь инвалидам оказывалась деканатами; преподавателями – также 49,5%, и с привлечением студентов – 46,5%.

Таким образом, принимающее отношение в контексте нравственных ценностей и желание оказать помощь студентам с ограниченными возможностями продемонстрировали более 90% преподавателей, в том числе на условии собственных позиций в определении характера помощи. Вместе с тем, к инклюзивному подходу в работе со студентами-инвалидами, выравниванию их возможностей в развитии способностей и потенциала готовы примерно треть респондентов из сообщества преподавателей и сообщества студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимов А.В. Опыт организации и механизмы развития инклюзивного высшего образования в России // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 4. С. 13–21.
2. Индербаум Е.Л., Позднякова И.О. Практическая реализация процедуры оценки личностных результатов образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 3. С. 90–94.
3. Александрова Е.В. Основные социальные барьеры и их взаимосвязь с моделями инвалидности в современном российском обществе // Человек. Общество. Инклюзия. 2017. № 3. С. 12–21.
4. Фоминых С.Ф., Грибовский М.В., Сорокин А.Н. Корпоративная идентичность отечественных вузовских преподавателей в конце XIX – начале XXI в.: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 67–75.

Valentina I. Zinovyeva, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

Natalya I. Naumova, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: if.tgu@mail.ru

Maksim V. Bersenev, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: m.bersenev@gmail.com

Maksim P. Shulmin, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: scoobi@inbox.ru

FORMING A POSITIVE ATMOSPHERE IN RELATION TO PERSONS WITH DISABILITIES IN THE EDUCATIONAL SPACE OF THE UNIVERSITY

Key words: students with disabilities; inclusion; exclusion; medical and social models of disability.

The article covers the topic of constructing an inclusive reality as an understanding of the development of the potential forces of students with disabilities in the university educational space. A factor of this process is the creation of a positive internal atmosphere from the administration, faculty, and students.

The goal is to analyze existing ideas in universities regarding inclusion and actions for its implementation based on opinion polls.

The main problem of society is the transition from the medical model of disability, according to which a person with a disability is regarded as helpless, in need of support from other people, to a social model, the basis of which is the conclusion about the support of

people with disabilities in the development of their abilities and potential. Creation of personal meanings of teachers and students in this direction means a turn in the personal and corporate culture, a new level of social development of society. The basis of these changes is the traditional values of people's mental consciousness: collectivism, mutual aid, and partnership.

In the literature, this issue received coverage and development in the works of Gerasimov A.V., Inderbaum E.L., Pozdnyakova I.O., Aleksandrova E.V. It shows that the indicators of involvement of persons with disabilities in the higher education system remain low, in the practice of educational institutions the distance from such students is not eliminated, and there is an urgent need to develop a model of interaction with them in university communities.

The results of a sociological survey among students of TUSUR and TSU (234 respondents) suggest that the attitude towards persons with disabilities is more positively demonstrated in those academic groups where they do not exist, which indirectly confirms the existence of exclusion. Regardless of whether people with disabilities study in groups or not, it can be argued that half of the respondents in both groups adhere to the accepting position and this characterizes the atmosphere in universities as positive. However, in their content, these views are based on the traditional values of national identity (collectivism and mutual assistance), but do not go beyond the medical model, the excluding attitude (potential discrimination) remains high.

The desire to provide assistance to such students in order to level their capabilities was demonstrated by the overwhelming majority of teachers, including on the basis of their own positions in determining the nature of assistance. More than half of the faculty members are positive about the content of inclusion and the need to develop the potential of such students. At the same time, about a third of respondents from the community of teachers and the student community are ready to the inclusion as an ideology of learning and a navigator of self-development of a person with a disability.

REFERENCES

1. Gerasimov, A.V. (2018) Opyt organizatsii i mekhanizmy razvitiya inklyuzivnogo vysshego obrazovaniya v Rossii. [Organisation and mechanisms for the development of inclusive higher education in Russia]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*. 4. pp.13–21.
2. Inderbaum, E.L. & Pozdnyakova, I.O. (2018) Prakticheskaya realizatsiya protsedury otsenki lichnostnykh rezul'tatov obrazovaniya obuchayushchikhsya s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [The practical implementation of the procedure for assessing the personal results of education of students with disabilities]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*. 3. pp. 90–94.
3. Aleksandrova, E.V. (2017) Osnovnye sotsial'nye bar'ery i ikh vzaimosvyaz' s modelyami invalidnosti v sovremennom rossiyskom obshchestve [The main social barriers and their relationship with disability models in modern Russian society]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*. 3. pp. 12–21.
4. Fominykh, S.F., Gribovsky, M.V. & Sorokin, A.N. (2013) Corporate Identity of National University Lecturers at the end of the 19th – early 21st century: the Study Concept. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp.67–75. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 711.424

DOI: 10.17223/19988613/61/25

С.С. Загребин

**РЕЦЕНЗИЯ: АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТРАТЕГИИ
В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ : СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ / ГЛ. РЕД.
И.Р. АТНАГУЛОВ. ЧЕЛЯБИНСК : ФССКН «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД “ЮЖНЫЙ УРАЛ”»,
2018. 198 с.**

Рецензия знакомит специалистов-историков с содержанием сборника научных статей по антропологии города, вышедшего в 2018 г. в Челябинске. По мнению рецензента авторы большинства статей поднимают проблему выбора исследовательских стратегий познания этнокультурных параметров города, как современного, так и в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: антропология; город; методология исследования.

В современной науке наиболее перспективные исследования проводятся в междисциплинарном поле, на пересечении научных направлений, с использованием комбинированных моделей исследовательских методик и практик. В данном контексте представляется актуальным осмысление сборника научных статей «Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе».

Сборник включает статьи как маститых ученых, так и начинающих исследователей по самой широкой палитре проблем этнокультурного развития города в исторической ретроспективе и современной социокультурной реальности. Статьи демонстрируют продуктивность междисциплинарных исследовательских практик в познании феномена города как этнокультурного образования. Междисциплинарность проявляется: во-первых, в разнообразии научных специальностей и направлений авторов статей; во-вторых, в комбинации различных методов познания из арсенала гуманитарных и общественных наук в научных текстах большинства авторов. Сборник «Антропология города» можно, в определенном смысле, рассматривать как наукометрический индикатор, фиксирующий репрезентативную выборку базовых научных проблем, пользующихся наибольшим научным интересом исследователей.

Проблемы этнокультурного изучения города, отраженные в сборнике, можно распределить по следующим основным группам: а) проблемы методологии изучения феномена города; б) проблемы идентификации и осмысления образов и символов города в культурной памяти; в) проблемы репрезентации образов города в пространстве городской повседневности; г) проблемы осмысления культуры социокультурных и этнокультурных групп городского населения: автохтонного и мигрантов; д) проблемы творческой самореализации в городской культурной среде; е) проблемы осмысления игровой культуры современного города.

Рассмотрим данную проблематику на примере обзора отдельных статей.

Практически все авторы в той или иной степени поднимают проблему выбора оптимальной методологии познания этнокультурных параметров города, как современного, так и в исторической ретроспективе. Философские и историко-культурологические методики используются в статье доцента В.В. Барковой (Челябинск) «Историко-культурологический подход к формированию антропологии пространство-временного континуума городской среды человека». В ней анализируются историко-культурологические основания изучения города как антропологического феномена. Автор апеллирует к историко-философским исследованиям, выявляет параметры изучения города как полифункционального комплекса со своим специфическим географическим и пространственно-временным континуумом. Его внимание обращено к познанию города как мегатекста, в глубинах которого заложены сущностные смыслы бытия города во времени и пространстве. Автор трактует человека в качестве полифункционального феномена, объединяющего субъектно-объектные качества по отношению к городу. Человек реализует свои сущностные силы в городской среде, продуцируя разнообразие культурных форм, в свою очередь, город как пространство бытия человека формирует ментальные коммуникативные зоны самореализации человека.

Апробация инновационных методологических методик познания города разворачивается в ряде статей, посвященных культурной памяти. Историко-культурологический подход реализуется в статье профессора В.Г. Рыженко (Омск) «Возможности изучения трансформаций локальных культурных пространств в условиях перехода от советской эпохи к постсоветской России и в фокусе парадигмы памяти». Автор как профессиональный историограф апеллирует к научным тек-

стам из арсенала интеллектуальной истории, выявляя в них когнитивный инструментарий для целостного познания города в его символической репрезентации в структурах культурной памяти. В статье закладывается базовая проблематика масштабного исследовательского проекта, запущенного В.Г. Рыженко, в котором выявляются основные признаки трансформаций локальных культурных пространств в период перехода от символики советской эпохи к образам и символам современной России, что в перспективе позволит автору установить и аналитически осмыслить выдвинутую гипотезу о степени зависимости символического характера трансформаций локальных культурных пространств от типологических признаков конкретно-исторических поселений.

Символическая природа города в пространстве культурной памяти рассмотрена в ряде статей сборника. Историко-культурологический подход реализуется в статье профессора А.А. Павильча (Минск) «Город как текст культуры и мультикультурная целостность». Автор рассматривает город как мультикультурную реальность, специфичность которой возможно установить при использовании компаративистских и семиотических исследовательских методик. Павильч обращает свое внимание исследователя на интерпретацию знаково-символической природы города Минска, выявляя смысловые значения культурах артефактов как носителей национальных ценностей и образов памяти белорусской культуры. Автор раскрывает динамичность семиотического пространства города, демонстрирует подвижность знаково-символического содержания городского текста культуры.

В культурной памяти важную роль играют образы и символы, фиксирующие знаковые культурные ценности этноса и социума. Данной проблеме посвящена статья профессора Г.Н. Чагина (Пермь) «Сакральный образ уральского города XVI–XVII веков (на материалах Чердыни и Соликамска)». Автор справедливо отмечает, что в традиционной культуре сакрализация окружающей среды является неременным условием и базовой характеристикой этно- и социокультурных отношений. В статье анализируются способы сакрализации культурного пространства старинных уральских городов Чердыни и Соликамска. Автор использовал междисциплинарные исследовательские методики, сочетая анализ историко-архитектурный, реконструирующий взаимосвязи глобальных исторических событий с локальными историями отдельных храмов и приходо-«реликтовый», выявляющий культурную смысловую наполненность культовых сооружений; «литургический», позволяющий определить сакральные смыслы богослужебных практик в историческом контексте. В результате профессор Г.Н. Чагин системно обобщил смысловые взаимосвязи религиозного и исторического характера, запечатленные в храмовом зодчестве, культе почитаемых святых, иконах, которые в своей целокупности составили духовный идеал, связали воедино ис-

торико-культурное пространство города, региона, страны.

Образно-символическая природа культурной памяти отражена в нескольких историко-культурологических статьях: В.А. Самкова (Екатеринбург) «Культура – как драйвер территорий»; И.В. Сибиряков (Челябинск) «Эволюция образов города Севастополь в культурной памяти российского социума»; С.О. Ткаченко (Челябинск) «Комплект видовых открыток как средство репрезентации образа города Челябинска 1960–1980-х годов» и др.

Культурная память фиксируется и реализуется в различных социокультурных структурах, в том числе в пространстве городской повседневности. В данном качестве весьма интересным представляется историко-культурологическая статья аспирантки А.Г. Фот (Оренбург) «Семейный быт и родственные взаимоотношения в среде Оренбургского православного приходского духовенства (конец XIX – начало XX века)». В статье на обширном архивном материале детально реконструируется частная жизнь отдельных семей, что становится средством познания глобальных социокультурных процессов. Автор, подробно описывая бытовые условия повседневной жизни приходского православного духовенства, выявляя роль «магушки» (попадья) в жизни священника, выходит на интересные аналитические обобщения, показывая постепенное угасание традиционных культурных ценностей в эпоху модернизации.

Современные проблемы культуры повседневности исследуются в совместной статье профессора Ф.Г. Сафина и соискателя К.О. Сиразетдинова (Уфа) «Особенности этноязыковых процессов в полиэтничной городской среде (на примере Республики Башкортостан)». Авторы, используя междисциплинарный инструментарий демографии, этнографии, истории, социологии, культурологии, системно и последовательно анализируют этнодемографические факторы, оказавшие влияние на языковую и культурную идентичность, на языковые компетенции и языковое поведение населения городов в полиэтничном Башкортостане. Они приходят к выводу, что на этноязыковые процессы в современном городе принципиальное влияние оказывает полиэтничный характер его состава. При этом русский язык продолжает оставаться языком межэтнического взаимодействия.

Этнокультурные коммуникации исследуются в статье профессора Т.Ю. Быстровой (Екатеринбург) «Проект создания комикса, помогающего адаптации мигрантов к новой городской среде». Автор, используя зарубежный опыт, обобщая результаты собственных исследований и практической работы, описывает алгоритм создания программ адаптации мигрантов к городской среде, разработанный в рамках студенческого проекта, реализованного весной 2017 г. в Екатеринбургской академии современного искусства. Профессор Т.Ю. Быстрова, эффективно используя междисциплинарные методики, продемонстрировала возможно-

сти партисипационных проектов, направленных на помощь мигрантам в крупном городе в процессе их этно- и социокультурной адаптации, что в итоге способствует гармонизации социокультурных отношений и созданию единого этнокультурного городского сообщества.

Проблемы повседневной городской культуры разрабатываются и в других статьях сборника: К.А. Абдрахманов (Оренбург) «Горожанки Оренбуржья в источниках второй половины XIX – начала XX вв.»; Ю.О. Куренкова (Оренбург) «Крестьяне в городе: источники по повседневности крестьян в Оренбурге второй половины XIX – первой четверти XX вв.»; Н.П. Палецких (Челябинск) «Материально-вещная среда городской повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны» и др.

Повседневность как историко-культурная реальность оказывает свое влияние на динамику социокультурных трансформаций разнообразных социальных и этнокультурных групп городского населения, как автохтонного, так и мигрантов. Данные проблемы исследуются в ряде статей сборника: И.Я. Мурзина (Екате-

ринбург) «Субъекты городского культурно-образовательного пространства: современные реалии и перспективы взаимодействия»; О.В. Новикова, А.А. Рыбалко (Челябинск) «Этническая идентичность и этнические стереотипы в молодежной среде современного города: стабильные тенденции и динамика изменений в XXI в. (по материалам студенческой среды Челябинска)» и др.

Сборник научных статей «Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе» продемонстрировал значимость этнокультурной проблематики в междисциплинарном научном дискурсе, актуальность и продуктивность комбинирования научных методов и исследовательских методик истории, этнографии, культурологии, социологии, философии и других гуманитарных и общественных наук. Именно на пересечении как предметных областей, так и методов познания возникают инновационные научные идеи и появляются принципиально новые теоретические обобщения, востребованные в фундаментальной науке и в прикладных социокультурных программах и проектах.

Sergey S. Zagrebina. South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: drzagrebina@mail.ru

REVIEW: ANTHROPOLOGY OF CITY: SOCIOCULTURAL STRATEGIES IN A MULTI-ETHNIC SOCIETY. COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES. / EDITOR-IN-CHIEF I. R. ATNAGULOV. CHELYABINSK: FUND OF ASSISTANCE FOR PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE "PUBLIC FUND SOUTH URAL". 2018. 198 p.

Key words: anthropology; city; research methodology.

The review introduces the content of a collection of scientific articles on the anthropology of the city, published in 2018 in Chelyabinsk, to the historians. According to the reviewer, the authors of most articles raise the problem of the choice of research strategies of knowledge of ethno-cultural parameters of the city, both modern and historical retrospective.

УДК 93/94

DOI: 10.17223/19988613/61/26

Е.А. Крестьянников, С.В. Туров

**РЕЦЕНЗИЯ: ТЯПКИН М.О. РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА ПО ОХРАНЕ ЛЕСОВ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД : МОНОГРАФИЯ. БАРНАУЛ :
БАРНАУЛЬСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ, 2016. 187 с.**

Выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-59-22008 «Развитие Западной Сибири в XIX – начале XXI вв.: социально-экологические аспекты».

В рецензии дается оценка монографии алтайского историка М.О. Тяпкина о формировании лесоохранной политики Российской империи. В целом приветствуя вклад автора в разработку проблем экологической истории, рецензенты указали на ряд упущений, учет которых по их мнению, будет способствовать изучению истории лесного дела в России.

Ключевые слова: охрана леса; государственная политика; экология.

Неуклонно увеличивая свое присутствие на планете, человек – разумное и наиболее организованное биологическое существо – решает самые разнообразные задачи, выполнение которых в любом случае приводит к умножению сферы культуры и уменьшению пределов природного мира. Люди неотвратимо наращивают темпы приближения к собственному уничтожению, и исследователь, взявшийся изучать историю природоохранных мер, напоминает собой врача, дающего смертельно больному шанс, пусть мизерный, на выживание. Начальное предложение рассматриваемой монографии, подчеркивающее актуальность исследования и сформулированное как диагноз, позволяет подумать, что Михаил Олегович Тяпкин и есть тот реаниматолог, труд которого послужит спасительным для человечества образом: «Возрастающие объемы воздействия человека на окружающую среду сегодня принимают угрожающие размеры» (С. 3).

Выбранная тема и претензии на ее экологическую составляющую способны вызвать бурный читательский интерес. Сейчас доказывается, как, например, это делает основоположник социальной экологии Мюррей Букчин, что почти все современные проблемы в отношениях человека и природы происходят из укоренившихся социальных противоречий и не могут быть поняты и разрешены без осмысления развития таких конфликтов [1. Р. 19]. Вместе с тем происходит разворот в сторону гуманизации экологической истории, отраженный, скажем, в известной на Западе коллективной монографии 2009 г. «Конец природы. История и окружающая среда». В предисловии к книге провозглашена важность переориентации экологической истории на изучение человека и ставится цель «создать экологическую историю, которая интересуется окружающей средой, беспокоится о том, чтобы все формы знания, включая науку, занимали в истории видное место, и заботится о самой истории, которая, прежде всего, должна заниматься условиями жизни людей» [2. Р. VII].

Наверное, читатель обманется, ведь руководство видением истории экологических вопросов,

свойственным для иностранных ученых, и пойти заданным в первой строке своей монографии курсом автор не стремится, да и следовать такому направлению весьма затруднительно – законодательство Российской империи не озадачивалось сбережением экосистем и природных объектов; царский законодатель в принципе мало задумывался над удовлетворением потребностей подданных. Защищая окружающий мир, самодержавие охраняло, прежде всего, отношения собственности, что известно любому студенту из современных учебников [3. С. 24–25]. О чем же на самом деле намерен рассказать М.О. Тяпкин в своей книге, из введения не узнать: после рассуждений о важности леса и его охранения, он знакомит с чужими теоретическими изысканиями в области «концептуальных подходов» к пониманию «функций государства» (С. 4–8), делая для историка дальнейшее чтение менее занимательным, но более интригующим.

Тем не менее, как заявлено в аннотации, монография адресована «специалистам, занимающимся изучением отечественной истории дореволюционного периода». Принцип структурирования предельно прост: первая глава посвящена развитию системы управления лесным хозяйством империи (С. 9–139); вторая – призвана осветить меры правоохранительного характера по преследованию нарушителей законодательства об охране лесного фонда (С. 140–182). Уже сама структура исследования вызывает вопросы. Почему последний из трех параграфов первой главы труда, написанного о всей России, изучает «особенности региональных лесоохранных систем» лишь «на примере юга Западной Сибири», подразумевая алтайские просторы Томской губернии? Почему рубеж между двумя параграфами второй главы обусловлен судебной реформой 1864 года? Ни в первом, ни во втором случае логика не объясняется. Несомненно, она продиктована какими-то утилитарными соображениями. Но невозможно отразить общие тенденции, отталкиваясь от образчика нетипичной для гетерогенной страны части (даже не гу-

бернии или области) весьма специфического региона (Сибири); нельзя в положениях Судебных уставов Александра II найти того, что бы внесло существенный перелом в преследование или наказание злоумышленников, нарушивших изучаемые правила.

Вероятно, автор слишком полагался на содержание источников, которые и определяли его исследовательские приоритеты, не попытавшись самостоятельно вычленив, сформулировать и осмыслить те проблемные узлы, которые бы действительно внесли вклад в науку. Источниковая же база исследования небогата, и, очевидно, погружение в нее не потребовало значительных усилий. Законодательные акты, скудно дополненные периодической печатью и делопроизводственной документацией, извлеченной из нескольких архивов, а также некоторыми справочниками, с использованием небольшого количества исследований предшественников – весьма слабая основа для научных прорывов в области изучения двухвекового развития крайне важных вопросов истории страны.

В аннотации заявляется (во введении отсутствует попытка формулировки цели и задач), что «основное внимание уделено анализу законотворческой деятельности государства в указанной сфере, деятельности уполномоченных органов и учреждений по охране лесов от самовольных порубок и пожаров». Законотворчество на имперском уровне в сфере лесоохраны М.О. Тяпкин действительно анализирует подробно, правда, в качестве информационного сырья используя лишь работы предшественников и законодательство, опубликованное по преимуществу в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ). Если для XIX – начала XX в. такой источниковедческий метод (применение только опубликованных актов) может быть оправдан, то для XVIII в. – никак [4. С. 24–25]. Впрочем, историк знает об этом, поскольку повторяет в своем исследовании (С. 11) подсчеты Э.Г. Истоминой. Согласно им, лишь «первый русский император издал около 200 указов, которые так или иначе регламентировали вопросы функционирования лесной отрасли». Еще 140 подобных указов, принятых между 1725 и 1801 гг., насчитал А.В. Дулов [5. С. 12]. Излишне говорить, что далеко не все из этих законов попали в ПСЗРИ, однако автора это обстоятельство не смущает. Ему удалось также обойтись без обращения к архивным фондам «уполномоченных органов и учреждений», да и вообще без каких-либо архивных фондов – одна ссылка на два листа из дела, хранящегося в РГАВМФ (С. 34), при анализе эффективности деятельности управленческих структур в деле охраны лесов от самовольных порубок и пожаров. Неудивительно поэтому, что и здесь он зачастую вынужден соглашаться с мнением более ранних исследователей.

Вместе с тем институциональная история становления и дальнейшей эволюции государственного управления лесами Михаилом Олеговичем прослежена подробно и со знанием дела. Особенно выигрышно смотрится в этом отношении часть работы, посвященная

тем самым «особенностям региональных лесоохранных систем в XVIII – начале XX в. (на примере юга Западной Сибири)». Для данной реконструкции автор привлекает архивные материалы Главного управления Западной Сибири и других структур, имевших отношение к лесоохране в регионе в XIX – начале XX в. Того же нельзя сказать о XVIII в. Пренебрежение возможностями неопубликованных источников, а зачастую и работами предшественников, не позволило историку создать более-менее целостную картину законодательных и организационных усилий государства в деле охраны лесов рассматриваемого региона. Так, началом горнозаводского лесоохранного законодательства он считает указ Сената от 2 июня 1725 г., которым была отвергнута инициатива главы горнозаводской администрации Уральских заводов генерал-майора Георга де Генина о назначении форштмейстера «для охранения при тамошних заводах лесов» (С. 99–100). Однако первым законодательным актом, регулирующим горнозаводское лесопользование, скорее всего, стал манифест 1719 г., изданный по поводу учреждения на Урале медеплавильных заводов: тут определялись размеры «лесных дач» этих предприятий. Манифестом воспрещалось, до особого указа, строить на Урале новые железоделательные заводы «для медных руд, чтобы в дровах оскудения не было» [6. С. 211]. Что касается Алтайского (Кольвано-Воскресенского) горнозаводского округа, то никакого «регулирования лесоохранных систем» М.О. Тяпкин не замечает вплоть до 1786 г., т.е. до введения здесь в действие проекта Лесного устава. Между тем первым законодательным актом, регулирующим промышленное лесопользование в районе действия алтайского промышленного комплекса, являлся указ от 12 марта 1747 г., запрещавший строительство любых частных предприятий на территории горного округа. Как отмечает Т.И. Агапова, по видимому, были случаи нарушения указа, так как в 1761 г. его пришлось продублировать [7. С. 210]. Таким образом, не только законодательство, но и основы рационального лесопользования в Алтайском горном округе формировались задолго до введения проекта Лесного устава. Неудачное расположение Кольвановских заводов вдали от крупных лесных массивов и умеренные рубки привели к погашению в 1766 г. заводских плавильных печей. Более таких ошибок администрация горного округа себе не позволяла. Так, первоначально предполагалось, что основанный в 1763 г. Новолоктевский завод возьмет на себя часть плавильного производства Барнаульских заводов, но от этого замысла отказались, так как расчеты показали отсутствие достаточных запасов леса [8. С. 155–156].

На примере Новолоктевского завода видно, что выработывалась новая система промышленного лесопользования, скорее всего, без какого-либо участия центральных лесоохранных структур. Законодатель просто не усматривал необходимости в охране сибирских лесов. Древесину было невозможно экспортировать или

употребить на нужды Адмиралтейства, редкость населения и «неисчерпаемость» лесных богатств также являлись поводом оставить леса Сибири без надлежащего государственного попечения. Автор хорошо описывает данное положение дел (С. 99–101), однако не догадывается, что за ситуацией пристально следила местная администрация. Более того, складывается, выражаясь терминологией Михаила Олеговича, «региональная лесоохранная система». Удручающее состояние лесов в сельскохозяйственной полосе региона время от времени подвигало сибирские власти на самостоятельную регламентацию лесопользования. Самый ранний такой опыт из известных авторам рецензии относится к 1755 г., когда Тобольская губернская канцелярия озабочилась сохранением кедровых лесов: «Чтобы в хорошее и всякое строение лесу, особливо матерого кедровника напрасно и тщетно для малых своих бездельных корыстей, кроме существующих надобностей и нужд, отнюдь не опустошали и не рубили, а потребные с тех кедров орешки и шишки обирали, а не подрубали бы не только всего дерева, но и сучья берегли» [9. С. 64].

Кроме неосторожного обращения с огнем непосредственно в лесу, сибирским лесам угрожали так называемые палы. Они предназначались, прежде всего, для выжигания прошлогодней травы на покосах. Ежегодно «палы» приводили к катастрофическим последствиям [10]. В наиболее отчетливой форме подтверждение этому находим в материалах ревизии генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова середины XIX в.: «Во всей Западной Сибири существует между крестьян обычай опаливать леса; обычай этот, основанный на мысли, будто бы травы лучше от этого произрастают, бывал нередко причиною истребления десятков тысяч десятин лесу». Главное управление Западной Сибири, опираясь на выводы ревизии, предложило вовсе запретить палы. Однако по представлению Совета Министерства государственных имуществ, справедливо посчитавшего такое решение вопроса неосуществимым, император утвердил 20 февраля 1853 г. лишь ограничения для спуска палов [11. С. 109–112].

Задумывая вторую главу, М.О. Тяпкин, вероятно, проникся мыслью, что «историю лесных установлений можно писать как историю их нарушений» [12. С. 187]. В ней также заметен недостаток фактологии, особенно в той части, где речь идет о непосредственном применении законодательных санкций по отношению к нарушителям лесоохранного законодательства. Так, для XVIII в. у автора нашелся только один подобный пример и тот общеизвестен. Речь о вырубках в заповедных «при Санкт-Петербурге рощах» в 1720 г. Виновников, с попустительства которых были допущены эти правонарушения, сослал на галеры (С. 150). По уже сложившейся традиции эту жутковатую историю Михаил Олегович извлек из ПСЗРИ. Между тем даже местные сибирские материалы дают примеры подобного рода. Так, в 1773 г. тобольский губернатор Д.И. Чичерин издал гневное распоряжение в отношении кре-

стьянина А. Филатова и деньщика М. Бабайкова. Первого предлагалось высечь плетью, а второго батожем за порубки в рощах, которые были «для пользы и удовольствия всего гражданства и для гуляния подчищены с немалым трудом близ самого города» [13. С. 5].

Следует констатировать, что лесоохранная правоприменительная практика по части санкций в сравнении с петровским временем тогда значительно смягчилась. Еще одним подтверждением данного заключения может служить дело, возбужденное Тюменской воеводской канцелярией в 1764 г. по факту лесного пожара в связи с неосторожным обращением с огнем близ д. Богандинской. Причем данный лесной пожар заинтересовал администрацию, по-видимому, только потому, что сгорел заготовленный здесь строевой казенный лес. Виновником пожара был признан разночинец д. Головиной Богандинской волости Пышминского стана Малентьев. По отношению к Малентьеву был применен указ Елизаветы Петровны от 30 июля 1747 г., гласивший буквально следующее: «...чтобы губернатор и воеводы смотрели накрепко, дабы проезжающие дорогами разных чинов люди в раскладывании огней осторожно поступали и для варения пищи огня имели от мостов и от лесов во отдалении, и тот огонь при отъезде станов конечно б заливали, и для того смотрения иметь непременно разъезды, и где по приезде проезжающих с станов, явится огонь не залит, повелеть оный заливать в самой скорости, дабы от того в лесах пожаров не было, а буде где в лесах учинится пожар, оный велеть тушить в самой скорости. Ежели кто из проезжающих, чьи люди и крестьяне при отъезде, огня не залив, съедут и в том подлинно изблечены будут, за то таких людей из крестьян сечь бодожьем на страх других». Малентьева, между прочим, «за дряхлостью» от порки освободили, но высекли десятского за то, что своевременно не организовал тушение пожара и для этого потребовалось вмешательство воеводской канцелярии. Кроме того, с крестьянского общества взыскали 1 руб. 17 коп. – стоимость сгоревшего казенного леса [14. С. 37–38].

В XIX столетии в связи с промышленным переворотом интенсивность антропогенного воздействия на природу чрезвычайно усилилась, а значение борьбы с деятельностью лиц, наносивших ущерб лесным угодьям, значительно возросло. Во втором параграфе главы («Преследование нарушений Лесного устава в судебном и административном порядке во второй половине XIX – начале XX в.») Михаил Олегович наверно по инерции продолжил делать ставку на ПСЗРИ и работы дореволюционных исследователей, сослался несколько раз на пару журналов «лесной» направленности и документы одного архива. Между тем речь идет об изобильном на разнообразные исторические источники периоде, когда, скажем, скрупулезно собирались статистические данные, а периодическая печать – кладезь богатейшего материала эпохи любой тематики – получила широкое развитие даже в самых удаленных от центра уголках империи. Внимательное и ревностное отно-

шение к источникам помогло бы серьезно расширить исследовательскую проблематику и ответить на ключевые вопросы, которые, к сожалению, не нашли отражения. Так, не замечено определения размеров урона от нарушений лесных правил, значит, невозможно дать оценку накалу той борьбы, которая развернулась против вредителей лесному фонду, вообще, непонятно, насколько злоумышленники в изучаемой сфере обременяли органы государственной власти, а эффективность деятельности последних оценивается лишь вскользь.

К примеру, по сведениям годовых отчетов лесного ведомства, в одних лишь казенных лесах Европейской России в 1894–1900 гг. совершалось порубок и похищенный леса на сумму от 181 470 до 406 044 руб. ежегодно [15. С. 235]. Когда столыпинская аграрная реформа подвигла на переселение миллионные массы, ситуация становилась близкой к катастрофической в регионе, который более остальных интересует М.О. Тяпкина. В алтайских уездах число нерешенных дел мировой подсудности по нарушению Лесного устава резко увеличивалось: к 1 января 1907 г. их было 14 779 на сумму исков в 190 379 руб., а к 1 января 1910 г. уже 41 286 и 393 800 руб. соответственно. Начальник Алтайского округа В.П. Михайлов 12 ноября 1910 г. в ходатайстве на имя управляющего Кабинетом его императорского величества констатировал, что мировые судьи «физически не могли одолеть ту массу дел», которые поступали к ним по статьям о нарушении Лесного устава, они были «задавлены и завалены работой» [16. Л. 1 об., 2 об.]. Депутат Государственной думы от Тобольской губернии и губернский агроном Н.Л. Скалозубов в 1908 г. рассказывал о самовольных порубках как настоящем стихийном бедствии, неподконтрольном региональным властям. Он указывал, что у тобольского мирового судьи только за полгода возникало 230 таких

дел, а горожане и крестьяне оказались «озлоблены против этого порядка» (говорится об активизации борьбы с порубщиками), «чуть ли не разнесли камеру мирового судьи» [17. С. 6].

Также в работе чувствуется дефицит контекста и компаративистики, детализации и антропологии. В связи с этим исследование представляется слишком описательным, не проблемным и набросанным широкими штрихами, изложение недостаточно встраивается в общеисторические процессы и крупными блоками существует само по себе. Некоторые сюжеты лишены всякого смысла. Наверное, только в видах удовлетворения любопытства неразборчивого читателя в тексте без пояснений зачем-то приводится подробный с помесечной разбивкой календарь работы лесников в течение года (С. 68–70). Имеющийся же контекст иногда грешит неясностью. Например, в разделе, посвященном явлениям общероссийского масштаба, говорится о совмещении следовательских, судейских и нотариальных функций в руках мировых судей (С. 176). Интересно, знает ли Михаил Олегович, что рассказывает об уникальном сибирском порядке судостроительства, действовавшем с 1897 г. (схож лишь с организацией юстиции примерно того же времени в Архангельской и Черноморской губерниях, Центральной Азии и Закаспийской области), который, кстати говоря, из-за своей чрезмерной подвижности серьезно препятствовал судьям осуществлять правосудие, в том числе по «лесным» делам [18, 19]?

Впрочем, уже сама тема монографии носит новаторский характер, а при производстве нового продукта трудно избежать ошибок и несовершенств. Авторы рецензии надеются, что обозначили некоторые ориентиры для последующих научных изысканий М.О. Тяпкина, в том числе в области постижения вопросов экологической истории, заявленных ученым, но получивших мало ответов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bookchin M. Social Ecology and Communalism. Oakland; Edinburgh : AK Press, 2006.
2. Nature's End. History and the Environment / eds. Sverker Sorlin and Paul Warde. London : Palgrave Macmillan, 2009.
3. Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Чаркин С.А. Экологическое право России : учеб. для бакалавров. М. : Юрайт, 2012.
4. Грицкевич В.П., Кун С.Б., Ходин С.Н. Теория и история источниковедения : учеб. пособие для студ. заоч. отд. гуманитар. фак-в вузов. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2000.
5. Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX вв.). М. : Наука, 1983.
6. Любимов П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М. : Госполитиздат, 1947.
7. Агапова Т.И. Возникновение и развитие кабинетского хозяйства на Алтае в XVIII в. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск : СО АН СССР, 1962. Вып. 1. С. 207–229.
8. Туров С.В. Взаимодействие горнозаводских комплексов Урала и Алтая с геосредой в XVIII в. // Проблемы географии и экологии Западной Сибири. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1998. Вып. 3. С. 155–161.
9. Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк за XVII и XVIII столетия). С приложением списка населенных мест Кольванской области за 1782 г. Томск : Типо-литография М.Н. Кононова и И.Ф. Скулименного, 1898.
10. Туров С.В. Применение огня в хозяйственном быту русских крестьян Западной Сибири в XVII – первой половине XIX в. // Духовная культура Сибири (проблемы межнациональных связей, философии, филологии и истории). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1994. С. 81–92.
11. Туров С.В. Природопользование русских старожилов Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.): очерки этнической экологии. Екатеринбург : Баско, 2007.
12. Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
13. О распоряжах Чичерина в Тобольске: сорок архивных документов с предисловием действительного члена Тобольского губернского статистического комитета Е.В. Кузнецова. Тобольск : Губернская типография, 1891.
14. Туров С.В. Правительственная регламентация агропромышленного лесопользования в Западной Сибири (XVIII – начало XIX вв.) // Тюменский исторический сборник. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. Вып. 3. С. 35–42.
15. Лукашевич А. К вопросу о пересмотре законодательства о лесных порубках // Юрист. 1905. № 7. С. 235–237.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 468. Оп. 24. Д. 1507.
17. Скалозубов Н.Л. Впечатления и заметки (из поездки в Тобольскую губернию в 1908 г.) // Сибирские вопросы. 1909. № 24. С. 3–11.
18. Krest'iannikov E.A. Realizatsiia Idei Sud'i-Sledovatel'ia v Mirovoi Iustitsii Dorevoliutsionnoi Sibiri // Cahiers du Monde russe. Vol. 58. 2017, № 4. P. 555–588.

19. Krestiannikov E.A. Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20, № 2. P. 315–344.

Evgeniy A. Krestyannikov. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: krest_e_a@mail.ru

Sergei V. Turov. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: svtur57@mail.ru

REVIEW: TIAPKIN M.O. FOREST CONTROL AND PROTECTION BY THE STATE DURING THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD: MONOGRAPH. BARNAUL: BARNAUL'SKII IURIDICHESKII INSTITUT MVD ROSSII, 2016. 187 P.

Keywords: Environmental history; legislation; forest protection; M.O. Tiapkin.

The environmental and historical approach to the study of various historical events and phenomena is becoming increasingly recognized and popular throughout the world, gaining adherents among Russian historians. The book by M.O. Tiapkin meaning application of the specified approach is exposed to the critical analysis in this review. The monograph is devoted to the state policy of the government of the Russian Empire on the protection of forests, embodied in the domestic legal system. However, the imperial legislation is not puzzling aspirations to preserve natural sites, and protecting the world around us, care primarily about a property. Reviewers believe that already therefore the author was in a difficult situation, and, eventually, could not connect consistently in a uniform research perspective of ecological history and development of imperial laws. Probably, the content of the factual material determined the research priorities of M.O. Tiapkin, and he did not try to independently isolate, formulate and comprehend those problems that would really contribute to science. Meanwhile, the circle of sources known to the author is not rich and is not the strong basis for commission of scientific breaks. The legislative instruments, poorly supplemented with periodicals and records obtained from several archives, as well as some reference books and small amount of research of predecessors used. Actually, legislation was studied to a greater extent on the basis of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, without searching for relevant acts in the archives, which also does not allow for a high assessment of the source base of the work under review. At the same time, there is a lack of context and comparative studies, detailing and anthropology in the work, some plots seem meaningless, and on some issues the reader is misleading. It can be assumed that part of the flaws of the monograph is caused by its innovative nature, but at the same time it is not without pluses. These include the reconstruction of regional forest protection systems in the 19 – early 20 centuries. on the example of the south of Western Siberia. The content of the book examines an important topic for science, the reviewers are trying to draw attention to the development prospects of which. In particular, it seems useful to examine in greater detail the increase in the intensity of anthropogenic impact on nature associated with the industrial revolution, which incredibly increased the importance of combating the activities of persons who caused damage to forest land, leading to serious advances in forest protection legislation and the system of sanctions for its violations.

REFERENCES

1. Bookchin, M. (2006) *Social Ecology and Communalism*. Oakland; Edinburgh: AK Press.
2. Sorlin, S. & Warde, P. (2009) *Nature's End. History and the Environment*. London: Palgrave Macmillan.
3. Anisimov, A.P., Ryzhenkov, A.Ya. & Charkin, S.A. (2012) *Ekologicheskoe pravo Rossii* [Russian Environmental Law]. Moscow: Yurayt.
4. Gritskevich, V.P., Kun, S.B. & Khodin, S.N. (2000) *Teoriya i istoriya istochnikovedeniya* [Theory and History of Source Studies]. Minsk: Belarusian State University.
5. Dulov, A.V. (1983) *Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii (konets XV – seredina XIX vv.)* [Geographical environment and history of Russia (the late 15th – mid 19th centuries)]. Moscow: Nauka.
6. Lyubimov, P.G. (1947) *Ocherki po istorii russkoy promyshlennosti* [Essays on the history of Russian industry]. Moscow: Gospolitizdat.
7. Agapova, T.I. (1962) Vozniknovenie i razvitie kabinetskogo khozyaystva na Altae v XVIII v. [The emergence and development of cabinet economy in Altai in the 18th century]. In: Shunkov, V.I. (ed.) *Sibir' perioda feodalizma* [Feudal Siberia]. Issue 1. Novosibirsk: SB RAS. pp. 207–229.
8. Turov, S.V. (1998) Vzaimodeystvie gornozavodskikh kompleksov Urala i Altaya s geosredoy v XVIII v. [Interaction of mining complexes of the Urals and Altai with the geological environment in the 18th century]. In: *Problemy geografii i ekologii Zapadnoy Sibiri* [Problems of geography and ecology of Western Siberia]. Issue 3. Tyumen: Tyumen State University. pp. 155–161.
9. Belikov, D.N. (1898) *Pervye russkie krest'yane-nasel'niki Tomskogo kraya i raznye osobennosti v usloviyakh ikh zhizni i byta (obshchiy ocherk za XVII i XVIII stoletiya)*. *S prilozheniem spiska naseleennykh mest Kolyvanskoj oblasti za 1782 g.* [The first Russian peasants in the Tomsk Territory and various features in the conditions of their life (a general outline for the 17th and 18th centuries). With the list of settlements of Kolyvan region for 1782]. Tomsk: Tipo-litografiya M.N. Kononova i I.F. Skulimovskogo.
10. Turov, S.V. (1994) Primenenie ognya v khozyaystvennom bytu russkikh krest'yan Zapadnoy Sibiri v XVII – pervoy polovine XIX v. [The use of fire in the economic life of Russian peasants in Western Siberia in the 17th – first half of the 19th century]. In: *Dukhovnaya kul'tura Sibiri (problemy mezhnatsional'nykh svyazey, filosofii, filologii i istorii)* [The spiritual culture of Siberia (problems of interethnic relations, philosophy, philology and history)]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 81–92.
11. Turov, S.V. (2007) *Prirodopol'zovanie russkikh starozhilov Zapadnoy Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.): ocherki etnicheskoj ekologii* [Nature management of Russian old-timers in Western Siberia (the 18th – first half of the 19th century): Essays on ethnic ecology]. Ekaterinburg: Basko.
12. Radkau, J. (2014) *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchey sredy* [Nature and power. World Environment History]. Translated from German. Moscow: HSE.
13. Tobolsk Provincial Statistical Committee. (1891) *O rasporyadkakh Chicherina v Tobol'ske: sorok arkhivnykh dokumentov s predisloviem deystvitel'nogo chlena Tobol'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta E.V. Kuznetsova* [About Chicherin's routines in Tobolsk: forty archival documents with a preface by the full member of the Tobolsk provincial statistical committee E.V. Kuznetsova]. Tobolsk: Gubernskaya tipografiya.
14. Turov, S.V. (1999) Pravitel'stvennaya reglamentatsiya agropromyslovogo lesopol'zovaniya v Zapadnoy Sibiri (XVIII – nachalo XIX vv.) [Government regulation of agricultural forest management in Western Siberia (the 18th – early 19th centuries)]. In: Sokova, Z.N. (ed.) *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen Historical Collection]. Issue 3. Tyumen: Tyumen State University. pp. 35–42.
15. Lukashevich, A. (1905) K voprosu o peresmotre zakonodatel'stva o lesnykh porubkakh [On the revision of legislation on forest felling]. *Yurist*. 7. pp. 235–237.
16. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 24. File 1507.
17. Skalozubov, N.L. (1909) Vpechatleniya i zametki (iz poezdki v Tobol'skuyu guberniyu v 1908 g.) [Impressions and notes (from a trip to the Tobolsk province in 1908)]. *Sibirskie voprosy*. 24. pp. 3–11.
18. Krestiannikov, E.A. (2017) Realizatsiya Idei Sud'i-Sledovatelya v Mirovoi Iustitsii Dorevoliutsionnoi Sibiri [The idea of judge-investigator in the lay justice in the pre-revolutionary Siberia]. *Cahiers du Monde russe*. 58(4). pp. 555–588.
19. Krestiannikov, E.A. (2019) Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 20(2). pp. 315–344. DOI: 10.1353/kri.2019.0022.

УДК 94(57)

DOI: 10.17223/19988613/61/27

В.П. Зиновьев

РЕЦЕНЗИЯ: «ИСТОРИЯ АЛТАЯ». Т. 2: АЛТАЙ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XX в. / РЕД. В.А. СКУБНЕВСКИЙ. БАРНАУЛ : ИЗД. АЛТ. УН-ТА, 2019. 300 с.

Дается краткая оценка новой версии истории жемчужины России – Алтайского края, подготовленной новым поколением алтайских историков под редакцией профессора В.А. Скубневского.

Ключевые слова: история Алтая; В.А. Скубневский.

Мои предки с Алтая, поэтому я внимательно слежу за литературой о крае. Краеведческая литература Алтая разнообразна, интересна и научна по своему содержанию и сути. Она учит жителей края любви к своей малой родине, удивительному созданию природы и человека. Администрация, историки, учителя, музейеды Алтая показывают другим регионам России пример служения Родине, неустанной краеведческой работой формируя историческое самосознание населения края. По частным сюжетам локальной истории книги и статьи выходят постоянно и требуют обобщения. Рецензируемая рукопись представляет собой четвертый вариант истории Алтайского края. Ранее опубликованные «История Алтая. Часть 1. Учебное пособие», «Алтай в эпоху капитализма. Учебное пособие» [1], «Очерки истории Алтайского края» [2] под редакцией А.П. Бородавкина, «История Алтая» Ч. 1 под редакцией А.П. Анашкина и В.А. Скубневского [3] быстро разошлись, что свидетельствует о высоком спросе на популярную и учебную литературу в Алтайском крае. Книжки эти сейчас уже в значительной мере устарели и концептуально и по наполнению фактическим материалом. Этим объясняется необходимость публикации нового варианта истории региона.

Новая версия истории Алтая подготовлена в значительной степени и новым поколением историков, которые являются авторами глубоких исследований по частным сюжетам истории своего родного края (Ю.А. Абрамова, Д.С. Бобров, Б.В. Боборыкин, В.В. Ведерников, А.В. Контев, А.Е. Кухаренко, И.Н. Никулина, Е.А. Носова, А.А. Пережогин, К.А. Пожарская). Отражены в книге и последние исследования их учителей и старших коллег О.Г. Левашевой, В.А. Скубневского, Т.Н. Соболевой, Т.М. Степанской, Т.Г. Черняевой, А.А. Храмова.

В основных чертах новая версия научно-популярной истории Алтая не отходит от традиционных трактовок присоединения Алтая, его хозяйственного освоения, социально-экономического развития основных сфер производства. Вместе с тем авторы отошли от жестких классовых схем прежнего понимания истории, включили в научный оборот много новой

информации, особенно по истории Кабинетского горнозаводского, лесного, земельно-водного хозяйства, управления округом, его охраны, по истории городов, частной промышленности и транспорта, общественной жизни и социальных движений. История Алтая в представленном виде более полнокровная и интересная, чем ранее.

Книга читается легко, не перегружена терминами, сносками и примечаниями. Для популярной книги это плюс. Фундированность же текста подтверждается солидным списком источников и литературы, явно только основной, а не всей, которая была использована авторами при подготовке текста. К месту приведены иллюстрации, число которых можно бы увеличить.

Вместе с тем книга показывает, что историкам Алтайского края есть еще над чем работать. Положительно оценивая содержание книги, стоит отметить, что больше внимания стоило бы уделить характеристике уникальности горнозаводского хозяйства на Алтае, показать более выпукло общероссийское значение кабинетского хозяйства на Алтае как финансовой опоры дома Романовых, тем более, что этот сюжет детально прослежен в монографии А.Н. Жеравиной [4].

Авторы, на мой взгляд, чрезмерно увлеклись деталями истории горнозаводского производства в ущерб истории горнозаводского сообщества. Стоило бы больше внимания уделить жизни уникального для России общества горных инженеров. Встречаются неудачные названия разделов, например: «Противоположные тенденции в развитии региона в 60-х – первой половине 90-х гг. XIX в.» (Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко). Книга популярная и названия могли быть не такими загадочными. В целом же редактору и авторам удалось удачно совместить популярность и научность, хотя порой гордость краеведа выглядывает из-за плеча историка-аналитика.

В целом же текст книги научен и вместе с тем интересен и понятен для неискушенного читателя, что соответствует требованиям Н.М. Карамзина к содержанию книг по истории Отечества. Уверен, что новая версия «Истории Алтая» будет позитивно воспринята читателями не только в Алтайском крае, но и в других регионах России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтай в эпоху капитализма / ред. А.П. Бородавкин. Барнаул, 1986. 272 с.
2. Очерки истории Алтайского края / ред. А.П. Бородавкин. Барнаул : Алт. книж. изд-во, 1987. 448 с.
3. История Алтая. Часть I: С древнейших времен до 1917 года: учебное пособие / под ред. А.П. Анашкина и В.А. Скубневского. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. 480 с.
4. Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск : Издательство Томского университета, 2005. 322 с.

Vasily P. Zinoviev, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vpz@tsu.ru

REVIEW. "HISTORY OF ALTAI" VOL. 2. ALTAI IN THE LATE XVII-EARLY XX CENTURY. ED. V.A. SKUBNEVSKIY. BARNAUL: ED. ALT. UN-TA, 2019. 300 p.

A brief assessment of the new version of the history of the pearl of Russia – the Altai territory, prepared by a new generation of Altai historians, edited by Professor V.A. Skubnevsky, is given.

Keywords: history of Altai; V.A. Skubnevsky.

REFERENCES

1. *Altai v epokhu kapitalizma* (1986). [Altai in the era of capitalism] / red. A.P. Borodavkin. Barnaul, 272 p.
2. *Ocherki istorii Altayskogo kraya* (1987). [Essays on the history of the Altai territory] / red. A.P. Borodavkin. Barnaul: Altayskoe knizhnoe izdatelstvo, 448 p.
3. *Istoria Altaya. Chast I. S drevneyshih vremen do 1917 goda: uchebnoe posobie* (1995) [History of Altai. Part I. from ancient times to 1917: a textbook] / pod red. A.P. Anashkina i V.A. Skubnevskogo. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo universiteta, 480 p.
4. Zheravina A.N. (2005), *Kabinetnoe hozyaystvo v Sibiri (1747-1861gg.)*. [Cabinet agriculture in Siberia (1747-1861)] Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 322 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКИШИН Михаил Олегович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: Akishin-MO@yandex.ru

АЛЕКСЕЕВА Сардаана, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнографии гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии (Якутск). E-mail: alexeeva_sar@mail.ru

БЕРСЕНЕВ Максим Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: m.bersenev@gmail.com

БОЧАРНИКОВА Марта Владимировна, преподаватель кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук, аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: bmartav@mail.ru

ВИНОГРАДОВ Павел Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры естественно-научных дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. E-mail: supwin26@mail.ru

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ГАМАН Лидия Александровна, доцент, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных и социальных наук Северского технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета Московского инженерно-физического института (НИЯУ МИФИ). E-mail: GamanL@yandex.ru

ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: gololobov.eig@yandex.ru

ДАМЕШЕК Ирина Львовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета. E-mail: dameshek@rambler.ru

ДАМЕШЕК Лев Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета. E-mail: levdamshek@gmail.com

ДОРОШЕНКО Ольга Петровна, проректор по учебно-методической работе Томского института переподготовки кадров и агробизнеса, соискатель кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: dor@tipkia70.ru

ДРУГОВА Елена Анатольевна, кандидат философских наук, директор Центра кадровых технологий Национального исследовательского Томского государственного университета; старший научный сотрудник Сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии», Тюменский государственный университет. E-mail: e.a.drugova@gmail.com

ЖУКОВ Артем Евгеньевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: zhukovAEchel@yandex.ru.

ЗАГРЕБИН Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Этнография народов Южного Урала» Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск). E-mail: drzagrebin@mail.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

ЗИНОВЬЕВА Валентина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

КОВГАНОВ Сергей Яковлевич, соискатель кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail kovsy@yandex.ru

КРАСИЛЬНИКОВА Екатерина Ивановна, доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail: katrina97@yandex.ru

КРЕСТЬЯННИКОВ Евгений Адольфович, доктор исторических наук, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru

КУДРЯШЕВ Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и документоведения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kvn18011962@yandex.ru

МАЙОРОВ Александр Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.v.maiorov@gmail.com

МАМОНОВА Юлия Олеговна, магистрант кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета. E-mail: iulia.mamonova@gmail.com

МИРКИН Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vvmvcv@gmail.com

НАУМОВА Наталья Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: if.tgu@mail.ru

ПАРУНИН Алексей Владимирович, Главный специалист Государственного научно-производственного центра по охране культурного наследия Челябинской области (Челябинск). E-mail: therion12399@gmail.com

ПЕРОВА Марина Андреевна, ассистент, аспирант 4-го года обучения Курганского государственного университета. E-mail: perova_marina91@mail.ru

ПУШКАРЕВ Андрей Александрович, инженер-исследователь лаборатории междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: supdron@gmail.com

РАСКОЛЕЦ Виктор Владимирович, лаборант научно-учебной исследовательской лаборатории «Сибирь: исторические традиции и современность», кафедра российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: predator-101@mail.ru

РАГОЗИН Герман Сергеевич, ассистент кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск). E-mail: gragozin92@gmail.com

РОГАЕВА Ирина Евгеньевна, аспирант кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

РУМЯНЦЕВ Петр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: petroom@mail.ru

СКОПА Виталий Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры историко-культурного наследия и туризма Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул). E-mail: sverhtitan@rambler.ru, skopa_va@altspu.ru

СОРОКИН Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. E-mail: soranhist@yandex.ru

ТУРОВ Сергей Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета. E-mail: svtur57@mail.ru

УШНИЦКИЙ Василий Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнографии института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск). E-mail: voma@mail.ru

ШАЛАМОВ Владимир Александрович, кандидат исторических наук доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета. E-mail: Wladimir13x@ya.ru

ШУЛЬМИН Максим Петрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: scoobi@inbox.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2019 № 61

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – В.С. Воробьева

Подписано к печати 22.10.2019 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 24,2. Тираж 50 экз. Заказ № 4046. Цена свободная.

Дата выхода в свет 29.10.2019 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь В.С. Воробьева
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Veronica Vorobyeva
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru